ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2020 № 1(15)

ЛФ
литературный факт

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
“LITERARY HERITAGE”

LITERARY FACT

Academic journal

Published since 2016

2020. No. 1 (15)

16+

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

Издается с 2016 г.

2020. № 1 (15)

16+

Литературный факт: научный журнал. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – № 1 (15). – 520 с.
ISSN 2541-8297

Основан в 2016 г. Выходит 4 номера в год

Редакция

Олег Анатольевич Коростелев (главный редактор)
Сергей Игоревич Панов (заместитель главного редактора)
Владислав Александрович Резвый (выпускающий редактор)
Виктория Юрьевна Попова, Михаил Викторович Строганов (редакторы)
Ольга Владимировна Федунина (ответственный секретарь)

Редколлегия

Константин Маркович Азадовский, Германская академия языка и литературы (Дармштадт, Германия / Санкт-Петербург)
Алексей Юрьевич Балакин, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
Николай Алексеевич Богомолов, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Наталья Васильевна Корниенко, ИМЛИ РАН (Москва)
Вячеслав Анатольевич Кошелев, Арзамасский филиал Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас / Великий Новгород)
Александр Васильевич Лавров, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, (Санкт-Петербург)
Игорь Евгеньевич Лощилов, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Дарья Сергеевна Московская, ИМЛИ РАН (Москва)
Вадим Владимирович Полонский, ИМЛИ РАН (Москва)
Федор Борисович Поляков, Институт славистики Венского университета (Австрия)
Олег Анатольевич Проскурин, университет Эмори (Атланта, Джорджия, США)
Абрам Ильич Рейтблат, ИД «Новое литературное обозрение» (Москва)
Андрей Львович Топорков, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)
Марина Ивановна Щербакова, ИМЛИ РАН (Москва, Россия)

Международный редсовет

Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия)
Андрей Леонидович Зорин, Оксфордский университет (Великобритания) / Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)
Дмитрий Павлович Ивинский, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)
Павел Михайлович Лавринец, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)
Джон Малмстад, Гарвардский университет (Бостон, США)
Геннадий Владимирович Обатнин, университет Хельсинки (Финляндия)
Леа Лембитовна Пильд, Тартуский университет (Тарту, Эстония)
Даниела Рицци, университет Ca' Foscari (Венеция, Италия)
Александр Федорович Строев, Университет Новая Сорбонна–Париж 3 (Париж, Франция)
Роман Давидович Тименчик, Еврейский университет (Иерусалим, Израиль)
Лазарь Соломонович Флейшман, Стэнфордский университет (Пало-Алто, США)
Манфред Шруба, Миланский университет (Милан, Италия)

Literary Fact. Academic journal. – Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 2029. – No. 1 (15). – 520 p.
ISSN 2541-8297

Founded in 2016. Quarterly edition

Editors

Oleg Korostelev (Editor-in-chief)
Sergei Panov (Deputy Editor-in-chief)
Vladislav Rezvyi (Executive Editor)
Victoria Popova, Mikhail Stroganov (Editors)
Olga Fedunina (Managing Editor)

Editorial Board

Konstantin Azadovsky, German Academy for Language and Literature (Darmstadt, Germany / Saint-Petersburg, Russia)
Alexei Balakin, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Nikolay Bogomolov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Natalia Kornienko, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vyacheslav Koshelev, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch (Arzamas / Veliky Novgorod, Russia)
Alexander Lavrov, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS (Saint-Petersburg, Russia)
Igor' Loshchilov, Institute of Philology, Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia)
Darya Moskovskaya, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Vadim Polonsky, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Fyodor Polyakov, Institute of Slavic Studies, University of Vienna (Vienna, Austria)
Oleg Proskurin, Emory University (Atlanta, GA, USA)
Abram Reitblat, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishing House (Moscow, Russia)
Andrei Toporkov, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)
Marina Shcherbakova, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia)

International Editorial Council

Stefano Garzonio, University of Pisa (Pisa, Italy)
Andrey Zorin, Oxford University (Great Britain), Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia)
Dmitry Ivinsky, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)
Pavel Lavrinets, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)
John Malmstad, Harvard University (Boston, MA, USA)
Gennady Obatnin, University of Helsinki (Finland)
Lea Pild, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Daniela Rizzi, University Ca' Foscari (Venice, Italy)
Alexander Stroev, New Sorbonne University – Paris 3 (Paris, France)
Roman Timenchik, Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)
Lazar Fleishman, Stanford University (Palo Alto, CA, USA)
Manfred Schruba, Milan University (Milan, Italy)

Содержание

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Е.П. Сошкин. Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана: 8
В. Богораз-Тан. Жертвы дракона 18

А.М. Ремизов. «На вечерней заре». Глава из рукописи;
Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925. *Комментарии Е.Р. Обатниной; подготовка текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной* 42

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

В. Хазан, Р. Кацман, Л.Г. Жуховицкая. «Я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе…»: Письма Авраама Высоцкого Максиму Горькому 115
Приложение I. *А.Л. Высоцкий.* Максим Горький и сионизм..... 145
Приложение II. *А.Л. Высоцкий.* Кровь Маккавеев: Драма в 4-х картинах 147

КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ

А.Ф. Строев. «Германия и мир»: Интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович 175

Ю.А. Рыкунина. К биографии Владимира Гиппиуса 193

А.В. Геворкян. В.Я. Брюсов и музыкальный мир России конца XIX — начала XX века. (Введение в тему) 213

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

И.А. Виноградов. Послужной список Городничего в «Ревизоре»: К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя 237

М.Г. Альтшуллер. «Спесь» Батюшкова (О стихотворении Мандельштама «Нет не луна, а светлый циферблат...») 283

А.Г. Мец, Р.Н. Кривко. «Ода Бетховену»: Новообретенный автограф Осипа Мандельштама и конспект по истории Западной церкви 296

Л.Ф. Кацис. Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине. 310

Е.А. Закрыжевская. Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера» 342

В.В. Сердечная. Русский литературный наследник Блейка: По материалам неопубликованных поэм Бориса Анрепа 352

А.В. Маринин. Дилогия об Остапе Бендере: О чем умолчали авторы 366

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

А.Л. Соболев. Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике. Часть I (1906–1911) 384

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин. «Пушкинский словарь» Г.А. Шенгели: Неизданная статья автора конкорданса к стихам А.С. Пушкина 458

IN MEMORIAM

Памяти Олега Коростелева..... 477

Contents

FROM LITERARY HERITAGE

Evgeny Soshkin. Unknown play by Vladimir Bogoraz-Tan 8
Vladimir Bogoraz-Tan. Dragon Victims 18

Alexey Remizov. "At the Evening Dawn". A chapter from the manuscript;
Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1925,
comment. E. Obatnina, ed. E. Obatnina and A. Uryupina..... 42

MEMOIRS. LETTERS. DIARIES

Vladimir Khazan, Roman Katsman, Larisa Zhukhovitskaya.
"…I would be glad to find a little bit of a place in Russian literature…":
Abraham Vysotsky's letters to Maxim Gorky 115
Appendix I. *Abraham Vysotsky.* Maxim Gorky and Zionism 145
Appendix II. *Abraham Vysotsky.* Blood of the Maccabees: Drama in 4 scenes 147

THE MEREZHKOVSKYS' CIRCLE

Alexander Stroev. "Germany and World": Dmitry Merezhkovsky interviewed
by the French journalist Marylie Markovitch 175

Yulia Rykunina. On the biography of Vladimir Gippius 193

Armen Gevorkian. Valery Bryusov and the musical world of Russia
in the late XIX — early XX centuries (Introduction) 213

ARTICLES. NOTES. MATERIALS

Igor Vinogradov. The Mayor's career in "The Government Inspector".
On Nikolai Gogol's political views..... 237

Mark Altschuller. Batyushkov's "arrogance"
(On Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face…") 283

Alexander Mets, Roman Krivko. "Ode to Beethoven":
Osip Mandelstam's newly discovered manuscript and abstract
on the history of the Western Church 296

Leonid Katsis. The problem of revealing political reality
in Osip and Nadezhda Mandelshtam's
documents concerning M. Volfson, V. Narbut, N. Bukharin. 310

Elena Zakryzhevskaya. Biographical features of Vladislav Khodasevich
in Gulliver's chronicle 342

Vera Serdechnaia. Blake's Russian literary heir:
Based on unpublished poems by Boris Anrep 352

Anton Marinin. The Ostap Bender dilogy: What the authors omitted to mention 366

LITERARY SOCIETIES AND INSTITUTIONS

Alexander Sobolev. Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials. I 384

LITERARY GUIDES AND DICTIONARIES

Nikolay Vasilyev, Dmitry Zhatkin. "Pushkin dictionary" by G.A. Shengeli:
The unpublished article by the author of the concordance
of A.S. Pushkin's poems 458

IN MEMORIAM

In memory of Oleg Korostelev..... 477

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-8-41
УДК 821.161.1

Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана

© 2020, Е.П. Сошкин

Аннотация: Владимир Германович Богораз (1865–1936; псевд. Тан, Тан-Богораз, Богораз-Тан), знаменитый этнограф, лингвист и религиовед, исследователь народов Севера, был также плодовитым и популярным беллетристом, в частности — видным представителем так называемой палеофантастики — художественной повествовательной литературы о доисторических временах. Публикуемая пьеса Богораза является переработкой его одноименного палеофантастического романа «Жертвы дракона» (1909), предпринятой по заказу Секции исторических картин при Петроградском Театральном Отделе Наркомпроса в 1920 г., после того как Богораз, на тот момент сотрудник петроградского Музея антропологии и этнографии, был приглашен Секцией для написания вступительной статьи к предполагавшейся к изданию палеофантастической пьесе Н.С. Гумилева «Охота на носорога». Текст пьесы Богораза, сохранившийся в архиве (СПФ АРАН), печатается по машинописи с внесенной от руки авторской правкой. В подробной вступительной статье публикатор проясняет ее датировку и историю создания, ее художественные особенности в сопоставлении с предшествующим романом, а также программный характер того поощрительного отношения к сочинению пьес на доисторическую тематику, которое исходило от учредителя и руководителя Секции А.М. Горького.

Ключевые слова: В.Г. Богораз-Тан, палеофантастика, «Жертвы дракона», Н.С. Гумилев, «Охота на носорога», Секция исторических картин.

Информация об авторе: Евгений Павлович Сошкин, PhD, приглашенный исследователь на кафедре славистики, Еврейский университет, Иерусалим. E-mail: e_soshkin@yahoo.com

Цитирование: *Сошкин Е.П.* Неизвестная пьеса Владимира Богораза-Тана // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 8–41. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-8-41

Владимир Германович (Натан Менделевич) Богораз (1865–1936; выступал под псевдонимами Тан, Тан-Богораз, Богораз-Тан в сочетании с различными инициалами), знаменитый этнограф, лингвист и религиовед, исследователь народов Севера, был плодовитым и популярным беллетристом и, в частности, видным представителем так называемой палеофантастики — художественной повествовательной литературы о доисторических временах. Его роман «Восемь племен» «из древней жизни крайнего Северо-Востока Азии», написанный в первые годы XX в. во время пребывания в Нью-Йорке (где Богораз, будучи сотрудником Франца Боаса, курировал этнографическую коллекцию Американского музея естественной истории), до сих пор не получил того признания, которого он заслуживает и по свежести и насыщенности материала, и по оригинальности и многомерности характеров, и по сдержанной деловитости изложения, парадоксально сочетающего язык и стиль этнографического очерка с эпической ретроспекцией, романтической коллизией и авантюрной интригой[1].

Но самое известное произведение Богораза в палеофантастическом жанре — роман «Жертвы дракона» (1909), на котором и основана публикуемая ныне одноименная пьеса. В «Жертвах дракона» завязкой служит конфликт между юным воином и лидером племени. Во время охоты всем племенем юноша Яррий убивает белую олениху, тем самым помешав планам колдуна Юна Черного, который намеревался по обету принести ее в жертву лунному божеству. Яррий вынужден покинуть племя. Его возлюбленная Ронта решается разделить его участь. Позднее, терзаемая чувством вины, она возвращается к племени. За время ее отсутствия случилась беда: людей стал косить мор. По наущению злокозненной старухи Иссы Ронту хотят принести в жертву гигантскому пещерному ящеру, обитающему поблизости от становища. Яррий, тайно последовавший за Рontой, внезапно является между нею и входом в пещеру, чтобы сразиться с чудовищем, и на этом повествование деликатно обрывается.

В «Жертвах дракона» ни действие, ни характеры, ни обстановка, хотя они и ориентированы на аутентичный антропологический материал, не имеют, в отличие от «Восьми племен», конкретной этно-географической привязки. В частности, ономастика романа весьма эклектична. Например, имя *Яррий*, по признанию самого

[1] В.А. Гольцев, в своем обзоре журнальных новинок давший в целом весьма сочувственную оценку «Восьми племенам», не оценил, однако, этот смелый прием, пожурив автора за то, что тот «не стесняется употреблять о своих оленеводах такие выражения, как “игнорировать, шансы, партнер, строго говоря, элемент”» и «как бы украшает беллетристическим орнаментом ученое, — правда, занимательное исследование» (Русская мысль. 1903. № 9. С. 211).

Богораза, произведено от змееборца Юрия[2], охотница Дина, не подпускающая к себе мужчин, очевидным образом названа в честь римской Дианы, а не своей библейской злосчастной тезки, тогда как название племени *Анаков*, напротив, позаимствовано из Библии, где неоднократно упоминаются *анаким* — доханаанское племя исполинов, оригинальное наименование которого Богораз мог знать с детства и которому по-русски была посвящена одноименная статья свежеизданного второго тома «Еврейской энциклопедии» Брокгауза–Ефрона (1908)[3]. Столь же неопределенны и естественноисторические координаты действия романа, где современником людей оказывается не только мамонт, но и динозавр[4].

Секция исторических картин при Петроградском Театральном Отделе Наркомпроса, по заказу которой Богораз переделывал свой роман для сцены, была создана по инициативе Горького и Марии Андреевой и действовала с осени 1919 по весну 1921 г. Наряду с другими подобными проектами Горького, Секция ставила перед собой, с одной стороны, просветительскую задачу, а с другой — необъявленную благотворительную: трудоустроить голодающую интеллигенцию. В работе Секции под председательством Горького и академика С.Ф. Ольденбурга принимали активное участие Блок, Гумилев, Тихонов, Замятин, Чуковский, театральный режиссер Андрей Лаврентьев и архитектор и художник театра Владимир Щуко. Краткий обзор истории Секции содержится в монографии Е.В. Ивановой о последних годах жизни Блока[5]. В ее изложении, программой

[2] См.: *Тан-Богораз В.* Жертвы дракона: Повесть из жизни первобытных людей. Л., 1927. С. 5.

[3] «Еврейские Анаки и Рефаимы» упоминаются в более поздней книге автора: *Богораз (Тан) В.Г.* Эйнштейн и религия: Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. М.; Пг., 1923. С. 47. Ср. также реплику Ронты в пьесе: «Какой ты **большой** стал! Целый **Анак**!».

[4] В переиздании «Жертв дракона» издательство сочло нужным отметить авторскую вольность: «Наука твердо установила тот факт, что человек появился на земле сравнительно поздно, вероятно, в конце третичного периода. Между тем, ископаемые гигантские ящеры жили за несколько миллионов лет ранее, в мезозойскую эру, и ко времени ледникового периода должны были вымереть начисто» (*Тан-Богораз В.* Жертвы дракона. С. 3). Но в 1909 г., допуская возможность встречи доисторических людей с динозавром, Богораз был в этом не одинок. К примеру, из русских авторов о соседстве людей с динозаврами несколько ранее писал молодой Гумилев в рассказе «Дочери Каина» (1907). «Странно неправдоподобное описание “утра мира”, — отмечает в связи с этим рассказом М. Баскер, — в котором как будто бы сосуществовали с первыми людьми не только “гиппопотамы под тенью громадных папоротников”, но также ихтиозавры и птеродактили <…>, на самом деле вполне созвучно теориям “антропогенеза” Е.П. Блаватской» (*Баскер М.* К разбору рассказов Н.С. Гумилева «Принцесса Зара» и «Дочери Каина» // Гумилевские чтения. СПб., 1996. С. 149).

[5] См. также: М. Горький: Материалы и исследования, I. Л., 1934. С. 108–110; *Гумилев Н.* Полное собрание сочинений. Т. V / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера,

Секции стал доклад Горького «Инсценировки истории культуры», прочитанный в июне 1919 г. Задачу проекта Горький видел в том, чтобы показать массовому зрителю вехи развития человека с той поры, когда, по определению докладчика, человек «был полуживотным и еще почти не владел речью, до эпохи великих изобретений и открытий <…>». «Кроме театральных постановок, Горький <…> предложил создать цикл кинематографических сценариев исторического содержания, которые разрабатывали бы сюжеты, сложные для осуществления на театральной сцене, — о возникновении религиозных идей, изобретении колеса и т.п.», а нарком просвещения Луначарский, «со своей стороны, предложил использовать эти сценарии в массовых театрализованных постановках, которые тогда устраивались во время новых революционных праздников»[6]. Этот масштабный проект заглох, так и не войдя в стадию постановки, но многие пьесы и сценарии были написаны по заказу Секции. Сообразно поставленной Горьким задаче, доисторической тематике, помимо «Жертв дракона», были посвящены и другие пьесы, сочиненные по заказу Секции. Так, впоследствии Андреева писала Луначарскому: «Особенно мне помнится, интересен был сценарий о возникновении идеи о богах и об единоличном боге, а затем о том, как человек начал создавать буквы и как слагалась речь»[7]. Программным сочинением в этом роде явилась и прозаическая пьеса Гумилева из первобытной жизни «Охота на носорога».

Для Гумилева, который принимал самое деятельное участие в работе Секции, идти навстречу ожиданиям Горького было тем естественней, что работа над «первобытной» пьесой была подготовлена всем его предшествующим творчеством: от «Охоты на носорога» тянется след и к эстетике адамизма, и далее вспять — к ранней прозе. Художественная задача «Охоты на носорога» отчасти вытекает из самой драматургической формы и вполне соответствует программе Горького: это попытка воссоздать тот «младенческий язык» первобытных людей, определявший всё их мышление, о котором упоминал еще М.Л. Михайлов в своей полубеллетристической прозе — одном из первых в мире образчиков палеофантастики[8], но который почти никто из палеофантастов не пытался имитировать. О том, каких

Т.М. Вахитовой, Ю.В. Зобнина, А.И. Михайлова, В.А. Прокофьева, Г.В. Филиппова. М., 2004. С. 411–413.

[6] *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 314–315.

[7] Там же. С. 312.

[8] См.: *Михайлов М.Л.* За пределами истории: (За миллионы лет) // Михайлов М.Л. Сочинения: В 3 т. / Под общ. ред. Б.П. Козьмина. Т. 2. М., 1958. С. 473.

степеней достигало небрежение соответствующей проблематикой в «мейнстримных» палеофантастических текстах, можно судить по внутренней рецензии Мандельштама на роман Клода Ане “La Fin d’un monde” (1925), датируемой 1926–1927 гг.: «Доисторическим людям автор навязал слащавую сентиментальную психологию. “Я покинул тебя ребенком: теперь ты *цветок*”»[9].

Во многом программный характер носила и коллизия пьесы Гумилева — изобретательский подвиг и социальный бунт сильной личности. В книге Ивановой содержится интересный сопоставительный анализ вышеупомянутого доклада Горького и совпадающего с ним по теме и назначению манифеста Секции, написанного Блоком и включаемого в издания его сочинений под названием «Об исторических картинах». Иванова отмечает некогерентность рассуждений Блока, проистекающую, по ее мнению, из несоответствия между собственной его позицией и концепцией, выдвинутой Горьким: «…блоковское утверждение, что в основу серии “полагается карлейлевская мысль о великой роли личности, без которой ни одно массовое движение обойтись не может <…>”, находится в явном противоречии с тем, что утверждается далее: нужен “единый принцип, более развитой, чем идея о значении личности” <…>». «Блок писал этот манифест от лица секции, — заключает исследовательница, — и не всё в нем было изложением только его мыслей. Мысль Карлейля о роли личности в истории ставил во главу угла Горький, и, возможно, Блок в данном случае делал уступку его представлению о задачах картин», хотя сам придерживался иного взгляда на мировую историю, который формулировал так: «Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи. Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается»[10]. По этой логике, сколь бы велика ни была отдельная личность, она, будучи скована по рукам и ногам цепями непреложной каузальности, не способна оказать решающее влияние на ход истории.

В проекции на доисторический материал эти две противоположные доктрины в конечном счете восходят к двум античным представлениям о первобытном человечестве. Одно из них рассматривает выход человека из дикого состояния как результат цивилизаторского подвига самоотверженной личности. Оно получило отражение в «Прикованном Прометее» Эсхила. Другое изложено в поэме Лукреция «О природе вещей» и, напротив, постулирует развитие пер-

[9] *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост. А.Г. Мец. Т. III. М., 2011. С. 162.

[10] *Иванова Е.В.* Указ. соч. С. 316–317.

вобытного общества, включая овладение речью и познание сил природы, как закономерное и неизбежное следствие естественных процессов.

В «Охоте на носорога» Гумилев последовательно придерживается «эсхиловской» доктрины, с той, однако, разницей, что его главным героем, в отличие от Прометея, движет не столько радение о людских нуждах, сколько воля к власти над природой и людьми. Изобретательный, целеустремленный и безжалостный, он полностью соответствует концепции доисторического человека у Ницше как доморального — такого, чьи поступки оцениваются исключительно по их результату[11]. Индивидуализм как двигатель технического прогресса и общественных реформ постулировался еще на стадии утверждения заказа пьесы Гумилеву. Это явствует из отчета о деятельности Секции в период с 26 августа по 1 марта 1920 г., где по поводу «Охоты на носорога» приводится фраза в кавычках, возможно, воспроизводящая авторское резюме: «Эта пьеса изображает эпоху первобытного общества, причем показывает зарождение и развитие героического начала в человеке (борьбу его с природой и окружающей социальной средой)»[12].

Как сообщают комментаторы «Охоты на носорога», ее первый вариант «был зачитан автором на заседании Секции 20 января 1920 г. Тогда же Горьким <…>, в общем одобрившим “доисторическую” пьесу, был высказан ряд замечаний, сводившихся к необходимости усиления “исторического” и “этнографического” элемента <…>. Эти замечания были учтены Гумилевым, и к марту того же года текст был переработан: “сложное” имя главного героя <…> было заменено на более достоверное в историко-лингвистическом плане, а реплики выправлены в сторону большей синтаксической примитивизации»[13]. В марте 1920 г. Гумилев представил редколлегии переработанный вариант «Охоты на носорога». Вопросы издания и постановки пьесы неоднократно обсуждались на весенних и летних заседаниях Секции[14]. В частности, 20 апреля «[с]лушался план художника Анненкова поставить “Охоту на носорога” <…> в театре “Народной комедии” в исполнении цирковых артистов, которых заставить го-

[11] См.: *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. / Сост., ред., примеч. К.А. Свасьяна. Т. II. М., 1990. С. 266–267.

[12] Материалы для биографии Н.С. Гумилева / Публ. и коммент. Е. Вагина // Russica-81: Лит. сб. Проза. Поэзия. Публицистика. Эссе. Воспоминания. Архив / Под ред. А. Сумеркина. New York, 1982. С. 378.

[13] *Гумилев Н.* Указ. соч. Т. V. С. 503. Об этом заседании Секции см. также: *Иванова Е.В.* Указ. соч. С. 526.

[14] См.: *Иванова Е.В.* Указ. соч. С. 533–536, 543–544.

ворить звукоподражаниями», а 7 июля обсуждался вопрос о музыке к спектаклю[15].

О том, что в рамках горьковского проекта обращение к доисторической тематике особо приветствовалось, косвенно свидетельствует и то обстоятельство, что, «[н]ачав в конце 1919 года работать в Секции исторических картин, Блок обращается к книге М. Гернеса “Культура доисторического прошлого”. <…> Отчеркнув слова: “Кроме того, одинаково, как у мужчин, так и у женщин, обычно на плечах висит кожаный мешок, куда они прячут съедобные предметы, попавшиеся им по дороге”, Блок приписывает на полях “Напр., у обитателей Петербурга в 1919 году по Р<ождеству> Хр<истову>”. На другой странице отчеркнуто: “Нет никаких профессий и сословий, ни ремесленников, ни воинов, — и, в строгом смысле слова, нет даже охотников и рыболовов. Вернее говоря, каждый совмещает в себе все это сразу, ни один не наделен такой специальной сноровкой, которая отличала бы его от всех остальных соплеменников и тем придавала бы ему особую ценность в глазах всей группы” и на полях приписано: “Пб. 1919”»[16].

Эта саркастическая аналогия между праисторическим и постисторическим обществом и бытом вскоре превратилась в общее место. Например, Моисей Альтман, в ту пору бакинский студент, в дальнейшем постоянный собеседник Вячеслава Иванова, записал 17 ноября 1920 г. в дневнике: «Одна дама мне сегодня остроумно заметила, что мы живем точь-в-точь, как наши прародители в раю: едим яблоки (намек на гнилые яблоки, которыми служащих одарили по учреждениям) и ходим голые»[17].

В более широком плане блоковская параллель представляла собой чисто пессимистический извод амбивалентной концепции революции как нашествия новых гуннов (опиравшейся, в свой черед, на идеологию скифства), которая стала темой беседы Гумилева и Блока после доклада последнего о Гейне 27 марта 1919 г. и оставила глубокий след в творчестве еще одного участника Секции — Замятина. На образе первобытной пещеры как метафоре всеобщей пореволюционной деградации построен рассказ Замятина «Пещера», опубликованный в 1922 г. Вскоре этот метафорический ход был повторен

[15] Там же. С. 535, 544.

[16] Там же. С. 112. Заметим тут, что мрачный юмор блоковских отсылок к злобе дня не умаляет соответствия между вторым из отчеркнутых Блоком пассажей и его собственными воззрениями на ход истории, о которых шла речь выше.

[17] *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995. С. 227.

Л. Леоновым в повести «Конец мелкого человека», где он мотивирован восприятием главного героя — палеонтолога[18]. Замятинский прием неожиданно повторил Андрей Белый, живописуя в «Москве под ударом» (1926) *дореволюционный* профессорский быт.

В свете предпочтительного внимания, уделявшегося в программе Секции доисторическому материалу, вполне закономерно, что к ее работе был привлечен Богораз — признанный авторитет в вопросах первобытной культуры. Его сотрудничество с Секцией относится к 1920 г. В середине апреля Богораз, на тот момент сотрудник петроградского Музея антропологии и этнографии, был приглашен для написания вступительной статьи к предполагавшейся к изданию «Охоте на носорога». Вскоре после этого, на заседании 20 апреля, решено было, что Анненков обратится к Богоразу за научным материалом для упоминавшейся выше экспериментальной постановки гумилевской пьесы. Спустя два месяца, на заседании 21 июня, решили «[п]росить профессора Тана закончить вступительную статью к “Охоте на носорога” <…>»[19].

О судьбе этого предисловия ничего не известно, но мы знаем, что Богораз и впоследствии принимал консультативное участие в палеофантастических начинаниях: Евгений Лундберг, близкий знакомый Блока, в период активной деятельности Секции живший в Петрограде и работавший в Наркомпросе, в предисловии к своей палеофантастической повести «Кремень и кость» (одному из лучших сочинений за всю историю жанра, написанному, вероятно, в конце 1920-х гг.) благодарит научных консультантов, принося «[о]собую благодарность <…> проф. В.Г. Тану-Богоразу, чьей острой критикой <…> руководился в продолжение всей почти работы»[20].

Параллельно выполнению заказа, связанного с «Охотой на носорога», Богораз предложил написать для Секции сценарий в четырех действиях по своему роману «Жертвы дракона». На заседании 20 апреля было решено «[п]росить профессора Тана представить сценарий “Дракон” на обсуждение коллегии». Уже на заседании 27 апреля члены коллегии (Ольденбург, Лаврентьев, Блок, Замятин, Гумилев и Чуковский) «[с]лушали сценарий Тана “Дракон”. По мнению коллегии, в сценарии отсутствует драматическое действие и он написан не совсем подходящим языком. | Решено: Просить

[18] Сопоставление двух этих произведений, не затрагивающее вероятной генетической связи между ними, проведено в статье: *Якимова Л.П.* Семиотика пещеры в русской литературе 1920-х годов // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 175–190.

[19] *Иванова Е.В.* Указ. соч. С. 543.

[20] *Лундберг Е.* Кремень и кость: Повесть. М.; Л., 1931. С. 2.

Ольденбурга переговорить с автором о возможности некоторых переделок <…>» (ввиду присутствия Богораза на заседании последняя фраза вызывает некоторое недоумение). В этот день Блок отмечает в записной книжке: «…Слушали скверную пьесу Тана». На заседании 30 апреля сценарий Богораза обсуждался в присутствии автора. Как зафиксировано в протоколе заседания, «[о]тмечено, что а). это скорее картина, чем сценарий; в). язык не соответствует эпохе; с). чересчур большое нагромождение фактов. — Тан предлагает переработать пьесу в 3-х месячный срок, причем в течение этого времени будет советоваться с коллегией. | Решено: Выдать Тану аванс в размере 20 000 р.»[21].

Пьеса (или, если угодно, сценарий) «Жертвы дракона» откровенно бедна сценическими идеями; в этом аспекте заслуживает упоминания, может быть, лишь ремарка с указанием использовать наскальную живопись для интерьерных декораций. Отличительной особенностью пьесы в сопоставлении с романом является резкая примитивизация характеров, особенно заметная в случае колдуна Юна Черного, который хотя и не по всем, но по очень многим признакам превратился в шаблонного отрицательного персонажа — олицетворение клерикальной реакции. Видимо, с целью большего очернения колдуна, в пьесе Яррий преступает запрет на убийство белой телки (оленихи) не сознательно в пылу охоты, как в романе, а по неведению. В пьесе Богораз обнажил параллелизм между Ронтой и заповедной оленихой и привнес полностью отсутствующий в романе мотив домогательств Юна к Ронте. При этом знаком внимания со стороны колдуна служит отборный кусок мяса — деталь, позаимствованная Богоразом из «Повести каменного века» Уэллса, чье творчество было ему досконально знакомо: в 1909–1917 гг. в издательстве «Шиповник» под редакцией Богораза выходило 13-томное «Собрание сочинений» Уэллса. Среди существенных отклонений пьесы от исходной романной канвы — изъятие мотива совместного изгнанничества возлюбленных (очевидно, ради придания сценическому действию большей динамичности). Некоторые мотивные купюры и перестановки, на которых здесь нет возможности задерживаться, по-видимому, объясняются тем, что соответствующие мотивы уже были позаимствованы из романа Богораза Гумилевым для «Охоты на носорога»[22].

[21] *Иванова Е.В.* Указ. соч. С. 534–536.

[22] Подробно об этом см. в нашей статье «Русский модернизм и палеофантастика» (Зеркало. 2020. № 55. В печати).

Стоит обратить внимание на то, что, несмотря на общую коллизию индивидуалистического бунта Яррия против племенной клерикальной деспотии, автор, как правило, не склонен изображать других членов племени той или иной гендерной и возрастной принадлежности косной безликой массой. В своем подходе к разработке персонажей Богораз далек и от Гумилева, и от корифеев жанра — Уэллса, Рони-старшего и других. В частности, из палеофантастического канона полностью выпадает образ Ронты, добровольно идущей в пасть динозавру ради искупления воображаемой вины соплеменников, хотя сами они Ронту презирают и ненавидят. В этой свободе от жанровых клише проявился плюрализм этнографа и антрополога, не позволяющего себе смотреть свысока на представителей доисторической эпохи и первобытной культуры, — тот самый, который Богораз, вскоре начавший преподавать в Петроградском университете, вместе с другим выдающимся этнографом из народовольцев Л.Я. Штернбергом настойчиво прививали своим студентам[23].

Пьеса «Жертвы дракона» сохранилась в архиве Богораза в двух машинописях. Печатается по машинописи с внесенной от руки авторской правкой (СПФ АРАН Ф. 250. Оп. 2. Ед. хр. 76. С. 19–36; далее — М1). Более поздняя машинопись (Там же. С. 37–76, где каждая четная страница дублирует предшествующую нечетную; далее — М2) включает в себя эту правку (что в некоторых случаях облегчает прочтение М1), но воспроизводит и ее, и печатный текст с лексическими ошибками (например, «детям» вместо «детным», «девять» вместо «двадцать», «жилами» вместо «жилками», «каменной» вместо «камышевой», «крикну» вместо «кликну», «фигура» вместо «фигурка», «частью» вместо «пастью» и т.п.), пропусками и перестановками (эти последние порой объясняются неверной интеграцией рукописных вставок). Всё это позволяет заключить, во-первых, что М2 не была авторизована, а во-вторых, что она восходит непосредственно к М1, а не к какому-нибудь промежуточному списку. Единственное обстоятельство, не вполне согласующееся с этим выводом, — одно и то же разночтение, дважды повторенное в М2, несмотря на полную ясность соответствующего места в М1 («Как берешь ты меня?» вместо «Как берешь ты жен?»). Обе машинописи не датированы; архивная опись содержит датировку «1923?». Вероятнее всё же, что обе они относятся к 1920 г., когда пьеса была написана, обсуждалась и перерабатывалась.

[23] См.: *Гаген-Торн Н.И.* Memoria / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М., 1994. С. 52. Ср. страстную апологию первобытного мышления в работе Штернберга «Основы первобытной религии».

Рукописные вставки в М1 без дополнительных изменений в исходном машинописном тексте, а также рутинная коррекция или унификация пунктуации (например, замена тире перед репликой персонажа на ее обособление кавычками) и орфографии (в отдельных случаях дореформенной) нами не оговариваются. Входящие в состав некоторых из имен действующих лиц устойчивые эпитеты в машинописях непоследовательно набраны то с прописной, то со строчной буквы; их написание всюду унифицировано в пользу прописной без специальных оговорок. Написание слов «дракон» и «бог», напротив, унифицировано в пользу строчной буквы (за вычетом слова «Бог» в составе двух имен собственных на с. 20). Отброшенные варианты в М1 и разночтения в М2 приводятся в примечаниях выборочно.

Помимо М1 и М2 сохранился двухстраничный отрывок, также машинописный, с надписью от руки «Особо переписать» (СПФ АРАН Ф. 250. Оп. 2. Ед. хр. 76. С. 77–78). Приводим его после основного текста пьесы.

Владимир Богораз-Тан

ЖЕРТВЫ ДРАКОНА

Драма из жизни первобытного человечества в четырех действиях с эпилогом

Действующие лица

ЮН ЧЕРНЫЙ, ночной колдун
СПАНДА, дневной колдун
АЛЬФ БЫСТРОНОГИЙ
МАР КРАСИВЫЙ
НЕСС
ИЛЛ БОРОДАТЫЙ — воины племени Анаков

ЯРРИЙ ЛОВЕЦ
ДИЛО ГОРБУН
РУЛ — юноши

РУМ СТАРШИЙ, мальчик.
АНТЕК
ЛИАС — дети Майры Глиняной, близнецы

МЫШОНОК, сын Юна Черного

ИССА, ночная колдунья
ЛОТО, старуха
МАЙРА ГЛИНЯНАЯ
АСА-БЕЗ-ЗУБА
ЛИТТА ЗЛАТОВОЛОСАЯ
ЮНА, жена Юна Черного
} женщины

ОХОТНИЦА ДИНА
РОНТА
ИЛЕИЛЬ
ЭЛЛА-СОРОКА
ЯРРИЯ, сестра Яррия
} девушки

Мужчины, женщины, юноши, девушки, дети из племени Анаков.

Первое действие происходит ранней весной, второе действие поздним летом, третье — в начале осени, четвертое — поздней осенью.

Мужчины и женщины одеты в звериные шкуры, сколотые в виде рубах без рукавов. Головы зверей в виде капюшонов. У женщин рубахи длиннее. У некоторых обувь из конской шкуры. Волосы у мужчин свиты в султан и связаны сверху. У женщин волосы у самых висков заплетены в две тугие косы. Мужчины раскрашены по телу желтой и черною краской. У женщин легкая татуировка на подбородке и на углах рта. Ожерелья и браслеты из цветных каменных бус, раковин, ярких семян и жучков с металлическим отливом.

На брачном пиру у мужчин венцы из перьев, у женщин цветочные венки.

Действие первое

Голод

Сцена представляет широкую вытоптанную площадь на берегу реки Даданы. На заднем плане горы, расположенные террасами. Река протекает внизу. Вдали чуть виден низменный луговой берег.

Племя Анаков спит на разостланных ветвях, мужчины направо, женщины налево. Подростки и дети лежат особо, совершенно нагие, тесно сбившись в огромный клуб голых белых тел.

Время действия ночь, предрассветный час. Восходит луна на ущербе[24].

Юн Черный осторожно встает, чтобы не разбудить спящих. Он оглядывает лежащих соплеменников, некоторых тихонько называет по именам. Племя умирает с голоду, так как олени опоздали. Их ждут напрасно двуручие ночей (показывает пальцами). Они должны явиться несметными стадами и плыть через реку Дадану.

Юн Черный выходит вперед и начинает творить заклинания, призывая оленей. Он обращается к ним сперва с ласковыми просьбами, потом с угрозами. После того он начинает молиться богам — Солнцу, Трехпалому Речному Богу, Горному Богу с Гранитной Головой и просит подать ему знак. Он обращается к собственному голодному брюху: «Брюхо, запой, дай знак о приближении пищи!» Брюхо молчит.

Он обращается к последнему богу, к своему собственному богу, мало известному людям, к богу полуночи, лунному белому дракону, поглощающему солнце и извергающему его обратно.

«О дракон, ты поглощаешь солнце, дай мне поглотить этих оленей! Сделай мне знак! Я дам тебе жертву!»

С востока восходит луна.

«Телку молодую, лучшую из стада!..»

«Дракон, дракон… Белую телку, вожатую в стаде».

Боги молчат. Юн вспоминает о мальчике своем, голодном Мышонке, и начинает богохульствовать:

«Божонки, нищие, дать вам нечего! Идите сюда! Я и вас съем!..»

В кустах впереди слышен треск сучьев.

Добыча, знамение. Юн бросается вперед и исчезает в кустах.

Рассвет. Анаки просыпаются. Мужчины поспешно и бесшумно один за другим уходят на промысел.

Холодно. Старуха Лото приказывает Милке добыть огня из дерева. Милка, смуглая, совершенно нагая, потряхивая волосами, принимается сверлить деревянного бога огня. Дерево поет. Милка тоже поет песенку огня. Мальчишки кричат: «Мяса! Есть!» Женщины мечтают о зернах, о плодах. Златоволосая Литта, качаясь на месте, поет:

[24] Первоначально вместо этой фразы было: Полная луна. (*Здесь и далее примечания публикатора*.)

Я была в золотом лесу,
Я рвала яблоки,
Сочные яблоки.
Одно яблоко взяла себе,
Другое отдала своему другу,
Сочные яблоки.

Антек и Лиас, близнецы, просят у Майры еду. Женщины смеются над Майрой: «Один близнец от человека, другой от Дьявола». Лото унимает их.

Яррия вскакивает: «Девки, скорее, деревянную кашу варить! Милка, дров тащи!» Ронта устанавливает на палках плетеный сосуд и принимается варить кашу из тополевой заболони при помощи раскаленных камней. Милка заранее облизывается: «Горячая, вкусная!..»

Дило Горбун подползает на четвереньках: «Дайте мне тоже!» — «Ты мальчик, иди птиц ловить!»

Дило плачет: «Яррия, дай мне хоть одну стружку!» …[25] Яррия не отвечает. «Яррий кормил меня!» Ронта поднимает голову: «Где Яррий?» — «Го, Яррий в поле, ищет мяса. Яррий поймает хоть кролика, хоть рыбки, — рыбка святая».

«На, бери! последнюю жвачку». Ронта вкладывает ему в рот собственную жвачку. Дило лижет ей руки.

Через сцену перебегает мальчик Рум, прижимая к груди ручного шакала-карлика. Мальчишки гонятся за ним: «Дай! Съедим!» Шакал визжит. Рум утешает его: «Не плачь, братец Рум!.. Это тоже Рум, такой, как я».

Антек бросает камнем и попадает шакалу в голову. Начинается драка мальчишек[26].

Входит Охотница Дина в плаще из волчьей шкуры мужского покроя, с мужским султаном волос. В руках копье, за поясом «кривая металка»[27] (бумеранг). Несет на плече орла, в руке — зайца.

Мальчишки бросаются к Дине. Девчонки восхищаются Диной.

Дина: «Гули, гули, гули! Маленькие, жрать!» Кормит их кусочками сырого заячьего мяса.

---

[25] Очевидно, многоточие обозначает паузу.

[26] Первоначально эпизод с шакалом располагался выше, между фразами «Лото унимает их» и «Яррия вскакивает»; перенесен в ходе рукописной правки.

[27] Первоначально: «плоское дерево»

За сценой свист и призыв: «Мясо, свежее мясо!»

Все вскакивают на ноги и вскрикивают с воплем: «Мясо, еда!»

Юна вне себя: «Это Юн свищет. Это его голос!»

Юн входит с оленьим теленком на плече. Юн, ликуя: «Свежинка, первинка! Нате жрите, шакалки». Бросает теленка женщинам. «Язык мне — помните… Олени идут, видимо-невидимо! Счету не хватит на пальцах, волос на голове. Матки, быки, ух жирные!.. Белая ведет[28]. Лебедка-росписные рога, богу на жертву. Темные нам на еду. Сбирайтесь на лов, живо!..»

Юна, подхвативши теленка: «Кто будет делить?» — «Лото пусть делит, старуха пусть делит!» — «Беременным и детным!»

Юн: «Язык мне, по праву охотника!..»

Лото вырезает язык и перебрасывает ему. Юна ждет. Он быстро откусывает половину, бросает одну половину Мышонку, а другую перебрасывает Ронте: «Ешь, Ронта белая!» Юна в бешенстве: «Ах, проклятая!» Ронта колеблется, но потом берет язык[29].

Женщины отгоняют Майру. Лото: «Оставьте, нечего. Иди, Майра! Будет четыре пятка, двадцать пальцев».

Делит мясо, отсчитывая по пальцам.

«Пятый палец четвертой руки? Майра, тебе!»

За сценой новый свист и шум. «Добыча, добыча!» Группа юношей. Яррий Ловец и Рул вносят на коромысле белую телку. У ней белые рога с розовыми жилками.

Ронта бросает закушенный кусок языка.

Дило пляшет впереди: «Ах, как много мяса, десяток убили, десяток, два пятка. Жирные, ух, досыта наемся! Яррий, хвалите Яррия!»

Яррий просто: «Ешьте, Анаки! Вот вам моя добыча».

Юн топает ногой: «Не смей, не твоя!»

Яррий с удивлением: «Я убил».

Юн: «Грех, мерзость! Ты отнял у бога живую добычу!»

«Какой опять бог?»

«Лунный бог. Ему обречена[30]. Ты отнял у него!»

Яррий дерзко: «Не у тебя ли отнял? У твоего копья короткого?»

«У тебя зачем длинное? Мальчишка, необрезанный! Охотники, глядите, у этого мальчишки копье не детское, мужское!..»

---

[28] Выпущено: Что за красота!

[29] Первоначально фрагмент от реплики Юна «Язык мне, по праву охотника!..» и до слов «потом берет язык» располагался выше, перед фрагментом от слов «Юна, подхвативши теленка» и до реплики «Беременным и детным!»

[30] Первоначально: Его плата!

Анаки ропщут.

Спанда: «Яррий, говори!»

Яррий пожимает плечами: «Откуда мне знать, кому вы обрекли! Я был в поле». Вспыхивает: «Если я отнял у бога, за то дал Анакам. Это копье мое набило вам мяса».

Юн: «Слышите, воины! Непосвященные мальчишки теперь убивают оленей! Нам что останется».

«Мальчишке быки, а воину телята…[31]»

Спор Юна с Яррием. Спанда принимает сторону Яррия. Спор двух колдунов, лунного и солнечного. Анаки отправляются на лов.

Юн с угрозой: «Постой, погоди! Мы найдем себе телку. Есть она, белая телка!»

Яррий, заступая добычу: «Не дам!..»

«Телку не дашь, мы белую девку возьмем!»

Яррий в бешенстве: «Ты гадина! Телята тебе дохлые! Тебе и богу твоему!»

«Бродяга, да знаешь ли ты, какой бывает бог?»

«А ты знаешь?»

Спанда: «Постой, Яррий! Мы спрашиваем у тебя, не у Юна. Скажи нам, где твой бог?»

Яррий с силой ударяет копьем об землю: «Вот мой бог!»

Спанда спокойно: «Слабый твой бог. Гляди-ка, на лезвии щербина».

Яррий молчит.

«Или нет на земле бога сильнее, чем слабое копье твое? Что ж ты молчишь? Стыдишься говорить?»

«Чего мне стыдиться?.. Первый бог на земле — бог Анак. Зверь-Гора Мамонт и Полосатый Тигр подвластны Анакам. Горы и долы, леса и поля, — всё это наше!»

Юн вне себя: «Гибель пошлет на тебя, святотатца, с зубами крысьими. Не долго будешь живыми глазами глядеть ему в белое око!»[32]

---

[31] Выпущено окончание реплики: «Богу на жертву». Вместо него вписано и затем тоже выпущено другое окончание этой же реплики: «И богу твоему…»

[32] Первоначально фрагмент от слов «Бродяга, да знаешь ли» до слов «в белое око» помещался выше, вместо ремарки «Спор <…> на лов», и в несколько иной редакции: «Бродяга, да знаешь ли ты, какой бывает бог?» «А ты знаешь?» Спанда: «Постой, постой! Мы спросим бога у тебя, не у Юна. Скажи нам, где твой бог?» Яррий ударяет копьем об землю: «Вот мой бог!» Юн с ужасом: «Слышите, анаки!..» Спанда спокойно: «Какой же это бог? Это дерево? Слабый бог у тебя, на лезвии щербинка…» Яррий молчит. «Или нет на земле иного бога, сильней, чем копье твое? [Выпущено: Копье со щербиной.] Зачем ты молчишь? стыдишься говорить?» «Чего мне стыдиться? Первый бог на земле — бог Анак [первоначально: Нет на земле иного бога, кроме Анака]. Зверь-Гора Мамонт и Полосатый Тигр подвластны

Яррий: «Молчи!..»

Спанда: «Постой-ка! Ты сам замолчи. Вы оба говорили, теперь и я скажу. Копье у тебя со щербиной. И луна со щербиной. Наш бог солнце».

Юн запальчиво: «Месяц создал небо и землю».

Спанда с насмешкой: «А когда это было?»

«Давно. Солнце было женой ему, а Анаки детьми».

«Полно тебе. Твой бог не месяц, — луна, не муж, — жена. Солнце отец наш. Красное, без всякого изъяну».

Анаки: «Солнце отец!»

Яррий: «Солнце отец. Я тоже чту солнце».

Юн бешено: «Гибель пошлет на тебя, святотатца! Белый бог, погуби его!..»

Яррий с насмешкой: «Я не вижу белого бога. Я вижу Черного Юна. Возьми же свое мужское копье и заступись за своего бога!»

Юн: «Даже ножа обрезального не подниму я на такого, как ты!»

Яррий поднимает копье.

Спанда примирительно: «Полно вам! Теперь время колоть не людей, а оленей. Яррий, иди!»

Яррий угрюмо: «Куда мне идти?»

«Иди, иди! Мы после рассудим. К лову, Анаки! Идем!»

Анаки: «К лову! Идем!..»

Действие второе

Брачный пир

Сцена представляет широкую ровную площадь на лугу, у опушки букового леса. Высокие буйные травы, последние цветы. На первом плане солнечное колесо и брачное огниво. Колесо из травы. Огниво в столбе из дерева липы. В верхушке столба выжжена дыра. В дыру забит чурбан из красной сосны. В голове чурбана по выжженным ходам продеты две длинные крепкие жерди крест-накрест. Солнечное колесо укреплено на палке, вставленной в центре чурбана сверху.

Раннее утро. Дило сидит справа и играет на камышевой свирели: «Тиу, тиу, тиу!»

Ронта выходит из кустов.

Анакам [первоначально: нам]! Горы и долы, леса и поля, все это наше!» Юн вне себя: «Гибель пошлет на тебя, святотатца, с зубами крысьими. Не долго будешь живыми глазами глядеть ему в белое око».

«Кто это поет? Ты, Дило? Я думала: дух камышевый поет».

«Ага, зеленая[33] грива, золотое лицо! Вот мы приносим тебе мяса. Камышевый сидит в камышах, ожидает себе жертвы. Это я пою, я, Дило. Фиу, фиу, фиу. А ты знаешь, о чем я пою?»

«Как я могу знать, о чем поют мальчишки?»

Дило смеется: «Сегодня узнаешь. А ты поправилась, отъелась, и груди налились».

«Не трогай, дурак!»

«Хочешь, я тебе игрушку подарю. Сам точил».

«А что это такое?»

«Это Мамонт Сса, мясная-Гора. Тиу, тиу, тиу, солнце жги!»

«Да, красиво!..»

«Вот это у него глазки, а это у него ушки, а это у него ножки, а это хоботок. Трудно точить. Мой кремешок — как мышиный зубок. Вот он, видишь». Показывает.

«А зачем же у этого мамонта ножки сведены вместе?»

«Этот Сса в беде, в яме».

Ронта в внезапном восторге: «Да ну!» Поет песню мамонта:

Дедушка Сса!
Дантра, тетка твоя, а наша прабабушка,
Велит, говорит тебе:
«Не пугай нас, умри!..»

Берутся за руки и кружатся, припевая: «Умри, умри, умри!..»

«Нравится тебе? А хочешь, я и тебя сделаю? Есть у меня кость, такая [же] белая, как тело твое!»

«Опять ты. Перестань, урод, горбун!»

Дило ядовито: «Горбун под рукой, а прямой[34] за рекой».

Ронта вздрагивает: «Кто за рекой? Яррий?..»

«А хотя бы твой Яррий!..»

Ронта с упреком: «Яррий кормил тебя!..»

«Правда… И ты тоже кормила. Когда Дило был голоден… Ты моя мама…»

Ронта вздыхает. Молчание.

«А может, он близко!..»

Ронта вздрагивает: «Кто близко, кто близко?»

Дило лукаво: «Дух камышевый… А ты кто думала. Ну хочешь, я его кликну?»

[33] Первоначально: русая.
[34] Первоначально: статный.

Ронта ждет. Дило кричит по-перепелиному: «Подь-поди, подь-поди!»

В кустах откликается: «Подь-поди!»

Ронта: «Кто это, чей это голос?»

«Это воздушный дразнилка. А ты думала кто? Подь-поди!»

Входит Яррий. Ронта вскакивает и с криком бросается к нему навстречу. Берутся за руки и трутся щека об щеку. Ронта от радости плачет, потом начинает плясать кругом Яррия, припевая: «Яррий, Яррий, Яррий!»

«Где ты был, что ты делал?»

Яррий весело: «Где был, там теперь нету. Ходил, ловил. Недаром я ловец».

Ронта с восхищением: «Какой ты большой стал! Целый Анак! А что у тебя за шрам на шее?»

«Ах это? Это медведь занозил, такой черный косматый, две капли — Черный Юн. Ну как они все поживают, Спанда и Лото, и дедушки и бабушки? И этот Черный Юн».

Ронта неожиданно: «А где твой хранилка, Яррий?» Дотрогивается рукой до собственной ладонки.

Яррий равнодушно: «Не знаю, медведь сорвал?»

Дило: «Опять медведь, медведь. А где этот медведь?»

«Да вот он! На, ешь». Достает из сумки кусок медвежьего мяса.

Дило в восторге: «О, жирный медведь!»

Ронта качает головой: «Хранилку потерял. Худой знак!»

Яррий равнодушно: «Ну вот! Он маленький, а я большой! Кто же кого охранял?»

Ронта: «Грех, духи услышат!»

Яррий: «Где духи? Я их не вижу!»

«Где духи?.. Везде, кругом. В воде, в камышах, в пространстве, в воздухе. Везде духи и везде боги».

Яррий: «Пусть же они придут. Я ходил в лесах и в камышах, днем и ночью, и звал их. Никто не приходил».

«Зачем звать? Разве ты сам не слышишь?..»

«Да, слышу. Первого главного духа слышу в себе».

«Старые люди говорят…»

«Да, я знаю, что говорят старые люди: “Надо пресмыкаться перед богами, кланяться в землю. Трепетать и покоряться. Пищу им давать, чтоб самого не съели”. Пусть приходят они. Я с добрыми добрый, а со злыми я сам злой. Я не боюсь…»

Дило со смехом: «Вот здорово! А посмотри-ка, Яррий, как нас разукрасили. Юн нарезывал, Исса вышивала, а я сам раскрашивал». Показывает на груди свежую татуировку.

«А сейчас нас будут освящать».

Яррий кивает головой: «Да, я знаю».

Дило смеется: «Драть нас будут, чтоб мы не забывали. Сечь розгами. А ты тоже станешь сечься. Тебе влетит».

Яррий молчит.

Ронта начинает упрашивать Яррия исполнить обряды.

«Я хочу плясать с тобою сегодня на празднике солнца. Мне страшно одной без тебя»[35].

Яррий пылко: «Ненавижу их обряды. Нож Юна врага не коснется меня. Не бывать этому. Уйду я от них».

«Куда?»

«На свете места много. Опять буду жить на вольных полях».

«Юн смилуется!»

«Пусть над тобою он смилуется. Будешь плясать с ним, черную бороду гладить девичьей ладонью».

«Ух, не надо!» Ронта плачет.

Яррий смягчается: «Ну хорошо, если они ничего не скажут, я тоже не стану говорить».

Дило важно и весело: «Девчонки, уходите, здесь место только мужчинам».

Являются два колдуна, группа юношей и несколько сильных воинов.

«Яррий, Яррий Ловец! Отыскался беглец!.. Яррий, иди к нам!»

Колдуны насмехаются над Яррием.

Спанда: «А ляжешь под розги?»

Яррий мрачно: «Ну, лягу! Я тоже не хуже других!..»

Юн с свирепой шутливостью: «Так ведь ты не годишься. Ты еще не обрезан и не вышит. Дай-ка я тебя вышью».

«Я сделал в пустыне, сам над собою, что надо».

Раскрывает плащ и показывает свежие рубцы.

Юн: «Нет, это не считается, ложись!»

Яррий: «Так делали деды. Так сделал мой дед Ярон рукою собственной на поле Кенайском».

[35] Выпущено: Яррий пожимает плечами: «Зачем же я пришел сюда». [Смысл выпущенной реплики неясен: то ли «Не стоило мне приходить», то ли «Не для этого ли я пришел». С идущей следом репликой согласуется первый вариант.]

Юн с насмешкой: «Нет, плохо ты вырезал, не у деда учился. Дай, я тебе поправлю».

«Прочь!» Замахивается копьем.

«Держите его, Анаки! На этот раз он не уйдет от нас. Полно шутить. Мой бог требует[36] жертвы кровавой, живой».

Спанда: «Мы Анаки — не шакалы, друг друга не едим».

«Мой бог ест. Бог белый месяц».

«Летнее солнце не любит видеть крови[37]. Твой бог не месяц, луна. Луна со щербиной. Солнце без всякого изъяну».

Начинается спор колдунов. Спанда принимает сторону Яррия. Но Илл Огнебородый[38], самый сильный воин, для большей верности предлагает изгнать Яррия.

«Уйди, Яррий!»

«Я уйду!»

«Теперь слушай и помни: воды нашей не пей, не грейся у огня, будь нам чужим, другого племени, без нашего бога, без нашего кладбища».

«Уйду я! А вы, будьте вы прокляты».

Входят мужчины и женщины. Выстраиваются два хора, мужской и женский.

Ж.: «Красные ягоды поспели».

М.: «Женские груди налились».

Наступают стеною друг на друга: «Солнце, жги!»

Альф: «Я буйный козел, рога мои копья. Пара, приди!»

«Не придем, не придем!»

«Дайте невесту!»

«Не дадим, не дадим!»

«Возьмем, возьмем».

«Асу дадим, Асу, Асу!»

«Не возьмем, не возьмем!»

«Эллу дадим, Эллу, Эллу!»

Брачный пробег Эллы и Альфа. Элла пробегает сквозь женскую улицу. Альф за ней. Его бьют ремнями и прутьями. Альф ловит Эллу.

Пробег Дины Охотницы и двух друзей-ненавистников[39] Мара и Несса.

---

[36] Первоначально: Я тре[бую].

[37] Первоначально: Солнце бог красный.

[38] В списке действующих лиц — Илл Бородатый. В романе этот персонаж также именуется по-разному: Илл Бородатый, Илл Огнебородый, Илл Красный Бык, Красный Илл.

[39] Первоначально: братьев-соперников.

Мар: «Я буйный мамонт, клыки мои копья!»

Несс: «Я буйный бык, рога мои копья!»[40]

Дина не дается никому.

Женский хор, ликуя: «Не взял, не взял».

Юн Черный выходит вперед: «Я буйный дракон, рога мои лунные!»

«Ронту дадим, Ронту, Ронту!»

Полушутя выталкивают Ронту вперед.

Юна в бешенстве мужу: «Ах ты черная морда!»

Юн весело: «Ничего! Я черный, так она белая. Расплодим мышат на целую Кенайскую землю».

Справа показывается Яррий с копьем и бросается к Ронте. Смятение.

«Убейте бродягу, убейте. Бродяга, осквернитель[41]!»

«Яррий, не тронь! Убью!»

Ронта и Яррий убегают.

Составляются брачные пары. Альф с Эллой. Илл Огнебородый с Литтой. Мар и Несс хватают Дину за руки и тянут в разные стороны. Она стравливает их и заставляет драться. Мальчик Рул падает пред Диной на колени.

«Возьми меня, топчи меня ногами. Брачный дар шкура моего тела». Он лишается чувств, и Дина укачивает его на коленях, как малого ребенка.

Спанда-колдун с Иссой-ночною колдуньей.

Юн с Юной. Они мирятся. Все пары спарились. Пьют вино Хум[42]. Песня Хума:

Хум, живое вино, дай нам любовь!

Мужчины и женщины опять разъединяются и становятся четырьмя рядами за каждым лучом брачного огнива. Два ряда мужских и два женских попеременно. Они вращают огниво сперва медленно, потом быстрее и быстрее. «Солнце, жги!» — Жж! — скрипит колесо. «Жги, жги!» Сперва дым, потом пламя. Колесо вращается в огне. Анаки бегут в неистовстве; ряды догоняют друг друга и не могут до-

[40] Первоначально реплики Мара и Несса располагались ниже, после слов «Не взял, не взял».

[41] Выпущено: праздника.

[42] По-видимому, здесь метонимическое перенесение названия тары (хум — большой глиняный сосуд) на ее содержимое.

гнать. Колесо вспыхивает и сгорает. Одновременно солнце садится. Темнеет. Анаки смешиваются.

Действие третье

Праздник воскресения зверей

Сцена представляет огромную пещеру на зимней стоянке Анаков, в Кенайских горах. Двойное освещение спереди и сверху. Верхнее отверстие сзади, в глубине. Стены пещеры неровные, с выступами и плоскостями. Местами рисунки охрою и красной краской, изображающие зверей и сцены охоты. Слева и справа спальные помещения в виде больших сундуков, узких и низких и чрезвычайно длинных. Они сплетены из прутьев и покрыты травой. Левый для женщин, правый для мужчин. Вход завешен. На первом плане костер, в пещере довольно темно и дымно.

У костра в большом кругу размещены воскресающие звери. В средине мамонт-Сса, представленный куском собственной шкуры. На шкуре щепотка шерсти, сердце и часть печени, оба глаза и один огромный клык. Рядом с глазами фигурка мамонта, сделанная из толченых трав, смятых в тесто. Перед мамонтом на белой чистой коже новая одежда, пучки шелковистой травы, перевязанной корой, и отборная пища. Рядом с фигуркой мамонта фигурка его жены, данной ему Анаками. Фигурка эта человеческая, женская, в лежачем положении. В кругу медведи, олени, лошади, волки, два лося, представленные черепами и др.[43] Все эти звери должны воскреснуть, примириться с Анаками и получить отпуск на волю.

Женщины в пучках травы и разноцветной шерсти, часто в звериных масках. Мужчины с бубнами и гремушками. Ночная колдунья Исса руководит обрядами.

Два хора, мужской и женский.

Ж.: «Пришли, пришли, пришли!»

М.: «Привет гостям!»

Ж.: «Вы устали, разденьтесь! Мы приготовили вам новые плащи. Вы озябли, погрейтесь у огня. Вот пища, питье. Вот постель, отдохните. Жена для любви!..»

Исса: «Тсс! Гости спят!»

[43] После слова «черепами» запятая отсутствует в обеих машинописях, но, ввиду общей неряшливости набора, возможно, она подразумевается. Поэтому сложно решить, что имеется в виду под сокращением «др.»: другие животные или другие кости помимо черепов.

Лото выходит из спального шалаша в маске мамонта и изображает главного гостя. Женщины перевоплощаются в зверей, тявкают, ревут, ржут, хоркают, храпят. Мужчины колотят в бубны.

Разговор охотников с зверями:

«Не сердитесь на нас!»

«Нет, нет, нет!»

«Мы вас не убивали!»

«Нет, нет, нет!»

«Молния вас убила огненным копьем!»

«Да, да, да!..»

«Скалы упали вам на голову, земля проглотила вас!»

«Да, да, да!..»

«Мы вас ласкали и грели у огня!»

«Да, да!»

«Придите к нам в другой раз!»

«Да, да!»

Исса поднимает с тревогою руку: «Я слышу чужое».

Вкатывается Дило на четвереньках. Он хрипит, задыхаясь от ужаса и бега.

Анаки: «Кто гонится? Кто гонится?»

Дило видел в ущельи за три перевала чудовище-зверя.

Анаки насмехаются над ним, но постепенно он заражает их своим ужасом.

«Какой зверь?»

«Зверь, дьявол!»

«Какой он был из себя?»

«Как гора!»

«Зверь-гора, с хоботом, мамонт?»

«Больше зверя-горы и больше утеса».

«Что же он делал?»

«Ел. Схватил двух буйволов, и кости хряснули. О, какие[44] зубы! Я сам видел!»

Юн заявляет, что это лунный дракон, сошедший на землю.

«Вы отпускаете зверей, а этот сам пришел. Отпустите-ка его. Удержали ему жертву, за жертвою пришел. Другим вы даете жену, за белой женою пришел».

Спор колдунов, Спанды и Юна.

[44] Возможно, здесь «О какие» в значении «Во какие».

Спанда предлагает обычное гадание. Гадают останками мамонта-Сса, завязанными в шкуру и подвешенными на коромысле. Милку заставляют тянуть коромысло. «Теперь спрашивай: “Сса, скажи, как будем жить и есть в наступающем году?”» Но Сса не хочет отвечать. Клубок срывается и попадает в огонь.

Темнеет. Анаки уходят в спальные шалаши. На сцене остаются девушки. Им скучно и жутко. «Милка, спой сказку!» Милка поет сказку о драконе, проглотившем солнце, и о трясогузке Рунте, решившейся выручить солнце.

«Я пришла», — сказала Рунта. — «Зачем ты?» — спросил дракон.
«В жены к тебе», — сказала Рунта. — «А, хорошо», — сказал дракон.
«Как берешь ты жен?» — спросила Рунта. — «Пастью беру!» — сказал дракон.

Девушки смеются: Рунта — Ронта, похожее имя. Ронта плачет от волнения.

Девушки тоже уходят спать. Ронта остается одна у догорающего костра и напевает всё ту же песенку. Неожиданно является Яррий. Он прошел в пещеру боковыми ходами.

«Я пришел попрощаться. Где Дило?»

«Куда пойдешь ты?»

«Пойду на край света, на берег моря. Увижу морских великанов с зубами, как у мамонта».

«Как ты будешь жить, Яррий?»

«Один буду я жить, диким бродягою, рвать добычу когтями, как звери рвут. Пойдем со мною, Ронта!»

Ронта молчит.

«Лица мужчин не увижу. Глаза женщин не будут смотреть на меня. Когда я умру, шакалы закроют мне глаза… Ронта, пойдем со мною!..»

Ронта сперва колеблется, но потом отказывается. Ей жаль покинуть племя и подруг.

Действие четвертое

Зараза

Сцена представляет каменистую площадь перед пещерой Анаков. Кругом волнистые, лесистые холмы.

На сцене в разных местах больные, изнемогающие Анаки. Направо труп Несса, весь в синих пятнах. Спанда сидит в головах с бубном и тихонько поколачивает пальцем. Мар Красивый сидит над трупом сбоку и разговаривает с покойником.

«Сердишься, Несс?.. За что? За девку? Ну, больше не будем драться. Хочешь, бери ее себе».

Группа Анаков уносит другой труп, на палке, обвязав труп ремнями.

Мальчик Рум бегает кругом с шакалом на руках[45] и выкрикивает: «Слушайте, духи: я не Рум, я Лаин, мой дед Лаин!.. Старый Лаин вернулся на землю. Я не Рум!»

Анаки обступают колдунов с криками: «Сделайте что-нибудь, спасите, защитите!»

Майра [под]бегает[46] с трупом ребенка Лиаса и сует его под нос Юну: «Нате, жрите, вы, вместе с богом твоим».

Юн спокойно, указывая на синие[47] пятнышки на шее трупа: «Вот вам знаки дракона. Теперь сами видите!..»

Анаки угрожают колдунам.

Спанда: «Я мог бы изменить ваши лица, выбрить волосы, расчертить щеки полосами, мужчинам груди привесить, а женщинам бороды и скрыть вас от духов заразы!..»

Некоторые Анаки поспешно исполняют сказанное.

Спор колдунов. Спанда предлагает принести солнцу кровавую жертву.

«Слушайте, дети, чем нам отдавать всё племя *тому*, лучше отдадим только одного *этому*».

Юн дерзко качает головой: «Мало даете. Одной головой откупаетесь!..»

Из пещеры выходит Юна с Мышонком на руках. Мышонок тоже болен. Юн выхватывает у нее ребенка и наносит ей страшный удар.

---

[45] Слова «с шакалом на руках», вписанные от руки без четкой локализации, могут быть поставлены и перед словами «бегает кругом».

[46] Предлог читается предположительно.

[47] Первоначально: черные.

Юн с воплем, поднимая ребенка вверх в сторону запада: «Слушай, бог, зачем тебе этот мальчик? Возьми другого!..»

Анаки ропщут.

«Десять возьми, двадцать возьми!..»

«Даю тебе живую часть моего тела».

Бросает ребенка жене, опускается на колено и отрубает себе мизинец каменным топором. Анаки воют от ужаса.

Юн: «О, о, всё племя возьми!»

Анаки с криками бросаются от него в разные стороны. Некоторые падают и корчатся в припадке заразы.

«Постойте, Анаки! Я пойду к дракону, спрошу его прямо, чего он хочет».

Жене, указывая на сына: «Если не сбережешь, убью!» Убегает на западную сторону.

Спанда повторяет предложение: «Дадим одного солнцу. Отец, может, сжалится. Солнце, ты видишь?..»

«Дадим! кого, скажи!»

«Такого, маленького, детская душка слаще!»

Анаки по знаку Спанды хватают Антека, второго близнеца Майры Глиняной. Женщины бьют Майру. «Отдай лишнего чертенка. Семя чужое, чертово!..»

«Лишний издох! Это мой собственный сын!»

«Этот тоже чужой! Оба чужие, лишние! Отдай, проклятая!»

Мальчика хватают и уносят за сцену. Слышен короткий оборванный крик. Вносят чашу с кровью.

Спанда: «Это вино кровавое. Возьмите и творите помазание во имя солнца Отца!»

Анаки проводят на лбу кровавую черту и бормочут заклинание: «Провожу реку кровавую! Все духи утонут, враги захлебнутся».

«Пейте от этой крови!»

Анаки макают губы в крови.

«Майре помазание!..»

Майра вкушает кровь собственного сына и падает мертвая[48].

Возвращается Юн. Лицо его в пятнах. Он тоже болен.

Анаки навстречу: «Ну говори, мы дадим! Сколько возьмете?»

Юн, равнодушно шатаясь на месте: «Я сказал: всё племя».

«О-о-о!..»

[48] Эпизод жертвоприношения от реплики «Дадим! кого, скажи!» до слов «падает мертвая» первоначально располагался выше, перед фразой «Юн дерзко качает головой».

Юн: «Я говорил с ним, он злится[49], требует за племя оленную жену».

«Какую жену?»

«Белую телку».

«Где она, где, мы дадим!..»

«Вот она!» — указывает рукою на Ронту.

Женщины бросаются на Ронту: «Бродяга, с бродягой жила!»

«Ни с кем я не жила».

«Лжешь, убьем».

Юн: «Не так, не так! Он говорит: “Теперь не хочу ее от вас. Теперь пусть она сама придет, поклонится[50]!”»

Дина: «Не трогайте ее, она вам ничего не сделала!»

Ронта по-детски: «Я ничего не сделала».

Рул падает перед Ронтой на колени: «Спаси нас, спаси нас от смерти! Ваша вина!»[51]

«Как я спасу вас?»

«Иди к дракону!»

Ронта отступает в испуге: «Зачем я пойду?»

«Белой невестой пойди! Ты чистая, святая! Уговори его, пусть он нас оставит! Уходите на небо вдвоем. Смерть наша живая!..»

Ронта молчит.

Мужчины: «О-о, смерть наша незримая. Чего ждать, куда бежать. Лучше покончить самим».

Женщины: «Спаси нас, спаси племя, маленьких детей, еще не рожденных!..»

Ронта беспомощно к Дине: «Что, Дина?»

«Если можешь, иди!»

Ронта чуть слышно: «Ну, я пойду».

Взрыв радостных криков. Анаки бросаются пред нею на землю и катаются в прахе, воздавая ей божеские почести.

Исса: «Ну, уходите, уходите! Это место святое, запретное».

Мужчины и женщины, всё племя, забирая пожитки, уходят, покидая навеки пещеру.

Несколько старух и девушек начинают справлять над Ронтой обряд венчальный и вместе погребальный.

---

[49] Первоначально: сердится.

[50] Первоначально, по-видимому: попросится. Беловой вариант «поклонится» также читается предположительно; в М2 он расшифрован как «покорится».

[51] Видимо, имеется в виду: «Спаси нас от смерти, которая нам грозит по вашей с Яррием вине».

Ронта в украшениях садится у костра. Женщины уходят. Ронта одна. Тихо напевает песенку дракона:

«Как берешь ты жен[52]?» — спросила Рунта.
«Пастью беру!» — сказал дракон.

С опушки тихий свист. Ронта не шевелится.

Вбегает Яррий.

«Ронта, Ронта, Ронта!»

Ронта, не поднимая головы: «Зачем ты пришел?»

«Я твой муж».

«Мой муж там на горе!»

«Знаю, Рул мне сказал!» Падает на землю и бьется головой о землю.

«Полно, сядь здесь!»

«Зачем ты, Ронта?»

«За племя, за маленьких детей!»

«Из чрева твоего могли родиться дети, несчетное племя, наше собственное. Ты не захотела».

«Я не могла».

«Каждый волос твой дороже Анака. Капли крови твоей — как яркие звезды. Красное сердце твое — как красное солнце».

«Полно, Яррий!»

«Не дам тебя за них! Кто они, трусы, убийцы, рабы!»

«Будут другие».

«Другие будут жить, а ты умрешь. Не дам тебя. Лучше я сам умру».

«Что ты задумал, Яррий?»

«Я воин, у меня есть копье».

«Не надо! Он погубит тебя».

«Пусть губит, пусть, не боюсь, ненавижу!»

«Он бог!»

«Злой бог, дурной бог! Жить не дает, радость берет от нас. Не нужно его!»[53]

Спор Ронты и Яррия.

«Бог, бог! Не можешь бороться с богом!»

---

[52] М2: меня.

[53] Первоначально последние три реплики имели иной вид: «Пусть губит, пусть, не боюсь, ненавижу! Ненавижу богов!» — «Не боги враги. Нас боги создали». — «На гибель создали. Жить не дают, радость берут от нас. Не нужно их!»

«Просто зверь. Я ходил к нему, видел его. Огромный зверь. Или ваши боги простые звери… Огромный ящер».

«Ах, не надо! он сожрет тебя. Он как гора».

«Кто знает? Мамонт-Сса тоже Зверь-гора, но люди его побеждают. Быть может, я убью его».

«Ты погибнешь, погибнешь».

«Пусть я погибну! Или я недостоин погибнуть с тобою?..»

В лесу слышен свист, мелькают фигуры и факелы.

Ронта: «Это Анаки! Беги!»

Анаки[54]: «Ууу, бродяга, осквернитель!»

Издали, не смея подойти, потрясают копьями.

«Беги, они убьют тебя!»

«Хочешь, я унесу тебя? Мы убежим в дальние горы. Пусть они гибнут. Мы будем жить».

«Нет, нет! Иди, живи!»

Близко пролетает копье, потом камень.

«Беги!» Ронта закрывает Яррия собственным телом. «Беги, беги!»

Яррий убегает в темноту.

Анаки: «Держи, бей, бей!»

В лесу треск сучьев. Борьба. Потом высоко над рощей свист Яррия с знакомым переливом.

Ронта садится к костру. Всё стихло.

Ронта напевает:

> «Как берешь ты жен[55]?» — спросила Рунта.
> «Пастью беру!» — сказал дракон.

Последняя заключительная картина

Дикие горы, длинное ущелье, суживающееся кверху.

Ронта медленно восходит к устью ущелья. Она в большом уборе, но без плаща. Далеко внизу рассыпались Анаки. Ронта останавливается, склоняет голову и складывает руки на груди. В глубине ущелья показывается голова дракона. Яррий появляется высоко над обрывом, потом спускается вниз, с террасы на террасу, упираясь копьем, и становится пред Ронтою[56] поодаль. Он поднимает копье

[54] Выпущено: издали.
[55] В М2 странным образом вновь то же самое разночтение: меня.
[56] Первоначально: впереди [Ронты].

и готовится к удару. Глаза дракона вспыхивают алым огнем. Дракон спускается.

<Ранняя редакция экспозиционного монолога Юна Черного в виде отдельной машинописи с надписью от руки: «Особо переписать»>

Юн: Тс, тише!.. Чтоб глаз не увидел, чтоб ухо не услышало!.. Спят Анаки… Спят ли?.. Он[и] лежат, словно белые олени[57] на песке. Альф Быстроногий, Илл Бородатый. Челнок под ним садится глубже всех, но на ходу он медленн. Мар Красивый и Несс, друзья-соперники. *(Усмехается.)* В будни друзья, а в праздник за девку соперники… Там девушки-ягодки. Литта — Золотая Голова, Ронта Молодая… Мальчики — непокорная орда. Целая гола куча, как поленн[ы] обрубыши березовые. Там с ними Мышонок, маленький, голодный… Ох ты, Мышонок!.. Чем накормить тебя, Мышонок? Пей кровь мою, Мышонок! Больше дать тебе нечего.

Голод, голод, иссохли Анаки… Олени не идут, мы ждем их понапрасну двуручие ночей *(показывает на пальцах)*, не можем дождаться… Если еще запоздают, иссохнем до смерти!..

Олени, зачем вы не идете, зачем вы не плывете через быструю реку Дадану?.. Я зову вас на пир на красную весеннюю свадьбу. Телки молодые, быки, матки с телятами.

Жены оленьи, сдавайтесь!
Я внушаю вам похоть,
Запах мой вас привлекает, как мускус,
Копье мое вас пощекочет легонько.
Спешите на пир!

(Пляшет.)

Не слышат, не идут… Я призову вас, олени, я пошлю на вас духов-загонщиков с зубами крысьими. Они вас подгонят под наши зубастые дротики… Ух, молчат… Волчья сыть, мы выпьем вашей крови!

Кого просить, кому кланяться?

Солнце-Отец, красное небесное око! Посмотри хорошенько, не найдешь ли ты этих оленей! Я дам тебе жиру!

[57] Первоначально: тюлени.

Не хочет отвечать, спит, не отвечает.

Дух Водяной, трехпалый, с рыбьим хвостом! Гони нам оленей через быструю реку Дадану!

Горный Дух, Гранитный Лоб, замурованный в камне! Пригони нам оленей через желтые лысые горы!!

Ах, тоска, тоскует мое брюхо! Брюхо, запой, дай мне знак, что еда приближается.

Кого еще просить?

(С востока восходит луна.)

Ты, дракон, бог ночной, бледнолицый, мало известный людям!

Злой, лукавый, бог колдунов, мой собственный бог!

О дракон, ты солнце глотаешь, ты солнце затмеваешь, а потом извергаешь его снова.

О дракон, как ты глотаешь солнце, дай мне проглотить этих оленей!

Сделай мне знак, я дам тебе жертву! *(Ждет.)*

Телку молодую, лучшую из стада!..

Дракон, дракон!.. Белую телку, вожатую в стаде.

Ни один бог не слышит, ни один не говорит.

Вы боги злые. Я всех вас злее! Нищие божонки! Идите сюда! Я и вас съем!

(В кустах впереди слышен треск сучьев.)

Добыча, знамение!..

(Бросается вперед и исчезает в кустах.)

Литература

Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / Сост. и подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского; статья и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.

Баскер М. К разбору рассказов Н.С. Гумилева «Принцесса Зара» и «Дочери Каина» // Гумилевские чтения. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1996. С. 137–157.

Гаген-Торн Н.И. Memoria / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 1994. 415 с.

Гумилев Н. Полное собрание сочинений. Т. V / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера, Т.М. Вахитовой, Ю.В. Зобнина, А.И. Михайлова, В.А. Прокофьева, Г.В. Филиппова. М.: Воскресение, 2004. 520 с.

Иванова Е.В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М.: Росток, 2012. 608 с.

Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост. А.Г. Мец. Т. III. М.: Прогресс-Плеяда, 2011. 944 с.

Материалы для биографии Н.С. Гумилева / Публ. и коммент. Е. Вагина // Russica-81: Лит. сб. Проза. Поэзия. Публицистика. Эссе. Воспоминания. Архив / Под ред. А. Сумеркина. New York: Russica Publishers, Inc, 1982. С. 361–378.

М. Горький: Материалы и исследования. Т. 1 / Под ред. В.А. Десницкого. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 552 с.

Сошкин Е. Русский модернизм и палеофантастика // Зеркало. 2020. № 55. (В печати).

Якимова Л.П. Семиотика пещеры в русской литературе 1920-х годов // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 175–190.

Refererences

Al'tman M.S. *Razgovory s Viacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov], comp. and ed. V.A. Dymshits and K.Iu. Lappo-Danilevskii, intro. and notes K.Iu. Lappo-Danilevskii. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995. 384 p. (In Russ.)

Basker M. K razboru rasskazov N.S. Gumileva “Printsessa Zara” i “Docheri Kaina” [On the analysis of N.S. Gumilev’s short stories “Princess Zara” and “Daughters of Cain”]. *Gumilevskie chteniia* [Gumilev proceedings]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 1996, pp. 137–157. (In Russ.)

Gagen-Torn N.I. *Memoria*, comp., intro., afterword and notes G.Iu. Gagen-Torn. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1994. 415 p. (In Russ.)

Gumilev N. *Polnoe sobranie sochinenii. T. V* [Complete works. Vol. 5], ed. and notes M. Basker, T.M. Vakhitova, Iu.V. Zobnin, A.I. Mikhailov, V.A. Prokofiev, G.V. Filippov. Moscow, Voskresenie Publ., 2004. 520 p. (In Russ.)

Iakimova L.P. Semiotika peshchery v russkoi literature 1920-kh godov [Cave semiotics in Russian literature of the 1920s]. *Kritika i semiotika*, 2004, no. 7, pp. 175–190. (In Russ.)

Ivanova E.V. *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: Last years]. St. Petersburg, Moscow, Rostok Publ., 2012. 608 p. (In Russ.)

M. Gor’kii: Materialy i issledovaniia. T. 1 [M. Gorky: Materials and studies, vol. 1], ed. V.A. Desnitsky. Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1934. 552 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O.E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 3 t.* [Complete works and letters, in 3 vols.], comp. A.G. Mets. Vol. III. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)

Materialy dlia biografii N.S. Gumileva [Materials for N.S. Gumilev’s biography], ed. and notes E. Vagin. *Russica-81: Lit. sb. Proza. Poeziia. Publitsistika. Esse. Vospominaniia. Arkhiv* [Russica-81: Literary collection. Prose. Poetry. Journalism. Essays. Archives], ed. A. Sumerkin. New York, Russica Publishers, Inc, 1982, pp. 361–378. (In Russ.)

Soshkin E. Russkii modernizm i paleofantastika [Russian modernism and paleofantastic]. *Zerkalo*, 2020, no. 55. (In print). (In Russ.)

Unknown play by Vladimir Bogoraz-Tan

© 2020, Evgeny Soshkin

Abstract: Vladimir Germanovich Bogoraz (1865–1936, pseudonyms: Tan, Tan-Bogoraz, Bogoraz-Tan), the famous ethnographer, linguist, religious scholar, and researcher of Northern peoples, was also a prolific and popular fiction author, in particular, a prominent representative of the so-called prehistoric fiction, i.e. fiction about prehistoric times. This is the first publication of Bogoraz's play "Dragon Victims" which is a revision of his prehistoric novel under the same name (1909, "Sons of Mammoth" in English translation of 1929), commissioned in 1920 by the Section of Historical Pictures at the Petrograd Theater Department of the People's Commissariat of Education, after Bogoraz, at that time an employee of the Petrograd Museum of Anthropology and Ethnography, had been invited by the Section to write an introduction for the upcoming paleophantastic play "Rhino Hunt" by N.S. Gumilev. The text of Bogoraz's play "Dragon Victims", preserved in the archive (St. Petersburg Department of the Russian Academy of Sciences Archives), is published according to the typescript with author's handwritten corrections. In a detailed introductory article, the publisher clarifies the dating, the history of creating, and the literary characteristics of the play as compared to the novel, as well as the programmatic nature of the encouraging attitude to composing plays on prehistoric themes that came from A.M. Gorky, the founder and head of the Section.

Keywords: Vladimir Bogoraz-Tan, prehistoric fiction, "Dragon Victims", Nikolay Gumilev, "Rhino Hunt", Section of Historical Pictures.

Information about the author: Evgeny Soshkin, PhD, visiting researcher at the Department of Slavic Studies, Hebrew University, Jerusalem. E-mail: e_soshkin@yahoo.com

Citation: Soshkin Evgeny. Unknown play by Vladimir Bogoraz-Tan. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 8–41. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-8-41

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-42-114
УДК 821.161.1

А.М. Ремизов

«На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 *

Комментарии *Е.Р. Обатниной*
Подготовка текста *Е.Р. Обатниной* и *А.С. Урюпиной*

Аннотация: Составители продолжают вводить в научный оборот главы из рукописи А.М. Ремизова «На вечерней заре», которые образуют серию публикаций, посвященных эмигрантскому периоду жизни и творчества писателя. Основной текст содержит корпус писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1925 г. В 1945–1948 гг. они были подвержены авторскому редактированию и частичному комментированию для будущей книги. В Приложении приведены оригинальные письма этого же времени. Такое соположение текста конкретной главы с его документальными первоисточниками открывает перспективу для исследования мотиваций, которыми руководствовался писатель при создании автобиографических произведений в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Корпус эпистолярных документов за 1925 г. содержит сведения, связанные с положением Ремизова в литературной среде парижской эмиграции, его дружескими и профессиональными контактами, а также раскрывает неизвестные факты творческой и печатной истории его художественных произведений. Публикация сопровождается подробными комментариями, опирающимися на неизвестные ранее архивные материалы, дополняющие историю Русского Зарубежья. Проведенные составителями историко-литературные изыскания позволили внести существенные уточнения в биографические данные, например молодых друзей писателя Г.С. Киреева и Ю.Д. Дореомедова, и в хронологию жизни и творчества писателя в целом.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, литература русской эмиграции, А.М. Ремизов, С.П. Ремизова-Довгелло, «На вечерней заре», эпистолярные источники.

Информация об авторах: Елена Рудольфовна Обатнина, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: lena.eo@mail.ru

* Публикация выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-012-00035).

Анна Сергеевна Урюпина, к.ф.н., хранитель Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей), Москва, Россия. E-mail: urana1409@gmail.com

Цитирование: Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-42-114

Глава из рукописи «На вечерней заре» публикуется по беловому автографу (Отдел рукописных фондов Государственного литературного музея [далее ГЛМ]. Ф. 156. Оп. 2. № 299)[*]. В Приложении представлены тексты оригинальных писем Ремизова к С.П. Ремизовой-Довгелло за 1925 г. (ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 340), подвергшиеся редактированию в составе рукописи в 1945–1948 гг. Оригиналы собраны Ремизовым в отдельную тетрадь, на страницах которой писатель подклеил дополнительные материалы и оставил пояснительные надписи к хронологии 1925 г. Описание этих дополнений, а также фамилии лиц, упомянутых в оригиналах, приводятся в угловых скобках; авторские подчеркивания в тесте выделены курсивом. Все тексты воспроизводятся с преимущественным сохранением авторской пунктуации, некоторых особенностей авторской или дореволюционной орфографии. Без дополнительных конъектур исправлены случаи описок и грамматических ошибок в словах и фамилиях. Отдельные слова, названия, топонимы на французском языке приведены в соответствие с нормами правописания.

[*] См. предшествующие главы: «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. / Вступ. заметка и коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2018. № 7. С. 46–81; № 8. С. 8–67; «На вечерней заре». Главы из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1923 г. / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Там же. 2019. № 11. С. 36–91; «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1924 / Коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 45–108. Далее ссылки на эти публикации: Литературный факт, с указанием выходных данных и страниц.

1925
Mme I. Hugenet-Fleury. Le Clion s/mer Villa Kerbellec[1].

1. I. 1925
12 ч. 20'
60 A
31. VII. Montrevil s/m.
20. VIII Mme Fleury, Kerbellec

С Новым годом! В который раз, и всё те же надежды и вера. Только хочется мне в этом году тихих минут, без слов, с мыслью сосредоточенной. Без этого ничего не сделаешь.

Paris 1925
120 bis Av. Mozart
5 Villa Flore
19 февр<аля> XVI
60 b

Трудный день: из Банка в Банк гоняли и никто (но это не сразу, а с проволочкой) не согласился выдать деньги. Согласны, если бы у меня был «текущий счет».

Будь в Париже Диксон, получил бы: у него есть счет.

Я был и в английских Банках. И за время моего «банкомёта за £15,15 мне давали всё больше и больше: высчитывали, говорили цифру и возвращали чек. Я мог бы получить сегодня (£1=91,15 frs.) — 1435,60 frs.

Пойду в Банк, где отец Шклявера[2]. У меня сохранилась карточка к управляющему. Откладывать боюсь.

Вернулся домой и крепко заснул. Проснулся, уже темно. Вообразил, что утро.

Письмо от Лиды и Наташи[3]. Посылку: шарф, бусы, шоколад — получили. Наташа прошла «чистку». Пишет «дипломное сочинение» и в школе «на работе» — занимается по русской литературе; называют ее «Наталья Алексевна». «На работе» — означает отбывать общественные работы (бесплатная служба) для поступления в Учительский Союз[4]. Наташа получает жалование по 11-му разряду — 14 руб. 33 к. (Гонорар за беллетристику — за 1 лист 100 руб.). Просит наши фотограф<ические> карточки. У Лиды ноги поправились. Письмо простое, шло 6 дней (Киев) — 13.II—19.II[5].

От Аросева, приглашает к себе[6]. М.М. Шкапской[7] написал, думает, что ее письмо разошлось с моим.

Из Сольвычегодска ответа нет[8].

Принесли твое платье. Повесил.

Оба Познера[9]: за вечер[10] — 445 frs. и еще получат 260 frs. Из общего вычли: 400 frs. за зал + 25 frs. за письма + 25 frs. Лисевне[11] на разъезды = 450 frs. Ждали тебя — я ничего не сказал, где ты — и решили, ты вернешься с последним мэтро (12 ч<асов> н<очи>).

О журналах: Шкловский и Слонимский[12]. И всё к тому, что тут печататься негде. А говорилось потому, что Вова Познер[13] метит участвовать и у Шкловского и у Слонимского. Не думаю, чтобы это прошло: зачем им произведения Вовы Познера, у них Вов переплыв.

Прочитал им из «Огненной пасти» (Оля, II ч<асть>)[14] и из «По карнизам» — Matière (сны)[15]. Условился, что придем к ним по весне и на целый день, но чтобы «без людей».

На Баха не придется. Встретил Киреева[16], он справлялся: билеты распроданы.

А Зинаиды Николаевны (Гиппиус) статьи-то нет! [Не помню, о какой статье. Думаю, что она С<ерафиме> П<авловне> чего-нибудь наобещала и обманула][17].

Сохраняю для тебя из «Дней» о Достоевском («Печать и революция»)[18].

То ли встал я рано, то ли «банкомёт» извел или разговоры, ничего я не написал, и только смотрел и перечитывал.

Конечно, думаю о Лиде и Наташе, если бы меня напечатали в России, часть гонорара можно было бы им послать. Чувствую, плохо им; и еще, надо чем-то оживить, каким-то действительным (осязательным) делом наше отношение.

Гляди на Океан и не тревожься и не терзайся. Вот Наташа всё «терзается» — это уж не в меня, я думаю бурно, но в скрыти и без помехи другим мыслям, а это в тебя: захват всего в одно.

Paris 1925
20 февраля
61

Письмо тебе от Miss Harrison[19], а мне 2 экз. “The Dublin magazine”: стихи Брауна [Alec Brown, переводчик «Пятой язвы»] [20], перевод, им же сделанный, из З.Н. Гиппиус и В. Брюсова (1867 г.) [21].

Зверский холод и вечером туман.

Опять был в Банке и опять попусту. Напишу Диксону. У Шкляве-ра меня посылают в один из Банков, где мне отказали. С досадой вернулся домой. Второй день по самым людным, для меня опасным улицам, всё время глаз, как перейти на другую сторону.

Ужасно жалел, что Киреева соблазнил на Баха: холод и две пересадки. Пришли вовремя, а «местов» нет. Потом уж я сел, а то стоя. Но не пожалел. В “Gloria”[22] изумительно! Поет альт (контральто):

“Aie pitié de nous, Toi, qui est assis

à la droite du Père!”

— Седяй одесную Отца,

Помилуй нас![23] —

Gloria — «Слава в вышних Богу!» — “Gloire à Dieu dans le ciel”.

Когда шел от метро домой, обогнал русских — «критиковали» Степуна: сегодня его лекция, а о чем, не знаю[24]. Бах его загородил.

Во сне ты сказала: «вклеивай письмо, а то потеряется!» — а я отвечаю: «но я только Miss Harrisson вклеил!»[25]

Сон «сонный» по несообразности «но» и «только».

Будь осторожна. Мне кажется, тебе очень холодно и тянет домой.

Только Киреев. Рассказывал мне — он шофер — где и как веселится человек с деньгами в Париже, с «шальными», конечно. И всё приедается, только еще с-кусу что-то, а затем, такая пустота наступает: или запустить камень трахнуть по голове в прохожего, или самому головой в Сену. Все рассказы на одном сходятся.

Писал мало. Извели хождения. И я сержусь на всё.

Paris 1925
21 февраля
62
Твое письмо от 20.II.

Пока поиски не увенчались успехом, много чего находил, но всё не то, завтра буду делать генеральную чистку.

Два билета на гимназический вечер, где Юра (Дореомедов)[26] распорядитель, воображаю, какой кавардак будет. [О Юре — «Пупочек», рассказ из «Вереницы», не издано[27], а в то время он собирал «старинное оружие» и птиц, чтобы иметь птенцов, но ему подсовывали одних самцов, а оружие всё подделка, а дружил он с Киреевым, который тоже любил «собирать» так, как дети, марки].

Урвал минуту и завтра кончу, пошлю В.М. Зензинову («Дни»)[28].

Помер Мих<аил Ос<ипович> Гершензон (Москва)[29] и Кондаков (Прага)[30].

С.В. Познер[31] на мое, что дал согласие читать у католических студентов, заметил:

«Теперь пойдет молва о вашем черносотенстве».

«Ну и что ж! Тут в эмиграции только этим и занимают<ся>, а про меня молва молву ест».

[Студенческие вечера устраивал Аббат Кинэ, никакой политики][32].

Ездил на Киреева[33], читал 3 из «Звенигорода окликанного» про Николу и 2 тибетские сказки из Ё[34]. «Л.М.» Добронравов[35] прав, народ серый. И было много — все по «особым» билетам: дом монастырский. Познакомился с Аббатом, он кончил университет в Киеве и от русского мало чем отличается, только уж совсем не «серый», пишет о Чаадаеве[36].

Киреев очень смущен: он думал, когда брал билет, что он должен объяснить, что ты выедешь в четверг, чтобы отлетали «для счета срока возвращения». Что поделать, Киреев русский человек, перестарался.

14-и frs. не жалей, пропадут, Бог с ними. Диксону не написал еще[37].

На вечере у аббата[38] был от Мережковских этот «Кувшинное рыло» (Вл. Ан. Злобин)[39]. Рассказывал, как из «церковного прихода» (Rue Daru) выгнали И.П. Демидова (Негус и Угрь)[40] «Послед<ние> Новости», за то что С.Р. Минцлова пропустил[41], напечатал его «изложение» легенды о Иуде[42]. Написан «протест» и подписываются. И не желаю ли я дать мою подпись? Во вторник в 5 ч. он принесет этот «протест» для ознакомления.

Без тебя, да и вообще подписываться я не стану. Ты это хорошо понимаешь. Им надо моя подпись, а не я. Не буду, не буду. Да и к церкви они никакого. А Минцлов — эмигрантский раздул (от «раздувать»). При нормальных условиях в России печатали бы его в «приложениях», но значения никакого. И рассказ его для «протеста» пылевой, ни одного слова по-настоящему: дунь — и ничего не останется.

И еще: не хочу я в их эмигрантские дела путаться.

Только послушай: «нельзя политику примешивать в искусство и религию». А этих «художников» выгнали, вот тебе чисто, без примеси.

Звонил к доктору Кричевскому (дантист)[43]. У меня ничего не болит. Пройду к нему «на будущее».

Холодно очень: −1°—0° R. Воображаю, что там, на Океане — “grande marée”[44]! В комнатах у нас было бы тепло, да следить за камином не хочется.

Поищу уж — беда! [Не помню, чего хватилась С<ерафима> П<авловна>].

Сплю в комнате с часами. Ставни закрыл, тут теплее. А мышка не показывается[45].

Paris 1925
22 февраля
63

В «Последних Новостях» З.Н. Гиппиус статья: поминается и Диксон[46].

Холод опять великий.

Все комнаты тщательно обыскал. Если бы не так темно. Осмотрю твою кровать. А в шкапах до ниточки всё перетряхнул.

Для «Дней» переписал, завтра пошлю В.М. Зензинову[47]. Ходил к "vêpre" к Бенедиктинцам, Rue de la Source[48]: кратко и кротко.

Утром, когда ушла Крокодилиха[49], и только что сделал кофе, два звонка: консьержка и за ней Ив.Ив. Манухин[50]. Вот история! Подписать протест? — Протест, что этого Угря Платоныча (Демидова) выгнали из приходского совета. Да при чем я-то тут? Я отказался. Я не сказал о Минцлове, о его плохом рассказе, ни о Демидове, что ходит он под кличкой «угорь» — «набожный черствяк», а просто: подписывать не буду.

В этой церковно-литературной истории есть что-то общее, как недавно выходили из «Академической группы»[51]. Та же закорючка — эмигрантская плесень.

В «Посл<едних> Новостях» целая страница крупно: «Около тайны» Минцлова. З.Н. Гиппиус размазывает: вместо того, чтобы сказать, — церковный совет, отрицающий большевиков, поступил с Угрем по-большевицки — одна тягучая ныть с на что-то намеками[52].

Не хочу я примазываться к этой их «тайне». Ты чувствуешь, понимаешь? И я не подписал. Знаю, за что мне отплатится и от Угря и от Манухина.

В протесте: «не надо путать политику в религию». Само-собой, но ведь это всё «около тайны Минцлова». Вытащили человека, 5 лет печатают, понравился, первый после Алданова, и в заключении под его «Тайну» хвост подписей.

Копию протеста Манухин обещал прислать. [Не прислал, да и зачем ему было присылать? Образумлюсь?].

Я поступил так, как ты бы поступила.

Но мне это стоило. И не могу наладиться. Сержусь. И мысли слышу: об этой «тайне» друг с другом перешептываются. А я хотел писать про «Нюшку»[53].

До свидания. Всё доел, что оставалось. Завтра куплю говядины суп варить.

С Крокодилом расплатился и за молоко[54].

Paris 1925
23 февраля
64

Только что опустил письмо, подают твое.

«Воля России» № 2 — 5 экземпляров[55]. От Вал<ентина> Фед<оровича> Булгакова (Прага) о снах Л.Н. Толстого[56]. От Д.П. Святополк-Мирского (Лондон)[57]. От J. Chuzeville (Beaujolais)[58].

Идет снег и тает. А очень я промерз, ждал № 12 полчаса, как к Кричевскому ехать. А домой уж по мэтро, теплее.

Звонок за звонком, и кашлянуть невозможно. Целый день. И сейчас ½ 9-го звонят. Это что-то такое напастное! Если бы я откликался, нашло бы, по крайней мере, человек 10-ть.

Хороший отзыв о Диксоне в «Звене»[59].

Как неудачно, что в дождик такой возвращаешься. На вокзал поеду: метро — Solferino[60].

Paris 1925
65

Познериха [добрая, заботливая Эсфирь Соломоновна] [61]принесла 400 frs — у меня в правом ящике. Эти деньги она «постаралась» получить, нас известят, отдавать не нужно.

Paris 1925
Май
66

Я скоро вернусь. Ключ у консьержки. В.Р. Нувель и Бор. Кохно повезли меня к С.П. Дягилеву[62].

Paris 1925
24 июля
12 ч<асов> н<очи>
67

Brides-les-Bains

Домчал меня Киреев — в 10-ь я был дома. Только «Понедельник» (газета) и больше ничего. В доме тишина. Вижу, как ты едешь, как укачивает, и как в окно глядят станции.

Очень я переволновался.

Доклеил начатые тетради[63], убрал комнату. Холодно. И знаешь, я чаю так и не пил. Не хочется. Выпил молоко. И странное дело, вдруг мне вспомнилась одна любовная история в Москве с Сергеем

(Ремизовым)[64]. И никак я не могу, вспомнив, развеять и о другом думать.

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Приехала сестра о. Никодима (схииеромонах Андроньева монастыря[65]) помещица Орловской губ. Карачевского уезда Дахнова с двумя дочерьми.

Старшая, Ольга Яковлевна замужем, разведенная, а совсем молодая, еще с гимназическими воспоминаниями. И младшая Вера Яковлевна — жених офицер. Сергей влюбился в старшую, в Ольгу. Они бывали у нас каждый вечер. А когда уехали, стала она Сергею письма писать из Карачева. Письма пространные, «поэтические», только очень трудно разобрать — волнистый почерк, слова без окончания. Осень и зиму и весну, чуть ли не всякий день письмо. И он ей писал — он писал стихи. Сергей еще гимназист, не то в 6-м, то в 7 классе. Летом он поехал в Карачев. Смеялись: «поехал жениться!» Предполагалось, на всё лето. И неожиданно через несколько дней он вернулся. От нее письма стали реже и к зиме совсем прекратились.

Стал я получать. Письма были похожи на те, что она писала Сергею — «влюбленные», но с какой-то горечью. А заключительное было полно отчаянья, что и ответить нечем.

Мои письма не лирические, мне казалось странным — так много всякого дела, и откуда может быть отчаянье и как может человек сказать, что остается «только руки на себя наложить»? На мое «обличительное» ответа не последовало. Так переписка и кончилась.

Я был на I-м курсе в Университете[66]: наука, а потом революция заняли все мои мысли. Но в памяти оставалось: явление карачевской «барышни» — так она подходила к нашему возрасту, что по-другому и не представлялась — и это явление было необыкновенно живым, весенним и загадочно-мимолетным.

Однажды я спросил Сергея: «в чем дело с Ольгой Яковлевной, тогда — когда ездил он в Карачев».

«Да она больная, — сказал он, — мать предупредила. И я уехал».

Никогда не думал. Ее сестра Вера хрустальная с припадками нервного кашля — «напугана», как говорилось, эта действительно больная, но Ольга Яковлевна, да в голову не придет.

«Они и приезжали в Москву показаться доктору и развод ее всё потому же: от мужа она заразилась сифилисом».

После дождя Россию напоминает. И может, потому я и вспомнил о этой «горькой любви». Она много читала, я больше, но для Кара-

чева это было много. «Материал для революции», а замужество всё погубило, но я ни о чем не догадывался и «жениться не собирался».

Не думаю, чтобы у меня вышел любовный рассказ да еще с заключительным сифилисом.

[В начале лета 1933 г., когда нас выгнали из Булони[67], в отчаянные дни сбора, однажды пришли к нам: он очень потрепанный, таких в эмиграции много и все на одно лицо, и с ним «состарившаяся» дама с ласточками-глазами. Они поздоровались со мной, как со знакомым, но я не узнал. А это была Вера и ее муж, б<ывший> офицер. А пришли они, уверенные, что я очень богатый, всё это время они жили в Сербии и там наслушались, похлопотать о вспомоществовании и как-нибудь с моей рекомендацией устроиться в Париже.

«А ваша сестра, где?»

«Ольга? Да она померла в сумасшедшем доме».]

25 июля

Под утро будто ты говоришь:

«Спать мне ужасно хочется!»

Я думаю, очень трудно тебе было ехать. Твоя нянька Анисья охает.

Paris 1925
25 июля
12 ч<асов> н<очи>
68

Твоя телеграмма. Очень беспокоюсь. Глазам не поверил. Получил при Диксоне. И он заволновался: не случилось ли чего? — «Я пойду узнаю, когда приходит поезд, и встречу».

От беспокойства я и «анкеты» не выполнил. Делаю всякие предположения. Забыл, что и спросить [у Диксона].

От Лозинского — о деньгах: 120 frs. Днем М. Вишняк: о «Дезертире» («Взвих<ренная> Русь») — смягчить чего-то требует. [«Дезертир» и при смягчении не приняли в «Современные записки»][68].

Вечером звонок: думал, С.В. Лурье, а это Шрейбер.

Что делать, что делать?!

ЧЕГО НЕ БЫЛО:

Вошел.

«Узнали ли вы меня?»

«Нет, говорю, не знаю».

«Да я Диксон».

Смотрю, не могу узнать: старый, седой весь, с палочкой.

«Да что же это случилось с вами?»

ПО ПРАВДЕ:

Он долго стоял под дверями, прислушивался, потом позвонил.

От волнения лицо его дергалось, и долго так, пока не успокоился, а успокоился он, когда я сказал:

«Велено».

Нисколько не изменился, только над губой темнее — плохо, видно, выбрился. Весь он в черном и галстук черный. Болит палец — и тоже в черном, замотан.

Сейчас же: «где ты?»[69]

Когда я сказал, что это около Диксона и едет в Париж, он обрадовался: так близко! И когда?

Он уедет в среду.

Спрашивал о Мочульском, о Гингере, о Божневе[70].

Мне было его очень жалко. И я накормил его сверх «повеления», а главное киселем — «чтобы добро не пропадало!». И дал я ему «противную» конфету от кашлю, подозрительную, или она отсырела или ты ее попробовала. А как он обрадовался, всё держал ее, а потом положил в боковой карман.

Разговаривали о переводах, о женитьбе ни слова.

Если бы я не так беспокоился, я написал бы тебе много.

[С<ерафима> П<авловна> рассердилась на Диксона, сказала ему, чтобы он никогда к нам не приходил. И долгое время он не показывался. А я нет-нет да и спрошу: «если явится, можно пустить?» Сначала было «никогда» и «нет», а перед отъездом сказано было «пустить», почему я и сказал ему: «велено».]

Paris 1925
31 июля
11 ч<асов> в<ечера>
69
Chartreuse de Neuville, Montreuil s/mer Pas de Calais

Ничего не произошло. В доме тихо, только в «кукушкиной» — в кукушкином домике м е р н а я жизнь: ходит, стучит маятник[71].

Киреев довез до фотографии, я снялся; завтра в 5-ть готово. Кстати и перьев куплю. Едва пишу: так тупо. Взял тонкое, да не привычно.

Юра (Дореомедов) — за пальтом Марьи Конст<антиновны> (Гржебиной)[72]. И Кобяков[73] с художником[74]. К Гржебиным Кобяков не пойдет, я сказал, что они переезжают. Кобяков, не слыша своих слов, объявил, что «влюблен в Бубу»[75] — «И она в вас». Он не дослышал и переспросил. Я послал его и карикатуриста к Я.С. Шрейберу: пускай нарисуют — «известный виолончелист»[76].

Переписываю «Взвих<ренную> Русь»[77]. Скучно переписывать. И я всё отвлекаюсь другими наплывающими мыслями и больше последних дней. Только подумать, что такое творится с устройством нашей судьбы.

Кто-то рассказывал о каком-то «большевике», что вот ему, когда он был в эмиграции (в царское время)? помогали, а теперь он расстреливает. А я думаю, есть два пути: один не «мстящий», а другой — и я это понимаю — как этот «большевик» расстреливает.

«Вот за эти ваши 25 руб. расстреливаю».

«Вот за эти 250 frs. становись к стенке».

Как бы я хотел «расплеваться»: ничего мне не надо, никаких ваших благодеяний, слышать! И ударить костяшками по столу, да так, чтобы вышибло за дверь. Да, оставьте меня в покое. Поехал я в Виши или куда — да, поехал и знать никого не желаю. «Благотворители» всегда знают лучше тебя, что тебе полезно.

Вот от этих «благотворительных» мыслей никак не могу отстать. И не могу придумать, как это всё выразить. В каком-нибудь рассказе в параллель на «Даровых хлебах»[78].

В сегодняшних «Послед<них> Новостях» Кускова: разговор с приезжим из России[79].

Может быть, в моей памяти о Б.В. Савинкове мне удастся сказать о нашем «даровом хлебе»[80]. В памяти А.А. Блока я много чего сказал, но недостаточно[81].

Дыши воздухом, не беспокойся. Завтра «легюмный»[82] суп (из кореньев): и бобы, и помидоры (томаты), и морковь, и лук. Приготовил всё для расплаты.

Но ты понимаешь, смешно говорить, я «большевик», как меня тут величают (а в России я «бело-бандит»), но я всем сердцем из самой глуби отвергаю здешних «не-большевиков, врагов «большевиков» и от сердца и из корней голоса произношу резко. Теперь я молчу.

Подымается лифт (ассансёр[83]): это ты едешь домой — назад?

Письмо из Бельгии: я уж и обрадовался и … и для передачи Д.А. Шаховскому.

Paris 1925
1 августа
11 ч<асов> в<ечера>
70

Купил перьев и тетрадь, могу писать по-человечески.

И опять, когда ты ехала (в Bride-les-Bains), вдруг среди ночи (20‘ 3-ьего) вижу тебя и ты головой качаешь и в твоем оклике слышу, что тебе очень плохо. Тогда ты говорила, что тебе спать хочется.

Я проснулся не от страха, что бывает, когда выходишь из глубокого сна, а от живости-наполненности, что очень трудно человеку вынести.

Наверное, тебе там плохо: и холодно и неудобно.

Письма: от Fleury[84], пересылаю; от Цебрикова, вернулся в Брюссель[85]; от Виганда (Berlin) — с Ё (заяешные сказки) ничего у него не выходит, ни перевод, ни издание[86].

Приходил М. Вишняк («Современные записки»)[87] за банкой (медовой) и за рукописью. Зайдет в четверг. Рассказ я еще не поправил. А заменять «гороховой» («Взвихр<енная> Русь») я не согласен. Пускай «Гороховая» останется к «Временнику» (глава во «Взв<ихренной> Руси»)[88], а «Труддезертир» и «По бедовому секрету» вместе. А ему очень понравилось «Хождение» и «обыск». Я еще подумал: если «Гороховую» взять из «Временника» очень бедно будет, а с ней и другие рассказы пройдут. Это я о «Воле России». [Всё напечатано в «Воле России», но «Труддезертир» не прошел[89].] Уезжает к Бердяеву, а потом на 3 недели, не знаю куда.

Ан<дрей> Вл<адимирович> Оболенский, странник-Балда-Козлок-молчальник[90], сидел, а я переписывал.

Геор<гий> Г<аврилович> Шклявер принес книгу, рассказывал о своей статье о «Звенигороде окликанном» («Николины сказки»)[91], о Рерихе — едет через Китай в Америку[92]; жаловался на Гребенщикова[93] — «Нос задрал». — «Да он всегда у него с задиркой, от рождения». — «А я не замечал». Диксон уехал и скоро вернется.

Ездил за карточками. До Hôtel de Ville[94] — 80 cu. во 2-м. Перья там невозможно было купить, такая толкучка.

Переписывал. И написал «о Семенове» («Взвих<ренная> Русь»)[95], завтра отправлять. Коротенькое, но в связи с другими, будет любопытно.

Сварил суп. И тебе бы понравилось: лук, бобы, помидоры (томаты), картофель, морковь и засыпал манной. (Можно и макароны, только немного).

На дворе у нас вдруг затихло: утром приходили из полиции и потребовали по жалобе какого-то квартиранта «истребить» петуха. Петушок больше не поет! Одно утешение: наша кукушка кукует.

Да, Вишняк зайдет и в субботу. Хочу с ним послать Бердяеву для «Пути» апокрифы[96].

До свидания. Знаю, знаю, невесело.

Холодно, но ясно. Пойду завтра ½ 2-го на Av. Mozart коз смотреть. Их собирают со дворов рожком и гонят в Булонский лес.

Paris 1925
2 августа
12 ч<асов> н<очи>
71
Твое письмо от 1.VII.

Поднялся в 10-ь. В воскресенье долго писем не подают, опустил тебе № 2.

Письма: тебе от Ар<иадны> Вл<адимировны> Тырковой-Вильямс[97] — «попробует еще напрячь мозги, и тогда напишет», а то ничего не может [о деньгах]. От В.М. Зензинова: гонорар вперед выдать не может, потому что «Дни» возможно, что и не будут выходить[98]. От С.Я. Осипова (Берлин): Нина Григор<ьевна> (La Nonne vierge et martyre[99]) и Балдадон-Лоллий[100] рассчитывают выехать через неделю; в понедельник получит гонорар из «Эха»; с весами плохо — с продажей[101].

«Синие штаны» попрошу купить Киреева.

Во сне. В.П. Кончаловская[102] показывает мне твои украшения: янтари, бусы и гранатовый браслет: «С<ерафима> П<авловна> забыла?» И я собрался уехать. И всё неу<д>ача. Перехожу с платформы на платформу. Взял билет, а говорят, «надо и на чемоданы». А когда я пошел брать на чемоданы, поезд ушел и надо на другой садиться. И я сел. «Нет, говорят, билет недействителен, надо новый». Пошел я за новым, а когда вернулся, и этот поезд ушел.

Очень холодно. Проглянет и дождь. Коз не ходил встречать из-за дождя.

Был Киреев, купил тебе чернил, а мне штаны, но эти штаны носят поверх обыкновенных — «рабочие». В Kerbellec[103] он поедет, только он должен заявить хозяину за неделю.

Марк Карл. Вольфсон. Они поедут туда же, где Бердяев[104]. Туда же поедут: Осоргин и Вышеславцев[105]. Не завидую.

Ек. Вл. Селевина[106] принесла туфли, стоят 22 frs., и померить кофточку. Ты поехала к Н.Н. Сеземан[107]. Зайдет завтра справиться. Туфли я отдам — хорошие и не стоит так бросать. Скажу, что ты задержалась, письмо получил.

[Хочу объяснить, почему С<ерафима> П<авловна> скрывала, куда едет. Первое, конечно, отклик от ее «конспирации», а затем: всякому до тебя дело не для тебя, а для пересудов о тебе. Постоянное: зачем, да лучше бы было, — и с осуждением, а в особенности от «благодетелей» — деньги подаются нищему, чтобы он с голоду не подох, а не на разъезды!]

Шрейберы Я.С. и Фрида Лаз<аревна>. И Вишняки Аб<рам> Гр<игорьевич> и Вера Лазаревна[108]. Нового ничего в поисках Вишняковых. Говорилось о том, что в Clamart[109] ни один деловой человек не поедет, да еще к «неизвестному».

[«Благодетели» очень советовали нам переехать в Кламар: там дешевле.]

Такой холод — +11 R. Весь день в пальто. Как же это ты там — там, ведь, еще холоднее.

Про «Семенова» написал («Взвих<ренная> Русь»)[110]. К субботе приготовлю для Бердяева («Путь»)[111]. Вся неделя будет — «переписываю».

Меня очень беспокоит, что холодно тебе, и без подушки! А послать боюсь.

История Дуралея (Вл<адимир Мих. Селевин)[112] кончилась: подали ему счет — 900 frs.: автомобиль свалился в овраг. И он должен платить, потому что кто у него взял, ушел от этого хозяина.

Paris 1925
3 августа
72

Утром приходили за бельем: по понедельникам ходят.

От Ив. Ал. Ильина книга из Италии[113].

От Н.С. Андриевской (Борщка)[114] ее новый адрес.

От Г.Л. Лозинского: сны о Блоке напечатают в Звене 10 августа[115].

От Л.И. Шестова:

«Конечно, скажи я А.Ю. Доброму[116] и М.Е. Э<й>тингону[117], что на взносы по 250 frs. обеспечивали бы вам квартиру, это на них очень подействовало бы. А если я скажу, что будет только облегчение, пожалуй, они и откажутся. Но все-таки, хотя у меня и мало надежды на успех, я переговорю с сестрой А<брама> Ю<рьевича>

(с Дорой Юр<ьевной> Доброй[118]) и, если что выйдет, сейчас же вам напишу».

Дора Юрьевна приходила к нам без тебя с Залкиндами[119] и спрашивала о Наташе[120]. Я не ответил.

Все они «благодетели» удовлетворяются, когда слышат, что такой-то живет в кухне, а такой-то на фабрике с утра до ночи. Как изобразить, чему они всегда радуются, — какой-то ступени человеческого падения. И одобряют.

«Ехтиазавр всё лето массажировала!»[121]

«Ехтиазавр бегает по массажам!»

Это говорит Л.И. Шестов. Точно этому надо радоваться, точно это хорошо, что старый человек надрывается на работе. Ведь, это тоже, что сказать: человек всё время хворает. Нет, я еще не знаю, как это выразить, всю эту гнусность обеспеченных, богатых «благотворителей». Вот это, что «облегчить не согласятся»! Одно это чего стоит.

Приходили со счетом из магазина, я расплатился.

Приходила Пел<агея> Ив<ановна> Терещенко (Чайковская). Д.А. Шаховской за письмом (для «Благонамеренного»). Е.В. Селевина за туфлями, туфли отдал, она хлопочет о этих «дуралеевых» 900 frs.; ты у Н.Н. Сеземан, задержалась.

Была Miss Harrison и Hop Mirrelis <*sic!*>[122]: «без тебя скучно». — Ты захворала и я поеду к тебе сегодня, — так я объяснил им, что тебя нету. Они говорили с Кончаловской. «Не хватило денег, чтобы тебе заплатить за лекции, Буайэ[123] будет хлопотать и когда-нибудь отдадут».

[Никогда не отдали. Это за лекции С<ерафимы> П<авловны> в школе за 1924 г.]

Я еще раз рассказал, по-рус<ски> и по-франц<узски>, как Буайэ обещал 4000 frs. и как я на основании его слов попросил письмом знакомого, ссылаясь, что скоро получу эти деньги, дать их мне. И я получил.

Мои слова произвели впечатление. Письмо что вексель.

И когда я им сказал, что человек может потребовать с меня эти деньги, они повторяли: «подождет!» — что звучало как «Бог не допустит».

Особенно горячо Hope Mirrelis (Надежда Васильевна: «Если бы ты была мужчиной, такого не могло бы быть! — и «так несправедливо могли поступить только с женщиной»).

Повторю: моя мечта расплеваться со всеми «благодетелями». Что выдумать, что изобрести, чтобы, наконец, освободиться.

[Этот мотив в «Письме Достоевскому» с «финальными бомбами»][124].

Miss Harrison правильно заметила: «прежде чем объявлять лекции, надо подумать о материальном обеспечении».

Кажется, теперь они всё поняли. А то, представь себе, уж когда прощаться, Miss Harrison говорит: «Можно ли пройти к С<ерафиме> П<авловне>?» Тут вступилась Hop Mirrelis: она поняла, что ты уехала.

Тебе письмо от Гурфинкель[125]: зайдет на днях с переводом [С ее переводами ничего не вышло], прилагает письмо из Петербурга:

«Что касается протопопа (Аввакума), то он уже давно отправлен Комиссией, но не по адресу Ремизовой, а кафедры палеографии Сорбонны, потому что Академия Наук как учреждение имеет право посылать свои издания только учреждениям же. Если она наведет там справки, то, вероятно, выяснит местонахождение книги. Для точности обозначу, что слово “палеографии” является моим домыслом в силу логического расчета, еще же было только сказано, что книга отправлена той самой “кафедре”. Если же Р<емизова> пылает желанием иметь эту книгу в собственность, а Сорбонна ее не выдаст, то можно будет, вероятно, позднее это сделать — сейчас Комиссия переезжает в другое здание, и там никакого толку не добьешься».

[Книга так и осталась в Сорбонне, а новой «в собственность» не получено][126].

Скажу Гурфинкель, чтобы написала, что непременно «в собственность» желает. А с присланной может сделать что-нибудь А. Мазон, которому могу написать с разъяснениями (Об этом напиши мне)[127]. В Сорбонне книжка совсем не нужна.

Письмо от Б. Харитона [Рига], с открыткой С.В. Познеру (28 Bd. Raspaie), чтобы мне выдали деньги из посылаемых ему 30 долларов.

Из моего духа борьбы и упорства хочу, пусть медленно и терпеливо, <u>своего</u> добиваться и стать, наконец, свободным.

[«Своего» я добился, но и до конца жизни свободы не достиг: всё в той же нужде и с «ручкой»].

Англичанки придут в понедельник. Предполагается, что сегодня я поеду к тебе. Дали, как всегда, 20 frs.

Прошлый раз М. Вишняк говорил, что надо тебе заявление подать вступить в Союз. В четверг он мне продиктует форму. Я думаю, на случай, чтобы иметь возможность к кому-то обратиться, через того же Вишняка. Они дошлые.

Я всё сержусь.

Одно утешение: с понедельника деньги и еще — упор и борьба.

Рука записалась, как и перо: подсунули, не мое, тупой конец.

Твое II-ое письмо. Конечно, не стоит тут устраиваться — это дороже выйдет. Хватит ли у тебя денег?

Paris 1925
4 августа
73

Кончил предложенное для «Воли России». Переписывая, изменял.

Ветье 26.X. — 31.XII.1917
Саботаж 1917 — 1918
Завиток 6.I. — 6.VII.1918
О судьбе огненной 1918
Лесовое 14.VII. — 22.VIII.1918
Четвертый круг 1918 — 1919
Лошадь из пчелы (Гороховая) 1919
Три могилы 1919
Заяц на пеньке
Зенитные зовы 3.III.1919
Заплечный мастер 12.XII.1919
Загородительные вехи 1.I. — 3.V.1920
Перед шапочным разбором 1.VII.1920 — 13.III.1920
В конце концов[128]

Остальное отослал Я.С. Шрейеру: он обещает переписать к субботе. Надо адрес В.В. Сухомлина и М.Л. Слонима[129]. Можно подсчитать, сколько вышло и сколько будет. Начну переписывать для Бердяева[130].

Сегодня потеплее. А всё время в пальто. Дождик, не выйти.

Написал Лихтману (Нью-Йорк) сон о Рерихе[131], и что «Клятвенный камень» надо по старой орфографии[132]. «Как мудро поступают евразийцы!»[133]

“La Révolution surréaliste” № 4 и больше ничего[134].

11-го (29) VIII вторник твои именины. К Fleury не раньше пятницы — 14-го XIII. Потеплее будет. Холод этот, говорят, из Испании, там прошло уж, донесло сюда.

Сон о Блоке переписал в твою тетрадь[135].

Нет, к Бердяеву не стоит: очень шумно — там и Осоргин и Вишняк, и Вышеславцев, Париж[136].

В котором часу ты приедешь? И когда последнее письмо послать?

Купил Киреев синие штаны — 16 frs., надо отдать в мойку, и лиловые чернила для тебя. На днях зайдет с перьями и красными чернилами.

Встретил П.И. Терещенко-Чайковскую[137] у нас на Av. Mozart[138], о тебе ничего. Из Риги «Огонек»[139]. И pneu (пнематичка)[140] от А.Я. Аросева: собирается в Москву 10-го августа, жена и дети около Фонтебло, приглашает в субботу–воскресенье туда[141]. Сочини ответ и пришли; он знает, что мы никуда не уехали. Мне хотелось бы его попросить привезти «Никоновскую летопись»[142].

Заходил Африканский доктор — В.Н. Унковский[143], принес «Весеннее порошье»[144], 3 розы и 4 гвоздики. 7-го едет в Сенегалию, контракт на 2 года, 2000 frs. в месяц. Пошел прощаться к Гржебиным, но дойдет ли, Бог знает, так «напрощался».

Поздно вечером «старец» Петр К<онстантинович> Иванов[145]. Спрашивал тебя и без тебя не хотел оставаться. Но главное, он меня не слышит. Я ему прокричал, что, когда я пишу, у меня не звенит голос. Он услышал и очень удивился, что «голос пропадает». (А что пропало, надо искать, и найдешь: как я нахожу и где мой голос!)

В сером и так загорел — «индеец» и очень живой, одно горе: ничего не слышит или слышится ему, только совсем не то, что говоришь. Очень развеселил.

Я сказал ему, что следует предупреждать, а то и не застанет. Кажется, попусту, сужу по его улыбке.

Я его принял за Мельгунова (Мельгунова я никогда не видал, а по фамилии таким представил) или, думаю, это Мякотин[146]?

На поздние звонки я не отворяю, а отворил: жду Сувчинского[147].

Paris 1925
5 августа
74

Только газета.

Дождик-дождик. «Верблюд»[148] моет окна, поставили синие штаны кипятить. То-то будет верблюжий суп с синим наваром, а душ — ситцевый.

К твоим именинам чтобы всё было чисто[149]. К твоим именинам, я это давно заметил, вдруг я чувствую, как будто ранняя весна, это вечером, пепелёсое небо и скребок стучит, скалывают с тротуаров лед. Или подходя к булочной, я вдруг ясно почувствовал весну — перед Пасхой — Страстную неделю, и в воздухе и на земле всё как вымыто и скоро распустятся деревья по чистому зеленым.

Москву я забыл и Петербург забыл. А весна — это раннее московское. Но что я необыкновенно помню, так близко вижу, это окно в Берестовце: я сижу у окна — шумят и качаются деревья, по улице едет воз, я вижу только верхушку, застит забор, по двору бродит большой старый конь[150].

Видел во сне твоего отца — Павла Иваныча[151]. Надо было мне подписать его «завещание», и там один пункт обязательный: «принадлежность к советскому гражданству» или «паспорт русского народа». И я подписываюсь. Мне отказывается дом (в Берестовце). И я подумал, как ты обрадуешься.

Он очень квёлый, без улыбки, кажется, под сюртуком и тела нет, а всё повисло на костях. Он ходит по комнате, распоряжается.

От С.Я. Осипова (Берлин) 2 экз. «Эхо» с «Мавкой» (Басаркуны)[152].

Переписываю. Никто не приходил. Хочется до субботы кончить. Ложусь в 12 — в 1 ч<ас>, выхожу гулять на ½. Завтра напишу тебе заглавия, что переписываю и, конечно, отделываю.

На воле холодно. Ни на минуту не забываю, что ты там — без подушки.

Вожусь с водой: не протекает. Как придет Оболенский, попрошу поправить: он умеет, — и к твоему приезду всё будет в лад и пойдет и ладно.

Paris 1925
6 августа
75

Тебе из Берестовца и Наташина карточка.

Жорж Познер принес 60 ф<ранков> (2 цента + 42 cu.) — от Харитона[153].

Через неделю уезжают. Придут в воскресенье. Н.Л. Слонимский уехал в Америку с Кусевицким[154].

Во сне видел и его и Наталью Вас<ильевну> Григорьеву[155].

Мазону написал о Аввакуме, застрявшем в Сорбонне[156]. Приходил М. Вишняк, дал ему «Труддезертира» и «По бедовому декрету» (Надежда Дмитриевна) — для «Современных записок». Записал форму заявления в «Академический союз»[157] и адрес.

Киреев принес чернил и перьев, завтра встретит тебя.

Из «Страхового общества»: изволь внести за 3 мес<яца> страховку по 59 fr. — 177 frs. Я понимаю, в чем дело. Спрошу П.И. Терещенко-Чайковскую. Наверно, недоразумение. Ее муж[158] в Страховом общ<естве>, помнишь, он записал меня, но «временно» для каких-то своих дел, и я ничего не платил.

Посещение было нелегкое: уж очень приставал.

Натрудил руку. Кончить бы мне эту «Пчелу московскую»[159] [Не помню, что за «пчела] и дня два хозяйством займусь: ноет.

Появились какие-то комары — «москиты». Пишу и отбиваюсь. А окно закрыть — душно.

В первый раз пил чай. А то только с англичанками[160]. И не хочется, вот оно как бывает.

Письмо от С.Я. Осипова (Берлин). И «Эхо».

Paris 1925
7 августа
76

Сегодня твои именины.

Когда я утром, выйдя из булочной, посмотрел вдоль Rue Poussin, в небе — в этих облаках — мне почудилась осень. Скоро Преображение[161]! А сейчас, когда вышел, я почувствовал такую напоенность теплом и летом — и пусть дождик, ему так и полагается, листья устали расти и только в уголку, около доживающей свои последние дни «собаки», где за лето вырос дом, полное зелени дерево. Это — твои именины.

[На заборе во дворе около постройки нарисована была белая, овечьей кротости, курчавая собака — 120 bis av. Mozart, 5 Villa Flore].

Madame I. Hugeienet-Fleury, Kerbellec, Le Clion s/mer L. Inf

Paris 1925
20 августа
четверг
77

Один весь день, никого и ничего. И только дождик, гром и молния. И опять стало холодно, надел вязанную. Наводил порядок. Переписал только грамоту Алексея Михайловича[162].

Много мучился с чайкой в кухне, но так и не отвинтил и вода не протекает. Пальцы у меня крепкие, но, видно, без инструмента чайку не взять.

Соединил Шестовские письма — дело начинается с мая[163].

Мне как-то грустно, идут мысли тихо дневные, обыкновенные, о человеческом равнодушии, о непробиваемости никакими инструментами человеческого сердца. И вдруг прерываются одной темной, что чернотой наплывала на меня прошлой осенью вдруг [«По карнизам»].

Как это странно, в громкоговоритель на вокзале после перечисления станций заключительное:

“Aux voitures!”[164]

А вот взять и остаться, не трогаясь с места, неужто погонят? Нет, должно быть, не обратят внимания и никто не спохватится, и пусть твой билет пропадет, всё равно.

Какое ужасное равнодушие!

И еще мне было странно: огоньки по соседним путям среди бела дня.

От усталости не мог для Диксона (для перевода) поправить «Про любовь» (Последняя глава «Плачужной канавы»)[165].

До свидания.

А портниха так и не пришла.

Paris 1925
21 августа
78

Так дождливо, так серо-мокро, такой день: неудача и незадача.

5 экз. Звена — просил, где мои сны о Блоке — а принесли с Адамовичем. Зачем мне этот слиньтяй пискунок, да еще в таком количестве!

Корректура «Сережа» (Современ<ные> записки)[166] — двух страниц нет! Опять я должен посылать оригинал.

От Цебрикова (Брюссель) «В поле блакитном», но в таком измазанном виде, в руках держать невозможно.

Поздно вечером (в час) ушел Диксон. Долго мы с ним возились: отвинчивали чайку — всё зря. Зажег лампадку. Посветлело и кротче стало, а то из всех углов из-под-лобья и моя нелюдимость.

Он всё съел, что ты оставила: и виноград, и шоколад, и твой «хворост» — «велено!» Забыл я про черный хлеб, а то, как «повеленное», он и хлеб бы кончил. Читали Библию — для объяснения «Рва львиного»[167].

О его стихах. Он стихов не будет писать, отстанет понемногу, но проза — это его. Описание «стола» и «кресла» — это настоящее.

О книге он получил письмо от Д.А. Шаховского, не знаю, что Шаховской пишет[168]. Спрашивал, кто был на именинах и, конечно, о Мочульском. [Мочульский влюбился в Диксона, и этого Диксон никак не мог забыть и всегда говорил с раздражением].

Богу он не жалуется ни на кого — «только на себя».

Писал мне письма по-французски. Это ему повышение: сначала опускал, а теперь сочиняет. Это его слова. Очень ему хочется приехать в Порник[169].

Заказал ему купить кофе на Chaussée d'Antin. Если он уедет, пришлет на имя Fleury. А мне не поспеть с англичанками.

22 августа

Такое прекрасное утро.

Письмо от Д.А. Шаховского, что получил мою рукопись[170], что книжка [Благонамеренного] не раньше декабря и только тогда 150 frs.

Да, Диксон принес зеленую птицу, приделал на кукушку. Забыл тебе написать от утомления — зеленую птицу забыть!

Во сне ты говоришь: «ну знаешь, они такие несговорчивые!» И я понимаю, это про Fleury.

Твое письмо.

Вечером приедет Киреев, и ему скажу о вторнике. Во всяком случае пошлем телеграмму.

Paris 1925
22 августа
79

Как будто налаживается: Оболенский исправил в кухне водопровод — чайка ему поддалась и вода прошла — всё чисто, без соринки. А что будет завтра, не уверен.

Он был у Черновых[171]: доехал до последней станции, а оттуда на велосипеде, — все удивлялись и ахали. Влюблен в Олю[172]. Для нее и сочинил свой велосипедный путь из Парижа в Montreuil[173].

Была Ек<атерина> Вл<адимировна> Селевина. Что же ты думаешь, конфет тебе принесла — «самодельных», которые у нее вышли наконец. Я не трогаю. Диксону покажу, но «не велено».

П.И. Терещенко-Чайковская и Ел<изавета> Ив<ановна> Саранчева (Терещенко)[174]. Они получили каталог своих книг, об этом и разговор[175].

А за ними Д. Кобяков («Ухват»), отдал ему корректуру[176].

Пошел я разыскивать в Passy для англичанок печенье, встречаю А.Ф. Даманскую[177]. «Вот, думаю, не к часу!» Да так оно и вышло: таких печений не нашел! Обходными путями возвращался домой.

Всё в порядок привожу. Чайник вымыл. А спиртовка что-то не ладится. Завтра буду делать опыт с Киреевым. Надо всё проверить

для дороги. А возьму я не «Лоллия-Львова», а мешок твой. А то чего таскать такое — «Лоллиево», а главное — пусто, все вещи и дна не займут.

Вымыл голову.

Чего это туфля одна у меня черная? И рваная тоже одна? Придется соединить черную с рваной. Белье сосчитал. А как же с твоими простынями, так и останутся? Я бы бумагой застелил твою кровать, а одеяла спрятал бы в шкап, где твое висит, — боюсь без тебя трогать.

Завтра Киреев решит об отъезде: во вторник или в среду.

Во сне: Диксон, у него саженный нос и припудрен; говорит, «пьяный упал и содрал кожу».

Только газета.

Поднялся в 11-ь — одиннадцать часов видел.

Paris 1925
23 августа
воскресенье
80

Я дал Кирееву денег на билет. Он думает, удастся во вторник выехать [к Fleury в Kerbellec]. Я написал телеграмму: он как возьмет билет, так и отправил бы.

“Arrivé mardi”.

Дождик — нет ему конца. В St. Sulpice к vêpres не поехал, всё прибираюсь. Не так всё просто, а главное, боюсь чего-нибудь позабыть. Вымыл чайник, и спиртовку проверили с Киреевым. Буду починкой заниматься: портфель (1897 г.), помочи Берлинского происхождения (1921 г.). Киреев принес из починки твои часы.

Неожиданно Диксон. Или дождем загнало? Завтра уезжает. Дал я ему черного хлеба и огурец: «велено!» — Съел. Его одолевает уныние, и как избавиться?

«Заботой, только не о себе, о себе не правит, а о другом: другой всегда бездонный и заботе о нем нет конца, уныние-то съежится, лапки подожмет и присмиреет!»

А.Г. Вишняк — Диксон тихонько ушел — Вишняк рассказывал о Вяч. И. Иванове, которого он видел в Берлине: едет навсегда в Рим[178].

Диксон два раза тебе кланяется.

Хотел я проводить Вишняка: заодно опущу письмо. Но дождь. Всё равно, завтра — завтра рано вставать: за бельем придут.

До свидания.

24 августа

Сделал над собой испытание и проснулся ½ 8-го. А надо завтра в 7-ь.

Под дождь много снилось:

Встречаю И.А. Ильина (нашего последнего гегельянца)[179]: нос у него разветвился и на каждой ветке чирикают пестрые воробьи; как видно ручные, я поздоровался, а они хоть бы поморщились, а только смотрят на меня с удивлением. И мы пошли. На улице много народа и все куда-то спешат. Вижу, у фонаря Виниченко[180] черный, как фонарь, не отличить. И вдруг я вспоминаю, что сегодня крестины: у Шмелева[181] родился сын. И скорее назад: крестить будут в избе. Идет представление: налево играют мое, а направо — интермедия, не моя, но под моим именем. Для меня очень выгодно: «авторские».

Сцена: «Дети заблудились и ищут дорогу». Выходит дама и, сливаясь ногами с декорацией, начинает куплеты петь с припевом:

«Ой, много я терпела,

Но от этого терпеть не могу!»

Я понимаю, она поет про Ив.А. Ильина. Но И<ван> А<лександрович> по дороге отстал и сидит в избе, дожидается меня.

Я пошел за кулисы. Суется Абрамов. Помнишь, в 1920 г. приезжал из Москвы[182] (и чудил с грамматикой: «потому что “обвязать”, надо говорить: “объязательно”»).

«Кто, говорю, сочинил эти куплеты?»

А он с необыкновенной самоуверенностью, хвастливо:

«Да я».

Я дал ему стукушку и пошел.

Иду по коридору — «Наделал я делов, думаю, снимут мою пьесу!» — и вижу: Абрамов под руку с И.А. Ильиным, и оба довольны. «А значит, и встреваться мне нечего было!»

Всю ночь дождь. А сейчас пасмурно и холодно. Как-то мы поедем?

Paris 1925

24 августа

81

Консьержка передала письмо и карточку; в письме счет — 35 frs.

Мне от Руффа <*sic!*> из Мюнхена, что переводы напечатают и гонорар пришлют[183]. И еще от Гадалина из «Огонька» (Рига)[184]: просит что-нибудь прислать за 4 доллара. Я ответил: «Хорошо — за 5-ть».

Были англичанки. Страшно довольны. И что еще привело их в восторг, это твои конфеты: в Англии такие делаются. Я им читал из «Образы русских женщин»[185]. Им нравится. И они хотят всю книгу выслушать.

Написал Сувчинскому и «грамоты» в Прагу Папоушкам[186].

Дождик. Выглянуть страшно на улицу.

Попросил консьержку разбудить на всякий случай. На вопросы «где мы», она согласилась, будет говорить: «не знаю».

До свидания!

25 августа

Поднялся ½ 6-го, а вот уж и 7-ь. Только-только кончил уборку. Сон запишу. Сейчас придет за мной Киреев.

Где-то по каким-то улицам я иду, похоже на Москву у Сухаревки, но Сухаревой башни нет. «Революционный» праздник. И надо проходить через контроль. Все прошли, а меня задержали.

Меня поставили на весы.

А свесил меня какой-то черный в зеленом.

И я пошел дальше. Но и шагу не сделал, опять меня — изволь взвешиваться. Отводят в сторону.

«Вам будет плохо».

«Судьбы не миновать!» — отвечаю.

И вижу, Оля Чернова [Андреева][187] смотрит.

«Да в чем дело?» — обращаюсь к ней.

«Плохо, — говорит она, — вы обвиняетесь в дезертирстве. Вы изменили России. С вами обвиняется еще Морозов[188]».

И я подумал: «меня с кем-то перепутали», — и говорю:

«Можно мне с С<ерафимой> П<авловной> увидаться?» — и думаю: «Надо сговориться, как отвечать».

Но уж черный поставил меня на весы, а Оля Чернова сидит на стрелке.

Звонил Киреев. В дорогу! Страшно. Какое это счастье — и неужто придет день вернуться![189]

---

[1] См. примеч. 3 к главе, посвященной 1924 г.: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 67

[2] Речь идет о Гаврииле Григорьевиче Шклявере (1862–?), отце Георгия Шклявера (см. о последнем: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 77, примеч. 108).

[3] Письмо из Киева от сестры С.П. Ремизовой-Довгелло — Лидии Павловны Довкгело (1876–1944) и дочери Ремизовых Натальи Алексеевны Ремизовой (1904–1943). См. о ней: Литературный факт. 2018. № 7. С. 17.

[4] Речь идет о профсоюзе, в ряды которого Н.А. Ремизова вскоре вступила. Ср. ее письмо родителям, в котором она сообщала, что она «“работающий” член Союза» (*Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 15: В розовом блеске. М., 2019. С. 609).

[5] В письме Л.П. Довкгело, полученном 19 февраля, говорилось: «Натуся благополучно прошла чистку, стажируется теперь. Надо писать дипломную работу, а времени мало, т<ак> к<ак> нужна общественная работа. Что бы пройти в союз, а без союза нельзя существовать. Вообще, положение учительницы, как и всегда, самое незавидное. Если школа и общественная работа не дадут возможности заниматься и пробиться, будет совсем плохо. Понимаешь, как должны трепаться нервы, а они и так не в порядке» (ОРФ ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. № 1227. Л. 2). Подразумевается «перерегистрация» студенчества с целью освобождения от социально чуждых элементов и укрепления рабоче-крестьянского состава в вузах. С 1922 по 1929 г. такие идеологические «чистки» проводились регулярно и были связаны с усилением борьбы против партийных и идеологических оппонентов. Основными критериями для отчисления студента считались его анкетные данные и проявленная политическая грамотность. Выявление лиц непролетарского происхождения и тем более детей эмигрантов, таких как Наташа Ремизова, которая была студенткой филологического факультета Киевского университета, — являлось основной задачей «чистки» 1924–1925 гг. Подробнее об особенностях студенческого отсева см.: *Рожков А.* В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М., 2016. С. 193–372. Отчисленным при «перерегистрации» студентам закрывалась дорога в другие вузы. Наташа Ремизова была активной комсомолкой и называла себя «новый человек». См. выдержки из ее письма родителям 1928 г.: *Ремизов А.М.* Собрание сочинений. Т. 15: В розовом блеске. С. 607–609.

[6] Аросев Александр Яковлевич (1890–1938, в заключении) — революционер, советский партийный деятель, писатель, в 1923–1924 г. литературный критик, сотрудник журнала «Красная Новь» и артели писателей «Круг». В 1922 г. во время командировки в Берлин познакомился с Ремизовым. С этого времени между ними поддерживалась довольно оживленная переписка (фрагменты писем Аросева см.: *Обатнина Е.Р.* «Россия в письменах»: советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. статей и публ. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб., 2018. С. 11–47). В 1925 г. Аросев был назначен секретарем посольства в Париже. Литературным итогом этого года жизни советского чиновника во французской столице стала книга очерков «Москва — Париж» (М., 1925).

[7] Мария Михайловна Шкапская. См. о ней: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 72, примеч. 56.

[8] Адресат не установлен. Из письма Лидии Павловны Довкгело (см. примеч. 4) следует, что некий запрос в Сольвычегодск был направлен из Киева по просьбе Серафимы Павловны, но ответ не воспоследовал. Возможно, подразумеваются старые связи со ссыльными революционерами, так как С.П. Ремизова-Довгелло в 1901 г. была переведена из Усть-Сысольска под гласный надзор полиции в Сольвычегодск. Подробнее см.: *Соболев А.Л.* Северная ссылка Ремизова: Уточнение нюансов // Соболев А.Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по русской литературе XX века. М., 2013. Т. 2: Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар. С. 194–197.

[9] Старший Познер — Соломон Владимирович (см. о нем: Литературный факт. 2019. № 11. С. 72, примеч. 171) и его сын — Владимир Соломонович (1905–1992), французский поэт, литератор; самый младший участник первого состава литературной группы «Серапионовы братья», поддерживавший с «братьями» связь после отъезда вместе с родителями за границу 1 февраля 1921 г. См. о нем: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов (портреты и сюжеты). СПб., 2003. С. 177–184. См. также публ. письма Познера Ремизову от 1923 г.: *Обатнина Е.* А.М. Ремизов и «Серапионовы братья» (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 227.

[10] Подразумевается гонорар за авторский вечер Ремизова, который состоялся 23 января 1925 г. в парижском зале «Лютеция». В вечере также приняла участие певица Надежда Плевицкая.

[11] Лисевна — прозвище Ольги Елисеевны Черновой-Колбасиной (см. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 40, примеч. 143).

[12] Очевидно, речь идет о журналах в России и участниках группы «Серапионовы братья». Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) в 1923–1925 гг. активно сотрудничал в созданном В. Маяковским журнале «ЛЕФ». Михаил Леонидович Слонимский (1897–1972) вместе с Е.Л. Шварцем и Н.М. Олейниковым основал в 1923 г. на Донбассе первый литературный журнал «Забой».

[13] В.С. Познер. См. примеч. 9.

[14] Речь идет о третьей главе «С огненной пастью» из повести «Оля» (Париж, 1927), опубликованной в журнале «Воля России» (1925. № 1–3).

[15] Глава “La matière”, написанная для повести «По карнизам» (Белград, 1929). Впервые: Современные записки. 1926. Кн. 27.

[16] Григорий Сильвестрович Киреев (1902–1970) — уроженец Одессы; летом 1922 г. бежал в Польшу, спрятавшись под вагоном поезда. В Варшаве служил чертежником. С Ремизовым познакомился в Берлине, когда в течение нескольких месяцев служил посыльным в редакции берлинского издательства «Русское творчество» (см. о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 72, примеч. 31). Уже в начале октября 1922 г. Киреев переехал в Париж. В одном из первых писем молодой друг Ремизова, устроившись на службу таксистом, сообщал: «Следуя Вашему совету, занялся шоферским делом…» (Amherst. Series 2. B. 1. F. 6. P. 37). В феврале 1925 г. Киреев поступил на подготовительные курсы Лёвенского католический университета, жил в бывшей квартире Д.А. Шаховского — студента последнего курса этого же университета (Amherst. Series 2. B. 3. F. 15. P. 86a). С 1922 по 1928 г. оставался не только постоянным корреспондентом супругов Ремизовых, принимавшим участие в их житейских делах, но и героем ремизовских произведений. Так, его имя включено в контекст романа «Взвихрённая Русь» как одного из представителей особого рода людей, склонных к необыкновенным приключениям (новелла «Турка»). В 1930 г. по окончании университета Киреев получил диплом горного инженера; в 1929–1930 г. был выбран председателем православного кружка студентов-эмигрантов имени Святой Мученицы Татианы. В начале 1930-х он стал одним из первых русских инженеров-геологов в Руанде (протекторат Бельгии с 1920 г.); сделал успешную карьеру в Бельгийском Конго в качестве директора крупной геолого-разведывательной компании. Киреев закончил свои дни в Бурунди, из 68 лет 40 прожив в Центральной Африке**.** См. о нем: *Ронин В.К.* «Русское Конго»: 1870–1970: Книга-мемориал: В 2 т. М., 2009 (указ.).

[17] Зинаида Николаевна Гиппиус (1969–1945) была одной из немногих представительниц литературного круга, предложившей свою дружбу недавней политической ссыльной (см. о мотивах сближения: *Обатнина Е.* Подруги: один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сб. в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków, 2014. С. 251–262 (Seria Rosja. Myśl. Słowo. Obraz. T. XVII). В истории этих отношений жена писателя выполняла роль связующего звена между Гиппиус и Ремизовым, державшимся от Мережковских на дистанции. См. выдержки из писем корреспонденток (1905–1935): *Lampl H.* Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. I. P. 155–194. С переездом Ремизовых в Париж многолетние отношения стали заметно отчужденнее ввиду того, что Ремизов занял позицию невмешательства в эмигрантскую политическую жизнь.

[18] Речь идет об анонимной публикации под названием «Писательская лаборатория Достоевского» в парижской газете «Дни» (1925. № 694, 18 февраля. С. 2),

построенной на выдержках из статьи Н.К. Пиксанова «Из переписки Достоевского. Обзор новейших публикаций» (Печать и революция. 1924. Кн. 6).

[19] Джейн Эллен Харрисон. См. о ней: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 67–68, примеч. 13.

[20] Подробнее о переводах на английский язык произведений Ремизова, выполненных А. Брауном, в том числе повести «Пятая язва» (1912), см. в биографическом очерке: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 23–24.

[21] Фрагмент оригинального письма в процессе переписывания потерял первоначальное содержание (ср. оригинал на с. 87 наст. публ.). Речь шла об ирландском журнале “The Dublin Magazine” (Dublin, 192–925, 1926–958, ред.-изд. Seamus O'Sullivan), в одном из номеров которого, по ошибочным представлениям Ремизова, были напечатаны стихи А. Брауна и его переводы. На самом деле во втором томе журнала за 1924 г., выходившего в 1924–1925 гг. в формате ежемесячника (The Dublin magazine. Vol. II. November. 1924. P. 232–233), появились стихотворение З. Гиппиус («Нескорбному Учителю» / “To the unsorrowful master”, 1901) и два стихотворения В.Я Брюсова («Подруги» / “The Friends”, 1895; «Каменщик» / “The bricklayer”, 1901) в переводе ирландской поэтессы, литературного критика, актрисы Бланэйд Салькельд (Blánaid Salkeld; 1880–1959). В аннотации к публикации переводчик указала неточный год рождения Гиппиус: 1867.

[22] Речь идет о второй части (“Gloria”) из Мессы И.С. Баха си минор (Messe h-moll, 1749); состав исполнителей: сопрано I, сопрано II, альт, тенор, бас, два хора, оркестр.

[23] Приводится текст шестого песнопения второй части «Gloria» — “Qui sedes ad dexteram Patris” (Сидящий одесную Отца), которое в православной традиции соответствует евангельскому стиху «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение» (Лк. 2:14).

[24] Федор Августович Степун (1884–1965) приехал в Париж 10 февраля 1923 г. из Германии (см. упоминание в письмах Н.А. Бердяеву: *Степун Ф.* Письма / Сост., коммент., вступ. статьи к тому и разделам В.К. Кантора. М., 2013. С. 278). Лекция философа под названием «Революция и литература» состоялась вечером 20 февраля в Клубе писателей (70, Rue de 1'Assomption). Возможно, недовольство посетителей было связано с путаницей в объявлениях, помещенных в газете «Последние новости», в результате которой лекция, первоначально назначенная на 18 февраля, была перенесена на 20-е число.

[25] Речь идет о формировании альбомов с корреспонденцией.

[26] Правильно: Дореомедов (Дориомедов) Юрий (Георгий) Дмитриевич (1908–1944) — семнадцатилетний помощник Ремизова, был знаком с писателем еще в Петербурге (см. примеч. 27); впоследствии — журналист, спортивный репортер, востоковед, библиофил; сотрудник газ. «Последние новости», участник Сопротивления. Погиб вместе с женой Г.А. Антоновой (урожд. Ретько) у Аустерлицкого моста в Париже при выполнении подпольного задания.

[27] Позднее дополнение раскрывает биографический подтекст упомянутого рассказа «Пупочек», впервые опубликованного в журнале «Заветы» (1913. № 3. С. 102–105; под общим названием «Свет немерцающий»). В соответствии с комментарием Ремизова, прототипом главного героя рассказа — маленького мальчика Юры, стал пятилетний Ю.Д. Дориомедов, сын Софьи Константиновны Дориомедовой и Дмитрия Михайловича Иофана; племянника жены З.И. Гржебина — Марии Константиновны (урожд. Дориомедовой). Мотив собирательства в рассказе распространяется как на маленького героя, так и на его взрослый прототип — философа В.В. Розанова. Об этом подробнее см. наши коммент.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 3: Оказион. М., 2000. С. 640, а также в статье: *Обатнина Е.Р.* Вариации памяти (творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб., 2011. (Лит. памятники). С. 290–292. В эмиграции рассказ вновь появился на

страницах периодической печати: Дни (Берлин). 1923. № 151, 29 апр. (под общим загл. «Человек человеку свет») и был включен в неизданный при жизни писателя сборник «Вереница. Рассказы о свете человеческом». См.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 16: Полунощное солнце. СПБ., 2020. С. 000 (в печати).

[28] Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) в эмиграции с 1919 г., в Париже член редколлегии газеты «Дни» и журнала «Современные записки». В 1925 г. газета «Дни» поместила на своих страницах шесть значительных по объему публикаций Ремизова. В данном случае речь шла о главах романа «Взвихрённая Русь». См.: Из книги «Взвихренная Русь». Временник Алексея Ремизова: Окница (1919–1920) // Дни. 1925. № 704, 1 марта. С. 3.

[29] Михаил Осипович Гершензон умер 19 февраля в Москве на 56-м году жизни. Объявление о его кончине, помещенное в «Последних новостях», Ремизов сохранил в тетради с корреспонденцией 1925 г. История отношений Ремизова с критиком и историком литературы отчасти отразилась в переписке: Из архива М.О. Гершензона. 1. Письма А.М. Ремизова: (1905–1922) / Публ. Т.М. Макагоновой // Река Времен: Книга истории и культуры: Альм. М., 1995. Кн. 3: Труды. Творения. Художества. С. 156–195; С.М. Гершензон: «Я расскажу о том, чего никто не знает…» / Вступ. заметка и публ. Я. Кумока // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 305–320; *Гершензон М.* «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост., коммент. Е.Ю. Литвин; послесл. В.В. Сапова. М., 2016. С. 306–338.

[30] Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог, академик; уехал из России в январе 1920 г. Жил и работал в Праге; умер в ночь на 17 февраля. Репортаж о его похоронах см.: Последние новости. 1925. № 1481, 21 февр. С. 3.

[31] См. примеч. 9.

[32] Шарль Кенэ (Карл Александрович; Charles Quénet; 1883–1946) — аббат, историк литературы; с 1922 вел общественную и благотворительную деятельность в пользу русских эмигрантов; также оказывал материальную помощь парижской казачьей студенческой станице, финансировал издание журнала «Станица».

[33] Подразумевается автомобиль Г.С. Киреева.

[34] Речь идет о выступлении Ремизова с чтением легенд из его сборников «Звенигород окликанный: Николины притчи» (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924) и «Ё: Тибетский сказ» (Берлин: Русское творчество, 1922).

[35] Леонид Михайлович Добронравов (Леон Донич-Добронравов; 1887–1926) — румынский, русский писатель, переехал в Париж из Румынии в 1924 г.; его знакомство с Ремизовым началось в 1913 г. в Петербурге. В Париже Добронравов до своей кончины редактировал общественно-политическую и литературную газету «Родная земля» (1925–1928).

[36] Речь идет о фундаментальном исследовании Ш. Кене, посвященном «Философическим письмам» П.Я. Чаадаева (*Quenét Ch.* Tchaadaev et les Lettres philosophiques Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie. Paris, 1931).

[37] Владимир Васильевич Диксон. См. о нем: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 74–75, примеч. 82.

[38] Шарль Кенэ. См. примеч. 32.

[39] Владимир Ананьевич Злобин (1894–1967) — поэт, литературный критик; с 1916 г. секретарь Д.С. Мережковского, покинул Петроград вместе с супругами Мережковскими 24 декабря 1919 г.

[40] Игорь Платонович Демидов (1873–1946) — журналист, политический деятель, кадет; в эмиграции с 1920 г.; член редакции и помощник редактора парижской газеты «Последние новости», член Церковно-Приходского Совета церкви св. Александра Невского. Здесь в скобках Ремизов приводит, очевидно, прозвища, которыми он при создании новой редакции писем «наградил» участников скандала (ср. оригинал на с. 89 наст. изд.). См. хронику произошедшего скандала в серии

заметок и писем участников и наблюдателей, которая была помещена на страницах газеты «Последние новости» под общим заголовком «Одиннадцать “Праведников”: Вокруг “Тайны” С.Р. Минцлова» (№ 1482, 22 февр. С. 2).

[41] Сергей Рудольфович Минцлов (1970–1933) — писатель, автор исторических романов, библиофил; брат А.Р. Минцловой; в эмиграции с 1918 г. См. его письмо в редакцию «Последних новостей» с объяснением своей позиции в отношении рассказа «Тайна» (Там же).

[42] Речь идет об «этюде» «Тайна» (Последние новости. 1925. № 4 (1470), 8 февр. С. 2–3). См. также об отношении Ремизова к скандальному инциденту, последовавшему за публикацией рассказа Минцлова: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 13–14. Крайнее раздражение Ремизова вызвала собственно общественная сторона истории. Между тем литературная тема, затронутая Минцловым, который использовал апокрифический сюжет, оправдывавший роль Иуды в христианской истории, была Ремизову далеко не безразлична: еще в начале творческого пути она стала предметом его художественных обработок. Подробнее см. наш комментарий к истории текста и критических рецепций ремизовской поэмы «Иуда Предатель» (1903) и его «Трагедии о Иуде принце Искариотском»: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 12: Русалия. СПб., 2016. С. 775–783; 819–822.

[43] Бенедикт Владимирович Кричевский (1871–1925) — дантист.

[44] Большой прилив (*фр.*).

[45] См. о «соседке» Ремизовых: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 79, примеч. 125.

[46] В обширной статье «Поэзия наших дней», опубликованной под псевдонимом Антон Крайний, Гиппиус сделала обзор стихотворных сборников молодых поэтов, вошедших в литературу в эмиграции, и упомянула В. Диксона, выделяя его на фоне сверстников: «Несколько живее, новее Диксон, Холчев, даже Перцов, особенно Диксон. Из него мне очень хочется привести несколько цитат, и если я удержусь, то лишь помня, что и это мое отступление в сторону юных эмигрантских поэтов — незаконно. Не они, а русская поэзия последних годов, ее общая линия и ее сегодняшний день в России — моя главная тема» (Последние новости. 1925. № 1482, 22 февр. С. 2).

[47] См. примеч. 28.

[48] vêpre (*фр.*) — вечерня. Речь идет о вечерней службе в церкви бенедиктинского монастыря, основанного в 1893 г., который в 1925 г. был возведен в ранг аббатства — Abbaye Sainte-Marie de Paris.

[49] Речь идет о прислуге.

[50] Иван Иванович Манухин (1882–1958) — врач-терапевт, ученик С.С. Боткина; выдающийся ученый-иммунолог, общественный деятель. В революционные годы (с февраля 1917 по 1919) оказывал медицинскую помощь заключенным Петропавловской крепости как врач при Чрезвычайно следственной комиссии и после Октябрьского переворота — как представитель Политического Красного Креста; эмигрировал в 1921 г. при содействии М. Горького, которого вылечил от туберкулеза; в Париже он и его жена Т.И. Манухина входили в дружеский круг супругов Мережковских, знакомых им еще с революционного Петрограда. См. воспоминания и дневники в кн.: Жизнь и призвание доктора И.И. Манухина / Сост. и подгот. текста А.В. Говядинова; предисл. Т.И.Ульянкиной. М., 2015. В «литературно-церковном» деле, связанном с изгнанием Демидова из Приходского Совета (см. примеч. 40), Манухин, также член Совета, был единственным, кто выразил протест по принятому решению. См. интервью с Манухиным, озаглавленное в хронике событий скандала «Мотивы» (Последние новости. 1925. № 1482, 22 февр. С. 2).

[51] Русская Академическая группа первоначально возникла в Берлине как объединение деятелей науки и культуры в эмиграции с целью развития русской академической школы, поддержания взаимосвязей с учеными-эмигрантами, учреждения русских учебных заведений за рубежом. Затем аналогичные группы были образованы во всех центрах эмигрантского мира. В Париже группа была учреждена в феврале 1920 г., в ее состав сразу вошли не только русские ученые, но и представители французской академической школы. Первым председателем парижской группы был избран Е.В. Аничков, который после отъезда в Белград был сменен А.Н. Анциферовым, возглавлявшим парижскую группу вплоть до своей кончины в 1943 г. Сюжет о некоем скандале в Парижской академической группе не выявлен.

[52] Подразумевается статья «Аспиранты», опубликованная в ряду других печатных выступлений по поводу «литературно-церковного» скандала под общим названием «Одиннадцать “Праведников”. Вокруг “Тайны” С. Минцлова» (Последние новости. 1925. № 1482, 22 февр. С. 2).

[53] Нюшка Засухина — героиня двух рассказов, включенных в композицию романа «Взвихрённая Русь»: «Анна Каренина» и «Панельная сворь». В данном случае, очевидно, речь шла о первом из них, описывающем трагикомические ситуации зимы 1919 г., в частности, как Нюшка Засухина, трамвайная метельщица, поменяла фамилию и стала Анной Карениной. Первая публикация рассказа состоялась в парижской газете «Дни» (1925. № 806, 20 сент. С. 5).

[54] Речь идет о приходящей помощнице по хозяйству.

[55] Второй номер журнала «Воля России» за 1925 г., в котором была опубликована глава из книги «Оля» — «С огненной пастью» (С. 23–43). Для Серафимы Павловны это известие было радостным вдвойне, потому что рассказы из книги «Оля» были созданы Ремизовым по ее записям о детстве и юности. Подробнее см. историю текста в комментариях В.Н. Быстрова: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 16: В розовом блеске. СПб., 2019. С. 655–663.

[56] Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) — последний секретарь Л.Н. Толстого; в 1921 г. активист Помгола; в эмиграцию был выслан на «философском» пароходе в феврале 1923 г.; жил в Праге, в 1924–1928 г. исполнял обязанности Председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Ремизовы познакомились с Булгаковым во время приезда в Прагу в августе 1924 г. Тогда же новый знакомый был возведен в кавалеры обезьяньего знака первой степени с божьей травкой (см. публ. обезьяньей грамоты от 14 августа 1924 г., а также послужной список Булгакова в Обезвелволпале: *Обатнина Е*. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001; раздел «Коллекция», а также С. 339). Письмо Булгакова от 19 февраля, полученное Ремизовым 23 февраля, представляло собой обстоятельный ответ на интересующий писателя вопрос: как Толстой относился к сновидениям в жизни и в литературе. Тема была инспирирована критическим отношением парижских редакций к ремизовскому жанру «снов» и упоминанию в них реальных лиц. Полная публикация письма Булгакова и сюжет 1925 г., связанный с ремизовской творческой практикой и ее рецепциями в литературных кругах эмиграции, подробно описан в готовящейся к публикации статье «Ремизов в борьбе за “сон”».

[57] О Святополке-Мирском см.: *Обатнина Е.Р*. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: «La vie», или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 23–25, 76.

[58] Jean Chuzeville (Жан Шюзевиль; 1886–1962) — историк французской литературы, плодовитый переводчик итальянской, немецкой и русской художественной литературы XIX–XX вв. Прекрасное знание русского языка было закреплено шестью годами жизни в дореволюционной России, где он занимался репетиторством. С 1913 по 1920 г. вел колонку «Русские письма» в “Mercure de France” и “La Revue hebdomadaire”. В эти же годы произошло его личное знакомство

с В. Брюсовым, М. Цветаевой, Н. Гумилевым. Личное общение с Ремизовым началось, очевидно, благодаря Л. Шестову в Париже. В 1925 г. в переводе Шюзевиля был издан роман Достоевского «Бесы» в издательстве «Bossard». Об этом издании Шюзевиль писал Ремизову в письме, отправленном из Парижа 23 марта (упоминание в рукописи региона Божоле (Бургундия) является позднейшей вставкой). В этом же письме (Amherst. Series 2. B. 2. F. 3. P. 35–37) переводчик ввиду успеха «Бесов» на французском выражал надежду опубликовать перевод ремизовского рассказа «Пожар» (1906). Свое намерение Шюзевиль осуществил при поддержке К. Мочульского в следующем году: *Remizov A*. L'incendie / Trad. J. Chuzeville et K. Mochul'skii // La Revue Européenne. 1926. № 38, 1 avr. P. 22–31.

[59] Подразумевается рецензия Г. Адамовича на первую книгу стихов В. Диксона «Ступени» (Париж: Гнездо, 1924). Критик отозвался о молодом поэте сдержанно, отметив «генеалогию» его творчества: «О Диксоне много не скажешь. Дарование у него, вероятно, есть. Стихи его написаны легко и свободно. Но это еще ученичество. И притом самое первоначальное. <…> в книге Диксона заметно влияние Бальмонта и Блока, скорей второго. От Блока у него текучесть стиха и та "весенняя", молодая безотчетная умиленность, которая была в "Нечаянной радости"» (Звено. № 108, 23 февр. С. 2).

[60] Le Solférino — станция метро в Париже, ближайшая к зданию вокзала, построенному к Всемирной выставке 1900 г., который до 1939 г. обслуживал направление Париж–Орлеан. С начала 1980-х гг. в здании вокзала располагается музей Орсэ.

[61] Эсфирь Соломоновна Познер (урожд. Сидерская; 1882–1942) — жена С.В. Познера. По степени заботливости и искреннего участия Ремизов сравнивал ее с супругой В.В. Розанова. Ср.: «В Париже Эсфирь Соломоновна Познер, как когда-то Варвара Дмитриевна, будет советовать и наставлять по хозяйству, печалясь и желая удач и денег. Поминаю и этих двух милосердных женщин, столько тепла и участия было от них в нашей бедовой судьбе» (*Ремизов А.М*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 220).

[62] Два ближайших к Сергею Павловичу Дягилеву (1872–1929) друга и помощника в организации гастролей труппы «Русский балет Дягилева» в эмиграции. *Нувель Вальтер Федорович* (1871–1949) — до революции чиновник особых поручений канцелярии Министерства императорского двора; один из учредителей объединения «Мир Искусства», обладал многогранными артистическими, литературно-художественными способностями и был любимцем символистского Петербурга. См. о нем: *Виноградова Е.В*. Семья Философовых на страницах воспоминаний о С.П. Дягилеве В.Ф. Нувеля // Философовские чтения. Сб. материалов первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 137–143. Борис Евгеньевич Кохно (1904–1990) — в эмиграции с 1920 г.; с 1921 г. секретарь Дягилева, либреттист, антрепренер. Возможно, упомянутая встреча с Дягилевым была первой в эмиграции, после 1909 г., когда Ремизов был привлечен к подготовке спектакля «Весна священная» в качестве консультанта. См. воспоминания писателя: *Ремизов А.М*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10: Петербургский буерак. М., 2003. С. 259–266. Летом «Русский балет Дягилева» гастролировал в парижском театре Ля Гете Лирик (La Gaîté Lyrique). Ремизов присутствовал на всех спектаклях с 15 по 20 июня 1925 г. Под впечатлением от хореографии и русской музыки были написаны рецензии, практически сразу пошедшие в печать: *Ремизов А*. 1) Дягилевские вечера: Китайский светлячок и матросы // Последние новости. 1925. № 1592, 3 июля. С. 3; 2) Дягилевские вечера: Семь — братьев — ветров // Там же. 1925. № 1582, 21 июня. С. 3.

[63] См. примеч. 25.

[64] Сергей Михайлович Ремизов (1875–1921) — брат писателя; служащий банка, в 1917–1919 работал на товарной станции Курской ж.д.; умер от тифа.

[65] Спасо-Андроников монастырь Нерукотворного Спаса, один из основных московских топонимов, связанных с детством и ранней юностью братьев Ремизовых. См. роман Ремизова «Пруд».

[66] После окончания Московского Александровского Коммерческого училища Ремизов, вопреки пожеланиям своего дяди — банкира Н.А. Найденова, прочившего ему службу на Московской торговой бирже, в 1986 г. поступил вольнослушателем в Московский университет, посещая лекции по биологии и философии.

[67] Речь идет о квартире по адресу 3 bis Av. J.B. Clément, Boulogne sur Seine.

[68] Редакторские замечания по поводу натуралистических подробностей в рассказе «Труддезертир», описывающем быт петроградской зимы 1919 г., Ремизову пришлось учесть. Позднейшая ремарка Ремизова в квадратных скобках ошибочна: с учетом редакторских требований рассказ в нивелированном виде появился в двадцать шестой книге журнала «Современные записки» за 1925 г. (С. 161–183). Именно по поводу этого рассказа З.Н. Гиппиус в письме Серафиме Павловне передавала Ремизову совместное с Д.С.Мережковским признание его писательского успеха. См.: *Обатнина Е.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925. С. 38.

[69] Об отношениях Серафимы Павловны и Диксона подробнее см. также: Там же. С. 19.

[70] Константин Васильевич Мочульский (1892–1948) — историк литературы, критик; эмигрировал в 1919 г.; с 1922 г. жил в Париже; лектор университета Сорбонны; сотрудник эмигрантских периодических изданий, таких как «Русская мысль», «Звено», «Современные записки», «Последние новости»; входил в дружеский круг Ремизовых. Поэт Александр Самсонович Гингер (1897–1965) эмигрировал в 1919 г., в 1923–1924 гг. Париже входил в литературное объединение «Палата Поэтов» и группу «Через», в 1925 г. выпустил вторую книгу стихов «Преданность». Очевидно, с подношения этого сборника Ремизову 4 апреля 1925 г. начинается их знакомство. Вскоре к дружескому кругу присоединилась и жена Гингера поэтесса А.С. Присманова. Борис Борисович Божнев (1896–1969) в 1925 г. выступил в печати с первым стихотворным сборником «Борьба за несуществование». Среди корреспонденции Ремизова известны спорадические письма Божнева 1930-х гг., касающиеся библиографических справок для писателя.

[71] Речь идет о кабинете Ремизова, названном «Кукушкиной» комнатой по расположенным в ней часам с кукушкой. Ср. письмо Ремизова А.А. Блоку, написанное 11 июля 1911 г. из Швейцарии, известной мастерским изготовлением часов: «А часы с кукушкою о которых мечтал, мне не придется купить. Есть тут одно здание — башня, так на этой башне часы с кукушкою: кукушка маленькая вылетает, малюсенькая, а кукует, за озером слышно» (*<Блок А.А.>* Переписка с А.М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. ст. З.Г. Минц. Публ. и коммент. А.П. Юловой // *ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 96). Вожделенные часы с кукушкой появились в квартире Ремизова только в 1924 г. (подарок Ю.К. Балтрушайтиса). С этого времени они стали неизменной интерьерной деталью кабинета писателя, а сама комната стала называться «кукушкиной». Ср. описание последней парижской квартиры Ремизова на улице Буало: «“Кукушкина” носила свое название по тому, что в ней находились часы с гирями и кукушкой, давно испорченные, хотя от времени до времени их заводили, по старой памяти, и кукушка невпопад куковала» (*Никитин Н.П.* «Кукушкина» (Памяти А.М. Ремизова. Воспоминания) // *Ремизов А.* Павлиньим пером / Сост., вступ. статья и примеч. Н.Ю. Грякаловой. СПб., 1994. С. 214).

[72] Мария Константиновна Гржебина (урожд. Дориомедова; 1880–1968) — жена З.И. Гржебина.

[73] Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898–1978) — поэт, писатель, издатель-редактор эмигрантских периодических изданий. В Тифлисе 1918 г. стал членом поэтического объединения «Цех поэтов», сблизился с авангардистами и печатался в журнале «Фантастический кабачок»; эмигрировал в Югославию в 1920 г. Его первое письмо Ремизову датировано 8 июня 1923 г. и содержало предложение печататься в созданном им журнале «Медуза». В первом и единственном номере журнала за

1923 г. был опубликован рассказ Ремизова «Задушницы». С 1924 г. жил в Париже, получил специальность электрика, работал сцепщиком вагонов, фотографом, Весной 1925 г. выпустил в книгоиздательстве «Птицелов» поэтический сборник «Керамика». Очевидно, поводом для визита послужила идея Кобякова издавать сатирический журнал «Ухват» (1926. №№ 1–6). Ремизов исполнял в этом издании роль основного консультанта и автора публикаций.

[74] Очевидно, Александр Павлович Шем (наст. фам Шеметов; 1898–1981) – художник-карикатурист, график, книжный иллюстратор; редактировал (вместе с Д. Кобяковым) и оформлял сатирический журнал «Ухват» (1926).

[75] Буба — семейное имя Ирины Зиновьевны Гржебиной (1907–1994), средней по возрасту из трех дочерей З.И. Гржебина.

[76] По всей вероятности, так готовилась одна из мистификаций для журнала «Ухват» с участием не имеющего никакого отношения к музыке инженера Якова Самойловича Шрейбера. См. также о нем: Литературный факт. 2018. № 7. С. 76.

[77] Роман Ремизова «Взвихрённая Русь» публиковался отдельными главами с 1919 г. в периодической печати; вышел в издательстве дочерей С. Рахманинова «ТАИР» в 1927 г.

[78] Глава из романа «Взвихрённая Русь».

[79] Екатерина Дмитриевна Кускова (урожд. Есипова; 1870–1958) — видный общественно-политический деятель, социалистка вне партий; в эмиграции заняли позицию так называемых «возвращенцев» (см. о них подробнее: *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1: Россия в Германии. С. 232–238). Речь идет о ее статье «Тактические ошибки», напечатанной в двух номерах «Последних новостей» — 1615 (31 июля) и 1618 (4 авг.).

[80] Подразумевается отношение к писательскому труду в период военного коммунизма. Очерк о Борисе Викторовиче Савинкове (1879–1925), с которым Ремизовы были знакомы с 1903 г., впервые появился в печати в 1932 г.: *Ремизов А.* Савинков // Последние новости. 1932. № 4008, 13 марта. С. 2–3. Воспоминания о Савинкове были связаны с известием о его гибели 7 мая 1925 г. в ВЧК на Лубянке.

[81] См. воспоминания о Блоке под названием «К звездам»; текст вошел в книгу «Ахру: Повесть петербургская» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922).

[82] от legume (*фр.*) — овощной.

[83] l'ascenseur (*фр.*) — лифт.

[84] Хозяйка виллы Kerbellec в Бретани. См. примеч. 1.

[85] Георгий Владимирович Цебриков. См. о нем: Литературный факт. 2019. № 4. С 39.

[86] Речь идет о письме берлинского корреспондента Ремизова Федора Виганда (F. Wiegand), который впервые обратился к Ремизову с предложением перевести его книгу «Ё: Тибетский сказ» (Берлин: Русское творчество, 1922) в письме от 17 февраля 1925 (Amherst. Series 1. B. 3. F. 15). Разрешение было получено. Письмо Виганда от 29 июля было ответом на запрос писателя о продвижении в намеченном переводе (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1). Очевидно, перевод так и не состоялся, поскольку поиски издательства в Берлине были безуспешными. На этом неудачном замысле переписка оборвалась.

[87] Марк Вениаминович Вишняк.

[88] Здесь подразумевается глава, получившая в составе романа «Взвихрённая Русь» название «Лошадь из пчелы» с подзаголовком «— хождение по Гороховым мукам б. канцеляриста и трех кавалеров обезвелволпала —». Глава, составленная из 16 последовательных сцен с отдельными заголовками, повествовала об аресте Ремизова, К.С. Петрова-Водкина, А.З. Штейнберга и М.К. Лемке в ночь с 14 на 15 февраля 1919 г. как подозреваемых участников не существовавшего заговора эсеров. По этому же делу в течение недели были арестованы Иванов-Разумник и А.А. Блок.

Допросы арестованных велись в здании петроградской ВЧК на Гороховой улице, 2. Подробнее см. также: *Штейнберг А.З.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С. 35–42.

[89] Обсуждается дилемма распределения готовых глав романа между публикациями в различных печатных источниках — газете «Дни», в которой главы печатались под общим заголовком, восходящим к названию первых публикаций 1919–1923 гг., — «Из книги “Взвихренная Русь”. Временник Алексея Ремизова». Поздний комментарий в квадратных скобках не соответствует действительности. Рассказ «Труддезертир», хотя и с редакционными поправками, всё же был напечатан в двадцать шестой книге «Современных записок» (см. примеч. 68), как и рассказ «По “бедовому” декрету» (Там же. С. 183–194).

[90] Андрей Владимирович Оболенский, князь (1900–1975) — сын известного общественного и политического деятеля князя В.А. Оболенского (1869–1951); участник Добровольческой армии; после того как армия была разбита в Крыму, эмигрировал; в 1922–1924 гг. жил и учился в Праге; осенью 1924 г. переехал в Париж; занимался малярными работами. Тогда же благодаря сестрам Ольге и Наталье Черновым приобщился к кругу ближайших друзей Ремизовых в Париже, стал их незаменимым помощником в бытовых неурядицах. Образ Оболенского прочитывается сразу в нескольких персонажах ремизовского романа «Учитель музыки» (Козлок, Балдахал, имена которых стали его прозвищами); за дружескую помощь он был посвящен в кавалеры обезьяньего знака первой степени. Характер взаимоотношений писателя с Оболенским отчасти отражает сохранившийся эпистолярный материал за 1926–1928 и 1941–1943 гг.: Девять писем А.М. Ремизова // Мнухин Л.А. Итоги и истоки: Избранные статьи. Болшево, 2008. С. 266–271.

[91] Георгий Гаврилович Шклявер. См. о нем: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 77. Речь идет о статье, написанной по поводу выхода сборника Ремизова «Звенигород окликанный: Николины притчи» в издательстве «Алатас», организованном на паях Н.К. Рерихом: *Shkliaver G.* À travers la Littérature étrangere // La Vie des peuples. 1925. № 64. Août. P. 754–762.

[92] Речь идет о Центрально-Азиатской экспедиции Рериха.

[93] Подразумевается деятельность писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1883–1961) в издательстве «Алатас», контора которого располагалась в Нью-Йорке.

[94] Парижская мэрия.

[95] Две части из главы «Октябрь» содержат микросюжеты, связанные с семьей Семеновых-Тян-Шанских, представители которой стали косвенными и прямыми жертвами октябрьского переворота. В третьей части речь идет о внезапной смерти Дмитрия Петровича Семенова-Тян-Шанского, сына известного путешественника, владельца дома 31 на 14 линии Васильевского острова, в котором с 1916–1920 г. Ремизовы снимали квартиру. Седьмая часть построена на известии о трагической гибели его сына — поэта Леонида Дмитриевича Семенова (1880–1917), убитого крестьянами в родовом имении.

[96] Речь идет о новом журнале «Путь», который начал выходить в сентябре 1925 г.. Как впоследствии вспоминал его редактор Н.А. Бердяев, издание не являлось «боевым органом», а лишь давало «место для творческих проявлений мысли на почве православия» (цит. по: *Бердяев Н.А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии М., 1991. С. 228). Для предварительного ознакомления Ремизов направил Бердяеву свои переложения легенд о святых угодниках, собранных им по древнерусским источникам. Подробнее об источниках см. комментарии: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 14: Звезда надзвездная СПб., 2018. С. 527–588. В письме от 24 августа Бердяев сообщал о своем впечатлении, которое даже повлияло на уже установленную редакционную политику, первоначально не предполагавшую публикации художественных произведений: «Дорогой Алексей Михайлович! Прочел с большим удовольствием то, что Вы мне прислали. У нас в журнале беллетристики не будет, но можно иногда печатать художественные отрывки, имеющие религиозный

интерес. Я думаю, что можно из них напечатать III. Дела человеческие и IV. Русские повести. I. Parus amor и II. Чертог твой, по-моему, не подходят и мне мало нравятся» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1a. P. 10). В результате в журнале «Путь» были опубликованы тринадцать ремизовских миниатюр под общим заголовком «Из книги “Плетешок”» (1926. № 2, янв. С. 59–87).

[97] См. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 26.

[98] Из письма Зензинова от 1 августа 1925 г. также следует, что несколькими днями ранее он был посвящен в кавалеры Обезвелволпала наградной грамотой. Очевидно, грамота и отправленные вместе с этим шуточным документом поздравления были связаны с переездом Зензинова, как и других членов редакции газеты «Дни», из Берлина в Париж. Относительно печатной судьбы газеты «Дни», в которой предполагалось продолжение публикации глав из романа «Взвихрённая Русь», отправитель письма выражал надежду, несмотря на то, что возобновление издания, по его словам, «подернулось туманом» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1. P. 93). Временные проблемы. связанные с передислокацией редакции газеты, вскоре были преодолены, и первый «парижский» номер газеты» вышел 16 сентября, а уже 20 сентября на страницах газеты появились задержавшиеся в печати рассказы Ремизова «Анна Каренина» и «Портреты» (№ 806, 20 сент. С. 5).

[99] Монахиня — девственница и мученица (*фр*.). Одно из прозвищ Н.Г. Львовой.

[100] Супруги Львовы — Нина Григорьевна (урожд. Шапулина) и Лоллий Иванович. См. о них: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 68–69 , примеч. 19.

[101] Письмо Сергея Яковлевича Осипова (см. о нем: Там же. С. 69, примеч. 20), в котором «ключарь» Обезвелволпала, как обычно, извещал Ремизова о положении его взаимоотношений с берлинскими издательствами и редакциями. Речь также шла о газете «Русское эхо», в которой готовилась публикация основного идеологического документа ремизовского игрового ордена — «Обезьяний манифест» (1925. № 33, 30 авг. С. 5), а также о решении проблем с оставшимися после переезда Ремизовых в Париж вещами из их квартиры.

[102] Виктория Петровна Кончаловская (1883–1958) — филолог, специалист по русской этимологии; жила во Франции в 1907 г.; во второй половине 1920-х гг. преподавала русский язык в Школе восточных языков (Париж).

[103] См. примеч. 1.

[104] Речь идет о курорте Капбретон (*фр*. Capbreton), расположенном на Атлантическом океане в департаменте Ланды (регион Аквитания).

[105] Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. Ильин; 1878–1942); *Борис Петрович Вышеславцев* (1877–1954).

[106] Екатерина Владимировна Селевина. См. о ней: Литературный факт. 2018. № 8. С. 31, примеч. 50.

[107] Антонина (Нина) Николаевна Сеземан (урожд. Насонова; 1894–1941) — жена Н.А. Клепинина (в третьем браке). Участвовала в евразийском движении, вступила в Союз возвращения на родину.

[108] О А.Г. Вишняке см.: Литературный факт. 2018. № 7. С. 72, примеч. 37; 2019. № 11. С. 69, примеч. 130. О В.Л. Вишняк см.: Литературный факт. 2018. № 7. С. 73, примеч. 44.

[109] Кламар — пригород Парижа, в котором проживали Л. Шестов и Н.А. Бердяев. Речь идет о поисках квартиры для Ремизовых.

[110] См. примеч. 95.

[111] См. примеч. 96.

[112] Возможно, сын Екатерины Владимировны Селевиной, см. о ней, с поправкой года смерти — 1928: Литературный факт. 2018. № 8. С. 13, 31, примеч. 50.

[113] Речь идет о книге Ивана Александровича Ильина (1883–1954) «О сопротивлении злу силою», которая была написана в Италии и издана в Берлине в 1925 г.

[114] Неустановленное лицо.

[115] Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) — филолог-романист, переводчик, сотрудник издательства «Всемирная литература» (1919–1921), основатель издательского петроградского кооператива «Петрополис» (Петроград: 1918–1922; Берлин: 1922–1933, Брюссель: 1933–1940). В Париже жил с 1921 г., оставаясь представителем издательства; профессор старофранцузского языка в Сорбонне, в 1925 г. сотрудник газеты (с 1926 г. — журнала) «Звено» (ред. М.М. Винавер, П.Н. Милюков; 1925–1928). Речь идет о публикации миниатюры в жанре «сна» под названием «Домовые» (Звено. 1925. № 132, 10 авг.). См. также примеч. 135.

[116] Добрый Абрам Юрьевич (1867–1936) — акционер, банкир, промышленник, библиофил. В эмиграции поддерживал отношения с многими деятелями русской культуры, в частности, с Л. Шестовым, А.Н. Бенуа, Б.Д. Григорьевым и др. Упоминается в книге Ремизова «Мышкина дудочка». Ремизов принял участие в сборнике: Памяти А.Ю. Доброго. Париж: Кружок друзей А.Ю. Доброго, 1939. См. публикацию его очерка: *Вахненко Е.В*. Мемориальный жанр в творческом наследии Ремизова: новонайденное послание парижскому Некрополю // Русская литература. 2020. № 3 (в печати).

[117] Макс Ефимович Эйтингон. См. о нем также: Литературный факт. 2019. № 11. С. 69, примеч. 132.

[118] Дора Юрьевна Добрая — сестра А.Ю. Доброго.

[119] О семье Залкиндов см: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С 51.

[120] Речь идет о Наташе Ремизовой (см. примеч. 3).

[121] Прозвище Анны Елеазаровны Березовской (1870–1962) — жены (с 1897) Л.И. Шестова, врача по профессии. Ср. письмо Шестова матери и сестре от 22 декабря 1924, в котором, описывая трудности материального положения семьи, он упоминает о том, что его супруга очень загружена частной практикой и «не может отказываться от массажей, т.к. и без того у нее бывает, что нет работы» (*Баранова-Шестова Н*. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников. Paris, [1983]. Т. 1. С. 315).

[122] Jane Ellen Harrison, Helen Hope Mirrlees (подписывала письма к Ремизовым именем «Надежда Васильевна»). См. о них: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 67–69.

[123] Paul Boyer. См. о нем: Там же. С. 77.

[124] Об этом сюжете см.: Там же: С. 49.

[125] Среди корреспонденции Серафимы Павловны обнаружена одна открытка от Жюльетты Лазаревны Гурфинкель (в замуж. Пугач; 1903–1950), относящаяся к 1927 г. Однако здесь, очевидно, речь идет о ее старшей сестре Нине Лазаревне Гурфинкель (1898–1984) — филологе, театроведе. Она приехала в Париж в 1925 г. в командировку и приняла решение не возвращаться в Россию; первое время подрабатывала переводами; начиная с 1930-х гг. сотрудничала с П.М. Бицилли как переводчик его трудов; автор книг по русской драматургии.

[126] По-видимому, речь шла о сочинениях протопопа Аввакума. К этой категории изданий, вышедших в свет по июль 1925 г. включительно, согласно списку Малышева (см.: *Малышев В.И*. Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917–1953 годов // Труды отдела древнерусской литературы. Т. X. М., Л., 1954. С. 435–446), подходит лишь одна публикация из первой книги «Памятников истории старообрядчества XVII в.» (Русская историческая библиотека, т. XXXIX): Книга бесед протопопа Аввакума. Пг.: Изд. Археографической комиссии Министерства

народного просвещения, 1917. Однако этот печатный источник не является академическим изданием.

[127] Андре Мазон (André Mazon; 1881–1968) — французский славист, профессор Collége de France (1924–1952), основатель журнала “Revue des études Slaves” (1921–1928). Письмо о попавшей в библиотеку Сорбонны книге Ремизов тогда же направил Мазону и уже 14 августа получил ответ с заверениями помочь с поиском (Amherst. Series 1. B. 3. F. 6. P. 10).

[128] Главы романа «Взвихрённая Русь», опубликованные в «Воле России» (1926. № 2. С. 3–42), из которых только заглавие главы «Ветьё» в окончательной редакции 1927 г. была изменено на «Октябрь».

[129] Речь идет о редакторах журнала «Воля России» (Прага; 1922–1932). Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963) — переводчик, публицист; эсер; сводный брат О.Е. Колбасиной; эмигрировал в марте 1918 г.; один из создателей и руководителей Заграничной делегации партии эсеров. Слоним Марк Львович (1894–1976) — литературовед, критик, публицист, переводчик; эмигрировал в 1919 г.

[130] См. примеч. 96.

[131] Морис Моисеевич Лихтман (Maurice Meru Lichtmann; 1887–1948) — пианист, композитор, с 1912 г. жил в США; вице-президент издательства «Алатас» (1924) и музея Рериха в Нью-Йорке (с 1923 г.). Речь идет миниатюре в жанре «сна», опубликованной в рижской газете «Слово» (1925. № 1, 11 нояб. С. 3). См. также: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925. С. 18.

[132] Упоминается несостоявшееся издание книги Ремизова «Клятвенный камень» в издательстве «Алатас». В связи с пожеланием Ремизова редактор и владелец издательства Г.Л. Гребенщиков (совместно с Н.К. Рерихом) просил писателя не настаивать на старой орфографии ввиду нескольких причин и опыта издания предыдущей книги «Звенигород окликанный»: «Вы знаете, — писал он 15 сентября из Нью-Йорка (Ремизов получил письмо 27 сентября), — как мы почитаем Ваш талант и как готовы идти навстречу всем Вашим пожеланиям, но Алатас в ближайшем будущем серьезно видит наибольшее количество своих читателей в России, во всяком случае среди молодежи, пугающейся старого писания. Кроме того, наш опыт показал, что книги со старой орфографией идут медленнее. Так, Звенигород, несмотря на все наши старания, несмотря на широкую и дорогую рекламу, разошелся за год менее 300 экз<емпляров>. Только это обстоятельство служит причиной замедления в выпуске вашей второй книги, так как Вы знаете, что наше И<здательст>во построено на строгом принципе самоокупаемости книг. Не в наших интересах задерживать движение книг, и вот почему мы пытаемся наладить тесную связь с Россией и уже получаем оттуда часть заказов на наши издания» (Amhest. Series 1. B. 4. F 1a. P. 22).

[133] Возможно, цитируется реплика П.П. Сувчинского, стоявшего во главе евразийского книгоиздательства с 1921 г. Все эмигрантские издания евразийцев печатались по старой, дореволюционной орфографии. Этот принцип выдерживался до 1926 г., когда евразийские книги и сборники стали печататься по нормам, принятым в СССР, в связи с переориентацией на читателя в России.

[134] “La Révolution surréaliste” (Париж, 1924–1929) — литературный журнал, основанный группой сюрреалистов в 1924 г. во главе с Андре Бретоном.

[135] Подразумевается публикация трех снов (*Домовые. Живая чучела. Альбом*) под общим заголовком «А. Блок: Сны» в газете «Звено» (1925. № 132, 10 авг.). См. также: *Ремизов А.* Сторона небывалая: Легенды, сказки, сны, фантастика, исторические были-небыли / Сост. И. Попов, Н. Попова; вступ. ст., коммент, словарь И. Попова. М., 2004. С. 94–96.

[136] См. примеч. 104.

[137] См. о ней: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 72, примеч. 53.

[138] Парижский адрес Ремизовых с 1 марта 1923 по 1928 г. — 5 Villa Flore, 120 bis Av. Mozart, XVI.

[139] Рижский еженедельный художественно-литературный журнал «Наш огонек» (1924–1926; ред. В.В. Васильев (Гадалин), с № 5 1925 г. — ред. И.А. Шиф). Приглашение участвовать в журнале Ремизов получил 3 января 1925 г. от Василия Владимировича Васильева. Характеризуя новое издание, редактор писал: «… журнал выходит без содействия-участия каких-либо политических партий и не преследует никаких политических целей. В задачу журнала входит: 1) дать читателю художественно-литературный материал, 2) осветить культурную жизнь Балтийских республик, 3) освещать мировую жизнь в иллюстрациях, 4) самое главное дать возможность заработать нуждающимся русским писателям и журналистам» (Amherst. Series 1. B. 3. F. 15. P. 19–19a). В 1925 г. в журнале, согласно библиографии Е. Синани (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; sous la dir. de T. Ossorguine. Paris, 1978), появилась републикация главы «Обезвелволпал» из книги «Кукха. Розановы письма» (Наш огонек. 1925. № 46, 14 нояб.).

[140] Письмо, полученное по пневматической почте, действовавшей в Париже с 1876 г.

[141] См. примеч. 6.

[142] Очевидно, речь идет о томах IX—XIV Полного собрания русских летописей (СПб., 1863 — Пг., 1918), где был опубликован памятник древнерусского летописания XVI в., необходимый Серафиме Павловне для преподавания курса палеографии в Школе Восточных языков.

[143] Владимир Николаевич Унковский (1888–1964) — медик по образованию, журналист, писатель; сотрудник журн. «Числа», «Рубеж» и др. Знакомый Ремизова с 1911 г.; эмигрировал в 1920 г.: сначала в Грецию, затем через Константинополь перебрался в Сербию, где до 1924 г. служил врачом сербского полка; после отставки весной 1925 г. приехал в Париж. Не найдя работу, завербовался на службу во французскую колонию Западной Африки. После короткой стажировки по тропической медицине в Дакаре, в сентябре был назначен полномочным санитарной частью Дагомеи (после 1975 г. Бенин), расположенной в столице Порто-Ново (сведения приводятся согласно письму Унковского Ремизову от 19 сентября 1925 г. — Amherst. Series 1. B. 4. F. 1a. P. 36–38). В рукописи прозвище «африканский доктор» употребляется в соответствии со временем переписывания оригинальных писем в 1943–1948 гг. О происхождении прозвища см.: *Грачева А.М.* О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // Русская литература. 2013. № 4. С. 76.

[144] Сборник рассказов Ремизова «Весеннее порошье» (Пг.: Сирин, 1915) был выслан из Харькова матерью Унковского (письмо Унковского Ремизову от 10 июня — Amherst. Series 1. B. 4. F. 1. P. 51).

[145] Петр Константинович Иванов (1876–1956) — писатель, церковный деятель; в 1910-е гг. успешный журналист, атеист. После Октябрьской революции, вследствие глубокой душевной травмы, связанной со смертью жены и дочери от тифа, перенес психиатрическое заболевание и потерял слух; личная история обращения к церковно-религиозной тематике была связана с видением Креста, помогшим ему оправиться от пережитых потрясений. В апреле 1923 г. принял участие в обновленческом московском «епархиальном съезде»; за религиозную деятельность выслан из Москвы в 1923 г. в Берлин; в ноябре 1924 г. переехал в Париж, читал благотворительные лекции на религиозные темы. В 1925 г. в Париже вышла его книга «Смирение во Христе».

[146] Сергей Петрович Мельгунов (1879/80–1956) — общественный и политический деятель, историк русской революции, Гражданской войны и Русского Зарубежья; публицист, издатель, мемуарист. Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937) — историк, публицист, общественно-политический деятель.

[147] Петр Петрович Сувчинский. См. о нем: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925. С. 25–27, 75.

[148] Домработница Ремизовых.

[149] 11 августа — по православному календарю день именин мученицы Серафимы Римской.

[150] Воспоминание о родительском доме Серафимы Павловны в Черниговской губернии.

[151] Павел Иванович Довкгело (?–1895) — майор, председатель уездной земской управы, член губернской земской управы Ср. оригинал (С. 000 наст. изд.), где упоминается отец Ремизова — Михаил Алексеевич Ремизов (?–1883) – купец 2-й гильдии.

[152] Речь идет о публикации в берлинском журнале «Русское Эхо» сказки «Мавка», сюжет которой был сообщен Ремизову фольклористом П.Г. Богатыревым. Значительно позже Ремизов вновь напечатал эту сказку. См.: *Ремизов А.* Мавка: Неизданная карпатская сказка // Новоселье. 1943. № 6. С. 3–5. Богатырев в 1924–1925 гг., работавший в Праге, занимался фольклором Карпат и щедро делился с писателем материалами своих экспедиций. См. об этом: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 11: Зга. М., 2015. С. 772. Басаркуны — горные духи сказаний южных славян.

[153] Борис Осипович Харитон (1876–1941?, репрессирован) — журналист, литературный критик, в 1908–1916 — выпускающий редактор кадетской газеты «Речь»; один из организаторов Петроградского Дома литераторов (1918–1922); редактор журналов «Литературные записки», «Летопись Дома литераторов», «Смена вех», «Петербургский сборник»; в 1922 г. выслан в Берлин; с декабря 1923 г. жил в Риге. Весной 1925 г. инициировал издание газеты «Понедельник» (1925–1927; официальный ред.-изд. Л.М. Ротаст), возглавив ее редакторский отдел. Ремизов был приглашен к участию в этом издании заблаговременно. Первого июня 1925 г. газета вышла из печати. Здесь был опубликован рассказ Ремизова (Взвихренная Русь: Электрификация // Понедельник. 1925. № 1, 1 июня). В письме от 2 июля Харитон, отправляя гонорар и экземпляры журнала с приехавшим в Ригу В.С. Познером, выразил надежду на продолжение сотрудничества: «…конечно, очень рад буду небольшому рассказу, причем прошу Вас принять во внимание круг читателей — типичный обыватель» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1. P. 79).

[154] Николай Леонидович Слонимский (1894–1995) — дирижер, композитор, мемуарист; брат М.Л. Слонимского; племянник З.А. Венгеровой; с конца 1921 г. жил в Париже, до 1923 г. исполнял обязанности секретаря и помощника С.А. Кусевицкого; сотрудничал с труппой С. Дягилева. В 1925 г. отправился в США, сотрудничал с Бостонским филармоническим оркестром под управлением Кусевицкого до 1927 г. Сергей Александрович Кусевицкий (*англ.* Serge Koussevitzky; 1874–1951) — русский и американский контрабасист, дирижер и композитор; с 1921 г. жил в Париже, в 1923 г. переехал в США.

[155] См. о ней: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 73, примеч. 66.

[156] См. примеч. 126, 127.

[157] Речь идет об Академической группе. См. примеч. 51.

[158] Михаил Петрович Дембно-Чайковский (1891–1968).

[159] Подразумевается подготовка публикации цикла патериковых рассказов «Московская пчела» для журнала «Путь», разделенных на две части — «Дела человеческие» и «Русские повести» (см. примеч. 96). Эта композиция повторена Ремизовым при составлении в 1930-х гг. книги «Русские легенды», прижизненное издание которой не состоялось. См. публикацию книги по рукописным источникам: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 14. С. 3–192.

[160] Джейн Эллен Харрисон (Jane Ellen Harrison) и Хелен Хоуп Мирлиз (Helen Hope Mirrlees). См. примеч. 122.

[161] По православному календарю праздник Преображения Господня отмечается 19 августа.

[162] Речь идет о копии с грамоты царя Алексея Михайловича о даровании земель Макарию Григорьевичу Чирикову (1669) из архива Н.С. Чирикова, которую по просьбе Ремизова раздобыла З.А. Шаховская, имевшая родственные связи с владельцем (см. об этом: *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения, М., 1991. С. 130). Копирование этого документа XVII века было связано с работой над неопубликованным при жизни писателя вторым томом книги «Россия в письменах». Подготовленный к печати текст под названием «Росия: I. Царская жаловальная грамота. 1669» Ремизов отдал для печати в первый номер готовящегося к изданию журнала «Версты» (С. 52–56*)*. См. также публикацию по архивным материалам: *Ремизов А.М.* Собр. соч. Т. 13: Россия в письменах. М., 2017. С. 658–662.

[163] См. примеч. 25.

[164] По вагонам! (*фр.*)

[165] Речь идет о главе, напечатанной в 1925 г. в журнале «Воля России» (Про любовь: Из романа «Ров Львиный» // Воля России. 1925. № 5). Неопубликованный при жизни писателя роман имел несколько рабочих названий «Канава», «Ров львиный», «Плачужная канава». См.: *Ремизов А.М.* Собр. соч. в 10 т. Т. 4: Плачужная канава. М., 2001. Переводы главы «Про любовь» на иностранные языки нам неизвестны.

[166] Подразумевается подготовка публикации рассказа: Сережа // Современные записки. 1925. Кн. 25. С. 111–128.

[167] Имеется в виду притча из шестой главы Книги Пророка Даниила.

[168] Очевидно, речь идет о поэтическом сборнике Диксона (см. примеч. 59). Диксон был приглашен Д.А. Шаховским принять участие в готовившемся к изданию в Брюсселе журнале «Благонамеренный» (см. примеч. 170), в первой книге которого опубликованы два стихотворения молодого поэта (С. 18–19).

[169] Pornik — курорт в департаменте Атлантическая Луара.

[170] Дмитрий Алексеевич Шаховской (Архиепископ Иоанн; 1902–1989) — поэт, литературный критик; в эмиграции с 1921 г.; в 1922–1927 г. жил в Бельгии; в 1925 г. студент последнего курса историко-филологического факультета Лёвенского католического университета. Речь идет о рукописи рассказа Ремизова «Купчая» из неопубликованного второго тома книги «Россия в письменах», которую писатель отправил для готовившейся к изданию в начале 1926 г. первой книги «журнала русской литературной культуры» под редакцией Шаховского «Благонамеренный» (см.: *Ремизов А.* Россия в письменах: Купчая. 1742–1746 // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 135–139).

[171] Семья О.Е. Черновой-Колбасиной (см. примеч. 11).

[172] Ольга Викторовна (Митрофановна) Чернова – дочь О.Е. Черновой, падчерица В.М. Чернова. См. о ней: См. о ней: Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 79, примеч. 122.

[173] Восточный пригород Парижа.

[174] Елизавета Ивановна Саранчева (урожд. Терещенко; 1888–1949) младшая сестра Михаила Терещенко и Пелагеи Терещенко.

[175] Возможно, речь идет о каталоге книг издательства «Сирин» (СПб, 1912–1915).

[176] См. примеч. 73.

[177] Августа Филипповна Даманская (урожд. Вейсман; 1877–1959) — писательница, переводчица, журналистка; о ее встречах с Ремизовым в Берлине см.: *Даманская А.* На экране моей памяти; *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов в годы бедствий / публ. О.Р. Демидовой. СПб., 2006. С. 178–179, а также: *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии Ремизова: «…или в Россию, или в Париж…» 1923 г. // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 13–14.

[178] В действительности рассказ Вишняка мог касаться берлинской встречи с Вяч. Ивановым (1866–1949), произошедшей в самом конце августа 1924 г., когда поэт из Баку, где жил с 1921 г., был командирован Наркомпросом в Италию. Первой его остановкой на пути в Рим был Берлин. Близкому кругу литераторов в России и в эмиграции было известно, что Иванов принял решение навсегда покинуть Россию. См.: *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы / сост. и ред. А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.

[179] Характеристика восходит к факту творческой биографии И.А. Ильина, а именно к его двухтомному труду «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», изданному в самом начале 1918 г. в Москве.

[180] Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) — украинский политик, революционер, писатель, драматург, художник; с 1920 г. жил в Австрии; в 1922 г. переехал в Чехословакию; с 1925 г,, после безуспешной попытки вернуться на Украину, обосновался в Париже.

[181] Иван Сергеевич Шмелев (1875–1950).

[182] По всей вероятности, Абрамов Соломон Абрамович (1884–1957) — уроженец Киева, основатель издательства «Рассвет» (1904); с 1916 г. жил в Москве; в 1917–1923 г. основатель издательства «Творчество», редактор журналов «Творчество», «Русское творчество» и альманаха «Москва». В 1916 г. выпустил подарочный комплект в суперобложке из шести красочных открыток с рисунками Д.С. Моора и текстом сказки Ремизова «Сторона небывалая». Сохранилось две расписки Ремизова за получение в издательстве Абрамова денег 1918 и 1920 гг. (см. РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 4. № 40). См. также о нем: *Ишунина (Абрамова) Л.* Издательства «Рассвет» и «Творчество»: истоки просветительской деятельности С.А. Абрамова // Искусствознание. 2015. № 1–2. С. 560–578.

[183] Ханс Руофф (H. Ruoff; Иван Федорович; 1893–1985) — немецкий переводчик произведений русской литературы XIX–XX вв. и философских сочинений Л. Шестова См. о нем, в частности: *Sippl C.* Verlage und Übersetzer als russisch-deutsche Kulturvermittler in der Zwischenkriegszeit // Karl Eimermacher / Astrid Volpert (Hgg.): Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. München, 2006. S. 783–803. В письме от 29 апреля Руофф писал о своей работе над апокрифическими легендами из седьмого тома собрания сочинений писателя: «Перевожу “Отреченные повести”, всё, что не переведено — для газет. Напечатан “Властелин”, высылаю Вам одновременно 2 экз<емпляра>. Гонорар получу на днях и вышлю Вам вашу половину, около 10 марок» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1a. P. 9). Публикация упомянутой легенды «Властелин» (Der Herrscherr) состоялась в газете “Arbeiter Zeitung am Morgen” (1925. № 128, 26. Apr.). Вскоре в печати появился перевод еще двух легенд — «Чаемый гость» (Der Ersehnte Gast // Münchener Neueste Nachrichten. 1925. № 160, 11. Juni) и «Царь Соломон» (Der blinde Gatte / Übers. G. Ruoff // Vossische Zeitung. 1925. № 212, 6. Mai. S. 9). В этом же письме Руофф упомянул о своих заслугах перед Обезвелволпалом, коснувшись истории взаимоотношений канцеляриуса Палаты и ее старейшего кавалера Л. Шестова, начало которой восходит к рецензии Ремизова на книгу философа «Апофеоз беспочвенности» (1905): «Вашу рецензию о Шестове я перевел — это было очень трудно, но всё же, мне кажется, вышло удачно. Может быть, она где-нибудь подойдет. За этот перевод я заслуживаю получить диплом царя Асыки, можно?» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1a. P. 9). Согласно опубликованным обезьяньим документам, Руофф удостоился звания «кавалер обезьяньего знака первой степени с пером альбатроса» (*Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные… С. 369). См. также перевод Руоффа ремизовского очерка, неизвестного в печати на русском языке (Was ich dem deutschen Geist verdanke // Die Literarische Welt. 1925. № 4. S. 4).

[184] В письме от 17 августа на бланке журнала «Наш огонек» (см. примеч. 139) Василий Владимирович Гадалин (наст. фам. Васильев; 1892–1959) писал: «Должен Вам сознаться, что мы сейчас переживаем некоторый кризис <…> журнал несет убытки, т.к. не оправдывается <…> в силу этого я обращаюсь к Вам, дорогой

Алекс<ей> Мих<айлович>, с просьбою пойти нам на встречу и согласиться на гонорар в 4 долл<ара> за рассказ. Этим Вы нам всё же поможете и сами будете кое-что зарабатывать» (Amherst. Series 1. B. 4. F. 1a. P. 2).

[185] Речь идет о переложениях народных сказок из сборника «Русские женщины: Народные образы» (впервые: Пг.: Скифы, 1918).

[186] Подразумеваются «обезьяньи грамоты» Надежды Филаретовны Мельниковой-Папоушковой (см. о ней: Литературный факт. 2019. № 1 (11) С. 70, примеч. 136) и ее мужа Ярослава Францевича Папоушека (1890–1945, в нацистской тюрьме) — историка, дипломата, в 1918 г. личного секретаря Т.Г. Масарика; в 1919–1937 гг. Папоушек состоял сотрудником Информационного отдела МИД Чехословакии.

[187] В квадратных скобках Ремизов указал фамилию О.В. Черновой (см. примеч. 172) по мужу — Вадиму Леонидовичу Андрееву, бракосочетание с которым состоялось в 1925 г. (подробную биографическую справку о нем см.: *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии. М., 2019. С. 532–534).

[188] Николай Александрович Морозов (1854–1946) — революционер-народник, участник покушений на Александра II; в 1882 г. приговорен к вечной каторге, узник Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей; в 1905 г. освобожден по амнистии, в советское время беллетрист, поэт, автор научных трудов.

[189] Заключительная фраза появилась при позднейшем редактировании оригинальных писем и связана с надеждой на возвращение в Россию (ср. текст письма на с. 109 наст. изд.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1925
19, 20, 21, 22, 23 février
Madame Jeanne Huguenet-Fleury
Villa Kerbellec
Le Clion
Loire-Inférieure

<Приклеен лист отрывного календаря 21/8 февраля 1925 г.>

№ 1
19.2.25
Paris
60

Трудный был, деточка, сегодня день: из банка в банк гоняли — и никто (но это не сразу) не согласился выдать деньги.

Только, если бы у меня был счет.

Будь Диксон, сегодня получил бы.

(Я был и в английских банках. И во время моего путешествия за 15–15 (это значит 15 фунтов 15 шиллингов) давали всё больше

и больше. Везде ведь высчитывали, потом отказывали. В конце концов я мог бы получить сегодня 1435,60. 1 фунт = 91,15 frs.

Завтра пойду в банк, где служит отец Шклявера. У меня сохраняется карточка к управляющему. Откладывать боюсь.

Вернулся домой, едва шел уж и крепко заснул. И проснулся, уже темно.

Конечно, вообразил, что утро.

1) Письмо от Лиды <Л.П. Довгкело> и Наташи <Н.А. Ремизовой>: посылку (шарф и бусы и шоколад) получили.

Наташа «чистку» прошла, не тронули.

Она пишет какое-то дипломное сочинение и занимается в школе по рус<ской> литературе, и ее называют Наталья Алексеевна. А «на работе» означает отбывание общественных работ. Для поступления в (учительский) Союз (т.е. бесплатная служба). У Лиды ноги поправились. Наташа получает жалование 14 руб. 33 к. (по 11 разряду). Вот если сравнить гонорар, писателям теперь по словам Ар<осева> = 100 руб. за лист. Просит и твою и мою фотогр<афическую> карточку.

Из Сольвычегодска нет ответа.

Письмо простое (незаказн<ое>) и дошло (13.2 — 19.2).

2) Ар<осев> отвечает, что он написал М<арии>Мих<айловне Шкапской> и думает, что письмо ее разошлось с моим. Сегодня еще раз подтверждает, приглашает в субботу днем или вечером к себе.

Принесли твое платье, повесил.

Приходили оба Познера. Принесли 445 и еще остается им получить — 260. Заплатили 400 за зал, 25 frs. за расходы на письма, 25 frs. Лисевне на разъезды.

Ждали тебя, но решили, что приедешь с последним поездом, который выходит в 12 ч<асов> ночи.

Рассказывал Познер о журналах Шкловского и Слонимского. Написали оба Вове. Вообще речь шла, что печатать тут негде.

Я думаю, это потому, что *Вова будет участвовать* и у Шкловского и у Слонимского.

Я для препровождения времени прочитал им из Огненной пасти и немного из (сон) Matière.

Обещал, конечно, что придем к ним по весне и чтобы без людей.

А на Баха наверно не придется, потому что (встретил Киреева) не может достать билеты (распроданы).

А З<инаиды> Н<иколаевны> статьи-то нет!

Сохраняю для тебя из Дней о Достоевском из «Печати и революции».

Или встал я рано,

или «банки» меня извели
или все-таки разговоры,
ничего я не писал
сегодня, только смотрел
и перечитывал. И сейчас
(еще только часть) а я никуда
Негоден.

Конечно, если бы меня напечатали в России, или издали книгу, часть гонорара можно было послать Лиде.

Чувствую, плохо им материально и еще: надо чем-то оживить, каким-то действенным делом.

Ну, Лапунёчек, гляди на Океан и не тревожься и не терзайся (Вот Наташа всё терзается, *это уж не в меня*) и вот когда я это представляю («это не в меня») я и говорю.

Алексей Ремизов.

№ 2
20.2.25
Paris
61

Сегодня, деточка, только тебе письмо от Miss Harrison, а мне из Ирландии 2-а журнала The Dublin magazin: там стихи Брауна, и есть перевод З.Н. Гиппиус (и написано, что она родилась в 1867 г., т.е. ей = 58 л. Это, знаешь, большие годы!) и Брюсова.

И вот всё, а в газетах ничего нет.

Сегодня зверский холод и с 5-и страшный туман.

Опять я был в Банке и опять попусту. Напишу Диксону: у Шклявера (с его карточкой) меня посылают в один из банков, где мне отказали.

С досадой вернулся я домой: второй день хожу по самым рискованным улицам и потому так утомляюсь (всё время напряженный глаз для перехода через улицу).

Ужасно жалел, что Киреева соблазнил идти на Bach'a.

Холод, туман, две пересадки. Пришли вовремя, а места нет; сначала стояли, потом я сел.

Но не пожалел за одно место в "Gloria". Это поет альт (контральто).

"Aie pitié de nous, Toi qui es assis
à la droite du Père!"
По славянски будет:
— Седяй одесную Отца,
Помилуй нас!

Изумительно!

Gloria — это слава в вышних Богу! — Gloire à Dieu dans le ciel.

Когда шел с метро домой, обогнал каких-то русских, критикующих Степуна: сегодня его была лекция.

Сон забыл, одно помню, ты сказала: вклеивай письмо, а то потеряется, но я только Harrison вклеил.

Ах, деточка, деточка, будь осторожна.

Мне кажется, тебе очень холодно и тянет тебя домой.

Никто у нас не был. Только Киреев, рассказывал мне любопытные вещи, где и как веселится человек с деньгами в Париже.

Написал я мало.

Вот так, когда ходишь, никого и не делаешь. Потому я сегодня и «сержусь» на всё.

Ну, до свидания, детяточка.

Алексей Ремизов.

№3
21.2.25
Paris
62

Деточка, получил твое письмо от 20.2.

Пока поиски не увенчались успехом.

Находил всякие <текст затерт. — *Е.О., А.У.*>, но не от того места. Завтрашний день — воскресенье — буду делать генеральную чистку и если есть, конечно, найду.

Писем не было, только 2 билета на вечер, где будет Юрий распоряжаться, и больше ничего.

Урвал минуту (от поисков) и писал сегодня, завтра кончу и пошлю Зензинову.

Из газет: помер Гершензон, помер Кондаков.

А то, что ты по телефону слышала о Познере, отчасти ты права. Я не то чтобы рассердился, но дал ответ:

На мое согласие читать у католич<еских> студентов, он заметил, что «теперь пойдет молва о Вашем черносотенстве».

Ну и что ж: ведь тут только этим и занимаются, молвами, а про меня молва молву ест.

Киреев очень был смущен: он думает, что при взятии билета *он должен был объяснить, что ты выйдешь в четверг, и чтобы это отметили для счета срока «возвращения»*.

Ездил с ним читать: прочитал 3 Николиных притчи и 2 тибетские сказки.

Народ, правда сказать, *добронравный, серый*. Это так чувствуется во всем. Народу набралось много, но по особым билетам (это ведь монастырский дом).

Деточка, 14 frs. не жалей.

Диксону не написал еще. Всё некогда.

На вечере этом был от Мережковских этот самый ихний: мне рассказывали, как из церковного прихода выгнали этого Демидова.

Из «П<оследних> Н<овостей>» за то, что Минцлова пропустил. И вот писем протест пишут и подписываются, и что не желаю ли я подписаться, а для ознакомления он принесет во вторник в 5 ч<асов> текст.

Я, конечно, без тебя, да еще и вообще подписываться не стану.

Это ты, конечно, понимаешь хорошо.

И к церкви они никакого отношения не имеют.

А Минцлов — раздули такое, что при нормальных условиях никогда б и не печаталось — рассказы Минцлова.

А еще: не хочу я в их дела путаться.

Политика ведь: только послушай:

«нельзя политику примешивать в искусство и религию».

А этих художников-то выгоняли.

Нет, это ерунда на постном масле.

В понедельник в 4½ к Кричевскому записан.

Но зуб у меня совсем прошел, ну всё равно: на будущее время.

Холодно сегодня очень — совсем 0°!

Воображаю, что там творится. В комнатах у нас было бы тепло, да ходить (следить) за камином не хочется.

Ну, деточка, поищу уж, — беда.

Алексей Ремизов.

Да, заходила на несколько минут Пелагея <Чайковская-Терещенко>: ответил, потому что ждал в эти минуты студента. И в это время пришел Киреев, и она ушла.

А сплю я в этой комнате, тут теплее (ставни закрыл), а мышки нету. И во сне не помню, что видел.

№ 4
22.2.25
Paris
63

Деточка, писем не было. В газете есть З<инаида> Н<иколаевна> о стихах и там поминается Диксон (сохраняю).

Холод опять великий.

Всю спальню тщательно обыскал: есть две прядки в шкафу маленькие (да завернутые в бумагу, ну, это, видно, старые). Если бы не так темно (я светлые часы беру), осмотрел бы и кровать (это завтра). А в шкафу до ниточки всё перетряхнул.

Переписал для «Дней», завтра пошлю Зензинову.

Ходил в монастырь. Очень кратко сегодня. Было несколько звонков и днем и вечером.

А утром (когда ушла Крокодилиха, это я так нашу зову, она похожа) газеты не было. И вот только что я себе сделал кофе. Два звонка, вышел отворить: консьержка, а за ней — Манухин.

Вот история!

И опять все о подписывании протеста.

Деточка, ну ты подумай: протест, что из Верховного Совета исключили Демидова.

Ты чувствуешь, *при чем я-то тут*?

И чуется мне в этой истории что-то вроде как выход из академической группы — такая же тут закорючка.

В «П<оследних> Н<овостях>» целая страница крупным шрифтом «*Около тайны» Минцлова*. Тут и З<инаида> Н<иколаевна Гиппиус> размазывает: вместо того, чтобы сказать: «они поступили, как большевики», какая-то тягучая ныть с намеками.

Деточка, *не хочу я примазываться к «Около тайны» Минцлова*. Ты чувствуешь, понимаешь. И я не подписал.

В протесте говорил, что не надо путать политику в религию.

Само-собой, конечно, но это всё «около тайны Минцлова». Вытащили какого-то человека, печатают 5 лет везде, и должно быть нравится, и в заключение еще хвост подписей.

Копию текста Манухин мне обещал прислать.

Мне кажется, я поступил так, как ты бы поступила.

Но мне это дорого стоило, и не могу наладиться. Всё «сержусь» и мысли «слышу» об этом друг с другом перешептываются.

А я хотел писать про Нюшку.

Ну до свидания, деточка. Раньше лягу. Всё доел, что было, завтра куплю говядины: суп варить.

Алексей Ремизов.

С Крокодилом расплатился и за молоко и ей.

№ 5
23.2.25
Paris
64

Деточка, я только что опустил письмо, а твое пришло.

Получилась В<оля> Р<оссии> № 2 — 5 экземпляров.

Письмо от Булгакова о снах Л.Н. Толстого.

— <от> Святополка-Мирского

и от Chuzeville'я.

С утра идет снег и тает. Я очень промерз, когда на 12 №, прождав его ½ часа, ехал к доктору. А оттуда я на метро.

Вернулся домой: и звонок за звонком, просто кашлянуть невозможно.

Кто это приходил, не знаю.

И сейчас — ½ 9-го кто-то звонит. Это что-то такое *напастное*, ни минуты! Если бы я отворил, нашло бы человек десять, по крайней мере.

О Диксоне напечатано в Звене. И хороший отзыв.

Ах, деточка, неудачно, что в дождик такой возвращаешься.

Алексей Ремизов.

На вокзал поеду на метро — на Solférino.

2.5.25
<Paris>
65

Деточка, Познериха принесла 400 frs, которые у меня в правом ящике. Эти деньги они *постараются получить* и известят нас (Отдавать им их не нужно).

<Paris>
66

Я скоро вернусь. *Ключи у консьержки*. Приезжали В.Р. Нувель и Б. Кохно и повезли меня к С.П. Дягилеву.

АР.

Brides-les-Bains
25.7.1925

24.7.25
Paris
12 ч<асов> н<очи>
67

Ах, деточка, домчал меня Киреев — в 10 я был дома. Газета одна «Понедельник» и больше ничего. В доме тишина. Я вижу, как ты едешь, как укачивает, и как в окно глядят станции.

Хочу раньше лечь, а то очень переволновался и боюсь, просплю.

Доклеил начатые тетради, немного убрал комнату. Холодно стало. И знаешь, деточка, я чаю так и не пил. Не хочется. Выпил молока. И странное дело, вдруг мне вспомнилась одна любовная история в Москве с Сергеем <Ремизовым>, и никак я не могу, вспомнив, погасить другими думами.

Это я набрасываю вехи, чтобы вспомнить подробнее и тебе рассказать загадочную историю:

Приехала сестра о. (забыл, как его) помещица Орловск<ой> губ. Карачевск<ого> уезда, фамилия Дахнова, и с двумя дочерьми. Старшая замужем — (очень что-то рассказывали, не понимал я, как следует, д<олжно> б<ыть> разведенная) и другая младшая, звали Вера Яковлевна, с женихом офицером. И влюбился Сергей в старшую. И стала она письма писать из Карачева (а Карачев это вроде Борзны). А летом Сергей поехал к ним в Карачев. Все говорили: «поехал жениться». *Только что-то он очень скоро вернулся.* Он был гимназистом. От нее письма стали реже, потом совсем прекратились.

Каюсь, я, конечно, читал все письма. Письма были влюбленные, но с какой-то горечью. Но страннее всего то, что я получил письмо, полное отчаянья — я так и не знаю, в чем дело.

И уж потом я услыхал, что она захворала сифилисом от мужа. И разошлась с ним.

Д<олжно> б<ыть>, это после дождя — сейчас очень Россию напоминает — я вспомнил эту далекую историю какой-то отчаянной «горькой любви».

А было ей 16 лет всего. Она много читала — я больше в то время — но для Борзны=Карачева это было чересчур много.

Но выйдет ли у меня рассказ когда-нибудь, уж очень любовное мне трудно.

25.7.

Pas! Одна газета!

Поднялся рано. Под утро видел, будто ты говоришь: «спать мне ужасно хочется!»

Я думаю, очень трудно было ехать.

— Ах, деточка, деточка! — твоя нянька Анисья охает.

А. Ремизов.

№2
25.7.25
<Paris>
12 ч.н.
68

Я очень, деточка, беспокоюсь, получив твою телеграмму.

Она пришла при Диксоне: я глазам не поверил. И он заволновался: не случилось ли чего?

— Я пойду узнаю, когда поезд приходит, и встречу.

От беспокойства я и анкету не выполнил. Стал всякие предположения делать и уж забыл, что и спросить. И только после, проверяя, увидал это.

Письмо только от Лозинского. О деньгах (120 frs.). Был днем Вишняк о «Дезертире»: смягчить какие-то места.

А вечером звонок: думал Лурье, а это Шрейбер.

Ах, деточка, деточка, что делаю — что делать?!

ЧЕГО НЕ БЫЛО:

Ну, вошел.

— Узнали ли вы меня?

— Нет, говорю, не знаю.

— Да я Диксон.

Смотрю, не могу узнать: старый, седой с палочкой.

— Да что ж, говорю, случилось с вами?

— — —

— — —

ПРАВДУ:

Ну, вошел (долго стоял под дверями, прислушивался, потом позвонил).

От волнения стало дергаться лицо, и долго так, пока не успокоился, а успокоился, когда я сказал *«велено»*.

Не изменился, только где усы темнее (а может, плохо выбрился). Палец болит у него. В черном и галстук черный.

Спросил сейчас же, где ты?

Когда я сказал, что это около Дижона, (от е Дижон) едет, обрадовался, что близко.

О трамвае, всё допытывал, *когда.*

Уедет в среду.

Спрашивал главным образом о Мочульском, о Гингере, о Божневе.

Мне его было очень жалко, и я кормил его сверх «повеления», а главное киселем.

И дал ему конфету от кашля. Он очень обрадовался, не стал ее есть, а всё держал, и положил в боковой карман.

А разговаривали о этом журнале и что перевести.

О женитьбе ни слова.

Ах, деточка, если бы я так не беспокоился, я бы написал много.

Налево чего не было

Направо правду

А.Р.

<*Вклеен лист:*> Élections au Conseil d'Arrondissement (Constant Guillou, Pierre Fleury).

Madame S. Rémizov
Chartreuse de Neuville
Montreuil sur Mer
Pas de Calais

№ 1
31 juillet 25
Paris
11 ч<асов> веч<ера>
69

Ну, ничего, деточка, не произошло. В доме тихо, только в кукушкином домике мерная жизнь — ходит-стучит маятник.

Кир<еев> довез до фотографии, я снялся (завтра в 5-ть готово). Завтра, кстати, и перьев куплю. Едва пишу, так тупо.

Взял тоненькое, которым непривычно писать — —.

Приходил Юра <Дореомедов> за пальтом Мар<ьи> Конст<антиновны Гржебиной>. Потом Кобяков с художником. К Гржебиным он не пойдет. Я сказал, что они переезжают. Он объявил, что «влюблен в Бубу!». И его и художника (карикатуриста) я отправил к Яше <Шрейберу>: пускай его нарисует.

И вот сижу переписываю «Взвих<ренную> Русь». Мне очень скучно переписывать. И я всё отвлекаюсь разными мыслями, и больше последних дней. — Только подумать, что такое творится с устройством нашей судьбы.

Я помню, кто-то рассказывал о каком-то большевике, что вот ему, когда он был в эмиграции, помогали, а теперь он расстреливает. А я думаю, есть два пути: один, это «не мстящий», а другой — и я это понимаю — как этот большевик расстреливал.

— Вот за эти ваши 25 руб. расстреливаю...

— Вот за эти 250 frs. становись к стенке...

Как бы я хотел «расплеваться»: «ничего не надо, никаких ваших благодеяний». И так, чтобы оставили в покое. Поехал в Виши или куда — да, поехал и знать никого не желаю.

Страннее всего благодетели, потому что они «знают лучше, что тебе полезно».

Вот от этих всяких мыслей я никак не могу отстать.

И не могу придумать, как всё это выразить. В каком-нибудь рассказе, который бы напечатать. В параллель «Даровым хлебам».

Я сберегу сегодняшний № П<оследних> Н<овостей>. Там статья Кусковой: разговор с приезжим из России.

М<ожет> б<ыть>, в памяти моей о Б.В. Сав<инкове> мне удастся сказать о нашем «даровом хлебе» (В воспоминании о Блоке я ведь много чего сказал).

Деточка, дыши воздухом. Не беспокойся. Я решил завтра суп варить из кореньев: и бобы, и помидоры, и морковь, и лук, и картофель. Приготовил всё для расплаты.

Но ты понимаешь (я не большевик, смешно говорить), но я всем сердцем из самой глуби отвергаю здешних не большевик<ов>, «врагов большевика» и от сердца часто говорил (теперь я молчу!) резко.

Подымается лифт, а мне кажется, это ты едешь, деточка, домой назад.

Было письмо из Бельгии: я уж и обрадовался, и — — для передачи Шаховскому.

А больше ничего.

АР.

1.8.25
Paris
11 ч<асов> в<ечера>
70

Деточка, купил перьев и теперь могу писать по-человечески.

И опять, как тогда, когда ты ехала, вдруг ночью (20‘ 3-ьего) вижу тебя, и ты головой качаешь и говоришь: «ах, папа, папа!» И я проснулся.

(Тогда ты говорила, что «тебе спать хочется»).

Я проснулся не от страха, а от необыкновенной живости-наполненности видения, которого, д<олжно> б<ыть>, очень трудно человеку выносить.

Это уж второй раз и я очень отчетливо помню. Наверное, тебе там плохо. И холодно и неудобно.

Было 3 письма:

от Fleury, к<ото>рое я тебе посылаю;

от Цебрикова (что он вернулся в Брюссель);

от Виганда (это насчет заяшной книжки, не выходит у него ничего).

Приходил: 1) М. Вишняк за банкой и за рукописью. Зайдет в четверг. Я еще ведь не поправил (т.е. я сделаю тире, *а заменять «Гороховой» я не согласился*. Пускай «Гороховая» останется к «Временнику», а «Труддезертир» и Надежда Дмитриев<на> вместе). (Ему очень понравилось описание «Хождения» и «обыска»). Я еще подумал вот о чем, если «Гороховую» взять из «Временника», то очень бедно будет, а с ней и другое пройдет. Это я о «Воле России». Уезжает он к Бердяеву в след<ующее> воскресенье на 3 недели.

2) Андрей Владимирович <Оболенский> (странник) сидел. Я переписывал.

3) Шклявер. Книгу принес. И рассказывал о своей статье о «Николиных притчах». Рерих едет через Китай в Америку. Жаловался на Гребенщикова. О Диксоне сказал, что он уехал, но что скоро вернется.

Ездил за карточками. До Hôtel de Ville 80 cu. во 2 кл. (seize fou), а перьев там невозможно было купить, такая толкучка.

Переписывал и о Семенове написал, завтра поправлять буду. Это коротенькое. Но в связи с другими это любопытно.

Сварил себе суп, *и тебе бы понравилось*:

лук, бобы, помидоры, картофель, морковь

и чуть-чуть засыпал манной (можно и макароны, только немного).

На дворе у нас горе: сегодня утром приходили из полиции и потребовали по жалобе какого-то жильца, «истребить» петуха. Деточка, петушок больше не поет! Одно меня утешает: наша кукушка кукует.

Да, Вишняк, кроме четверга, зайдет еще и в субботу: я хочу с ним послать Бердяеву для «Пути» апокрифы.

Ну, до свидания, деточка.

Знаю, знаю, невесело.

Алексей Ремизов.

У нас сегодня очень холодно, но ясно. Пойду завтра ко 3 смотреть ½ 2-го.

№ 3
2.8.25
Paris
12 ч<асов> н<очи>
71

Получил от 1.8. твое письмо.

Деточка, встал я в 10-ь. В воскресенье долго письма не подают, поэтому я опустил тебе № 2.

Тебе от Ариадны Владим<ировны Тырковой-Вильямс>: «попробует еще напрячь мозги и тогда напишет», а то *ничего не может*.

Мне от Зензинова: гонорар вперед выдать *не может*, потому что (и это просит сохранить *под секретом*) «Дни», возможно, и не будут выходить.

От С<ергея> Яковлев<ича Осипова> 1) Нина Григор<ьевна Львова> рассчитывают выехать через неделю, т.е. в субботу.

2) в понедельник получить гонорар из «Эхо».

3) с весами плохо (с продажей).

—

«Синие штаны» я попрошу купить Киреева, это там, где снимал я.

—

Видел во сне: Кончаловская показывает мне твои янтарн<ые> бусы и браслет — гранаты: «С<ерафима> П<авловна> забыла!»

А я собрался уехать и всё неудача: перехожу с платформы на платформу — взял билет, говорят, надо и на чемодан билет, а когда я пошел брать билет на чемодан, поезд ушел и надо на другой садиться, я уж сел, нет, говорят, билет недействителен, надо новый, пошел брать новый, а когда вернулся, и этот поезд ушел. — Чувствуешь, деточка, какая канитель. — Тут вот Кончаловская и показывает: <1 сл. нрзб.> бусы.

Очень холодно сегодня. Проглянет — дождь. И сколько раз так. Коз не ходил встречать из-за дождя.

1) Был Киреев: он купил штаны и тебе чернил (но эти штаны, кажется, носят поверх обыкновенных). Он поедет, если можно, только он должен заявить хозяину за неделю.

2,3) Мар<к> Карлович <Вольфсон>: они, д<олжно> б<ыть>, поедут туда же, где Бердяев. Туда же поедет Осоргин и Вышеславцев. Я не завидую.

4) Екат<ерина> Влад<имировна Селевина> принесла туфли, отдавать ли, стоят 22 frs., и померить тебе кофточку или платье. Я сказал, что ты поехала к m-me Сеземан. Она завтра зайдет справиться.

Туфли я отдам (это хорошие туфли и не стоит так бросать). Скажу, что ты задержалась. Письмо получил.

5,6,7,8) Яша с Фридой <Шрейберы> и Вишняки. Вишняшка говорила при Яше. Как бы твою кровать поставить и что из этого произошло бы. Очень смущена была. Яше дал переписывать. Нового ничего нет — в поисках Вишняковых (Я тебе расскажу про это подробнее). Но при Яше не говорилось, только о том, что в Clamart ни один деловой человек не поедет.

Ах, деточка, деточка, такой холод ведь — сейчас 11 R. Я весь день в пальто. Как же это ты там — там ведь еще холоднее!

Про Семенова написал.

К субботе приготовлю для Бердяева послать с Вишняком.

Вся эта неделя будет сплошь — переписывание.

Меня очень беспокоит, что холодно тебе и без подушки.

Посылать боюсь.

Да, история Дуралея <В.М. Селевин> кончилась: подали ему счет — 900 frs.!

Автомобиль свалился в овраг. И *он* должен платить, потому что тот, кто у него взял, ушел от этого хозяина.

АР.

№ 4
3.8.25
Paris
72

Деточка, утром приходил за бельем: по понедельникам ходят.

Получено:

1) От И.А. Ильина книга из Италии.

2) От Портнихи ее новый адрес.

3) От Лозинского, что сны о Блоке напечатают 10-го августа.

4) От Шестова (короткое).

«Конечно, скажи я Д<оброму> и М.Е. <Этингону>, что их взносы по 250 frs. обеспечивали бы Вам квартиру, это на них очень подействовало бы, а если я скажу, что будет только *облегчение*, то, пожалуй, они и откажутся. Но все-таки, хотя что выйдет, сейчас же вам напишу».

Это самая сестра, которая приходила к нам (без тебя) с Залкиндами и спрашивала о Наташе. И я не ответил (помнишь, я тебе рассказывал).

Все они удовлетворяются (довольны), когда слышат, что такой-то живет в кухне, а такой-то на фабрике с утра до ночи.

Я не нахожу слов, как это изобразить, чему *они* всегда радуются, — какой-то ступени человеческого падения, и одобряют.

«А Елиз<аровна> <А.Е. Шестова> всё лето массажировала!»

«А Елиз<аровна> бегает по массажам!»

Точно этому надо радоваться, точно это хорошо. Ведь это то же, что сказать: человек всё время хворает. Нет, я еще не знаю, как это нужно выразить. Вот это, что «*облегчить не согласятся*»! Писать не стоит.

И приходил из того магазина со счетом.

Приходила П<елагея> Ив<ановна Терещенко>. Я сказал: что Б. уехал.

Заходил Шаховской за письмом, потом в час англичанок, когда я всё приготовил, Ек<атерина> Вл<адимировна Селевина> за туфлями — вечером она не может, поедет куда-то на счет все счета в 900 frs. Я сказал, что ты задержалась у Сеземан. Я отдал туфли.

Были англичанки. «Без тебя скучно» (Это Над<ежда> Вас<ильевна> <русифицированное имя Хелен Хоуп Миррлиз>). Объяснил им, что ты захворала и я поеду к тебе сегодня. Говорили с Кончаловской: «не хватило денег, чтобы тебе заплатить», но что Буайэ будет хлопотать и когда-нибудь отдадут.

Я еще раз рассказал, как Буайэ сказал о 4000 frs., и как я, на основании его слов, написал письмо, ссылаясь на скорое получение этих денег, и получил деньги. И это я и по-рус<ски> сказал и по-француз<ски>. Это на них произвело впечатление. Ведь письмо — как вексель. И хотя я им толковал, что человек меня мало знает, они все-таки повторяли: «подождет!»

Горячо принимает Над<ежда> Вас<ильевна Балаховская>, что в твоем лице как-то поступлено неправильно с «женщиной». «Если бы ты была мужчиной, такого не могло бы быть!»

Моя мечта — расплеваться со всеми благодетелями. Я не знаю, как — но –

сейчас никого нет!

Harrison заметила очень правильно: «прежде чем делать (организовывать) лекции, надо подумать о материальном обеспечении».

Я думаю, теперь англичанки *поняли* (надо всё по несколько раз растолковывать). А то, представь себе, уж когда прощаться, Harrison говорит: «Можно ли пройти к С<ерафиме> П<авловне>?» Тут вступилась Н<адежда> Вас<ильевна> — она поняла.

Тебе письмо от Гурфинкель, она зайдет на днях с переводом, прилагает письмо из Петербурга, выписываю:

«Что касается протопопа, то он уже давно отправлен Комиссией, но не по адресу Ремизовой, а кафедры палеографии Сорбонны, пото-

му что Академия Наук, как учреждение, имеет право посылать свои издания только учреждениям же.

Если она наведет там справки, то вероятно выяснит местонахождение книги (для точности обозначу, что слово “палеографии” является моим домыслом в силу логического расчета, еще же было только сказано, что книга отправлена “той самой кафедре”)». Это я не могу понять.

АР.

«Если же Р<емизова> пылает желанием иметь эту книгу в собственность, а Сорбонна ее не выдаст, то можно будет, вероятно, позднее это сделать — сейчас Комиссия переезжает в другое здание, и там никакого толку не добьешься».

Гурфинкель я скажу, чтобы написала, что непременно в собственность желает. А относительно присланной может, конечно, сделать Мазон, которому я могу написать с разъяснениями (об этом напиши мне и я сейчас же сделаю). В Сорбонне-то книжка совсем не нужна.

Письмо от Харитона: прилагает открытку к Познеру, где пишет, чтобы мне выдали деньги из посылаемых ему 30 дол<ларов>.

Открытка, адресован 28 B. Raspaie от 3.7 вернулась Харитону.

Сегодня же отправил ее Познеру с письмом.

Из духа борьбы и упорства я хочу, хоть медленно и терпеливо, *своего* добиваться.

Да, англичанки приедут в понедельник.

А, стало быть, предполагается, к тебе сегодня поехал.

Получил, конечно, 20 frs.

Да, деточка, прошлый раз говорил Вишняк, что надо тебе заявление подать о твоем желании вступить в Союз. В четверг он мне продиктует форму. Я думаю, на случай. Все-таки, чтобы иметь возможность к кому обратиться через того же «Вишняка» — они дошлые, а не размазня.

Ах, деточка, сегодня я всё сержусь. Одно утешение: с понедельника деньги. И еще: упор и борьба.

Алексей Ремизов.

Рука записалась, как и перо, которое подсунули, не мое, очень тупой конец.

4.8.

Сейчас, деточка, получил твое письмо № 2. Напишу подробно. Конечно, не стоит тут устраиваться. *Это дороже выйдет*. Хватит ли у тебя денег?

№ 5
4.8.25
Paris
73

Деточка, сегодня кончил то, что предложено для «Воли России» и остальное отослал Я.С. <Шрейберу>. Он все перепишет. (Я, конечно, переписывая, изменял).

1) Ветье 26.10–31.12.1917
2) Саботаж 1917–1918
3) Завиток 6.1–6.7.1918
4) О судьбе огненной 1918
5) Лесовое 14.7–22.8.1918
6) Четвертый круг 1918–1919
7) Лошадь из пчелы (Гороховая) 1919
8) Три могилы 1919
9) Заяц на пеньке Зенитные зовы 3.3.1919
Заплечный мастер 12.12.1920
10) Загородительные вехи 1.1–3.5.1920
11) Перед шапошным разбором 1.7.1920–13.3.1921
12) В конце концов

Надо узнать адрес *Сухомлинова* и *Сталинского*.

Яша обещает к субботе переписать, а если не успеет, в начале той недели. Можно подсчитать будет, сколько. Сейчас сяду переписывать для Бердяева.

Сегодня потеплее, а в пальто сидел и главное, дождик, не выйти.

Написал Lichtmann'у <М.М. Лихтман> сон о Рёрихе и насчет орфографии, что надо по старой «Клятвенный камень», «как *мудро* поступают евразийцы!»

Письмо от тебя № 2. И "La Revolution surrealiste" № 4 прислали. Больше ничего нет.

Насчет Fleury? 11-го (29-го) вторник твои именины. Стало быть, к Fleury не раньше 14-го (пятницы).

М<ожет> б<ыть>, потеплее будет. Это холод из Испании. Там прошел уж, а сюда донесло.

Сон о Блоке сейчас же переписал в твою тетрадь.

А к Бердяеву не стоит — очень шумно. Там и Осоргин и Вишняк, не стоит.

В котором часу ты приедешь? И когда письмо послать последнее, [а то без тебя писать неудобно туда].

Купил Киреев синие штаны 16 frs., но их надо вымыть и лиловых чернил тебе. На днях зайдет с перьями и с красн<ыми> чернилами.

Встретил Пелагею <Чайковскую-Терещенко> у нас на Mozart. Писем не было, только «Огонек» и Pneu от Аросева: пишет, что собирается в Москву (10 августа). Его жена и дети около Фонтебло. Приглашает в субботу и в воскресенье туда. *Сочини ответ и мне пришли*. Надо что-то ответить, а может и не нужно. Он, наверно, знает, что мы никуда не уехали. (Мне хотелось бы его попросить привезти «Никоновскую летопись»). Заходил Вл.Н. Унковский, принес «Весеннее порошье». Тебе — 3 розы и 4 гвоздики. Приходил прощаться: 7-го едет, как доктор, *в Сенегалию* (это центр<альная> Африка), контракт на 2 года. Пошел прощаться к Гржебиными.

Жалованье будет получать 2000 frs. в месяц.

Поздно вечером — в 10 ч<асов> приходил «старец», тебя спрашивал.

Без тебя не хотел оставаться. Но главное: он меня не слышит.

Я ему прокричал, что д<олжно> б<ыть>, когда я пишу, у меня не звонкий голос (голос пропадает), а так как я кричал, то он услышал и очень удивился, что «голос пропадает».

Он — в сереньком и так загоревший, вообще старец бодрый, одно, что вот седой.

Ну, вот, детяточек мой, я сказал ему, что надо тебя извещать, а и дома не бываешь.

Он меня развеселил очень.

(Сначала я его принял за Мельгунова, потом за Мякотина).

Я бы не отворял на звонки поздние, но я жду Сувчинского.

Алексей Ремизов.

№ 6
5.8.25
Paris
74

Деточка, сегодня ничего нет, кроме газеты. С утра дождик. Верблюд моет окна, и поставила мои синие штаны кипятить.

Надо к твоим именинам чтобы всё чисто было.

— — — потому что, я это заметил, уж несколько раз, идя на почту, почему-то вдруг я чувствую, как будто ранняя весна, это вечером — пепельное небо и где-то скребок стучит, скалывают с тротуаров лед; или, подходя к булочной, ясно почувствовал весну — перед Пасхой — Страстную неделю, в воздухе такое — и всё как вымыто после зимы.

Я Москву забыл и Петербург забыл (и вот весна — это раннее московское). Но что я необыкновенно близко помню окно в Берестовце, у которого я сижу, и шумят и качаются деревья, по улице воз едет — я вижу только верхушку, по двору бродит больной конь).

Сегодня я видел во сне моего отца. Надо было подписывать бумагу — «завещание», и там один пункт обязательный «принадлежность к советскому гражданству». И я понимаю: в завещании отказывается мне дом, а дома сейчас передаются б<ывшим> собственникам и, конечно, только живущим в России. Вид у отца очень квёлый, без улыбки, кажется, под сюртуком и тела нет, он ходит по комнате, распоряжается.

От Сергея Яковлевича <Осипова>: бандероль два № Эхо с «Мавкой».

Весь день и вечер переписываю. Слава Богу, никто не приходил и больше ничего не было — ни писем, ни газет. Хочется мне до субботы кончить. Но я ложусь в 12 — в 1 и хожу гулять на ½а.

Завтра я тебе напишу заглавия, что переписываю (и, конечно, отделываю) — ты это знаешь.

Деточка, на воле холодно. Ни на минуту не забываю, как ты там — без подушки и всё — и холодно. Алексей Ремизов.

Всё вожусь с водой — не протекает.

Как придет Странник <А.В. Оболенский>, если даже и буду в усталом виде, как прошлый раз, всё равно попрошу его.

№ 7
6.8.25
Paris
75

Деточка, тебе письмо из Берестовца и Наташина карточка.

Утром приходил Жорж <Познер>, принес 60 frs.

2 цента — это 42 cu. Стало быть, на 12 frs. меньше, чем было бы по 50 cu.

Они через неделю уезжают, хотят придти в воскресенье.

Слонимский уехал с Кусевицким.

(Я сегодня видел во сне и его и Наталью Васильевну <Григорьеву>).

Мазону послал письмо о книге. Приходил М. Вишняк. Отдал ему «Труд дезиртира» <sic!> и Над<ежду> Дмит<риевну>. Записал форму заявления и адрес.

Приходил Киреев: купил мне чернил и перьев. Завтра поедет тебя встречать.

После Киреева заходил какой-то из «Страхового общества» предлагал мне за 3 мес<яца> внести деньги за страховку по 59 frs. в месяц. Спрошу Пелагею <П.И. Чайковская-Терещенко>. Наверно, недоразумение какое-нибудь.

Самая беда бедовая: натрудил руку и одно думаю: кончить бы мне эту «Пчелу московскую» и дня два хозяйством заняться. Ноет.

Деточка, появились какие-то комары — москиты. И вот пишу и от них отбиваюсь. А окно закрыть — душно.

Сегодня в первый раз пил чай, а то только с англичанками. И не хочется. Вот оно как бывает.

7.8.

Письмо от Сергея Яковлевича <Осипова>. И «Эхо».

11.8.25
Paris
76

Деточка, сегодня твои именины —

когда я утром, выйдя из булочной, посмотрел вдоль Rue Poussin, в небе — в облаках — мне почудилась осень. (Скоро Преображение!)

а сейчас, когда вышел, я почувствовал

такую напоенность теплом летом.

и пусть сейчас дождик (ему так и полагается), листья устали расти, только в уголку, где дом построили, около доживающей свои последние дни «собаки» полное зелени дерево. Это — твои именины.

Алексей Ремизов.

<*Вклеена повестка*>: Élections au Conseil d'Arrondissement (Constant Guillou, Pierre Fleury).

<*Вклеен лист с расчетами*>.

№ 1
20.8.25
четверг
77

Деточка, просидел весь день один, никого и ничего, только дождик да гром и молния. И стало опять холодно: надел вязанную. Весь день прошел в наведении порядка.

Переписал только грамоту Алексея Михайловича.

Много мучился с чайкой в кухне, но так и не отвинтил — а вода не протекает (без инструмента трудно!).

Соединил Шестовские письма: начинается ведь с мая!

От утомления, д<олжно> б<ыть>, мне сегодня как-то грустно — идут мысли тихо обыкновенные: о человеческом равнодушии — и вдруг, как перевиваются, или раскаются одной темной: той чернотой, какая наплывала на меня прошлой осенью «вдруг».

А как это страшно: в рупор на вокзале и это заключение “Aux voitures!” и огоньки по путям по соседним среди бела дня.

Я сегодня так устал, что не могу для Диксона поправлять «про любовь». Лягу спать.

До свидания, деточка! Можно утром будет письма.

А портниха так и не пришла.

Алексей Ремизов.

21.8.25
Paris
78

Деточка!

Сегодня так дождливо, так серо-мокро, и всё у меня неудача.

Прислали 5 экз. Звена (просил, где сны о Блоке) — а прислали с Адамовичем без снов.

Прислал<и> корректуру «Сережа» — двух страниц нет, прямо беда, опять я должен посылать оригинал.

Цебриков прислал «В поле блакитном», но в таком ужасном виде, в руках держать невозможно.

И всё так.

Это такой день выпал неудачи и незадачи.

Только что ушел Диксон (около 1 ч<аса> ночи). Долго возились с ним — отвинчивали чайку — ничего не вышло. Зажег лампадку. Он всё съел, что ты оставила: и виноград, и шоколад, и твой «хворост» подъел — «Велено!» — Забыл я про черный хлеб. Читали с ним Библию, самое начало — это для объяснения «Рва львиного».

Говорили о книге его стихов. Шаховской ему прислал письмо. Так как-то прошло время. Конечно, «был ли на именинах Мочульский?».

Всего и не расскажешь. Письменно.

Богу он не жалуется ни на кого, только на себя.

Потом писали письма французския <sic!>. Он писал, а я проверил.

«Это ему повышение: сначала письма опускал, теперь сочиняет!».

Ну, вот, деточек мой, очень я устал. Хочется ему приехать в Порник. Алексей Ремизов.

Заказал ему кофе на Chaussée d’Antin. Если в понедельник он уедет, то пошлет на имя Fleury для тебя. А если не уедет, принесет, а то я боюсь, не поспеть мне с англичанками.

22-го

Сегодня такое прекрасное утро. Письма, деточка, от тебя еще нет.

Одно — от Шаховского. Что получил мою рукопись. Что журнал не раньше декабря и только тогда деньги — 150 frs.

Да, деточка, Д<иксон> принес зеленую птицу, которую на кукушку приделал. Вот видишь, как от утомления я вчера забыл тебе написать.

Сегодня ты говоришь: «ну знаешь, они такие» (т.е. несговорчивые). Это про твоих хозяев теперешних.

Сейчас получил твое письмо, вечером приедет Киреев, и ему скажу насчет вторника. Во всяком случае, телеграмму пошлю.

№ 3
22.8.25
Paris
79

Деточка, сегодня как будто налаживается: приходил Оболенский, исправил в кухне водопровод, а то просто беда. Он был у Черновых, доехал до последней станции, а оттуда на велосипеде, будто всё время — весь путь ехал: очень там удивлялись и ахали.

Была старуха, что же ты, думаешь, конфет тебе принесла, которые «вышли» наконец. Я не трогаю.

Была Пелагея <Чайковская-Терещенко> и Елиз<авета> Иван<овна Саранчева-Терещенко>. Всё насчет ихних книг, обещает принести каталог, который получили.

Был Кобяков за «карикатурами». Вот и всё.

Пошел я разыскивать в Passy для англичанок печенье, встретил Даманскую. «Вот, думаю, не к часу!» И что же ты думаешь, не нашел я таких печений! Обходными путями возвращался домой.

Всё в порядок привожу. Чайник вымыл. А спиртовка одна испортилась. Завтра буду делать опыт с Киреевым. Надо всё проверить. А возьму я не Лоллий Львова, а мешок твой. А то чего таскать такое, и главное, пусто.

Вымыл голову. Чего это туфля одна у меня черная и рваная тоже одна? Белье сосчитал. А как же с твоими простынями, так и останутся?

Я бы бумагой застелил кровать, а одеяла спрятал бы все в шкап, где твое висит. А то нехорошо лежит грязное. Боюсь без тебя трогать.

Завтра приедет Киреев и решит об отъезде: во вторник или в среду.

А я видел во сне Д<иксона>, у него <с>сажен нос и припудрен, говорит: «пьяный, упал и содрал кожу».

23 8.

Нет писем, только газета.

Ну, деточка, встал в 11-ь — одиннадцать часов спал.

АР.
№ 4
23.8.25
Paris
воскресенье
80

Деточка, был Киреев, я дал ему денег на билет. Он думает, что удастся во вторник выехать. Я написал телеграмму, чтобы он, как только возьмет билет, отправил ее.

Дождик-дождик идет и нету конца. В St. Sulpice я не поехал, всё прибираю. Не так всё просто, главное, боюсь чего-нибудь позабыть. Вымыл чайник, и машинку проверили с Киреевым.

Сейчас буду починкой заниматься: портфель зашивать и помочи. Киреев принес твои часы.

Неожиданно явился Диксон — дождем загнало — завтра уезжает и не может. И потому заезжал. Никого не было. Дал я ему черного хлеба и огурец. Съел. Говорил он, что его одолевает «уныние» и как от него избавиться.

Он собрался уходить. Пришел Вишняк. И Диксон тихонько ушел. А Вишняк в моей комнате. И при Вишняке я чаем не поил. Он мне рассказывал о Вяч. Иванове, которого видел в Берлине.

Диксон два раза тебе всё кланялся.

Хотел я проводить Вишняка, чтобы письмо опустить это. Но дождь, дождь. Всё равно, завтра рано вставать — за бельем придут.

Ну, до свидания, детяточка.

Алексей Ремизов.

24.8.25

Сделал над собой испытание, а проснулся ½ 8-го. А надо завтра в 7-ь.

Под дождик много снилось:

Видел Ив.А. Ильина, встречаю — нос у него разветвился — здороваюсь, иду дальше, направо дом — там много народа и на улице, и вижу, Виниченко стоит, черный. И вспоминаю, что сегодня крестины: у Шмелева родился сын. И скорее назад: крестить будут

в избе — вот как иду назад — направо. Идет пьеса: налево — мое, а направо вроде интермедии, это не мое, но всё под моим именем. Я понимаю, что это очень выгодно.

Налево только что прошла сцена: дети заблудились и ищут дорогу. И начинает направо: выходит (появляется) дама, она ногами сливается с декорацией, и говорит, какие глупейшие куплеты про Кокто. С припевом:

Ой, многого я претерпела,

Но от этого терпеть не могу!

И говорит что-то еще по-актерски.

Я пошел за кулисы. Там суетится какой-то вроде Абрамова (помнишь из Москвы объвязать объязательно).

Я говорю ему: Кто это сочинил такие куплеты?

Это я! — отвечает он, не без самоудовольствия. Я развернулся и хватил его по диагонали. И сейчас же подумалось:

«Наделал делов, теперь пьесу не будут играть и мы ничего не получим». А уж потом, проходя, по коридорам, я его встретил. Он шел с С.П. Постниковым.

И еще что-то снилось, сейчас не могу вспомнить. Ну вот, деточка. Всю ночь дождь и сейчас пасмурно и холодно.

АР.

24.8.25
понедельник
81

Деточка, консьержка передала письмо и карточку: а в письме счет 35 frs.

Мне письмо от Руфа <И.Ф. Руофф> из Мюнхена, что напечатают и гонорар пришлет.

Еще письмо от Гадалина из «Огонька». Просит что-нибудь прислать за 4 дол<лара>, я ответил — за 5 дол<ларов>.

Были англичанки. Страшно довольны. И что еще их привело в восторг — конфеты, «которые ты делала». Оказывается, в Англии такие делаются.

Я им читал из «Рус<ских> женщин». Это им очень нравится, и они хотят всю книгу выслушать.

Написал письмо Сувчинскому и послал грамоты Попоушкам <Н.Ф. Мельникова-Папоушкова и Я.Ф. Папоушек>.

Потом пришел Киреев — дождик идет, выглянуть страшно на улицу.

Я сегодня особенно устал. А еще нет 12-и.

Попросил консьержку разбудить на всякий случай. И всё хорошо обошлось, как я сказал ей. Она будет говорить: «не знаю».

Ну, деточка, до свидания. Алексей Ремизов.

25.8

Поднялся ½ 6-го, и вот 7-ь, только-только кончил уборку.

Сон запишу, боюсь не успею. Сейчас Киреев.

Где-то по каким-то улицам я иду, напоминает Москву у Сухаревки. Какой-то революционный» праздник. И в одном месте надо проходить контроль. Все прошли. А меня задержали.

Поставили на весы. Свесил какой-то черный. И я дальше пошел. И опять меня задерживают. Куда-то в сторону отводят. И говорит мне какой-то:

— Вам будет плохо.

А я говорю:

— Судьбы не миновать!

И вижу, Оля Чернова смотрит.

— Да в чем дело? спрашиваю

— Вы обвиняетесь в дезертирстве. Вы изменили России. С вами обвиняется еще Морозов.

И я понимаю, меня арестуют, и я говорю:

— Можно мне только с С<ерафимой> П<авловной> увидаться<?> и думаю:

Надо сговориться, как отвечать.

Литература

Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников. Paris: La Press Libre, [1983]. Т. 1. 359 с.

Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929): Неизвестные материалы / Сост. и ред. А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305–331.

Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии / Сост. А. Соболев, Р. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.

Виноградова Е.В. Семья Философовых на страницах воспоминаний о С.П. Дягилеве В.Ф. Нувеля // Философовские чтения. Сборник материалов первых Философовских чтений. Псков: Псковский обл. центр народного творчества, 2005. С. 137–143.

Гершензон М. «Узнать и полюбить»: Из переписки 1893–1925 годов / Сост., коммент. Е.Ю. Литвин; послесл. В.В. Сапова. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 512 с.

Грачева А.М. О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // Русская литература. 2013. № 4. С. 75–83.

Даманская А. На экране моей памяти; *Таубе-Аничкова С.* Вечера поэтов в годы бедствий / Публ. О.Р. Демидовой. СПб.: Mip, 2006. 520 с.

Девять писем А.М. Ремизова // Мнухин Л.А. Итоги и истоки: Избранные статьи. Болшево: Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008. С. 266–271.

Жизнь и призвание доктора И.И. Манухина / Сост. и подгот. текста А.В. Говядинова; предисл. Т.И. Ульянкиной. М.: Русский путь, 2015. 552 с.

Из архива М.О. Гершензона. 1. Письма А.М. Ремизова: (1905–1922) / Публ. Т.М. Макагоновой // Река Времен: Книга истории и культуры: Альм. В 5 кн. Кн. 3: Труды. Творения. Художества. М.: Эллис Лак, 1995. С. 156–195.

Ишунина (Абрамова) Л. Издательства «Рассвет» и «Творчество»: Истоки просветительской деятельности С.А. Абрамова // Искусствознание. 2015. № 1–2. С. 560–578.

Никитин Н.П. «Кукушкина» (Памяти А.М. Ремизова. Воспоминания) // Ремизов А. Павлиньим пером / Сост., вступ. статья и примеч. Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Logos, 1994. С. 195–211.

Обатнина Е.Р. Вариации памяти (творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / Изд. подгот. Е.Р. Обатнина. СПб.: Наука, 2011. С. 231–319.

Обатнина Е. Подруги: Один эпизод из истории отношений З.Н. Гиппиус и С.П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков: Сб. в честь профессора Халины Вашкелевич / Под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. Kraków: Scriptum, 2014. С. 251–262.

Обатнина Е. А.М. Ремизов и «Серапионовы братья» (к истории взаимоотношений) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 223–237.

Обатнина Е.Р. «Россия в письменах»: Советская корреспонденция в эмигрантском архиве А.М. Ремизова // Литературный архив советской эпохи: Сб. статей и публ. СПб.: Росток, 2018. С. 11–47.

Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.

Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии Ремизова: «…или в Россию, или в Париж…» 1923 г. // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 8–35.

Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44.

Переписка с А.М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. ст. З.Г. Минц; публ. и коммент. А.П. Юловой // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М.: Наука, 1981. С. 63–142.

Рожков А. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 640 с.

Ронин В.К. «Русское Конго»: 1870–1970: Книга-мемориал: В 2 т. М.: Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына; Русский путь, 2009. 520, 640 с.

Соболев А.Л. Северная ссылка Ремизова: Уточнение нюансов // Соболев А.Л. Летейская библиотека: Очерки и материалы по русской литературе XX века. Т. 2: Страннолюбский перебарщивает: Сконапель истоар. М.: Трутень, 2013. С. 194–197.

Степун Ф. Письма / Сост., археогр. работа, коммент., вступ. статьи к тому и разделам В.К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 683 с.

Фрезинский Б. Судьбы Серапионов (портреты и сюжеты). СПб.: Академический проект, 2003. 592 с.

Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет (1911–1928) / Подгот. текста, послесл. и примеч. Ж. Нива. Париж: Синтаксис, 1991. 287 с.

Lampl H. Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. I. P. 155–194.

Sippl C. Verlage und Übersetzer als russisch-deutsche Kulturvermittler in der Zwischenkriegszeit // Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit / K. Eimermacher, A. Volpert (Hgg.). München: Fink, 2006. S. 783–803.

References

Baranova-Shestova N. *Zhizn' L'va Shestova: Po perepiske i vospominaniiam sovremennikov* [Lev Shestov's life: Based on correspondence and memoirs of contemporaries]. Paris, La Press Libre, [1983]. Vol. 1, 359 p. (In Russ.)

Bird R. Viach. Ivanov i sovetskaia vlast' (1919–1929): Neizvestnye materialy [Vyacheslav Ivanov and the Soviets], comp. and ed. A.I. Reitblat. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no. 40, pp. 305–331. (Trad. from English into Russ.)

Damanskaia A. *Na ekrane moei pamiati* [On the screen of my memory]; Taube-Anichkova S. *Vechera poetov v gody bedstvii* [Poetry evenings in the years of disasters], publ. O.R. Demidova. St. Petersbug, Mir Publ., 2006. 520 p. (In Russ.)

Deviat' pisem A.M. Remizova [Nine letters by A.M. Remizov]. Mnukhin L.A. *Itogi i istoki: Izbrannye stat'i* [Results and sources: Selected essays]. Bolshevo, Marina Tsvetaeva Memorial House Museum in Bolshevo Publ., 2008, pp. 266–271. (In Russ.)

Frezinskii B. *Sud'by Serapionov (portrety i siuzhety)* [Serapion Brothers' destinies (portraits and stories)]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 592 p. (In Russ.)

Gershenzon M. *"Uznat' i poliubit'": Iz perepiski 1893–1925 godov* ["To get to know and get to like": From the correspondence of 1893–1925], comp., comment. E.Iu. Litvin; afterword V.V. Sapov. Moscow, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 512 p. (In Russ.)

Gracheva A.M. O pisatele Fedore Sologube, belletriste Vladimire Unkovskom i redaktore Aleksee Remizove [About the writer Fedor Sologub, the belletrist Vladimir Unkovsky and the editor Alexei Remizov]. *Russkaia literatura*, 2013, no. 4, pp. 75–83. (In Russ.)

Ishunina (Abramova) L. Izdatel'stva "Rassvet" i "Tvorchestvo": Istoki prosvetitel'skoi deiatel'nosti S.A. Abramova [Publishing houses "Rassvet" and "Tvorchestvo": Origins of S.A. Abramov's educational activities]. *Iskusstvoznanie*, 2015, no. 1–2, pp. 560–578. (In Russ.)

Iz arkhiva M.O. Gershenzona. 1. Pis'ma A.M. Remizova: (1905–1922) [From M.O. Gershenzon's archives. 1. Letters by A.M. Remizov (1905–1922)], publ. T.M. Makagonova. *Reka Vremen: Kniga istorii i kul'tury: Al'm.: V 5 kn. Kn. 3: Trudy. Tvoreniia. Khudozhestva* [River of times: Book of history and culture: Almanac, in 5 books. Book 3: Proceedings. Works. Arts]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995, pp. 156–195. (In Russ.)

Lampl H. Zinaida Hippius an S.P. Remizova-Dovgello. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1978, vol. 1, pp. 155–194. (In German and Russ.)

Nikitin N.P. "Kukushkina" (Pamiati A.M. Remizova. Vospominaniia) ["Kukushkina" (In memory of A.M. Remizov. Memoirs)]. Remizov A. *Pavlin'im perom* [With a peacock feather], comp., intro. and notes N.Iu. Griakalova. St. Petersburg, Logos Publ., 1994, pp. 195–211. (In Russ.)

Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii Remizova: "…ili v Rossiiu, ili v Parizh…" 1923 g. [Studies on A.M. Remizov's creative biography: "…either to Russia, or to Paris…" 1923]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 8–35. (In Russ.)

Obatnina E.R. Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: "La vie", ili zhizn' "chudesnym obrazom". Parizh, 1924–1925 [Studies on Alexey Remizov's creative biography: "La vie", or living "miraculously". Paris, 1924–1925]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 8–44. (In Russ.)

Obatnina E. Podrugi: odin epizod iz istorii otnoshenii Z.N. Gippius i S.P. Remizovoi-Dovgello [Girlfriends: an episode from the history of relationships between Z.N. Gippius and S.P. Remizova-Dovgello]. *Ot modernizma k postmodernizmu. Russkaia literatura 20–21 vekov: sbornik v chest' professora Khaliny Vashkelevich* [From modernism to postmodernism. Russian literature of the XX–XXI centuries. A collection in honor of professor Halina Waszkielewicz], ed. A. Skotnitskaia and Ia. Svezhii. Kraków, Scriptum, 2014, pp. 251–262. (In Russ.).

Obatnina E. A.M. Remizov i "Serapionovy brat'ia" (k istorii vzaimootnoshenii) [Remizov and Serapion Brothers (on the history of relationships)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1997, no. 26, pp. 223–237. (In Russ.)

Obatnina E.R. "Rossiia v pis'menakh": Sovetskaia korrespondentsiia v emigrantskom arkhive A.M. Remizova ["Russia in Letters": Soviet correspondence in the A.M. Remizov's émigré archive]. *Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi: Sb. statei i publ.* [Literary archive of the Soviet era: A collection of essays and publications]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2018, pp. 11–47. (In Russ.)

Obatnina E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and his subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in persons and documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001. 384 p. (In Russ.)

Obatnina E.R. Variatsii pamiati (tvorcheskaia istoriia "Kukkhi" i drugikh memuarnykh svidetel'stv Remizova o Rozanove) [Variations of memory (Creative history of "Kukkha" and other Remizov's memorial records about Rozanov)]. Remizov A.M. *Kukkha. Rozanovy pis'ma* [Kukkha. Rozanov's letters], ed. E.R. Obatnina. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011, pp. 231–319. (In Russ.)

Perepiska s A.M. Remizovym (1905–1920) [Correspondence with A.M. Remizov (1905–1920)], intro. Z.G. Mints, publ. and comment. A.P. Iulova. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia. Kn. 2* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok. New materials and studies. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 63–142. (In Russ.)

Ronin V.K. *"Russkoe Kongo": 1870–1970: Kniga-memorial: V 2-kh t.* ["Russian Kongo": 1870–1970: Memorial book, in 2 vols]. Moscow, Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad Publ., Russkii put' Publ., 2009. 520, 640 p. (In Russ.)

Rozhkov A. *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir molodogo cheloveka v sovetskoi Rossii 1920-kh godov* [Among peers: The life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 640 p. (In Russ.)

Shteinberg A.Z. *Druz'ia moikh rannikh let (1911–1928)* [Friends of my early years (1911–1928)], ed., afterword and notes G. Nivat. Paris, Sintaksis Publ., 1991. 287 p. (In Russ.)

Sippl C. *Verlage und Übersetzer als russisch-deutsche Kulturvermittler in der Zwischenkriegszeit. Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit*, K. Eimermacher, A. Volpert (Hgg.). München, Fink, 2006, pp. 783–803. (In German.)

Sobolev A.L. Severnaia ssylka Remizova: Utochnenie niuansov [Remizov's Northern exile: Clarification of nuances]. Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka: Ocherki i materialy po russkoi literature 20 veka. T. 2: Strannoliubskii perebarshchivaet: Skonapel' istoar* [The Lethean library: Essays and materials on Russian literature of the 20th century. Vol. 2: Strannolyubsky goes overboard: Ce qu'on appelle histoire]. Moscow, Truten' Publ., 2013, pp. 194–197. (In Russ.).

Stepun F. *Pis'ma* [Letters], comp., archaeographic work, comment., intro. V.K. Kantor. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2013. 683 p. (In Russ.).

Venetsiia v russkoi poezii: 1888–1972. Opyt antologii [Venice in Russian poetry: 1888–1972. Attempt of an anthology], comp. A. Sobolev, R. Timenchik. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

Vinogradova E.V. Sem'ia Filosofovykh na stranitsakh vospominanii o S.P. Diagileve V.F. Nuvelia [The Filosofov family on the pages of V.F. Nouvel's memoirs about S.P. Diaghilev]. *Filosofovskie chteniia. Sbornik materialov pervykh Filosofovskikh chtenii* [First Filosofov proceedings. A collection of essays]. Pskov, Pskovskii obl. tsentr narodnogo tvorchestva Publ., 2005, pp. 137–143. (In Russ.)

Zhizn' i prizvanie doktora I.I. Manukhina [Dr. I.I. Manukhin's life and vocation], comp. and ed. A.V. Goviadinov, intro. T.I. Ul'iankina. Moscow, Russkii put' Publ., 2015. 552 p. (In Russ.)

Alexey Remizov

“At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1925

Commentaries by Elena Obatnina
Editing by Elena Obatnina and Anna Uryupina

Abstract: The authors continue to introduce into scientific circulation chapters from A.M. Remizov's manuscript “At the Evening Dawn”, which form a series of publications devoted to the émigré period of the writer’s life and work. The main part contains Remizov’s letters to S.P. Remizova-Dovgello for 1925, which in 1945–1948 were edited by the author and included in the planned book. The Appendix contains original letters of the same period. Such a juxtaposition of a particular chapter with its primary sources opens up the prospect of exploring motivations that guided the writer in creating autobiographical works in the late 1940s and early 1950s. The corps of epistolary documents for 1925 contains information related to Remizov’s position in the literary environment of Parisian emigration, his friendly and professional contacts, and also reveals unknown facts of the creative and publishing history of his works. The publication is accompanied by detailed comments based on previously unknown archival materials which supplement the history of the Russian Diaspora. Historical and literary surveys of the authors made it possible to introduce significant refinements into the biographical data, for example, of the writer’s young friends G.S. Kireev and Yu.D. Doreomedov, and into the chronology of the writer’s life and work as a whole.

Keywords: Russia Abroad, Russian émigré literature, Alexey Remizov, Serafima Remizova-Dovgello, “At the Evening Dawn”, epistolary sources.

Information about the authors: Elena Obatnina, Dr Hab, Leading Research Associate, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS, St. Petersburg, Russia. E-mail: lena.eo@mail.ru

Anna Uryupina, PhD, curator of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (State Literary Museum), Moscow, Russia. E-mail: urana1409@gmail.com

Citation: Remizov Alexey. “At the Evening Dawn”. A chapter from the manuscript; Letters to S.P. Remizova-Dovgello. 1925, comment. E. Obatnina, ed. E. Obatnina and A. Uryupina. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 42–114. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-42-114

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-115-173
УДК 821.161.1

«…Я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе…»: Письма Авраама Высоцкого Максиму Горькому

© 2020, В. Хазан, Р. Кацман, Л.Г. Жуховицкая

Аннотация: Публикуемые материалы представляют собой переписку Максима Горького и Авраама Лейбовича Высоцкого, которая много лет ожидала издания. Публикаторы ставят вопрос о месте А.Л. Высоцкого в еврейской литературе на русском языке и в русской литературе. Отмечается, что творчество Высоцкого, которое было оценено М. Горьким, напечатавшим ряд произведений писателя в редактируемых им журналах «Летопись» и «Беседа», не вошло в канон как русской литературы и ее русско-еврейской ветви, так и израильской литературы на русском языке. Биография писателя, генезис и поэтика его творчества до сих пор оставались за пределами внимания исследователей, и одной из задач данной публикации является попытка заполнить эту лакуну. Во вступительной статье с опорой на архивные материалы реконструируется биография Высоцкого, уточняется ряд важных фактов, в том числе дата его рождения, представлена информация о его образовании, литературной деятельности и связи с сионистским движением, описываются наиболее значительные периоды его жизни в России и Эрец-Исраэль, куда он репатриировался в 1920 г., а также сообщаются сведения о переводах его произведений на другие языки и опытах их постановки на театральной сцене. Особое внимание публикаторов сфокусировано на истории взаимодействия никогда не встречавшихся лично Высоцкого и Горького, развивавшемся исключительно в переписке, которая первоначально касалась попыток Высоцкого предложить свои рассказы Горькому для публикации в его журналах. Письма печатаются по автографам из Архива Горького (ИМЛИ им. А.М. Горького). Публикация дополнена двумя приложениями, содержащими очерк Высоцкого «Максим Горький и сионизм» и его драму «Кровь Маккавеев».

Ключевые слова: М. Горький, А.Л. Высоцкий, русско-еврейская литература, сионистское движение.

Информация об авторах: Владимир Хазан, доктор наук, профессор, Еврейский университет, Иерусалим, Израиль. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Роман Кацман, доктор наук, профессор, Бар-Иланский университет, Рамат-Ган, Израиль. E-mail: roman.katsman@biu.ac.il

Лариса Григорьевна Жуховицкая, инженер-исследователь, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: zhuhovicki@gmail.com

Цитирование: *Хазан В., Кацман Р., Жуховицкая Л.Г.* «…Я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе…»: Письма Авраама Высоцкого Максиму Горькому // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 115–174. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-115-174

Более трех десятилетий назад авторы-составители книги «Горький и еврейский вопрос» писали о том, что среди многих архивных документов, связанных с темой «Горький и евреи», ждет «своей публикации переписка Горького с А. Высоцким…»[1]. Горьковская корреспонденция А. Высоцкому вошла в полное собрание писем русского писателя; пришла пора, чтобы в полном объеме представить и ее ответный эпистолярный корпус. Этой задачей и продиктована данная публикация.

А.Л. Высоцкий относится к третьей волне еврейской эмиграции в Палестину и может считаться частью ее литературы. Однако, в отличие от большинства писателей и поэтов того времени, он не перешел на иврит, которым прекрасно владел, и, за исключением нескольких заметок в прессе, медицинских брошюр и детской книги о гигиене зубов, писал только по-русски, заботясь о переводе своих произведений на иврит, идиш и другие языки. В письме редактору нью-йоркского идишского журнала “Zukunft” Аврааму Лесину (собств. Валт; 1872–1938) от 15 сентября 1926 г. Высоцкий сетовал на свое отчаянное положение писателя, живущего в Палестине и пишущего по-русски:

> Нет исхода, нет той руки помощи, что могла бы вывести на дорогу. Красная литература охраняется штыками, эмигрантская — с каждым днем хиреет. Среди евреев я — русский писатель![2]

Высоцкий оставил литературный труд в 1933 г. Таким образом, он относится к последнему предвоенному поколению русско-еврейской литературы, к которому принадлежат такие фигуры, как Осип

[1] *Горький М.* Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / Авт.-сост. М. Агурский, М. Шкловская. Еврейский университет в Иерусалиме; Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986. С. 25.

[2] YIVO (Yiddish Scientific Institute), New York. Abraham Liessin Papers. RG 201, folder 434.

Дымов и Владимир Жаботинский, Исаак Бабель и Осип Мандельштам, Андрей Соболь и Семен Гехт и др. Точнее, писательский путь Высоцкого ведет от русско-еврейской литературы образца позднего еврейского просвещения — через русско-еврейскую эмигрантскую литературу, включающую свидетельство об Октябрьской революции и Гражданской войне, — к «новому палестинскому тексту»[3], русско-израильской литературе. Это был путь от *штетла* (еврейского местечка) к *мошаву* (поселению в Эрец-Исраэль), от образа еврея-неудачника, своего рода «лишнего человека», к образу пионера-поселенца. В его произведениях нетрудно заметить следы сибирских тем Владимира Короленко и Георгия Гребенщикова, а также романтической символики и топики гор, идущей от Пушкина и Лермонтова, плавно переходящей в поселенческую романтику строителей новой земли и нового общества.

Если русско-еврейские литературные интеракции в опыте перечисленных выше писателей — при всей сложности, зыбкости и неопределенности термина «русско-еврейская литература»[4] — выглядят хотя бы отчасти описанными и тем самым как бы рецептивно усвоенными, «привычными», «устоявшимися», то модель Высоцкого — индивидуальная русскоязычная творческая стратегия в ивритоязычном социальном и культурном локусе — претендует на известную уникальность.

В культурной жизни подмандатной Палестины Высоцкий не был фигурой знаковой или сколько-нибудь популярной, хотя поддерживал тесные бытовые и творческие связи с теми, кто задавал

[3] *Тименчик Р.* Русское слово о Земле Израиля // Лехаим (Москва). 2006. № 4 (168). URL: https://lechaim.ru/ARHIV/168/timenchik.htm (дата обращения: 29.11.2019). О возникновении «палестинского канона» см. также: *Тименчик Р.* Глаз и слово // Лехаим (Москва). 2006. № 8 (172). URL: https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm (дата обращения: 29.11.2019).

[4] См. попытку определить понятийные границы этого феномена в работах Ш. Маркиша, в особенности в статье «Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки» (Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 217–250), которая, при всей спорности, содержит попытку теоретической классификации эмпирического материала. См. также: *Shrayer M.D.* General Introduction: The Legacy of Jewish-Russian Literature, in Voices of Jewish-Russian Literature / Ed. by M.D. Shrayer. Boston, 2018. P. XXI–LVIII; *Hetényi Z.* In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940). Budapest; New York, 2008. P. 32–33; *Murav H.* Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford CA, 2011. P. 4; *Smola K.* Contemporary Russian-Jewish Literature and Reinvention of Jewish Poetics // Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages / Ed. by H. Weiss, R. Katsman, B. Kotlerman. Newcastle, 2014. P. 607–638; *Katsman R.* Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of the Israeli Writers and Intellectuals (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // Around the Point. P. 643–686; *Katsis L., Tolstoy H.* Judaica Rossica — Rossica Judaica // Jewishness in Russian Culture: Within and Without / Ed. by L. Katsis, H. Tolstoy. Leiden, 2014. P. 1–20, etc.

в ней тон, прежде всего с национальным еврейским поэтом Хаимом Нахманом Бяликом (1873–1934). По словам Александра Мишори, внука Высоцкого, он состоял в дружеских отношениях с известным скульптором, основателем израильской художественной академии «Бецальэль» Борисом Шацем (1866–1932). В семейном архиве сохранилось письмо-соболезнование, написанное по поводу кончины Высоцкого писателем, поэтом, переводчиком и публицистом Ицхаком Ламданом (1897–1954), редактором «Гильонот» — авторитетного литературного журнала в Палестине, а потом в Израиле. Наверное, несложно отыскать еще некоторые свидетельства тому, что существование Высоцкого в литературной, культурной и общественной жизни и среде в Эрец-Исраэль его времени не являлось особняковым и замкнутым. Чужим среди своих он, безусловно, не был. И тем не менее вопрос о том, какое место он занимает в истории еврейской литературы на русском языке, остается открытым. С этим неразрывно связана другая непростая дилемма — о принадлежности Высоцкого миру русской литературы: сумел ли он хоть в какой-то степени оставить в ней свой след и не оказаться полностью чужим среди чужих.

Корпус произведений Высоцкого составляют романы, рассказы, публицистические фельетоны, эссе, а также несколько пьес. Прежде всего следует упомянуть рассказы, опубликованные в журналах М. Горького: «Его родина»[5] и «В Палестине»[6], рассказ «Нитка жемчуга», который сначала появился в строенной книжке короленковского «Русского богатства»[7], а вторично — в барнаульском журнале «Сибирский рассвет»[8]. Несколькими текстами представлен Высоцкий в барнаульских газетах «Жизнь Алтая», где рассказом «Синий Алтай» он, судя по всему, дебютировал на литературном поприще[9], и «Сибирская жизнь»[10]. По-видимому, ему принадлежит рассказ «На травке», напечатанный в томском журнале «Сибирский студент»[11], на что указано одним из наиболее авторитетных сибирских библио-

[5] Летопись. 1916. № 6/7, июнь. С. 50–72.

[6] Беседа. 1925. № 5. С. 122–159. Публикация имеет подзаголовок «очерк» и точную авторскую датировку: 8 февраля 1924 г. Она представляет собой первую главу «Последняя жатва», романа «Зеленое пламя» (1928).

[7] Русское богатство. 1918. № 4–6, апр.–июнь. С. 164–187.

[8] Сибирский рассвет. 1919. № 8. С. 4–30.

[9] Жизнь Алтая. 1914. № 33, 9 февр. С. 3–4; № 37, 14 февр. С. 3–4. Далее в этой газете были напечатаны рассказы «С дороги (На пароходе)» (1914. № 149, 6 июля. С. 3), «На Оби» (1915. № 109, 22 мая. С. 3), «Черта» (1915. № 261, 26 нояб. С. 3), «Воспоминания о лете (Из повести “За рекой”)» (1915. № 276, 13 дек. С. 2–3).

[10] «Кровавые сны» (1914. № 245, 9 нояб. С. 5); «Первое мгновенье» (1915. № 104, 17 мая. С. 3).

[11] Сибирский студент. 1915. № 7/8. Стлб. 19–28.

графов Н.Н. Яновским[12] (смущает, правда, то обстоятельство, что в оглавлении в качестве инициала отчества фигурирует буква Р., т.е. А.Р. Высоцкий, которая, впрочем, может быть следствием издательско-типографской ошибки), и стихотворение, которое вошло в сборник «Опыты Литературно-научного кружка», изданный в Омске:

Не бывает розы без шипов колючих,
Не бывает счастья без горючих слез,
Не бывает счастья без страданий жгучих,
Без надежд погибших, без разбитых грез…
Чем шипы колючей, тем прекрасней розы,
Тем их запах чудный тоньше и нежней,
Чем страданья жгучей, чем обильней слезы, —
Тем минуты счастья глубже и ясней…[13]

Наконец, в «крупной» форме Высоцкий достиг некоторой известности благодаря романам «Зеленое пламя» (1928), «Суббота и воскресенье» (1929) и «Тель-Авив» (1933). Некоторые его рукописи, как, скажем, рассказ «Файзу́» или пьеса «Кровь Маккавеев», остались неопубликованными и неизвестными даже специалистам. Рано оцененное Горьким творчество Высоцкого не вошло в канон как русской и русско-еврейской, так и израильской литературы. Биография писателя, генезис и поэтика его романов остались за пределами внимания исследователей.

Неопубликованные рукописи и документы Высоцкого обнаружены недавно в семейных архивах его внуков: израильского искусствоведа Александра Мишори и Ильиль Арбель — англоязычной писательницы, проживающей в Нью-Йорке, автора книги о последних годах семьи Высоцкого в России и поездке из Бийска в Палестину, написанной на основе воспоминаний ее матери, дочери Высоцкого Иды Розенфельд[14]. Материалы семейного архива позволяют существенно дополнить биографическую картину и исправить ошибки, которыми полны предыдущие, к сожалению, весьма немногочисленные и фрагментарные упоминания о Высоцком.

---

[12] *Яновский Н.Н.* Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: Библиографические сведения. Новосибирск, 1997. С. 42.

[13] Опыты Литературно-научного кружка. Вып. 2. Омск: Тип. Акмолинского обл. правления, 1918. С. 157.

[14] *Arbel I., Rosenfeld I.* The Lemon Tree. Kindle Edition (2014-09-06). Сокращенный вариант этой книги (“paper version”): *Rosenfeld I., Arbel I.* The Lemon Tree. Middletown (Conn., USA), 2018.

Авраам (Аврум) Лейбович Высоцкий родился в местечке Жорнище (ныне Винницкая область) 6 января 1884 г. (25 декабря 1883 г. по ст. ст.). В «Энциклопедии основателей и строителей Израиля» Давида Тидхара указана другая дата — 2 ноября 1883 г.[15] Эта ошибка кочует и по другим источникам, хотя подлинную дату рождения Высоцкого установить нетрудно; он ее и не скрывал, несмотря на распространенный среди евреев в прежние времена обычай менять дату рождения, если она выпадала на рождество. В переписи населения Тель-Авива, проводившейся в 1922 г., указан его возраст — 38 лет[16]. В документах Хевра Кадиша (еврейское похоронное агентство, следующее галахическим законам погребения) указан тот же год рождения — 1884. Наконец, в семейном архиве обнаружены документы, которые указывают именно этот год рождения писателя и одновременно проливают свет на его юношеские годы и полученное им образование[17]: свидетельство Липовецкого городского двухклассного училища от 30 мая 1896 г. и свидетельство Императорского Новороссийского университета (ныне Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова) от 13 октября 1903 г. Из первого мы узнаем, что Высоцкий «в испытательной комиссии при Жорнищском Народном училище успешно выдержал испытание в знании курса начального народного училища». Давид Тидхар в упомянутой выше Энциклопедии пишет, что Высоцкий имел «традиционное еврейское образование» и учился в Немировской гимназии[18], однако никаких документов, подтверждающих это, найдено не было (в знаменитой Немировской гимназии учился главный герой романа Высоцкого «Тель-Авив» и некоторые герои романа «Зеленое пламя»).

Во втором документе сказано: «образование получил домашнее». Это свидетельство давало Высоцкому разрешение преподавать математику, «но только своим единоверцам». Подписано оно тогдашним ректором университета Алексеем Николаевичем Деревицким (1859–1943). Никаких свидетельств, подтверждающих, что в Новороссийском университете Высоцкий учился на дантиста, не обнаружено. Однако известно, что там он встретил свою будущую жену

[15] URL: http://www.tidhar.tourolib.org/tidhar/view/4/1725 (дата обращения: 29.11.2019).

[16] Архив Тель-Авива. URL: http://www.isragen.org.il/siteFiles/13/79/7904.asp?item_id=129307 (дата обращения: 30.11.2019).

[17] Сохранилось также письмо Высоцкого, написанное 10-го февраля 1949 г., за несколько дней до кончины, адресованное некоему Рувиму Борисовичу в Бийск, в котором он упоминает свой возраст — 65 лет.

[18] То же: Краткая Еврейская Энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. Иерусалим, 1976. Стлб. 755; Российская Еврейская Энциклопедия Т. 1 / Гл. ред. Г.Г. Брановер. М., 1994. С. 253.

Адассу Винницкую (15 декабря 1883 — 15 февраля 1954), которая изучала медицину и была «одной из первых женщин, допущенных к учебе в университете в Одессе»[19]. «Ее отец (Израиль, сын Иосифа) был управляющим имением богатого помещика»[20]. Авраам и Адасса, как свидетельствует приглашение на их свадьбу, сохранившееся в семейном архиве, обвенчались в октябре 1905 г. в местечке Дашев Киевской губернии (ныне Винницкая область, в 30-ти километрах от Жорнища). Вероятнее всего, именно в Одессе примерно в 1903 г. Высоцкий познакомился с Х.Н. Бяликом, и там завязалась их дружба, хотя Бялик был на десять лет старше и уже в то время приобрел известность.

Д. Тидхар отмечает, что Высоцкий изучал стоматологию в университетах Чикаго и России[21]. Однако единственный в этой связи документ, который удалось обнаружить, — копия удостоверения о том, что Высоцкий «удостоен звания зубного врача», выданного Медицинским факультетом Императорского Харьковского университета 28 февраля 1907 г. В том же году у Высоцких родился сын Александр, который скончался 4 марта 1917 г. в Бийске от скарлатины. Как удостоверяет в записке Бийский раввин, мальчик был «погребен по иудейскому ритуалу на еврейском кладбище в г. Бийске». Документ, хранившийся все эти годы в семейном архиве, датирован 25 июля 1919 г. и выдан, очевидно, по просьбе семьи, которая в то время готовилась покинуть Россию.

Надо полагать, что именно в Одессе и Харькове Высоцкий оказался вовлечен в сионистское движение. Журналист и писатель Абба Ахимеир (собств. Аба Шойл Гайсинович; 1897–1962), один из политических лидеров еврейского *ишува* (поселения) в Палестине, сионист-ревизионист, хорошо знавший Высоцкого, пишет, что в «пятом году» (т.е. во время революционных событий 1905 г.) тот был членом партии эсеров[22]. У нас нет свидетельств революционной деятельности Высоцкого, но можно предположить, основываясь на некоторых замечаниях в воспоминаниях Иды Розенфельд, что в числе многих других он был преследуем царскими властями за

[19] *Arbel Ilil and Rosenfeld Ida*. The Lemon Tree. Kindle Edition (2014-09-06). P. 145–146.

[20] Ibid.

[21] Ту же информацию содержит статья о Высоцком в 1-м томе «Краткой Еврейской Энциклопедии» и ее перепечатка в «Российской Еврейской Энциклопедии».

[22] *Ahimeir A*. Avraham Vysotzky: Tel Aviv be-rusit <Тель-Авив по-русски> // Ahimeir Abba. Ktavim nivharim. Vol. 6: Eyn hakore: Sofrim ve-sfarim, itonaim ve-itonim <Избранные сочинения. Т. 6: Источник взывающего: Писатели и книги, журналисты и печать>. Tel Aviv, 2003. P. 131–133 (впервые: *Herut* (газ.). 1949, March 11, под псевдонимом “A. Arika”).

сионистские убеждения. Именно это заставило его отправиться в добровольную ссылку в Сибирь примерно в 1908 г. Таким образом, он отнюдь не был сослан властями как революционер, вопреки утверждениям в некоторых источниках, возникшим, вероятно, вследствие ошибочного восприятия романа Высоцкого «Суббота и воскресенье» и его рассказов как автобиографических[23].

1908 год был весьма неудачным для российских сионистов. Израильский историк и публицист Ицхак Маор пишет:

> На основании этого постановления <Сената> Министерство внутренних дел разослало всем губернаторам секретный циркуляр (№ 48 от 21 декабря 1907 г.) с указанием не разрешать никаких сионистских организаций, а также принять меры к запрещению всякой деятельности Национального фонда. В сущности, циркуляр официально закрепил положение, существовавшее на деле уже ранее. Об этом свидетельствует письмо Центрального Комитета Сионистской организации в России от 6 декабря 1907 года (подписанное Л. Яффе и Б. Гольдбергом), которое было отправлено из Вильно президенту Давиду Вольфсону в Кельн.
>
> В письме говорилось, что в Польше, Сибири и в целом ряде крупных городов, как, например, Одесса, Киев, Харьков, Севастополь, Екатеринослав и др., нет никакой возможности вести сионистскую работу из-за мер властей, объясняемых объявленным незадолго до того чрезвычайным положением. <…> Между тем, условия сионистской работы в России чрезвычайно осложнились. В начале 1908 года были произведены многочисленные аресты деятелей и активистов движения, нарушившие сионистскую работу во всей империи[24].

У Высоцкого, следовательно, могли быть весьма веские причины для бегства из центра страны, но трудно сказать, чем был мотивирован выбор далекого Бийска в качестве убежища и нового дома. Известно только, что Высоцкий отправился туда первым, позднее к нему присоединилась семья. Можно предположить, что, как и Борис, герой рассказа «Его родина», бежал он не только от преследования властей, но и от бытового антисемитизма, столь распространенного на Украине и почти неощутимого в Сибири. Он искал тихой семейной жизни, готовился к стоматологической деятельности и, возможно, продумывал свои исследования в этой области, сделав-

[23] *Staněk V.* Slovník rusko-židovských autorů 1. poloviny 20. Století: Magisterská diplomová práce. Brno, 2008. S. 65.

[24] *Маор Ицхак*. Сионистское движение в России / Пер. О. Минц (авторизованный сокращенный перевод). Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. С. 267–268.

шие его впоследствии одним из основателей израильской медицины и израильской медицинской науки. Можно также предположить, что по пути на Алтай родилась идея образа Бориса, родиной которого была Сибирь, а Украина представлялась дремучей тайгой, полной нищеты и дикого зверья о двух ногах, а также идея образа странствующего еврея Залмана Тиница и его абсурдной судьбы, которая много позднее легла в основу романа «Суббота и воскресенье».

Точная дата воссоединения семьи в Бийске нам не известна, однако это должно было произойти не позднее 1910 г.[25] Бийск 1910-х гг. был провинциальным городом, в котором проживало 27000 жителей, среди них — очень немного евреев. Город относился к кабинетским землям, на которых было запрещено проживание евреев, за исключением некоторых профессий (запрет распространялся даже на тех, кто здесь родился; абсурдность этой ситуации стала лейтмотивом рассказа «Его родина»). В эти годы Высоцкий активно сотрудничал в барнаульской газете «Жизнь Алтая», которую он позднее упомянет в романе «Суббота и воскресенье»[26]. Он был собственным корреспондентом, освещавшим такие события, как «открытие нового каменного здания местного вольно-пожарного общества» в Бийске (1915. № 262, 27 нояб.), а также автором заметок и фельетонов, как, например, фельетон «Голубь Воробьевич» из серии «Бийские силуэты», посвященный такому явлению, как «культуртрегеры», которые, по словам автора, во множестве стали тогда появляться в Сибири, и поскольку «некультурный туземец не мог выговорить немецкого слова», он «назвал их по-своему — птицы залетные» (1915. № 228, 16 окт.).

В 1919 г. было принято решение покинуть Бийск и переселиться в Эрец-Исраэль. В семейном архиве Высоцких сохранился черновик его письма Управляющему Алтайской губернией, в котором излагалась просьба о выдаче паспортов, дабы тронуться в неближний путь:

Его Превосходительству
Господину Управляющему Алтайской Губ<ернией>

Зубного врача
Аврума Лейбовича Высоцкого
г. Бийск

[25] Старшая дочь Высоцких Эсфирь (Фира, в замужестве Мишори) родилась в Бийске в 1910 г. и скончалась 20 февраля 1987 г. Младшая дочь Юдифь (Ида, в замужестве Розенфельд) родилась в 1912 г. и скончалась 1 ноября 1985 г.

[26] *Высоцкий А.* Суббота и воскресенье. Рига: Грамату Драугсъ, 1929. С. 240.

Прошение

Честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство распорядиться выдать мне паспорт для выезда за границу через восточную границу. При этом указываю, что поездку я совершаю с чисто научной целью, как зубной врач. Со мной едет моя жена Идася 36 лет, дочь Эсфирь 8 лет и дочь Юдифь 7 лет.

Мне же тридцать пять лет.

Зубной врач А. Высоцкий

1919 года, апреля 24 дня

Рассказывая в первом из публикуемых ниже писем о предпринятом путешествии, Высоцкий пишет, что семья добирались до Палестины «окружным путем вокруг Азии <…> уходя от колчаковских преследований».

Обосновавшись в Тель-Авиве и зарабатывая на жизнь как дантист, Высоцкий, однако, не оставил писательских притязаний. 9 марта 1924 г. он обратился к Горькому с письмом (с него возобновляется переписка между ними после семилетнего перерыва), предложив для журнала «Беседа» рассказ «Последняя жатва». Рассказ этот Горький принял и опубликовал под названием «В Палестине» (1925. № 5. С. 122–159); впоследствии он стал первой главой романа Высоцкого «Зеленое пламя» (Рига: Общедоступная б-ка, 1928)[27].

После переезда в Палестину связи Высоцкого с Россией обрываются. Рассказ «В Палестине», как уже было сказано, появился в горьковской «Беседе», издававшейся в Берлине, а романы Высоцкого вышли в свет в рижских издательствах «Грамату Драугсъ» и «Просвещение». За исключением письма некоему Рувиму Борисовичу, написанного в 1949 г., нам почти ничего не известно о попытках Высоцкого восстановить связь с родиной. После того, как в августе 1929 г. по Палестине прокатилась волна кровавого арабского террора, Горький обратился к Высоцкому с просьбой написать об этом статью, предназначавшуюся первоначально для еженедельника «За рубежом», который начал выходить в это время под его редакцией. Статью Высоцкий написал и Горькому отправил — эта тема обсуждается в их переписке, о том же Высоцкий вспоминает в коротком мемуаре, написанном после получения известия о смерти русского писателя и опубликованном в палестинской газете «Гаарец» (приведена в русском переводе в приложении к данной публикации). Однако заказанная Горьким статья об арабском

[27] Видимо, по вине типографии в книжном издании, по крайней мере в части тиража, допущена ошибка: вместо «Последняя жатва» глава получила название «Последняя жертва».

насилии так и не появилась в советской печати: она написана иначе, чем того требовал господствовавший в СССР идеологический канон. Следов рукописи в семейном архиве не обнаружено.

И всё же возвращение в прошлое состоится почти через десять лет после эмиграции писателя на страницах романа «Суббота и воскресенье»: автобиографическая тема — русско-еврейская, алтайская — вновь появится в его творчестве и на том будет для него исчерпана. Почти одновременно с этим он издал роман «Зеленое пламя». До своей смерти 5 марта 1949 г. Высоцкий напишет лишь еще один, последний свой роман «Тель-Авив» (1933), названный в подзаголовке «палестинским», а также рассказ об изгнании евреев из Испании «Первый ответ», возможно, как основу для будущей, так и не написанной книги «Сарагоса». Между этим романом и рассказом — провал в тринадцать лет. Последний рассказ писателя опубликован в 1946 г. только в переводе на иврит Тамар Должанской («А-тшува а-ришона») в журнале «Гильонот» (№ 18), русский оригинал обнаружить не удалось. Молчание писателя легко объясняется невостребованностью русской литературы в Палестине/Израиле, недоступностью русскоязычных печатных органов, сталинским террором, войной, Холокостом… Однако нетрудно заметить, что оно может быть связано и с кончиной Бялика в 1934 г., завершившей, по-видимому, весьма существенную главу и его, Высоцкого, жизни.

Впрочем, романы Высоцкого были довольно сочувственно встречены русской эмигрантской критикой. М.А. Осоргин, с которым он состоял в переписке[28], откликнулся в парижских «Последних новостях» на «Субботу и воскресенье»[29]

---

[28] Письма хранятся в РГАЛИ в архиве Осоргина, доступ к которому закрыт до 2020 г. по воле семьи.

[29] *Ос<оргин> Мих*. «Суббота и воскресенье» // Последние новости. 1930. № 3270, 6 марта. С. 3. В письме к Г.Д. Гребенщикову от 15 марта 1930 г. Высоцкий писал: «Вчера <sic> появилась в “Посл<едних> Нов<остях>” (парижских) критика моей книги, Осоргина. Довольно лестно, но не умно как-то» (*Хазан В., Кацман Р.* «…Перо Ваше умелое, много сердца»: Из переписки Авраама Высоцкого и Георгия Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: Сб. статей. Вып. 8 / Под ред. М.П. Гребневой, Т.В. Чернышевой. Барнаул, 2019. С. 130; далее — АТРЛ с указанием страницы). В рецензии говорилось: «название большого романа А. Высоцкого (Рига, 1929) как бы предупреждает о противоположении в нем двух миров, еврейского и христианского. Но это название не кажется нам достаточно оправданным. Первая часть романа, несомненно лучшая, превосходно рисует быт еврейского местечка и жизнь бедной еврейской семьи, из лона которой выходит герой романа, умный и талантливый Залман Тиниц. В этой части мир христианский, в лице помещичьего сынка и неясно очерченных милых русских женщин, отражается достаточно случайно, преломлении еврейской психологии. Вторая половина романа — русский сибирский город, где Залман живет в ссылке и где евреи — случайные единицы. Борьбы двух миров, в сущности, нет; до последнего момента нет ее как будто и в душе героя, хотя и скучающего в Сибири по “субботе”». Мысль о более ярком изображении в романе «субботнего» (еврейского) начала и более бледном — «воскресного» (русского, христианского) Осоргин повторит и в рецензии на следующий роман Высоцкого, «Тель-Авив» (см. след. примеч.). В целом благожелательно воспринявший «Субботу и воскресенье», Осоргин заключал, что, «написанный по-русски и очень хорошо,

и «Тель-Авив»[30]. «Зеленое пламя» рецензировала в рижской «Сегодня» Р. Розовская[31], в той же газете напечатан отзыв П. Пильского на «Субботу и воскресенье»[32]. Не прошел мимо этого романа и главный «толстый» журнал эмиграции — парижские «Современные записки» (рецензент — М. Цетлин)[33]. В русско-еврейской печати на «Субботу и воскресенье» откликнулся Бен-Таврия (З. Ключевич)[34], сотрудник редактировавшегося В. Жаботинским парижского еженедельника «Рассвет»[35]. В семейном архиве сохранилась записка, в которой Высоцкий резюмирует отзывы на роман «Тель-Авив» (авторская орфография сохранена):

> Проф. J. <Иосиф> Клаузнер. «Тель-Авив» — первоклассное художественное произведение. Читая его, я не раз плакал, но зато много раз мое сердце трепетало от радости и гордости.
>
> Г.Д. Гребенщиков. Читаю «Тель-Авив» и думаю: вот еще одну чудесную книгу дал миру еврей![36]
>
> М.А. Осоргин («Посл<едние> Нов<ости>») <пропущена строка> из голландской печати. Читая роман Высоцкого «Тель-Авив», невольно вспоминаешь Золя “La Débâcle” и Henri Barbusse — “Le feu”: та же поражающая правда и искренность, та же сила художественная[37].
>
> “Chicago Jewish Tribune”. Этот роман («Тель-Авив») должен быть прочитан каждым. О Палестине такой книги еще не было: так реально-живо и художественно-правдиво о возрождающейся стране еще никто не рассказал. Надеемся, что эта книга скоро выйдет и на

роман остается и должен быть еврейским, так как в этом его основной смысл. Но интересен он и помимо этой своей задачи — равно для любого читателя». Трудно сказать, почему Высоцкий оценил как «неумную» рецензию Осоргина, который на самом деле весьма положительно отнесся к «Субботе и воскресенью», о чем за день до появления печатного отклика писал М. Горькому: «Еще я получил книгу А. Высоцкого “Суббота и воскресенье” — из жизни еврея, большой роман. Неплохой» (М. Горький и М.А. Осоргин. Переписка / Вступ. ст., публ. и прим. И.А. Бочаровой // С двух берегов: Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 472).

30 *Ос<оргин> Мих*. Тель-Авив // Последние новости. 1933. № 4544, 31 авг. С. 3.

31 Сегодня. 1931. № 208, 30 июля. С. 3.

32 *Ф.С*. <П. Пильский>. Роман из еврейской жизни // Сегодня. 1930. № 41, 10 февр. С. 6

33 Современные записки. 1930. № 43. С. 496–497.

34 Раскрытие этого псевдонима см. в статье: *Хазан В*. О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники «Еврейская трибуна» и «Рассвет») // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М., 2016. С. 84–87.

35 *Бен-Таврия*. «Суббота и воскресенье» (о романе А. Высоцкого) // Рассвет. 1931. № 14. С. 8–9.

36 В сохранившихся письмах Г.Д. Гребенщикова Высоцкому такой фразы нет, см.: АТРЛ.

37 Сравнения Высоцкого с Э. Золя и А. Барбюсом рецензия М. Осоргина на «Тель-Авив» не содержит.

английском яз<ыке> и станет доступной и английскому читателю — всё равно — еврею и не еврею, сионисту и не-сионисту.

Журнал וגירוד[38], Чикаго. Роман «Тель-Авив» это — все шесть дней творения Новой Палестины. Эта книга — великий эпос строителей Страны. Недаром А. Высоцкий — ученик незабвенных русских авторов: он написал эту книгу с большим талантом, местами — кровью сердца.

Газета «Айнт» (טנייה), Варшава. В романе «Тель-Авив» изображен не только Тель-Авив — город: в нем с изумительной силой и правдивостью изображены люди и дела Новой Палестины. До сих пор такой книги еще не <было>! Кто хочет знать всю правду о Палестине, пусть читает эту книгу.

Следует сказать несколько слов о переводах произведений Высоцкого на другие языки и опытах их постановки на театральной сцене. Романы «Суббота и воскресенье» и «Тель-Авив» были переведены на голландский Б.Н. Рапчинским[39], см.: *Wissotzky A.* Tel-Aviv: Palestina-roman / Geautoriseerde vertaling: Boris Raptschinsky (Rapchinskiĭ). Zutphen: W.J. Thieme & Cie, 1934; *Wissotzky A*. Sabbat en Zondag / Geautoriseerde vertaling: Boris Raptschinsky. Zutphen: W.J. Thieme & Cie, 1936. Роман «Зеленое пламя» вышел в переводе на иврит Менахема Нахмана (Иерусалим: Тарбут, 1927–1928); «Тель-Авив» — в переводе Мордехая Эзрахи (Тель-Авив: Двир, 1947). Барух Наэ перевел на ладино роман «Зеленое пламя» (Тель-Авив: Бейт Алахми, 1933). К этому можно добавить, что спектакль по роману «Тель-Авив», рисующему широкую панораму халуцного, ревизионистского, коммунистического и прочих движений в подмандатной Палестине, был поставлен в Риге театральным кружком организации «Бейтар». В заметке, посвященной спектаклю, опубликованной в рижской газете «Сегодня вечером», говорилось:

[38] Дорэйну (*ивр.*) — наше поколение.

[39] Писатель, эссеист, переводчик, проживавший в Амстердаме «сионист-социалист» д-р Борис Наумович Рапчинский (Boris Raptschinsky; в России Рябчинский; 1887–1983) переводил на голландский язык русских писателей, в частности А.М. Ремизова. См. о нем: *Eeten-Koopmans J. van*. Boris Raptschinsky (1887–1983) // Studia Rosenthaliana. 1996. Vol. 30. No 2. P. 282–303; Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским (1947–1957) / Сост. Т.В. Цивьян; Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2004 (сюда включена первая из указанных позиций: Переписка А.М. Ремизова с Б.Н. Рапчинским / Публ. и коммент. Я. ван Эйтен-Коопманс. С. 45–77, а также биографический очерк того же автора: *Эйтен-Коопманс Я. Ван*. Борис Наумович Рапчинский (1887–1983). С. 78–87); см. также критическую реакцию на эту книгу: *Кацис Л.* Царь Соломон, Алексей Ремизов и Голландия // Лехаим. 2004. № 12 (152), дек. URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/152/katsis.htm (дата обращения: 30.11.2019).

> Переполненный партер и балкон большого зала Ремесленного о-ва свидетельствовали вчера о большом интересе к спектаклю, поставленному драматическим кружком союза ревизионистской молодежи «Трумпельдор». Материальный успех вечера объясняется удачным выбором темы спектакля. Очень многие читали написанный на русском языке роман Высоцкого «Тель-Авив» — книгу темпераментную и яркую, несмотря на определенную политическую тенденцию[40].

Горький и Высоцкий никогда не встречались, их отношения отражены только в переписке. Первое обращение Высоцкого к Горькому следует датировать поздней весной или ранним летом 1915 г. Живя в Бийске, Высоцкий отправил на авторитетный суд Горького какой-то из своих рассказов, надеясь, судя по всему, увидеть его опубликованным в «Летописи». Письмо не сохранилось, но его можно восстановить по горьковскому ответу, датируемому 20 июня / 3 июля 1915 г., в котором маститый корреспондент Высоцкого давал его детищу негативную оценку и возвращал рукопись:

> Милостивый Государь Абрам Львович!
>
> Рассказ Ваш кажется мне наивным по теме и далеко несовершенным по исполнению.
>
> Это не помешало бы мне передать рукопись Вашу в одну из Петроградских редакций, где, может быть, его оценили бы иначе.
>
> Но Вам, вероятно, известно, какая путаница и неуверенность обуяла Питер, а потому я не решаюсь предложить Вашу работу редакциям, знакомым мне.
>
> К тому же «Совр<еменник>» прекратился, «Сев<ерные> Зап<иски>» выходят в два м<еся>ца раз и т.д.
>
> Рукопись возвращаю.
>
> А. Пешков[41]

Составители собрания горьковских писем полагают, что в приведенном послании речь идет о первой, неудачной попытке напечатать упоминавшийся выше рассказ «Его родина»[42]. Однако это не так: Горький однозначно и без каких-либо советов усовершенствовать текст отверг его и тем самым вынес окончательный приговор. Совершенно ясно, что Высоцкий отправил ему какое-то

[40] На спектакле драматического кружка «Трумпельдора» // Сегодня вечером. 1936, 28 февр.

[41] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 11. М., 2004. С. 181.

[42] Там же. С. 434.

другое произведение. Помимо того, что едва ли была возможность кардинально переработать текст, названный Горьким «наивным по теме и далеко несовершенным по исполнению», существует прямое доказательство того, что Высоцкий обратился к нему не с рассказом «Его родина», а с «Синим Алтаем», который, как отмечено выше, явился его литературным дебютом. Несколько лет спустя Высоцкий вознамерился пристроить всё тот же рассказ в журнал «Сибирский рассвет» и обратился к его редактору со следующим письмом:

Бийск
1919 г. 21/I

Уважаемый Товарищ!

По некоторым уважительным причинам я до сих пор Вам не мог ответить на Ваше письмо. В Вашем журнале работать буду. Маленьких работ, отделанных, а главное, переписанных, сейчас у меня нет, скоро будут.

Сейчас посылаю Вам рассказ «Синий Алтай». История его такова.

По настоянию Гребенщикова этот рассказ был помещен в «Жизни Алтая» года 4 назад. Потом я его послал Горькому (год тому назад)[43]. Одновременно с рассказом я написал Горькому и письмо, которое пришло с некоторым опозданием, и до его получения Горький рассказ выправил и направил в типографию (все поправки красным карандашом — Горького)[44]. Из моего письма Горький узнал, что рассказ печатался в «Ж<изни> А<лтая>», и отослал его мне с предложением изменить его название и вообще сколько-нибудь видоизменить его или заручиться согласием «Ж<изни> А<лтая>» вторично печатать. Ни того, ни другого я не успел сделать — связь с Петербургом скоро оборвалась.

Посылая теперь этот рассказ Вам, я прошу Вас издать его отдельной книжонкой. Если Вы находите возможным — поместите его в Вашем журнале, а потом издайте. Имею еще, уже печатавшиеся

[43] Случайная ошибка памяти или попытка намеренно ввести в заблуждение относительно времени обращения к Горькому. В 1917 г. Высоцкий действительно отправил Горькому свои рассказы, но это был не «Синий Алтай», а «Правда жизни» и «Народная программа». См. ответ Горького, датированный 7–8 февраля 1917 г., в котором он забраковал оба рассказа: *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. М., 2006. С. 110.

[44] Машинопись «Синего Алтая», сохранившаяся в семейном архиве Высоцких, действительно содержит пометы красным карандашом: главным образом значки, указывающие на необходимость разделить текст на абзацы. Судя по всему, эта правка действительно осуществлена рукой Горького.

в «Русск<ом> богатстве», «Еж<емесячном> ж<урнале>»[45] и «Летописи», вещи. Прошу Вас поскорее сообщить мне, каковы условия, на котор<ых> Вы можете вообще издавать меня.

В частности, о драме. Я хотел бы ее издать даже на свой счет, если Вы издать ее не находите возможным. Возможно ли это?

Жду Вашего ответа с нетерпением.

Ваш А. Высоцкий

P.S. Говорят, Ваш первый № вышел уже. Если это не против Ваших правил, прошу журнал мне высылать.

Посылаемый экземпляр «Синего Алтая» единственный у меня: если он не понадобится Вам, будьте добры отослать его мне — расходы я потороплюсь возместить.

Адрес: Бийск, Аврааму Львовичу Высоцкому

P.P.S. Посылаю теперь же и драму «Нов<ая> машина». Надо поскорее решить вопрос о ней. В ней нет чисто сибирск<их> штрихов — умышленно: слишком эта «машина» общая для всей России. Надеюсь, Вы не правоверные областные патриоты-от-литературы?[46]

Этот рассказ, несущий на себе печать робкой пробы пера, был, однако, автору необыкновенно дорог — не случайно он ввел его под оригинальным названием в автобиографическое повествование «Субботы и воскресенья». Главный герой романа, Залман Тиниц, по чистой случайности оказывается причастен к деятельности социал-демократического кружка в родном местечке на Украине. После его разгрома местной полицией он сослан в Бийск, где с ним происходит немало горьких событий, включая его деятельность в совете народных депутатов в пореволюционные дни. В череде бесплодных метаний выделяется, пожалуй, один абсолютно творческий акт: он пишет рассказ «Синий Алтай». Этот рассказ принимается Георгием Гребенщиковым для публикации в одном из сибирских журналов и, более того, заслуживает похвалу самого Владимира Короленко. Читателю предоставляется его краткое изложение, сделанное другом Тиница Василием Петровичем:

Он (герой рассказа) пришел на Алтай с окровавленными руками, с окровавленным сердцем. Он думал, что весь мир — в его делах.

[45] О том, что Высоцкий в «Ежемесячном журнале» не печатался, см. примеч. 5 к письму № 1 от 9 марта 1924 г.

[46] Центр хранения Архивного фонда Алтайского края. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 107.

> И вдруг — синие горы! Они подавили его, возвысили его <…> Он научился у гор видеть, слушать и понимать. <…> Не он герой, завертевшийся человек, террорист, гордый своими делами: герой — Синий Алтай[47].

Примерно через год после неудачи с «Синим Алтаем» Высоцкий вновь обратился к Горькому, на сей раз с рассказом «Его родина», который был напечатан в седьмой книжке «Летописи» за 1916 г. Обращение мало кому известного алтайского литератора к писателю-мэтру, приложенное к посылаемому рассказу, не сохранилось, зато известен горьковский ответ в целом утешительного свойства, в котором сообщалось, что рассказ принят и «будет напечатан в июне-июле». Наряду с этим, однако, Горький обращал внимание своего корреспондента на то, что

> рассказ написан несколько небрежно, торопливо, и Вы не вполне использовали трагикомизм положения героя. Получилось нечто близкое анекдоту, очень забавный анекдот, но — это не всё[48].

Впрочем, письмо завершалось более на поощрительной, нежели на критической ноте: Горький писал, что ждет новых работ начинающего писателя.

«Новые работы», однако, последовали не скоро: время, как сказано в первом из публикуемых писем, закрутило Высоцкого в свой водоворот, и только через 8 лет, оказавшись уже в Палестине, он вновь появился на горьковском эпистолярном горизонте. О том, как развивался в дальнейшем их небольшой почтовый роман, читатель узнает из публикуемых ниже писем, точнее, из той части, что принадлежит Высоцкому и относится к палестинскому периоду его жизни.

Письма печатаются по автографам из Архива Горького (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького). КГ-П 18-5-1 — КГ-П 18-5-10.

Условные обозначения:

Горький. ПССП — *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997— (с указанием тома и страницы).

---

[47] *Высоцкий А.* Суббота и воскресенье. Рига, 1929. С. 239.
[48] *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. Т. 12. С. 50–51.

1

Тель-Авив — Сорренто
9 марта 1924[1]

9 марта <1>924
г. Тель-Авив

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Ваше имя и глубоко радуюсь возможности еще раз в жизни писать к Вам. В водовороте последних 8 лет Вы, может быть, и забыли докучливого корреспондента из Бийска (Сибирь) Абрама Львовича Высоцкого?

Это — я. Теперь пишу из Палестины, куда приехал окружным путем вокруг Азии еще 4 года назад, уходя от колчаковских преследований. В чуждой обстановке, среди чужих языков, я съежился и затих. Думал: пора тебе скончаться литературной смертью. Нарочно не читал новостей литературы русской, чтобы легче было. Не помогло: через 3½ года стал писать опять! И вот шлю Вам один рассказ из палестинской жизни рабочих — «Последняя жатва»[2].

Нашлась тут разбитая русская машинка — не сердитесь за ее шрифт. И еще: простите мне старую орфографию — теперь только стал приучаться к новой. Хочу надеяться, что жизнь палестинская имеет то же право быть изображенной, что и жизнь всякой другой страны. Вопрос другой — понравится ли Вам мой рассказ; это волнует меня. Вот понравился же Вам когда-то мой рассказ «Его родина» (Летопись, 1916)[3]. С Вашей легкой руки я сразу был принят и В.Г. Короленко[4], и Миролюбовым[5] и т.д.

Если мой теперешний рассказ не подходит (нет, уж Вы его пожалейте!), прошу Вас, Алексей Максимович, устроить его в каком-либо другом журнале. Кроме того, жду от Вас помощи в следующем деле. У меня накопились рассказы, печатавшиеся в хороших журналах, и я хотел бы издать их отдельной книжкой. Я не знаю, к какому издательству обратиться, и представляю себе, что ни одно издательство не захочет издать какого-то там Высоцкого. Больших денег заплатить тоже не могу. А книжку увидеть — мечта жизни моей. Думаю, что Вы могли бы мне помочь. Жду ответа Вашего.

Сейчас тут расцветают апельсиновые сады, и весь город и окрестности наполнены таким благоуханием, что моментами какой-то райский бред охватывает. Приезжайте сюда погостить, Алексей Максимович. Интересна Палестина и зарождающаяся в ней жизнь!

И если бы Вы знали, какой глубокой любовью любит Вас еврейский народ! И любовь эта не только потому, что Вы много защищали его от хамского каблука: у этого народа сердце также с «ободранной кожей»[6], как у Вас, и потому оно чует и любит Вас. Я три месяца ждал очереди для получения «Беседы» — и это здесь, где стараются забыть языки, на которых было сказано нам так много злого и ужасного[7]. Не думаете ли Вы, что для «Беседы» можно было бы написать статью об английском мандате на Палестину в освещении, соответствующем журналу?[8]

Будьте здоровы. Пожалуйста, одно слово напишите именно о здоровье: в газетах давно уже ни слова после очень тревожных сообщений.

Уважающий Вас А. Высоцкий

Адрес: Dr. A. Wissotzky, Tel Aviv Palestine

---

1. Ответ Горького, датированный 26 марта 1924 г., см.: *Горький*. ПССП. Т. 14. С. 316.

2. Как уже говорилось во вступительной статье, рассказ Высоцкого «Последняя жатва» был опубликован Горьким в журнале «Беседа» под названием «В Палестине» (в письме Высоцкому от 26 марта 1924 г. он объяснял замену заглавия тем, что «“Последняя жатва” — не исчерпывает содержания»: *Горький*. ПССП. Т. 14. С. 317). Примерно в тех же выражениях, что и в данном письме Горькому, Высоцкий через год с небольшим (7 июня 1925 г.) рисовал свое литературное пробуждение в письме к другому русскому писателю — своему давнему приятелю Г.Д. Гребенщикову:

Да, милый друг! Как стон, задавил я в себе песню и сказку. Я сказал себе: еврейскому народу не нужны твои русские писания; русский народ презирает твои писании, да и самый язык русский умирает; мировая литература обойдется без твоего мусора; мир вообще больше не нуждается в литературном творчестве! И потому — молчи! И я четыре года молчал. Потом увидел русский журнал «Беседу» и не стерпел (АТРЛ. С. 124).

3. О рассказе «Его родина», опубликованном в горьковской «Летописи», см. упоминание во вступительной статье.

4. О том, что в строенной книжке журнала «Русское богатство» (1918. № 4–6, апр.–июнь), который редактировал и издавал В.Г. Короленко, был напечатан рассказ Высоцкого «Нитка жемчуга», говорилось во вступительной статье. См. в романе Высоцкого «Суббота и воскресенье» упоминание о том, что произведение главного героя Залмана Тиница было напечатано в «Русском богатстве»; на это, к слову сказать, обратил внимание П. Пильский в рецензии на роман:

В книге, между прочим, указывается, что Залман Тиниц помещал свои вещи в «Русском богатстве». Автора с таким именем мы не припоминаем, но А. Высоцкий, кажется, действительно, печатался в этом журнале (*Ф.С.* <П. Пильский>. Роман из еврейской жизни // Сегодня. 1930. № 41, 10 февр. С. 6).

5. Журналист, издатель, оперный певец Виктор Сергеевич Миролюбов (1860–1939) редактировал, издавал или являлся заведующим отделом ряда журналов, как то: «Современник», «Заветы», «Жизнь для всех», а также его продолжение — «Ежемесячный журнал». Ни в одном из них Высоцкий не печатался. Судя по всему, мы имеем дело не столько с аберрацией памяти, сколько с сознательной мистификацией. О том, что Миролюбов был к нему благосклонен и печатал его

«много раз», Высоцкий писал время спустя и Гребенщикову (письмо от 7 июня 1925 г.). Причина этого странного хвастовства и стремления выдать желаемое за действительное, очевидно, чисто психологическая: Высоцкому, разумеется, было хорошо известно, что в письме к Миролюбову от 31 марта 1915 г. Г.Д. Гребенщиков ходатайствовал о его рассказе «За болотным огоньком», рукопись которого редактору «Ежемесячного журнала» передала первая жена писателя Людмила Николаевна, отправившаяся тогда в Петроград на лечение. Отзываясь в этом письме о Высоцком как о начинающем, но способном беллетристе, Г.Д. Гребенщиков писал:

Знаю, что злоупотребляю Вашей добротою, но, м<ожет> б<ыть>, было бы грешно с моей стороны не помочь чем можно стоящему человеку. За гонораром он не гонится, но ему дорого Ваше слово и справедливое поощрение. Однако я могу ошибаться, и это было бы хорошо проверить (*Черняева Т.Г.* Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре: Материалы третьей региональной научно-практической конференции, 4–6 мая 2006 г. Вып. 3. Барнаул, 2006. С. 219).

По всей видимости, «начинающего, но способного беллетриста» не могло не задеть, что «проверка» оказалась не в его пользу и В.С. Миролюбов не принял рассказ к публикации.

6. Парафраз известного места из повести Горького «Детство»:

Дни нездоровья были для меня большими днями жизни. В течение их я, должно быть, сильно вырос и почувствовал что-то особенное. С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой (*Горький М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения: В 25 т. Т. 15. М., 1972. С. 29).

7. В ответном письме Горького говорилось:

Как великолепно было бы, если б евреи нашли в себе силы создать то, что затеяно ими (*Горький*. ПССП. Т. 14. С. 317).

8. В своем ответе Высоцкому Горький писал:

<…> статью об английском мандате — не нужно; «Беседа» — журнал чисто литературно-научный и вопросами политики, экономики — не занимается, печатая статьи лишь по вопросам наук естественных (*Горький*. ПССП. Т. 14. С. 316).

2
Тель-Авив — Сорренто
5 апреля 1924

Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за память и за ласковое отношение к моему рассказу! Сегодня пишу издателю, прошу сообщить, когда выйдет 5-ая «Беседа»[1]. Странно, что 3-ья книга вышла месяцев 7 назад[2].

Ниже привожу список чужих слов и их толкование. Многие слова по смыслу понятны, и мне кажется, что их объяснять — лишнее[3]. Выражение «гольный камень» — сибирское. Слово «гольный» употребляется вместо «сплошной»: гольный дурак, гольная соль и т.д.[4]

Выражение «запрокинул взгляд» я в рукописи у себя не нашел; по-видимому — грех переписчика, которого я не доглядел[5]. Пишу:

одна вещица небольшая, а другая (Господи, прости!) — большущая повесть[6].

В Палестине не весело. Англичане впускают только богачей, и то — не русских под<д>анных. Боятся большевизма. Молодых, сильных и хороших не пускают сюда! А 15-миллионный народ растерзан, разодран, развеян по всему миру, как пепел Стеньки Разина[7]. Нет у народа воли единой! Может быть…

Будьте здоровы. Всего хорошего!

Вас уважающий А. Высоцкий

1924 5/IV
г. Тель-Авив

---

1. В письме от 26 марта Горький писал, что «“Последняя жатва” пойдет в 5-й книге “Беседы”» (*Горький*. ПССП. Т. 14. С. 316).

2. Третья книга «Беседы» увидела свет в октябре 1923 г.

3. В том же письме от 26 марта Горький просил Высоцкого объяснить непонятные слова: “baad”, «таиб» и т.д.: «необходимо всем местным словам давать объяснения» (Там же). В печатном варианте такие объяснения сделаны в виде сносок: «ваад»[49] (*иврит*) — управа (Там же. С. 153); «таиб» (*араб.*) — «хорошо» (Там же. С. 124).

4. В печатном тексте «гольный камень» в устах халуца-сибиряка Абрамова заменен на «голый камень» (Там же. С. 157). По всей видимости, некоторые «местные» слова и выражения Горький приложил к своему письму в виде отдельного списка — в самом письме ни «гольный камень», ни «запрокинул взгляд» (см. след. примеч.) не указаны.

5. Возможно, имеется в виду следующее место, которое в опубликованном варианте выглядит так:

Он <Абу Ибрагим, один из героев рассказа> вдруг мечтательно закатил глаза кверху и заговорил… (*Высоцкий А.* В Палестине // Беседа (Берлин). 1925. № 5. С. 135).

6. Под «большой повестью», судя по всему, имеется в виду «Зеленое пламя» (см. о нем во вступительной статье).

7. Слова Высоцкого о развеянном по миру пепле Стеньки Разина, по всей видимости, восходят к какой-то фольклорной легенде, не находящей соответствия в исторических документах.

3

Тель-Авив — Сорренто
1 июня 1925

Дорогой Алексей Максимович!

---

[49] По-видимому, в рукописи Высоцкого это слово было написано латиницей: baad, нужно: vaad (ваад).

№№ 6–7 *Беседы* обрадовал меня вдвойне: и журнал не умер, и Вы не так больны, как здесь говорят: больные таких рассказов не пишут, как *Рассказ о необыкновенном*![1]

Не знаю Вашего адреса и пишу наугад. Посылаю Вам мою пьесу *Кровь Маккавеев*[2]. С большим волнением жду Вашего приговора. В некоторых случаях разрешается быть назойливым — я в данный момент нахожусь в таких «разрешающих» условиях. Хочу Вас просить: если пьеса неприемлема для *Беседы* по причинам нелитературного свойства, помогите ей появиться на свет в другом месте.

Я — целое кладбище, мне будет невыразимо тяжело носить в себе еще и эту умерщвленную вещь![3]

Только что вернулся из поездки в Галилею. Жил в коммуне Эн-Харуд, состоящей из 260 человек[4]. Коммуна существует уже 4-ый год. Средний возраст коммунаров — 32–33 года. Они так крепко спаяны и так бодро верят в единственно возможный путь земледельческого возрождения Палестины — коммуну, что невольно приходится пересматривать свои прежние суждения. Эн-Харуд стоит быть описанным более крупным писателем, чем я. Я думаю написать продолжение своего первого очерка (Беседа № 5)[5]. Кстати, мой очерк переведен и напечатан (конечно, без моего ведома) на жаргоне[6], теперь, я слышал, его переводят на еврейский[7] и английский[8].

Всего хорошего. Будьте здоровы. Стоит быть здоровым хотя бы для того, чтобы писать «Рассказы о необыкновенном».

А. Высоцкий

1925 г. 1 июня
Тель-Авив

Адрес: Dr. A. Wissotzky, Tel Aviv Palestine

Сейчас лежит у меня повесть страниц в 60 (печатных) *Сашенька*. Вообще — пишется после долгого оцепенения.

---

1. Горьковский «Рассказ о необыкновенном» напечатан в сдвоенной шестой-седьмой книжке «Беседы» за 1925 г. (С. 9–57).

2. Имеется в виду драма в 4-х картинах «Кровь Маккавеев», единственный экземпляр которой, судя по всему, сохранился в Архиве Горького (см. Приложение II к данной публикации).

3. Ср. в письме Высоцкого Гребенщикову, написанном через неделю, 7 июня:

Я — литературное кладбище. В братских могилах спят умерщвленные дети моего сердца и ума. Тягостно это! Собственный почерк надоел! (АТРЛ. С. 125).

4. Эн-Харуд (устоявшееся написание: Эйн-Харод) — кибуц на севере Эрец-Исраэль/Израиля, расположенный в Изреельской долине; был основан в 1921 г. членами Гдуд ха-авода (рабочий отряд евреев-колонистов) на землях, выкупленных у арабов Еврейским национальным фондом.

5. См. примеч. 1 к предыдущему письму.

6. Отдельная публикация «Последней жатвы» (или «В Палестине») на идише не обнаружена. Скорее всего, Высоцкий лукавит, говоря о том, что очерк был «переведен и напечатан» без его, авторского, ведома. Очевидно, в это время он начал переговоры с нью-йоркским идишским журналом “Di Zukunft”, в котором через некоторое время, под названием «Старый источник» (“Der Alter Kval”), был полностью опубликован его роман «Зеленое пламя» (1927. №№ 1–12; 1928. №№ 1–4). Еще до начала публикации в “Di Zukunft” Высоцкий просил главного редактора журнала А. Лесина издать роман отдельной книгой (YIVO, Abraham Liessin Papers. RG 201. Folder 434):

1926. 15/IX
Tel Aviv

Многоуважаемый Mr Лесин!

Мне так давно хотелось познакомиться с Вами, хотя бы письменно, но у меня не хватало духу отнять у Вас несколько минут.

Я — тот самый Высоцкий, который уже отнял у Вас много времени своим «Старым источником»[50].

Теперь у меня маленькое дело. Хочу Вас просить помочь мне издать отдельной книгой «Стар<ый> источник». Нельзя ли сохранить шрифт, и когда весь рассказ выйдет — дешево напечатать книгу? Или, может быть, Вы помогли бы мне выпустить эту книгу через издателя на идиш?

Знаю, г-н Лесин, что это — назойливо. Но Вы поймете, как тяжело писать для своего письменного стола! Вот я только что закончил драму из *русской* жизни «Железо и золото». Мне кажется, что вещь эта заслуживает появиться на свет Божий. Между тем я не знаю, что с нею делать. Нет исхода, нет той руки помощи, что могла бы вывести на дорогу. Красная литература охраняется штыками, эмигрантская — с каждым днем хиреет.

Среди евреев я — русский писатель!
Будьте здоровы. Жду Вашей помощи и верю в нее.
С почтеньем

А. Высоцкий

[50] Противоречие между тем, что пишет Высоцкий, — с одной стороны, у него до сих пор «не хватало духу» покушаться на время А. Лесина, а с другой, он-таки отнял у него «много времени своим “Старым источником”», — разрешается, по-видимому, тем, что он действовал через жившую в Нью-Йорке сестру — Розу Орланс (Rose Orlans).

Адрес: Dr. A. Wissotzky
Tel Aviv, Palestine

Отдельной книгой на идиш роман Высоцкого не выходил.

7. Роман «Зеленое пламя», переведенный на иврит (Lehava yeruka; пер. Менахема Нахмана), увидел свет в 1927–1928 г.

8. Английского издания романа Высоцкого не существует.

4
Тель-Авив — Сорренто
18 мая 1927

18.V.1927
Tel Aviv

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Пишу наугад по старому адресу. Это — я, Высоцкий. Очерк мой *В Палестине* (помните?) послужил основанием для повести в 150 страниц. Ее уже 6 месяцев печатают в Америке, в идишском журнале «Цукунфт»: перевели[1].

Вчера мне предложили издать ее отдельной книгой по-древнееврейски и, может быть, по-немецки[2].

Разрешите мне прислать Вам рукопись и еще раз в жизни потратьте на меня час, просмотрите 100 страниц, составляющих продолжение уже известного Вам, и напишите несколько слов, которые могли бы быть предисловием к книге. Чувствую, что я страшно назойлив, но в моем положении я не нахожу иного исхода.

Издатель вчера просто сказал: «Первая часть печаталась в “Беседе” — значит, Горький читал ее. Если он напишет несколько строк, книге будет проложена широкая дорога».

Очень прошу Вас, Алексей Максимович дорогой, не отказать мне в моей просьбе! Видно, так уж на протяжении наших жизней незаметно, но вечно возле Вас будет змеиться моя дорожка…

Пишут, Вы возвращаетесь в Россию. Жду этого с нетерпением: авось откроется тогда отдушина и для меня.

Издатель ждет, и я жду Вашего ответа с большим нетерпением[3].

Простите, не сердитесь.

Всего хорошего!

А. Высоцкий

1. См. примеч. 6 к предыдущему письму.

2. Роман «Зеленое пламя» был переведен на иврит (см. примеч. 7 к предыдущему письму) и ладино (пер. Барух Наэ) — книга увидела свет в 1933 г. в Тель-Авиве; немецкий перевод романа не обнаружен, скорее всего, он не был осуществлен.

3. Предисловия к рижскому изданию романа Высоцкого Горький не писал, см. след. письмо.

5

Тель-Авив — Сорренто

21 июля 1927

Многоуважаемый Алексей Максимович!

До вчерашней почты я ждал от Вас ответа, твердо уверенный, что ответ будет и, вероятно — благоприятный. Очень просто: за все годы Вы *ни разу* не не ответили мне!

Ждать же я умею: долго, безнадежно, за многие тысячи верст. Вчера я вдруг понял, что Вы не ответите, и мне стало жутко при мысли, что я, может быть, огорчил Вас своей слишком далеко зашедшей зашедшей <sic> назойливостью. Если это так — простите меня! Я бы не хотел, чтобы в Вашей памяти сохранилась досада против меня.

Ответа на это письмо я не жду. Отвечать, собственно, нечего.

Будьте здоровы. Всего хорошего!

А. Высоцкий

21.VII,1927
Tel Aviv, Palestine

6

Тель-Авив — Сорренто[1]
20 сентября 1929

20.9.1929

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Через московское Госиздательство посылаю Вам мою книгу. Дойдет ли она до Вас и до Вашего сердца?[2]

Не послать Вам ее я как-то не могу: ведь я много лет привык писать, имея в виду Ваше *мнение*.

Я пытался напечатать эту книгу в Госиздательстве. Не было поддержки, связей — не приняли! А между тем здесь и в Европе есть уже мнение о ней как о книге «большевицкой»! Счастлив был бы получить разрешение послать в Россию несколько сот экземпляров. Вообще я был бы счастлив найти свое маленькое местечко в русской литературе и не скитаться в мировом пространстве.

Не судите меня строго за стиль: правда, я мало отделывал, а рижское издательство превратило меня в латыша, по меньшей мере.

Для меня будет великим счастьем услышать Ваше мнение об этой книге — как в старые годы. Вы забыли меня, Алексей Максимович?

Пишу Вам <в> страшные дни кровавого избиения евреев. Мы похоронили на днях 127 убитых; больницы переполнены ранеными, изнасилованными. У Вас в газетах, вероятно, такие же неверные сведения, как и всюду в Европе.

Всего хорошего! Будьте здоровы.

А. Высоцкий[3]

Адрес: Dr. A. Wissotzky
101, Al<l>enby Rd
Tel Aviv, Palestine

---

1 Горький находился в это время в Москве, откуда 6 октября 1929 г. ответил Высоцкому, см.: *Горький*. ПССП. Т. 16. С. 111.

2 Речь идет о романе «Суббота и воскресенье».

3 Получив это письмо, Горький отправил Высоцкому телеграмму с предложением подготовить корреспонденцию с описанием кровавого арабского погрома; эту телеграмму, однако, адресат не получил (см. след. письмо). Горький предполагал поместить очерк Высоцкого в еженедельнике «За рубежом», организацией которого он в то время занимался и который начал выходить с 1930 г. под его редакцией. 6 октября он написал Высоцкому письмо, в котором конкретизировал свое предложение:

> Телеграфом я предложил Вам дать корреспонденцию о кровавых событиях в Палестине. Поясняю предложение: корреспонденция нужна журналу «За рубежом», — журналу, который будет освещать жизнь Европы, Америки и пр., имея в виду главным образом жизнь ее «будней», ее «быт», рост ее культуры, а также и уродство роста.
>
> Писать нужно возможно просто, в полубеллетристической форме «очерков». Журнал рассчитан на «широкую публику», т.е. на массу.
>
> Ваш очерк имел бы особенно важное значение, если он будет написан удачно. Ваше сотрудничество было бы желательно не только по этому — надеюсь — исключительному случаю, — о его политических мотивах Вы не должны молчать.

В том же письме Горький сообщал, что роман «Суббота и воскресенье» он получил, но еще не прочитал (*Горький*. ПССП. Т. 19. С. 111).

7
Тель-Авив — Москва
20 октября 1929

20.X.1929

Только что получил Ваше письмо, дорогой Алексей Максимович![1] Оно меня обрадовало чрезвычайно, дурацкое сердце совсем разволновалось, и трудно его усмирить…

Спасибо Вам за это хорошее письмо! Конечно, с радостью берусь писать очерк о палестинских событиях и буду стараться изо всех сил (наверное, напорчу!) Я Вам уже протелеграфировал: “Gotowlu korrespondentiu” (готовлю корреспонденцию). Получили ли Вы эту телеграмму?[2] Я Вашей — не получил, и на телеграфе мне сказали, что такой телеграммы они не получали здесь. Следовало бы навести справку, если сохранилась расписка у Вас. Жаль, что Вы не указали приблизительных размеров статьи. Думаю, что к 1 ноября она будет готова, но я Вам ее вышлю только 3 ноября: 2-го здесь ожидаются новые события, в годовщину Бальфуровской декларации, и, может быть, статью придется продолжить![3]

Для моих наблюдений открыт большой район: Заиорданье, Сирия, Аравия, Мессопотамия и даже — Египет. Да и в самой Палестине много интересного, кроме кровавых столкновений: раскопки археологические, работы на Мертвом море, работы Рутенберга[4], пробуждение Востока. Да и вообще немного правды нужно, наконец, сказать о еврейской работе в русской печати. Трудности мне понятны.

Время от времени смогу писать для Вашего журнала[5]. С нетерпением и страхом жду Вашего суда над моей «Субботой и Воскресеньем». Эта вещь писалась в невероятно тяжелых условиях и, главное, без всяких надежд впереди. Тяжело пишется в таких случаях!

Будьте здоровы. Всего хорошего! Опять аэропланы кружат над городом, точно мухи над падалью. Кому это всё нужно!

Ваш А. Высоцкий

Адрес для телеграмм:
Doctor Wissotzky, Tel Aviv

1. Имеется в виду письмо Горького от 6 октября 1929 г., см. примеч. 3 к предыдущему письму.

2. Телеграмма, посланная Высоцким Горькому через Госиздательство и датированная 21 октября 1929 г. (“Gotowlu korrespondentiu wyssotzky”), сохранилась в архиве Горького (КГ-П 18-5-7).

3. Декларация Бальфура — официальное послание министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура представителю британской еврейской общины лорду Лайонелу Уолтеру Ротшильду, в котором выражалось сочувствие сионистским устремлениям евреев и говорилось о том, что «правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели» (послание датировано 2 ноября 1917 г.). О статье Высоцкого «Палестинское злодейство» см. примеч. 2 к следующему письму.

4. Пинхас Моисееич Рутенберг (1878–1942), инженер, политический деятель; участник революционного движения в России, член эсеровской партии; с 1919 г. жил в Палестине, был руководителем электрической концессии. См. о нем: *Хазан В.* Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим; М., 2008.

5. Имеется в виду еженедельник «За рубежом», в котором Высоцкий не печатался.

8

Тель-Авив — Сорренто
22 ноября 1929

Дорогой Алексей Максимович!

Запоздал я со своей работой, зато тороплюсь ее отправить прямо в Sorrento по старому адресу: о Вашем отъезде я узнал из газет[1]. Я был бы особенно рад увидеть эту статью напечатанной в Вашем журнале: пусть хоть раз С<оветская> Россия увидит правильное освещение фактов![2]

Вы, конечно, понимаете, как трудно было писать этот очерк, лавируя между Сциллами и Харибдами. А тут нет душевного покоя, каждый день — кровь и издевательство!

Как теперь темно и глухо в мире! Лучшие стремления опоганиваются, точно их относят в сторону какие-то злые ветры.

Очень прошу Вас, Алексей Максимович, если это не очень трудно, сообщить мне скоро о судьбе очерка: если он Вам не подойдет, я постараюсь его пустить в иностранную печать. Интерес к Палестине теперь, действительно, велик.

Надеюсь, Вы проехали хорошо и чувствуете себя хорошо на старом месте?

Желаю Вам всего хорошего!

Ваш давний А. Высоцкий

Какой это журнал — ежемесячный?

Адрес: Dr. A. Wissotzky
101, Allenby Rd
Tel Aviv, Palestine

Телеграммы: Doctor Wissotzky
Tel Aviv

22-го ноября 1929

---

1. Горький покинул Москву 23 октября и вернулся в Сорренто 26 октября 1929 г.; о его отъезде сообщали «Известия» (№ 247, 25 окт.).

2. Речь идет о статье «Палестинское злодейство», которую Высоцкий написал по просьбе Горького, см. письма 6 и 7. Горький отнесся к полученному материалу сдержанно и, хотя писал автору (26 декабря 1929), что статья ему «удалась», в еженедельнике «За рубежом» ее не поместил. В том же письме он указывал на сильное преобладание «в ней лирики над фактами», что, по всей видимости, делало ее неприемлемой для установленного в журнале репортажно-документального стиля, и сообщал, что отправил «Палестинское злодейство» в ленинградскую «Звезду» (*Горький*. ПССП. Т. 19. С. 167). Статья Высоцкого, однако, не подошла и для этого журнала: в письме Горькому от 20 февраля 1930 г. редактор «Звезды» В.М. Саянов сообщал:

> Присланная Вами рукопись о «палестинских погромах» для «Звезды» не подошла, на наш взгляд, в этой работе нет достаточно углубленного классового анализа, особенно необходимого в статьях такого рода в связи с общим международным положением (цит. по: *Горький*. ПССП. Т. 19. С. 590).

9
Тель-Авив — Сорренто
9 февраля 1930

9.II.1930

Тель-Авив

Уважаемый Алексей Максимович!

Я три недели не мог Вам ответить из-за тяжелого гриппа. Теперь я навел справки, списался с Иерусалимом и с большим огорчением убедился, что Вашу — единственную — просьбу я выполнить не смогу. Жанров и пейзажей Палестины на нас нет еще, в красках — в особенности. Есть альбомы библейские, христианские, религиозного содержания; есть маленькие альбомчики, сионистские. Но всё это — не то! Мне очень досадно!

Посылаю Вам несколько снимков, по-моему, интересных. Если они Вам понравятся, пришлю Вам много.

Что касается моей рукописи, я писал ее с чувством какой-то обреченности, прекрасно зная, что даже и Вы ничего про-сионистского напечатать теперь не сможете.

Что касается избытка лирики — куда девать свои нервы, свои слезы, свою обиду на всех, бьющих нас, начиная от папы римского и кончая евсекцией?[1]

Вот третьего дня приговорили к повешению парнишку 22 лет, защищавшего Тель-Авив, а двенадцать убийц из Моцы, уличенных детьми, спрятавшимися на дереве, — оправдали.

Это называется: «белогвардейцы-сионисты и их союзники-англичане угнетают восставший арабский пролетариат»…

Оставим это. Я хотел Вас спросить, почему Вы мою статью отправили в «Звезду», а не в Ваш «За рубежом»?

Ах, как это трудно теперь — писать по-русски не в России! Если бы Вы знали, как издеваются зарубежные издательства! Я с моей книгой «Суббота и Воскресенье» просто в яму свалился! Как ни странно, книга идет и охотно читается, но издательство ужасно «объегоривает».

Не правда ли, Алексей Максимович, какие были прекрасные сборники «Шиповник» и т.д.? Какие чудны<е> журналы «Летопись», «Русск<ое> Богатство» и т.д. Ведь и тогда Горький и Бунин (или Чириков) писали и думали по-разному, а всё же «Знание» или «Шиповник» помещали их рядом. Знаю, что наивно, а всё-таки кажется, что можно было бы устроить иначе как-то.

Чем моя «Суббота и Воскресенье» — не пролетарская? Почему я — отверженный?

Ну, хватит. Всего Вам наилучшего!

А. Высоцкий

Если есть ответ «Звезды», пожалуйста, сообщите.

---

1. Евсекция (Еврейская секция) — так называлась созданная в советское время при ВКП(б), наряду с другими национальными секциями, группа еврейских коммунистов, свято преданных большевистской политике.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

А.Л. Высоцкий
Максим Горький и сионизм[51]

Перевод с иврита Р. Кацмана

Этот небольшой очерк не добавляет неожиданных красок к портрету Горького или новых сведений об истории его отношений с Высоцким, каковые нельзя было бы вывести из публикуемых писем и комментаторского контекста. Тем не менее очерк интересен как лишнее доказательство того, что смерть Горького не оставила равнодушными людей в разных концах планеты, и, кроме того, он рассматривает горьковский филосемитизм сквозь сионистскую призму. Из него мы, например, узнаем о том, что Высоцкий трижды обращался к Горькому с просьбами о помощи сионистам, преследуемым в Советском Союзе («один раз вместе с Бяликом»), и, как он пишет, «всякий раз получал сообщения, что влияние Горького возымело действие».

Много было написано о Максиме Горьком после его смерти, и вот что интересно: утихли вдруг гнев и горечь, окружавшие его имя все последние годы, исчез Горький-партиец, и осталась лишь наша память о его поэзии и о его сердце. Остался Горький — поэт весенней грозы, Горький-буревестник. Он не «описывал дно», как это делали, например, Диккенс и Гюго, а был «на дне» и был первым и, возможно, единственным, кто, поднявшись оттуда, сумел поднять вместе с собой пламенное слово, песнь воли и битвы.

Я, однако, хотел бы сказать несколько слов не о творчестве Максима Горького, а о Горьком-человеке, об Алексее Пешкове (таково его настоящее имя). Я приведу несколько строк из его писем ко мне, в которых отразилось его отношение к евреям и к труду возрождения в Земле Израиля.

В 1925 году Горький опубликовал в своем журнале «Беседа», выходившем в Берлине, главу из моего романа «Зеленое пламя», в котором описывается строительство Земли Израиля в первые послевоенные годы. Горький писал: «Как великолепно было бы, если б евреи нашли в себе силы создать то, что затеяно ими»[52].

Так пишет Горький-*большевик*, близкий друг Ленина, Троцкого и других основателей Советской власти. Согласно убеждениям

[51] *Visotzky A*. Maxim Gorky ve-haziyonut // Haaretz (Jerusalem). 1936, August 10.
[52] Цит. по: *Горький*. ПССП. Т. 14. С. 317 (см. примеч. 7 к письму 1).

мопсов из «наших», тех наемных дегенератов и провокаторов, которые призывают «арабский пролетариат» резать их «еврейских <нрзб.[53]>», Горький, конечно, заслуживал бы исключения из «партии».

Москва противилась сионизму главным образом потому, что формально тот оказался под покровительством Англии, и этого хватило, чтобы все антибританские эмоции выплеснулись на головы сионистов. Однако Москва начала проявлять открытую враждебность к сионизму под влиянием Евсекции, все члены которой, «специалисты» по вопросам иудаизма, были, разумеется, евреями. Они сделали своей главной целью войну с сионизмом, и именно они объявили Бялика «белогвардейцем» и «агентом британского империализма».

Само собой разумеется, на Горького все эти низкие наветы не повлияли. Во время погромов 1929 года он прислал мне телеграмму, а затем и письмо, в котором просил подробно описать эти события. В Москве заявили, что в Земле Израиля вспыхнула «революция», что «арабский пролетариат восстал против сговорившихся между собой сионистов и английских империалистов». Горький этому не верил. Он хотел знать правду и в письме ко мне от 6 октября 1929 года писал: «Ваш очерк имел бы особенно важное значение <…> о его <события> политических мотивах Вы не должны молчать»[54].

Нетрудно догадаться, что хотел Горький этим сказать: он стремился изменить отношение Москвы к вопросу Земли Израиля, и для этого ему нужна была правда. Но несмотря на то, что он был редактором «Звезды», ему не удалось опубликовать в ней мою статью[55].

Из нее ему стало известно, что во главе «восставшего арабского пролетариата» стоят крупные помещики и муфтий, религиозный лидер, и что официальной причиной беспорядков была Стена плача. Я послал ему вырезки из газет, фотографии, протоколы. Он не усомнился в их истинности, но опубликовать статью *в его же газете* не смог. Даже он не сумел преодолеть косные понятия, разрушить раз и навсегда утвержденную политическую платформу.

Преследования сионистов в России не прекратились, и Горький вновь и вновь старался защитить изгнанников и узников. Я трижды писал ему по этим вопросам (один раз вместе с Бяликом) и всякий раз получал сообщения, что влияние Горького возымело действие.

---

[53] Возможно, «гонителей» или «ростовщиков», «душителей»; не исключено, что в газете допущена опечатка.

[54] Цит. по: *Горький*. ПССП. Т. 19. С. 111 (см. примеч. 3 к письму 6).

[55] Высоцкий ошибается: Горький не был редактором журнала «Звезда».

Тот самый Горький, один из столпов большевистской идеологии, был другом сионизма. У меня нет в этом ни малейшего сомнения. Он был человеком совести, и совесть указывала ему истину.

Горький где-то пишет, что жизнь «содрала[56] кожу» с его сердца и потому он так чуток к страданию человека. Да, у него было большое сердце, и горе евреев также не было ему чуждо.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КРОВЬ МАККАВЕЕВ
Драма в 4-х картинах
А. Высоцкого

Действующие лица

Ефим Борисович — Богач
Сара — дочь его, студентка
Предводитель дворянства
Сережа, сын его, студент
Горничная
Исправник
Священник
Доктор
Рабочий
Ландау — студент
Сруль-Зейлик — извозчик
Офицер
Цви
Иоська
Нахман
Халуц

Действие первое

Богато обставленная столовая. Вечер. Расставлены вина, разложены приборы. Яркое освещение. Сара поправляет вазы с цветами. Окна раскрыты и издали разносится малороссийская песня, то замирающая в безбрежном темном поле, то крепнущая под ударами

[56] В газетном тексте опечатка.

могучего баса. Сара прислушивается, не выпуская из рук цветов. Вдруг под окнами кто-то поет ту же песню — всё громче и громче. Сара тихо смеется и идет к окну. В окне показывается Сережа, студент, в голубой блузе, студенческая фуражка набекрень на курчавой голове.

СЕРЕЖА (*поет*):

Очи твои черни
Щиро закохав.

СЕРЕЖА. Они теперь все на заводе: твой папа им каждое колесо показывает. У исправника даже испарина выступила на лбу.

Старается обнять ее, она увиливает.

САРА. Вы с ума сошли!

ГОРНИЧНАЯ (*несет огромный графин водки*). Это для исправника. Правда, барышня, что он один целый графин выпивает?.. (*Увидев Сережу.*) Добрый вечер, паничу.

СЕРЕЖА (*подмигивает ей чуть заметно*). Здравствуй, здравствуй.

Горничная уходит, опустив голову.

Сарочка. Сегодня выйди, прогуляемся у реки…

САРА. Нет, Сережа. В двенадцать на известном Вам месте будет доклад товарища Ивана: Пролетариат и его борьба.

СЕРЕЖА (*почесывается*). Пролетариат и его борьба… (*Смотрит на небо.*) Сарочка… луна сегодня какая-то особенная. Пьяная. Выдь ко мне на минутку.

Издали слышны бубенцы и раздаются голоса.

Уже! Нанесло их! Так скоро! Сарочка…

САРА. Не забудьте: в двенадцать у товарища Ивана. (*Уходит от него. Он исчезает. Улыбаясь.*) Еще мальчик! —

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*за дверью*). Милости прошу, господа.

Входит. На нем фрак и орден. Предводитель дворянства с лентой и звездой, исправник, священник, доктор Шмулевич и другие гости.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*предводителю*). Ваше Превосходительство, вот моя дочь — студентка. Она же и хозяйка моя. Вдовец я.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ (*здороваясь, треплет ее по щеке.*) Здравствуйте, красавица. Да вы, однако, с моим Сережей однокурсники? (*Не выпуская ее руки.*) Не правда ли, господа? времена теперь куда лучшие: ~~теперь~~ учатся вместе с такими красавицами! Хе-хе-хе.

САРА. Да, я учусь вместе с вашим сыном.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Так уж не вы ли его таким демократом настроили?

САРА. Как это можно настраивать взрослого человека? Ведь он уже студент.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Вы, я вижу, разумница, а он — ветер в голове. На голове — студенческая фуражка, а в голове — ветер.

САРА. Плохого вы мнения о своем сыне!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ (*отходит*). Ну, Ефим Борисович: дочь у Вас умница.

Исправник щелкает шпорами, здоровается с нею. За ним — остальные.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Милости прошу, дорогие гости. Ваше Превосходительство — сюда пожалуйте. Батюшка, — пожалуйте.

Все рассаживаются. Разливают вино.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Подымаю тост за его императорское величество, за излюбленного монарха нашего, удостоившего и меня своей великой милостью. Ура!

ГОСТИ (*встают*). Ура! Ура! Ура!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Господа. Я подымаю бокал за нашего юбиляра Ефима Борисовича и считаю своим долгом заявить, что орден, которым он нынче удостоен, он давно заслужил. Его ревностное и честное исполнение казенных подрядов, отменная преданность престолу, его огромные жертвования в пользу благотворительных и просветительных учреждений — всё это давно всем известно, и хотя Ефим Борисович — еврей, но всё же он заслужил общее уважение. Теперь, празднуя получение им первого ордена, я пью за здоровье юбиляра. Ура!

ГОСТИ. Ура! Ура! Ура!

СВЯЩЕННИК. На всякое благо откликается Ефим Борисович. Только церковь, печальная дщерь Христова, не видит его милостей, ибо он — иудей. Вот сколько времени строится у нас новый собор — окончить его мы всё еще не в силах. Сколь горестно, что поднесь Ефим Борисович не вступил еще в священное лоно христианства.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. М-да. Он был бы уже теперь в высоком чине.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ваш упрек справедлив, ваше преподобие. Действительно, мне давно следовало бы подумать о помощи собору. Я жертвую на постройку собора десять тысяч. Что же касается моего перехода в православие, гм, э-э-э, как бы это сказать. Дочь мою я не стесняю: как ей заблагорассудится. А мы, старики, умрем уж как родились, в той же вере. Поздно уж.

СВЯЩЕННИК. Щедрый дар мы с радостью великой приемлем и сегодня еще известим об этом его преосвященство. Да воздастся вам по великим заслугам, Ефим Борисыч. А вера — действительно,

дело совести. Ежели совесть не допускает, ею кривить не следует. За это вы еще паче достойны уважения.

ГОСТИ. Ура! Ура! Ура! (*Пьют*.)

ДОКТОР. Я тоже приветствую дорогого юбиляра. Я тоже не нахожу возможным менять религию на склоне лет, но так же, как Ефим Борисыч, чувствую себя совершенно русским. Мы, евреи, должны быть примерными подданными, во всем хорошем подавать пример, и тогда постепенно падет презрение, которым мы окружены. Такие евреи, как Ефим Борисыч, быстро ведут к падению нашего бесправия.

ГОЛОСА. Верно! Правильно!

ГОРНИЧНАЯ. Ефим Борисыч. Там… (*фыркает*) там.. ф-ф-фы…

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Да говори толком.

ГОРНИЧНАЯ. От рабочих пришли аблакаты, че-ли, выговорить не умею.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Чего им нужно?

ГОРНИЧНАЯ. С хлебом-солью.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Депутация. (*Приосанивается.*) Ну, зови. Пусть ноги вытрут.

ГОРНИЧНАЯ (*идет*). Ф-ф-фы.

В комнату робко входит депутация от рабочих. У них на блюде хлеб-соль. Кланяются во все стороны.

РАБОЧИЙ. Ефим Борисыч. Рабочие, значит, нашего завода подносят вам в честь праздника ордена царского свое поздравление. Как, значит, все мы питаемся вашим хлебом, просим не побрезговать на нашей хлеб-соли.

ЕФИМ БОРИСЫЧ (*принимает блюдо*). Спасибо вам. Вот вам на водку.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Водку-то пейте, да не забывайте, кто вас кормит, кто ваших ребят учит грамоте, кто вам фельдшера держит для лечения — всё Ефим Борисыч. Так смотрите же вы у меня! Смирно работать и никаких бунтарей не слушаться. Чуть заявится какой прохвост и начнет вас учить супротивничать законной власти или хозяину вашему, сейчас же ему руки скрутить — и в полицию. Поняли?

РАБОЧИЙ. Поняли, ваше благородие. Очень даже поняли.

ГОРНИЧНАЯ (*тихо*). Сиволапый. Да хоть ногою-то шаркни.

РАБОЧИЙ (*ей*). Брысь. (*Ефиму Борисычу*.) Прощавайте. Очень благодарны.

Рабочие уходят.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Хоть и простонародье, а понимают все-таки, блюдо-то серебряное.

ИСПРАВНИК. Злодеи! Одно несчастье с ними!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Вам известно что-нибудь о моих рабочих?

ИСПРАВНИК. Приехал какой-то агитатор, товарищ Иван… (*Оглядывается.*) Посторонних нет? Мутит народ. Наверное забастовки будут.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. А вы чего смотрите?

ИСПРАВНИК (*тихо*). Сегодня в ночь, ваше превосходительство. Собранье у них. Мне, однако, пора. До приятного свидания, Ефим Борисыч. Честь имею кланяться, ваше превосходительство. (*Уходит.*)

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Дельный мужик этот исправник. Я им доволен. Ну, дражайший юбиляр, пора и мне.

Все поднимаются.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. До свиданья, господа. Благодарю за честь.

ГОСТИ. До свиданья. До свиданья.

ЕФИМ БОРИСЫЧ (*провожает. Доктору*). Останьтесь, доктор. Побеседуем.

САРА (*у окна пишет что-то, потом звонит. Горничной, тихо*). Беги, милая, скорее в дом Сафронова, знаешь? Отнеси записку Ивану. Так и скажи — Ивану.

ГОРНИЧНАЯ. Знаю, знаю. (*К Ефиму Борисычу.*) Ефим Борисыч, какие-то еврейчики, давно дожидаются там.

ЕФИМ БОРИСЫЧ *(к доктору*). Ни минуты покоя! Ну, чего там?

ГОРНИЧНАЯ. Да тоже вроде как аблакаты.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ну зови.

САРА (*горничной на ухо*). Скорее, милая.

Входят трое. Все в черном. Ландау впереди. В петлице у него Щит Давида. Кланяются. Ландау отдельно кланяется Саре. Ефим Борисыч принимает их стоя.

ЛАНДАУ. Многоуважаемый Ефим Борисыч. Местная сионистская организация послала нас к вам, в торжественный для вас день, поздравить вас с получением ордена. Такие явления так редки в жизни еврейства, что именно в эти минуты мы с большей силой чувствуем наш вековой гнет. В такие минуты с громким криком пробуждается человеческое достоинство и требует, чтобы мы ушли от этого позорного гнета — в Палестину, в поля нашей былой славы, на нашу историческую родину.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Сарочка, закрой окно. Вас могут услышать. Не говорите об этом — это противоправительственная агитация. Мы должны быть примерными русскими подданными — это самое главное.

ЛАНДАУ. Извините, Ефим Борисыч. Мы не говорим, что не следует быть хорошими подданными. Но мы должны всеми силами стремиться в Палестину, где мы снова станем здоровым народом. Мы слышали о Ваших громадных пожертвованиях; поп только что говорил, что вы дали в пользу русской церкви огромную сумму, и мы хотим вам напомнить о вашем долге перед еврейским народом.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Мало я даю? Доктор, я не поддерживаю еврейской больницы?

ЛАНДАУ. Ах, вы не о том! Мы говорим о Палестине. Там закупается теперь земля для наших переселенцев. Пожертвуйте…

ДОКТОР. У вас имеется устав, утвержденный правительством?

ЛАНДАУ. Скажите, доктор, когда человек ранен, вы потребуете у него разрешения правительства или вы ему рану перевяжете? Нас тут душат, дети наши гибнут от чахотки и вырождения, нам нельзя выехать за пределы голодного местечка. Мы уйдем в палестинские поля и станем свободными земледельцами. Помогите нам купить еще клочок земли — перевяжите нашу вековую рану. А вы спрашиваете подпись исправника!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Что это за значок у вас?

ЛАНДАУ. Это тоже орден, Ефим Борисыч. Он мне дан еврейской историей: ему уже сорок веков.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ух, какой вы шустрый! Вы, кажется, учились в бесплатной школе?..

САРА. Папа!

ЛАНДАУ. Не волнуйтесь, Сара Ефимовна — я не обижен.

САРА. Он теперь студент.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Да? Ну, хорошо — двадцать пять рублей я вам дам, делайте с ними что хотите.

ЛАНДАУ *(мгновенье молчит*). Не в цифре дело, но… Ефим Борисыч! Ведь на церковь вы дали целых десять тысяч. Неужели же еврейский народ настолько ниже в ваших глазах?

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ах, начинается торг! Ну, так я ничего вам не дам.

ЛАНДАУ. Хорошо. Мы уходим. Но помните: придет час, когда не помогут вам ни ваши церкви, ни ордена, ни капиталы. Поруганный и нищий придете вы к нам, в страну наших надежд. Будете стоять под дверью, и вам скажут: вы не помогли страдающему народу в его тяжелой нужде, идите же теперь к своим попам и генералам. Идемте, товарищи. (*Уходят*.)

ЕФИМ БОРИСЫЧ (*вслед*). Я сейчас же напишу исправнику! Это что за безобразие!

САРА. Папа! Папа!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Угрозы! Вы, говорит, будете стоять у нашей двери, как нищий, — ах ты прохвост! Что же, мой завод подожжешь? Но он в двух обществах застрахован. Или, может быть, государственный банк обанкротится? Или Россия погибнет от революции? Нет, шустрые голоштанники: Россия — не республиканская Америка! И не несчастная Франция! Там возможны революции, туда пусть и идут эти молодчики — там для них место. Только не здесь, не в самодержавной России. Россия — как скала среди океана — она ничего не боится. Не правда ли, доктор?

ДОКТОР. Что за вопрос!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Ах ты наглец! Нет, милейший доктор: как хотите, недаром нас, евреев, не любят. Ведь подумайте, какая наглость: я у его дверей буду… ~~проситься~~!

ДОКТОР. Бросьте, Ефим Борисыч: вам вредно волноваться.

САРА. Папа! Успокойся! Довольно!

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Пойдемте, доктор, в сад. Погуляем. (*Идут*.) Ах ты, голоштанник! Как он переволновал меня. (*Выходят*.)

Тишина. Вдруг за окном

ГОРНИЧНАЯ. Ай-ай! Не щипайтесь!

САРА (*быстро к окну*). Сережа тут… Кто же это щипал горничную?

СЕРЕЖА (у *окна*). Освободилась наконец, Сарочка?

САРА. Д-да, освободилась, Сережа. Тут, Сережа, только что моя горничная визжала.

СЕРЕЖА. Визжала? Я не слышал.

САРА. Странно, что я слышала, а вы — нет. Ах, вот и она.

ГОРНИЧНАЯ. Вот вам ответ, барышня. (*Смотрит в сторону Сережи.*)

САРА. Да, да, — ответ. Спасибо. (*Растерянно.*) Простите, Сережа. (*Вскрывает. Сережа отходит от окна, свистит*.)

САРА (*про себя*). Если правда, что выдал нас Сережа, он будет убит. (*Вскрикивает.*) Убит! Сережа!

СЕРЕЖА. Что, деточка?

САРА. Вы знаете, кто-то донес полиции на Ивана и доклада сегодня уже не будет?

СЕРЕЖА. Нет, не знаю. Ну тогда пойдем, Сарочка, погуляем: чудесно на дворе.

САРА. И это всё, что вы могли мне сказать?

СЕРЕЖА. Ах, Сарочка! Ты делаешься несносна. Всё-то ты серьезна, всё-то чем-то озабочена. Посмеяться с тобою нельзя. Ведь тебе только девятнадцать лет.

Сара долго смотрит на него.

САРА. Поверните-ка голову к свету. Да, это новое лицо. Я раньше его не видела. Сколько мы уже знакомы? Два года? Но вы теперь какой-то новый.

СЕРЕЖА. Что с тобой приключилось сегодня? Да подойди чуть ближе, чтобы моя рука тебя достала.

САРА (*отодвигается*). Сережа, вы слышали ли когда-нибудь про Палестину?

СЕРЕЖА (*смеясь*). Про Палестину? (*Смеется*). Как же: Родильный приют для святых.

САРА. И вы не слышали, что Ивана выследили?

СЕРЕЖА. Не слышал. (*Хочет ее достать. Она отодвигается.*)

САРА. И как горничная визжала, вы тоже не слышали?

СЕРЕЖА. Да что с тобой? Странно!

Занавес

Действие второе

Бедная комната. Раскрытый чемодан. Ландау укладывается. На стене карта Палестины. Он, наконец, закрывает чемодан и задумчиво смотрит кругом.

ЛАНДАУ (*подвернулась студенческая фуражка — отбрасывает ее*). Студенческой фуражки там не нужно. Да, нелегко было стать студентом, но там начинается новая жизнь: плуг и серп. Слава Богу, всё кончено: сейчас я уезжаю в Палестину. Как я сказал: в Па-ле-стину. Неужели это правда? Разве может стать видима душа? (*Смотрит на карту.*) Земля моя родная. С детских лет я тосковал о тебе. Вот я вижу тебя в блеске знойного солнца. Ты цепенеешь в тысячелетнем сне, растоптанная, поруганная, покрытая песками. Слышишь ли, как рвутся к тебе наши сердца? Мы — идем. Как голодные зубы, вопьются наши руки в твои сухие пески. Покроем тебя зелеными нивами, зазвучат повсюду голоса пахарей… (*Стучатся.*) Кто бы это был? Уже все друзья перебывали у меня. (*Идет к двери.*) Войдите. (*Отступает.*)

Входит Сара. Долгие мгновения оба молчат.

САРА. Здравствуйте, Ландау. Я узнала о Вашем отъезде и пришла попрощаться. Вы удивлены?

ЛАНДАУ. Да, я удивлен. Очень удивлен и обрадован. У меня перебывали сегодня десятки людей — друзья, товарищи. Но вы, Сара Ефимовна.

САРА. Я тоже друг.

ЛАНДАУ. Нет, вы не знаете, кто вы. Вы не знаете! (*Смотрит ей в лицо*.) Вы — у меня, в моей бедной комнате. Это тоже чудо. Садитесь вот тут, около этой карты. Это портрет моей родины. Знаете, Сара Ефимовна, когда мне было десять лет, я учился в ~~бесплатной~~ школе для бедных. Я каждую неделю обедал в другой семье — по очереди. В некоторых семьях были злые дети, они меня били, бросали мне в тарелку всякую гадость. Я был сирота. У меня была сумка. Там лежали мои книжки, молитвенник моего отца — вот он — и одна сорочка, которую я сам стирал. Это был весь мой багаж, и я его постоянно носил с собой. Однажды я встретил на улице девочку с золотыми кудряшками. Она посмотрела на меня и улыбнулась. И в моем сиротском сердце зародилась любовь. (*Волнуется*.) Это были вы. Вам не скучно?

САРА. Зачем Вы это спрашиваете?

ЛАНДАУ. Знаете, Сара Ефимовна, но утром, бывало, прячась за соседние дома, я жду мгновенья, когда Вы покажетесь. Мне было страшно попадаться вам на глаза: я был так грязен и оборван. Я прятался, созерцая вас. Но однажды я неожиданно столкнулся с Вами. Вы шли с большим красивым мальчиком. Он был в хорошем гимназическом пальто. Вы мне опять улыбнулись. А ваш спутник вдруг поймал меня за нос и, зло засмеявшись, сказал: — Этот мальчуган ест отбросы. — Вы топнули ногой и гневно крикнули своему кавалеру: «Не смей его трогать!» Вы помните всё это?

САРА. Помню. Продолжайте, пожалуйста.

ЛАНДАУ. Я долго не ходил на вашу улицу — может быть, год или больше. Когда я уже работал в типографии, ел свой хлеб и одел новый парусиновый костюм, я опять встретил Вас и поклонился. Вы значительно подросли, кудри ваши стали длиннее, и вы были ослепительны. Вы улыбнулись и спросили меня: «Где вы теперь живете, мальчик?» Я вам что-то говорил, но я был как во сне. Мой костюм, мой прекрасный парусиновый костюм, казался мне таким уродливым в вашем присутствии.

САРА. О чем вы задумались?

ЛАНДАУ. Простите: я и теперь как во сне. Я вас несколько раз потом встречал. Лет в четырнадцать я уехал в Одессу, и долгие годы разлучили нас. Потом, в университете, мы несколько раз мимолетно беседовали — но пути наши были разные. Сара Ефимовна!

Ради Бога, не беспокойтесь: я не объясняюсь вам в любви. Детские сны давно уже рассеялись. Но эта девочка со своей божественной улыбкой осталась в моей памяти, как единственный луч света в моей сиротской ночи.

САРА (*задумчиво*). Да, я всё помню. Матери не было у меня и поэтому, видно, я так чувствовала ваше сиротство. Я много раз просила отца взять вас к нам, но он всегда отвечал, что еврейские дети грязны и испорчены. Я встречалась только с русскими детьми из здешней знати. Бывала на елках, в Пасху яйца красила. (*Спохватившись*.) Да, но я всегда видела, что вы меня избегаете, даже потом, в университете. Почему вы меня избегали?

ЛАНДАУ. Вы всегда были окружены русской молодежью. Особенно этот… Сережа Силин, предводительский сынок. Говорили, что вы — его невеста. Я слышал, что осенью вы окреститесь и выйдете за него замуж. Вы меня понимаете?

САРА. Это всё — неправда. Это всё — в прошлом. Я долго дремала, и вы, Ландау, вы разбудили меня в тот вечер, на торжестве у нас. Где ваш орден, которому сорок веков? Покажите мне его. (*Рассматривает его*.) Подарите мне его, Ландау, в память об этом вечере.

ЛАНДАУ. Вы его хотите? Я очень рад вам подарить его. Пусть он всегда напоминает вам наш великий, но несчастный народ и нашу родину Палестину.

САРА. И вас, Ландау — также и вас. Спасибо. (*Прячет*.) Я несколько раз бывала в синагоге и слушала ваши речи. Книжки читала. Я теперь пришла искупить ошибку моего отца. Вот здесь бриллиант моей покойной матери. Это — моя собственность. Возьмите его в пользу вашего дела.

ЛАНДАУ. Почему же — вашего дела? Почему не — нашего дела? Почему я должен взять бриллиант: почему вы сами не едете в Палестину? (*Дрогнувшим голосом*.) Едемте вместе. Я вас подожду.

САРА (*задумчиво*). Ах, Ландау. Это так трудно — переродиться. Вы знаете — я социалистка. Я думала всю жизнь служить рабочему делу. Я еще не решила, кто ближе мне: рабочие ли нашей фабрики или ветхие еврейские лачужки, что далеко за оградой нашего сада. Оттуда вечно слышен плач детей. Это мучительный узел! Мне нужна ваша поддержка: пишите мне часто.

ЛАНДАУ. О! Если вы только позволите…

САРА. А теперь расскажите мне: как вы рисуете себе жизнь в Палестине.

ЛАНДАУ. Очень просто, Сара Ефимовна. Не ищите только особой поэзии. Я поступлю рабочим к какому-нибудь колонисту. Про-

работаю у нег год-два. Намозолятся руки, окрепнет спина, приучусь к работе на солнце. Потом соберется группа таких, как я, обученных рабочих, нам дадут участок земли, и мы заведем новую колонию. (*Оживляется*.) Дадут нам землю запущенную, занесенную песком. По соседству может оказаться лихорадочное болото. Мы прорoем канавы и высушим болото и насадим на нем эвкалиптовый лес. И многих потом недосчитаем.

САРА. От лихорадки?

ЛАНДАУ. Да: от лихорадки, от диких арабов. А песок мы польем своим потом, и он оживет, заколышется на нем пшеница. Так вот, в труде, в борьбе пройдет жизнь. Посмотрю назад и увижу: среди мертвых песков клочок цветущего поля и на нем молодые пахари, пришедшие вслед за мной из позорной неволи. (*Смотрит на нее.*) Ничего больше! Ни высоких взлетов, ни рыцарских подвигов.

САРА (*смеется*). Революционеру угрожает ссылка или каторга. Но ему удается иногда избежать ее. Вы же сами идете на каторгу, и в ней самой ваш подвиг. (*Встает и кладет ему руку на плечо*.) Идите, подвижники, на свой тяжелый подвиг. А мы, отсталые, мы, безвольные, в вашем подвиге будем черпать силу. И, может быть, придем вам когда-нибудь на помощь.

Слышно, как подъехал экипаж с бу<б>енцами. Голос

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИКА: Т-пр-пру, стойте вы, черная хвороба! Стой! Эй, Ландау! Скорее вели лакею выносить чемоданы, автомобиль подъехал. (*Входит с кнутом в руке.*) Я догадался, что твой лакей еще не родился: давай вещи скорей: пассажиры ждут. (*Видит вдруг Сару. Удивленно*.) Здрасте вам, барышня. Вы вовсе здесь? (*Тихо к Ландау*.) Ах, ты разбойник! Смотрите, кто к нему в гости ходит! (*К Саре*.) Барышня, может быть, вы тоже поедете? Мой автомобиль готов. (*К Ландау, тихо*.) Слушай, Ландау, не будь дураком: увези ее в Палестину. Я ее ночью доставлю к поезду — ни один дьявол не увидит. Это нам дело не новое.

ЛАНДАУ (*ударяет его по плечу*). Ах, Сруль-Зейлик, Сруль-Зейлик! Вы всё еще молоды душой. Ну, выносите вещи.

САРА. Ну… (*Встает*.)

ЛАНДАУ. Сейчас… Я хотел вам сказать…

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК (*берет чемодан*). А эту фуражку ты здесь оставляешь? Так лучше я ее одену. Вот так. Ты там станешь извозчиком, а я здесь — студентом. По дороге мужики примут меня за солдата и не будут в меня камнями бросать.

Из-за стены голоса: «Сруль-Зейлик, скорее. Нам надоело ждать».

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК. Надоело ждать, так пешком идите. Подумаешь, какие господа. *(Выходит.)*

САРА. Что вы хотели сказать? (*Слышны бубенцы.*)

ЛАНДАУ. Ах, да. Я хотел сказать. Я очень много хотел вам сказать, но мои мысли разлетелись по воздуху, как звон этих колокольчиков.

ПАССАЖИР (*за стеной*). Скорее привяжите вещи, Сруль-Зейлик: жарко стоять на солнце.

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК. Прикройся козырьком моей фуражки.

ЛАНДАУ. Почему вы так поздно пришли, Сара Ефимовна? Вы опять явились как видение.

САРА (*протягивает руку*). Авось мы еще увидимся. Прощайте. Не забывайте меня.

ЛАНДАУ. Прощайте, дорогое видение. (*Она скрывается за дверью. Он еще делает два шага за нею.*) Она была здесь. (*Шаг к двери.*) Ушла. (*Шаг к двери и сталкивается со Сруль-Зейликом.*)

СРУЛЬ-ЗЕЙЛИК. Стой! Стой! Стой! Это не она — это я. (*К публике.*) Еще немного и он кинулся бы мне на шею!

Занавес

Действие третье

Столовая Ефима Борисовича. Утро. Прежней хорошей мебели нет; небольшой столик, два-три старых стула, две кровати. Ефим Борисович постарел, в потертом костюме. Сара подметает комнату.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Всё забрали, разорили, ограбили. Мебель унесли. В моем же собственном доме оставили мне только одну комнату, а хозяйкой всего дома стала моя прежняя горничная и заводской комитет. И всего этого мало: каждую ночь — обыски, ограбления, грабежи. Последнюю простыню забрали вчера ночью. Я говорю им: да Бога побойтесь — это моя единственная простыня. А они отвечают: «А ты очень Бога боялся, когда рабочих грабил да пузо себе растил».

САРА. Хорошо еще, что на улицу не выгнали.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*подходит к стене и подымает угол карты России. Тихо*). Весь пол и все стены, злодеи, выстукивали ночью, только под картой стучать не догадались. (*Стучит пальцами.*) Сарочка, слышно, что здесь пустая стена?

САРА. Нет, кажется.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Не дай Бог, если они найдут этот тайник: всё, что уцелело, схоронено здесь. Даже ордена исправника здесь — дал мне спрятать. (*Заботливо разглаживает карту*.) Неделю назад Деникинская армия была здесь. (*Водит по карте пальцем.*) По слухам, большевики понесли здесь страшный урон и начали быстро отступать. (*Тихо*.) По моим вычислениям деникинцы уже близко. Ты разве не видишь, что у нас кругом творится?

САРА. Ничего особенного не вижу. Сейчас пойду в очередь на хлеб. Будут оскорблять меня, как всегда.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Потерпи, милая. Уже близко избавление, поверь мне. Вчера всю ночь они вывозили отсюда припасы. Теперь они объявили для чего-то осадное положение. В совете у них, говорят, паника и беспрерывное заседание. (*Оглядывается*.) Решили расстрелять всех молодых интеллигентов, а те ночью выбрались из города в лес, откуда-то достали оружие и поджидают деникинцев, чтобы присоединиться к ним.

САРА. Ты думаешь, папа, что для нас, евреев, деникинцы лучше красных?

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Всё ты со своим еврейством. При чем тут еврей? Я прежде всего — коммерции советник. Да. Деникин признает царских слуг, черт побери. Это возвращается законная власть.

Дверь с треском растворяется. Влетает

ГОРНИЧНАЯ. Я сколько раз говорила вам, Сара Ефимовна, сор выносить за ограду. Не понимаете вы теллигентного обращения! Тоже буржуазные повадки. (*Поворачивается и уходит, хлопнув дверью*.)

САРА (*тихо смеется*).

ЕФИМ БОРИСЫЧ (*хватается за голову, бежит к двери, топает ногами*.) Задушу! Своими руками задушу эту гадину. Дай срок. Уж погодите немного, душегубцы, — кончится ваш разбой. Пусть только придет законная власть. (*Ходит по комнате*.) Пойти бы по городу, поразнюхать, да жутко по улицам ходить при осадном-то положении. (*Берет шляпу*.) Я скоро вернусь, Сарочка.

САРА. Бедный мой отец. (*Садится. Вынимает письмо.*) Какое неожиданное утешение в это ужасное время. (*Читает*.) Я уже не раз писал вам за годы нашей разлуки, но ответа всё нет. Если дойдет письмо, вспомните о Ландау и черкните пару слов. Война удушила наше движение. В Палестине много нашей работы погибло. Одно осталось: вера. Война окончена. Гроза рассеивается. Мы надеемся, что скоро ринется сюда безграничный поток свежих, сильных людей. (*Задумчиво.*) Бог знает, что ждет нас!

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*торопливо входит*). Ясное дело: красные бегут. Об этом уже всюду говорят. Полицейских не видно. Кучки людей стоят на улице, и их не разгоняют. Возле совета стоят автомобили, нагруженные вещами. Деникинцы близко… О, Господи! Неужели конец мучениям? Да, ты слышала? Белогвардейцы-то наши, что засели в лесу, отбили целый обоз провианта у красных. Говорят, что Сережа их предводитель.

САРА (у окна). Куда-то проскакал отряд красных. А это кто? Папа, идет сюда бывший исправник.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. А, новости, должно быть.

ИСПРАВНИК (*в женской куртке, в порванных галошах на босу ногу и в погнутом котелке*). Доброго здоровьица, Ефим Борисыч. Здрасти, Сара Ефимовна (*щелкает галошами*). Погодка сегодня благоприятная. (*Подходит к окну, прислушивается потом к двери. Тихо.*) Ефим Борисыч, не позднее как сегодня в полдень прибудут деникинцы.

ЕФИМ БОРИСЫЧ. Наверное?

ИСПРАВНИК. Как дважды два. Комиссары уже садятся в автомобили. Возможно, что наши ребята из лесу перехватят их.

В дверь стучат.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Ой, идут проклятые! Опять будет обыск. (*Волнуется.*) Войдите.

ГОРНИЧНАЯ (*смиренно*). Барышня, не сходить ли мне за хлебом для вас? Теперь по улицам такое творится, не пристало вам самим ходить.

САРА. Нет, спасибо. Я сама пойду. Чего это вы вдруг?

ГОРНИЧНАЯ. А то я схожу. Мне скорее пристало. (*Молчание.*) Барышня, милая. Комиссары-то убегли, деникинцы, слышно, подходят. Говорят, старый режим будет. Заступитесь, милая барышня, ежели какое следствие зачнется.

ИСПРАВНИК (*тихо Ефиму Борисычу*). Провокация. Будьте осторожны.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Ничего не знаем и знать не хотим. Мы политикой не занимаемся.

ГОРНИЧНАЯ. Уж будьте благодетельны, Ефим Борисыч. Я и то говорила мужу. (*Уходит.*)

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Господи! Неужели же?

ИСПРАВНИК. Смею вас просить, Ефим Борисыч, достать для меня ордена мои, которые по старой дружбе вы припрятали у себя.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Зачем они вам?

ИСПРАВНИК. Форменное платье забрано бандитами. Я как должностное лицо, знаете, — неловко. Хоть орденок прицеплю.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Пожалуйста. (*Достает из-под карты.*)

ИСПРАВНИК (*нацепляет ордена, прикрывает их шейным шарфом, приосанивается*). До приятного, Ефим Борисыч. Мое почтение, Сара Ефимовна. (*Идет к двери.*)

САРА (*удерживает смех, отворачивается к окну*). Стрельба, папа. Куда-то бегут.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Это, видно, Сережа с молодцами напал на автомобили комиссаров.

ИСПРАВНИК. Очень возможно. (*Возвращается.*)

САРА. Папа, что-то неладное. Евреи бегут с ужасными воплями. И только — евреи.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. При чем тут евреи?

САРА. Папа! Папа! Ужасно! Казаки скачут за евреями и рубят их шашками.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Что? Где? Что ты толкуешь? (*Смотрит. Слышны крики и выстрелы.*) Да, да. Это что-то странное. Казаки возле нашего сада уже. Ну-ка, и я прицеплю мой орден… (*Достает, прицепляет трясущейся рукой.*) Сарочка, что с тобой?

САРА (*плачет*). Папочка, не могу! За что! (*Смотрит в окно.*) Папочка, евреи бегут в наш сад.

Из другого окна, ведущего в сад, слышен плач, крики. Окно растворяется.

КРИРИ ТОЛПЫ. Ефим Борисович! Защитите! Заступитесь! Бьют! Убивают!

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Боже мой! Они и нас подведут. Пусть уходят. Пусть уходят из моего сада.

ИСПРАВНИК. Да, да, Ефим Борисович: пусть уходят из сада. (*Становится у окна, толпе*): Пошли вон, жиды! Вон, говорю, — не то кликну казаков.

ТОЛПА. Пощадите, Ефим Борисович! Убивают! Бьют!

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Сарочка! Куда ты!

САРА (*отталкивает исправника. Толпе*): Идите сюда! Идите сюда! Прячьтесь у нас!

ИСПРАВНИК. Сара Ефимовна! (*Ефим Борисович изумленно смотрит на нее.*)

САРА. Не бойтесь исправника, идите сюда. К нам! (*Несколько человек вскакивают в окно.*) Отлично. Будем все вместе.

За сценой крик, свист, выстрелы. Дверь растворяется.

ГОРНИЧНАЯ. Всех жидов убивают. Уж и сюда идут. Грех мне с вами. Из-за вас и мне погибать. Господи, Мать Пресвятая. Скорее икону повесить.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Не может быть! Не поверю — царских слуг! (*Крики за сценой усиливаются. Выстрелы.*)

С треском раскрывается дверь. Врывается офицер с казаками.

ОФИЦЕР. Где?

ГОРНИЧНАЯ. Я православная. (*Крестится.*) И муж мой. Они вот… жиды.

ОФИЦЕР (*к Ефиму Борисовичу*). Ты жид? Поганая морда! (*Замахивается нагайкой.*)

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Я коммерции советник и верный слуга Его Императорского Величества.

ОФИЦЕР (*в недоумении смотрит на орден*). Это что? Это как? За деньги?

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Вот и наш милейший исправник засвидетельствует.

ИСПРАВНИК (*приосанивается*). Честь имею представиться: уездный исправник…

ОФИЦЕР (*к исправнику*). Проваливай, пока цел, полицейский крючок, взяточник! Ребята! Бей жидов — спасай Россию!

КАЗАКИ. Ур-р-ра! (*Хватают Ефима Борисыча.*)

САРА (*загораживает его*). За что? Куда вы его ведете?

ОФИЦЕР (*закручивает ус*). А-а! Н-да. Скажите, пожалуйста! Я и не приметил, какая тут штучка. (*Щелкает шпорами.*) Освободите вашего папахена, милая красавица. Ему нужно идти исполнять свой … долг, на первом же дереве.

КАЗАКИ. Ха-ха-ха!

ОФИЦЕР. А вы со мною побудьте здесь.

Казаки отталкивают ее и берутся опять за Ефима Борисовича.

ЕФИМ БОРИСОВИЧ. Доченька моя, отойди! Я царский слуга. Я требую, чтобы вы меня повели к генералу. Пусть он рассудит.

ОФИЦЕР. Да-да-да. К генералу его! К генералу! (*Подмигивая казакам.*)

КАЗАКИ. Ха-ха-ха!

САРА. И я с ним.

ОФИЦЕР. Нет. Вы побудете немного со мной. У вас прекрасные бедрышки. (*Кивает казакам, те тащат Ефима Борисовича.*)

САРА (*борется*). Я не пущу его, изверги! Я не пущу! (*Изо всех сил ударяет казака по лицу. Казак исступленно ударяет ее револьве-*

ром по голове. Облитая кровью, она падает. Ефима Борисовича тащат.)

ЕФИМ БОРИСОВИЧ (*кричит*). Убили! Дочь моя! Доченька! (*Борется. Его бьют и выталкивают. Все, кроме офицера, выходят. Из-за двери.*) Дочь! Дочь моя!

ОФИЦЕР (*наклоняется к ней*). У, скотина! Да он ее до смерти, что ли? Нет, дышит.

СЕРЕЖА (*входит. Полувоенный, полуштатский. В руке — револьвер*). Что с нею? (*Смотрит. Офицеру.*) Моя бывшая пассия.

ОФИЦЕР. Славненькая жидовочка, да жаль — окровавлена. Знаете ли, я люблю только бифштексы с кровью.

Занавес

Четвертое действие

Поле. Солнце заходит. Издали виднеются дома с плоскими крышами, пальмы финиковые. Далее — горы. В разных местах виднеются рабочие, работающие вилами, граблями, косами. Перекликаются: «Домой. Солнце село — домой». На первом плане виден Ландау и еще один рабочий, Цви, несколько старше Ландау. Ландау значительно постарел, загорел. Небольшая бородка. Закатанные рукава. Рабочие бросают постепенно орудия и проходят по двое, по трое к колонии.

ЛАНДАУ (*бросает грабли и приближается к сцене*). Цви, нам караулить. Сегодня: наша очередь. Останемся здесь. Зачем идти в колонию? (*Снимает со стога котомку и ружье. То же проделывает Цви.*)

ЦВИ. Да, я согласен: устал. Тут поужинаем. (*Осматривает ружье.*) Сегодня бедуины разбили палатки за той горой. Нужно быть наготове. (*Смотрит из-под ладони.*) Много их. И скота много. Начнут они теперь скот загонять в наше поле и к нашим лошадям добираться. Придется драться с ними.

ЛАНДАУ (*тоже смотрит*). Хорошо бы поставить сегодня еще двух сторожей.

ЦВИ. А завтра? А послезавтра? Черт их ведает, сколько времени они простоят тут. А где мы наберем людей: весь день работать, а потом чуть не каждую ночь караулить. Мало нас!

ЛАНДАУ. Вот потому-то нужно удвоить число караульных — в первую же ночь дадим им такой отпор, чтобы не лезли больше.

ЦВИ (*ложится под пальмой*). Ох-хо-хо. Что-то ты стал уставать, Цви, прежде ты до полуночи плясал после работы, а теперь — тянет полежать. Куда девались силы, Ландау?

ЛАНДАУ (*садится*). Силы понемногу уходят, Цви. (*Смотрит.*) Помню, когда ты приехал, какие волосы у тебя были, а теперь, брат, обеднела твоя прическа. Какой ты был здоровый парень. Впрочем, еще и теперь арабы тебя не любят. (*Молчат.*) Помнишь, какие камни мы тут взрывали.

ЦВИ. Очень даже помню. Помнишь, как меня ранило в голову осколком? Вы тогда думали, что Цви оставляет вас и уходит к своим предкам.

ЛАНДАУ. Да, ты был весь залит кровью. Как ты это только вынес.

ЦВИ. Вынес, как видишь. Теперь на месте этого проклятого камня стоит школа для детей. Каждый раз, когда прохожу мимо, я говорю к камню: видишь, дурак ты этакий, зачем ты мне голову разбил? Послушай, как славно дети учатся. (*Молчание.*)

ЦВИ. А знаешь, Ландау. Не стоило ведь и школу строить, и голову из-за этого разбивать.

ЛАНДАУ. Как так?

ЦВИ. Очень просто: в школе теперь девять детей — стоило ли для девяти детей столько сил тратить на постройку школы. Мне рисовалось, что в этой школе будут учиться — девяносто детей. Эх, Ландау, Ландау! Опростоволосились мы с тобой! Посмотри кругом, как много работы еще. Там еще стоит болото, и некому его высушить — мало нас. А болото это нас всех в могилу сведет своей лихорадкой. Вон тут какая прекрасная земля стоит невозделанная — мало нас! Мы и так через силу работаем. А где те тысячи евреев, которых мы ждем здесь вот уже сколько лет? Мы, брат, сидим с тобою здесь, хинин попиваем да с бедуинами перемигиваемся, а наши последователи живут себе там: обзавелись семьями, имеют почетные титулы, капиталы.

ЛАНДАУ. У тебя более почетный титул, а капиталу твоему — цены нет. Смотри, какая пшеница теперь выросла на пустынных песках.

ЦВИ. Нет, брат — всего этого не надо было для нескольких человек. Мы это готовили для народа, а где народ? Он сидит себе по местечкам России и Польши и не думает даже о нас. Титул, ты говоришь: знаешь, — какой у меня титул? дурак — вот мой титул. Капитал мой тоже не очень велик: старый чайник да вот это ружье. Даже жениться я не сумел. Там жениться я не хотел, хотел себе невесту подобрать тут, на работе. Тут же свободной девицы не оказалось для меня. До сих пор, может быть, уже сидел бы в школе хоть еще один мальчишка, десятый, похожий на меня. Не так досадно было бы на этот проклятый камень.

ЛАНДАУ. Но пойми, что война остановила движение. Ведь мы уже столько лет отрезаны от мира. Кто знает, что там происходит. Носятся

слухи, что десятки тысяч молодых людей готовятся в дорогу сюда. Подождем, посмотрим.

ЦВИ. Конечно, ты подождешь — что тебе еще осталось делать. Подождешь, пока вся морда у тебя станет как печеное яблоко, руки будут дрожать. Жди. Почему они до войны не ехали, когда мы с тобой помчались сюда, как раввин за слетевшей шляпой? Почему они теперь не рвутся сюда через моря, пустыни и горы? А? Ландау? Почему нам денег не шлют — ведь мы голодаем?

ЛАНДАУ (*смотрит*). Слушай, Цви. Если ты так настроен, почему ты не поедешь обратно?

ЦВИ (*садится*). Что ты сказал, Ландау? Я чтобы уехал отсюда? (*Молчит, похлопывает рукой по земле и молча смотрит на Ландау.*)

ЛАНДАУ. Ты почему молчишь?

Цви смотрит и похлопывает по земле рукой.

ЛАНДАУ (*ударяет его по плечу*). А-а! (*Смеется.*) Ты гладишь ее, землю эту. (*Оба смеются.*) Есть на ней и кровь твоя, и пот твой. Ну так нечего молоть языком. (*Встает.*) Я верю, они придут сюда — тысячи молодых, сильных. Мне моментами кажется, что я слышу их голоса. Они где-то там, за линией огня. Ведь еще не убраны трупы, еще не остыли орудия, и весь мир с его границами похож теперь на сумасшедший дом, на тюрьму. Они придут, старый товарищ, — вот увидишь. (*Молчание.*)

ЦВИ. Старый отец у меня там остался и маленький братик, любимый мой, курчавый Йоська. Что с ними? Хоть бы одно слово о них услышать — живы ли.

ЛАНДАУ (*глухо*). А я никого не имею там. Почти никого. Так только, призрак, видение детства. (*Встряхнувшись.*) Если грусть пришла в гости, старый товарищ, выйди в поле. Посмотри, какая пшеница выросла в этом году. Прислушайся к ней, она тебе нашепчет о чем-то, чего и рассказать нельзя. Легче станет. Или там, за горой, как хорошо растут наши эвкалипты. Турки только часть вырубили, а оставшиеся уже шумят, как настоящий лес. И птицы там водятся, песни поют.

ЦВИ (*встает, из-под руки смотрит к бедуинам*). Молятся. Скота у них много.

ЛАНДАУ. Что это с Нахманом: уже третий день, как он в город уехал. Что могло его задержать?

ЦВИ. Новостей много привезет. Может быть — письма. Мне ночью снился мой братик. Мама, бывало, говорит: если приснился кто-нибудь далекий, значит, или он сам, или письмо от него будет.

ЛАНДАУ. Но почему Нахман там так долго сидит? Ведь он знает, теперь рабочее время.

ЦВИ. Завертелся в городе. Весело там: в каждом доме пианино тинь-тинь-тинькает. Бледные барышни романы читают, от солнца прячутся, собираются в Париж. Всё это ново, вот и завертелся Нахман, горячая голова. (*Смотрит.*) Кажется, кто-то идет далеко по меже.

ЛАНДАУ (*смотрит*). Идет кто-то. Кто бы это был?

ЦВИ. Не араб — это я вижу. Кто же это так поздно? Неужели Нахман?

ЛАНДАУ. Да. Мне кажется, что это Нахман. Да, да — Нахман.

ЦВИ. А тебе не кажется, Ландау, что далеко на горизонте двигается большая масса? Если это караван арабов, то он очень большой. Ты видишь?

ЛАНДАУ. Да, Цви, я вижу. О-о, как они растянулись. Темнеет быстро, разглядеть нельзя. Надо бы приготовиться на всякий случай. (*Громко свистит три раза.*)

Мужчины бегут из колонии с ружьями.

ЛАНДАУ (*ко всем*). Вон оттуда движется большая масса; может быть, это бедуины. (*Все смотрят.*) Темно уже, плохо видно. Мы можем очутиться между двумя лагерями бедуинов. На всякий случай займем места. Стрелять только по команде — помните, товарищи. (*Все заряжают ружья. Ложатся за камнем, за деревьями.*)

ЦВИ. Кажется, Нахман идет. Как бы кто-нибудь не потерял на него заряда по ошибке. (*Смотрит.*) Идет, идет. (*Кричит.*) Ты, Нахман?

НАХМАН (*издали*). Я. Я. Шалом!

ЛАНДАУ. Что слышно у бедуинов? Эх, нет между нами Эфраима Липского. Тот и в темноте видел, как кошка. (*Смотрит.*) Ничего, тихо у них, как будто.

ЦВИ. Да, нет Эфраима! При жизни он хорошо видел, зато теперь он не видит ничего. (*Смотрит.*) Нахман исчез. А, вот он!

НАХМАН (*громко*). Шалом, товарищи. Вы это что с ружьями? В чем дело?

ЦВИ. Не кричи так, дорогой. Хотя в городе, говорят, очень весело, но у нас, может быть, сейчас веселее будет: мы ждем нападения бедуинов.

НАХМАН. Ха-ха-ха! Какое нападение? Какие бедуины?

ЦВИ. Видишь — сегодня разложились лагерем. (*Показывает.*) Не очень далеко, правда? Теперь смотри сюда. Плохо видно уже. Видишь, с горы ползут.

НАХМАН. Ха-ха-ха! Бросьте ружья! Плюньте на бедуинов! Кто нам теперь страшен? Вина, вина! (*Пляшет.*)

ЦВИ. Он помешался в городе. (*Все удивленно смотрят.*)

ЛАНДАУ. Нахман, приди в себя. Что с тобою?

НАХМАН. Братики! Пароход пришел — первый пароход. Я ждал его три дня. Сегодня пришел. Несколько сот молодых парней и девушек. Идут сюда, в нашу колонию. Они не захотели оставаться в городе. Это они с горы спускаются.

ЦВИ (*вскакивает, хватает его за руку*). Правда? (*Все окружают его.*)

НАХМАН. Какие бедуины теперь страшны нам! Готовьте плуги и серпы. Теперь закипит работа. (*Пляшет.*)

ЦВИ (*хватает его за плечо и тормошит. Кричит*). Нахман! Нахман! Правда? Вот я схвачу камень и голову тебе расшибу. Нахман! Нахман!

НАХМАН. Клянусь, правда, Цви. (*Обнимает его.*) Сейчас они придут. Они говорят, что за этим пароходом еще сто пароходов придет. Сотни тысяч…

ЛАНДАУ. Нахман, ты говорил с ними? Какие они?

НАХМАН. Они молодые, прекрасные. Они такие, какие были мы, когда приехали сюда десять лет назад.

ЦВИ. Ну, если они такие, каким был ты, то это большой комплимент для них.

НАХМАН. Цви, осел! Неси вино, готовьтесь к встрече. Тш-ш-ш. Вы ничего не слышите?

ЦВИ. Мне кажется…

ЛАНДАУ. Товарищи… мне, может быть, мерещится… поют…

ЦВИ. Атиква![57] (*Прыгает.*)

ЛАНДАУ. Да-да. Атиква. Дорогие товарищи. Мы дожили. Слава Богу! Мы дожили. Теперь и умереть не страшно.

ЦВИ. Вот, луна выходит, теперь виднее стало. Они идут уже по нашему полю. Как они идут — земля дрожит.

ЛАНДАУ (*тихо*). Идите гордо, идите крепко, братья дорогие. Вы уже идете по вашему полю.

Пенье крепнет. Слышен топот многих ног. Из колонии бегут женщины, дети.

КОЛОНИСТЫ. Вот-вот. Видишь. Вот уже у колодца. У ворот. (*Показываются шеренги халуцов. Впереди — знамя. Медленно идут, поют. Останавливаются.*)

КОЛОНИСТЫ. Эйдад! Эйдад!

---

[57] Еврейский национальный гимн. Атиква (*ивр.*) — надежда.

Крики: «Ты, Борух! Зелда — милая моя! Ицхак, друг мой!» Объятия, поцелуи.

ЛАНДАУ. Благословенны прибывающие.

ВСЕ. Эйдад.

ЙОСИФ (*кудрявый парень выступает*). В вашей колонии был когда-то Цви Берман. Не знаете ли, товарищи, где он теперь?

ЦВИ (*смотрит мгновенье*). Йоська! Братик мой милый! (*Целует, прижимает его.*)

ЙОСИФ (*восторженно смотрит на него*). Так это ты, брат мой, Цви? Мой брат — герой? Позволь мне, брат-герой, поцеловать твою руку. (*Целует руку.*)

ЦВИ (*целует его в голову, плачет*).

Общее молчание.

ЦВИ. Какой же ты большой, Йоська! Тебя невозможно узнать. Откуда у тебя усы? У тебя ведь не было усов, когда я тебя оставил! Йоська! Йоська! Йоська! (*Трясет его за плечо.*)

ЙОСИФ. Из нашего местечка тут был еще Эфраим Липский. Где он?

ЦВИ. Его уже нет. Умер от голода во время войны.

ХАЛУЦ. Где Залман Цирлин из Погребища?

ЦВИ. В городе, в больнице. Болен лихорадкой.

ЙОСИФ. Почему вы все с ружьями?

ЦВИ. Вырастешь, узнаешь.

ЙОСИФ. Нет, брат, почему вы все с ружьями?

НАХМАН. Много толку ты добьешься у своего брата.

ЦВИ. Нахман! Сейчас я камнем тебе голову разобью.

НАХМАН (*не слушает его*). Вот видишь там под горой чернеют палатки?

ЙОСИФ. Не вижу.

ХАЛУЦ. Я тоже не вижу.

ЦВИ. Что ты им толкуешь! Они еще ничего не знают. Они еще не отличают бедуина от сефардского раввина.

НАХМАН. Там бедуины раскинули лагерь, и, может быть, они придут ночью лошадей красть.

ЙОСИФ. Дай мне твое ружье, брат. Отдохните, усталые, измученные, забытые. Мы пришли вам на смену.

ХАЛУЦ. Мы сами нападем на бедуинов и прогоним их.

ЦВИ. Может быть, еще и лошадей у них заберете?

НАХМАН. Давай ружье, Цви. Иди с братом в колонию. Я покараулю здесь за тебя.

ЛАНДАУ. Товарищи, нет ли между вами кого-нибудь из города Винницы?

ГОЛОС ЖЕНЩИНЫ (*из-за ряда халуцов*). Есть.

ЛАНДАУ (*вздрогнув*). Кто это?

Расступаются. Медленно выходит Сара Ефимовна. В руках у нее букет красных цветов. Одета как халуца.

САРА. Шалом, Ландау!

ЛАНДАУ (*отступает*). Сара? Ты это? (*К ней.*) Вы, Сара Ефимовна? Почему же Вы… Сара Ефимовна! (*Берет ее за руку.*) А я только хотел спросить о вас. Товарищи! Это… это — Сара. Это — видение моего детства. Она пришла к нам. Пришла! Не правда ли, Сара?

САРА. Да, Ландау, я пришла. Я очень поздно пришла.

ЛАНДАУ. Ах, как это хорошо, Сара. Нет, не поздно. Хватит еще тут работы для всех. Шалом, Сара! Шалом! (*Держит все время ее руку.*) На родной земле — шалом!

ЦВИ (*ударяет Ландау по плечу*). Ах ты, злодей! Почему же ты никогда не говорил? Знаешь, Сара, он всегда одно говорил: «Подождем». (*К Ландау.*) Хорошо тебе было ждать, когда ты знал, что приедет к тебе такая красавица.

ЛАНДАУ. Я не знал, Цви. Я не знал, мой старый друг. Это было видение, только видение.

ЦВИ. Хорошее видение. (*Хватает Сару за вторую руку. Поет.*) «Народ Израиля жив! Израиль отстроит свой дом».

Большой круг танцующих. Все поют. Потом постепенно, парами, по трое, по двое, расходятся.

ХАЛУЦ. Ландау, дайте мне ружье: я за вас покараулю.

ЛАНДАУ. Нет, дорогой! Еще успеешь. Иди, отдохни.

САРА. Я побуду здесь с вами, Ландау, — можно?

ЛАНДАУ. Отдохните.

САРА. Я не устала.

Все уходят. Нахман вскидывает ружье и отходит. Остаются только Сара и Ландау.

ЛАНДАУ. Где же ваш отец, Сара.

САРА (*задумчиво*). У нас в саду была огромная старая береза. Каждую весну вставляли в ее ствол трубку и пили из дерева сок. Вы помните ее?

ЛАНДАУ. Помню. Через забор видел.

САРА. На не<й> повесили моего отца. (*Молчание.*) А мне казак разбил голову револьвером. Я долго после этого болела, чуть не умерла. Но этот удар — спас меня.

ЛАНДАУ. Я писал вам.

САРА. Одно письмо я получила в день смерти отца. Какое это было утешение для меня. Спасибо вам. Теперь я одна-одна во всем мире. (*Молчание.*) А Вы, Ландау? Черный Вы стали и в волосах седина. Тяжело жилось, друг мой?

ЛАНДАУ. Всякие бывали времена, но страшнее всего была глухая тишина, окружившая нас. Но всё это прошло — не правда ли? И вы теперь здесь, Сара. Я вижу вас наяву. И вы здесь, на нашем поле. Это символ, Сара: эта земля, это поле — и ты! И ты, Сара, моя любовь, моя мечта, мое светлое видение! Боже! Это слишком огромное счастье — я не достоин его. (*Целует ее руку.*)

САРА. Дружок мой. На вашем поле я насбирала эти красные цветы. Всё поле усеяно ими. Я срывала цветок и думала: эти цветы Ландау, его молодые силы превратились в цветы.

ЛАНДАУ. Их зовут — Кровь Маккавеев, Сара. Вся Палестина усеяна ими, и есть повер<ье>, что земля до сих пор не хочет принять Крови Маккавеев, и капли ее стоят сверху в виде этих цветов.

САРА. Кровь Маккавеев? (*Смотрит на цветы*). Кровь Маккавеев? (*Кладет ему голову на плечо.*) Ты — кровь Маккавеев.

ЛАНДАУ. Мы все — кровь Маккавеев.

Занавес

21 Мая 1925

Литература

Горький М. Из литературного наследия: Горький и еврейский вопрос / Авт.-сост.: М. Агурский, М. Шкловская. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме; Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986. 535 с.

Кацис Л. Царь Соломон, Алексей Ремизов и Голландия // Лехаим. 2004. № 12 (152). URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/152/katsis.htm (дата обращения 16.02.20).

Маор И. Сионистское движение в России / Авториз. сокр. пер. О. Минц. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. 450 с.

Маркиш Ш. Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 217–250.

Ремизов и Голландия: Переписка с Б.Н. Рапчинским (1947–1957) / Сост. Т.В. Цивьян; отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Наука, 2004. 165 с.

Тименчик Р. Глаз и слово // Лехаим (Москва). 2006. № 8 (172). URL: https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm (дата обращения 16.02.20).

Тименчик Р. Русское слово о Земле Израиля // Лехаим (Москва). 2006. № 4 (168). URL: https://lechaim.ru/ARHIV/168/timenchik.htm (дата обращения 16.02.20).

Хазан В. О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники «Еврейская трибуна» и «Рассвет») // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 84–87.

Хазан В. Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2008. 974 с.

Хазан В., Кацман Р. «…Перо Ваше умелое, много сердца»: Из переписки Авраама Высоцкого и Георгия Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сб. статей. Вып. 8 / Под ред. М.П. Гребневой, Т.В. Чернышевой. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2019. С. 113–145.

Черняева Т.Г. Г.Д. Гребенщиков: письма в Петербург (1912–1916) // Алтайский текст в русской культуре: материалы третьей региональной научно-практической конференции, 4–6 мая 2006 г. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2006. С. 172–235.

Яновский Н.Н. Материалы к словарю «Русские писатели Сибири XX века»: Библиографические сведения. Новосибирск: Горница, 1997. 189 с.

Eeten-Koopmans J. van. Boris Raptschinsky (1887–1983) // Studia Rosenthaliana. 1996. Vol. 30. № 2. P. 282–303.

Hetényi Z. In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940). Budapest and New York, Central European University Press, 2008. 316 p.

Katsis L., Tolstoy H. Judaica Rossica — Rossica Judaica // Jewishness in Russian Culture: Within and Without / Ed. L. Katsis, H. Tolstoy. Leiden: Brill, 2014. P. 1–20.

Katsman R. Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of the Israeli Writers and Intellectuals (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // Around the Point: Studies in Jewish Multilingual Literature / Ed. Hillel Weiss, Roman Katsman, Ber Kotlerman. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 643–686.

Murav H. Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia. Stanford CA: Stanford University Press, 2011. 416 p

Shrayer M.D. General Introduction: The Legacy of Jewish-Russian Literature // Voices of Jewish-Russian Literature / Ed. M.D. Shrayer. Boston: Academic Studies Press, 2018. P. XXI–LVIII.

Smola K. Contemporary Russian-Jewish Literature and Reinvention of Jewish Poetics // Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages / Ed. H. Weiss, R. Kasman, B. Kotlerman. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 607–638.

References

Cherniaeva T.G. G.D. Grebenshchikov: pis'ma v Peterburg (1912–1916) [G.D. Grebenshchikov: Letters to Petersburg]. *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture: materialy tret'ei regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 4–6 maia 2006 g.* [The Altay Text in Russian Culture: Proc. 3d Regional Sci. Conf, May 4–6, 2006], issue 3. Barnaul, Altay University Publ., 2006, pp. 172–235. (In Russ.)

Eeten-Koopmans J. van. Boris Raptschinsky (1887–1983). *Studia Rosenthaliana*, 1996, vol. 30, no. 2, pp. 282–303. (In English)

Gor'kii M. *Iz literaturnogo naslediia: Gor'kii i evreiskii vopros* [From literary legacy: Gorky and the Jewish question], comp. M. Agurskii, M. Shklovskaia. Jerusalem, Hebrew University Publ., Eastern European Jewry Research and Documentation Center Publ., 1986. 535 p. (In Russ.)

Hetényi Z. *In a Maelstrom: The History of Russian-Jewish Prose (1860–1940)*. Budapest and New York, Central European University Press, 2008. 316 p. (In English)

Ianovskii N.N. *Materialy k slovariu "Russkie pisateli Sibiri 20 veka": Bibliograficheskie svedeniia* [Materials to the dictionary "Russian writers of Siberia in the 20th century": Bibliographic information]. Novosibirsk, Gornitsa Publ., 1997. 189 p. (In Russ.)

Katsis L. Tsar' Solomon, Aleksei Remizov i Gollandiia [The King Salomon, Alexey Remizov and Holland]. *Lekhaim*, 2004, no. 12 (152). Available at: http://www.lechaim.ru/ARHIV/152/katsis.htm (accessed: 16.02.20). (In Russ.)

Katsis L., Tolstoy H. Judaica Rossica — Rossica Judaica. *Jewishness in Russian Culture: Within and Without*, ed. L. Katsis, H. Tolstoy. Leiden, Brill, 2014, pp. 1–20. (In English)

Katsman R. Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of the Israeli Writers and Intellectuals (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology). *Around the Point: Studies in Jewish Multilingual Literature*, ed. Hillel Weiss, Roman Katsman, Ber Kotlerman. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 643–686. (In English)

Khazan V. O nekotorykh psevdonimakh deiatelei emigrantskoi russko-evreiskoi pechati (parizhskie ezhenedel'niki "Evreiskaia tribuna" i "Rassvet") [On some pseudonyms of the Russian-Jewish émigré press characters (Parisian weeklies "Evreiskaia tribuna" and "Rassvet")]. *Psevdonimy russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia* [Pseudonyms of Russian diaspora: Materials and studies], ed. M. Schruba and O. Korostelev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 84–87. (In Russ.)

Khazan V. *Pinkhas Rutenberg: ot terrorista k sionistu. Opyt identifikatsii cheloveka, kotoryi delal istoriiu* [Pinkhas Rutenberg: from terrorist to Zionist. An attempt of identifying a person who was making history], in 2 vols. Jerusalem, Gesharim Publ., Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2008. 974 p. (In Russ.)

Khazan V, Katsman R. "…Pero Vashe umeloe, mnogo serdtsa": Iz perepiski Avraama Vysotskogo i Georgiia Grebenshchikova ["…Your pen is masterful, very hearty": From the correspondence between Avraam Vysotsky and Georgy Grebenshchikov]. *Altaiskii tekst v russkoi kul'ture: sb. statei* [The Altay Text in Russian Culture], issue 8, ed. M.P. Grebneva, T.V. Chernysheva. Barnaul, Altay University Publ., 2019, pp. 113–145. (In Russ.)

Maor I. *Sionistskoe dvizhenie v Rossii* [The Zionist movement in Russia], transl. O. Mints. Jerusalem, Biblioteka-Aliia Publ., 1977. 450 p. (In Russ.)

Markish Sh. Russko-evreiskaia literatura: predmet, podkhody, otsenki [Russian-Jewish literature: subject, approaches, evaluations]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 15, pp. 217–250. (In Russ.)

Murav H. *Music from a Speeding Train: Jewish Literature in Post-Revolution Russia.* Stanford CA, Stanford University Press, 2011. 416 p. (In English)

Remizov i Gollandiia: Perepiska s B.N. Rapchinskim (1947–1957) [Remizov and Holland: Correspondence with B.N. Rapchinsky (1947–1957)], comp. T.V. Tsivian, ed. Viach.Vs. Ivanov. Moscow, Nauka Publ., 2004. 165 p. (In Russ.)

Shrayer M.D. General Introduction: The Legacy of Jewish-Russian Literature. *Voices of Jewish-Russian Literature*, ed. M.D. Shrayer. Boston, Academic Studies Press, 2018, pp. XXI–LVIII. (In English)

Smola K. Contemporary Russian-Jewish Literature and Reinvention of Jewish Poetics. *Around the Point: Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages*, ed. H. Weiss, R. Katsman, B. Kotlerman. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing, 2014, pp. 607–638. (In English)

Timenchik R. Glaz i slovo [Eye and word]. *Lekhaim*, 2006, no. 8 (172). Available at: https://lechaim.ru/ARHIV/172/timenchik.htm (accessed: 16.02.20). (In Russ.)

Timenchik R. Russkoe slovo o Zemle Izrailia [Russian word about the Land of Israel]. *Lekhaim*, 2006, no. 4 (168). Available at: https://lechaim.ru/ARHIV/168/timenchik.htm (accessed: 16.02.20). (In Russ.)

“…I would be happy to find a little bit of a place in Russian literature…”: Abraham Vysotsky’s letters to Maxim Gorky

© 2020, Vladimir Khazan, Roman Katsman, Larisa Zhukhovitskaya

Abstract: The published materials are the correspondence of Maxim Gorky and Abraham Leibovich Vysotsky, which had been awaiting publication for many years. Publishers raise the question of A.L. Vysotsky’s place in Jewish literature in Russian and in Russian literature. It is noted that Vysotsky’s works, appreciated by M. Gorky, who published a number of them in the journals “Letopis’” and “Beseda”, were not included in the canon of both Russian literature as well as its Russian-Jewish branch, and Israeli literature in Russian . The writer's biography, genesis and poetics of his works have so far remained beyond the attention of researchers, and one of the objectives of this publication is to try to fill this gap. In the introductory

article, relying on archival materials, Vysotsky's biography is reconstructed, a number of important facts are clarified, including his date of birth, information about his education, literary activity and connection with the Zionist movement is presented, the most significant periods of his life in Russia and Eretz Israel, where he repatriated in 1920, are described, and information on translations of his works into other languages and experiments on their staging is reported. Particular attention of the publishers is focused on the history of interaction between Vysotsky and Gorky who never met personally. This interaction developed exclusively in correspondence, which initially concerned Vysotsky's attempts to offer his short stories to Gorky for publication in his journals. Letters are published according to autographs from the Gorky Archive (Institute of World Literature). The publication is supplemented by two appendixes containing Vysotsky's essay "Maxim Gorky and Zionism" and his drama "Blood of the Maccabees".

Keywords: Maxim Gorky, Abraham Vysotsky, Russian Jewish literature, the Zionist movement.

Information about the authors: Vladimir Khazan, PhD, Professor, Hebrew University, Jerusalem, Israel. E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Roman Katsman, PhD, Professor, Bar-Ilan University, Ramat Gan, Israel. E-mail: roman.katsman@biu.ac.il

Larisa Zhukhovitskaya, Research Engineer, Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: zhuhovicki@gmail.com

Citation: Khazan Vladimir, Katsman Roman, Zhukhovitskaya Larisa. "…I would be glad to find a little bit of a place in Russian literature…": Abraham Vysotsky's letters to Maxim Gorky. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 115–174. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-115-174

КРУГ МЕРЕЖКОВСКИХ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-175-192
УДК 821.161.1

«Германия и мир»: Интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович

© 2020, А.Ф. Строев

Аннотация: Статья посвящена интервью, данному Д.С. Мережковским осенью 1915 г. французской журналистке и писательнице феминистского толка Марили Маркович (1866–1926, настоящее имя Амели Нери). Встреча состоялась в период пребывания Маркович в России в качестве специального корреспондента “Le Petit journal” и журнала “Revue des Deux Mondes”, однако, в отличие от других публикаций Маркович, интервью с Мережковским вышло с большим опозданием, лишь 22 января 1916 г. Автор статьи анализирует прямой диалог писателя и журналистки с цензурой, в ходе которого Маркович удается, однако, донести до французского читателя позицию русской либеральной интеллигенции. Маркович представляет Мережковского не просто как знаменитого автора, хорошо известного во Франции, но как пророка, цитируя в первой части интервью его статью «Железо под молотом». Оригинальный текст интервью на французском языке полностью приведен в статье с приложением перевода. Публикатор реконструирует подтекст интервью, в создании которого играет роль, в частности, сознательная установка Маркович и Мережковского на театрализацию диалога.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, М. Маркович, либеральная интеллигенция, пангерманизм, панславизм, Первая мировая война.

Информация об авторе: Александр Федорович Строев, д.ф.н., профессор, Университет Новая Сорбонна — Париж 3, Париж, Франция. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Цитирование: *Строев А.Ф.* «Германия и мир»: Интервью Д. Мережковского французской журналистке М. Маркович // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 175–192. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-175-192

Марили Маркович (1866–1926, настоящее имя Амели Нери, подписывала свои сочинения Амели де Нери) — журналистка и писательница, убежденная феминистка[1]. В юности жила несколько лет в Алжире. Преподавала литературу. Дважды была замужем, дважды овдовела. Второй супруг — инженер Эдуард Маркович Бенуа (свадьбу сыграли в 1896 г.), русский по происхождению. Марили Маркович сопровождала его в поездках в Персию и в арабские страны. Писала статьи о положении женщин на мусульманском Востоке, на Балканах и в Европе, пьесы для детского театра, издала роман о монастырском воспитании девушек. Вела активную анти-алкогольную пропаганду.

В начале Первой мировой войны Маркович печатала свои патриотические стихи в виде почтовых открыток с подобающими иллюстрациями и продавала их в пользу солдат. Летом 1915 г. вдова 49 лет оставила 17-летнего сына (через два года он уйдет на войну) и, видимо, благодаря знанию русского языка добилась того, чтобы ее отправили в Россию специальным корреспондентом газеты “Le Petit journal” (тираж в 1914 г. около 850 000 экземпляров) и журнала “Revue des Deux Mondes”. В газету она посылала заметки (они печатались на первой и второй полосах через одну-две недели, как только приходила почта), а в “Revue des Deux Mondes” — подробные репортажи с претензией на литературность (они появлялись через несколько месяцев после описываемых событий).

В июне 1915 г., проехав через Англию и нейтральную Швецию, Марили Маркович прибыла в Петроград, привезя с собой целые пачки открыток, которые она, видимо, раздавала как визитные карточки. В Швеции она взяла интервью у нобелевской лауреатки Сельмы Лагерлёф (не забыв и ей подарить открытки)[2]. Газета и журнал были консервативного толка, что создавало Маркович хорошую репутацию в официальных кругах. На фронт иностранных корреспондентов, а тем более женщин, не очень пускали. Однако в ноябре 1915 г. журналистка сумела встретиться в военном госпитале в Царском Селе с императрицей Александрой Федоровной и ее дочерьми и получила дозволение

[1] *Markovitch M*. La Révolution russe vue par une Française / Ed. Olivier Cariguel. Paris, 2017; *Guillemot C*. Marylie Markovitch, poétesse et reporter de guerre // Le Blog Gallica. Les femmes et la presse. URL: https://gallica.bnf.fr/blog/03102019/marylie-markovitch-poetesse-et-reporter-de-guerre?mode=desktop (дата обращения: 14.01.2020). Сердечно благодарю Е.А. Андрущенко за помощь при подготовке статьи.

[2] *Markovitch M*. Le sphinx suédois. Une visite à Mme Selma Lagerlöf. Lettre ouverte à Mme Daniel-Lesueur // La Renaissance Politique, Littéraire et Artistique. 1915, 26 juin. P. 15–16.

отправиться на фронт в санитарном поезде в качестве сестры милосердия, о чем написала и в газете, и в журнале[3].

Как следует из беседы с Мережковским, Маркович намеревалась провести в России зиму 1915 – 1916 гг., однако осталась на два года, ибо находилась в гуще событий. Летом 1916 г. она заболела, лечилась в Крыму по приглашению императрицы (репортаж «Из траншей в рай русской Ривьеры. Июнь-сентябрь 1916 г.»[4]). В декабре ее оперировали в госпитале в Царском Селе. Пять репортажей-хроник из Петрограда «Сцены русской революции» вышли в "Revue des Deux Mondes" в мае-ноябре 1917 г. В конце августа или начале сентября 1917 она вернулась во Францию тем же путем, через Швецию и Англию, и стала готовить книгу на основе первых четырех репортажей. В октябре снова разболелась. Книга «Русская революция глазами француженки» вышла в январе 1918 г. Последние годы она лечилась, получала более чем скромное пособие от Общества литераторов и тихо угасла в январе 1926 г.

В России французская журналистка завязала знакомства не только при дворе, но и среди либеральной интеллигенции. Она посещала политических деятелей, октябристов, прогрессистов, кадетов и трудовиков. Летом и в начале осени 1915 г. она дважды беседовала с А.Ф. Керенским[5], встречалась с П.Н. Милюковым[6], но смогла написать об этом только в 1917 г. И тогда же напечатала в газете давнее интервью Керенского (к нему мы еще вернемся) и новое, П.Н. Милюкова, ставшего Министром иностранных дел[7]. В 1916 г. Маркович взяла интервью у М.В. Родзянко, председателя Государственной Думы (этот материал поместили сразу[8]), и, предсмертное, у профессора социологии и депутата Думы М.М. Ко-

---

[3] *Markovitch M*. L'impératrice de Russie reçoit l'envoyé du "Petit Journal" // Petit Journal. 1915, 29 novembre. P. 1–2 ; *Markovitch M*. Tableaux du front russe. Du front russe de Galicie. Décembre 1915 // Revue des deux mondes. 1916, 1 mars. P. 36–64 ; *Markovitch M*. L'impératrice en voile blanche. Tsarskoïe Sélo et les hôpitaux de Sa Majesté Alexandra Feodorovna // Revue des deux mondes, 1916, 1 avril. P. 556–583.

[4] *Markovitch M*. Des tranchées aux paradis de la Riviera russe // Revue des deux mondes. 1917, 15 mars. P. 418–456. Журналистка описывает, в числе прочего, беседу с Генриком Сенкевичем, племянником писателя.

[5] *Markovitch M*. Une semaine de révolution à Petrograd // Revue des deux mondes. 1917, 15 mai. P. 441–442.

[6] *Markovitch M*. Lendemains de révolution à Petrograd // Revue des deux mondes. 1917, 1 juillet. P. 202.

[7] *Markovitch M*. "Nous apportons à la guerre des forces nouvelles", déclare à notre envoyé spécial ministre russe des affaires étrangères // Le Petit Journal. 1917, 17 avril. P. 1–2.

[8] *Markovitch M*. M. Rodzianko, président de la Duma, affirme sa foi dans la victoire finale // Le Petit Journal. 1916. P. 1.

валевского, много лет жившего во Франции, давнего знакомого Д. Мережковского.

Газетные заметки и, в меньшей степени, репортажи М. Маркович ура-патриотичны, патетичны, а при описании царской семьи — подобострастны. Они должны были удовлетворять гражданскую и военную цензуру, редакции, французские и русские власти. После Февральской революции слог меняется, делается более откровенным: журналистка пишет о промахах и недостатках царя, об энтузиазме и жестокостях революционных толп. Конечно, все симпатии ее на стороне тех, кто хочет вести войну до победного конца, в первую очередь Керенского. Ленина она описывает с убийственной иронией.

Маркович встретилась с Мережковским и Гиппиус осенью, скорее всего в конце сентября или начале октября 1915 г. Первая часть интервью включает обширные выдержки из статьи Мережковского «Железо под молотом», напечатанной в газете «Биржевые ведомости» 11/24 сентября 1915 г. Об этом пишет сама журналистка: «Г-н Мережковский опубликовал несколько дней назад статью, которую я решила положить в основу интервью». Два абзаца переведены с русского с минимальными изменениями, а потому в обратном переводе с французского я использовал текст Мережковского.

Интервью вышло в еженедельнике “La Renaissance Politique”, более либеральном, чем “Le Petit journal” и “Revue des Deux Mondes”. Маркович постоянно печаталась в нем с момента основания еженедельника в 1913 г. Главный редактор, искусствовед Анри Лапоз, в 1909 г. дал ей рекомендацию для вступления во французское Общество литераторов. В 1896 г. Лапоз приезжал в Россию и посетил Л. Толстого в Ясной поляне[9]. В 1913–1915 гг. Маркович опубликовала в еженедельнике 11 статей, в том числе, как уже говорилось, о встрече с Сельмой Лагерлёф[10]. Однако, в отличие от других публикаций, интервью с Мережковским вышло с большим опозданием, лишь 22 января 1916 г. В тексте ясно виден прямой диалог писателя и журналистки с цензурой.

[9] *Lapauze H.* De Paris au Volga : le couronnement de Nicolas II, une visite à Léon Tolstoï, les foires de Nijni-Novgorod. Paris ; New-York : A. Lemerre, 1896.

[10] М. Маркович также печатала статьи о России в 1916–1917 гг. в иллюстрированном журнале “Lecture pour tous” («Чтение для всех»)

L'Allemagne et la paix jugées par un écrivain russe Ce que dit M. Dimitri Merejkowski[11]

M. Dimitri Mérejkowski, l'auteur de *La Mort des dieux*, de *La Résurrection des dieux*, et d'autres belles œuvres d'inspiration nationale que nous avons le tort de moins bien connaître, habite, quand il n'est pas à Paris, une tranquille maison de la Serghiewskaïa, près du jardin de la Douma. C'est là que je suis allée le voir.

Le maître me reçoit dans son cabinet de travail. Il est nuit close. Deux lampes, dont les abat-jours tamisent la clarté, donnent à cette pièce, où tant de pensées battent des ailes, un caractère de douce et presque religieuse intimité. Sur le bureau, un travail commencé que ma visite a interrompu. L'écrivain est assis sur un divan, dans l'ombre. Son visage pâle troue cette obscurité d'une belle tache de lumière : tels sont ses livres sur l'âme encore obscure pour nous du peuple russe.

Je n'ai pas de peine à placer la conversation sur le terrain qui m'intéresse. La moindre allusion aux événements y suffirait. Mais M. Mérejkowski a publié il y a quelques jours un article dont j'avais décidé de faire la base de mon interview.

— La partie la plus importante n'a pas paru, me dit l'éminent écrivain. J'avais songé à une publication intégrale dans un pays neutre : en Suède par exemple. Certains scrupules m'ont retenu. Un devoir supérieur nous impose de ne pas éclairer les Allemands sur certains côtés du notre état d'âme. Il est bien vrai que nous traversons une crise, mais il est bien plus vrai encore que l'amour de la patrie domine en nous tous les sentiments — et même les ressentiments...

— Cependant on parle de paix au Reichstag et il s'est trouvé des journaux, ainsi que certaines personnalités éminentes pour essayer d'en propager l'idée.

— La paix ? Il n'y a de possible que celle dictée par les Alliés après leur complète victoire. Toute autre serait dès le premier jour caduque.

— Et si, contre toute prévision, la victoire revenait à l'Allemagne ?

— Ce serait un tel malheur pour le monde et la civilisation qu'il faudrait aussitôt recommencer la guerre. Notez que je ne me place pas seulement à notre point de vue. La victoire allemande serait un malheur pour les Allemands eux-mêmes. Leur salut est dans la défaite. L'Allemagne n'est plus l'Allemagne, mais une nation enivrée d'avoir bu jusqu'à la lie la coupe de l'orgueil. Nous connaissions les Allemands comme des

[11] La Renaissance Politique, Littéraire et Artistique. 1916, 22 janvier (4e année, n° 2). P. 16–17.

gens sensés : cette guerre nous a appris qu'une autre Allemagne dont nous ignorions l'existence est née. Ou plutôt la vieille Allemagne des poètes, des philosophes, des musiciens, des érudits a été étouffée par une autre, à figure non pas humaine, mais comparable à ce qui se passe en un homme quand il devient fou — ou, comme on disait jadis, quand il est *possédé*. L'humanité lutte avec un peuple fou, avec un peuple « possédé ».

Tandis que M. Mérejkowski parle je ne le quitte pas des yeux. La belle clarté que son visage répandait dans l'ombre est devenu de la splendeur, sa voix, aux inflexions douces, au timbre prenant et qu'il n'élève jamais, a pris un accent d'autorité inattendue. On devine qu'il va prononcer un jugement sans appel.

— La folie de l'Allemagne, reprend-il, est la plus ancienne de toutes. C'est la folie babylonienne, médique, persane, grecque, romaine..., c'est la folie d'un peuple qui prétend régner sur l'univers, se substituer à tous les autres peuples, en un mot devenir l'Humanité. Cela étant posé on peut dire que l'Allemagne est en guerre non pas avec tel ou tel peuple, mais avec tout l'univers, avec toute l'Humanité. Les Allemands l'ont compris, car cela ressort de leur métaphysique même. Ils savent aussi que la lutte entreprise n'a pas pour fin la *victoire*, mais la *vie*. Vivre ou mourir ! voilà le dilemme pour l'Allemagne et pour l'Humanité. C'est le « *To be or'not to be* » d'Hamlet posé dans sa signification la plus tragique. À ce dilemme, les Allemands ont répondu : « Que l'Allemagne vive, que l'Allemagne soit l'Humanité ! » Supposons un instant que nous nous trompons, que la fin digne de l'histoire du monde soit la caserne prussienne, même sous la forme d'une république sociale-démocrate... L'humanité ne peut accepter une telle fin et, si elle ne peut se sauver autrement, qu'elle périsse, qu'elle s'anéantisse, car il ne serait plus la peine de vivre sur une terre ainsi souillée !...

***

La porte venait de s'ouvrir, livrant passage à une apparition souriante et blonde, vivant contraste à cette péroraison tragique. J'y voulus voir un heureux présage.

Celle qui venait d'entrer ainsi, c'était Mme Hippius, dont les œuvres, comme celles du maître, sont empreintes d'un si grand souffle de libéralisme et d'art.

— Je n'ai aucune haine contre les Allemands, reprit M. Mérejkowski après m'avoir présenté sa compagne de labeur, je les plains, car l'âme en eux semble morte. Cependant il faut espérer que cette âme se réveillera. Alors malheur à ceux qui ont déchaîné sur l'Allemagne et sur le monde d'aussi effroyables calamités !

Nous parlions de la possibilité de la victoire allemande. Je n'y crois pas. Non pas seulement par conviction patriotique — ce qui est noble

mais un peu naïf — mais par déduction. L'Allemagne est un peuple ailé, une puissance aérienne, un zeppelin, si vous voulez. Mais la France l'est aussi, et bien davantage encore, avec plus de force, de splendeur et de magnificence parce qu'elle a retrouvé son héroïsme et n'a pas, comme l'Allemagne perdu son idéal. Pour continuer la comparaison, mettons que la France est un aéroplane, c'est-à-dire la plus ailée de toutes les puissances. Sa culture, qui est aussi celle de l'Italie, la culture latine, lui a fait cette âme magnifique et chevaleresque qui une fois encore la sauvera...

Il y eut un instant d'émouvant silence. Après les poignantes évocations de tout à l'heure, ces paroles purifiaient l'atmosphère, nous ouvraient une échappée sur l'azur. Mon âme, débarrassée de son oppression planait aussi dans les nues.

— Oui, reprit mon hôte, avec une émotion presque religieuse, la victoire restera à la France, parce que c'est vraiment pour elle l'heure de la renaissance, et parce qu'elle a recouvré sa spiritualité que l'Allemagne a perdue... Pour nous, Slaves, nous sommes un peuple terrestre, à côté de vous, peuples aériens. Notre symbole n'est pas l'aéronef, mais le char primitif, solidement appuyé sur la terre, quelquefois même un peu enlisé dans la boue. Nous sommes un peuple dont l'idéal n'a pas encore eu le temps d'éclore ; mais parce que nous avons gardé la bonne simplicité des nations primitives, la naïveté, la sainteté, l'obéissance, nous sommes une force. C'est aussi ce contraste avec la nation française qui fait la valeur de notre alliance. Vous êtes à l'extrémité de la civilisation, et nous au commencement. Il est bon que nous nous donnions la main...

Et, tout à coup :

— Est-ce la première fois que vous venez en Russie ?

— Oui, si j'en excepte un voyage de tourisme fait au Caucase.

— Y êtes-vous pour longtemps ?

— J'y voudrais passer l'hiver. Il ne me plaît pas de repartir avec une connaissance superficielle du peuple russe. Or, jamais l'occasion de l'étudier ne sera plus favorable qu'à cette heure où les cruelles nécessités de la défense ont amplifié ses qualités et ses défauts jusqu'à les rendre visibles à l'observateur le moins attentif, je me suis trouvée en contact avec l'armée, non une armée composée de recrues anciennes à laquelle la discipline a déjà imposé un pli uniforme, mais avec les jeunes gens venus de tous les points de l'empire et qui ont encore toute leur fraîcheur d'âme, toute leur sincérité d'expression. J'y ai pris un profond, un sincère amour du peuplé russe. Aussi je voudrais pénétrer maintenant, jusqu'à la moelle de sa moelle, si j'ose dire.

M. Mérejkowski sourit :

— Cela est difficile, mais nécessaire, et je suis heureux de trouver une Française dans ces dispositions.

— Il me semble, dis-je, que la Russie va jouer un si grand rôle dans le développement de l'Europe future.

— Certes ! Et vous n'imaginez pas quels fruits magnifiques pourraient résulter de l'union intime du peuple russe avec la France. Mais il faut *savoir* et en France *on ne sait pas* ; *on ne nous connaît pas*. Ne vous lassez pas de le dire et de nous faire connaître, si vous le pouvez. Au point de vue politique, il est maintenant avéré que des fautes ont été commises dans les Balkans. Prenons bien garde qu'il n'y en ait pas de vous à nous. Elles seraient involontaires, j'en suis sûr, mais *c'est déjà un grand tort que de ne pas savoir*.

Un grand mouvement d'idées s'accomplit en Russie, une évolution se fait dans les âmes ; prenez garde d'en être les témoins inattentifs. La guerre passera ; il faut que l'alliance reste.

Quel que soit le résultat de cette guerre au point de vue des armes, elle marquera une date mémorable pour l'avenir de la Russie.

Une révolution pacifique est en train de s'accomplir et bien qu'on ne la voie pas elle a déjà commencé ! Mais nous voulions que cette révolution soit celle de l'ordre. Bien mieux : nous serons heureux qu'elle s'accomplisse *par en haut*.

Je ne puis m'expliquer davantage. La France a toujours passé pour le pays des explications subtiles, des ententes à demi-mot : Vous êtes Française, vous me comprendrez !

Ainsi parla M. Dimitri Mérejkowski. Qu'ajouterais-je à ces paroles que le lecteur n'ait déjà compris ?

Marylie Markovitch (Mme Amélie de Néry).

[Перевод:]

Германия и мир:
суждения русского писателя
Вот что говорит г-н Дмитрий Мережковский

Г-н Дмитрий Мережковский, автор «Смерти богов», «Воскресших богов» и других прекрасных произведений, исполненных национального духа, которые мы, к сожалению, знаем хуже, живет, когда он не в Париже, в тихом доме на Сергиевской улице, неподалеку от сада Думы[12]. Там я и посетила его.

[12] С 1912 г. Д. Мережковский, З. Гиппиус и Д. Философов жили в Петербурге в квартире 17 в доме 83 по Сергиевской улице (ныне улица Чайковского). Окна выходили на Таврический дворец, где заседала Государственная Дума

Мэтр принимает меня в своем рабочем кабинете. Уже наступила ночь. Две лампы, чей свет приглушен абажурами, создают в комнате, где роится столько дум, атмосферу нежной и почти религиозной близости. На письменном столе работа, прерванная моим посещением. Писатель сидит на диване, в тени. Бледное лицо его пробивается из мрака ярким световым пятном: таковы его книги о душе русского народа, еще темной для нас.

Мне было несложно завести беседу на интересующую меня тему. Хватило бы малейшего намека на текущие события. Но несколько дней назад г-н Мережковский опубликовал статью, которую я решила положить в основу интервью.

— Самая важная часть была опущена, — говорит мне знаменитый писатель. — Я думал напечатать полностью в нейтральной стране, например в Швеции. Но угрызения совести удержали меня. Высший долг велит нам не раскрывать перед немцами все стороны нашей души. Правда, что мы переживаем кризис, но еще бóльшая правда в том, что любовь к отечеству в нас сильнее всех прочих чувств — и даже обид…

— Однако в рейхстаге говорят о мире, и нашлись газеты, а также некоторые влиятельные лица, которые пытаются пропагандировать эту идею.

— Мир? Возможен лишь такой, который продиктуют союзники после полной победы. Любой другой тотчас рухнет.

— А если, против всех ожиданий, победу одержит Германия?

— Это будет такое несчастье для всего мира, для цивилизации, что придется тотчас начать новую войну. Заметьте, я говорю не только с нашей точки зрения. Победа станет бедой для самих немцев. Их спасение в поражении. Германия — уже не Германия, а опьяненная нация, до дна испившая чашу гордыни. Мы знали немцев как разумных людей: война открыла нам, что родилась новая Германия, о существовании которой мы не подозревали. Или, вернее, что старую Германию поэтов, философов, музыкантов, ученых задушила новая, с лицом не человеческим, но сходным с тем, что происходит в человеке, когда он сходит с ума — или, как говорили некогда, «беснуется»[13]. Человечество борется с сумасшедшим «бесноватым» народом.

[13] В этом и следующем абзацах М. Маркович переводит статью Мережковского «Железо под молотом». Во фразе пропущена логическая связка. У Мережковского сказано: «с лицом в самом деле не человеческим и даже не зверским, а дьявольским. Не одичание, не озверение происходит там, а нечто более страшное, чему нет имени на языке человеческом, но что можно сравнить с тем, что происходит в человеке,

Когда г-н Мережковский говорит, я не свожу с него глаз. Ясный свет, который его лицо излучало в тени, превратился в сияние; его голос с мягкими интонациями и чарующим тембром, которой он никогда не повышает, приобрел нежданную властность. Чувствуется, что он вынесет окончательный приговор.

— Германское безумие, — продолжает он, — самое древнее из всех. Это безумие вавилонское, мидийское, персидское, эллинское, римское…, это безумие «мирового владычества», воля народа заменить все прочие, одним словом, быть Человечеством. Установив это, можно сказать, что Германия воюет не с тем или другим народом, но со всем миром, со всем Человечеством. Немцы это поняли, ибо это правильный вывод из сути их метафизики. Знают они и то, что борьба идет уже не за *победу*, а за *существование*. Жить или умереть! вот как поставлен вопрос перед Германией и перед Человечеством. Это "*To be or not to be*" Гамлета в его самом трагическом смысле. На этот вопрос немцы ответили: «Быть Германии; Германия да будет человечеством!» Но пусть мы ошибаемся; пусть достойный конец всемирной истории — прусская казарма, хотя бы в виде социал-демократической республики… Человечество не примет такого конца, и если нельзя иначе спастись, то лучше погибнет, уничтожит себя, ибо не стоит жить на такой земле опоганенной!

***

Дверь распахнулась, отворив проход белокурому улыбающемуся видению, живому контрасту трагической рацее. Мне захотелось увидеть в этом доброе предзнаменование.

Это вошла г-жа Гиппиус, чьи творения, так же как сочинения мэтра, пронизаны столь сильным духом либерализма и искусства.

— Во мне нет никакой ненависти к немцам, — продолжил г-н Мережковский, представив мне спутницу трудов своих, — я жалею их, ибо душа их кажется мертвой. Однако будем надеяться, что душа их пробудится. И тогда горе тем, кто вверг Германию и мир в пучину столь страшных бед!

Мы говорили о возможности победы Германии. Я в нее не верю. Не только из патриотических убеждений — благородных, но несколько наивных, — а исходя из логики. Германия — крылатый народ, воздушная держава, цеппелин, если хотите. Но и Франция крылата, и еще пуще, с большей силой, блеском и щедростью, ибо она обрела свой героизм и не утратила, как Германия, свой идеал.

когда он сходит с ума» (*Мережковский Д.С.* От войны к революции. Дневник 1914–1917. Пг., 1917. С. 193).

Чтобы продолжить сравнение, скажем, что Франция — аэроплан, то есть самая крылатая из всех держав. Ее культура, так же как культура Италии, культура латинская, породила эту великолепную и рыцарственную душу, которая снова спасет ее…

Наступила минута волнующего молчания. После недавних тяжких откровений эти слова очистили атмосферу, открыли лазейку в лазурь. Моя душа, сбросив тяжесть, парила в небесах.

— Да, — продолжил хозяин дома с почти религиозным чувством, — победа будет за Францией, ибо воистину пробил час ее возрождения, и она обрела духовность, которую Германия утратила… А мы, славяне, — земной народ, в сравнении с вами, воздушными народами. Наш символ — не летательный аппарат, а примитивная повозка, крепко стоящая на земле, даже подчас увязающая в грязи. Мы народ, чей идеал еще не успел расцвести, но именно потому, что мы сохранили отменную простоту первобытных наций, наивность, набожность, послушность, мы — сила. И в этом контрасте с французской нацией ценность нашего союза. Вы в конце развития цивилизации, а мы в начале. И мы должны подать друг другу руку…

И вдруг:

— Вы впервые приехали в Россию?

— Да, если не считать туристического путешествия по Кавказу.

— Вы надолго?

— Я хотела бы провести зиму. Мне не хочется уезжать с поверхностным знанием русского народа. А никогда более не представится лучший случай узнать его, чем сейчас, когда жестокая необходимость защищаться обнажила его достоинства и недостатки до такой степени, что их замечает самый невнимательный наблюдатель. Я увидела русскую армию, не прежнюю армию рекрутов, на которых наложила отпечаток дисциплина, а молодых людей со всех концов империи, сохранивших душевную свежесть, искренность чувств. Я глубоко и искренне полюбила русский народ. Я хочу постичь его до мозга костей, если можно так выразиться.

Г-н Мережковский улыбнулся:

— Это трудно, но необходимо, и я рад, что француженка стремится к этому.

— Мне кажется, что Россия сыграет очень важную роль в будущем развитии Европы.

— Безусловно! И вы не представляете, сколь чудесные плоды может принести тесный союз русского народа с Францией. Но надо *знать*, а во Франции не *знают*, *не знают нас*. Твердите об этом без устали, рассказывайте о нас, если можете. Сейчас стало ясно, что на

Балканах были допущены политические ошибки. Постараемся, чтобы вы их не допустили по отношению к нам. Они будут невольными, я в этом уверен, *но не знать — уже серьезный промах.*

В России идет великое брожение умов, духовная эволюция; постарайтесь не остаться невнимательными свидетелями. Война пройдет, союз должен сохраниться.

Чем бы она ни закончилась с военной точки зрения, она станет памятной датой для будущего России.

Сейчас совершается мирная революция, и хотя ее не видно, она уже началась! Но мы хотим, чтобы она была революцией порядка. Более того: мы будем счастливы, если она осуществится *сверху*.

Я не могу вдаваться в объяснения. Франция всегда слыла страной тонких намеков, которые понимают с полуслова: вы француженка, вы меня понимаете!

Так говорил Дмитрий Мережковский. Что могу я добавить к этим словам, которые читатель уже понял?

Марили Маркович (г-жа Амели де Нери)

Попробуем понять, что постарались сказать французскому читателю писатель и журналистка.

Маркович представляет Мережковского не просто как знаменитого автора, хорошо известного во Франции, постоянно живущего в ней, но как пророка. Писатель играет, журналистка подыгрывает. Описание обстановки подчеркнуто театрально: лицо писателя излучает сияние, голос — власть. Мережковский рассуждает, судит и выносит приговор Германии. В заключительных словах «Так говорил…» слышится отсылка к «Так говорил Заратустра», хотя справедливости ради отметим, что Маркович частенько использует эту формулу в газетных статьях. К Ницше отсылают упоминания романов «Смерть богов», «Воскресшие боги». Из-за напыщенного мистического стиля («Моя душа… парила в небесах», «почти религиозная близость», «с почти религиозным чувством») результат получается почти пародийный, как в статьях литературных недругов Мережковского (Розанов В.В. Потуги на пророчество; 1909).

Первая половина интервью (до прихода Зинаиды Гиппиус) преподносится как вдохновенная речь. Как уже было сказано, это перевод статьи «Железо под молотом», но интервью изменяет ее смысл.

В эти годы Мережковский и Гиппиус настроены против войны.

> Когда ночью проснешься и вдруг вспомнишь: «война!» — в душе подымается ужас. Можно ли воевать, чем оправдать войну,

> какой смысл в войне, — как бы мы ни отвечали на эти вопросы, ужас остается ужасом. (Мережковский Д. Война и религия; 1914)[14]

Однако речь не идет о пораженчестве. Гиппиус записывает в дневнике в августе 1914 г.:

> Когда очередь дошла до меня, я сказала очень осторожно, что войну по существу, как таковую, отрицаю, что всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим, над другой страной, носит в себе зародыши новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление, а каждая война отдаляет нас от того, к чему мы идем, от «вселенскости». Но что, конечно, учитывая реальность войны, я желаю сейчас победы союзников.
>
> Керенский, который стоял направо, рядом со мною и говорил тотчас после меня, подхватил эту «вселенскость» (упорно говоря «вселенность!») и, с обычной нервностью своей, сказал приблизительно то же и так же кончил «за союзников»[15].

В статьях 1914–1915 гг. Мережковский выступает против «пангерманизма» и «панславизма»:

> В настоящей войне происходит торжество славянофильского национализма, окончательно выродившегося в «зоологический патриотизм». (О религиозной лжи национализма; 1914)[16]
>
> «Панславизм» Достоевского так же, как всех русских славянофилов, — «пангерманизм», перелицованный, переведенный на русский язык. (Распятый народ; 1915)[17]

В интервью с первых строк заявляется, что «любовь к отечеству в нас сильнее всех прочих чувств», и говорится о необходимости войны до полного разгрома Германии, ибо иначе мир не может быть установлен. Разумеется, главная цель Маркович — уверить французского читателя, что Россия — верный и надежный союзник. В статье «Железо под молотом» сказано несколько иное: «Будем же воевать до конца и помнить, что в этой войне победит не любовь к отечеству, к своему народу, а только любовь ко всем народам, ко всему человечеству»[18].

---

[14] *Мережковский Д.С.* От войны к революции. С. 175.
[15] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 10–11.
[16] *Мережковский Д.С.* От войны к революции. С. 131.
[17] Там же. С. 60.
[18] Там же. С. 195.

В статье «О религиозной лжи национализма» Мережковский вскользь упомянул, что «связь Канта с Круппом сомнительна»[19], вступив в полемику с речью В.Ф. Эрна «От Канта к Круппу», произнесенной в октябре 1914 г. (Русская мысль. 1914. № 12)[20]. Эрн утверждал, что «Германское безумие проходит формы научные, методологические, философские и, наконец, срывается в милитаристическом буйстве»[21]. В интервью и в статье «Железо под молотом» удар направлен только против немецких претензий на мировое господство, и выводятся они из обезумевшей немецкой метафизики. Мережковский использует в статье образ «сумасшедший Кант», т.е. обезумевший разум. Дважды немцы называются бесноватыми, но, в отличие от статьи, не утверждается, что их обуял зверь — Антихрист. В интервью мистика уходит в антураж, а идея «вселенскости», столь важная для Мережковских, исчезает.

Подлинное интервью начинается только во второй части, после прихода Гиппиус. В разговоре она участия не принимает и мелькает как «виденье» Но представляя ее, журналистка произносит важное слово: «либерализм».

Мережковский переходит к новой теме. Он говорит о «мертвой душе» немцев, которая может пробудиться (гоголевская метафора), но, напомним, его самого как ходячего покойника изобразил Иванов-Разумник в статье «Мертвое мастерство» (1911). А затем писатель развивает противопоставление людей земли и воздуха, России и Запада. От Античности до XX в. тема полета связана со свободой, бунтом и творчеством, со странствиями души, не без примеси дьявольщины (от искушения Христа в пустыне, от Симона Волхва до Фауста и Воланда)[22]. От Горького до Блока, Иванова-Разумника[23], Мандельштама, Булгакова, Пастернака — все на стороне крылатых.

Мережковский видит себя и Россию в образе древних титанов, сынов Геи, первых богов, низринутых в Тартар: «Обуглены крылья, /

[19] Там же. С. 123.

[20] Грузинский символист Григол Робакидзе тотчас оспорил ее в статье «Кант и Крупп» (1914).

[21] *Эрн В.Ф.* Меч и крест. Статьи о современных событиях. М., 1915. С. 33.

[22] Я касался истории воздухоплавания XVIII в. и ее мистической трактовки в статье: *Строев А.* Летающий философ (Жан-Жак Руссо глазами Гримма) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 132–145. См. обстоятельный анализ этой темы в кн.: *Darnton R.* Mesmerism and the End of Enlightenment in France. Cambridge; London, 1968.

[23] «Всемирность русской революции — вот что пророчески предвидят народные поэты распинаемой правды <…> Борьба бескрылых с крылатыми — история Мира, история человечества, история революции», — пишет Иванов-Разумник в ноябре 1917 г. (Две России // Скифы. Сб. 2. 1918. С. 224, 231), отправляя Мережковского к могильным червям революции (Там же. С. 228).

И ног змеевидных / Раздавлены кольца» (стихотворение «Титаны», 1894)[24], а затем в виде «крылатого мужика», не сумевшего взлететь, символа страны, зарытой в землю, погребенной заживо, в отличие от Европы, следующей путем героя Мережковского Леонардо да Винчи («Воскресшие боги», 1900–1901), инфернального строителя летательных аппаратов (статья «Земля во рту», 1909). В этой статье писатель вспоминает, как в том же году около Берлина он «увидел впервые человеческие крылья, серебристо-серые на темно-лиловом, вечереющем небе, и лицо человека, как лицо Бога, сквозь вертящееся, паутинное солнце пропеллера»[25]. Д. Философов восторженно описывает эту сцену в письме к Блоку от 2 (15) октября 1909, З. Гиппиус — в стихотворении «Zepplin III» (1909: «То серо-блещущий летун / Жужжит над старой колокольней <…> Нет, мы не здесь, в юдоли дольней, / Мы с ним, летим, к завесе туч!»), а Мережковский, иронически, — в незавершенной пьесе без названия (1910).

В интервью Маркович писатель символически сажает на землю гоголевскую птицу-тройку Русь[26]. Повозка увязает в грязи, как уже было сказано в статье «Земля во рту»: «за мгновенным полетом — стремительное падение в грязь»[27]. Не стихийные духи (гномы, светлые и темные эльфы) олицетворяют земные и воздушные народы, а машины, орудия войны, самолеты и дирижабли. Немецкие цеппелины бомбят Париж, а 8 сентября 1915 г. Лондон. Максимилиан Волошин пишет стихи «Цеппелины над Парижем» (18 апреля 1915 г.), а Мережковский — статью «Убийца лебедей» (1914): «Цеппелин, кидающий бомбы в Национальную библиотеку, пулемет, громящий Венеру Милосскую, двадцатидюймовая гаубица, разрушающая Реймсский собор…»[28]

В ответ на возвышенные речи журналистка как истинная француженка возносится: «Моя душа, сбросив тяжесть, парила в небесах».

А далее Мережковский, в пересказе Маркович, прикладывает к России образ доброго дикаря. Его последовательно использовали французские просветители (Руссо, Вольтер, Дидро), а затем французские романтики, русские писатели и политики. Тирада Мережковского вполне соответствует двум составляющим уваровской триады (народность и православие). Он практически повторяет слова

[24] Символисты Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, К. Бальмонт, Г. Робакидзе и др. последовательно разрабатывают миф о летучем змее (драконе) и змееборце.

[25] *Мережковский Д.С.* Больная Россия. СПб., 1910. С. 252.

[26] М. Вайскопф видит в ней платоновскую колесницу души (*Вайскопф М.* Птица-тройка и колесница души. М., 2003).

[27] *Мережковский Д.С.* Больная Россия. С. 261.

[28] *Мережковский Д.С.* От войны к революции. С. 168.

Д. Фонвизина из «Писем из Франции» (1778): “Nous commençons et ils finissent” («Мы в начале, а они в конце»). Г-жа де Сталь, убежав в 1812 г. от Наполеона в Россию, видела спасение в том, что русские под налетом цивилизации сохранили первобытную силу («Десять лет в изгнании», 1811–1812, опубл. 1820)[29]. Напомним, что именно в конце XVIII — начале XIX в. французская пропаганда активно использует миф об угрозе нашествия северных варваров, столь важный для русских «скифов» начала XX в.

После кратких расспросов Мережковский переходит к ситуации в стране после того, как 3 (16) сентября 1915 г. царь распустил Государственную думу. Русские войска отступают, оставляют Польшу, внутриполитическая обстановка накалилась. В статье «Железо под молотом» писатель утверждает: «сейчас две России, две войны, два врага»; «Только свободная Россия победит; только победившая будет свободна»[30].

Дневниковые записи Гиппиус позволяют уяснить, как именно видит Мережковский связь между войной и революцией. 3 (16) сентября 1915 г. она пишет, что для того, чтобы «отстоять Россию от немцев», нужна «немедленная и коренная перемена политического строя»[31]. Она постоянно обсуждает с Керенским, с которым в эти годы сблизились Мережковские, как избежать анархии, неорганизованной революции, бессмысленного восстания. Для этого нужна перемена правительства. Об этой «мирной революции», «революции порядка», которую могла бы осуществить Дума или, сверху, царь, и говорит писатель.

Маркович вспомнит о Мережковском в марте 1916 г., беседуя с М.М. Ковалевским, лидером прогрессистов, о думской политике и новом правительстве, назначенном в феврале. Ковалевский утверждает, что Германия, начав войну, рассчитывала спровоцировать революцию в России, а началась ускоренная эволюция, которая, возможно, приведет к усилению парламентаризма. «Эти слова напомнили мне мое интервью с г-ном Дмитрием Мережковским: “Происходит духовная *эволюция*, — сказал мне знаменитый писатель, — постарайтесь не остаться свидетелями”» («Политическая эволюция России и война. Последняя беседа Максима Ковалевского»[32]).

---

[29] О русской государственной идеологии и влиянии г-жи де Сталь на С.С. Уварова см. книгу А.Л. Зорина «Кормя двуглавого орла» (М., 2001).

[30] *Мережковский Д.С.* От войны к революции. С. 192.

[31] *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. С. 34.

[32] *Markovitch M.* L’évolution politique de la Russie et la guerre. Dernière conversation de Maxime Kovalesky // La Renaissance Politique, Littéraire et Artistique. 1916, 13 mai (4e année, n° 10). P. 8–9.

Однако летом 1915 г. сразу после приезда в Россию Маркович выслушала гораздо более радикальные мнения:

«Никогда положение народа не было столь трагично, — сказала мне русская журналистка, — мы стоим перед жестокой альтернативой, проиграть войну или совершить революцию. Но никто из нас сейчас не осмеливается совершить столь нужную революцию. Встретьтесь с г-ном Керенским, он вам объяснит, в каком положении мы находимся». На другой день я отправилась к лидеру партии трудовиков. Это было накануне созыва Думы (июль 1915 г.)

— Примерно год назад, в начале войны, — сказал мне г-н Керенский, — моя партия настаивала на том, чтобы думская сессия не была эфемерным парадным спектаклем, а была посвящена длительной законодательной работе и контролю за деятельностью правительства. <…>

Наша страна задыхается под гнетом реакции, лжи и развала экономики. Только Дума может спасти наш народ, нашу армию. Только Дума может пойти навстречу великим творческим силам нашего народа и создать в стране здоровую власть, административный аппарат, способный руководить ей честно и разумно, защищая национальные интересы. Любой ценой надо воссоздать условия, в которых энтузиазм может возродиться: даровать амнистию, освободить прессу от гражданской цензуры, способствовать возрождению рабочих организаций, создать необходимые условия для возвращения общественной активности, обновить конституцию Финляндии, освободить Польшу, дать евреям равенство в правах, отменить ограничения, от которых страдают другие национальности.

Наконец, у Думы есть еще одна задача: сказать стране правду («У г-на Керенского. Давнее интервью, которое объясняет нынешнюю ситуацию»[33]).

Как мы знаем, Маркович смогла напечатать это интервью только в мае 1917 г. Несмотря на то, что в беседе с писателем журналистка выглядит патетичной и наивной, она сумела, несмотря на цензурные препоны, донести до французского читателя позицию русской либеральной интеллигенции.

[33] *Markovitch M.* Chez M. Kerensky. Une interview ancienne qui explique la révolution actuelle // Le Petit Journal. 1917, 24 mai. P. 1.

Литература

Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.

Строев А. Летающий философ (Жан-Жак Руссо глазами Гримма) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 132–145.

Darnton R. Mesmerism and the End of Enlightenment in France. Cambridge; London: Harvard UP, 1968. 218 p.

References

Darnton R. *Mesmerism and the End of Enlightenment in France*. Cambridge, London, Harvard UP, 1968. 218 p. (In English.)

Stroev A. Letaiushchii filosof (Zhan-Zhak Russo glazami Grimma) [Flying philosopher (Jean-Jacques Rousseau as seen by Grimm)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 48, pp. 132–145. (In Russ.)

Vaiskopf M. *Ptitsa-troika i kolesnitsa dushi* [Winged troika and chariot of the soul]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 576 p. (In Russ.)

“Germany and World”: Dmitry Merezhkovsky interviewed by the French journalist Marylie Markovitch

© 2020, Alexander Stroev

Abstract: The article is dedicated to the interview which Marylie Markovitch (1866–1926, born Amelie Neri), the French journalist and writer of the feminist trend, had with Dmitry Merezhkovsky. The meeting took place in the fall of 1915 during Markovitch’s stay in Russia as a special correspondent for “Le Petit journal” and “Revue des Deux Mondes”, however, unlike other Markovitch’s publications, the interview with Merezhkovsky was published behind time, on January 22, 1916. The author notes that both the writer and the journalist address directly to censorship, with Markovitch managing, however, to convey the position of the Russian liberal intelligentsia to the French reader. According to the author of the article, Markovitch represents Merezhkovsky not only as a famous author, well known in France, but as a prophet, quoting his article “Iron under the Hammer” in the first part of the interview. The original French text of the interview, accompanied with the Russian translation, is fully reproduced in the article. The publisher’s attention is focused on an attempt to reconstruct the subtext of the interview, which is profoundly affected by Markovich and Merezhkovsky’s conscious striving for a theatricalized dialogue.

Keywords: Dmitry Merezhkovsky, Marylie Markovitch, liberal intelligentsia, pan-Germanism, pan-Slavism, World War I.

Information about the author: Alexander Stroev, Doctor Hab, Professor, University of Sorbonne Nouvelle Paris 3, Paris, France. E-mail: alexandre.stroev@libertysurf.fr

Citation: Stroev Alexander. “Germany and World”: Dmitry Merezhkovsky interviewed by the French journalist Marylie Markovitch. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 175–192. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-175-192

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-193-212
УДК 821.161.1

К биографии Владимира Гиппиуса*

© 2020, Ю.А. Рыкунина

Аннотация: В статье приводятся архивные и малоизвестные материалы, позволяющие дополнить сведения о раннем периоде биографии Владимира Гиппиуса. В письмах к своей знакомой, Матильде Менцель, он делится размышлениями об А.М. Добролюбове, о своей первой книге, рассказывает об учебе в университете. Кроме личных писем, вводятся в научный оборот дело о службе Гиппиуса в департаменте духовных дел и студенческое дело, сообщаются факты о его первом браке. Сведения, приводимые в статье, важны еще и потому, что все факты личной биографии Гиппиус помещал в широкую перспективу русского декадентства и символизма, создавая свой собственный автобиографический миф, который определялся следующими основными этапами: преодоление декадентства, позже — возвращение к декадентству, путь от безверия к вере, от «реакции» к «революции». Обращение к материалам личного фонда Гиппиуса в Пушкинском Доме, а также к его служебному делу (РГИА) позволяют несколько уточнить, скорректировать и дополнить известные факты его биографии. Также они отчасти проливают свет на внутренний сюжет этой биографической канвы — взаимоотношения с А.М. Добролюбовым, отход Гиппиуса от декадентства, произошедший во многом под влиянием Мережковских.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, Александр Добролюбов, декадентство, символизм, архивы, эпистолярное наследие, биографические исследования, воспоминания.

Информация об авторе: Юлия Абдуллаевна Рыкунина, к.ф.н., независимый исследователь, Москва. E-mail: rykuninay@mail.ru

Цитирование: *Рыкунна Ю.А.* К биографии Владимира Гиппиуса // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 193–212. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-193-212

* Выражаю благодарность сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Е.Л. Куранде.

Владимир Гиппиус подходил к своей биографии концептуально[1], об этом свидетельствуют автобиографическая заметка для собрания С.А. Венгерова, фактически представляющая собой программную статью (декаденты, к которым причисляет себя Гиппиус, сравниваются в ней с символистами, не в пользу последних[2]), автобиографическая символистская поэма «Лик человеческий» (1922), позднейшие воспоминания, остающиеся неопубликованными. Как и другие представители русского литературного модернизма, он создавал собственный автобиографический миф[3] (преодоление декадентства, позже — возвращение к декадентству, путь от безверия к вере, от «реакции» к «революции»). Очевидно, лирика в его понимании не вполне отвечала этим задачам, поэтому в 1930-е гг. он тяготел к прозе[4]. Определенный интерес в связи с этим представляет и не очень обширный корпус писем Гиппиуса.

Важнейшие обстоятельства раннего периода жизни Гиппиуса — дружба с А.М. Добролюбовым[5], размолвка и примирение с ним, учеба

---

[1] Основные сведения: *Лавров А.В.* Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 565–566. См. также: *Коневской Ив*. Письма к Вл. Гиппиусу / Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 79–98; *Тименчик Р.Д.* Владимир Гиппиус // Родник. 1988. № 4. С. 27–28; Проза Владимира Гиппиуса / Предисл. и публ. В.Н. Быстрова // Писатели символистского круга: Новые материалы / Ред. В.Н. Быстров, Н.Ю. Грякалова, А.В. Лавров. СПб., 2003. С. 27–43; *Гиппиус Вл.В*. О Блоке, что помню / Предисл., публ. и коммент. А.М. Грачевой и О.А. Линдеберг // Писатели символистского круга: Новые материалы / Ред. В.Н. Быстров, Н.Ю. Грякалова, А.В. Лавров. СПб., 2003. С. 44–76; *Биневич Е.* «…Тайный автор замечательных стихов» // Новый журнал (СПб.). 1993. № 3. С. 121–131; *Гиппиус Вл.* О самом себе / Публ. Евг. Биневича // Петрополь-96. Литературная панорама 1993–1996. СПб., 1996. С. 121–126.

[2] Определение сущности декадентства у Гиппиуса варьируется, акцент делается то на одной составляющей, то на другой; кажется, впервые на это несовпадение обратил внимание И.Г. Ямпольский (см.: *Коневской Ив.* Письма к Вл. Гиппиусу. С. 86). Так, в автобиографической заметке Гиппиус пишет, что декадентство, переживая безбожие, «с пророческой страстностью хотело Бога» (*Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 130); в статье об А. Добролюбове — сенсуалистичное, а не мистичное декадентство было «логическим и психологическим выводом из материализма, а не реакцией против него» (*Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова; Послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М., 2004. С. 166). В этой статье он определяет раннего Добролюбова периода 1890-х как декадента и атеиста, а себя — как символиста-богоискателя. В автобиографической же заметке Гиппиус «подает руку декадентам», называя символизм подделкой (*Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 129). Также в автобиографии он замечает: «То, что живо в символизме, то не только родилось, но и жило в декадентстве» (Там же. С. 128).

[3] См.: *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997.

[4] *Биневич Е.* «…Тайный автор замечательных стихов». С. 124.

[5] Биографии А.М. Добролюбова посвящен ряд исследований, см., в частности, следующие работы, затрагивающие и отношения с Вл. Гиппиусом: *Cioran S.D.* Alexandr Dobroliubov: A Prophet of Silence // Canadian Slavic Studies. 1971. Vol. 5.

в университете[6], выход первой — декадентской — книги «Песни»[7], поступление на службу в департамент духовных дел, начало работы в гимназии Стоюниной, первый брак и рождение детей. Обращение к материалам личного фонда Гиппиуса в Пушкинском Доме, а также к его служебному делу (РГИА) позволяют несколько уточнить, скорректировать и дополнить то, что нам известно. Также они отчасти проливают свет на внутренний сюжет этой биографической канвы — отход Гиппиуса от декадентства (в основном он происходил под влиянием Мережковских).

В письме от 25 октября 1897 г. З.Н. Гиппиус[8] спрашивала Гиппиуса: «Вы, кажется, миритесь с Добролюбовым? Что это у вас за полоса всепрощения?»[9]

Напомним: отношения Гиппиуса с Добролюбовым испортились, когда в 1896 г. Гиппиус вышел из редакции журнала «Горные вершины» (так и не состоявшегося). В статье о Добролюбове Гиппиус пишет: «К концу зимы (1896 г. — *Ю.Р.*) наши отношения стали очень холодны, в начале следующей зимы мы разошлись совсем, потом опять сошлись, через год, но натянутость осталась навсегда. <…> Мы не встречались с ним до следующей зимы, когда он прислал

Р. 178–195; *Азадовский К.М.* Путь Александра Добролюбова // Азадовский К.М. Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб., 2015. С. 11–49; *Иванова Е.* Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–230; *Кобринский А.А.* «Жил на свете рыцарь бедный…» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста, сост., примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова. СПб., 2005. С. 429–474; *Соболев А.Л.* Больное беспокойство: Новые материалы к биографии Александра Добролюбова // Соболев А.Л. Тургенев и тигры: Из архивных изысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 141--181. См. также: *Рыкунина Ю.А.* Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 187–192 (с неверной датой размолвки Гиппиуса с Добролюбовым — она приходится, конечно, на *конец* зимы 1896 и, соответственно, начало года). Важные архивные материалы приводились в кандидатской диссертации И.А. Гунина «А.М. Добролюбов в 1890-е годы. Жизнь и творчество в контексте раннего русского символизма» (Нижний Новгород, 2009).

[6] В 1895 г. Гиппиус поступил на Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по Славяно-русскому отделению.

[7] О первой книге Вл. Гиппиуса «Песни» и об отказе «выпускать ее в свет» см.: *Рыкунина Ю.А.* «Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное»: Письма Владимира Гиппиуса Брюсову (1897–1912) // Тихие песни: Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 311–312, 320–321.

[8] О ее отношениях с Вл. Гиппиусом (троюродным братом) см.: Письма [З.Н. Гиппиус] Вл.В. Гиппиусу (1894–1914) / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Ю.А. Рыкуниной // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1. М., 2018. С. 441–477. См. также: *Азадовский К.М.* Два письма Зинаиды Гиппиус//Азадовский К.М. Серебряный век. Имена и события. С. 420–437.

[9] Письма [З.Н. Гиппиус] Вл.В. Гиппиусу (1894–1914). С. 452.

письмо примирения. Мы стали опять видеться, но мы уже были очень далеки, и оба это горько чувствовали»[10]. Попробуем дополнить известный сюжет материалами, которые до сих не попадали в поле зрения исследователей или затрагивались лишь походя. В этом нам, в частности, помогут письма Гиппиуса к М. М-ль, или Моне (Матильде Васильевне) Менцель. В архивной описи она обозначена как «неустановленное лицо», на первом листе синим карандашом (рукой Гиппиуса?) написано «Моне». Матильда Васильевна, адресат писем Гиппиуса 1896–1897 гг., — родная сестра его первой жены Елены Менцель, вышедшая замуж за его младшего брата Льва[11]. Гиппиус подробно пишет ей об отношениях с Добролюбовым[12], беспокоится за него и стремится оградить от его влияния брата Льва, замечает новое в его характере и стихах; в письмах отражены сомнения по поводу дебютной книги (точнее — сильное недовольство ею), также он

[10] *Гиппиус В.* Александр Добролюбов. С. 168, 170. См. также: *Иванова Е.В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени. С. 218–219.

[11] О сестрах см. в воспоминаниях историка литературы Елены Борисовны Черновой (урожд. Покровской), жены сына Гиппиуса Евгения: «Когда я сейчас подвожу итоги своей длинной и трудной жизни, я вспоминаю Елену Васильевну как самое светлое, самое прекрасное человеческое существо, встреченное мною. Елена Васильевна внешне выглядела необыкновенно. Очень стройная и худенькая, она была увенчана копной ярко-красных волос, на ее очень белом лице сверкали огромные ярко-голубые глаза. Она была чистокровная немка — Элла Вильгельмина, переделанная на русский лад в Елену Васильевну» (*Чернова Е.Б.* «Я пишу то, что помню…». Воспоминания / Подгот. текста, коммент., предисл. Е.Н. Груздевой. СПб., 2011. С. 129) О венчании Гиппиуса и его брата она пишет следующее: «Две сестры были замужем за двумя родными братьями, чтобы обойти церковный запрет, пришлось венчание организовать в двух церквях в один день и в один час» (Там же. С. 136). Рассказ о «двойном» венчании — очевидно, семейная легенда или ошибка памяти Черновой. Гиппиус женился в апреле 1900 г. (см. ниже), свадьба Льва и Матильды состоялась позже: в письме к А.А. Блоку от 30 января 1903 г. Александр Гиппиус сообщает ему «семейную новость» — брат Лева «женился на своей кузине, сестре Елены Васильевны». Далее он пишет, что «из старших братьев только я холостяк» (Переписка Блока с А.В. Гиппиусом (1900–1915) / Предисл., публ. и коммент. В.В. Бузник, Л.К. Долгополова и В.А. Шошина // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 441). В именном указателе к этому тому Елена Васильевна ошибочно значится как Метцель. Запись о венчании есть в студенческом деле Гиппиуса. 16 февраля 1900 г. он подал прошение на имя ректора Санкт-Петербургского университета о разрешении вступить в брак (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 31779. Л. 46). 21 апреля того же года в Спасской церкви при генерал-прокурорском доме и Министерстве юстиции Вл. Гиппиус был повенчан с дочерью саксонского подданного Еленой Вильгельмовной Менцель (Там же. Л. 24об.). Невеста была православного вероисповедания; видимо, тогда же перешел в православие и Гиппиус (в автобиографической заметке он напишет, что пошел на это, будучи студентом, из нелюбви к лютеранству: *Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 119). Поэтический образ Елены Менцель, женщины с золотыми волосами, воссоздан в «песни пятой» («Ильинская ночь») поэмы «Лик человеческий», а также в главах, посвященных смерти их сына Алексея.

[12] Познакомились они в 6-м классе 6-й Петербургской гимназии. О дружбе и внутренних расхождениях с Добролюбовым см.: *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов. С. 163–172.

делится литературными впечатлениями, своими планами, размышлениями на философские темы. Он даже как будто извиняется, когда приходится писать о «событиях», но и события эти по большей части не «бытовые». Письма Гиппиуса — литературные и по стилистке, и по содержанию, в значительной части это письма-монологи, несомненно имеющие характер «литературного факта» (в понимании Ю.Н. Тынянова). Видимо, некоторые из писем не были отосланы; в архивном деле отсутствуют конверты и часть листов. Нам больше ничего не удалось выяснить о Матильде Васильевне (скудны сведения и о ее сестре: известно, что в 1920-е гг. она зарабатывала уроками музыки и помогала семье сына Евгения[13]); также неизвестно, где проживали сестры в конце 1890-х гг., возможно, что в Петербурге, хотя в адресных книгах за эти годы сведений об их семье нет.

Итак, 7 июля 1896 г. Гиппиус, находясь в Артемово[14], обращался к Добролюбову, прося приютить его на время издания книги: «Не можете ли Вы меня приютить у себя на неделю, на полторы, на издание книги, мне негде приютиться; по самым сложным соображениям в нашей квартире нельзя — больше, кажется, право, некуда…»[15]

А 8 сентября он писал Моне[16]: «Вчера был длинный и горький разговор с Добролюбовым, который затянулся до 3 часов… Но прежде о Добролюбове вообще. Он изменился круто и изменился так, как я того хотел, о чем я иногда мечтал[17]. Мечты, как всегда, осуществились не вполне, конечно, но с возможным в жизни приближением. Хотя он говорит, что ему чужды “беседы с духом своим”, но он подошел к своей душе и увидал или почувствовал, или провидел, как оскорбительны для нее всякие позы и фигуры, он стал значительно проще, и поза осталась только редко-редко в салоне. Простота отразилась и на его сочинениях; если его темы порой и несознаны, как и прежде, и пахнут слишком изысканным запахом, если он и не сбросил еще со свои образов игрушечных бубенчиков, он заговорил “простыми словами” о душе своей, что означает — подняться уже ступенью выше, и не одной ступенью… Он перенес тяжелую

[13] *Чернова Е.Б.* «Я пишу то, что помню…». Воспоминания. С. 136.

[14] Село Артемово Островского уезда Псковской губернии принадлежало дяде и тете Гиппиуса, в 1890 здесь родился его младший брат, поэт и литературовед Василий Гиппиус. Обычно семья проводила там лето.

[15] РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 204. Л. 2об.–3.

[16] Первая половина фрагмента (с неверной датой — 7 апреля) до слова «перевернула» цит. в: *Иванова Е.* Александр Добролюбов — загадка своего времени. С. 219.

[17] Ср. в дневниковой записи В.Я. Брюсова от 7 апреля 1896 г.: «Видел Добролюбова. Увы! это развалины прежнего Добролюбова, это покорный заискивающий юноша» (*Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 40).

болезнь или вернее ряд болезней: наркотики сказались, и сказались расшатанным организмом от первого до последнего волоконца, и болезнь, надо думать, и перевернула[18]. Я так рад, так рад. Вчера разговор по поводу его “шептаний с Левой”[19], ты слышала об них? Я решил прекратить их ненужный союз, тем более что во мне началось недоверие. Говорили долго, я поставил решительный ultimatum, и мы, кажется, примирились на моем решении. Но этот разговор продолжался час-два (впрочем, покойно), затем, миновав два-три сочетания мыслей, перешли на такой вопрос, который касается прямо лично меня и который, кажется, известен и тебе: почему на мою (я скажу как чувствую) большую любовь ко многим, на мою любовь не только нет ответа, но предупреждают мое чувство или недоверием или нелюбовью. Добролюбов согласился, что это так. Мы перебрали многих, и оказалось, что в большинстве не любят»[20].

Вскоре он пишет длинное письмо (начато 20 сентября и окончено 6 октября), во многом проясняющее его новое литературное кредо: «Зачем я издаю книгу? Так много и скучно об этом говорят; я знаю всё об этой книге, всё истинное, всё-всё! и сколько бы ни унизили и сколько бы ни возвысили, не поверю, потому что твердо знаю “правду”, но не допускаю до сердца и — до сознания особенно, иначе бросил бы перо и совсем отказался бы от творчества — я увидел бы всю “правду”! И в отчаянии от своего несовершенства — потому что люблю одно совершенное! — в отчаянии, далеком от муки самолюбия, но подобном отчаянию в неверии, — я ушел к “Мастерам”. И великие Пушкин, и великие Тютчев и Баратынский — они только

[18] Ср.: «Его смуглое, вовсе не худощавое лицо стало вытянутым и желтым, от него всегда пахло удушливым, землистым запахом опия, как из могилы <…>. Он был пьян этим ядом каждый день, целый год и еще один, следующий; гашиш он принимал реже. Опий он и ел, и курил — и не скрывал этого. Он становился всё угрюмее с каждым днем, с каждым месяцем, и с этого времени его стихи стали характерными, и с этой минуты он — как он сам думал — “нашел себя”» (*Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов. С. 167). Ср. также в прошении матери Добролюбова на имя министра внутренних дел: «наконец подпав под особенно пагубное влияние бывшего товарища по гимназии, студента Владимира Васильевича Гиппиуса, который уговорил сына моего принимать опий, морфий и гашиш и производил над ним опыты действия этих ядовитых веществ, сын мой всё под влиянием этого Гиппиуса начал писать декадентские стихи, которые по настоянию и заботе того же Гиппиуса были им даже напечатаны особым изданием» (*Соболев А.Л.* Больное беспокойство. С. 165). См. также: *Иванова Е.* Александр Добролюбов — загадка своего времени. С. 197–198.

[19] Лев Васильевич Гиппиус (1880–1922) — младший брат Вл. Гиппиуса. Ср. в письме Добролюбова Андрею Белому (начало 1905 г.): «Если можешь, разыщи Льва Гиппиуса, в прежней жизни после Эрлиха это был самый близкий мне» (*Азадовский К.М.* Путь Александра Добролюбова. С. 38).

[20] РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 1–2об. Далее эти письма цитируются с указанием листа.

исцеляют меня. Я хочу писать об них и уже писал...[21] и этим хочу спастись от самого себя.

Зачем я издаю книжку? — Нет никого, кому бы я верил больше себя в этом деле (художественной оценке) — а я, в конце концов, как и во всем, — "зная всю правду" — ничего не знаю!»[22]

В этом же письме любопытное замечание о Федоре Сологубе: «Новые рассказы Сологуба "Червяк" и "К звездам" — вздор и стыд, а главное выдумка, и выдумка беднейшей пробы; жалко, потому что чувствую в этом поэте "правду" и какую-то даже любовь»[23].

11 декабря Гиппиус пишет той же корреспондентке о своем отношении к книге: «Прости, что всё не посылаю книги, ужасно не хочется посылать — всё противно в ней, ужасно противно»[24]. В конце этого письма после отчеркивания он возвращается к злополучной книге и здесь же сообщает о ссоре с Добролюбовым, уточняя свою роль в ней: «Конечно, не пошлю книги — очень противно. Еще так, дать в руки, но посылать не могу — дикая психология, но не могу[25]… Расстались с Добролюбовым — вот уже две недели, больше. Это готовилось с тех пор как встретились после лета; разорвал — он, а не я; я здесь лицо недействовавшее, страдательное. Чувствую себя всё более одиноким, и часто это одиночество безболезненно. Я пока еще не верю, чтобы мы совсем расстались, хотя корни уже подгнивают; не говорю о чувствах: — не надо касаться того, что… больно, что может быть, больнее, больнее, больнее, чем кажется другим, чем

[21] Возможно, имеется в виду статья «Золотой век. Из писем к иностранцу», см.: *Гиппиус Вл.* Золотой век. Из писем к иностранцу / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Ю.А. Рыкуниной // Русская литература. 2018. № 1. С. 99–127.

[22] Л. 6–6об.

[23] Л. 6об. Сологуб и Гиппиус познакомились в начале 1895 г., письма Гиппиуса к Сологубу хранятся в личном фонде последнего (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185). Гиппиус с самого начала и неизменно любил стихи Сологуба; так, 7 августа 1900 г. он писал ему: «Вы единственный поэт. Мережк <овский> и Минский — наши отличные литераторы, а Фофанов вдохновенный пропойца. Вы — Фетова рода, но я Вас люблю больше, чем Фета. Всё это правда» (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. Ед. хр. 185. Л. 8). Отношения Гиппиуса и Сологуба затрагиваются в кн.: *Павлова. М.* Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М., 2007 (по указ.). Рассказы «Червяк» и «К звездам» опубликованы в журнале «Северный вестник» в №№ 6 и 9 соответственно.

[24] Л. 9.

[25] Ср. в письме Брюсову от 10 января 1897 г.: «…с радостью бы отблагодарил Вас своей книжкой, да не могу, ибо нахожусь ныне в том периоде душевного состояния, когда книжка моя мне мерзеет, и давать ее, конечно, кому-нибудь, нет никакой психологической возможности. Показывать, да! Но не давать! Один раз прочесть не то же, что всегда читать…». (*Рыкунина Ю.А.* «Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное»: Письма Владимира Гиппиуса Брюсову. С. 320–321).

думается самому себе… не надо касаться! — о “фактах” поговорим, писать не хочется… <…>

Может быть, ты не получила того письма, где я сообщаю о книге, так я ее не пускаю в продажу и злюсь, что напечатал, не говоря уже о деньгах, которые мне всегда и очень нужны»[26].

Далее в письмах следует большой перерыв (возможно, часть их не сохранилась). В письме от 5–7 марта 1897 г. Гиппиус объясняет молчание заботами об учебе: «Забочусь об экзаменах, ученье, учебе. Кажется, остаюсь на второй год, т.е. выдержу часть всех экзаменов, что нисколько меня не печалит: есть много планов»[27].

В этом же письме Гиппиус пишет о новых стихах, желая, кажется, подчеркнуть окончательный отход от декадентства: «В последнее время очень хвалят мои последние стихи. Радуюсь, потому что я покойнее за них; они становятся и прямее, и умнее; — и ясны насквозь. Они ближе к совершенству, к правде; я иду к природе, т.е. к самому себе»[28].

Особенно содержательно письмо от 3 апреля. Вначале Гиппиус сообщает, что планирует летом «побег» из Артемово, но это зависит от экзаменов. Потом переходит к своим литературным успехам и планам: «Чтобы покончить с событиями могу хвастнуть, в апрельской книжке “Cosmopolis’a” (слыхала о таковом?) напечатано мое стихотворение (с подписью: В.В. Басманов)[29]. Его хвалят, и сам я его люблю.

Хотел покончить с событиями, а что у меня кроме событий?

Ничего не читаю, потому что надоедают и лекции (Ибсенов Джон Габриэль[30] мне понравился, хотя и веет уже старостью). Постоянно пишу стихи (может быть, это мое призвание), замышляю рассказы

[26] Л. 10–10об. Гиппиус издал книгу за свой счет, ограниченным тиражом, «не для продажи». Об издательских практиках символистов см.: *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 307–316.

[27] Л. 11. Ср. в письме Сологубу от 29 июня 1897 г.: «я принужден, оказывается, остаться на второй год на втором курсе, на что я нисколько не обижаюсь и не огорчаюсь, так как мне действительно всё равно. Почему и отчего — истории длительные и надоедные. Худо из них из всех то, что каждый день в Университет надо будет ходить… Но Кесарево да отдадим Кесарю!» (РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Л. 3).

[28] Л. 13. Далее в письме следует пассаж о Н. Лескове («Читаю Лескова; большой мастер, и какой ум!»), который мы приводили в публикации: *Гиппиус Вл.* Золотой век. Из писем к иностранцу. С. 125. См. там же о восприятии Гиппиусом творчества Лескова в 1890-е гг.

[29] В апрельском номере журнала «Космополис» за 1897 г. опубликовано стихотворение Гиппиуса «За видимым невидимое вижу…» с эпиграфом из «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше: “Bleibt der Erde treu” (Оставайтесь верны земле); подпись — Вл. Басманов. Вошло в книгу «Возвращение» (1912).

[30] «Йун Габриэль Боркман» — пьеса Г. Ибсена (1896).

(может быть и это). Но над тем и над другим веет преображение. Ты летом говорила об “общем”, что “у меня его нет, кажется…” Я мучился, когда ты говорила, потому что ты говорила правду. Теперь, мнится мне, я нахожу “общее”, т.е. нахожу самого себя. Ты помнишь, я говорил о “душе” во всем и об религии. Тогда еще я предчувствовал, теперь уже верю, что это путь правды. Когда-нибудь буду и знать, но тогда-то придет смерть, а покуда живу, всё буду хотеть знать и верить и жить»[31].

В мае 1897 г. становится окончательно ясно, что Гиппиус остается на второй год, также он проваливается на экзамене по истории философии, и, как кажется, эти обстоятельства воспринимаются более мрачно, чем в начале весны. Примечательно, что еще в середине 1895 г. он писал Я.И. Эрлиху, их с Добролюбовым близкому другу и соученику по 6-й Петербургской гимназии и историко-филологическому факультету университета, что занимается поэзией и философией[32]. По-видимому, интересовала его главным образом немецкая философия и, конечно, Ницше; философские рассуждения занимают значительную часть его писем к Моне и Эрлиху. Итак, 4 мая Гиппиус пишет ей: «Во-первых, к крайнему моему прискорбию я остаюсь на второй год, что, может быть, имеет свою отличную сторону, во-вторых, я держу часть экзаменов и теперь, что сопряжено с такими суетами, что “хоть плюнуть да бежать”, в третьих, я держал экзамен по истории философии и не (!) выдержал, (хотя знал довольно основательно, причем — долго рассказывать)[33], в силу сего третьего пункта никакой побег из Артемово не мыслим, ибо Введенский[34] назначил мне повторный экзамен осенью — где же уж тут “убегать”? Вывод — мне страшно не везет, суета и скука»[35]. Здесь он уже не говорит о литературных планах, и в настроении его, по-видимому, намечается некоторый спад. Не радуют больше и похвалы литера-

[31] Л. 14–15. Далее в письме следует стихотворение «Я мудрости иной не знаю…» с датой 31 марта 1897 г. Вошло в книгу «Возвращение» (1912), где ему предпослан эпиграф из Вл. Соловьева: «Земля владычица! к тебе чело склонил я».

[32] РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 8.

[33] Ср.: «Что делал Добролюбов в университете? Это был последний год, когда я его еще близко знал. Мы оба совсем не занимались в этот год университетом: мы его открыто презирали, как раньше гимназию, как вообще всё окружающее, как всё, что было не наше, к науке склонны были относиться как к «пошлости». Добролюбов совсем не ходил на лекции, как будто и не был студентом, и никогда не говорил ни о чем студенческом» (*Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов. С. 168–169). Ср. в автобиографии: «Университета я не полюбил так же, как не любил гимназию» (*Вл. Гиппиус*. О самом себе. С. 120).

[34] Александр Иванович Введенский (1856–1925) — философ, с 1890 г. возглавлял кафедру философии Санкт-Петербургского университета.

[35] Л. 16–16об.

турных покровителей, о чем свидетельствует письмо Сологубу (с которым в данном случае Гиппиус, возможно, был более откровенен) от 21 июня того же года: «Я мало пишу, мало читаю и очень люблю ничего не делать, хотя при всем том скучаю. Нахожусь теперь при том мнении, что я вообще мало способен и в частности мало талантлив, поэтому не хочется и не можется работать. Мережковские мои последние стихи хвалили, а мне от них тоска. <…> Если бы было у самого меня, прислал бы, да нет! А если что и есть, то крохи, да и те плохи»[36].

Письмо к Моне от 11 октября того же года (возможно, часть писем утрачена) начинается с извинений за задержку с ответом и сетований: «занятый греческой философией до тошноты, совсем не мог ни о чем очень отвлеченном думать. Теперь же, хотя экзамен не сдан еще, но философы благополучно улеглись в моей голове и дали мне возможность в отвлеченном думать не только об них»[37]. В этом же письме Гиппиус с программной отчетливостью формулирует свое мировоззрение, отразившееся в стихах этого периода: «Мир не есть мое представление, а реальность, ощутимая видимость, не отражение, а предмет, существенно сущее, и, продолжая говорить языком Платона, то, что всегда бывает и всегда есть, целесообразное, созданное в любви и гармонии, постоянно ведущее нас от страдания к радости, научающее — видеть, слышать, осязать, обонять и вкушать, любить всё, единственно из него исшедшее, следовательно, во всем принимать самое тесное и нежное участие, ощущая себя частью всего, проводить жизнь в мудрой кротости и умереть как жить. Ибо мир, быть может, не только Божие дыхание, но и сам Бог, живой, личный, разумный — сама любовь, неразделимое — до проникновения насквозь друг в друга — сочетанье духа и тела»[38].

А после отчеркивания следует новость:

«Если тебе еще не сообщила Элля[39], мы вновь сошлись с Добролюбовым, наши новые отношения возникли на почве, по моему мнению, недостаточно сочной, но об этом говорить не хочется, потому что в этом для меня вообще лежит некоторое немалое размышление не только по отношению к Добролюбову. Он поступил на классическое отделение и собирается остаться на кафедре истории искусств

[36] РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Л. 4об.
[37] Л. 17.
[38] Л. 17об–18.
[39] Елена Васильевна (Элла Вильгельмина) Менцель. Вполне возможно, что в переписке Гиппиуса здесь ее имя упомянуто впервые.

и эстетики[40]. Человек он даровитый именно в этой области, и поэтому его можно только благословить, но дело в том, что чудачеств своих он всё не оставит, хотя в обращении прост и говорит понятно, так что теперь я точно знаю весь строй его мыслей, который раньше был мне неясен, потому что он его затуманивал декадентством, а теперь понимаю. Мне жаль его, он человек своих страстей, возведенных им в принцип, мне жаль его, потому что он путается и напрасно хочет привести в связь свой излишне холодный ум с чувственно нежной душой. Он сам сознает эту путаницу, говоря, что не ручается за себя через месяц или два. Он из людей — не гармонических, но любящих красоту выше всего, красоту — формальную, красоту классики декадентской, всегда чувственной, всегда мало разумной.

У него я прочел несколько оригинальных отрывков из Парменида, Эмпедокла и других, которые мне очень понравились и которые я очень хотел бы перевести, тем более что их сравнительно немного. Я могу взять эту книгу из Университетской библиотеки — на Рождестве, когда ты приедешь, когда мы все ждем тебя вместе с Эллей»[41].

Это последнее — из сохранившихся — письмо к Моне Менцель. В следующем году произойдет «уход» Добролюбова[42]. Как пишет К.М. Азадовский, перелом, выразившийся в раскаянии, произошел в нем раньше, еще в 1897[43]; Гиппиус же, как мы видели, подмечает перемену в его настроениях и стихах уже осенью 1896 г. Приведенные выдержки из писем, как кажется, дополняют историю отношений Гиппиуса и Добролюбова и делают более объемным портрет

[40] Добролюбов поступил в Петербургский университет вместе с Гиппиусом, в 1895 г. (см.: *Азадовский К.М.* Путь Александра Добролюбова. С. 13). О его учебе см. примеч. 33. С.А. Венгеров в редакционной биографической заметке (в кн. «Русская литература XX века. 1890–1910») писал, что Добролюбову пришлось оставить университет в связи с самоубийствами студентов, которых он якобы к этому склонял. Современные исследователи не нашли в архивах университета сведений об исключении Добролюбова (см.: *Иванова Е.В.* Александр Добролюбов — загадка своего времени. С. 213–214). Ср. также запись в медицинской карте Добролюбова от августа 1899 г.: «Учился в гимназии и в Университете до 4-го курса. Окончат. экзамена не держал. Занимался усердно и ровно. Обладал блестящими способностями как в науках, так и в искусствах. Писал стихи, любил музыку» (*Соболев А.Л.* Больное беспокойство. С. 143).

[41] РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. № 208. Л. 19–19об. Первая фраза без начала и конца процитирована в диссертации И.А. Гунина «А.М. Добролюбов в 1890-е годы. Жизнь и творчество в контексте раннего русского символизма» (С. 25). На осень 1897 г. приходится первый уход Добролюбова из семьи, когда он жил на Васильевском острове в меблированной комнате (см.: *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов. С. 170–171; *Соболев А.Л.* Больное беспокойство. С. 152; *Иванова Е.* Александр Добролюбов — загадка своего времени. С. 222).

[42] О сложностях с датировкой «ухода» Добролюбова см.: *Соболев А.Л.* Указ. соч. С. 155.

[43] *Азадовский К.М.* Путь Александра Добролюбова. С. 22.

Гиппиуса: на рубеже веков он — кающийся декадент, отталкивающийся от эстетизма, разочарованный в собственном творчестве, стремящийся к простоте «великих мастеров» — и, как кажется, снова разочаровывающийся[44].

В 1899 г. студент седьмого семестра Гиппиус получил золотую медаль за сочинение «Пушкин как литературный критик»[45]. Вероятно, оно легло в основу исследования «Пушкин и журнальная полемика его времени» (1900)[46].

Он окончил университет в 1901 г., получив диплом 1-й степени[47].

Начало века вообще ознаменовалась для Гиппиуса важными событиями. В письме Сологубу от 7 августа 1900 г. он сообщает: «В конце апреля я женился, и уехал с женой на всё лето в Крым». Но крымская природа, «в виду зубчатого Ай-Петри», кажется, не вызвала у него восторга (впрочем, возможно, что именно в *письмах* он культивировал настроения тоски и разочарования): «Крым мне не нравится, но многое прекраснее, чем у нас. Только всё лениво, душно и сонно». Не вызывала энтузиазма и предстоящая поездка в Москву: «Уезжаю в Москву — старая тоска: русская “интеллигенция”, либералы, консерваторы, марксисты, жиды, студенты… Как быть? Затем в Петербург (Москва первого сорта) — к сентябрю»[48].

В начале 1900-х гг. сразу несколько современников упоминают женитьбу Гиппиуса и болезни его жены, причем у некоторых сам

---

[44] Брюсов 10 декабря 1898 г. записал: «Гиппиус переменился, но внешне; он говорит о простоте, смеется над мудрствованиями немецких философов, но в сущности он всё тот же автор “Ворона”» (*Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 70).

[45] Годичный акт. Отчет о состоянии и деятельности императорского С-Петербургского университета за 1899 год, составленный профессором А.Е. Фаворским. СПб., 1900. С. 53--55 (2-я паг.). В отчете отмечены способность молодого автора систематизировать, вдумчивое изучение Пушкина при некоторой торопливости в изложении.

[46] Еще 4 октября 1896 г. Гиппиус писал М. Менцель: «Очень интересуюсь теперь комментариями к Пушкину, которые задумал, и люблю его и чувствую, что ему предстоит сыграть в моей жизни немалую роль. Чем больше я вчитываюсь в него, всматриваюсь в приемы, вникаю в душу — тем более ясны для меня многие из существенных современных вопросов поэзии, да и не только современных. Он же разрешает вопрос и “символизма” и “декадентства”. Но об этом надо говорить многое…» (Л. 7–7об.). 29 июня 1897 он писал Сологубу: «Хотел всё писать статью о Пушкине, да ужасно устал от экзаменов и не могу взяться» (РО ИРЛИ. Ф 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Л. 3). См. также его большую историко-литературную статью 1896 г., в которой значительное место уделено Пушкину: *Гиппиус Вл.* Золотой век. Из писем к иностранцу. С. 99–127.

[47] *Лавров А.В.* Гиппиус Владимир Васильевич. С. 565. В студенческом деле Гиппиуса есть также свидетельство об отличном поведении во время пребывания в Университете (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 31779. Л. 67) и о том, что «ни в чем предосудительном» Гиппиус «замечен не был». (Там же. Л. 71).

[48] РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 185. Л. 9–10 об.

факт брака вызвал разочарование. В письме от 25 ноября 1900 г. З.Н. Гиппиус писала Гиппиусу: «Я слышала, что жена ваша поправилась». 9 февраля 1902 г. она же: «Слышала, что жена ваша не так здорова»[49]. Брюсов зафиксировал факт женитьбы Гиппиуса в январе 1902 г.: «Приезжал Вл. Гиппиус. Всё более и более теряет своеобразность. Женился и скоро будет как все». В феврале 1902 г. он же записал, что «Гиппиус нигде не бывает, ибо у него больна жена»[50]. Позже о болезни жены Гиппиуса упомянет Блок: «В начале января, до отъезда в Москву, я встретился в Мариинском театре (на “Валкирии”) с Еленой Васильевной и Владимиром Васильевичем. Говорили, конечно, мало и о внешнем, они сказали мне только, что надеются будущей зимой жить в городе, а не в Царском. Мне показалось, что Елена Васильевна поправилась (на вид) и, во всяком случае, пополнела»[51]. А вот ретроспективное свидетельство современницы о реакции Мережковских на его женитьбу: «Они встретили его “завываньем” — как мог он это сделать? Как мог он, читая Ницше, вдруг жениться подобно всем смертным? Владимир Васильевич рассердился и ушел»[52].

Так или иначе, в самом начале 1900-х гг. Гиппиус оказывается причастен к важнейшему начинанию Мережковских — их новой Церкви[53]. В 1901 публикует подборку стихов в альманахе «Северные цветы на 1901 г.». Зинаида Гиппиус, часто с критической иронией относившаяся к своему родственнику и литературному крестнику, в начале 1901 г. фиксирует его настроение этого периода: «Гиппиус всё толкует о “любви” к жизни. Детство. Не о чем толковать. Ну *конечно*, мы любим жизнь. Даже стыдно об этом, как стыдно говорить, убеждать, что свою мать любишь. Не русский Гиппиус, не стыдливый»[54]. Вскоре он отходит и от декадентства[55], и от литературы, и от Мережковских.

---

[49] Письма [З.Н. Гиппиус] Вл. Гиппиусу (1894–1914). С. 454, 456.

[50] *Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 131, 134.

[51] Письмо А.В. Гиппиусу от 23 февраля 1904 г. // Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Письма (1898–1921). М.–Л., 1963. С. 90.

[52] *Розанова Н.В.* Из моих воспоминаний / Вступ. статья, публ. и коммент. А.Н. Богословского // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 2. С. 181.

[53] См.: *Гиппиус З.Н.* Дневники: В 2 кн. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. М., 1999. Кн. 1. С. 91--92. Из их союза на этом этапе ничего не вышло; Гиппиус также не участвовал в Религиозно-философских собраниях и не печатался в журнале «Новый путь». В целом З. Гиппиус считала Гиппиуса декадентом и индивидуалистом, но их сближало отрицательное отношение к «эстетизму», причем у Гиппиуса оно обозначилось еще в 1895 г.

[54] Там же. С. 71.

[55] Об отношениях с И.И. Коневским (Ореусом), ссоре с ним в 1899 г. и последующем раскаянии см.: *Коневской Ив.* Письма к Вл. Гиппиусу. Познакомились они, очевидно, в 1898 г.

В апреле 1902 г. Гиппиус, «оставленный при университете для приготовления к профессорскому званию», подал прошение о принятии его на службу в Министерство внутренних дел в департамент духовных дел иностранных исповеданий[56], куда и был определен 12 мая того же года[57]. В январе 1903 г. он был утвержден по учебному диплому в чине коллежского секретаря со старшинством[58]. В апреле 1903 г. Гиппиус был назначен помощником столоначальника[59]. В служебном формуляре зафиксировано, что Гиппиус «женат на девице Елене Васильевне Менцель (родилась 4 июля 1875), православного вероисповедания, и имеет сына Евгения (родился 24 июня 1903 г.)»[60]. 13 марта 1904 в департаменте был подготовлен ответ на запрос педагогического совета гимназии М.Н. Стоюниной, в котором сообщалось, что препятствий к утверждению В. Гиппиуса штатным преподавателем не имеется[61]. 21 июля 1905 г. Гиппиус подал прошение об увольнении со службы[62]. Официально Гиппиус был уволен 1 августа 1905 г. в чине титулярного советника, полученном за выслугу лет[63].

Не очень примечательные сами по себе подробности службы мелкого чиновника, несомненно, имеют как биографическое, так и социокультурное значение: недолгая «беспорочная» служба («в штрафах, под следствием и судом, в отпусках и в отставке не был, в походах против неприятеля не участвовал»[64]) становится для кающегося декадента своеобразной практикой послушания. Кроме того, приведенный документ подтверждает год отставки, названный Гиппиусом в автобиографической заметке[65]. О карьере чиновника он пишет так: «досиренничался до службы в Министерстве Внутренних Дел по духовным делам иностранных исповеданий, куда поступил сначала из-за заработка[66], но скоро обратил на себя внимание

[56] РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 286. Л. 1.
[57] Там же. Л. 6.
[58] Там же. Л. 15об.
[59] Там же. Л. 10.
[60] Там же. Л. 16.
[61] Там же. Л. 22.
[62] Там же. Л. 31.
[63] Там же. Л. 54.
[64] Еще в 1897 Гиппиус был навсегда освобожден от военной службы (Там же. Л. 43об.).
[65] В статье А.В. Лаврова годом окончания службы назван 1903 (*Лавров А.В.* Гиппиус Владимир Васильевич. С. 565).
[66] Ср. запись Брюсова от февраля 1902 г.: «Он <Гиппиус — *Ю.Р.*> уныл, поссорился с отцом, говорил, что ему нужны деньги, что ему есть нечего» (*Брюсов В.Я.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 134). Жалованье коллежского секретаря Гиппиуса составило 75 р. в месяц (РГИА. Ф. 821. Оп. 12. Д. 286. Л. 10), что было выше среднего.

и мог бы сделаться чиновником, — если бы победил наследственный политический консерватизм[67]… Победил — декадентский бунт. Чем внимательнее я вчитывался в “дела грузин”, не имевших права молиться по-грузински; в “дела поляков”, не имевших миллиона отнятых у них же прав <…> поднялось возмущение: на этот раз не метафизическое, а политическое, революционное. Это было за три года до 1905 года, в этом году я оставил службу. Поступил в Департамент благонамеренным и верноподданным, а вышел из него через три года в отставку — революционером»[68].

Таким образом, в автобиографии декадентству придаются не только бунтарско-индивидуалистические, но и общественно-революционные черты (Гиппиус пишет, что сочувствовал революции 1905 г.). Причем если служба в департаменте оценивается как «антидекадентское» смирение, то преподавание, имевшее для Гиппиуса, конечно, более важное значение, — еще и как общественное служение[69].

В личном фонде Гиппиуса в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся его обширные воспоминания, озаглавленные несколько помпезно (впрочем, заглавие написано не его рукой): «Судьба или сорок восемь лет (саможизнеописание в трех шестнадцатилетиях). Шестнадцатилетие первое (1879–1894). Жизнеописание нетленных из моих друзей. Воспоминания (1930–1932)»[70]. К сожалению, черновая рукопись поддается прочтению с большим трудом: небрежный почерк, многочисленные исправления, своеобразный синтаксис. На сегодняшний день нам удалось расшифровать лишь некоторые фрагменты из главы третьей «Общие места». Насколько можно судить, об истории первого брака Гиппиус пишет кратко, особенно если сравнить с тем, как отразился образ первой жены в поэме «Лик человеческий». Гиппиус сообщает, что «сошелся» с Еленой Менцель в 1897 г., когда ему был 21 год, а ей 22, «повенчался в 1900». Здесь же Гиппиус пишет о рождении детей (Евгений — 1903, Алексей —

[67] Отец Гиппиуса, Василий Иванович, был действительным статским советником, помощником управляющего земским отделом Министерства внутренних дел. (*Лавров А.В.* Гиппиус Владимир Васильевич. С. 565).

[68] *Гиппиус Вл.* О самом себе. С. 127.

[69] Ср.: «Значит, не очень-то противообщественны были декаденты в своей сути!» (Там же. С. 121; речь идет о преподавании в гимназии). Преподавательская деятельность Гиппиуса заслуживает отдельного исследования: кроме мемуарных свидетельств, должны быть учтены сохранившиеся конспекты лекций, сделанные его учениками, а также его собственные опубликованные и неопубликованные материалы.

[70] РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 150. Рукопись упоминается в статье: *Биневич Е.* «…Тайный автор замечательных стихов». С. 124.

1905), о том, что с первой женой он «разъехался в 1920», «первая связь[71] — в 1921 и развелся в 1924». По словам Гиппиуса, Елена Васильевна «всегда сознавала причину нашей брачной незадачливости. В том, что был <а> меня старше. Пусть разница была и в одном годе»[72].

Надо заметить, что разница в возрасте была для Гиппиуса предметом рефлексии и в связи со второй женой, Надеждой Михайловной (родилась в 1892 г.): в той же рукописи есть пространные размышления о «разнице поколений», причем Гиппиус переходит от семейной жизни к литературе, противопоставляя свое поколение поколению Ахматовой и Мандельштама[73].

Последнее обстоятельство очень характерно: с самого начала приверженный жизнетворчеству, Гиппиус на протяжении всего своего пути (от писем середины 1890-х гг. до «мемуаров», написанных в начале 1930-х) сопрягает обстоятельства личной жизни с литературно-общественными явлениями.

Литература

Азадовский К.М. Серебряный век. Имена и события: Избранные работы. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Нестор-История, 2015. 509 с.

Биневич Е. «…Тайный автор замечательных стихов» // Новый журнал. 1993. № 3. С. 121–131.

Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М.: Олма-пресс, 2002. 414 с.

Гиппиус Вл. Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. С.А. Венгерова; послесл., подгот. текста А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. С. 163–172.

Гиппиус Вл. Золотой век. Из писем к иностранцу / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Ю.А. Рыкуниной // Русская литература. 2018. № 1. С. 99–127.

Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню / Предисл., публ. и коммент. А.М. Грачевой и О.А. Линдеберг // Писатели символистского круга: Новые материалы / Ред. В.Н. Быстров, Н.Ю. Грякалова, А.В. Лавров. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 44–76.

Гиппиус З.Н. Дневники: В 2 кн. / Вступ. ст. и сост. А.Н. Николюкина. Кн. 1. М.: Интелвак, 1999. 732 с.

[71] Имеется в виду, очевидно, — со второй женой, Надеждой Михайловной, урожденной Татлиной, бывшей ученицей Гиппиуса.

[72] РО ИРЛИ. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 44об.

[73] Там же. Л. 47–49об.

Иванова Е. Александр Добролюбов — загадка своего времени // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 191–230.

Кобринский А.А. «Жил на свете рыцарь бедный…» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста, сост., примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова. СПб.: Академический проект, 2005. С. 429–474.

Коневской Ив. Письма к Вл. Гиппиусу / Публ. И.Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л.: Наука, 1979. С. 79–98.

Лавров А.В. Гиппиус Владимир Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 565–566.

Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 221 с.

Павлова М. Писатель-инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.

Переписка с А.В. Гиппиусом (1900–1915) / Предисл., публ. и коммент. В.В. Бузник, Л.К. Долгополова и В.А. Шошина // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 414–457.

Письма Вл.В. Гиппиусу (1891–1914) / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Ю.А. Рыкуниной // Литературное наследство. Т. 106: Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. М.: Наука, 2018. С. 441–477.

Проза Владимира Гиппиуса / Предисл. и публ. В.Н. Быстрова // Писатели символистского круга: Новые материалы / ред. В.Н. Быстров, Н.Ю. Грякалова, А.В. Лавров. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 27–43.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

Рыкунина Ю.А. Два письма Вл.В. Гиппиуса А.М. Добролюбову 1898 года // Русская литература. 2015. № 2. С. 187–192.

Рыкунина Ю.А. «Книга дело — личное и, конечно, в России совершенно бескорыстное»: письма Владимира Гиппиуса Брюсову (1897–1912) // «Тихие песни»: Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М.: Трутень, 2014. С. 308–329.

Розанова Н.В. Из моих воспоминаний / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Н. Богословского // Литературоведческий журнал. 2000. № 13–14. Ч. 2. С. 6–185.

Соболев А.Л. Больное беспокойство: Новые материалы к биографии Александра Добролюбова // Тургенев и тигры: Из архивных изысканий о русской литературе первой половины XX века. М.: Трутень, 2017. С. 141–181.

Тименчик Р.Д. Владимир Гиппиус // Родник. 1988. № 4. С. 27–28.

Чернова Е.Б. «Я пишу то, что помню…». Воспоминания / подг. текста, комм., предисл. Е.Н. Груздевой. СПб.: Европейский дом, 2011. 252 с.

Cioran S.D. Alexandr Dobroliubov: A Prophet of Silence // Canadian Slavic Studies. 1971. Vol. 5. P. 178–195.

References

Azadovskii K.M. *Serebrianyi vek. Imena i sobytiia: Izbrannye raboty* [Sylver Age. Names and events: Selected works]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 420–437. (In Russ.)

Binevich E. "…Tainii avtor zamechatel'nykh stikhov" ["The secret author of amazing poems"]. *Novyi zhurnal*, 1993, no. 3, pp. 121–131. (In Russ.)

Briusov V.Ia. *Dnevniki. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographic proze. Letters], comp., intro. E.V. Ivanova. Moscow, Olma-press Publ., 2002. 414 p. (In Russ.)

Chernova E.B. *"Ia pishu to, chto pomniu…". Vospominaniia* ["I write what I remember…". Memoirs], ed., comment., intro. E.N. Gruzdeva. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2011. 252 p. (In Russ.)

Cioran S.D. Alexandr Dobroliubov: A Prophet of Silence. *Canadian Slavic Studies*, 1971, vol. 5, pp. 178–195. (In English.)

Gippius Vl. Aleksandr Dobroliubov. *Russkaia literatura 20 veka. 1890–1910* [Russian literature of the 20th century. 1890–1910], ed. S.A. Vengerov, afterword, publ. A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 2004, pp. 163–172. (In Russ.)

Gippius Vl. V. O Bloke chto pomnyu [Things I remember about Blok], intro, publ. and comment. A.M. Gracheva and O.A. Lindeberg. *Pisateli simvolistskogo kruga: Novye materialy* [Writers of the Symbolist circle: New materials], eds. V.N. Bystrov, N.Yu. Griakalova, A.V. Lavrov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 44–76. (In Russ.)

Gippius Vl. Zolotoi vek. Iz pisem k inostrantsu [Golden Age. From letters to a foreigner], intro., ed. and comment. Iu.A. Rykunina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 1, pp. 99–127. (In Russ.)

Gippius Z.N. *Dnevniki: V 2 kn.* [Diaries, in 2 books], intro. and comp. A.N. Nikoliukin. Book 1. Moscow, Intelvak Publ., 1999. 732 p. (In Russ.)

Ivanova E.A. Aleksander Dobrolyubov — zagadka svoego vremeni [Alexander Dobrolyubov — the enigma of his time]. *Novoe literaturnoe obozrenie,* 1997, no. 27, pp. 191–230. (In Russ.)

Kobrinskii A.A. "Zhil na svete rytsar' bednii…" (Aleksandr Dobroliubov: slovo i molchanie) ["Once there lived a poor knight…" (Alexander Dobroliubov: word and silence)]. *Rannie simvolisty: N. Minskii, A. Dobroliubov. Stikhotvoreniia i poemy* [Early Symbolists: N. Minskii, A. Dobroliubov. Lyrics and poems], intro., ed., comp., comment. A. Kobrinskii and S. Sapozhkov. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005, pp. 429–474. (In Russ.)

Konevskoi Iv. Pis'ma k Vl. Gippiusu [Letters to Vl. Gippius], publ. I.G. Iampolskii. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1977 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1977]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 79–98. (In Russ.)

Lavrov A.V. Gippius Vladimir Vasilievich. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaia entsilopediia Publ., 1989, pp. 565–566. (In Russ.)

Magomedova D.M. *Avtobiographicheskii mif v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical myth in A. Blok's works]. Moscow, Martin Publ., 1997. 221 p. (In Russ.)

Pavlova M. *Pisatel'-inspektor: Fedor Sologub and F.K. Teternikov* [The writer-inspector: Fedor Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

Perepiska Bloka s A.V. Gippiusom (1900–1915) [Blok's correspondence with A.V. Gippius (1900–1915)], intro., publ., and comment. V.V. Buznik, L.K. Dolgopolov and V.A. Shoshin. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 92: Alexander Blok: New materials and studies. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 414–457. (In Russ.)

Pis'ma Z.N. Gippius k Vl.V. Gippiusu (1894–1914) [Z.N. Gippius' letters to Vl.V. Gippius (1894–1914)], ed., intro. and comment. Yu.A. Rykunina. *Literaturnoe nasledstvo. T. 106: Epistolyarnoe nasledie Z.N. Gippius. Kn. 1* [Literary heritage. Vol. 106: Epistolary heritage of Z.N. Gippius. Book 1]. Moscow, Nauka Publ., 2018, pp. 441–477. (In Russ.)

Proza Vladimira Gippiusa [Vladimir Gippius' prose works], intro. and publ. V.N. Bystrov. *Pisateli simvolistskogo kruga: Novye materialy* [Writers of the Symbolist circle: New materials], ed. V.N. Bystrov, N.Yu. Griakalova, A.V. Lavrov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 27–43. (In Russ.)

Reitblat A.I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* [From Bova to Balmont and other works on historical sociology of Russian literature]. Moscow, Novoe llteraturnoe obozrenie Publ., 2009. 448 p. (In Russ.)

Rozanova N.V. Iz moikh vospominanii [From my memoirs], intro., publ. and comment. A.N. Bogoslovskii. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2000, no. 13–14, part 2, pp. 6–185. (In Russ.)

Rykunina Yu. Dva pismaVl.V. Gippiusa A.M. Dobrolyubovu 1898 goda [Vl.V. Gippius' two letters to A.M. Dobrolyubov, 1898]. *Russkaia literatura*, 2015, no. 2, pp. 187–192. (In Russ.)

Rykunina Yu.A. "Kniga delo — lichnoe i, konechno, v Rossii sovershenno beskorystnoe": Pis'ma Vladimira Gippiusa Briusovu (1897–1912) ["A book is a personal and, of course, completely self-denying matter in Russia": Vladimir Gippius' letters to Briusov (1897–1912)]. *"Tikhie pes'ni": Istoriko-literaturnii sbornik k 80-letiiu L.M. Turchinskogo* ["Quiet songs": Historic and literary collection of works in honour of L.M. Turchinskii's 80th anniversary]. Moscow, Truten' Publ., 2014, pp. 308–329. (In Russ.)

Sobolev A.L. Bol'noe bespokoistvo: Novye materialy k biografii Aleksandra Dobroliubova [Sick anxiety: New materials for Alexander Dobroliubov's biography]. *Turgenev i tigry: Iz arkhivnykh izyskanii o russkoi literature pervoi poloviny 20 veka* [Turgenev and tigers: From archive investigations on Russian literature of the first half of 20th century]. Moscow, Truten' Publ., 2017, pp. 141–181. (In Russ.)

Timenchik R.D. Vladimir Gippius. *Rodnik*, 1988, no. 4, pp. 27–28. (In Russ.)

On the biography of Vladimir Gippius

© 2020, Yulia Rykunina

Abstract: The paper provides archival and little-known materials that extend the information on the early period of Vladimir Gippius' biography. In letters to his acquaintance, Matilda Menzel, he shares his thoughts on A.M. Dobrolyubov, on his first book, talks about studying at the university. In addition to personal letters, documents concerning Gippius' service in the Department of Spiritual Affairs and university period are introduced into scientific circulation, facts about his first marriage are reported. The information presented in the paper is also important because Gippius placed all the facts of his personal biography in the broad perspective of Russian Decadence and Symbolism, creating his own autobiographical myth, which was determined by the following main stages: overcoming Decadence, then returning to decadence, the path from unbelief to faith, from "reaction" to "revolution". Materials of Gippius' personal fund in the Pushkin House, as well as to his service documents (RGIA) allow to clarify, correct and supplement the known facts of his biography. They also partly shed light on the internal plot of this biographical canvas — relations with A.M. Dobrolyubov, Gippius' departure from Decadence, which occurred largely under the influence of the Merezhkovskys.

Keywords: Vladimir Gippius, Alexander Dobrolyubov, Decadence, Symbolism, archives, epistolary heritage, biographical studies, memoirs

Information about the author: Yulia Rykunina, Candidate of philological sciences, independent researcher, Moscow. E-mail: rykuninay@mail.ru

Citation: Rykunina Yulia. On the biography of Vladimir Gippius. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 193–212. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-193-212

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-213-236
УДК 821.161.1

Валерий Брюсов и музыкальный мир России конца XIX — начала XX века (Введение в тему)*

© 2020, А.В. Геворкян

Аннотация: При наличии множества исследований, посвященных биографии, литературному творчеству, эпистолярному наследию В.Я. Брюсова на периферии исследовательского интереса оставались его связи с музыкальным миром России конца XIX — начала XX в. Значительно меньшее внимание уделялось историко-литературному изучению личных и творческих контактов поэта с композиторами, музыкальными критиками, музыковедами. К поэзии В.Я. Брюсова как источнику музыкальных композиций в конце XIX — начале XX в. обращались композиторы, придерживавшиеся различных творческих, эстетических принципов, от реалистических до модернистских, каждый из которых находил в брюсовском творчестве родственные собственным установкам образы, темы и мотивы. На сегодня известны имена более тридцати композиторов, обращавшихся к оригинальному и переводному творчеству главы русского символизма. В их числе композиторы, уже к началу XX в. ставшие крупными и оригинальными фигурами русской музыкальной культуры — А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, Н.К. Метнер, Р.М. Глиэр, С.И. Василенко, — и менее известные сегодня В.И. Ребиков, А. Канкарович, А.Г. Шапошников и др. Одной из первых работ, посвященных этой теме, стала статья сестры поэта, Н.Я. Брюсовой, «Музыка в творчестве Валерия Брюсова» (Искусство, 1929, № 3–4), наметившая два основных направления исследований: историко-литературное и теоретическое, философско-историческое. Связи В.Я. Брюсова с музыкальной культурой России начала XX в. исследуют также О. Томпакова, В. Дронов, Е. Эткинд и др. Интерес к творчеству В.Я. Брюсова не угас и после смерти поэта, к его поэзии в новой общественно-политической среде обращались многие советские композиторы. В приложении к статье публикуются материалы к аннотированной нотографии В.Я. Брюсова.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, Н.Я. Брюсова, С.Н. Василенко, В.И. Ребиков, музыкальный мир России, Литературно-художественный кружок, «Красный маяк», дух музыки, нотография.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19 — 1012-00648 «В.Я. Брюсов и русские композиторы (эпистолярное наследие и творческие пересечения)».

Информация об авторе: Армен Варужанович Геворкян, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: armenvar@mail.ru

Цитирование: *Геворкян А.В.* Валерий Брюсов и музыкальный мир России конца XIX — начала XX века // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 213–236. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-213-236

Памяти О.А. Коростелева

Валерий Яковлевич Брюсов относится к числу тех представителей русской культуры, кто своим творчеством и общественной деятельностью оказал значительное влияние на развитие художественной культуры России конца XIX — начала XX в. В центре внимания исследователей многогранного творчества главы русского символизма, помимо постоянного интереса к его литературному и эпистолярному наследию, находились также критические и теоретические работы, в том числе стиховедческие, текстологические изыскания по истории русской литературы, издательская деятельность. Журнал «Весы», главным редактором которого по сути и положению был В.Я. Брюсов, наряду с «Миром искусства» стал не только значимым культурным явлением, но оказал значительное влияние на издательскую и оформительскую культуру подобных изданий в XX в.

Однако при столь широком интересе к биографии, литературному творчеству, эпистолярному наследию главы русского символизма на периферии исследовательского интереса оставались его связи с музыкальным миром России конца XIX — начала XX в. Значительно меньшее внимание уделялось изучению личных и творческих контактов поэта с композиторами, музыкальными критиками, музыковедами. Исследования и публикации по теме «В.Я. Брюсов и музыкальная культура России конца XIX — начала XX в.» на сегодня остаются единичными в широком море исследований иных тем и аспектов его деятельности и творчества. Фактографический материал, включающий биографические сведения, эпистолярное наследие, статьи, отклики, рецензии по теме в периодических изданиях начала XX в., в том числе и в музыкальной периодике, не собран во всей полноте и не систематизирован. Публикации эти не обобщены, а заложенные в работах Н.Я. Брюсовой, В. Дронова, О. Страшковой, Е. Эткинда идеи и темы не нашли сколь-нибудь широкого продолжения, оставшись во многом на уровне констатации фактов без их должного обоснования и осмысления, в том числе без

их сопоставления как с эстетическими концепциями внутри одного литературного направления, так и с общими тенденциями развития художественной культуры заявленного периода.

Между тем в литературоведении давно уже появились такого рода монографические и библиографические исследования о музыкальных пластах в творчестве И.С. Тургенева, А.П. Чехова, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, А. Ахматовой и др. и выработалась определенная исследовательская методика[1].

Об интересе Брюсова к музыкальной литературе и близком знакомстве с ней сообщает сестра поэта, Н.Я. Брюсова: «Вообще В<алерий> Я<ковлевич> относился к моим занятиям музыкой с недоверием <…> но в этот раз он почему-то захотел помочь мне в изучении музыки. В то время выходил по подписке русский перевод истории музыки Наумана. В.Я. подписался на него и подарил мне. Вскоре затем подарил еще музыкальную хрестоматию Саккети[2]. Все подаренные книги он сначала прочитывал сам»[3].

Частным свидетельством подобного интереса является и оставшаяся в рукописи статья «Основы изучения музыки» (1890-е гг.), а также пометы на страницах книги Пьетро Блацерны «Теория звука в приложении к музыке» (СПб., 1878) из личной библиотеки поэта. Здесь же хранится экземпляр труда известной певицы М.А. Олениной д'Альгейм "Le Legs de Mousorgski" (Paris, 1908) с дарственной надписью Брюсову; книга эта могла быть преподнесена в период его сотрудничества с музыкальным проектом «Дом Песни», возглавляемым Пьером д'Альгейм и Марией Олениной д'Альгейм.

Известны также попытки Брюсова заниматься композицией. Поэт положил на музыку текст собственного стихотворения «Не плачь и не думай», вошедшего под названием «Утро» в его сборник "Me eum esse". В юношестве он переводил также знаменитую хаба-

[1] См.: *Крюков А.Н.* Тургенев и музыка (Музыкальные страницы жизни и творчества писателя). Л., 1963; *Эйгес И.Р.* Музыка в жизни и творчестве Чехова. М., 1953; Блок и музыка: Сб. статей / Сост. М. Элик. Л.; М., 1972; Блок и музыка: Хроника. Нотография. Библиография. [Справочник] / Сост. Т. Хопрова, М. Дунаевский. Л., 1980; *Кац Б.,* Константин Бальмонт и музыка: [Ноты] / Сост. и вступ. ст. О. В. Епишева, А.Ю. Романов, С.Н. Тяпков. Иваново, 2007; Поэзия Вячеслава Иванова в русской музыке. Нотографический справочник прижизненных публикаций 1913–1948 / Сост. П.В. Дмитриев. СПб., 2013; *Кац Б., Тименчик Р.* Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л., 1989; *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж, 1985.

[2] *Сакетти Ливерий Антонович* (1852–1916) — теоретик и историк музыки Петербургской консерватории. Автор книг «Очерк всеобщей истории музыки» (1891), «Краткая историческая музыкальная хрестоматия с древнейших времен до XVII в. включительно» (СПб., 1896).

[3] *Брюсова Н.Я.* Музыка в творчестве Валерия Брюсова // Искусство. 1929. № 3–4. С. 123.

неру Кармен “L’amour est un oiseau rebelle” (в варианте поэта «Как птичка резвая, беспечно») из известной оперы Ж. Бизе[4].

Отдельной темой исследования может стать анализ философско-эстетической концепции музыки в творчестве В.Я. Брюсова, а также в его критических и стиховедческих работах в рамках декларируемой символистами синтетичности видов искусства, синестезии как художественного явления. Неоднократно проанализированная в теоретическом наследии Андрея Белого и Вяч. Иванова, она не столь же очевидно проявлена у Брюсова, остается не описанной и не раскрытой в своей целостности и полноте, а также в сопоставлении с эстетическими концепциями Андрея Белого, Вяч. Иванова, А. Блока.

Как пример подобного сопоставления приведем различия в восприятии и трактовке понятия *настроение* в эстетических концепциях Брюсова и Андрея Белого. Первый, отвечая читательнице в предисловии второго сборника «Русские символисты», писал: «<…> наконец, сближение поэзии с музыкой я считаю тоже одним из средств, которыми пользуется символизм, а не его сущностью. Символист старается мелодией стиха выразить определенное настроение в читателе, которое поможет ему уловить общий смысл, — и только»[5]. Соответствующее настроение должны были вызвать у читателя и разделы сборника: «Ноты», «Аккорды», «Гаммы», «Сюиты». Одним из первых подобное членение сборника с использованием музыкальных терминов использовал А. Добролюбов, редактором произведений которого и издателем был Брюсов.

В отличие от Брюсова Андрей Белый включает музыку в общую теорию познания действительности, в том числе и художественными средствами. В статье «Формы искусства» теоретик символизма пишет: «<…> выражение “настроение” имеет глубокий смысл. Оно указывает на эволюцию искусства в сторону музыки. Настроение того или другого образа следует понимать как “настроенность” этого образа, его “музыкальный лад”…»[6]

Предметом анализа должно стать и включение музыкальных форм, понятий, в частности сонатно-симфонических форм, в структуру поэтического текста как смыслообразующих единиц.

---

[4] *Ильинский А.* Литературное наследство Валерия Брюсова // Литературное наследство. Т. 27–28. М., 1937. С. 479.

[5] *Брюсов В.* Ответ // Русские символисты. Вып. 2-й. М., 1894. С. 9.

[6] *Белый А.* Формы искусства // Белый А. Символизм: Кн. статей. М., 1910. С. 172. См. подробнее: *Геворкян А.В.* О двух толкованиях понятия «настроение» в русском символизме (В. Брюсов, А. Белый) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1998. № 6, нояб.–дек. С. 24–35.

Одну из важных эстетических, культурософских категорий русских символистов анализирует О. Страшкова в работе «“Дух музыки” в художественной рецепции В. Брюсова и драматургов-модернистов». Исследователь резюмирует: «Брюсов вместе с Л. Андреевым, К. Бальмонтом, Ф. Сологубом, Вяч. Ивановым, А. Блоком, А. Белым вводили в текст драмы “музыкальные заставки”, “ритмизовали” прозу, озвучивали тишину, паузу, актуализировали ритмическую функцию повторов, наполняли глубинным смыслом молчание, воссоздавая “дух музыки”, звучавший в эстетической атмосфере “серебряного века”»[7].

К поэзии Брюсова как источнику музыкальных композиций в конце XIX — начале XX в. обращались композиторы, придерживавшиеся различных творческих, эстетических принципов, от реалистических до модернистских. Каждый из них находил в брюсовской поэзии родственные собственным творческим установкам образы, темы и мотивы. Широкое обращение к поэтическому наследию главы русского символизма в разные периоды свидетельствует об интересе к его творчеству в музыкальной среде в целом. В частности, музыкальный критик, музыковед А.В. Оссовский, публикуя письма А.К. Лядова к нему, вспоминает просьбу композитора передать сборник «Северные Цветы» композитору и дирижеру Н.Н. Черепнину. В комментариях А.В. Оссовский сообщал: «“Северные цветы ассирийские”, альманах книгоиздательства “Скорпион” (1905 г.), названный в приведенном <…> письме, особого восхищения у А.К. не вызвал, но всё же из ряда помещенных здесь стихов, рассказов и драм значительно понравились Лядову трагедия Вяч. Иванова “Тантал” и, еще более, “Земля” — пятиактная “трагедия из будущих времен” Валерия Брюсова»[8].

В архиве Брюсова в НИОР РГБ сохранился составленный им список композиторов, обращавшихся к его творчеству. В списке значились имена А. Чеснокова, Т. Гартмана, Н. Рославца, А. Шапошникова с указанием издательства и тиража изданных музыкальных произведений. В 1913 г. издательство «Скорпион» публикует библиографию произведений и переводов стихотворений Брюсова, в музыкальный раздел которой вошли 11 авторов музыки на произведения поэта. Составители сообщают любопытную подробность о «Каменщике», на текст которого написали свои произведения

[7] *Страшкова О.К.* «Дух музыки» в художественной рецепции В. Брюсова и драматургов-модернистов // Брюсовские чтения 2006 года: Сб. статей. Ереван, 2007. С. 120.

[8] См.: Письма А.К. Лядова к А.В. Оссовскому // Русская музыкальная газета. 1916. № 11, 13 марта. С. 243–244.

Ю. Энгель и Е. Вильбушевич: «Нам сообщали из Каргополя, Олонецкой губ., что в местной тюрьме арестанты поют “Каменщика” на мотив, сложенный ими самими»[9]. Они же указывают на публикацию ряда стихотворений в журнале «Музыка» за 1911 г.[10]

Подробно об этом Брюсов писал и в автобиографии, вошедшей в «Русскую литературу (1890–1910)» под ред. С. Венгерова: «Многие мои стихи положены на музыку композиторами: Ребиковым, Ивановым-Борецким, Гречаниновым, Рачинским, Панченко, Энгелем, Толоконниковым, Вильбушевичем, Василенко, Яворским, Гартманом, Глиэром, Саминским, Купером и др.»[11].

Ранее в № 12 за 1906 г. журнал «Весы» в краткой заметке, авторство которой могло принадлежать как В.Я. Брюсову, так и Н.Я. Брюсовой, анонсировал издание музыкальных произведений на стихи поэта: «Наш сотрудник И.И. Рачинский написал шесть “музыкальных иллюстраций” (ор. 16, изд. П. Юргенсона)[12] к стихотворениям Валерия Брюсова: “Мне поется у колодца” (сопрано), “Зимние дымы” (сопрано), “Фабричная” (тенор), “Лев Святого Марка” (тенор), “Чудовища” (basso profundo[13]) и “Рабыня” (дуэт для сопрано и контральто)[14]. Кроме этого, нам известны еще следующие интерпретации стихов г. В. Брюсова: “Вокальные сцены” В. Ребикова (ор. 16, 18, 20, изд. П. Юргенсона) на слова: “Ни красок, ни лучей”, “А если она возвратится”, “Тень”, “На комете”, “Я помню вечер”, “Я вернулся на яркую звезду”, “И ночи, и дни примелькались”, “Две музыкальные картинки” А. Гречанинова (ор. 35, изд. А. Гутхеля) на песни: “Палочка-выручалочка”, “Сборщик на колокол”, музыка г. Вильбушевича к стихотворению “Каменщик” (ор. 2, изд. Н.Х. Давингофа) и Ю. Энгеля к тому же стихотворению»[15].

---

[9] Библиография Валерия Брюсова. 1889–1912 / Сост. к-вом «Скорпион». М., 1913. С. 43.

[10] Там же. С. 51.

[11] *Брюсов В.* Автобиография // Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М., 2002. С. 181.

[12] «Музыкальные иллюстрации» И.И. Рачинского изданы в октябре 1906 г. тиражом 2000 экз. См. об этом каталог издательства П. Юргенсона.

[13] basso profundo (*ит.* глубокий бас) — самый низкий мужской голос.

[14] И.И. Рачинский вместе с В. Ребиковым и Н. Брюсовой входил в число сотрудников музыкального отдела журнала «Весы». Произведение Рачинского «Зимние дымы» на слова Брюсова, как сообщают хроникеры «Русской музыкальной газеты», было исполнено на вечере русской и польской музыки, устроенном Обществом Вокальной музыки 26 января 1916 г. В № 6 от 7 февраля того же года критик Вс. Чешихин делился впечатлениями от концерта: «Из других №№ русской части программы мне понравились “Зимние дымы” *Рачинского* на слова Брюсова; “Кабы я знала, кабы ведала” (оба романса спело очень музыкальное сопрано, недурной школы)».

[15] Весы. 1906. № 12. С. 79. Сообщение позволяет уточнить датировку изданий указанных произведений.

Список композиторов значительно шире: на сегодня известны имена более чем тридцати композиторов, обращавшихся как к оригинальному творчеству главы русского символизма, так и к его переводам.

Одним из первых справочников, знакомящих с нотографией Брюсова, стал указатель И. Глебова [Б. Асафьева] «Русская поэзия в русской музыке» (первое издание вышло в 1921 г., второе, дополненное, — в 1922 г.). Хотя составитель во вступительной статье отмечает, что «Брюсов отражен в музыке вяло и притом нарочито безвкусно (вокальные сцены Ребикова)»[16], однако в соответствующем разделе указывает имена семнадцати композиторов, обращавшихся к творчеству поэта.

Наиболее полный список композиторов представлен в указателе «Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года)»[17]. Характеризуя в целом обращение русских композиторов к творчеству Брюсова, автор предисловия, Т.И. Ливанова, отмечает: «О какой-либо последовательности или типических явлениях здесь всё же говорить трудно. Гречанинов, Кюи, Глиер, салонные авторы, в большинстве интерпретируют его традиционно. Ребиков стремится быть оригинальным, но ни вкуса, ни чутья ему хватает. Василенко снова эффектно, в духе безобидно-умеренного московского “модерна”, воплощает новый текст (“Красный огонь, раскрутись, раскрутись”). Рахманинов создает своего “Крысолова”. Яворский и Иванов-Борецкий, как композиторы-теоретики, охотно экспериментируют над стихами Брюсова, но их опыты остаются достоянием узкой среды»[18].

В числе авторов значатся имена как композиторов, уже к началу XX в. ставших крупными и оригинальными фигурами русской музыкальной культуры — А.Т. Гречанинова, С.В. Рахманинова, Н.К. Метнера, Р.М. Глиэра, С.И. Василенко, так и менее известных, забытых на сегодня — В.И. Ребикова, А. Канкаровича, А.Г. Шапошникова и др. Однако за пределами и этого, наиболее полного указателя остались композиторы второго и даже третьего ряда, не оставившие сколь-нибудь заметного следа в истории русской музыки, однако в свое время выступавшие на различных подмостках. Так, кроме блиставшего своим искусством в петроградских кабаре начала XX в. М. Пергамента, в список следует включить и Д.А. Богемского, автора комических куплетов «Адам и Ева» на стихи Брюсова, и ряд других

[16] *Глебов И. [Асафьев Б.]*. Русская поэзия в русской музыке. Пб., 1921. С. 11.
[17] *Иванов Г.К.* Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Вып. 1. М., 1966. С. 25.
[18] Там же.

имен; отсутствует в указателе и кн. Сергей Волконский, автор романса «У перекрестка».

Таким образом, на сегодня известны имена более тридцати композиторов, обращавшихся как к оригинальному творчеству главы русского символизма, так и к его переводам: Багриновского М.М., Богемского Д.А., Василенко С.И., кн. Волконского С., Гартвельда Г., Гартмана Ф., Глиера Р.М., Гнесина М., Гречанинова А.Т., Грудина В.В., Житомирского А.М., Иванов-Борецкого М.В., Кадникова Р., Канкаровича А., Карагичев Б.В., Кашперовой Е.В., Крейна А., Крейна Г., Купера Э.А., Мелких Д.М., Метнера Н.К., Оленина А.А., Панченко С.В., Пергамента В.Г., Рахманинова С.В., Рачинского И.И., Ребикова В.И., Рославца Н.А., Сенилова В.А., Христиана Синдинга, Толоконникова В.В., Чекрыгина И.И., Чеснокова А.Г., Шапошникова А.Г., Шехтера Б.С., Штейнберга Л.П., Энгеля Ю., Юрасовского А.И., Яворского Б.Л.

Отдельно следует упомянуть С.С. Прокофьева, хотя его известная опера «Огненный ангел» написана позже исследуемого нами периода. М.Е. Тараканова в «Истории русской музыки» отмечает: «Именно в этом сочинении обнаружились в полной мере те стороны дарования Прокофьева, которые обличали в нем композитора-символиста и одновременно самого одаренного из русских музыкантов-экспрессионистов»[19].

Копии музыкальных произведений на стихи Брюсова в начале 1960-х гг. были переданы женой поэта, Иоанной Матвеевной, в дар кабинету по исследованию творчества поэта Ереванского государственного педагогического института русского и иностранных языков им. В.Я. Брюсова[20].

С некоторыми из композиторов, чьи имена упоминались в указателях, Брюсов имел возможность встречаться и общаться на мероприятиях Литературно-художественного кружка, дирекцию которого он возглавлял с 1908 г. Один из них, композитор С.Н. Василенко, выпускник частной гимназии Креймана, где в свое время обучался и будущий глава русского символизма, вспоминая встречи с деятелями художественной культуры начала XX в., упоминал и Брюсова: «Литературно-художественный кружок в Москве процветал. Он представлял для нас идеальный приют отдыха, свиданий с друзьями и занятий. <…> Там имелась обширная библиотека с массой загра-

[19] *Тараканов М.Е.* С.С. Прокофьев // История русской музыки: В 10 т. Т. 10А: Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 443.

[20] Ныне Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова.

ничных изданий и журналов, большой концертный зал, в котором выступали свои и приезжие артисты, а Малый и Художественный театры давали вечера. Дирекция состояла из высококультурных, известных людей, среди них — Валерий Брюсов (председатель), А.И. Южин, Н.Н. Телешов, Л.В. Собинов, Н.А. Эфрос, С.К. Шамбинаго[21] и другие. В Кружке я встречался со многими интересными людьми. За нашим столом бывали: бывший режиссер Малого театра А.М. Кондратьев, А.А. Бахрушин — известный коллекционер, С.И. Мамонтов — директор Частной оперы...»[22]. Кружок организовывал концерты, на которых исполнялись и музыкальные произведения на стихи В.Я. Брюсова. Так, 21 апреля 1908 г. на Пятом исполнительном собрании Московского литературно-художественного кружка прошел вечер современной музыки. Во втором отделении концерта В.Р. Пикок[23] впервые исполнил романс С.В. Василенко «В склепе» на слова поэта; аккомпанировал певцу сам композитор.

Василенко обращался к творчеству Брюсова дважды: в 1904 г. он написал уже упомянутый романс «В склепе» («Ты в гробнице распростерта…»), а в 1909 г. цикл «Заклинание», в состав которого вошел и романс на стихи Брюсова «Средние века». Рецензент «Русской музыкальной газеты» Luini в разделе «Библиография» писал: «“Заклинание” — написаны на ряд стихотворений современных русских поэтов: “Шампанское” Чулкова, “Ср. веков” — Брюсова, “Раскольничье” и “Хлыстовство” Бальмонта. Полагаем, что не будем далеки от истины, если скажем, что “Заклинание” в высокой степени интересный, талантливый opus г. Василенко. В нем нет надломленности и надрыва “Болотного попика”, в нем нет неуверенности и робости первых вокальных пьес г. Василенко. От “Заклинание” веет здоровым, сильным талантом, умеющим готовить также сильно и ярко, как говорит сам же композитор в своей I Симфонии. Слабых №№ совершенно нет, все они интересны и красивы; особенно обращаем внимание на № 2 и 3»[24]. Под № 2 в опусе значился романс «Средние века», а под № 3 — «Раскольничье»[25].

---

[21] С.К. Шамбинаго, еще один выпускник гимназии Креймана, со времен учебы был близким другом Василенко, а позже близко общался и с Брюсовым. Оба, кроме участия в Московском литературно-художественном кружке, были членами Общества истории литературы.

[22] *Василенко С.Н.* Воспоминания. М., 1979. С. 191.

[23] Пикок Владимир Робертович (1875–1943) — тенор, солист Частной оперы С. Зимина, позже Большого театра (1916–1928).

[24] Русская музыкальная газета. 1912. Т. 19. № 1–2, 20–27 мая. Стлб. 510.

[25] Отметим также, что в архиве Брюсова в ОР РГБ хранятся записи «Песен хлыстов» с. Колывань, Самарского уезда, записанные И.С. Кондурушкиным.

5 марта 1916 г. в Новой Большой аудитории политехнического музея Первое литературно-драматическое общество им. А.Н. Островского устроило вечер, посвященный исключительно творчеству Брюсова. Сборы от вечера шли в пользу фонда для устройства климатических станций на Кавказе, для увечных артистов-воинов. На концерте были исполнены музыкальные произведения на стихи Брюсова: «Девочка» на музыку Кашперовой (исп. К.Е. Роговская), «Фабричная песня» на музыку И.И. Рачинского (исп. А.К. Минеев), «Красный огонь раскрутись» на муз. С.И. Василенко (исп. Н.В. Васенкова), «Палочка-выручалочка» на музыку А.Т. Гречанинова (исп. Е.А. Подольская)[26].

Однако композиторы не ограничивались жанром романса. Так, Михаил Гнесин, откликаясь на смерть М. Врубеля, написал симфонический дифирамб для голоса и оркестра, основанный на стихотворном послании Брюсова «М.А. Врубелю»[27].

Одной из первых работ, посвященных представляемой теме, стала уже процитированная выше статья сестры поэта «Музыка в творчестве Валерия Брюсова». Выпускница Московской консерватории, ученица С.И. Танеева (специальная теория музыки) и К.Н. Игумнова (фортепиано), Надежда Яковлевна впоследствии занималась вопросами музыкального образования, преподавала в различных учебных заведениях, в том числе в Народной консерватории, а затем долгие годы работала в Московской консерватории, где занимала руководящие посты проректора и т.п.[28] Она внесла значительный вклад в дело образования и музыкального воспитания подростков, являлась автором статей и методических работ в этой области. Н.Я. Брюсова также выступала с докладами о музыке на заседаниях Общества свободной эстетики. Доклад был опубликован в № 10–11 журнала «Весы», а позже был издан отдельной книгой. Большое влияние на формирование ее музыковедческих взглядов оказал композитор, педагог Б.Л. Яворский, который также обращался в своем творчестве к поэзии Брюсова. Одним из творческих результатов общения композитора и педагога с семьей Брюсовых стал романс «Я тридцать лет искала» на стихи М. Метерлинка в переводе Брюсова (ор. 20 № 3).

Обращаются композиторы и к переводческому творчеству Брюсова. Например, Адриан Шапошников, о чем сообщает биограф

[26] Ранее романс вместе с другим произведением на стихи Брюсова «Палочка-выручалочка» прозвучал 31 января 1905 г. на 53-м вечере Кружка любителей в исполнении А. Оленина и М.А. Дейши-Сионицкой.

[27] См. об этом: *Келдыш Ю.В.* Между традицией и модерном // История русской музыки: В 10 т. Т. 10А: Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 217–218.

[28] См. подробнее: *Минор Н.Н.* Н.Я. Брюсова и ее школа музыкального образования. Саратов, 1994.

композитора В.А. Гуревич: «В 1913 году издательством Юргенсона были опубликованы два вокальных цикла Шапошникова — на слова П. Верлена (в переводе В. Брюсова) и на слова Вяч. Иванова. <…> Цикл на стихи Верлена вышел с посвящением В. Держановскому[29], способствовавшему исполнению романсов Шапошникова в концертах “Вечеров современной музыки”». В комментариях отмечено, что к стихам французского поэта композитор мог обратиться благодаря общению со своим педагогом в Петербургской консерватории по классу свободного сочинения Н.А. Соколовым, который ценил творчество Верлена и сам написал два вокальных цикла на его произведения, в том числе и на текст стихотворения «Закат»[30].

Имея возможность общаться в литературных кругах, Надежда Яковлевна оказывала брату деятельную помощь в работе. Входя вместе с композитором В.И. Ребиковым и И.И. Рачинским в музыкальный отдел редакции журнала «Весы», она под псевдонимом Сусанда опубликовала разбор оперы «Наль и Дамаянти»; возможно, она вела музыкальную хронику, освещала новости музыкальной жизни России и Европы[31]. Ее работы «Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние»[32] и «Временное и пространственное строение формы» критически разбирает Э. Метнер в известном сборнике статей «Модернизм и музыка».

Работа Н.Я. Брюсовой наметила два основных направления исследований по теме: историко-литературный и теоретический, философско-исторический. В рамках первого рассматриваются взаимосвязи Брюсова с русскими композиторами, музыковедами в общекультурном и художественном контексте эпохи. Интересно замечание историка русской музыки А.М. Соколова, который, анализируя творчество Н.Я. Мясковского, подмечает следующую характерную черту развития музыкальной культуры эпохи: «Русский романс конца XIX — начала XX во многом продолжал классические традиции, попавшие, однако, в более свободные условия, не адекватные тем, в которых он развивался в предшествующую эпоху. Эта

[29] В архиве Брюсова в НИОР РГБ сохранилось 4 письма В.В. Держановского 1909–1910 гг. Держановский Владимир Владимирович (1881–1942) — музыкальный критик, рецензент и корреспондент «Русской музыкальной газеты», газет «Русский листок», «Утро России». Вместе с супругой, певицей Е.В. Копосовой-Держановской, и композитором К.С. Сараджевым организовывал Вечера современной музыки, на которых исполнялись и романсы на слова Брюсова.

[30] *Гуревич В.А.* Адриан Шапошников: Очерк жизни и творчества. М., 1985. С. 28

[31] Библиографию ее работ см.: *Минор Н.Н.* Н.Я. Брюсова и ее школа музыкального образования. С. 63–66.

[32] Доклад, прочитанный Н.Я. Брюсовой в 1909 г. на заседании Общества свободной эстетики и опубликованный в №№ 10–11 журнала «Весы», был позже издан отдельно.

неадекватность проявилась прежде всего в сильном воздействии нового художественного направления — символизма, что сказалось не только в факте обращения русских композиторов к творчеству поэтов-символистов, но и в иных по подходах к трактовке русской классической поэзии. <…> Свой особый взгляд на целую литературную эпоху сложился и в русском романсе начала нового века. Здесь отчетливо обозначились две линии, соединившие, казалось бы, столь далекие друг от друга по времени и во многом противоположные по содержанию, но одинаково привлекавшие музыкантов поэтические сферы. С одной стороны, это творчество поэтов "пушкинского круга", во многом уже забытое, — стихи Е.А. Баратынского, А.А. Дельвига, затем — Ф.И. Тютчева. С другой — новая, современная символистическая поэзия. По этим двум линиям — "классической" и "модернистской" — шел процесс развития русского романса рубежа веков»[33].

В круг историко-литературных тем входит и участие Брюсова в работе различных кружков и объединений, в которые входили русские композиторы, музыковеды и исполнители, организация культурной деятельности этих образований. Как частную тему в рамках историко-литературных исследований можно выделить выявление брюсовских сюжетов, тем, образов в литературных текстах композитора В.И. Ребикова, на что, в частности, указывают авторы «Истории русской музыки»: «В <…> "Музыкально-психологическом рассказе", как определяет композитор жанр своей небольшой сценки "Бездна" (по Л. Андрееву), отразилось характерное для символистов представление о городе как о некой страшной, враждебной человеку стихии, губящей все живое: "дракон хищный и бескрылый", "коварный змей с волшебным взглядов" (В. Брюсов. "Городу"), "город-вампир" с "раскаленной челюстью" (С. Соловьев "Город современный")»[34].

Связи Брюсова с музыкальной культурой России начала XX в. исследует и О. Томпакова в статье «Валерий Брюсов и музыка» (Музыкальная жизнь. 1979. № 4), а также в брошюре «Скрябин в художественном мире Москвы конца XIX — начала XX века. Новые течения» (М., 1997), которая в части, относящейся к взаимоотношениям поэта и композитора, возвращается к основным тезисам и фактам первой работы. В статье исследователь обращает особое внимание на близость поэта с композитором В. Ребиковым, который одним из первых положил стихотворения Брюсова на музыку. Более развернуто эта тема освещается О. Томпаковой в книге «Владимир Иванович Ребиков. Очерк жизни и творчества» (М., 1989). Здесь же

[33] История русской музыки: В 10 т. Т. 10А: Конец XIX — начало XX века. С. 366.
[34] Там же. С. 270.

упоминается об успехе концерта композитора в Праге 2 мая 1906 г., на котором исполнялись и произведения, написанные на брюсовские тексты[35].

Ранее о чешских концертах Ребикова писал В.А. Лазарев: «Первые переводы стихотворений Брюсова относятся к 1906 г. Тогда в Праге выступал с концертами В.И. Ребиков — один из первых представителей модернизма в русской музыке. В программу концертов входили стихотворения Брюсова, переложенные им же на музыку.

Пражская публика хорошо приняла концерты В. Ребикова и в печати появились доброжелательные отклики»[36].

В числе литературно-музыкальных произведений Брюсова О. Томпакова в статье «Валерий Брюсов и музыка» упоминает оперное либретто «Красный Маяк», музыку к которому написал петербургский композитор А.И. Канкарович. Она же публикует фрагменты либретто и краткий пересказ оперы в журнале «Советская музыка» (1986. № 8). Более подробно историю создания оперы освещает В. Дронов[37].

Значительный интерес у исследователей вызвала поэма Брюсова «Воспоминания. 1-я патетическая», жанр которой автор обозначил как симфонию. Л. Лурье считает, что произведение это — всего лишь «интересный лабораторный эксперимент»[38]. Однако ряд исследователей, анализирующих поэму в ее связи с традицией поэтики символизма, заложенной А. Добролюбовым и Андреем Белым, иначе трактует формальные, композиционные особенности брюсовского текста, оказывающие влияние на его содержательную сторону.

Структуру поэмы «Воспоминание» как литературного произведения, композиция которого основана на принципах сонатно-симфонической формы, анализируют в сопоставлении с музыкальными принципами организации словесного текста. Это единственный декларированный поэтом литературно-музыкальный опыт. На сонатно-симфоническую форму поэму впервые указала Н.Я. Брюсова, что в дальнейшем стало предметом исследования в работах Е. Эт-

[35] См. краткий отчет об этом концерте: «2 апреля состоялся в Праге, в музыкальном обществе Mikeš концерт, программа которого состояла из произведений В.И. Ребикова. Исполнены были между прочим “Игра звуками”, “Восточные картины”, “Сны”, “Вокальные сцены”. Текст различных романсов исполнялся по чешскому стихотворному переводу (в том числе стихотворения г. Валерия Брюсова “На Комете”, “Снега”, “И ночи и дни примелькались”, и “Прощание”» (Летопись литературы и искусства // Весы. 1906. № 5. С. 94).

[36] *Лазарев В.А.* В.Я. Брюсов в чешской печати 1900–1917 гг. // Брюсовские чтения 1966. Ереван, 1968. С. 553.

[37] *Дронов В.* К вопросу о «Красном Маяке» В. Брюсова // Брюсовский сборник. Ставрополь. 1977. С. 138–151.

[38] *Лурье Л.* Поэтический эпос революции. Л., 1975. С. 110.

кинда, О. Томпаковой и др. Первый в своей монографии «Материя стиха» в подглавке «Словесная имитация музыкальной симфонии (В. Брюсов. Воспоминания)» отмечал: «Эта поэма — продолжение опытов Белого, и, в то же время, полемика против них: Симфонии Андрея Белого написаны прозой (правда, ритмической), и структура их основана на сплетении тем и смене образов и сюжетных мотивов. Поэма Брюсова использует смену образов, стилей и стихотворных ритмов, образующих словесно-музыкальные темы»[39].

Интерес композиторов к творчеству Брюсова не угас и после смерти поэта, к его поэзии в новой общественно-политической среде обращались многие советские композиторы: А.И. Хачатурян, М.Л. Таривердиев, В.И. Мурадели, В.Ф. Веселов, А. Буцкой, Л.П. Штейнберг и другие[40]. История их обращений к творчеству Брюсова также может стать отдельной темой исследования в дополнение к настоящей.

Ниже мы публикуем материалы к аннотированной нотографии В.Я. Брюсова. В отличие от упомянутых выше указателей первыми мы указываем имена композиторов, что позволяет наглядно продемонстрировать степень их интереса к творчеству поэта — локального (Н. Метнер, С. Рахманинов) и более широкого (С.Н. Василенко, И.И. Рачинский).

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ К НОТОГРАФИИ В.Я. БРЮСОВА

1. *Багриновский М.М.* На смерть Ленина [Пред гробом вождя преклоняя колени…]. Слова В. Брюсова. Кантата. М.: Комиссия помощи детям при президиуме Моссовета, 1924.

> Кантата написана на текст стихотворения «На смерть Вождя» (впервые: Листовка Моссовета, выпущенная в траурные дни смерти В.И. Ленина). В письме редактору «Известий» Ю.М. Стеклову Брюсов сообщает: «В самый день кончины Владимира Ильича ко мне обратились представители Моссовета с просьбой написать <для них> “кантату”, которая будет немедленно положена на музыку и, может быть, будет исполняться на похоронах. Несмотря на болезнь, я тот-

[39] *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж, 1985. С. 398.

[40] См.: Русская литература в советской музыке. Справочник. Вып. 1: А–Л. / Сост. Н.Н. Григорович, С.И. Шлифтштейн. М., 1975. С. 114–117.

час принялся за работу, написал эту “кантату”, в которой постарался ввести мотивы “похоронного марша” и “Интернационала” (Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 29. М., 1967; СС. Т. 3. С. 620).

2. *Василенко С.Н.* 3 романса для высокого голоса с ф-п. Ор. 11. № 1. В склепе [Ты в гробнице распростерта…]. М: Лейпциг: П. Юргенсон, 1908.

Романс написан на текст стихотворения «В склепе» (1905), вошедшего в цикл «Из ада изведенные» сборника “Stephanos”. В цикл вошли также: № 2. «Болотный попик», № 3 «Сольвейг» (сл. А. Блока).

3. *Василенко С.Н.* Заклинание. Ор. 16. № 2. Средних веков [Красный огонь раскрутись, раскрутись…]. М: Лейпциг: П. Юргенсон, 1911. Сл. В. Брюсова.

Цикл включает пять произведений, написанных на стихи Г. Чулкова (№ 1. Шаманское), В. Брюсова (№ 2. Средних веков); К. Бальмонта (№ 3. Раскольничье; № 4. Хлыстовское) и М. Лохвицкой (№ 5 «Ты лети, мой сон, лети…»). Издавались как под одной обложкой, так и отдельными тетрадями. Стихотворение «Заклинание» («Красный огонь раскрутись, раскрутись…»; 1 июня 1907) вошло в цикл «В эпическом роде: Женщины». Нотный текст опубликован с параллельным переводом брюсовского стихотворения на французский М.Д. де Кальвокоресси (M.-D. de Calvocoressi) — Incantation. № 2 (L’ Envoûtement).

4. *Василенко С.Н.* Экзотическая сюита: Для тенора с сопровождении 12-ти инструментов: Ор. 29. М.: Гос. муз. изд-во, 1922.

Работа над сюитой начата в 1915 г. Изначально была написана для оркестра, затем переделана для голоса в сопровождении фортепьяно (1925). В состав сюиты вошли три произведения Брюсова из сборника «Сны человечества», цикл «В духе лириков VI в по Р.Х.»; впервые опубликованы в альманахе «Сирин» (Сб. 2). Заглавия («Обезьяна», «Газели», «Свадебное шествие») принадлежат композитору и, очевидно, продиктованы задачей, очерченной во вступительном тексте: дать ряд музыкальных картин экзотического Востока, преимущественно островов Океании.

№ 2 Обезьяна [Через реку цепкие лианы провели несокрушимый мост…].

Вошло в раздел «Индия».

№ 3 Газели [Только ночью мы газели…].

Вошло в раздел «Персия». Название «Газели» носило другое произведение — «В ту ночь нам птицы пели, как серебром звеня…», раздел «Индия».

№ 6 Свадебное шествие [Ветер качает…]
Вошло в раздел «Индокитай» (Две малайские песни. 1. Белы волны на побережье моря… 2. Ветер качает, надышавшийся чампаком…).

5. *Василенко С.Н.* Романсы. Op. 45. №3 Армянская серенада [Ты мне сказала…]. М.: Гос. муз. изд-во, 1922.

Романс написан на стихи средневекового армянского поэта Нагаша Овнатана в переводе Брюсова. Под заглавием «Песня любви» стихотворение вошло в известную антологию «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (М.: Изд. Московского Армянского Комитета, 1916. С. 241–242). Параллельный текст дан в переводе М.В. фон Приттвиц и Гаффрон.

6. *Глиэр Р.М.* Из Поля Верлена. [Романсы]. Op. 58. № 1. «И месяц белый». Для голоса с фортепиано. Изд. П. Юргенсона. 1916.

Текст впервые опубликован в Литературном приложении к газете «Русский листок» (1903. №5, 5 янв.) за подписью В.Б., затем вошел в сборник переводов Брюсова «Французские лирики XIX века». См. объявление об издании новых романсов Р. Глиэра: Русская музыкальная газета. 1916. № 14, 3 апр. С. 335–336. Текст романса опубликован с параллельным переводом на немецкий (переводчик Лина Эсбеер). Композитор посвятил произведение Фанни Лазаревне Халиевской. Музыковед Ю. Келдыш отмечал, что «в лучших образцах вокальной лирики Глиэра выразительная напевность соединяется с верностью декламации, тонкостью гармонического письма и тщательно разработанной фактурой фортепианного сопровождения. В их числе можно назвать такие, как “Ночь идет” на стихи К.Д. Бальмонта, “Из Поля Верлена” в переводе В.Я. Брюсова»[41].

7. *Глиэр Р.М.* Op. 63. № 5. Колыбельная песня [Девочка далекая, спи, мечта моя…]. М.: П. Юргенсон, 1914? 1915?

Стихотворение «Колыбельная» (1903) вошло в раздел «Антология» сборника «Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г.» (М.: Скорпион, 1903. С. 145). Романс написан 22 октября 1913 г. в Киеве и посвящен оперной певице Елене Яковлевне Цветковой. Вошел в цикл романсов на стихи А. Кольцова, М. Лохвицкой, К. Бальмонта, И. Огарева, А. Тол-

[41] *Келдыш Ю.* Между традицией и модерном // История русской музыки: В 10 т. Т. 10А. С. 224.

стого, П.Я., А. Апухтина. См. также: Русская музыкальная газета. 1916. № 14, 3 апр. С. 335–336.

8. *Гречанинов А.Т.* Ор. 35. № 1. Палочка-выручалочка; № 2. Сборщик на колокол. Для пения соло с аккомпанементом. Изд. М, Гутхель, 1905.

Опус посвящен памяти М.П. Мусоргского, что, возможно, и определило выбор поэтических текстов, близких по духу как творчеству А.Т. Гречанинова, так и М.П. Мусоргского.

№ 1. Палочка-выручалочка («Палочка-выручалочка, вечерняя игра…»). Впервые опубликовано в сборнике «Северные цветы на 1902 г.» (М.: Скорпион, 1902) под названием «Детская» в цикле «Мой песенник», далее в «Urbi et orbi» (1903) в составе цикла «Песни». В 1901 г. на текст этого стихотворения написал романс В. Ребиков.

№ 2. Сборщик на колокол («Пожертвуйте благодетели, на новый колокол…»). Впервые опубликовано в сборнике «Книга раздумий. К.Д. Бальмонт — Валерий Брюсов — Модест Дурнов — Ив. Коневский» (СПб.: Тип. В.С. Балашев и Ко, 1899) под заглавием «На новый колокол», затем под заглавием «Сборщик» в цикле «Мой песенник» (Северные цветы на 1902 г.), далее под тем же заглавием в цикле «Песни» сборника «Urbi et orbi». В 1916 г. на этот же текст написал музыку Я.В. Вейнберг.

9. *Иванов-Борецкий А.Т.* Ор. 7: Два стихотворения Валерия Брюсова из цикла «Ненужная любовь». СПб.: А. Зейванг. 1908.

Цикл впервые опубликован в сборнике “Me eum esse” (1897) в цикле «Любовь», затем под тем же заглавием во второе издании сборника в первом томе собрания сочинений «Пути и перепутья» (М.: Скорпион, 1908).

№ 1. И снова дрожат они, грезы бессильные (5 июля 1896).

№ 2. В лабиринте аллей (В лабиринте аллей, среди скал и развалин…; 26 августа 1896).

10. *Житомирский А.М.* Два романса. Соч. 11. № 1. Уныние (М. Метерлинк). М.: Музыкальный сектор, 1924.

Перевод стихотворения *Ennui* (Les paons nonchalants, les paons blancs ont fui…) из сборника *Serres chaudes* («Теплицы») включен в сборник М. Метерлинка «“Пеллеас и Мелизанда” и стихи в переводе Валерия Брюсова» (М.: Скорпион, 1907).

11. *Кашперова Е.В.* «Девочка». Слова В. Брюсова. Для голоса с фортепиано. М.: П. Юргенсона, 1909.

Стихотворение «Девочка» («Что ты плачешь, девочка, во сне…»; 6 ноября 1899; в ПСС указан 1900) вошло в цикл «Книжка для детей» из сборника “Tertia Vigilia” (М.: Скорпион, 1900).

12. *Мелких Д.М.* Семь лирических стихотворений. Тетр. I: 1. Быть без людей. М.: Музыкальный сектор, 1924.

Стихотворение «В лицо мне веет ветер нежащий…» впервые опубликовано в газете «Столичное утро» (1907. № 76, 29 авг.; повторно в № 105, 4 окт., в цикле «Над Волгой»). Позже под заглавием «Быть без людей» вошло в цикл «Вечеровые песни» (Пути и перепутья: Собр. стихов. Т. III. М.: Скорпион, 1909).

13. *Оленин А.* Пять песен: Для голоса с ф.-п.: Соч. 24. № 1. Небо над городом плачет. М., Гос. издат. Муз. сектора, 1924.

Романс написан на перевод стихотворения П. Верлена. Впервые опубликован в сборнике «Русские символисты» (вып. I), затем в авторском сборнике переводов из П. Верлена «Романсы без слов» (М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894) в цикле «Забытые арийки». Композитор посвятил цикл сыну Юрию.

14. *Чесноков А.* Пляски смерти. Ор. 9: 1. Землепашец; 2. Любовник; 3. Монахиня; 4. Младенец; 5. Король. СПб.: В. Бессель; М.: Breitkopf & Hartel. Б.г.

Известный средневековый аллегорический сюжет «Пляски смерти» (Danse macabre; Totentanz), впервые представленный в живописи, широко использовался как в литературе, в том числе и символистами, так и музыке.

Брюсовский цикл с подзаголовком «Немецкая гравюра XVI в.» (на темы Ганса Гольбейна Младшего «Образы смерти») впервые опубликован в журнале «Аполлон» (1910. № 5, февр.) в следующем порядке: Землепашец — Монахиня — Король — Младенец. Композитор использовал вариант, вошедший в сборник «Сны человечества»: Крестьянин — Любовник — Монахиня — Младенец — Король.

14. *Рахманинов С.* Шесть стихотворений К. Бальмонта, А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, Ф. Сологуба, И. Северянина Соч. 38. № 4. Крысолов. М.-Пг., Гос. изд. Музиздат, 1916.

Стихотворение «Крысолов» («Я на дудочке играю…», 1904) включено в поэтический цикл «Повседневность» сборника “Stephanos”. Первым исполнителем романса стала Н.П. Кошиц.

В цикл также вошли романсы «Ночью в саду у меня» на стихи А. Исаакяна в переводе А. Блока (из антологии «Поэзия Армении»), «К ней» («Травы одеты перлами…») на стихи Андрея Белого, Маргаритки («О посмотри как много маргариток…») на стихи И. Северянина, «Сон» («В мире нет ничего вожделеннее сна…») и «Ау» («Твой нежный смех был сказкою изменчивой…») на стихи К. Бальмонта.

М. Шагинян вспоминала о написании этого цикла: «Он очень не жаловал символистов, но я всё же старалась заставить его кое-что оценить и в них. “Крысолова” В. Брюсова, “Сон” Ф. Сологуба, “Ивушку” А. Исаакяна в переводе А. Блока и ряд других романсов он создал по переписанным и приготовленным мною для него текстам. Обычно я старалась “начитать” их для него графически: давала рисунок ритма стиха, рисунок интонационного движения стиха, раскрывала с помощью этих рисунков заложенную в самом стихотворении его собственную мелодию» (*Шагинян М*. Воспоминания о С.В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. Т. 2. М., 1961. С. 133).

15. Рачинский И.И. Музыкальные иллюстрации к стихотворениям Валерия Брюсова для пения с сопровождением фортепиано. Op. 16. № 1. Мне поется у колодца; № 2. Зимние дымы; № 3. Фабричная; № 4. Лев святого Марка; № 5. Чудовища; № 6. Рабыни. М.; Лейпциг: Юргенсон, 1907 (1906?).

№ 1. Мне поется у колодца (Мне поется у колодца, Позабыт кувшин…, апрель 1900). Вошло в цикл «Из дневника» сборника “Tertia Vigilia”.

№ 2. Зимние дымы (Хорошо нам, вольным дымам…, 16 декабря 1900). Вошло в цикл «Картины. На улице» сборника “Urbi et orbi”.

№ 3. *Фабричная* (Как пойду я по бульвару…). Вошло в цикл «Песни» сборника “Urbi et orbi”.

№ 4. *Лев святого Марка* (Кем открыт в куске металла…). Вошло в цикл «Оды и послания» сборника “Urbi et orbi”.

№5. Чудовища (Во всех углах жилья, в проходах, за дверьми…, 1903). Вошло в цикл «Картины. На улице» сборника “Urbi et orbi”. Посвящено М.М. Чупрынникову[42].

№ 6. Рабыни (Она была как свет прекрасна…). Вошло в первое издание сборника “Urbi et orbi”. Дуэт для двух женских голосов.

[42] Чупрынников Митрофан Михайлович (1866–1918) — тенор, солист Мариинского театра (1894–1914), преподаватель Санкт-Петербургской консерватории.

16. *Сенилов В.А.* Ор. 29. № 2. На Карпатах [Уступами всходят Карпаты…]; № 3. Круги на воде [От камня, брошенного в воду…]. М.: П. Юргенсон, [1915].

Оба стихотворения вошли в сборник «Семь цветов радуги» (цикл «Желтый», микроцикл «Стоим, мы слепы…»). В поэтическом цикле следующий порядок произведений: «Круги на воде», «На Карпатах» (15 октября 1914, Варшава).

17. *Яворский Б.Л.* Ор. 20. № 3. «Я тридцать лет искала». Для пения с фортепиано. (1915)

Впервые опубликовано в Литературном приложении к газете «Русский листок» (1903. № 12, 12 янв.), затем в «Весах» в цикле переводов из М. Метерлинка «Семь песен» (1905. № 7. С. 19–25).

Литература

Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. М.: Олма-пресс, 2002. 414 с.

Гаврилова В.С. «Огненный ангел»: Роман В. Брюсова и опера С. Прокофьева в зеркале проблемы «свое-чужое» // Науки о культуре — шаг в XXI век / Сост. и общ. ред. И.М. Быховской, А.В. Святославского. М.: РиК, 2003. С. 54–60.

Геворкян А.В. «Воспоминанье. Симфония первая: патетическая…» В.Я. Брюсова. К постановке проблемы // Проблемы эволюции русской литературы XX века. III Шешуковские чтения. Вып. 5. М.: Кафедра русской литературы XX века МПГУ, 1998. С. 56–60.

Геворкян А.В. О двух толкованиях понятия «настроение» в русском символизме (В. Брюсов, А. Белый) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 6, нояб.–дек. С. 24–35.

Геворкян А.В. О музыкальных формах в поэтике русского символизма // Русская литература XX века: История и перспективы. М.: Макс-Пресс, 2000. С. 172–174.

Геворкян А.В. Русские символисты и «Дом песни» // Актуальные проблемы современного литературоведения. Вып. 5. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2001. С. 44–46.

Геворкян А.В. Сонатно-симфоническая форма в поэзии В.Я. Брюсова // Актуальные проблемы современного литературоведения. Вып. 4. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2000. С. 23–24.

Давтян С.С. Поэтико-стилевые особенности Симфонии В.Я. Брюсова «Воспоминанье» // Брюсовские чтения 2002 г. Ереван: Лингва, 2004. С. 139–152.

Давтян С.С. Своеобразие образно-тематической конструкции Первой патетической симфонии Брюсова «Воспоминанье» // Брюсовские чтения 1996. Ереван: Лингва, 2001. С. 129–142.

Давтян С.С. Симфония Брюсова «Воспоминанье» как произведение синтетического жанра // Брюсовские чтения 1996. Ереван: Лингва, 2001. С. 121–128.

Дронов В. К вопросу о «Красном Маяке» В. Брюсова // Брюсовский сборник / ред. В. Дронов. Ставрополь: Ставропольский государственный педагогический институт, 1977. С. 138–151.

Ишимбаева Г.Г. «Огненный ангел»: фаустовская контаминация Валерия Брюсова и Сергея Прокофьева // Гете в русской культуре XX века / Ред. Г.В. Якушева. М.: Наука, 2001. С. 85–100.

Карапетян К.М. Произведения Брюсова в музыке композиторов-современников // Актуальные проблемы литературы и культуры. Ереван: Лингва, 2008. (Вопросы филологии. Вып. 3). С. 136–149.

Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки. Л: Советский композитор: Ленинградское отделение, 1989. 334 с.

Келдыш Ю.В. Между традицией и модерном // История русской музыки. В 10 т. Т. 10А: 1890–1917-е годы / Под ред. Ю.В. Келдыша и др. М.: Музыка, 1997. С. 217–218.

Лагунов А., Косицына С. О «музыкальных» формах выразительности в лирической поэзии раннего В.Я. Брюсова // Вестник Харьковского университета. 1988. № 327. С. 94–99.

Минор Н.Н. Н.Я. Брюсова и ее школа музыкального образования. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1994. 140 с.

Поэзия Вячеслава Иванова в русской музыке. Нотографический справочник прижизненных публикаций 1913–1948 / Сост. П.В. Дмитриев. СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2013. 92 с.

Савкина Н.П. Вокруг одного письма. К истории создания оперы «Огненный ангел» С.С. Прокофьева // Русские музыкальные архивы за рубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России / Сост. И.В. Брежнева, Г.М. Малинина. М.: Московская консерватория, 2004. С. 101–118. (Научные труды Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Сб. 50).

Страшкова О.К. «Дух музыки» в художественной рецепции В. Брюсова и драматургов-модернистов // Брюсовские чтения 2006 года. Ереван: Лингва, 2007. С. 105–120.

Томпакова О. Валерий Брюсов и музыка // Музыкальная жизнь. 1979. № 14. С. 18–19.

Томпакова О. Неизвестное оперное либретто В. Брюсова // Советская музыка. 1986. № 8. С. 89–92.

References

Briusov V.Ia. *Dnevniki. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma* [Diaries. Autobiographic proze. Letters], comp., intro. E.V. Ivanova. Moscow, Olma-press Publ., 2002. 414 p. (In Russ.)

Davtian S.S. Poetiko-stilevye osobennosti Simfonii V.Ia. Briusova "Vospominan'e" [Poetic and stylistic features of V.Ya. Bryusov's symphony "Reminiscence"]. *Briusovskie chteniia 2002 g.* [Bryusov proceedings 2002]. Erevan, Lingva Publ., 2004, pp. 139–152. (In Russ.)

Davtian S.S. Simfoniia Briusova "Vospominan'e" kak proizvedenie sinteticheskogo zhanra [Bryusov's symphony "Reminiscence" as a work of synthetic genre]. *Briusovskie chteniia 1996* [Bryusov proceedings 1996]. Erevan, Lingva Publ., 2001, pp. 121–128. (In Russ.)

Davtian S.S. Svoeobrazie obrazno-tematicheskoi konstruktsii Pervoi pateticheskoi simfonii Briusova "Vospominan'e" [The peculiarity of figurative and thematic construction of Bryusov's First Pathetic Symphony "Reminiscence"]. *Briusovskie chteniia 1996* [Bryusov proceedings 1996]. Erevan, Lingva Publ., 2001, pp. 129–142. (In Russ.)

Dronov V. K voprosu o "Krasnom Maiake" V. Briusova [Revisiting V. Bryusov's "Red Lighthouse"]. *Briusovskii sbornik* [Bryusov collection], ed. V. Dronov. Stavropol, Stavropol State Pedagogical Institute Publ., 1977, pp. 138–151. (In Russ.)

Gavrilova V.S. "Ognennyi angel": Roman V. Briusova i opera S. Prokofieva v zerkale problemy "svoe-chuzhoe" ["The Fiery Angel": V. Bryusov's novel and S. Prokofiev's opera in the mirror of the "one's own — someone else's" problem]. *Nauki o kul'ture — shag v 21 vek* [Culture sciences — step towards the 21st century], comp., ed. I.M. Bykhovskaia, A.V. Sviatoslavskii. Moscow, RiK Publ., 2003, pp. 54–60. (In Russ.)

Gevorkian A.V. O dvukh tolkovaniiakh poniatiia "nastroenie" v russkom simvolizme (V. Briusov, A. Belyi) [On two interpretations of the concept of "mood" in Russian Symbolism (V. Bryusov, A. Bely)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, series 9, Philology, 1998, no. 6, pp. 24–35. (In Russ.)

Gevorkian A.V. O muzykal'nykh formakh v poetike russkogo simvolizma [On musical forms in the poetics of Russian Symbolism]. *Russkaia literatura 20 veka: Istoriia i perspektivy* [Russian literature of the 20th century: History and perspectives]. Moscow, Maks-Press Publ., 2000, pp. 172–174. (In Russ.)

Gevorkian A.V. Russkie simvolisty i "Dom pesni" [Russian Symbolists and "House of Song"]. *Aktual'nye problemy sovremennogo literaturovedeniia* [Actual problems of modern literary criticism], issue 5. Moscow, RITs "Al'fa" MGOPU Publ., 2001, pp. 44–46. (In Russ.)

Gevorkian A.V. Sonatno-simfonicheskaia forma v poezii V.Ia. Briusova [Sonata-symphonic form in V.Ya. Bryusov's poetry]. *Aktual'nye problemy sovremennogo literaturovedeniia* [Actual problems of modern literary criticism], issue 4. Moscow, RITs "Al'fa" MGOPU Publ., 2000, pp. 23–24. (In Russ.)

Gevorkian A.V. "Vospominanie. Simfoniia pervaia: pateticheskaia…" V.Ia. Briusova. K postanovke problemy ["Reminiscence. First Symphony: Pathetic" by V. Bryusov. Articulation of issue]. *Problemy evoliutsii russkoi literatury 20 veka. 3 Sheshukovskie chteniia* [Issues of the 20th century Russian literature evolution. 3d Sheshukov proceedings], issue 5. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 1998, pp. 56–60. (In Russ.)

Ishimbaeva G.G. “Ognennyi angel”: faustovskaia kontaminatsiia Valeriia Briusova i Sergeia Prokof’eva [“The Fiery Angel”: Faustian contamination of Valery Bryusov and Sergei Prokofiev]. *Gete v russkoi kul’ture 20 veka* [Goethe in Russian culture of the 20th century], ed. G.V. Iakusheva. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 85–100. (In Russ.)

Karapetian K.M. Proizvedeniia Briusova v muzyke kompozitorov-sovremennikov [Bryusov's works in the music of contemporary composers]. *Aktual’nye problemy literatury i kul’tury* [Actual problems of literature and culture], series: Voprosy filologii, issue 3. Erevan, Lingva Publ., 2008, pp. 136–149. (In Russ.)

Kats B., Timenchik R. *Anna Akhmatova i muzyka: Issledovatel’skie ocherki* [Anna Akhmatova and music: Research essays]. Leningrad, Sovetskii kompozitor Publ., 1989. 334 p. (In Russ.)

Keldysh Iu.V. Mezhdu traditsiei i modernom [Between tradition and modernism]. *Istoriia russkoi muzyki: V 10 t. T. 10A: 1890–1917-e gody* [History of Russian music: In 10 vols. Vol. 10A: 1890–1917], ed. Iu.V. Keldysh et al. Moscow, Muzyka Publ., 1997, pp. 217–218. (In Russ.)

Lagunov A., Kositsyna S. O “muzykal’nykh” formakh vyrazitel’nosti v liricheskoi poezii rannego V.Ia. Briusova [On “musical” forms of expressiveness in V. Ya. Bryusov’s early lyrics]. *Vestnik Khar'kovskogo universiteta*, 1988, no. 327, pp. 94–99. (In Russ.)

Minor N.N. *N.Ia. Briusova i ee shkola muzykal’nogo obrazovaniia* [N.Ya. Bryusova and her school of music education]. Saratov, Saratov Pedagogical Institute Publ., 1994. 140 p. (In Russ.)

Poeziia Viacheslava Ivanova v russkoi muzyke. Notograficheskii spravochnik prizhiznennykh publikatsii 1913–1948 [Poetry of Vyacheslav Ivanov in Russian music. Bibliography of lifetime music publications 1913–1948], comp. P.V. Dmitriev. St. Petersburg, Timofei Markov Publ., 2013. 92 p. (In Russ.)

Savkina N.P. Vokrug odnogo pis'ma. K istorii sozdaniia opery “Ognennyi angel” S.S. Prokof'eva [Around one letter. On the creative history of S.S. Prokofiev’s opera “The Fiery Angel”]. *Russkie muzykal’nye arkhivy za rubezhom. Zarubezhnye muzykal'nye arkhivy v Rossii* [Russian music archives abroad. Foreign music archives in Russia], comp. I.V. Brezhneva, G.M. Malinina, series: Nauchnye trudy Moskovskoi gosudarstvennoi konservatorii im. P.I. Chaikovskogo [Scientific works of Moscow State Tchaikovsky Conservatory], issue 50. Moscow, Moscow Conservatory Publ., 2004, pp. 101–118. (In Russ.).

Strashkova O.K. “Dukh muzyki” v khudozhestvennoi retseptsii V. Briusova i dramaturgov-modernistov [“The Spirit of Music” in the artistic reception of V. Bryusov and modernist playwrights]. *Briusovskie chteniia 2006 goda* [Bryusov proceedings 2006]. Erevan, Lingva Publ., 2007, pp. 105–120. (In Russ.)

Tompakova O. Neizvestnoe opernoe libretto V. Briusova [Unknown opera libretto by V. Bryusov]. *Sovetskaia muzyka*, 1986, no. 8, pp. 89–92. (In Russ.)

Tompakova O. Valerii Briusov i muzyka [Valery Bryusov and music]. *Muzykal’naia zhizn’*, 1979, no. 14, pp. 18–19. (In Russ.)

Valery Bryusov and the musical world of Russia in the late 19th — early 20th centuries (Introduction)

© 2020, Armen Gevorkian

Abstract: While there are many studies on biography, literary work, and the epistolary heritage of V.Ya. Bryusov, his connections with the musical world of Russia in the late 19th — early 20th centuries remain on the periphery of research interest. Significantly less attention was paid to the historical and literary study of the poet's personal and creative contacts with composers, music critics, and musicologists. In the late 19th — early 20th centuries V.Ya. Bryusov's poetry as a source of musical compositions attracted composers of various creative and aesthetic principles, from realistic to modernist, each of whom found in Bryusov's works related images, themes and motifs. Today, the names of more than thirty composers, who addressed both original works and translations of the head of Russian Symbolism, are known. Among them are composers who by the beginning of the 20th century had become original figures of Russian musical culture — A.T. Grechaninov, S.V. Rachmaninov, N.K. Metner, R.M. Glier, S.I. Vasilenko — and less known today V.I. Rebikov, A. Kankarovich, A.G. Shaposhnikov et al. One of the first works devoted to this topic was an article by the poet's sister, Nadezhda Bryusova, "Music in Valery Bryusov's works" (Iskusstvo, 1929, no. 3–4), outlining two main areas of research: historical and literary and theoretical, philosophical and historical. O. Tompakova, V. Dronov, E. Etkind et al. also researched Bryusov's connections with the musical culture of Russia at the beginning of the 20th century. Interest in Bryusov's work did not fade even after the poet's death, many Soviet composers turned to his poetry in the new socio-political environment. The Appendix contains materials for the annotated bibliography of music editions related to Bryusov.

Keywords: Valery Bryusov, Nadezhda Bryusova, Sergey Vasilenko, Vladimir Rebikov, musical world of Russia, Literary and Art Circle, "Red Lighthouse", spirit of music, bibliography of music editions.

Information about the author: Armen Gevorkian, Candidate of philological sciences, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia. E-mail: armenvar@mail.ru

Citation: Gevorkian Armen. Valery Bryusov and the musical world of Russia in the late 19th — early 20th centuries (Introduction). *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 213–236. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-213-236

СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ. ЗАМЕТКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282
УДК 821.161.1

Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя

© 2020, И.А. Виноградов

Аннотация: Статья посвящена изучению авторских представлений о социальном и должностном статусе главного чиновника комедии Гоголя «Ревизор». До настоящего времени не рассматривался взгляд писателя на своего героя как на «низкого разночинца», «опозорившего» свою должность. Согласно оценке автора, Сквозник-Дмухановский, заслуживший асессорство и дворянство «тяжелой службой с низших чинов», так и не стал подлинным дворянином, будучи казнокрадом и взяточником. Такое освещение Городничего позволяет обозначить авторскую направленность гоголевской «сатиры». В «Ревизоре», так же как в комедии «Игроки», обличению подвергаются не «власти предержащие», не «государственная машина» как таковая, но мошенники на чиновничьих местах, шулеры — в прямом и переносном смысле. Критически рассматривая проблемы государственного управления России, Гоголь оценивал их как бы глазами высокопоставленного, ответственного чиновника, болеющего о судьбах страны. Такое же понимание «Ревизор» встретил у императора Николая I, разрешившего пьесу к постановке и печатанию. Статья состоит из пяти глав: 1. Обстоятельства карьеры Городничего; 2. Прототипы героев-чиновников Повести о ссоре и «Ревизора»; 3. Отличительные черты «среднего» чиновника в произведениях Гоголя; 4. «Пограничный» статус Городничего; 5. Характер сатиры Гоголя. В работе использован обширный фактический материал, позволяющий детально проследить предполагаемую служебную карьеру героя «Ревизора» и определить авторский замысел комедии как пьесы, обличающей недостойных исполнителей воли монарха, тех дворян и разночинцев, которые не отвечают высокому призванию, возложенному на них верховной властью. Вехи послужного списка Городничего наглядно подтверждают слова Гоголя о том, что «правительство состоит из нас же, мы выслуживаемся и составляем правительство», что во всем «виноват применитель, стало быть наш же брат», и что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных героев прежде всего в самих себе. С предельной искренностью и остротой писатель выступал за исправление пороков своего времени, без «задней мысли» о смене политической системы. Впервые обозначено отношение к замыслу «Ревизора» своеобразного гоголевского автокомментария к пьесе — двух отдельных, опубликованных в 1841 г. сцен «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский».

Ключевые слова: Гоголь, биография, творчество, интерпретация, типология героя, радикализм, консерватизм, духовное наследие

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, д.ф.н., главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: info@imli.ru

Цитирование: *Виноградов И.А.* Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 237–282. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282

1. Обстоятельства карьеры Городничего

В 1909 г. А.В. Амфитеатров указывал: «Собакевич, Ноздрев, Манилов — нарицательные имена, до сих пор классифицирующие общество. Но кто теперь в классификации этой заботится хотя бы о таких подробностях, что Собакевич, Ноздрев, Манилов, Плюшкин — деревенские помещики, Бобчинский и Добчинский — городские помещики, что Люлюков, Растаковский и Коробкин — отставные чиновники, а Земляника, Тяпкин-Ляпкин, Шпекин — на действительной службе? Кому интересно, что они служат не по назначению, а по дворянским выборам и т. д.? Эти оттенки уже и для нас терялись, но отцы наши находили в них огромное значение и, в тонком различении их, наслаждались Гоголем, конечно, осязательнее и подробнее, чем мы, восьмидесятники»[1]. Стирание указанных «оттенков» ведет в конечном счете к непониманию авторского замысла гоголевских произведений. Проблема осложняется тем, что заключенная в ярких художественных образах авторская мысль во многом была неясной и для самих современников. Это относится не только к наиболее загадочному из произведений Гоголя — поэме «Мертвые души»[2], но в значительной мере применимо и к главной пьесе писателя, к комедии «Ревизор».

Для понимания авторского замысла «Ревизора» необходим охват как можно большего количества смысловых оттенков и значений, так или иначе проясняющих содержание пьесы. Игнорирование той или иной составляющей картины чревато промахами и ошибками

[1] *Амфитеатров А.* Гоголевы дни // Амфитеатров А. Заметы сердца. М.: Печатня А.А. Поплавского, [1909]. С. 24–25.

[2] См.: *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18; *Виноградов И.А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.

в интерпретации произведения в целом. Между тем среди текстов, имеющих непосредственное отношение к «Ревизору», до сих пор остаются такие, которые никогда не привлекали к себе должного внимания исследователей.

К числу таких малоисследованных текстов, связанных с авторской концепцией «Ревизора», относятся две отдельные драматические сцены: «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский». Первая является расширенным вариантом сцены из третьего действия комедии, заключающей разговор между матерью и дочерью Городничего перед встречей с Хлестаковым, во второй описывается попытка Хлестакова получить взятку с отставного, «в екатерининском мундире», офицера[3]. Первоначально Гоголь разговор женских персонажей существенно сократил, а от второй сцены отказался совсем, она осталась в его черновиках, однако позднее, при подготовке второго издания пьесы, писатель хоть и не вернул исключенные отрывки в текст самой комедии, однако счел нужным опубликовать их в качестве приложения к «Ревизору».

Обе сцены создавались в октябре-ноябре 1835 г. и были напечатаны в 1841 г. при повторном издании комедии под общим названием «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы». До настоящего времени вне поля зрения исследователей оставалось то, что сцены, не предназначавшиеся к постановке, представляют собой важное звено в цепи других гоголевских автокомментариев к «Ревизору»: заметки «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров», статьи «Петербургская сцена в 1835–36 г.», «Предуведомления для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», «Отрывка из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Театрального разъезда после представления новой комедии», «Развязки Ревизора»[4].

Наиболее важной для понимания общего замысла комедии из двух указанных сцен представляется вторая — «Хлестаков и Растаковский». Никогда не привлекавшая к себе внимания, сцена с Растаковским оказывается весьма значимой для понимания отношения автора к выведенным в «Ревизоре» социальным типам, ибо является своеобразным автокомментарием Гоголя к одному из главных ее ге-

[3] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. III/IV. С. 307–310. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в скобках.

[4] См.: *Виноградов И.А.* Эволюция текста: авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174.

роев — к самому Городничему. Проблема заключается в отдаленной, почти двухсотлетней перспективе, из-за которой отношение отрывка «Хлестаков и Растаковский» к основному тексту комедии остается неясным. Чтобы разобраться в этом, важно детально восстановить те житейские обстоятельства, которые являются органическим историко-бытовым контекстом образов Растаковского и Сквозника-Дмухановского. Будучи хотя бы отчасти понятны гоголевским современникам, эти обстоятельства впоследствии были утрачены для новых поколений читателей и зрителей. Значение сцены «Хлестаков и Растаковский» проясняется через изучение вероятного послужного списка гоголевского Городничего. Проследить служебную карьеру Сквозника-Дмухановского становится возможным по разным историческим источникам, прежде всего по многочисленным правительственным указам, определявшим продвижение чиновников по карьерной лестнице, а также по сведениям, сообщаемым в самой комедии и других гоголевских произведениях. Другим подспорьем служит изучение реальных прототипов образов.

В комедии нигде не сообщается о чине Городничего. Установить это можно по его должности. Согласно действовавшим в России указам (1775 и 1835)[5], Сквозник-Дмухановский, для того, чтобы быть назначенным на должность городничего, должен был состоять в чине коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, — майора). Получение этого чина, который давал также право на дворянство, с необходимостью предполагало — опять-таки согласно правительственным постановлением, прежде всего указу 1809 г.[6] — посещение во внеслужебное время лекций в университете и последующую сдачу университетского экзамена для оценки готовности кандидата на чин[7]. Однако как-то затруднительно предположить,

[5] См.: 14.392. 7 ноября 1775. Учреждения для управлений губерний Всероссийския империи. Часть первая (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. [Собрание первое]. СПб.: Печатано в Тип. II Отд. Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1830. Т. 20. С. 234); К № 8593. 20 ноября 1835. Высочайше утвержденное расписание гражданской службы по классам от XIV до V включительно (Там же. 1836. Т. 10. Отд. 2. Приложение. С. 336, 338). Далее ссылки на первую коллекцию «Полного собрания законов Российской империи» приводятся в сокращении — ПСЗРИ 1; на вторую коллекцию — ПСЗРИ 2.

[6] См.: 23.771. 6 августа 1809. Именный, данный Сенату. О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники (ПСЗРИ 1. Т. 30. С. 1054–1057).

[7] Главной причиной издания указа 1809 г. явилось «малое число учащихся» в университетах и то, что дворянство «в сем полезном учреждении менее других» принимало участие (23.771. 6 августа 1809. С. 1054). «Пассивная забастовка» дворянства объяснялась реакцией на общесословный принцип образования, введенный уставом 1804 г.: *Алешинцев И.А.* Записка графа Сперанского «Об усовершении общего народного воспитания» // Русская старина. 1907. № 12.

что Городничий, грубый, рядовой служака, когда-то мог посещать университет. Текст комедии для такого предположения оснований не дает. Случайно оставшаяся в черновике реплика Бобчинского о Городничем: «Столичное воспитание. И философским наукам обучался»[8], — в окончательный текст пьесы не попала. От этой характеристики, задуманной автором при начальном этапе работы над «Ревизором», Гоголь отказался. Вместо столичного типа, с соответствующим воспитанием и образованием, герой приобрел черты «грубые и жесткие», «как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов» (III/IV: 219). По сложившемуся в итоге образу главного чиновника «Ревизора» точнее о его биографии говорит фраза, которую за Сквозника-Дмухановского мог бы сказать гоголевский городничий, выведенный писателем за два года до создания «Ревизора» в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «...Я наукам не обучался никаким: скорописному письму я начал учиться на тридцатом году своей жизни. Ведь я, как вам известно, из рядовых» (I/II: 482)[9]. Сам Сквозник-Дмухановский

С. 729. Указ 1809 г. для обучения чиновников повелевал «в тех городах, где находятся университеты», открыть ежегодные курсы, продолжавшиеся с мая по октябрь, на которых занятия полагалось начинать «не ранее 2 часов пополудни, дабы утро могло быть употребляемо на исправление дел службы» (23.771. 6 августа 1809. С. 1054, 1056–1057).

23 января 1834 г. с целью привлечь титулярных советников к повышению образовательного уровня и социального статуса министр народного просвещения С.С. Уваров издал указ «О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников» (О допущении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 4. С. XVII). «Беспристрастное испытание […] чиновников, требующих назначенным указом 6 августа 1809 года аттестатов, есть один из важнейших способов к поощрению учения и к отвращению многих неудобств» (27 мая 1833. Статьи, на которые, по циркулярному предложению г. управляющего министерством, гг. попечители и помощники попечителей должны обращать особенное внимание при обозрении учебных округов // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. LXV). В 1832—1833 учебном году из подвергавшихся испытанию чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека: [Бутырский Н.И.] Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832—1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного Бутырским // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. № 1. С. 48. Получив номер журнала с этими статьями, Гоголь писал его редактору К.С. Сербиновичу: «Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях, которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!» (X: 238–239).

[8] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.] [Л.]: АН СССР, 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В.В. Гиппиус, В.Л. Комарович. С. 178.

[9] В окончательной редакции пьесы фраза Бобчинского о «науках» выглядит следующим образом: «Замечания такие... видно, что наукам учился» (III/IV: 253). Однако относится она здесь уже не к Городничему, а к Хлестакову, так как следует за репликой этого последнего: «Да, я и сам люблю этак иногда заумствоваться

о служащих по «ученой части» отзывается так, что это выдает в нем человека «неученого»: «Они люди […] ученые и воспитывались в разных коллегиях...» (III/IV: 224).

Оставшаяся в черновиках реплика о «столичном воспитании» и «философском» образовании Городничего с очевидностью свидетельствует о том, что, создавая этот образ, Гоголь размышлял об общих проблемах чиновничества и основательно продумывал ступени служебной карьеры своего героя, — вернувшись в итоге к тому типу, который воплотил ранее в Повести о ссоре.

В таком случае возникает вопрос: каким же образом Сквозник-Дмухановский, равно как и другой гоголевский градоначальник, Петр Федорович в «малороссийской» повести, мог получить чин, доставивший ему место городничего? Подсказкой служит еще одно произведение Гоголя, повесть «Нос», написанная весной 1835 г. — в промежутке между временем создания Повести о ссоре и завершением «Ревизора». Герой «Носа» майор Ковалев, состоящий в том же чине, что и Городничий, никогда лекций в университете не посещал и экзамена на чин не сдавал. «Ковалев был кавказский коллежский асессор», — подчеркивает рассказчик «Носа» (III/IV: 43), подразумевая под этим льготные условия, которые предоставлялись чиновникам, служившим на Кавказе. Городничие «Ревизора» и Повести о ссоре, вышедшие из «низших чинов» и «никаким» наукам не обучавшиеся, вероятно, тоже получили «майорский» чин вследствие военной службы, т. е. перешли из капитанов в майоры (или, согласно гражданской табели о рангах, — из титулярных советников в коллежские асессоры), служа в армии, хотя и там чин майора присваивался не без взыскательной оценки кандидата: он давался распоряжением фельдмаршала на основании свидетельств генералитета и старших офицеров[10]. Если же они приобрели новый чин, уже будучи в статской службе, то удостоились повышения на «горячем», охваченном

и пофилософствовать...» (VII: 412). Мнению Бобчинского о Хлестакове как «образованном» человеке соответствует и последующее высказывание о нем Добчинского: «...Не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с» (III/IV: 249). Такое представление о «пустышке» Хлестакове сложилось у Добчинского и Бобчинского при самой первой встрече с ним в трактире: «...В лице такое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (вертит рукою около лба) много, много всего» (III/IV: 228). В совокупности всеми этими репликами и был мотивирован перенос фразы Бобчинского с одного персонажа, Городничего, на другого.

[10] См.: 2795. 14 апреля 1714. Именный. — О произвождении в чин штаб- и обер-офицеров, первых по свидетельству всей дивизии генералитета и штаб-офицеров, а вторых по свидетельству штаб- и обер-офицеров в полки (ПСЗРИ 1. Т. 5. С. 96–97); 8516. 15 февраля 1742. Именный, состоявшийся в Сенате. — О повышении чинами по старшинству и заслугам (ПСЗРИ 1. Т. 11. С. 585).

военными действиями Кавказе. Последний способ получения асессорства, сравнительно с другими путями, очевидно, делал это звание более доступным — достижимым гораздо быстрее и легче.

А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», напечатанном незадолго до выхода в свет «Ревизора», писал о Кавказе: «Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико вожделенным»[11]. Еще одним комментарием к образам гоголевских «коллежских асессоров» Ковалева и Сквозника-Дмухановского служит позднейшее свидетельство К.К. Случевского, посетившего Грузию и описавшего в стихотворении «Коллежские асессоры» (1881) кутаисское кладбище с многочисленными надгробиями «кавказских коллежских асессоров»: «Говорят, что в указе так значилось: / Кто Кавказ перевалит служить, / Быть тому с той поры дворянином, / Знать, коллежским асессором быть… / И лежат эти прахи безмолвные / Нарожденных указом дворян…»[12]

Указ, о котором писали Пушкин, Гоголь, Случевский, ныне забыт: в современных комментариях точные указания на него отсутствуют. Между тем он находится в 27-м томе «Полного собрания законов Российской Империи» (СПб., 1830). Это именной указ от 19 декабря 1803 г. «О повышении чинами отправляющихся в Грузию на службу»[13]. Положения указа позволяли прибывшему на Кавказ чиновнику получить асессорский чин в обход университетского экзамена. А поскольку постановление об экзамене на чин вышло шестью годами позже, в 1809 г., возможность для его обхода возникла, при самом его издании, невольно, вследствие принятого ранее указа о льготах служащим на Кавказе.

Указ 1803 г. касался прежде всего гоголевских земляков: для восполнения «крайнего недостатка в канцелярских служителях» служить в Грузию приглашались чиновники прежде всего южных губерний как ближайших к Кавказу: Киевской, Полтавской, Черниговской, Екатеринославской и Слободско-Украинской[14]. По получении искомого асессорства чиновники со службы в Грузии

[11] *Пушкин А.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. 1836. Т. 1. С. 43.

[12] *Случевский К.К.* Коллежские асессоры // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., составл., подгот. текста и примеч. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Академический проект, 2004. С. 234.

[13] 21.087. 19 декабря 1803. Именный, данный Сенату. — О повышении чинами отправляющихся в Грузию на службу (ПСЗРИ 1. Т. 27. С. 1072–1073). В последующие годы к этому указу вышло множество дополнений и уточнений: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1. С. 541–547; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской империи. СПб., 1885. Т. 1 С. 581–583.

[14] 28.032. 15 декабря 1819. Сенатский, с прописанием Высочайше утвержденного положения комитета министров. — О выдаче отправляющимся на службу в Грузию

в большинстве своем увольнялись («охотно всё оставляли»[15]). Таков был один из вероятных путей к майорскому чину трех героев Гоголя: миргородского городничего, майора Ковалева и уездного Городничего.

Гоголю знал об указе 1803 г., породившем «кавказских» асессоров, вероятно, еще тогда, когда в первой половине 1820-х гг. военную службу в Грузии, в войсках генерала А.П. Ермолова, проходили трое его двоюродных дядьев по материнской линии, выпускники 2-го петербургского кадетского корпуса Петр, Павел и Иван Петровичи Косяровские[16]. Петр Косяровский, с которым восемнадцатилетний Гоголь делился наиболее сокровенными мыслями о будущей службе, о «неугасимой ревности сделать жизнь […] нужною для блага государства» (X: 74–75), умер в 1849 г. в чине полковника артиллерии. Другой дядя, Павел Косяровский, дослужился до надворного советника[17]. Третий — Иван Косяровский, отдавая долг военного, был также поэтом. В 1826–1829 гг. он служил в Петербурге, позднее жил в Одессе. Он был автором поэмы «Нина» (СПб., 1826), отправленной в год ее издания из Петербурга с дарственной надписью племяннику — Гоголю[18]. Реминисценции из поэмы Косяровского встречаются в юношеской поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен», написанной в 1827 г. в Нежине. Зимой 1828/29 г. Гоголь встретил дядю в северной столице и невольно был поражен его крайней замкнутостью в круге чиновничьих занятий. «...Не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша», — сообщал он матери о двоюродном дяде (X: 96). Впечатление было столь сильным, что отдельными чертами своего родственника писатель воспользовался спустя не-

всем вообще канцелярским служителям на проезд, сверх прогонов, от 200 до 300 руб[лей], без вычету из жалованья (ПСЗРИ 1. Т. 36. С. 500).

[15] 27.885.а. 15 июля 1819. Высочайше утвержденное положение комитета министров. — Об определении приставами к обитающим в Грузии татарским народам князей и дворян грузинских, также и отставных офицеров (ПСЗРИ 1. Т. 36. С. 290–291).

[16] Там же. С. 264, 269, 271, 490.

[17] В 1830-х гг. отставной штабс-капитан Павел Косяровский исправлял должность смотрителя при Одесской городской больнице (Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1835. СПб., [1835]. Ч. 2. С. 175; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1836. СПб., [1836]. Ч. 2. С. 180). Штабс-капитан — чин X класса, коллежский секретарь. В конце 1830-х — первой половине 1840-х Павел Косяровский жил с женой в гоголевской Васильевке; с 1845 г. служил экономом Петровского Полтавского кадетского корпуса в должности штабс-капитана; коллежский секретарь (1846); титулярный советник (1847); коллежский асессор (1848); надворный советник (1850). См.: *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): Научное издание: В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. С. 271.

[18] Там же. С. 543, 558–559, 564–565.

сколько лет при создании образа «ничтожного» чиновника Акакия Акакиевича в «Шинели», а также ограниченного («даже отроду не был в театре»; V: 253) «действительного статского советника» — дяди помещика Тентетникова во втором томе «Мертвых душ»[19]. Соответствующую характеристику таких чиновников Гоголь давал и в «Невском проспекте»: «Им не до того, чтобы заниматься рассматриванием прохожих; они еще не вполне оторвались от забот своих; в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами или полное лицо правителя канцелярии» (III/IV: 11).

«Мелкого», незадачливого героя «Шинели» Гоголь называет «*вечным* титулярным советником» (III/IV: 117; здесь и далее курсив мой. — *И.В.*). Такое название он дает Башмачкину потому, что указанное повышение, переход от титулярного советника к коллежскому асессору, был для героя, по его беспечности и нерадению, невозможен.

Подводя итог наблюдениям о «кавказских коллежских асессорах», можно предположить, что «майор» Ковалев, приехавший в Петербург с Кавказа в поисках «вице-губернаторского» или «экзекуторского» места (III/IV: 44), представляет собой некоего двойника «майора» Сквозника-Дмухановского, что позволяет «заглянуть» в тот период жизни героя «Ревизора», когда тот еще не был назначен на должность городничего.

Существенно для характеристики героя то, что Городничий, не довольствуясь чином майора, мечтает о генеральском звании: «Славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо […] голубую...» (III/IV: 288). От вожделенного генеральского чина героя отделяет не одна, а сразу несколько ступеней, и неуемные амбиции Городничего роднят его с еще одним петербургским героем-честолюбцем — с Поприщиным из «Записок сумасшедшего». Поприщин тоже состоит в незначительном чине героя «Шинели», он является «титулярным советником» (III/IV: 169); однако он также не шутя рассуждает о «генеральстве», причем в тех же выражениях, что и Городничий: «Желал бы я сам сделаться генералом... […] ...через плечо голубая лента...» (III/IV: 169).

Из перечисленных двойников Сквозника-Дмухановского — майора Ковалева, Поприщина, Городничего Петра Федоровича — наиболее близким, очевидно, является последний. Чиновная карьера

[19] См. об этом: *Виноградов И.А.* «Дело, взятое из души» // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. (15 кн.) М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. V. С. 566.

этого «неученого» малороссийского городничего «из рядовых» сообщает наиболее существенные данные к «послужному списку» героя «Ревизора». Он является военным инвалидом: нога Петра Федоровича была «прострелена в последней кампании» — подразумевается кампания 1807 г., военные действия в Восточной Пруссии (I/II: 479). Учитывая это, можно утверждать, что на городничество он был поставлен согласно трем правительственным указам 1829–1831 гг. В этих указах преимущественное право замещения вакансий городничих предоставлялось «уволенным от службы раненым» офицерам, состоящим «в покровительстве» специально образованного для этого комитета.[20]

Образ бывшего военного, увечного городничего Петра Федоровича в Повести о ссоре, в свою очередь, перекликается с образом военного инвалида капитана Копейкина в первом томе «Мертвых душ». В рассказе о Копейкине также говорится об учреждении упомянутого выше комитета 18 августа 1814 г. и заведении «инвалидного капитала» для увечных воинов. Учреждение комитета помощи военным инвалидам было результатом указов 1814–1816 гг.[21] — запоздалых для судьбы героя: «Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после» (V: 193).

[20] 2857. 3 мая 1829. Именный, данный Сенату. — О порядке производства дел по Министерству внутренних дел; Список должностям, замещаемым ранеными Штаб и Обер-Офицерами, по назначению Комитета 18 Августа 1814 года (ПСЗРИ 2. Т. 4. С. 296–302); 4406. 7 марта 1831. Именный, данный Сенату. — О порядке определения штаб- и обер-офицеров, состоящих в покровительстве комитета 18 августа 1814 года, на ваканции полицеймейстеров и городничих (ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1. С. 214); 4731. 30 июля 1831. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О местах, на какие определяемы быть могут отставные от военной службы за ранами офицеры, находящиеся под покровительством комитета, учрежденного в 18 день августа 1814 года (ПСЗРИ 2. Т. 6. Отд. 1. С. 724–725).

[21] 25.641. 17 августа 1814. Именный, данный управляющему Военным министерством [князю А.И. Горчакову]. — Об отсылке в сохранную казну Воспитательного дома доставляемых для раненых и для инвалидов денег [О «составлении инвалидного капитала»] (ПСЗРИ 1. Т. 32. С. 875–876); 25.642. 18 августа 1814. Высочайший приказ армиям. — Об учреждении особого комитета для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам (ПСЗРИ 1. Т. 32. С. 876; учреждаемый этим указом комитет 18 августа 1814 г. передавал просьбы увечных лично государю); 25.932. 30 августа 1815. Именный, данный генералу от артиллерии графу Аракчееву. — Об отсылке денег, поступающих в пользу увечных, в Военное министерство для присоединения к прочему таковому же капиталу (ПСЗРИ 1. Т. 33. С. 274); 26.207. 23 марта 1816. Высочайше утвержденный доклад графа Аракчеева. — О способах к составлению капитала в пособие изувеченным в отечественную войну генералам, штаб и обер-офицерам (ПСЗРИ 1. Т. 33. С. 575–577).

2. Прототипы героев-чиновников Повести о ссоре и «Ревизора»

Помимо официальных указов, реальным комментарием к образу городничего в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» может служить изучение вопроса, который ранее тоже не ставился. Речь идет о прототипах героев этого произведения. Август-сентябрь 1832 г. — период, предшествовавший созданию повести, — Гоголь провел на родине в Васильевке. Судя по позднейшим свидетельствам, здесь он имел счастливую (для художника) возможность наблюдать в Миргороде сразу двух или даже трех реальных лиц, черты которых вскоре нашли отражение в его «малороссийской» повести.

Во-первых, Гоголь мог наблюдать в Миргороде реального городничего, получившего свою должность, как можно предположить, благодаря упомянутым указам. После 29 июня 1832 г.[22] городничим в Миргороде был назначен поручик и кавалер[23] Семен Осипович Браилко[24] (служил до 1847 г.)[25]. В 1951 г. В.В. Гиппиус и В.Л. Комарович указывали: «В недавнее время полтавским работником А.Н. Васильевой изучен архивный материал, связанный с процессом Миргородского городничего Браилко (30-е г. XIX в.). Данные процесса являются любопытным реальным комментарием к “Ревизору”»[26]. Современный исследователь также отмечает: «В свое время велось криминальное расследование над действиями этого миргородского чиновника; целый том документов его дела начала 40-х годов XX века хранился в Полтавском областном архиве»[27].

Кроме Браилко, с которого Гоголь, вероятно, списывал образ своего героя, другим лицом, кого писатель летом 1832 г. имел возможность наблюдать в Миргороде в качестве прототипа Повести о ссоре, был миргородский судья (1831–1842) поручик Иван Антонович Янкевич[28]. Он, по-видимому, стал в Повести о двух Иванах прототипом

[22] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1833. СПб., [1833]. Ч. 2. С. 312, 316.

[23] 8 марта 1806 г. С.И. Браилко был пожалован орден Св. Анны 4-й степени (Список кавалерам императорских российских орденов всех наименований на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1828. Ч. 3. С. 330).

[24] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1834. СПб., [1834]. Ч. 2. С. 324.

[25] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1847. СПб., [1847]. Ч. 2. С. 147.

[26] *Гиппиус В.В.*, *Комарович В.Л.* Комментарии // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.] Т. 4. С. 541.

[27] *Розсоха Л.О.* Миргородщина козацка і гоголівська. Київ: ТОВ «ВБ “Аванпостприм”», 2009. С. 274.

[28] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1833. Ч. 2. С. 316.

уездного судьи Демьяна Демьяновича. По свидетельству Н.А. Трахимовского (внук крестного отца Гоголя М.М. Трахимовского), судья Янкевич впоследствии «не прощал» Гоголю «описания суда в повести о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»[29]. В.А. Гиляровский, побывавший в гоголевских местах, свидетельствовал: «В Шишаке (местечко в Миргородском уезде. — *И.В.*) современница Гоголя, г-жа Е.П. Петрова, указала […] на один интересный факт. Мать Гоголя, Марья Ивановна, приехала в Миргород по делу в поветовый (т. е. уездный. — *И.В.*) суд, после того уже, как появился рассказ об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче. Миргородские чиновники были так злы на Гоголя, что Марье Ивановне, уважаемой помещице, не предложили сесть, и она простояла часа два, пока не получила нужную справку»[30].

Очевидно, неприязнь Янкевича к Гоголю началась после публикации в 1834 г. Повести о ссоре. Впервые же писатель помянул миргородских судью и городничего как первых лиц города еще в 1831 г. в «Ночи перед Рождеством»: «Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах...» (I/II: 170). Уездным судьей в Миргороде до 1830 г. был титулярный советник С.П. Григорович[31], а городничим с 1821 по 29 декабря 1831 г. капитан К.П. Носенко[32]. Носенко был также знаком Гоголю и, по-видимому, тоже попал в его «галерею». В 1889 г. Гиляровский записал рассказ 75-летней уроженки Сорочинец Софьи Захаровны Королевой:

«Скажите, Ольга Захаровна, любили здесь Гоголя, после того как его произведения появились в печати?» — «Далеко не все. Кто попал к нему под перо, те не любили, вот как не любили! Особенно миргородские чиновники ненавидели: ведь весь “Ревизор” с них целиком списан». — «А вы помните тех лиц, с кого он писал?» — «Двоих лично знала: Городничий списан с миргородского городничего Носенка, а почтмейстер — с почтмейстера Мамчича. Умерли оба. — Смешной этот Носенко был: худой, длинный, чудак такой. А Мамчич — стари-

[29] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 6. С. 83, 86.

[30] *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: Полный систематический свод документальных свидетельств: Научно-критическое издание: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. С. 358.

[31] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1830. СПб., [1830]. Ч. 2. С. 300.

[32] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1822. СПб., [1822]. Ч. 2. С. 307, 311; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1832. СПб., [1832]. Ч. 2. С. 310, 313.

ком уж я его помню — бритый, седой, всё на клиросе пел. Все тогда себя узнали: портреты верные были»[33].

Капитан Кирилл Павлович Носенко ранее исполнял должность городничего в Золотоноше Полтавской губернии (1813–1820). Титулярный советник (с 1844 г. коллежский асессор) Игнатий Григорьевич Мамчич был миргородским почтмейстером в 1831–1845 гг.[34] Гоголь писал матери из Петербурга 22 ноября 1833 г.: «Жаль очень, что почтмейстер был так нагл, что распечатал письма... […] ...Стороною предостерегите его; если он еще это сделает, то я буду жаловаться директору Почтового департамента [К.Я.] Булгакову...» (X: 229). Не ясно, имелся ли в виду под этим почтмейстером (вскрывающим письма так же, как почтмейстер Шпекин в «Ревизоре») миргородский чиновник И.Г. Мамчич. В других письмах к матери Гоголь дважды упоминал не о миргородском уездном, а о полтавском губернском почтмейстере: «Сделайте полтавскому почтмейстеру строгий допрос: где находится следуемая вам посылка, и почему он не дал вам знать тотчас по получении ее? Это дело такого рода, за которое сажают под суд» (X: 172–173; письмо от 8 декабря 1831 г.); «Скажите мошеннику полтавскому почтмейстеру, что я на днях, видевшись с кн[язем] [А.Н.] Голицыным[35], жаловался ему о неисправности почт. Он заметил это Булгакову...» (X: 175; письмо от 4 января 1832 г.). Полтавским почтмейстером, начальником над уездными почтмейстерами, в том числе над миргородским Мамчичем, был в 1811–1840 гг. коллежский советник Иван Александрович Ротмистров[36].

Принимая во внимание свидетельство Гиляровского о капитане Носенко и титулярном советнике Мамчиче как вероятных прототипах «Ревизора», отметим, что два других отмеченных реальных лица из миргородских служащих — поручики Браилко и Янкевич — сыграли почти одинаковую роль в создании образов чиновников в Повести о ссоре и в «Ревизоре». Черты городничего Браилко (вместе с чертами его предшественника Носенко) послужили Гоголю к созданию образа городничего Петра Федоровича (в Повести о ссоре) и городничего Антона Антоновича (в «Ревизоре»); судья Янкевич стал прототипом для судьи Демьяна Демьяновича (в повести) и судьи

[33] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 405.

[34] Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1832. Ч. 1. С. 545; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1844. СПб., [1844]. Ч. 1. С. 240; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1845. СПб., [1845]. Ч. 1. С. 244.

[35] Начальник почтового департамента.

[36] Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1811. СПб., [1811]. Ч. 1. С. 268; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1840. СПб., [1840]. Ч. 1. С. 704.

Аммоса Федоровича (в комедии). Генетическую связь между образами двух уездных судей Гоголь подчеркнул тем, что в «Ревизоре» сам Ляпкин-Тяпкин словно намеренно напоминает о той тяжбе, которая разгорелась между героями «малороссийской» повести о двух Иванах, о вражде между помещиками Довгочхуном и Перерепенко. Как бы «проговариваясь», Ляпкин-Тяпкин признается Городничему: «У меня теперь завели тяжбу два помещика-соседа, и я теперь могу травить зайцев на землях и у того и у другого»[37].

Среди прототипов героев-чиновников Повести о ссоре можно указать на еще одно лицо, черты которого тоже могли дополнить гоголевскую картину. В конце декабря 1842 г. друг Гоголя А.С. Данилевский, передавая толки миргородских обывателей о «Мертвых душах», сообщал ему из Миргорода сведения о бывшем подкомории нижнего земского суда в Миргороде, штабс-капитане, помещике В.Я. Ломиковском: «Патриоты нашего уезда, питая к тебе непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадил Миргород. […] ...Ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противник не кто таковский, как Василий Яковлевич Ламиковский» (XII: 171).

Чиновникам, состоящим, как Ломиковский, в должности подкомория, присваивалось потомственное дворянство. Эту должность Ломиковский, праправнук гетмана Даниила Апостола, исполнял в миргородском суде в 1828–1830 гг.[38], вступив в нее после 18 января 1828 г.[39] Следовательно, Гоголь мог наблюдать миргородского подкомория Ломиковского еще до отъезда в Петербург в декабре 1828 г. Ломиковский близко знал мать Гоголя и его самого. В частности, в письме к И. Р. Мартосу от 9 января 1830 г. он не без сарказма передавал известия о жизни Гоголя в Петербурге[40]. Со своей стороны Гоголь, упоминая в «Ночи перед Рождеством» о том, как в Миргороде «один судья да городничий хаживали […] в крытых сукном тулупах», добавлял: «...теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы...» (I/II: 170).

---

[37] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 195. В окончательной редакции фраза выглядит следующим образом: «Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого» (III/IV: 227).

[38] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1829. СПб., [1829]. Ч. 2. С. 403; Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1830. Ч. 2. С. 300.

[39] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1828. СПб., [1828]. Ч. 2. С. 378, 382.

[40] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 26–27.

Опираясь на воссозданную цепочку: отставной поручик Семен Осипович Браилко — отставной военный, миргородский городничий в «Повести...» Петр Федорович — уездный городничий в «Ревизоре» Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, — можно предположить, что последний был назначен на должность городничего по трем вышеупомянутым указам об отставных военных 1829 и 1831 гг. Во всяком случае Гоголь, создавая образ Сквозника-Дмухановского, держал в памяти эти указы (хотя бы уже потому, что городничий в Повести о ссоре был им вполне «обязан»). Более того. Ко времени работы Гоголя над «Ревизором» таких указов даже стало больше. К 1835 г. появились еще два новых, тоже отдававших предпочтение при назначении вакансий городничих бывшим боевым офицерам. Их содержание тоже нашло отражение в образе Сквозника-Дмухановского.

Два новых указа, с которыми герой «Ревизора», по воле автора, оказывается знаком, в свою очередь подчеркивали положение о прежней военной службе лиц, назначаемых на должность городничих[41]. На «фоне» этих указов честолюбивые чаяния Городничего содержат, опять-таки, намек на его военное прошлое. Городничий мечтает о генеральстве, о том, что Хлестаков, петербургский «жених» его дочери, может сделать для него «такое производство […], что со временем и в генералы влезешь» (III/IV: 288). Ориентация Гоголя на правительственные указы при создании образов своих городничих (в повести и в комедии) говорит о том, что обстоятельствам служебной карьеры героев писатель придавал немаловажное значение.

Кроме предполагаемых миргородских прототипов героев-чиновников Повести о ссоре и «Ревизора» — городничего С.О. Браилко, судьи И.А. Янкевича и подкомория В.Я. Ломиковского, — можно указать еще по крайней мере на двух лиц из того же близкого Гоголю малороссийского окружения, чертами которых писатель, вероятно, тоже пользовался при создании повести и комедии.

На протяжении десяти лет, с 1773 по 1783 г. писарем того же Миргородского уездного суда служил дед Марии Ивановны Гоголь, Матвей Васильевич Косяровский,[42] с 1784 г. малороссийский полковой судья (умер в 1793 г.[43], до рождения Гоголя). Черты уездного

[41] 8321. 19 июля 1835. Именный, объявленный Министру внутренних дел Военным министром. — О переименовании в военные чины тех только полицеймейстеров и городничих, кои в военной службе находились (ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 1. С. 833–834); 8702. 22 декабря 1835. Именный, объявленный Министру внутренних дел Военным министром. — О зачислении по армии и кавалерии полицеймейстеров и городничих (ПСЗРИ 2. Т. 10. Отд. 2. С. 1241).

[42] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 1. С. 163, 165, 168–172.

[43] Там же. С. 186.

Миргорода и миргородского суда при создании образов чиновников в Повести о ссоре и в «Ревизоре» Гоголь мог, таким образом, почерпнуть также из рассказов матери о его прадеде М.В. Косяровском. К описанию секунд-майора Растаковского — служащего XVIII в. — это могло иметь самое прямое отношение, так как, согласно табели о рангах, чин полкового судьи (второго старшины в полку) точно соответствовал чину секунд-майора, или коллежского асессора. Мария Ивановна сообщала в своих мемуарах, что ее дед имел чин коллежского асессора[44].

Упоминание об участии секунд-майора Растаковского в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. позволяет также предположить, что прототипом этого «екатерининского» офицера явился для Гоголя не только его прадед со стороны матери, М.В. Косяровский, но и дед со стороны отца, Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский (1738–1820). Этого деда, А. Д. Гоголя-Яновского, Гоголь знал лично. Что-то о деде, который умер, когда Гоголю исполнилось одиннадцать лет, будущий писатель мог узнать и из рассказов родных, а также по бумагам богатого родового архива, хранившегося в имении Гоголей. Как и Растаковский, дед Гоголя в чине полкового писаря (приравненного после преобразований 1782–1785 гг. к званию секунд-майора[45]) участвовал в русско-турецких сражениях 1768–1774 гг. В вероятном избрании Гоголем своего деда — секунд-майора — в качестве прототипа секунд-майора Растаковского нет ничего невероятного хотя бы потому, что ранее, в 1834 г., тот же Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский (женившийся в 1776 г. на дочери видного представителя малороссийской старшины С.С. Лизогуба) стал прообразом еще одного из гоголевских героев — помещика с военным прошлым, тоже отставного секунд-майора, Афанасия Ивановича Товстогуба в «Старосветских помещиках».

3. Отличительные черты «среднего» чиновника в произведениях Гоголя

Наблюдения о чинах и прототипах гоголевских героев позволяют, наконец, обратиться к непосредственному анализу добавочной сцены «Ревизора» «Хлестаков и Растаковский». Кроме Афанасия Ивановича Товстогуба в «Старосветских помещиках», можно указать на еще

[44] Там же. С. 174.

[45] См.: *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1870. С. 105. Чин секунд-майора Афанасий Демьянович получил в 1794 г. (*Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 1. С. 188).

целый ряд персонажей Гоголя, судьба которых представляет собой очевидную параллель к образу отставного офицера секунд-майора Растаковского.

Во-первых, уже по самому чину Растаковский является неким двойником Городничего. Звание секунд-майора, упраздненное в конце XVIII в., относилось к восьмому классу, т. е. соответствовало чину майора, или коллежского асессора. Согласно принятому в 1797 г. указу, всех секунд-майоров с той поры предписывалось «именовать […] просто майорами»[46]. Таким образом, Растаковский, будучи отставным военным, носит тот же чин, что и Сквозник-Дмухановский. Следовательно, при известных условиях и личном желании Растаковский, который в описании действующих лиц значится среди «отставных чиновников, *почетных* лиц в городе» (III/IV: 218), тоже мог быть назначен на должность городничего.

Во-вторых, просьба отставного офицера Растаковского к Хлестакову о «прибавочном пенсионе» (аналогичная надеждам Городничего на Хлестакова, в чаянии повышения) прямо повторяет похожее прошение о пенсионе инвалида войны 1812 года Копейкина. Будучи участником Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Растаковский упоминает и о 1812 г.: «Сумятица была такая, как в том году, когда француз подступал под Москву» (III/IV: 309). Но в отличие от Копейкина Растаковский принадлежит другому веку и в своем прошении подразумевает правительственные распоряжения своего времени, а именно именной указ от 18 декабря 1797 г. «О прибавке пенсионной суммы, определяемой для удовлетворения находящихся в службе чинов»[47]. В черновой редакции комедии герою принадлежала следующая реплика: «...Вот должно по пенсионным постановлениям прибавочного пенсиону мне получить. […] Я […] подавал просьбу […] в 1801-м. Так вот уж тридцать лет, как никакой резолюции»[48]. В окончательной редакции связь реплики героя с указом 1797 г. менее очевидна: «Должен получить прибавочного пенсиона... […] Я […] подавал просьбу […] в тысяча восемьсот первом году; да вот уж тридцать лет нет никакой резолюции» (III/IV: 310).

Общие черты между отставными офицерами Растаковским и Копейкиным, в свою очередь, приводят к «узнаванию» еще одной

[46] 17.857. Февраль 1797. Указ из Военной Коллегии. — О неписании премьер- и секунд-майорских чинов как несуществующих уже и об именовании оных просто майорами (ПСЗРИ 1. Т. 24. С. 506).

[47] 18.276. 18 декабря 1797. Именный, данный Сенату. — О прибавке пенсионной суммы, определяемой для удовлетворения находящихся в службе чинов (ПСЗРИ 1. Т. 24. С. 845).

[48] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 195.

черты Городничего, объединяющей его с другими гоголевскими героями-чиновниками. Так, генеральское «распеканье» капитана Копейкина, в ответ на его прошение, перекликается с похожим «распеканьем» «значительного лица», полученным Башмачкиным в «Шинели», тоже в ответ просьбу: «В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом...» (III/IV: 140). Оба героя, вследствие такой жестокой острастки становятся разбойниками-мстителями. Находятся к тому же эти герои в одном чине: армейский чин капитана точно соответствовал гражданскому чину титулярного советника — «титулярный тот же капитан»[49].

Но похожего грозного «распеканья» с возможной отправкой «в Сибирь» (III/IV: 276) со страхом ожидает от «значительного лица» — «ревизора» Хлестакова, который «и в дворец ездит, и Государственный совет распекает» (III/IV: 264), — и «разбойник» Сквозник-Дмухановский. «Ну что, друг, — спрашивает он слугу Хлестакова, Осипа, — как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?» (III/IV: 261). По словам Гоголя в «Предуведомлении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”» (1841)[50], Хлестаков, «будучи сам неоднократно распекаем, […] должен мастерски изобразить [это] в речах: он почувствовал в это время особенное удовольствие распечь наконец и самому других, хотя в рассказах» (III/IV: 477).

Таким образом, персонаж сцены «Хлестаков и Растаковский» оказывается «сродни» сразу нескольким гоголевским героям. Во-первых (кроме героя «Старосветских помещиков»), — смиренному «титулярному советнику» Акакию Акакиевичу в «Шинели»; во-вторых, — увечному капитану Копейкину в «Мертвых душах»; в-третьих, — инвалиду-городничему Петру Федоровичу в Повести о ссоре; в-четвертых, наконец, — самому городничему Сквознику-Дмухановскому в «Ревизоре» (как чиновнику, обязанному своим назначением упомянутым указам об устройстве отставных офицеров). В целом эти смысловые переклички являются отражением общего представления Гоголя о гражданском и государственном организме как некоем коллективном *я*, или *мы*, составляющем «душевный город» «Ревизора» (III/IV: 492). Этот прообразовательный «город» отражает в себе не только собственно бюрократическую

[49] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [Л.]: АН СССР, 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М.П. Алексеев, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, А.Л. Слонимский. С. 366.

[50] О новой датировке «Предуведомления...» см.: *Виноградов И.А.* Эволюция текста: авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор». С. 146–174.

машину государственного управления, но объединяет правительство и русское общество в целом: «Правительство состоит из нас же, — писал Гоголь в 1847 г. В.Г. Белинскому, — мы выслуживаемся и составляем правительство. Если же Правительство [сделалось […] огромные корпорации воров, […] думаете, этого не знает никто из Рус[с]ких?..» (XIV: 386). «Мы все принадлежим Правительству, все почти служим...» — замечал также Гоголь еще в 1842 г. в «Театральном разъезде...» (III/IV: 444).

Согласно этому представлению о едином «душевном городе» Гоголь неизменно подчеркивал, что читателям и зрителям следует искать недостатки выведенных им героев прежде всего в самих себе (VI: 46, 54, 86, 95, 206, 253–254; XIV: 480). В этом заключается и собственно авторское значение знаменитой фразы Городничего, адресованной героем как бы самому себе — тем «разночинцам» и либералам, лицам, которые не исполняют «священнейшие законы Христа» (VI: 201): «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!..» (III/IV: 299). Критически оценивая проблемы государственного управления России, Гоголь смотрел на них не «снизу», а «сверху», как бы глазами высокопоставленного чиновника, болеющего о судьбах страны. Неудивительно, что содержание «Ревизора» встретило в 1836 г. понимание Николая I, разрешившего пьесу к постановке и печатанию[51].

Подведем некоторые итоги. В своем творчестве Гоголь многократно затрагивал несколько наиболее характерных явлений, волновавших большинство его современников-чиновников. Благодаря этим общим чертам становится возможным воссоздать образ некоего коллективного, среднего служащего той эпохи, каким он виделся Гоголю.

Во-первых, в своих произведениях Гоголь часто обращается к теме университетского барьера в продвижении чиновников по служебной лестнице. Эта черта одинаково значима для майора Ковалева в повести «Нос» и «ничтожных» титулярных советников Поприщина и Башмачкина в «Записках сумасшедшего» и «Шинели». Во-вторых, столь распространенной чертой является связь служащих и оставивших службу чиновников с указами об отставных военных 1797, 1829, 1831 и 1835 гг. На эту черту Гоголь указывает в образах четырех героев своих произведений: миргородского городничего «из рядовых», с простреленной на войне ногой, Петра Федоровича (в Повести о ссоре); уездного Городничего (в «Ревизоре»); отставно-

[51] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 492–494.

го майора Растаковского (в отдельной сцене к «Ревизору»); военного инвалида капитана Копейкина (в «Мертвых душах»). Эта общая черта говорит, помимо прочего, о том, что Городничий «Ревизора» тоже мог быть участником боевых действий, отличиться в своей служебной карьере в какой-либо из упоминаемых войн 1768–1774, 1807 и 1812 гг. В-третьих, общей для многих гоголевских героев является тема начальственного «распеканья»: эта тема важна для судьбы Башмачкина, Копейкина, Хлестакова, Сквозника-Дмухановского. В-четвертых, столь же общим поучительным уроком для современников стал изображенный в «Шинели» и в «Мертвых душах» противоправительственный бунт Башмачкина и Копейкина, а также очевидная измена Городничего, бывшего защитника Отечества, ставшего «плутом» и «разбойником», — государственным интересам и самому государю.

Чтобы обозначить заключительную, пятую общую черту героев-чиновников Гоголя, следует вначале отметить, что судьба участника Отечественной войны «бунтовщика» Копейкина была для Гоголя неким подобием участи декабристов — бесстрашных русских офицеров, героев войны 1812 года, ставших спустя несколько лет участниками политического заговора (о чем, конечно же, Гоголь не мог писать открыто). На этот подтекст указывает в «Повести о капитане Копейкине» характерное замечание героя, определенного «распекающим» петербургским генералом для препровождения «на место жительства»: «…по крайней мере не нужно платить прогонов» (V: 198). Прогоны — это установленная плата за проезд на казенных почтовых лошадях. Существовал указ от 13 июля 1826 г. «О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом»[52]. В «Полном собрании законов Российской империи» этот указ следует за именным указом по делу о декабристах и манифестом «О совершении приговора над государственными преступниками»[53], которые датированы тем же числом (в этот же день приговор по делу о декабристах был приведен в исполнение).

[52] 466. 13 июля 1826. Сенатский. — О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 774).

[53] 464. 13 июля 1826. Именный, объявленный из Сената. — О государственных преступниках, осужденных к разным казням и наказаниям; Доклад Верховного уголовного суда (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 753—772); 465. 13 июля 1826. Манифест. О совершении приговора над государственными преступниками (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 772–774).

С этой декабристской, противоправительственной составляющей в образе Копейкина как раз и связана последняя — пятая — общая черта в характерах помянутых «родственных» между собой героев: Копейкина, Поприщина, Ковалева, Башмачника. Всех их, помимо прочего, объединяют еще и одинаковые любовные похождения, в частности, предосудительное поведение героев на Невском проспекте.

Затронутая декабристская тема здесь совсем не посторонняя, она имеет к этой черте гоголевских героев самое прямое отношение. Противоправительственной, по Гоголю, была не только политическая деятельность декабристов, но и их частная жизнь, которая порой однозначно попадала в разряд тех преступлений, с которыми правительство вело неустанную борьбу при помощи многочисленных указов о распутстве[54].

Тему декабризма Гоголь поднимал не только в «Мертвых душах», но и, гораздо ранее, в драматических «Сценах из светской жизни» (опубликованы в 1842 г. под названием «Отрывок»; составлены Гоголем из его незавершенной комедии 1832–1834 гг. «Владимир 3-й степени»). Именно в «Сценах из светской жизни» Гоголь заключил свои представления об одинаково преступном поведении декабристов во всех сферах жизни — как в политике, так и в частном быту. Герой «Отрывка» замечает о декабристах как о «пятьдесяти русских пустых головах, воспитанных на французскую ногу»[55], а его мать, светская дама Марья Александровна, упрекая сына в либерализме, замечает: «Перестань либеральничать. [Это всё масонские правила. Это всё от Рылеевских стихов]»[56]. Из дальнейших слов героини Марьи Александровны: «Влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом»[57], — явствует, что под «Рылеевскими стихами» она разумеет не только и не столько «гражданскую» лирику поэта-декабриста, но и его известные, хотя и не публиковавшиеся непристойные стихи на тему «хождения к девкам»: «К Лачинову» (1818), «Заблуждение» (1820), «Нечаянное счастие» (1820 или 1821) и др.

Вполне похожий «либерализм» в отношении к христианским заповедям, «законам Христа» (VI: 201) являет еще один из многочисленных «оппозиционных» героев Гоголя, нерадивый воспитанник

[54] См. сводные указатели указов о распутстве 1649–1819 и 1829–1841 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1. С. 112–113; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской Империи. Т. 3. С. 386.

[55] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 5. С. 126.

[56] Там же. С. 126, 369.

[57] Там же. С. 129.

Киевской семинарии бурсак Хома Брут в повести «Вий», который «ходил к булочнице против самого страстного четверга» (I/II: 431). Римский «стоик», гроза «тиранов» Брут — излюбленный герой декабриста К.Ф. Рылеева. Ирония Гоголя, заключенная в осмыслении этой темы, направлена на очевидное противоречие, заключающееся в том, что, несмотря на свои «стоические» убеждения, свойственные Рылееву как римскому Бруту, ведет себя поэтическое alter ego декабриста отнюдь не стоически. По-видимому, Гоголь, изображая в «Вии» любовные похождения не завершившего своего духовного образования бурсака Хомы Брута, прямо имел в виду псевдо-стоицизм современного «тираноборца Брута» — Рылеева. Помимо этого прототипа Хомы Брута, прообразом распутного бурсака является также в творчестве Гоголя недоучившийся «стоик»-семинарист Иван Осипович в повести «Страшный кабан» — духовный «недоросль», «убоявшийся бездны премудрости» (VII: 52)[58].

«Свободолюбие» декабриста Рылеева и его непристойные стихи «К Лачинову», «Заблуждение» и др. оказываются, таким образом, в самой тесной связи с преследованием на Невском проспекте будущими «бунтовщиками» Копейкиным и Башмачкиным дам легкого поведения: «Акакий Акакиевич […] даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения» (III/IV: 134); «На тротуаре, видит, идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить эдакой. Мой Копейкин — кровь-то, знаете, разыгралась в нем — побежал было за ней на своей деревяшке, трюх-трюх следом — “да нет, подумал, пусть после, когда получу пенсион, теперь уж я что-то расходился слишком”» (IV: 195). Этим похождениям героев вполне соответствуют фривольные воспоминания секунд-майора Растаковского в «Ревизоре» — персонажа, на первый взгляд, столь же «смиренного», как Акакий Акакиевич. Эти воспоминания содержатся в реплике Растаковского о «квартирмистере» Трепакине: «Хлопнет, бывало, рукою и отобьет пару у самого полковника, […] и как только заглянешь к нему в палатку... хе, хе, хе... там уж сидит, и наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе...» (III/IV: 309).

Как уже отмечалось, Растаковский, будучи отставным военным в майорском чине, согласно действовавшим указам, при желании мог стать городничим. Теперь эта догадка получает еще одно подтверж-

[58] См.: *Виноградов И.А.* «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 89.

дение. Гоголь, очевидно, прямо позаимствовал интерес Растаковского как потенциального городничего к щекотливой теме из своей написанной ранее Повести о ссоре, взяв эту черту от городничего Петра Федоровича. И тот, и другой одинаково упоминают о давних военных кампаниях и одинаково предаются при этом воспоминаниям о случавшихся тогда любовных историях. Растаковский делает это, характеризуя Трепакина; городничий Петр Федорович — в рассказе о самом себе: «”...Во время кампании тысяча восемьсот седьмого года... Ах, я вам расскажу, каким манером я перелез через забор к одной хорошенькой немке”. — При этом городничий зажмурил один глаз и сделал бесовски плутовскую улыбку» (I/II: 480).

В самом «Ревизоре» тема любовных похождений возникает не раз. В частности, она проявляется в двух эпизодах. Во-первых, в разговоре Хлестакова с смотрителем училищ; этот разговор характеризует самого Хлестакова: «Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен» (III/IV: 269); «...в вечеру если пойдешь по Невскому проспекту, много встретишь хорошеньких»[59]. Во-вторых, в сплетнях, сообщаемых Хлестакову попечителем богоугодных заведений: «Судья […] — поведения самого предосудительного. […] ...Как только […] Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его...» (III/IV: 270). Об отношении к подобным историям «плута» Городничего остается только догадываться. Однако некое представление о его прошлых похождениях (окончившихся женитьбой), вероятно, все-таки можно составить. Достаточно обратить внимание на поведение его жены — «провинциальной кокетки» (III/IV: 219), грезящей о романтических любовных приключениях. Именно эта черта героини была подчеркнута Гоголем в упомянутой отдельной сцене «Анна Андреевна и Марья Антоновна», которую в качестве приложения к «Ревизору» он напечатал в 1841 г. вместе с отрывком «Хлестаков и Растаковский». В черновике этой сцены героиня, словно повторяя признания городничего из Повести о ссоре, «каким манером» он «перелез через забор к одной хорошенькой немке», рассказывает, как до замужества к ней в дом пробрался, в «преогромном куле с перепелками»[60], влюбленный поручик. Таким образом, сцены «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский», в которых Городничий даже не упомянут, тем не менее одинаково служат именно к его характеристике — как главного чиновника «Ревизора». Происходит это как бы по принципу отражения, о котором Гоголь упоминал в «Мертвых душах»: «Стол,

[59] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 191.
[60] Там же. С. 174.

кресла, стулья — всё было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: “И я тоже Собакевич!” или: “И я тоже очень похож на Собакевича!”» (V: 94). Подобным образом не только жену Добчинского, но и самого этого помещика характеризует его просьба к Хлестакову узаконить добрачного ребенка.

Наряду с обличением кокетства, другой целью писателя в сцене «Анна Андреевна и Марья Антоновна» было подчеркнуть пристрастие жены Городничего к роскоши — с этим явлением правительство боролось не менее последовательно[61], чем с взяточничеством и распутством. Мотив роскоши в сравнительно небольшой сцене «Анна Андреевна и Марья Антоновна» встречается четырежды: к нему относятся высказанное героиней дочери опасение, что гость застанет их «одетыми Бог знает как» (III/IV: 308); упоминания о полковнице, выписывавшей «всё платье из Москвы», о воротничках рубашки штаб-ротмистра Ставрокопытова («...батист такой, какого никогда еще купцы не подносили нам»), о «тюлевой пелеринке, вышитой виноградными листьями с колосками» (III/IV: 307). Согласно таможенному тарифу, дорогостоящие привозные «пелерины из тюля с шитьем» и изделия из батиста облагались высокими пошлинами[62]. Мечтая о петербургской жизни, Анна Андреевна замечает: «Как, должно быть, там весело. Везде, говорят, в магазинах, все самые модные вещи»[63]. Прямым комментарием на этот счет является в черновой редакции комедии реплика Осипа о столичных магазинах: «В магазее что пуговица, то и пять рублей»[64]. Стремление героини к роскоши Гоголь подчеркивал и во вступительной заметке к комедии «Характеры и костюмы», отмечая ее страсть к нарядам: «Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы» (III/IV: 307). На это же пристрастие жены Городничего указывает роскошная мебель красного дерева в ее доме (об этом свидетельствует монтировка первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра; VII: 615). Согласно Гоголю, многие из «просвещенных потребностей» Анны Андреевны удовлетворяются прямо за счет взяток ее мужа. Позднее, размышляя над этим в «Переписке с друзь-

[61] См. сводные указатели указов о «роскоши, расточительности и мотовстве» 1775–1825 и 1827–1839 гг.: ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2. С. 836; Общий алфавитный указатель ко второму Полному Собранию законов Российской империи. Т. 3. С. 445.

[62] 6624. 12 декабря 1833. Общий тариф для всех портовых и пограничных таможен Российской империи по европейской торговле (ПСЗРИ 2. Т. 8. Отд. 2. С. 340, 356, 342).

[63] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 232.

[64] Там же. С. 157.

ями» в масштабах не только отдельного города, но и целой России, Гоголь в статье «Что такое губернаторша» писал: «Гоните эту гадкую скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и всех мерзостей, какие у нас есть» (VI: 98). А в статье «Женщина в свете» замечал: «Большая часть взяток, несправедливостей по службе и тому подобного, в чем обвиняют наших чиновников и нечиновников всех классов, произошла […] от расточительности их жен…» (VI: 14).

Единая цель сцен «Анна Андреевна и Марья Антоновна» и «Хлестаков и Растаковский» — полнее охарактеризовать Городничего, вероятно, и объясняет, почему Гоголь решил напечатать их вместе, одну за другой, в 1841 г., не для постановки, а для разъясняющего чтения, под общим названием «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы».

Возвращаясь к характеристике пятой, заключительной черты «среднего» гоголевского чиновника, напомним также о любовных похождениях помещика с военным прошлым, отставного «секунд-майора» Афанасия Ивановича Товстогуба в «Старосветских помещиках», роднящих его с капитаном Копейкиным, титулярными советниками Поприщиным и Башмачкиным, майорами Ковалевым и Растаковским (общность героев проявляется еще и в том, что, напомним, прототипом Товстогуба и Растаковского мог послужить Гоголю его дед А. Д. Гоголь-Яновский). Для характеристики майора Товстогуба имеет значение упоминание в «Старосветских помещиках» о том, что «не проходило нескольких месяцев», чтобы у какой-нибудь из дворовых девушек в имении «стан не делался гораздо полнее обыкновенного» (I/II: 285). Для майора Ковалева столь же значимым является адресованное ему замечание полицейского пристава о том, что «у порядочного человека не оторвут носа и что много есть на свете всяких майоров, которые […] таскаются по всяким непристойным местам» (III/IV: 53). В этих словах прямо угадывается предписание Полицейского устава «всем и каждому» «в дом, открытый днем и ночью ради непотребств» не входить[65].

Очевидно, что как нерадивый, распутный семинарист Хома Брут недостоин духовного звания, так же во многом недостойны носить дворянское звание и ворующие, «бунтующие» чиновники, герои, мечтающие о роскоши, завсегдатаи ночного Невского проспекта и «отвратительных» домов в Литейной и Мещанской (III/IV: 17, 19,

[65] 15.379. 8 апреля 1782. Устав благочиния или полицейский (ПСЗРИ 1. Т. 21: 480).

31, 81)[66], — не исполняющие высокий долг перед государем и Отечеством (даже если кто-то из них формально и числится в дворянском сословии). «Коли служить, так служи», — рассуждает по этому поводу Осип (III/IV). «А за девчонками не бегай», — добавлял он в черновой редакции[67]. Нерадивый «титулярный советник», неуемный честолюбец и сластолюбец Поприщин в «Записках сумасшедшего» заявляет: «Я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин» (III/IV: 162). Однако, по Гоголю, Поприщин на самом деле звания дворянина не достоин: по своим качествам он может быть причислен именно к «разночинцам». Затрагивая эту тему в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье «Занимающему важное место», Гоголь писал, что в последнее время «бесчестные плуты, продавцы правосудья и грабители, […] как вороны, налетели […] ловить свою презренную выгоду», и что долг настоящих дворян состоит в том, чтобы «великодушно стать теперь на неприманчивые места и должности, опозоренные низкими разночинцами» (VI: 148).

Эти строки, в свою очередь, добавляют новую черту к «послужному списку» Городничего. Чин коллежского асессора, который носит Сквозник-Дмухановский, давал чиновникам, согласно петровской «Табели о рангах», право на дворянство, «хотя б они и низкой породы были»[68]. Этот чин Городничий, обходя университетский экзамен, получил либо за военную службу, либо за статскую — на Кавказе. В последнем случае можно предположить, что герой принадлежит именно к числу дворян, «нарожденных указом» 1803 г. (по позднейшему выражению Случевского). Потомственным дворянином он в любом случае, очевидно, не является.

Чтобы исчислить все способы и обстоятельства, пользуясь которыми Сквозник-Дмухановский мог получить чин коллежского асессора (и личное дворянство), следует добавить, что дополнительную возможность обрести это звание без экзамена предоставлял еще правительственный указ от 22 августа 1826 г. по случаю коронования императора Николая I «О единовременном производстве в 8-й и 5-й классы чиновников, состоящих в осьмиклассных и пятиклассных должностях и выслуживших по 22 августа 1826 узаконенные в на-

[66] См. также: *Виноградов И.А*. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 344.

[67] *Гоголь Н.В*. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 157.

[68] 3890. 24 января 1722. Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был (ПСЗРИ 1. Т. 6. С. 491).

стоящих чинах сроки»[69], который, несомненно, был тоже известен Гоголю. Согласно этому постановлению, указ 1809 г. (которым было «преграждено дальнейшее производство в чины» для служащих, не прошедших университетского курса), единовременно, в ознаменование расположения государя к своим подданным, на данную категорию чиновников не распространялся. По этому исключительному, обусловленному торжествами указу целый ряд служащих был произведен тогда «из 9-го в 8-й класс, или из титулярных советников в коллежские асессоры». Получение чина Сквозником-Дмухановским по указу 1826 г. в принципе возможно, однако, чтобы попасть под действие этого указа, ему, будучи еще в девятиклассном чине — титулярного советника, надо было уже занимать «осьмиклассную», т. е. более высокую должность городничего. Тем не менее и такой путь был не невозможен для героя «Ревизора». Например, городничий К.П. Носенко получил должность городничего, состоя в капитанском (девятиклассном) чине, а С. И. Браилко — даже в еще более низком поручичьем звании.

4. «Пограничный» статус Городничего

Гоголь намеренно избирал в свои герои служащих, которые находятся в чинах пограничных, составляющих рубеж между дворянством и недворянством (разночинством) — между титулярным советником (или капитаном) и коллежским асессором (майором, секунд-майором). Это позволяло писателю затронуть наиболее острый круг проблем, волновавших тогдашних чиновников и характеризующих их в зависимости от служебного положения и принадлежности к дворянскому сословию.

Еще более уточнить социальный статус Городничего позволяют данные самой комедии. Они тоже указывают на некий пограничный характер его положения. Сквозник-Дмухановский начал «тяжелую службу с низших чинов» (III/IV: 219). Это следует из вступительной заметки к пьесе «Характеры и костюмы. Замечания для гг. актеров». Жена Городничего Анна Андреевна говорит о супруге, что он «простой человек, никогда не видел порядочных людей» (III/IV: 287). О дворянах сам он отзывается так, что возникает вопрос, состоит ли он в дворянстве (хотя чин коллежского асессора давал ему право

[69] 539. 22 августа 1826. Именный, данный Сенату. — О единовременном производстве в 8-й и 5-й классы чиновников, состоящих в осьмиклассных и пятиклассных должностях и выслуживших по 22 августа 1826 узаконенные в настоящих чинах сроки (ПСЗРИ 2. Т. 1. С. 890–891).

на вступление в дворянское сословие). Во всяком случае реплику о дворянине, обращенную к купцам, Сквозник-Дмухановский произносит не как потомственный дворянин, а отстраненно, рассуждая о дворянстве как о сословии, к которому сам смолоду не принадлежал: «Да дворянин... ах ты, рожа! — дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное» (III/IV: 289). В то же время частный пристав обращается к нему: «ваше высокоблагородие» (III/IV: 292)[70]. Такое именование прямо показывает, что чин коллежского асессора (или майора) Городничий имеет: титуловать «вашим высокоблагородием» полагалось лиц в чинах, начиная с восьмого класса, т. е. именно с асессора и майора. В черновой редакции комедии Анна Андреевна, отвечая на предложение Хлестакова, сделанное дочери, тоже замечает: «Как можно, чтобы мы, простые дворяне, могли удостоиться такой чести!..»[71] (слова о «простых дворянах» в окончательный текст не вошли).

Таким образом в обозначении статуса Городничего тоже возникает некая двойственность: он одновременно и дворянин, и не дворянин (не потомственный дворянин), и разночинец, и не разночинец, и военный, и статский (вероятнее всего, отставной военный на гражданской службе). Данная характеристика подобна той, какую Гоголь дал Чичикову: «не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок» (V: 9). Эта излюбленная Гоголем пограничная двойственность ярко выразилась в комической реплике Хлестакова в первоначальной редакции комедии: «На мне небольшой чин. Уж никак не больше коллежского асессора, даже немножко меньше» (VII: 414). В окончательной редакции фраза приобрела более простой, но не менее многозначительный вид: «Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем» (III/IV: 255). Гоголь как художник особенно ценил указанную двойственность. Переходные ситуации были для писателя неким «пробным камнем», позволявшим отчетливее обозначить характеры персонажей.

К такому выводу подводит общая, итоговая оценка Гоголем героев его комедии. По-видимому, цитированные выше строки Гоголя в «Переписке с друзьями» о «низких разночинцах», опозоривших свою должность, — это прямой комментарий автора к главному чиновнику «Ревизора» — Городничему (хоть формально он, судя по всему, все-таки имеет полученный за долгую службу личный дворянский статус).

[70] См. в первоначальной редакции: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 152, 154.

[71] Там же. С. 206.

Если обратиться к другим героям Гоголя, провинциальным чиновникам «Ревизора», то можно обнаружить в их характеристиках такие же пограничные колебания между дворянством и недворянством (разночинством), между титулярными советниками и последующими, более значимыми, «дворянскими» чинами.

Судья Ляпкин-Тяпкин — коллежский асессор (как и Сквозник-Дмухановский). Два других героя, Земляника, попечитель богоугодных заведений, и Шпекин, почтмейстер, — надворные советники, т. е. оба носят чин даже более высокого, седьмого класса, выше, чем у Городничего, «главы города»[72], что тоже немаловажно. Напротив, смотритель училищ Хлопов чином ниже Сквозника-Дмухановского — он только титулярный советник. О чине лекаря Гибнера не сообщается, но в зависимости от выслуги лет он мог быть либо титулярным советником, либо коллежским асессором[73]. Последние двое, Хлопов и Гибнер, очевидно, единственные служащие в комедии, о которых с формальной точки зрения только и можно говорить как о «разночинцах».

Таким образом, собственно разночинцами, недворянами из главных чиновников «Ревизора» могут быть названы лишь двое — смотритель училищ и лекарь. Однако разночинная составляющая оказывается для всех служащих решающей. Разночинные корни и соответствующее разночинное, т. е. недостойное дворянина, поведение «плута» Сквозника-Дмухановского, как «первенствующего лица»[74] в городе, оказывают определяющее влияние на всех других — даже стоящих выше Городничего по чину дворян.

5. Характер сатиры Гоголя

Становится очевидным, что обличает Гоголь в своей комедии исключительно недворянское, «разночинное» поведение героев, даже если бóльшая их часть относится к дворянству. Невзирая на то, каким путем получил Сквозник-Дмухановский свой асессорский чин (даже если предположить невозможное — что Антон Антонович посещал университет и сдавал где-то университетский экзамен), независимо от того, состоит или не состоит этот герой в дворянском звании, к числу подлинно благородных людей, составляющих русское дворянство, он как взяточник и казнокрад однозначно не относится. По

[72] Там же. С. 144.

[73] См. 7118. 24 мая 1834. Высочайше утвержденное положение о классах медиков, ветеринаров и фармацевтиков и о производстве их в чины (ПСЗРИ 2. Т. 9. Отд. 1. С. 400).

[74] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 151.

оценке самого Гоголя, Городничий остается «низким разночинцем», скомпрометировавшим свою должность, «опозорившим […] святыню своего званья и места (все места святы)» (VI: 80). Должность эту он, судя по предполагаемому послужному списку, получил благодаря заботам правительства об отставных военных.

В изучении характера гоголевской «сатиры» немаловажное значение имеет вопрос об отношении взглядов писателя как уроженца Украины к его «имперскому» сознанию, к осмыслению общероссийских проблем. Вопрос этот не только не изучен, но даже не ставился. Органичное сочетание в родственной проблематике двух произведений Гоголя: Повести о ссоре и «Ревизора» — «малороссийской» и «великороссийской» составляющих позволяет в значительной степени осветить этот немаловажный аспект в творчестве писателя. Изучение «послужного списка» Городничего здесь, в свою очередь, оказывает существенную помощь. Как уже отмечалось выше, из тех, кто получал асессорский, необходимый для получения дворянства и городничества, чин на Кавказе, служить в Грузии оставалось немногие. Они либо возвращались на родину, либо в поисках выгодной должности отправлялись в Петербург (как майор Ковалев в повести «Нос»). Указ 1803 г., обеспечивший, после выхода в свет указа 1809 г., возможность безэкзаменационного получения чина коллежского асессора на Кавказе, касался прежде всего уроженцев южных губерний, в том числе Полтавской, родной для Гоголя. Не подлежащая сомнению любовь Гоголя к родному краю не помешала писателю быть объективным в оценке отдельных представителей Украины. Имея в виду недостойных чиновников из своих земляков, Гоголь еще в 1834 г. писал о них именно как о «низких разночинцах». В «Старосветских помещиках», говоря о благородном достоинстве «всех малороссийских старинных и коренных фамилий», он одновременно обличал «низких малороссиян, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков» и «наводняют Петербург ябедниками» (I/II: 282–283). Кстати заметить, один из соучеников Гоголя по Нежинской гимназии Е.П. Гребенка, приехавший в Петербург в конце 1833 г., в письме к школьному приятелю Н.М. Новицкому свидетельствовал: «Петербург есть колония образованных малороссиян. Все присутственные места, все академии, все университеты наводнены земляками...»[75]

[75] *Гребінка Е.П.* Твори: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1981. Т. 3 / Упорядкування і примітки І.О. Лучник, А.М. Полотай. С. 566–567.

Когда А.С. Хомяков говорил после смерти писателя в 1859 г., что Гоголь, «искренний коренной малоросс», явивший «в первых своих творениях» «глубокую и простодушную любовь» к Малороссии, был «в иных отношениях […] к нам, великоруссам»[76], — он серьезно ошибался. Хомяков полагал, что «любовь» Гоголя к Великороссии «была уже отвлеченнее», чем любовь к Украине, что «она была более требовательна, но менее ясновидяща»: «Она выражалась характером отрицания, комизма...»[77]

Вопреки этому факты говорят о другом. Вполне очевидно, что своих земляков Гоголь обличал не менее сурово, чем жителей Великороссии. Имеются многочисленные свидетельства о том, что прообразами гоголевских «сатирических» типов, даже в произведениях «общероссийского» характера, часто становились именно его земляки. В 1901 г. исследователь украинской культуры В.А. Чаговец свидетельствовал: «Многие боялись попасть в […] чудную кунсткамеру гоголевских типов, но лучшие экземпляры не избежали этой участи, и в произведениях Н[иколая] В[асильевича] в свое время можно было узнать много современников. Недаром Полтава так недружелюбно относилась к творцу Ревизора и Мертвых душ»[78]. Еще в 1843 г. В.С. Аксакова писала родственнице: «Малороссияне вообще, а особенно в Миргороде, разумеется, терпеть не могут Гоголя за то, что он их вывел в смешном виде, и говорят, что и “Мерт[вые] души” писаны на них же»[79]. В.А. Гиляровский в 1901 г., тоже имея в виду героев «Мертвых душ», указывал: «Оказывается, и посейчас Украйна кишит типами, встречающимися в произведениях писателя»[80]. Опираясь на свидетельство С. З. Королевой, Гиляровский отмечал и то, что в Миргороде были «целиком, с натуры, были списаны действующие лица “Ревизора”»[81]. Д.А. Пахомов в 1909 г. писал, что те типы «провинциальных помещиков и чиновников», которые Гоголь вывел в «Мертвых душах» и «Ревизоре», будущий писатель подсмотрел «как в доме отца, так и одного богатого родственника Трощинского»[82]. Пахомов утверждал: «Собакевич, Ноздрев, Плюш-

[76] *Хомяков А.С.* Речь по случаю возобновления публичных заседаний Общества [любителей российской словесности], читанная председателем в публичном заседании, марта 26, 1859 г. // Русская беседа. 1860. № 1. С. 15.

[77] Там же. С. 16.

[78] *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 222.

[79] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 4. С. 123.

[80] *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 346.

[81] Там же. С. 347.

[82] Там же. С. 406.

кин, Коробочка, Сквозник-Дмухановский, Земляника, Тяпкин-Лапкин, — всё это действительно существовавшие лица, обработанные гениальным творчеством Гоголя в бессмертные типы»[83]. Друг Гоголя с семилетнего возраста А.С. Данилевский указывал, что в характеристике помещика, живущего, в противоположность Плюшкину, во всю ширину русской удали и барства (в шестой главе «Мертвых душ»), «нельзя не узнать так близко знакомого Гоголю в детстве Д.Пр. Трощинского»[84]. Кстати отметить, что в «Ревизоре» в просьбе отставного чиновника Коробкина к Городничему, собирающемуся в Петербург, можно вполне усмотреть отголосок просьбы, обращенной в 1828 г. овдовевшей матерью Гоголя к упомянутому влиятельному родственнику Д.П. Трощинскому написать в Петербург рекомендательное письмо для сына: «В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке» (III/IV: 294).

Сама афера с закладом в казну «мертвых душ», изображенная в гоголевской поэме, имеет отчетливые малороссийские корни. Об этом свидетельствуют письмо отца Гоголя, Василия Афанасьевича, к Д.П. Трощинскому от средины 1810-х гг.; указание школьного приятеля Гоголя П.И. Мартоса; материалы, собранные В.А. Гиляровским[85]. Н.И. Савич (приятель Т.Г. Шевченко), встречавшийся с Гоголем в Одессе в 1850 г., говорил даже, что «сам лично знал тех лиц в Полтавщине, с кого Гоголь нарисовал Чичикова, Коробочку и другие свои типы»: «Чичиков […] — это был предводитель дворянства в Полтавском уезде, скупал у разных помещиков мертвые души и заложил в Опекунский совет... Коробочка — была в Зеньковском уезде, а также и в Миргородском»[86].

Согласно черновой редакции «Ревизора», герой комедии Хлестаков был родом из «Екатеринославской губернии». Замечание в этой редакции его слуги Осипа, что от дороги между Петербургом и родовым имением барина осталось «всего треть верстов» («треть верст»), указывает, что само действие комедии разворачивается ближе к югу России — южнее Тулы, где Хлестакова обыграл пехотный капитан[87], т. е. в Орловской или Курской губерниях — в одном из

[83] Там же.

[84] Там же. С. 499.

[85] *Виноградов И.А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 6, 548, 346, 360–361.

[86] *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 411–412.

[87] См.: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 4. С. 150, 164, 271, 155, 260, 155.

трех уездных городов этих мест, через которые проходил почтовый тракт, в Мценске, Обояни или Белгороде[88]. В 1835 г. городничие были только в двух последних городах: майор А.П. Муха в Обояни, и лейб-гвардии поручик А.И. Выходцев, участник Бородинского сражения, в Белгороде. В Мценске эту должность исполнял полицеймейстер штаб-ротмистр И.А. Сементовский[89]. В окончательной редакции «Ревизора» маршрут следования Хлестакова смещается восточнее, через Пензу в Саратовскую губернию (III/IV: 229, 237). На этом пути единственным уездным городом, где проходил почтовый тракт, был Петровск. Здесь городничим в 1823–1838 гг. был майор И.Д. Хардин, потомственный дворянин, участник войны 1812 года[90].

Однако, как было отмечено выше, для гоголевских «сатирических» образов двух городничих и двух уездных судей (в Повести о ссоре и в «Мертвых душах») наиболее вероятными прототипами являются миргородские чиновники С.О. Браилко, К.П. Носенко, И.А. Янкевич и В.Я. Ломиковский. Отдельные черты этих и других героев Гоголь почерпнул также у миргородского почтмейстера И.Г. Мамчича, у своих родных деда и прадеда, А.Д. Гоголя-Яновского и М.В. Косяровского, а также у двоюродного дяди И.П. Косяровского. Лишь в недавнее время доказано, что прообразом помещицы Пульхерии Ивановны в «Старосветских помещиках» стала для писателя его мать Мария Ивановна Гоголь[91]. Отмечалось также, что в образе Плюшкина в «Мертвых душах» нашли отражение отдельные черты двоюродной тетки Гоголя по матери А.М. Лукашевич (рожд. Косяровской)[92].

Среди разнообразных персонажей, на которых обращалось внимание, характерна связь героя «Ревизора», Растаковского, не только с отставным, ищущим пенсиона офицером Копейкиным в «Мертвых душах», но и с другим персонажем «общероссийской» поэмы Гоголя, а именно, с помещицей Коробочкой, «малороссийские» черты в облике которой уже отмечали исследователи[93]. Растаковского

[88] См.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, расписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издан от Почтового департамента сообразно с последовавшими переменами вторым тиснением. СПб., 1829. С. 14, 22, 28.

[89] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1835. Ч. 2. С. 129, 136–137.

[90] Там же. С. 207.

[91] *Виноградов И.А*. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 1. С. 281–285.

[92] Там же. С. 404.

[93] *Данилов В.В*. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки / Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М.В. Гоголя. Чернигов, 1940. Т. 1. С. 81.

с Коробочкой объединяет их «общий знакомый» Трепакин — тот самый «квартирмистр», в палатке которого, по рассказу Растаковского, часто оказывались девушки: «Наутро денщик выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе... и портупея висит, хе, хе, хе...» (III/IV: 309). Коробочка называет фамилию Трепакина, перечисляя соседей-помещиков: «Бобров, Свиньин, Канапатьев Харпакин, Трепакин, Плешаков» (V: 45).

Факты с несомненностью указывают на то, что в «сатирических» образах Гоголя отразился не только «общероссийский», но и малороссийский колорит — и в весьма немалой степени. Усиление, сравнительно с «малороссийскими» «Старосветскими помещиками», «сатирических» мотивов в изображении «старосветского» быта Коробочки, а также более резкий взгляд на Сквозника-Дмухановского, отразившийся в истории Копейкина и в образе Растаковского, свидетельствуют об общей тенденции усиления критического пафоса Гоголя применительно к «старосветской», провинциальной жизни (от мягкой иронии к сарказму — к которому, впрочем, Гоголь обращался уже в «малороссийской» Повести о ссоре). При этом обличает писатель в своих произведениях не только «великороссийские» или «малороссийские», по отдельности, типы, но «злокачественных» представителей русского дворянства в целом.

Интересно отметить, что соответствующий «разночинный» дух тогдашнего российского дворянства отмечал в том же 1834 г., т. е. одновременно с Гоголем, А.С. Пушкин в беседе с великим князем Михаилом Павловичем. Запись об этом, от 22 декабря, сохранилась в дневнике поэта. В этой записи Пушкин недвусмысленно приравнивает современное русское дворянство к «третьему» сословию: «Что касается до tiers état [фр. третье сословие], что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много»[94].

В конце 1833 г. Пушкин познакомил Гоголя в рукописи с своим «Медным всадником». В этой поэме Пушкин изобразил конфликт «маленького человека», мелкого служащего, с детищем Петра — с возвышающимся над стихией державным Петербургом. Воплотив, таким образом, вторжение в судьбу петербургского обитателя самого

[94] *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 335.

«гения Петра», носителя «великих дум» о будущем России, Пушкин тем самым во многом задал и тему будущих петербургских повестей Гоголя[95] с их рядом образов «пошлых» чиновных обывателей, не отвечающих масштабам задач Российской империи.

Обличение современников, позорящих дворянское звание, составляет одну из главных тем гоголевского творчества. Таким позором для этого важнейшего, по Гоголю, русского сословия являются малороссийские «злокачественные дворяне» Иван Иванович и Иван Никифорович в Повести о ссоре (I/II: 473). Отнюдь не в похвалу, а в обличение себе всячески подчеркивают они в порочащих их судебных исках свое «благородное» происхождение. «Пятном» на дворянском сословии является гордящийся своим дворянством петербургский герой-честолюбец Поприщин в «Записках сумасшедшего». Подобных же «дворян» стыдит героиня-сваха в гоголевской «Женитьбе»: «А еще и дворянин! Видно, только на пакости да на мошенничества у вас хватает дворянства!» (III/IV: 365). Один из героев «Театрального разъезда...» в свою очередь замечает: «А насчет маральности, так и за дворянами это водится» (III/IV: 462). Мошенник Чичиков, попавший во втором томе поэмы за свои проделки в острог, восклицает: «Я — дворянин. Без суда, без следствия, бросить в тюрьму, отобрать всё от меня...»; «Дворянина, дворянина, без суда, без следствия, бросить в тюрьму!» (V; 354, 468).

Эта направленность «сатиры» Гоголя еще более уясняется при сопоставлении содержания «Ревизора» с еще одним его произведением. Весьма значимую смысловую параллель к характеристике Городничего представляют образы другой гоголевской комедии — пьесы «Игроки». С шулером Утешительным из «Игроков», обманывающим искусного мошенника Ихарева, Городничего сближает уже его собственное признание: «Мошенников над мошенниками обманывал; пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду...» (III/IV: 299). Для понимания связи «Игроков» с «Ревизором» следует иметь в виду, что одним из побудительных мотивов создания этой пьесы явился Высочайший указ 1832 г. о запрещении в России пагубных азартных игр. Этот указ был издан в подтверждение прежнего указа «о истреблении непозволенных карточных игр» 1801 г.[96] и целого ряда других

[95] См.: *Ходасевич Вл.* Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 43–44; *Ульянов Н.И.* На гоголевские темы. Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94. С. 103–111; *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 266.

[96] 19938. 11 июля 1801. Именный, данный Санкт-Петербургскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову. — О истреблении непозволенных карточных игр (ПСЗРИ 1. Т. 26. С. 713).

правительственных законов и постановлений, запрещавших азартные игры «в карты, в кости, в зернь и проч.», начиная с XVII в.[97] Указом 1832 г. «картежная игра» была признана в России «благовидной отраслью грабежа», «в одно мгновение отъемлющей достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное, и предающей оное людям, своими поступками позор общества составляющим»[98]. Игроки по этому указу предавались уголовному суду. М.Ю. Лермонтов, подразумевая указ 1832 г., в одной из редакций драмы «Маскарад» (1835) вложил, в частности, в уста своего героя, карточного шулера, следующую реплику: «За то, что прежде, как нелепость, / Сходило с рук не в счет бедам, / Теперь Сибирь грозится нам / И Петропавловская крепость»[99]. Указ 1832 г. о «сборищах для запрещенной картежной игры», которые «местные начальства» должны «открывать» и преследовать как недопустимую в государстве «нравственную заразу»[100], безусловно, имеет в виду Городничий, когда в ответ на заманчивое предложение «ревизора» Хлестакова сыграть в карты, замечает: «Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах» (III/IV: 254).

Близкое «родство» лицемерного плута и любителя карт Городничего с героями «Игроков» с очевидностью еще раз указывает на то, что в «Ревизоре» Гоголь обличал вовсе не «государственную машину», т. е. «власти предержащие» как таковые, но мошенников на чиновничьих местах, шулеров, «разночинцев» — в прямом и переносном смысле. В десятой главе «Мертвых душ» автор не случайно характеризовал главных чиновников губернского города как шайку игроков-мошенников: «Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; […] но когда прочитал в записке *городничего*, что может случиться пожива, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту» (V: 201). Правительство в появлении таких «игроков» на должностных местах было неповинно: оно всегда боролось с этим явлением. Существовал даже указ «О приостановлении производства в чины тех, кои изобличены будут

[97] ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 1. С. 748.

[98] Высочайшие указы, за собственноручным его императорского величества подписанием... // Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1832. 19 марта. № 12. С. 469–470; 5227. 12 марта 1832. Именный, данный Сенату. — О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной картежной игры местными начальствами были открываемы, и все найденные игроки были предаваемы суду для строгого по законам наказания без всякого различия званий и чинов (ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 139–140).

[99] *Лермонтов М.Ю.* Соч.: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 5 / Редактор Б.П. Городецкий. С. 696.

[100] ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 139–140.

в азартных играх, или вообще в игре на большие суммы»[101]. Так что, по этому указу, чин генерала, прельщающий Сквозника-Дмухановского, получен им быть не может.

Комедии «Ревизор» и «Игроки» являются как бы наглядным подтверждением слов Гоголя в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» о том, что «благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, недостойные слабости и привычки в слоях нашего общества и этим подаст от себя помочь и крылья его правдивому закону» (VII: 510).

Как «игрока», шулера, характеризует гоголевского Городничего и сама его фамилия Сквозник-Дмухановский. Если первая половина намекает на его взяточничество (сквозник — дорогой сорт чая; одна из форм тогдашних взяток[102]), а вторая — произведена от украинского слова дмухати — дуть, сквозить (а также — пыхтеть; ударить, хватить; выпить, осушить; побежать, махнуть, удрать)[103], то вместе они напоминают фамилию известного по тем временам московского игрока В.С. Огонь-Догановского, которому, например, А.С. Пушкин проиграл в 1830 г. около двадцати пяти тысяч рублей и который явился потом одним из прототипов игрока Чекалинского в «Пиковой даме».

Как заядлого игрока Сквозника-Дмухановского выдают и его лицемерно-благочестивые рассуждения насчет карт: «Я карт и в руки никогда не брал... […] ...Если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь» (III/IV: 254). Завершая свою речь, герой заявляет: «Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную» (III/IV: 254). В этом Городничий опять-таки вполне сродни организатору шулеров Утешительному в «Игроках»[104], тоже отлича-

[101] ПСЗРИ 1. Т. 42. Ч. 2. С. 1292; 11.275. 16 июня 1761. Сенатский. — О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры (ПСЗРИ 1. Т. 15. С. 731–732).

[102] См.: *Виноградов И.А.* Князь В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь и «Журнал Министерства внутренних дел»: К постановке проблемы // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 65. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 3).

[103] Первоначально фамилия городничего была Сквозник-Прочуханский (*Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 229, 239, 283). Согласно малороссийской поговорке, внесенной Гоголем в «Книгу всякой всячины», «прочухана дать (высечь, проучить)» (IX: 555). Такое именование части фамилии Городничего характеризовало его с «распекательной» стороны.

[104] «Притворство Утешительного (“Слышь, Швохнев, карты, а?”) имеет много общего с уверениями городничего, что он за грех считает убивать за

ющемуся красноречием в лицемерных рассуждениях о добродетели: «Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: “Господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право, увлекусь”. […] Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда. […] ...Проигрыш не так важен, как важно душевное спокойствие» (III/IV: 374, 385).

Одинаково лицемерные речи героев-плутов двух гоголевских комедий: Городничего и Утешительного, — в свою очередь, роднят их с упоминаемым в грибоедовском «Горе от ума» известным «карточным вором», общепризнанной «головой» среди мошенников (еще одним из вероятных прототипов пушкинского Чекалинского[105]) графом Ф.И. Толстым («Американцем»): «Когда ж об честности высокой говорит, […] Глаза в крови, лицо горит, / Сам плачет, и мы все рыдаем»[106].

Следование Гоголя в его обличениях законным правительственным постановлениям проявляется в «Ревизоре» в еще одном — самом очевидном — сатирическом мотиве комедии — в обличении взяточничества. Одновременно с указом о запрещении азартной карточной игры в том же 1832 г. в России по Высочайшему повелению был издан сенатский указ о «воспрещении приношений от обществ лицам начальствующим»[107]. Этот указ был не единственным: он вышел в подтверждение целых трех прежних указов о лихоимстве.[108] Той же цели служил и указ 1826 г. «О составлении […] комитета […] для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и ли-

картами драгоценное время; в первом случае Ихарев отвечает про себя: “Да полно тебе корчить!”, а во втором — Лука Лукич замечает в сторону: “А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей”» (*К и М*. Женитьба и Игроки Н.В. Гоголя. К 50-летию этих комедий на сцене // Ежегодник Императорских театров. Сезон 1891–1892. СПб., 1893. С. 362).

[105] *Федута А.И*. Еще раз об образе игрока в «Пиковой даме». Об одном из возможных прототипов Чекалинского // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. Сборник научных трудов. СПб.: Росток, 2016. С. 263–266.

[106] *Грибоедов А.С*. Горе от ума: Комедия в четырех действиях, в стихах. М.: В тип. Августа Семена, 1833. С. 143.

[107] 5223. 9 марта 1832. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспрещении начальствующим лицам принимать приношения от обществ (ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 135–136).

[108] 20.030. 11 октября 1801. Именный, данный Сенату. — О запрещении начальникам губерний принимать от градских людей подарки (ПСЗРИ 1. Т. 26. С. 800–801); 25.028. 11 октября 1812. Сенатский, в следствие Именного. — О воспрещении приносить подарки начальникам губерний и другим чиновникам (ПСЗРИ 1. Т. 32. С. 217); 28.715. 2 августа 1821. Высочайшее повеление, объявленное комитету министров. — О воспрещении делать приношения начальникам губерний и другим лицам (ПСЗРИ 1. Т. 37. С. 796).

ходательства»[109]. В 1837 г. вышел также «Высочайше утвержденный общий наказ гражданским губернаторам», где особо подчеркивалась ответственность губернаторов за взяточничество подведомственных чиновников[110]. В этом свете гоголевский Городничий, являющийся представителем власти в провинциальном городе, мечтающий о повышении и переезде в Петербург, на деле — как нарушитель государственных законов и постановлений — одновременно является противником и даже врагом власти.

Тема измены чиновников-мошенников государственным интересам — и лично государю («Верность к службе императорского величества» предписывалась им законом[111]) — звучит с первых строк пьесы: «Министерия нарочно отправляет чиновника, чтоб узнать, нет ли где измены» (VII: 381). Согласно редакции комедии 1841–1842 гг., чиновники, предполагая дать взятку Хлестакову, рассуждают: «Опасно […] раскричится: государственный человек... […] [Скажет: что вы, кому вы, да как вы смеете, хотите, чтоб я изменил государю?]»[112] (фраза в квадратных скобках исключена цензором). Из осторожности судья Ляпкин-Тяпкин предлагает дать взятку Хлестакову «в виде какого-нибудь приношения или пожертвования на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя» — «в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник»[113]. В этом судейский чиновник обнаруживает знакомство с указом о взятках 1832 г., где в качестве исключения московскому городскому голове И.М. Ярцову *разрешалось* принять добровольное пожертвование от купечества на сооружение памятника действующему военному генерал-губернатору князю Д.В. Голицыну[114]. Дополнительный авторский комментарий к подобного рода «пожертвованиям» можно найти опять-таки в «Игроках», в реплике шулера Замухрышкина: «Вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или

[109] 328. 11 мая 1826. Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное министром юстиции. — О составлении, при общем собрании С.-Петербургских департаментов сената, комитета из трех сенаторов и одного обер-прокурора, для соображения существующих законов к искоренению лихоимства и лиходательства (ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 435).

[110] 10303. 3 июня 1837. Высочайше утвержденный общий наказ гражданским губернаторам (ПСЗРИ 2. Т. 12. С. 433).

[111] 15.379. 8 апреля 1782. Устав благочиния или полицейский (ПСЗРИ 1. Т. 21. С. 465).

[112] См.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 4. С. 57, 460–461.

[113] См.: Там же. С. 461, 57.

[114] 5223. 9 марта 1832. Сенатский, по Высочайшему повелению. — О воспрещении Начальствующим лицам принимать приношения от обществ // ПСЗРИ 2. Т. 7. С. 135.

так. […] А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках» (III/IV: 397).

Очевидно, что пафос гоголевских обличений направлен вовсе не против правительства, а против недостойных исполнителей его воли. Это Гоголь подчеркивал в неотправленном письме к Белинскому, в «Театральном разъезде...». В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он добавлял: «Наши […] плуты и взяточники […] умеют обойти всякий указ... […] ...Куды ни обращусь, вижу, что виноват применитель, стало быть наш же брат...» (VI: 79). Однако не только к правительству, но и к дворянскому служилому сословию, к тому же недостойному Городничему, Гоголь тоже относился совсем не так, как это пытались представить современные писателю и последующие радикальные критики. Несмотря на негативные явления, Гоголь, обличая чиновников, порочащих дворянское звание, был убежден в том, что «у нас дворянство есть цвет нашего же народа» (VI: 147), что следует «ввести дворянство в познанье истинное своего званья» (VI: 146): «Сословие это в своем истинно русском ядре прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышит. […] Дворянство у нас есть как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей Русской земли затем, чтобы подать понятие всем прочим сословиям, почему сословие высшее называется цветом народа» (VI: 146, 148).

Главным в гоголевских обличениях был отнюдь не пафос политических преобразований, а христианская, требовательная любовь к человеку и пастырский призыв к избавлению от коренящихся в падшей человеческой природе пороков. Другой, политизированный взгляд на «Ревизора» Гоголь называл поверхностным и «невежественным». 15 мая 1836 г. он писал М.П. Погодину по поводу премьеры «Ревизора»: «Невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины...» (XI: 54–55). С годами, впрочем, это «невежество» в понимании сути гоголевских обличений только возрастало. «Какое невежество блещет на всякой странице», — писал в 1847 г. Гоголь Белинскому в ответ на его зальцбруннское письмо (XIV: 387). В «Авторской исповеди» он добавлял: «С тех пор как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком [человека], но даже […] и над […] самою должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидал, что нужно со смехом быть очень осторожным, — […] стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела,

как уже вослед за ним тот, кто *потупее* и *поглупее*, будет смеяться над всеми сторонами дела» (VI: 225).

В день премьеры «Ревизора» 19 апреля 1836 г. инспектор российской театральной труппы А. И. Храповицкий на афише пьесы записал: «Государь император с наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество»[115]. Имея в виду высокую оценку «Ревизора» государем — и при представлении на сцене («Государь даже велел министрам ехать смотреть “Ревизора”»[116]), и при предварительном одобрении к печати, Гоголь отвечал своим недоброжелателям: «[Высоким и разумным движением было подвинуто ко мне правительство наше.] Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего»[117] («Театральный разъезд после представления новой комедии»).

Возражая на радикальные толкования «Ревизора», Гоголь выступал с защитой дворянства: «Большею частью заслуги пред царем, народом и всей землей Русской возводили у нас в знатный род людей из всех решительно сословий. […] В награду за доблести, за испытанную честную службу даются ему в управленье крестьяне, даются ему, как просвещеннейшему, как ставшему выше пред другими, — в предположении, что такой человек, кто лучше других понял высокие чувства и назначение, может лучше править, чем какой-нибудь простой чиновник, выбираемый в заседатели, или капитан-исправники. Вольно было помещикам, позабывши эту высокую обязанность, глядеть на крестьян как на предмет только дохода для своей роскоши и увеселений. Этим они ничуть не доказали, что государи были неправы, а доказали только, что они сами уронили званье помещика. […] Дворянство должно быть сосудом и хранителем высокого нравственного чувства всей нации, рыцарями чести и добра, которые должны сторожить сами за собою» («О сословиях в государстве»; VI: 319). Этим строкам соответствуют и размышления Гоголя о «русском дворянстве» в «Тарасе Бульбе» (I/II: 308).

Не лишне указать и на то, что в роду писателя было три именитых украинских правителя — три малороссийских гетмана: гетман Евстафий Гоголь, гетман Петр Дорошенко, гетман Иван Скоропадский. Можно сказать, что государственное мышление Гоголь унаследовал

---

[115] *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). Т. 2. С. 515.

[116] Там же.

[117] *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. Т. 5. С. 387.

на «генетическом» уровне, через традиции семьи. Но даже в образах казацких, близких душе (и родственных по крови) «малороссийских» героев, изображенных в «Страшной мести» и «Тарасе Бульбе», Гоголь тоже показал немало черт, мешающих им осуществлять их высокое призвание (пьянство, падкость на соблазны, несоблюдение постов, вспыльчивость, склонность к раздорам, корыстолюбие, мстительность и пр.). Судя по всему, в своем пастырском обличении, своем «смехе сквозь слезы» (V: 130), Гоголь прямо руководствовался словами св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам. Здесь апостол объяснял причины суровости, с какой он обличал коринфян в предшествующем, Первом послании: «От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам» (гл. 2, ст. 4).

Своеобразным продолжением главной гоголевской комедии, развивающей действие пьесы с момента появления в ней «настоящего ревизора», можно назвать речь генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ». Эта речь, в которой Гоголь однозначно встает на точку зрения верховной власти, обращена к погрязшим в неправде и взяточничестве чиновникам города Тьфуславля — тоже являющих собой, по своим качествам, не настоящих дворян, а, согласно оценке Гоголя, «низких разночинцев»: «Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего теченья. […] ...Никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как [ни] ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем к надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против [врагов], так должен восстать против неправды. […] Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятье какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку» (V: 368–369).

В другом наброске к поэме Гоголь продолжает: «Помещики, они позабыли свою обязанность. […] Или нельзя […] на них подействовать, или они не лучше других воспитали [понятье о чести]. Или не восприимчивее […] их душа, чем необразованного человека? Или на голос Отчизны не откликнулось дело их? Или не из среды их мелькнули Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцевы и ряды героев самоотверженья, которых не уместит на страницах своих подробнейшая летопись» (V: 660).

Предпринятый анализ показывает, что гоголевская «сатира» направлена не против правительственной власти, но против недостойных исполнителей воли правительства — против тех «низких разночинцев», которые, по их служению собственному я, продолжают оставаться таковыми даже с получением дворянского чина. На эту направленность своей «сатиры» прямо и недвусмысленно указывал сам Гоголь. В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» он писал: «Вот уже почти полтораста лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза... […] ...Правительство во все время действовало без устани. […] Сверху раздавались иногда такие вопросы, которые свидетельствуют о рыцарски великодушном движенье многих государей... […] А как было на это всё ответствовано снизу? Дело ведь в примененье...» (VI: 78–79).

Об этом же проправительственном направлении «сатиры» Гоголя говорят два его произведения, являющиеся прямым авторским комментарием к «Ревизору», — «Театральный разъезд...» и «Развязка Ревизора». Размышляя о зрительской оценке уездной компании жуликов, возглавляемых Городничим (подобных шайке «игроков» в одноименной пьесе), писатель замечал: «Верен […] простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг... […] ...Он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что побледнеют пред ним имеющие нечистую совесть» (III/IV: 446). В «Развязке Ревизора» Гоголь заключал: «Взглянем на себя […] глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей... […] Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем государстве! Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев!» (III/IV: 493–494).

Таким образом, изучение послужного списка Городничего, его «биографии» и прототипов позволяет определить гоголевский авторский замысел «Ревизора» как пьесы, обличающей недостойных исполнителей воли монарха, тех дворян и разночинцев, которые не отвечают высокому призванию, возложенному на них правительством. «Сатирический» пафос Гоголя никогда не был направлен ни против правительства, ни против добросовестно исполняющего свой долг служилого дворянства. С предельной искренностью и остротой писатель выступал за «оздоровление», исправление недостатков и пороков своего времени, без «задней мысли» о смене политической системы общества.

Литература

Виноградов И.А. «Дело, взятое из души» // *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т., 15 кн. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. V. С. 530–571.

Виноградов И.А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1. 904 с.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 3. С. 7–18; № 4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): В 7 т. Т. 1, 2, 4, 6. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. 736, 672, 704, 656 с.

Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 4. С. 29–114.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь в Одессе. Забытые свидетельства современников (письмо протоиерея Анатолия Корочанского и воспоминания Н.И. Савича) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 403–415.

Виноградов И.А. Князь В.Ф. Одоевский, Н.В. Гоголь и «Журнал Министерства Внутренних Дел»: К постановке проблемы // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В.Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 58–70.

Виноградов И.А. Эволюция текста: Авторский комментарий Н.В. Гоголя к поэтике комедии «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 146–174.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т., 15 кн. Т. I/II, III/IV, V, VI, VII, IX, X, XI, XII, XIV / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. 664, 688, 680, 744, 816, 967, 392, 488, 704, 608 с.

Розсоха Л.О. Миргородщина козацка і гоголівська. Київ: ТОВ «ВБ "Аванпост-прим"», 2009. 396 с.

Федута А.И. Еще раз об образе игрока в «Пиковой даме». Об одном из возможных прототипов Чекалинского // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 32. Сборник научных трудов. Санкт-Петербург: Росток, 2016. С. 263–266.

References

Vinogradov I.A. “Delo, vziatoe iz dushi” [“Case taken from the soul”]. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. (15 kn.)* [Complete works and letters, in 17 vols. (15 books)], comp., ed. and comment. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009, vol. 5, pp. 530–571. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Gogol' v vospominaniiakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyi sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv: V 3 t.* [Gogol in contemporaries' memoirs, diaries and correspondence. Full systematic set of documentary evidence, in 3 vols.]. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011. Vol. 1. 904 c. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Blazhenny mirotvortsy. Ot Povesti o ssore k zamyslu "Mertvykh dush" [Blessed are the peacemakers. From the Tale of the quarrel to the concept of "Dead Souls"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. series 9: Philology, 2017, no. 3, pp. 7–18, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.)

Vinogradov I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): V 7 tomah* [Chronicle of N.V. Gogol's life and work (1809–1852), in 7 vols.], vol. 1, 2, 4, 6. Moscow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018. 736, 672, 704, 656 p. (In Russ.)

Vinogradov I.A. "Ogorchennye liudi" v tvorchestve N.V. Gogolia ["Grieving people" in N.V. Gogol's works]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 29–114. (In Russ.)

Vinogradov I.A. N.V. Gogol' v Odesse. Zabytye svidetel'stva sovremennikov (pis'mo protoiereia Anatoliia Korochanskogo i vospominaniia N.I. Savicha) [Gogol in Odessa. Forgotten testimonies of contemporaries (letter of Archpriest Anatoly Korochansky and memoirs of N.I. Savich)]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 403–415. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Kniaz' V.F. Odoevskii, N.V. Gogol' i "Zhurnal Ministerstva Vnutrennikh Del": K postanovke problemy [Prince V.F. Odoevsky, N.V. Gogol and the "Journal of the Ministry of Internal Affairs": On the statement of the problem]. *Literatura i filosofiia: Ot romantizma k XX veku. K 150-letiiu so dnia smerti V.F. Odoevskogo* [Literature and philosophy: From Romanticism to the 20th century. On the 150th anniversary of V.F. Odoevsky's death], ed. and comp. E.A. Taho-Godi. Moscow, Vodolei Publ., 2019, pp. 58–70. (In Russ.)

Vinogradov I.A. Evoliutsiia teksta: avtorskii kommentarii N.V. Gogolia k poetike komedii "Revizor" [The evolution of the text: N.V. Gogol's comment on the poetics of the comedy "The Government Inspector"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 146–174. (In Russ.)

Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 17 t. (15 kn.)* T. *I/II, III/IV, V, VI, VII, IX, X, XII, XIV* [Complete works and letters, in 17 vols. (15 books) . Vol. 1/2, 3/4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 14], comp., ed. and comment. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Moscow Patriarchy Publ., 2009–2010. 664, 688, 680, 744, 816, 967, 392, 488, 704, 608 p. (In Russ.)

Rozsokha L.O. *Mirgorodshchina kozatska i gogolivs'ka* [Myrhorod region in Cossack and Gogol time]. Kyiv, VB "Avanpost-prim" Publ., 2009. 396 p. (In Ukrainian)

Feduta A.I. Eshche raz ob obraze igroka v "Pikovoi dame". Ob odnom iz vozmozhnykh prototipov Chekalinskogo [Rrevisiting the image of the gambler in "The Queen of Spades". On one of the possible prototypes of Chekalinsky]. *Vremennik Pushkinskoi komissii* [Temporary of the Pushkin Commission]. Issue 32. Collection of scientific papers. St. Petersburg: Rostock Publ., 2016, pp. 263–266. (In Russ.)

The Mayor's career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's political views

© 2020, Igor Vinogradov

Abstract: The paper is devoted to the study of Nikolai Gogol's idea of the social and official status of the Mayor, the character of a "head official" in the satirical comedy The Government Inspector. So far Gogol's view of his character as a raznochinets, a "mean plebeian", who blemished his rank and position, hasn't been considered by the scholars. In Gogol's opinion, Skvoznik-Dmukhanovsky, who started his career from the lowest position and acquired his rank and title of nobility with "hard service", nevertheless hasn't become a true nobleman because of his bribery and corruption. From this perspective, the character of the Mayor helps to better understand the purpose of Gogol's satire. Both in The Government Inspector and The Gamblers, another Gogol's play, that has much in common with his most famous comedy, the satire is not aimed at "those in power", nor the "state machine", but at all kinds of frauds and swindlers among officials. Critically examining the state administration in Russia, Gogol shows them through the eyes of a high-ranking, responsible official who takes the problem very much to heart. This point of view resonated with that of the Emperor Nicholas I: it took his personal intervention to have the play published and staged. The paper consists of five parts: 1. The Mayor's career; 2. Character archetypes in The Tale of How Ivan Ivanovich Quarreled with Ivan Nikiforivich and The Government Inspector; 3. Characteristic features of an "average official" in Gogol's works; 4. The Mayor as a liminal character; 5. Gogol's use of satire. The paper is based on extensive factual material that allows to trace in detail the Mayor's career and to specify Gogol's idea of the comedy as a satiric play aimed at obnoxious saboteurs, both nobles and commoners, who subvert the royal power and the state with their unworthy behavior, who are unfit for the positions they occupy and unable to meet the requirements of the supreme authority. The milestones of the Mayor's career clearly confirm Gogol's words that "the government consists of us, we climb the career ladder and make up the government", that "the occupant of the position is to be blamed, and he is our brother", and that readers and should be able to find with themselves the faults satirized in the comedy. With utmost sincerity and acuteness Gogol advocates healing self and society, extirpation of vices without the hidden agenda of changing political regime. The paper for the first time considers the connection between two scenes ("Anna Andreevna and Maria Antonovna". "Khlestakov and Rastakovsky") published in 1841 and the idea of The Government Inspector.

Keywords: Gogol, biography, works, interpretation, character typology, radicalism, conservatism, spiritual heritage.

Information about the author: Igor Vinogradov, Doctor Hab. in Philology, Chief Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: info@imli.ru

Citation: Vinogradov Igor. The Mayor's career in "The Government Inspector". On Nikolai Gogol's political views. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 237–282. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-237-282

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-283-295
УДК 821.161.1

«Спесь» Батюшкова (О стихотворении Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат...»)

© 2020, М.Г. Альтшуллер

Аннотация: В статье уточняются возможные источники стихотворения О.Э. Мандельштама «Нет не луна, а светлый циферблат...» (1912, первая публикация — 1913 г.). Предлагается новая интерпретация отсылок к К. Батюшкову, не раз становившихся предметом размышлений современников поэта и исследователей. По мнению автора статьи, теоретически утверждая «вещность» (даже сверхвещность, квинтэссенцию вещности) окружающего мира как самую сущность поэзии, Мандельштам вступает в последовательный спор с сошедшим с ума гениальным поэтом, а через Батюшкова — с символизмом как определенным миропониманием и отражающей его художественной системой. В стихотворении задается противопоставление явлений жизни, живущих в реальном времени зыбкой вечности символизма, которое вписывается в общий контекст книги «Камень». В результате подробного анализа делается вывод о том, что небольшое стихотворение Мандельштама «Нет, не луна...» сыграло заметную роль в истории русской поэзии. В нем на самом начальном этапе отразилось противопоставление (борьба) двух важнейших поэтических систем Серебряного века — символизма и акмеизма.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, «Камень», К.Н. Батюшков, символизм, акмеизм, космогония.

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер, к.ф.н, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu

Цитирование: *Альтшуллер М.Г.* «Спесь» Батюшкова (О стихотворении Мандельштама «Нет, не луна, а светлый циферблат…») // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 283–295. DOI 10.22455/2541- 8297-2020-15-283-295

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность.

И Батюшкова мне противна спесь:
Который час? — его спросили здесь,
А он ответил любопытным: вечность!

В небольшом (количественно) поэтическом наследии Мандельштама стихотворение «Нет, не луна ...» занимает заметное место. Впервые оно напечатано в 1913 г. в маленькой книжке Мандельштама под названием «Камень». Фактическая основа странного и резкого, почти грубого упоминания Батюшкова общеизвестна. В 1885–1887 гг. вышло большое трехтомное собрание сочинений Батюшкова, подготовленное Л.Н. Майковым и В.И. Саитовым. Там была напечатана написанная на немецком языке записка доктора Антона Дитриха «О болезни русского императорского надворного советника и дворянина господина Константина Батюшкова». Очевидно, что Мандельштам, давний почитатель поэзии Батюшкова, внимательно прочел обстоятельный и профессиональный рассказ о страшной психической болезни гениального поэта. Вот большой фрагмент из этой записки, несомненно, послуживший основой маленького стихотворения Мандельштама:

«Он (Батюшков. — *М.А.*) принадлежит исключительно великой всеобъемлющей природе, поэтому ему ненавистно почти всё, что напоминает обывательские правила и порядок. Поэтому он спрашивал сам себя несколько раз во время путешествия, глядя на меня с насмешливой улыбкой и делая движение, как будто бы он достает часы из кармана: “'Который час?” — и сам отвечал себе: “Вечность”. Поэтому он с неудовольствием смотрел, как зажигают фонари, полагая, что освещать нам дорогу должны луна и звезды. Поэтому он почитал луну и солнце почти как Бога. Потому он утверждал, что встречается с ангелами и святыми, среди которых он особенно называл двоих: Вечность и Невинность. Его больной дух встречает повсюду вне земного мира лишь мирные и возвышающие душу зрелища, а внутри него — ничего, кроме противоречий и враждебных противоположностей, которые его озлобляют»[1].

А в 1912 г., когда было написано стихотворение, Мандельштам мог прочесть и, очевидно, прочел в новом романе Мережковского «Александр Первый», печатавшемся в «Русской мысли», раздумья

[1] Цит. по: *Майков Л.Н.* Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001. С. 500 – 501.

императора: «Который час? — Вечность. — Кто это сказал? Да сумасшедший поэт Батюшков, — намедни Жуковский рассказывал...»[2]

Никак нельзя согласиться с утверждением И.З. Сурат, походя высказанном в интересной и содержательной статье, что «именно к этому внутреннему монологу царя у Мережковского (а не к мемуару немецкого врача Батюшкова, напечатанному в юбилейном издании его сочинений 1887 г.) текстуально восходит мандельштамовское стихотворение 1912 г. “Нет, не луна, а светлый циферблат...”»[3]. Мандельштам внимательнейшим образом прочел записку Дитриха и детально на нее откликнулся, упомянув не только *вечность*, но и *луну*, и *звезды*, и *часы* (циферблат). А цитирование слов Батюшкова в романе очень известного писателя, напечатанном в одном из самых популярных русских журналов, вероятно, всколыхнуло память и послужило импульсом к созданию стихотворения, очень важного для эволюции творчества Мандельштама и вообще для истории русской поэзии.

В рецензии на первое издание «Камня» Гумилев писал: «“Камень” О. Мандельштама — первая книга поэта, печатающегося уже давно. В книге есть стихи, помеченные 1909 годом. Несмотря на это, всех стихотворений десятка два. Это объясняется тем, что поэт сравнительно недавно перешел из символического лагеря в акмеистический и отнесся с усугубленной строгостью к своим прежним стихам, выбирая из них только то, что действительно ценно. Таким образом, книга его распадается на два резко разграниченных раздела: до 1912 года и после него»[4]. Можно думать, что Гумилев, который дал книжке ее название[5], принимал самое значительное участие в составлении сборника. Может быть, именно по его совету разбираемое стихотворение помещено в самой середине маленькой книжки: 13-м из 23-х. При этом Гумилев уделил маленькому тексту самое пристальное внимание: «Уже на странице 14 своей книги О. Мандельштам делает важное признание: “Нет, не луна, а светлый

---

[2] *Мережковский Д.С.* Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990. Т. 3. С. 134. Мандельштам внимательно читал этот роман, как и всю трилогию. См. об этом в упоминаемой ниже статье И.З. Сурат. Там же краткая ссылка на литературу вопроса (примеч. 44). См. также: *Лекманов О.А.* Соединивший прошлое с будущим (о стихотворении «Заснула чернь. Зияет площадь аркой») // Лекманов О.А. Опыты о Мандельштаме. М., 1997. (Ученые записки Московского культурологического лицея. № 1310. Сер. Филология; Вып. 1–2). С. 40–47.

[3] *Сурат И.* Ничей современник // Новый мир. 2010. № 3. С. 177–190.

[4] *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 174.

[5] «По сообщению Р. Тименчика, осуществившееся название книге дал Н. Гумилев» (*Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. С. 525). См. также: *Мец А.Г.* «Камень» (к творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 279.

циферблат сияет мне...". Этим он *открывает двери в свою поэзию для всех явлений жизни*, живущих во времени, а не только в вечности или мгновении: для казино на дюнах[6], царскосельского парада, ресторанного сброда, похорон лютеранина»[7].

Таким образом, с точки зрения Гумилева, в маленьком стихотворении, напечатанном в середине маленькой книжки, молодой автор начинает полемику с символизмом, хотя, на первый взгляд, там лишь резко, даже грубо, отвергается взгляд сумасшедшего поэта на мир. Батюшков, по словам врача, существовал «вне земного мира», а на земле видел «лишь противоречия и враждебные противоположности». Эта антиномия легко вписывается в противопоставление двух поэтических систем — символизма и акмеизма.

М.Л. Гаспаров справедливо писал, несколько приуменьшая значение акмеизма: «Программа акмеизма в "Аполлоне" сводилась к двум не очень оригинальным тезисам: во-первых, конкретность, вещественность, посюсторонность; во-вторых, мастерство. В поэтике символизма все слова о земной действительности должны были служить намеками на высшую действительность — уводить a realibus ad realiora, от реального к реальнейшему <...> на этом недоступном фоне иных миров и приобретала особое значение сосредоточенность акмеистов на здешнем мире»[8]. О том же говорил Мандельштам в статье «Утро акмеизма», написанной (по крайней мере, первый вариант) как раз в 1912–1913 гг.[9]: «Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя — вот высшая заповедь акмеизма»[10].

Теоретически утверждая «вещность» (даже сверхвещность, квинтэссенцию вещности) окружающего мира как самую сущность поэзии, Мандельштам вступает в последовательный спор с сошедшим с ума гениальным поэтом. И через Батюшкова — с символизмом.

Спор начинается с первой строки. Батюшков, как рассказывает его врач, не смотрит на часы: циферблат для него — луна, солнце, а время — вечность и звезды. «Нет, не луна, а... циферблат» светит мне, — утверждает молодой поэт, имея в виду вполне реальный циферблат реальных часов с подсветкой (поэтому *светлый*), существу-

[6] Гумилев указывает на несколько стихотворений, в основном из второй половины книжки: «Казино» (№ 3), «Царское село» (№ 16, царскосельский парад), «Золотой» (№ 17, ресторанный сброд), «Лютеранин» (№ 21, похороны лютеранина).

[7] *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии. С. 174–175.

[8] *Гаспаров М.Л.* Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 332.

[9] Цит. по: *Мандельштам О.* Камень. С. 334–335.

[10] Там же. С. 189. Ср.: *Гаспаров М.Л.* Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама). С. 332.

ющий в земном мире. Л.Я. Гинзбург вспоминала рассказ Гумилева: «Однажды поздним вечером, когда акмеисты компанией провожали Ахматову на Царскосельский вокзал, он (Гумилев. — *М.А.*) прочитал их (стихи «Нет, не луна...» — *М.А.*), указывая на освещенный циферблат часового магазина»[11].

Так начинается противопоставление явлений жизни, существующих в реальном времени, зыбкой вечности символизма. Затем в «Камне» следуют стихи, в которых появляются отмеченные Гумилевым явления жизни реальной: вода зеленоватая, тонкий луч на скатерти измятой («Казино»); желтый туман, пьяная орава («Золотой»); казармы, парки и дворцы, крепкое седло, мощи фрейлины седой («Царское село»); ленивые подковы, осенние розы («Лютеранин»).

Следующие две строки переносят нас с земли в небо. Для сумасшедшего, Батюшкова, по словам Дитриха, луна и звезды божественны, а небо — обитель ангелов, звезды находятся «вне земного мира», это «возвышающее душу зрелище». Этому представлению о космосе возражает Мандельштам: «Слабых звезд я осязаю млечность». У Батюшкова звезды находятся «вне земного мира». Мандельштам смотрит с земли на *слабые звезды*, образующие *млечность*, т.е. хорошо известный, понятный и видимый не только астрономам Млечный Путь, образующий нашу Галактику, мельчайшей частью которой является наша Земля[12]. И она для поэта отнюдь не скопление «противоречий и враждебных противоположностей».

Отталкиваясь от Батюшкова, Мандельштам вступает в полемику с поэтическим миром символизма, каковой мы видим, например, во взятом почти наугад образцово символичном стихотворении Блока:

Восходя на первые ступени,
Я смотрел на линии земли.
Меркли дни — порывы исступлений
Гасли, гасли в розовой дали.
Но томим еще желаньем горя,
Плакал дух, — и в звездной глубине
Расступалось огненное море,
Чей-то сон шептался обо мне... (1908)[13]

[11] *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Новое собрание. М., 1999. С. 20. Рассказ Гинзбург еще раз свидетельствует о том, какое значение для идей акмеизма придавал этому стихотворению Гумилев.

[12] Кстати, в стихотворении «Я по лестнице приставной...» (1922) тот же эпитет, по-видимому, снова употребляется в соотнесении с Млечным Путем: «Я дышал звезд млечных трухой, / Колтуном пространства дышал». Такое понимание подкрепляется космическими образами стихотворения: «Звезд в ковше Медведицы семь. / ...Распряженный огромный воз / Поперек вселенной торчит».

[13] *Блок А.* Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 1. С. 137.

Здесь разрушены все понятия и представления обыденного мира: верха и низа (*море в вышине*), действия становятся невообразимыми (*дух плакал*, *сон шептался*), звезды становятся *звездной глубиной*, в которой почему-то появляется *море*, к тому же еще и *огненное*. И в завораживающих стихах проступает истинный, идеальный мир, бледное отражение которого люди видят на стене платоновской пещеры.

Подобное восприятие действительности глубоко чуждо новому Мандельштаму, и, как будто сжигая отринутое символистское прошлое, в следующем стихотворении «Камня» он запальчиво пишет энергичными короткими строчками:

Я ненавижу свет
Однообразных звезд...

Бездонному вечному неопределенному небу с его звездами, символами непостижимого, непонятного мира, противостоит твердое, осязаемое, сущное — камень, давший название всему сборнику:

Здравствуй мой давний бред —
Башни стрельчатой рост!
Кружевом, камень, будь
И паутиной стань...

Это сущное, осязаемое живое бытие побеждает пустоту неба, воображаемого символистского:

Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань!

Во второй строфе разбираемого стихотворения (последующих трех строках) автор формулирует его главную оппозицию: *здесь* и *вечность*. *Здесь* — это на земле, в живом, осязаемом материальном мире. Батюшкову обычные люди, любопытные, задали ординарный вопрос, который любой прохожий может задать встречному: «Который час?» Поэт ответил высокомерно, отослав обыкновенных людей к неопределенности символического мира, к *вечности*.

Что такое зыблемая вечность туманного мира символизма, Мандельштам понимал и чувствовал очень хорошо. В стихотворении, посланном Вяч. Иванову — учителю, мэтру, молодой поэт пытался объяснить себе принципиально необъяснимое и важнейшее для по-

этики символизма слово/понятие *вечность*, от которого он яростно будет отталкиваться спустя несколько лет:

Не говорите мне о вечности —
Я не могу ее вместить. <...>
Я слышу, как она растет
И полуночным валом катится.
Но — слишком дорого поплатится,
Кто слишком близко подойдет (1909).

В «Камень» стихотворение не вошло и при жизни автора вообще не было напечатано. Отбирая стихи для первой книги и начиная ее стихами «символическими», на первое место Мандельштам поставил известное «Дыхание», где находим такие строки:

Я и садовник, я же и цветок,
В темнице мира я не одинок.

На стекла вечности уже легло
Мое дыхание, мое тепло,

Запечатлеется на нем узор,
Неузнаваемый с недавних пор.

В этих строках личность автора растворяется в небытии, в метафоре каких-то, видимо, отражающихся друг в друге стекол. И даже *узор* той индивидуальной, неповторимой личности, которая постулировалась в начале этих знаменитых стихов («Дано мне тело — что мне делать с ним, / Таким единым и таким моим»), *запечатлевается* на / в этих стеклах уже *неузнаваемым*, ибо, как говорил поэт в стихах 1909 г., *дорого поплатится*, кто *слишком близко подойдет* к вечности.

Тут же возникает и *мгновение* (для Гумилева неизбежный антонимичный спутник вечности в зыбкой вневременной, колеблющейся поэтике символизма):

Пускай мгновения стекает муть —
Узора милого не зачеркнуть.

То есть даже мгновение, которое противопоставлено вечности, потому что оно эту вечность уничтожает (то, что мгновенно, не может быть вечным), не в состоянии перечеркнуть *узора* личности,

которая вроде бы стала неузнаваема, растворилась в бликах зеркальных стекол вечности.

Думается, что первое стихотворение «Камня» подсказало Гумилеву в его рецензии инвективу против туманных, зыбких, лишенных конкретности категорий символизма: вечности и мгновения.

Вторая строфа стихотворения начинается с резкого, почти грубого упоминания имени Батюшкова. Становится очевидным, что автор строит свою поэтическую систему в споре с космогоническими высказываниями сумасшедшего поэта. Прежде всего, следует заметить, что слово *противный* в данном контексте, по-видимому, не имеет распространенного в современном языке значения «отвратительный», «очень неприятный». Здесь имеется в виду его изначальный, исходящий из этимологии смысл: «противостоящий», «неприемлемый», «то, с чем невозможно согласиться», даже «враждебный»; ср. в «Борисе Годунове»: «Противен мне род Пушкиных мятежный»[14].

В то же время слово *спесь*[15] носит очень явственные отрицательные, даже грубые коннотации: «чванство», «высокомерие». Настолько, что при подготовке второго издания «Камня» книгоиздатель М.В. Аверьянов исключил стихотворение из книги. Для Мандельштама оно было принципиально важным. Он, очевидно, был согласен с Гумилевым и свою «акмеистическую» творческую жизнь начинал именно с этих стихов. Вернув текст в книгу, он написал издателю: «Очень просил бы Михаила Васильевича согласиться со мной относительно “Батюшкова”, о котором я *много думаю*. Пусть это будет по-моему, не возбуждая спора»[16].

Почему же так грубо высказался Мандельштам о поэте, которого любил и которым восхищался? «Помню месяцы его увлечения Батюшковым, — вспоминал С.И. Липкин, — он написал о нем упоительное стихотворение <...>. Он рассказывал о Батюшкове с горячностью первооткрывателя <...>, не соглашался с некоторыми критическими заметками Пушкина на полях батюшковских стихов, искал и находил линию Батюшкова в дальнейшем движении русской

[14] С.И. Ожегов дает слово с пометой «книжное» (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд. М., 1989. С. 1561), а у В.И. Даля разговорное значение вообще отсутствует (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1989. Т. 3. С. 519).

[15] У В.И. Даля: «чванство», «тщеславие», «надутость», «гордость», «высокомерие» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 289). В анализируемом тексте особенно очевидны два последних значения.

[16] *Мандельштам О.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С 460.

поэзии...»[17] А.Г. Мец справедливо называет Батюшкова «одним из “вечных спутников” Мандельштама»[18]. В стихотворении 1920 г. «Чуть мерцает призрачная сцена…», в котором возникают ностальгические мотивы Петербурга XIX в., Батюшкову посвящены строки:

Слаще пенья итальянской речи
Для меня родной язык,
Ибо в нем таинственно лепечет
Чужеземных арф родник[19].

Мандельштам, наверное, вспоминает здесь о любви Батюшкова к итальянской литературе, античных мотивах его стихов и пр.

Своим любимым стихотворением Мандельштам в 1932 г. назвал «К другу» Батюшкова[20]. В этих грустных стихах поэт описывает радости бытия материальные и духовные: «шум веселья и пиров», «в вине потопленные чаши», «фалерн», «розы наши», «мудрость светская сияющих умов», «счастья дом», «красота Лилы», «прелесть девственной Хариты». Однако в нашем мире, к сожалению, всё недолговечно и преходяще: «цветок <любви> увы! исчез, как сладкая мечта», «музы светлые сокрылись» и пр. Всё это совсем не похоже на размышления позднего сумасшедшего Батюшкова, который, напомню, видел на земле лишь «противоречия и враждебные противоположности», а вне ее лишь «мирные и возвышающие душу зрелища».

В том же 1932 г. Мандельштам пишет то самое «упоительное» стихотворение «Батюшков», о котором вспоминал Липкин. Позволю себе напомнить читателям несколько строф:

Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живет.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поет. <...>

Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашел от смущения слов:
Ни у кого этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов... <...>

[17] *Липкин С.* Угль, пылающий огнем. Встречи и разговоры с Осипом Мандельштамом // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 306.
[18] *Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений. С. 588.
[19] *Липкин С.* Угль, пылающий огнем. С. 306.
[20] Там же. Ср.: *Мандельштам О.* Стихотворения. Л., 1973. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 293 (коммент. Н.И. Харджиева).

И отвечал мне оплакавший Тасса:
Я к величаньям еще не привык;
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык...

Стихотворение начинается (2-я строка): «Батюшков нежный со мною живет». Комментаторы отмечают, что в комнате Мандельштама висел портрет Батюшкова, но дело не только (и, может быть, не столько) в портрете: Батюшков живет в поэтическом мире Мандельштама, а не портретом на стене его комнаты.

Мандельштам рассказывает о встрече с Батюшковым, любуясь и как будто пробуя на вкус стихи поэта. Гуляка Батюшков на ходу «нюхает розу и Дафну поет». Это отсылка к стихотворению «Источник», переложению прозаической «Персидской идиллии» Парни. Мандельштам, думаю, сознательно, заменил «персидскую» Зафну на древнегреческую мифическую Дафну, переместив стихи из Персии в любимую Элладу. В «Источнике» Батюшков воспевает радости бытия:

Дева любви! — я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!

А «говор валов» отсылает к стихотворению «Есть наслаждение и в дикости лесов...», где Батюшков восхищается матерью-природой, которая для сердца дороже, чем люди, и до Тютчева («Silentium!») замолкает перед ее невыразимым величием и красотой:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящемся в пустынном беге. <...>
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них не знаю.

И в горестной элегии «Умирающий Тасс» последние строки, сообщающие о смерти поэта, исполнены живописной, земной выразительности:

...факелов узрели мрачный дым;
И трауром покрылся Капитолий.

Таким — влюбленным в радости бытия, восхищенным его красотой — представлялся Мандельштаму любимый поэт, в уста

которого вкладывает он гениальное определение поэзии, особенно выразительное в поэтической системе акмеизма:

...стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык.

В 1912 г. молодой поэт (ему был 21 год) только что открыл для себя в кругу акмеистов красоту поэтического изображения земного бытия. А роман Мережковского напомнил ему, как в своем безумии любимый поэт вдруг отрекся от прекрасного мира прежних стихов, предпочтя им вечность холодных небес с ангелами и святыми. Только что обращенный в акмеизм прозелит в порыве юношеской запальчивости обвинил любимого поэта в спеси. Позднее Мандельштам вновь отдал должное гению Батюшкова в своем творчестве. Тынянов справедливо заметил, что «мелодия его стиха почти Батюшковская»[21].

Так маленькое (6 строк) стихотворение «Нет, не луна...» сыграло заметную роль в истории русской поэзии. В нем на самом начальном этапе отразилось противопоставление (борьба) двух важнейших поэтических систем Серебряного века — символизма и акмеизма.

Литература

Гаспаров М.Л. Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 327–370.

Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Новое собрание. М.: Захаров, 1999. 463 с.

Лекманов О.А. Соединивший прошлое с будущим (о стихотворении «Заснула чернь. Зияет площадь аркой») // Лекманов О.А. Опыты о Мандельштаме. М.: МКЛ, 1997. (Ученые записки Московского культурологического лицея. № 1310. Сер. Филология; Вып. 1–2). С. 40–47.

Липкин С. Угль, пылающий огнем. Встречи и разговоры с Осипом Мандельштамом // Осип Мандельштам и его время / Сост., авторы предисл. и послесл. В. Крейд и Е. Нечепорук. М.: L'Age d'Homme — Наш дом, 1995. С. 294–311.

Мец А.Г. «Камень» (к творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л.: Наука, 1990. (Литературные памятники). С. 277–285.

Сурат И. Ничей современник // Новый мир. 2010. № 3. С. 177–190.

Харджиев Н.И. Примечания // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1978. С. 251–316.

[21] *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 570.

References

Gasparov M.L. Poet i kul'tura (tri poetiki Osipa Mandel'shtama) [Poet and culture (three poetics of Osip Mandelstam)]. Gasparov M.L. *Izbrannye stat'i* [Selected essays]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1995, pp. 327–370. (In Russ.)

Ginzburg L.Ia. *Zapisnye knizhki. Novoe sobranie* [Notebooks. New collection]. Moscow, Zakharov Publ., 1999. 463 p. (In Russ.)

Khardzhiev N.I. Primechaniia [Notes]. Mandel'shtam O.E. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 251–316. (In Russ.)

Lekmanov O.A. Soedinivshii proshloe s budushchim (o stikhotvorenii "Zasnula chern'. Ziiaet ploshchad' arkoi") [He who connected the past with the future (on the poem "The mob's asleep. The square gapes with an arch")]. Lekmanov O.A. *Opyty o Mandel'shtame* [Essays on Mandelstam], series: Uchenye zapiski Moskovskogo kul'turologicheskogo litseia [Proceedings of Moscow Cultural Lyceum], no. 1310, Phylology, issue 1–2. Moscow, MKL Publ., 1997, pp. 40–47. (In Russ.)

Lipkin S. Ugl', pylaiushchii ognem. Vstrechi i razgovory s Osipom Mandel'shtamom [A coal burning with fire. Meetings and conversations with Osip Mandelstam]. *Osip Mandel'shtam i ego vremia* [Osip Mandelstam and his time], comp., intro., afterword V. Kreid and E. Necheporuk. Moscow, L'Age d'Homme — Nash dom Publ., 1995, pp. 294–311. (In Russ.)

Mets A.G. "Kamen'" (k tvorcheskoi istorii knigi) ["Stone" (on the creative history of the book)]. Mandel'shtam O. *Kamen'* [Stone]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 277–285. (In Russ.)

Surat I. Nichei sovremennik [No one's contemporary]. *Novyi mir*, 2010, no. 3, pp. 177–190. (In Russ.)

Batyushkov's "arrogance" (On Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face...")

© 2020, Mark Altschuller

Abstract: The article clarifies the possible sources of Osip Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face..." (1912, first published 1913). A new interpretation of references to K. Batyushkov, which more than once attracted the attention of poet's contemporaries and modern researchers, is proposed. According to the author of the article, Mandelstam, theoretically asserting the "thingness" (even super-lightness, quintessence of thingness) of surrounding world as the very essence of poetry, enters into a consistent debate with the mad poet, and through Batyushkov — with Symbolism as a certain world outlook and the artistic system reflecting it. The poem sets a contrast between the phenomena of life that live in real time of the shaky eternity of Symbolism, which fits into the general context of the book "Stone". As a

result of a detailed analysis, it is concluded that Mandelstam's little poem "No, not the moon..." played a significant role in the history of Russian poetry. At the very initial stage, it reflected the opposition (struggle) of two most important poetic systems of the Silver Age — Symbolism and Acmeism.

Keywords: Osip Mandelstam, "Stone", Konstantin Batyushkov, Symbolism, Acmeism, cosmogony.

Information about the author: Mark Altschuller, PhD, professor emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu

Citation: Altschuller Mark. Batyushkov's "arrogance" (On Mandelstam's poem "No, not the moon, but a bright clock-face…"). *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 283–295. DOI 10.22455/2541- 8297-2020-15-283-295

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-296-309
УДК 821.161.1

«Ода Бетховену»: Новообретенный автограф Осипа Мандельштама и конспект по истории Западной церкви

© 2020, А.Г. Мец, Р.Н. Кривко

Аннотация: Статья вводит в научный оборот вновь обнаруженный автограф стихотворения О.Э. Мандельштама «Ода Бетховену», хранившийся в архиве семьи С.И. Липкина. Автограф учтен в комментарии Н.И. Харджиева к тому «Стихотворений» в Большой серии «Библиотеки поэта» (1973), однако затем в течение многих лет был недоступен для исследователей. Авторы подробно описывают и комментируют черновой автограф стихотворения — первое по времени обращение поэта к жанру оды с разработкой присущей жанру строфы. Текст на обороте листа идентифицируется авторами как фрагмент конспекта по истории Западной церкви, который непосредственно соотносится с рукописью «Оправдание соборной идеи» из Принстонского архива поэта. Оговаривая невозможность точно установить, является фрагмент конспектом книги или лекции, авторы предпринимают попытку датировать его на основании биографических сведений и ряда текстологических особенностей. Завершает публикацию краткий комментарий к конспекту, а также фотокопии автографа (обеих сторон листа), что существенно облегчит доступ исследователей к этому важному источнику.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, автограф, «Ода Бетховену», «Оправдание соборной идеи».

Информация об авторах: Александр Григорьевич Мец, независимый исследователь, Гатчина, Россия. E-mail: agmets@mail.ru

Роман Николаевич Кривко, доктор филол. наук, Институт славистики Венского университета, Австрия. E-mail: roman.krivko@univie.ac.at

Цитирование: *Мец А.Г., Кривко Р.Н.* «Ода Бетховену»: Новообретенный автограф Осипа Мандельштама и конспект по истории Западной церкви // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 296–309. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-296-309

Речь пойдет об автографе стихотворения О.Э. Мандельштама «Ода Бетховену», находившемся ранее в архиве С.И. Липкина, а ныне — в собрании Ромы Либерова, благожелательному содействию которого мы обязаны настоящей публикацией. Автограф был известен и учтен в комментарии Н.И. Харджиева к тому «Стихотворений» в Большой серии «Библиотеки поэта» (1973)[1], однако в течение почти 50 лет после этого был недоступен для исследователей вплоть до 2018 г., когда был обнаружен в бумагах второй семьи Липкина.

На листе с автографом (см. илл. 1) — черновик стихотворения. В нем отразилось первое по времени обращение поэта к жанру оды и разрабатывалась присущая этому жанру строфа, состоящая из 8-ми строк. В ранние годы поэтом была написана еще одна ода — «Зверинец»[2] (1916), а позже — «Грифельная ода» (1923). Косвенно стремление обновить репертуар жанров отражено у Мандельштама в заметке «О современной поэзии (К выходу “Альманаха муз”)» (конец 1916 — начало 1917): «Да и какой вообще может быть прогресс в поэзии в смысле *улучшения*? Разве Пушкин *усовершенствовал* Державина, то есть в некотором роде отменил его? Державинской или ломоносовской оды никто теперь не напишет, несмотря на все наши завоевания»[3].

При взгляде на автограф последовательность в заполнении листа удается определить благодаря знанию постоянства и устойчивости приемов работы поэта. Почерк у него был выработанным и четким с юношеских лет, с исключительным чувством соразмерности, как у профессионала — художника или чертежника. В беловиках (и в черновиках большей частью) линии строк выдерживаются строго параллельно, расстояние между строками и величины пробелов между строфами одинаковы. В черновиках почерк небрежнее, но строчки нигде не «наползают» друг на друга, сохраняются интервалы между строками. В беловых автографах при строго горизонтальных линиях строк, изредка к концу равномерно отклоняющихся кверху или, напротив, сгибающихся книзу, условная вертикальная линия, соединяющая заглавные (первые) буквы всех строк стиха на листе, — прямая, очень выдержанная. Угол, образованный этой линией с горизонтальной, близок к прямому (почти всегда — несколько меньший, чем прямой), иногда уменьшается до 70–80° (приблизительно), оставаясь одинаковым для всей данной рукописи[4]. Так и здесь:

[1] На с. 266. Там же приведена ранняя редакция 4-х стихов из этого автографа (строфа 5, стихи 5–8), текст которых мы цитируем ниже.

[2] Стихотворение печаталось с подзаголовком «Ода».

[3] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 2. СПб., 2020. С. 36 (курсив автора).

[4] О приемах работы поэта над текстом на примерах подборки автографов см.: *Мец А.Г.* Грифельная ода: еще раз об истории текста // Мец А.Г. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб., 2020. С. 224–226.

в левой колонке линия строф выдержанная, немного отклоняется влево; в правой колонке менее выдержанная, отклоняется вправо, что косвенно отражает черновой тип работы.

В нашем случае вначале заполнена левая колонка листа ранее сочиненным текстом и поставлена дата. Здесь и в последующем почти не будет поправок. Пока еще не означены название стихотворения и номера строф, эти последние временно отделяются друг от друга короткими отчерками. Запись нанесена с таким расчетом, чтобы оставить свободной правую часть листа, на которой будет вестись работа над сочинением двух новых строф. В процессе решения этой задачи поэт, по-видимому, сменил перо и сделал им множество проб в верхней части справа. Затем, набросав вчерне текст двух строф в правой колонке и завершив работу над ними, поэт вписал заглавие и пронумеровал строфы. Некоторому перерыву в работе соответствует изменение почерка в правой колонке: буквы мельче, текст уложен компактнее — видно стремление автора экономить место.

Заканчивая работу на листе, он зачеркнул крест-накрест строфы 5 и 6, показав тем самым свою неудовлетворенность текстом, но вскоре же в свою очередь перечеркнул линии зачеркивания, чем восстановил текст.

В последний момент новым толстопишущим пером справа от стиха 6 строфы 6 поэт начертал: *Бетховен 52*, что означило итог подсчета наличных строк в сочиненном тексте[5].

Разночтения автографа с основным текстом стихотворения см. в табл. 1.

Теперь обратимся к обратной по отношению к автографу стихотворения стороне листа (см. илл. 2). На нем, также рукой Мандельштама, имеется следующая запись:

> *Базельский собор 1431 года. Резкий оп[п]озиционный дух собора. Евгений IV сильный противник. Стремленье собора к реальной реформе. (В Констанце, провозгласив суверенитет собора, оставил положение на деле неприкосновенным). Собор погубил себя, сделав шаг к новой схизме, чем восстановил против себя христианский мир. Его плоды: Прагматическая санкция во Франции 1438 г. и Майнц[с]кий церковный закон 1439, уничтоженный Венским конкордатом 1448.*

Этот текст идентифицируется нами как часть конспекта некоего (неустановленного) издания или же лекции по истории Западной церкви, находящегося в Принстонском архиве Мандельштама и имеющего название «Оправдание соборной идеи» (CO 539. Box 1. Folder 7). Полностью

[5] О подсчетах строк на листах рукописей см.: Там же. С. 227, 233, 236, 250. В данном случае, по-видимому, учитывался и зачеркнутый текст, т.к. в завершенном тексте на листе — 48 стихов.

совпадает формат бумаги и способ заполнения всех листов (в том числе описываемого), при той особенности, что текст записывался при «альбомной» ориентации листа. Отсюда ясно, что при сочинении «Оды Бетховену», стремясь экономить бумагу, Мандельштам взял из своего архива лист из уже ненужного конспекта и использовал его чистый оборот.

С учетом трех листов из Принстонского архива дошедший до нас конспект насчитывает 4 листа. Запись нигде не переходит с одного листа на другой. Хронологическая последовательность изложенных событий дает возможность с достаточной уверенностью пронумеровать листы, располагая цифры в угловых скобках. Текст, сопровождающий «Оду Бетховену», при этом получает номер <2>.

Закономерно возникает вопрос о времени создания конспекта. Верхняя граница периода определяется по дате стихотворения, это 6 дек. 1914 г. Вопрос о нижней границе не так ясен. По-видимому, более определенно она пролегает позднее времени окончания поэтом Тенишевского училища — то есть 1907 г. Некоторые уточнения следуют из текста конспекта. По немногочисленным исправлениям можно сделать вывод о том, что источник текста был на одном из иностранных языков, а также предполагать, что этим языком был немецкий; об этом еще будет сказано ниже. Также следует попытаться определить время и место писания конспекта. Предпочтительным, с нашей точки зрения, является Гейдельберг, зима 1909/1910 г., время учебы в местном университете. Находясь в Гейдельберге, Мандельштам имел намного больше времени для занятий науками, чем годом ранее в Париже, а также и на удовлетворение интереса к смежным по отношению к посещаемым университетским курсам областям, каким является отраженный в конспекте период истории Западной церкви.

Любопытен тот факт, что конспект сохранялся поэтом в архиве с юношеских лет, то есть представлял в его глазах определенную ценность, а чистый оборот листов в последующие годы постоянного дефицита бумаги был использован только однажды.

Приводим в качестве приложения весь текст из Принстонского архива в переводе на современную орфографию и пунктуацию.

<1>

Оправдание соборной идеи

1) В случае, если папа явный еретик,

2) если коллегия кардиналов злоупотребила своими полномочиями — власть возвращается к собору — органу всей церкви. Отсутствие традиции и канонической почвы. Естественное право. Древние епископские соборы. Влияние на собор императоров переходит к папе. Собор: «рог, в который трубит папа свою волю» (XII, XIII в.). Собор в идее Марсиля: не собрание епископов, а представительное учреждение, церковная

община как исходная точка. Высший авторитет представительного собора. В соборе видят временное, преходящее явление, имевшее устранить схизму, восстановить церковное единство.

Примирение папского и церковного авторитета у Герсона.

***

<3>

В половине 15 века в Церкви столкнулись две системы — папского абсолютизма и соборного авторитета: победила первая.

Переворот в воззрениях Энея Сильвио и Николая Кузанского.

Отмена Пием II констанц[с]кой «церковной конституции» и национальные протесты.

Нарушения Венского конкордата обеими сторонами.

Реформационная миссия Николая Кузанского в Германии.

Личная попытка созвать собор[6] *доминиканца Андрея, епископа в Крайне, в Эпире в 1482 г.*

Система «уступок» и «привилегий», возводимых в норму.

Политика Максимилиана: нервный, непоследовательный, фантастический образ действий.

Практическая политика Франции. Парижский Университет: очаг соборной доктрины.

Французский синод, созванный[7] *в Лионе Людовиком XII в 1511, угрожает папе Юлию II (Ровера) самовольным собором, поддержанный Максимилианом*[8].

***

<4>

В Испании церковная реформа была понята как государственная задача. Национальные привилегии испанской церкви. Испанское возрождение. Фердинанд и Изабелла. Расцвет государственности. Борьба с Римом за право короны назначать епископов. Королевское Placet[9]*. Церковь платит подати государству и подчинена его судам. Кардинал Мендоза, Фернандо де Талавера, исповедник Изабеллы, и Франциско Хименец. Монастырская дисциплина. Обновление клира. Визитации*[10]*. Восстановление инквизиции. Просветительская деятельность Химе-*

[6] Первоначально: *Личное приглашение на собор* (1-е слово исправлено, 2-е зачеркнуто. — *А.М.*).

[7] В рукописи с опиской: *создванный.*

[8] См. илл. 3.

[9] Угодно, желательно (*лат.*) — формула согласия с каким-либо решением.

[10] Средство надзора, название практики ревизии и инспекции церковного имущества в странах с католическим вероисповеданием.

неца. Экзамены священников. Университеты в Саламанке и Алкале: преподавание догматики, этики и науки о библии. Перевод библии на «все» языки.

Зданье догматической теологии в начале XVI в. строится в духе Августина и Фомы Аквинского: Франциско Витториа, Томас де Виллануева и др. Союз церкви с гуманизмом. Церковный гуманизм Вивеса, Бергары, Вальдеса и др.

Испания считает себя ортодоксальнее самого Рима и чувствует право наставлять его: Гонсальво де Кордова — посол в Риме — поучает Александра VI[11].

***

Перед нами конспект обозрения особой темы по истории Западной церкви (печатной работы или лекции) за период конца XIV — начала XVI вв., чрезвычайно насыщенной событиями, в которых отразился кризис Западной (католической) церкви, выразившийся в противоборстве власти римских пап и оспоривших эту власть церковных соборов при поддержке носителей власти светской. Этот период определялся историками нового времени в работах и справочных изданиях как «Соборное движение» (концилиаризм).

У нас не было решительных оснований к тому, чтобы без сомнений определиться, была ли перед поэтом книга или же он записал лекцию. В пользу лекции могут быть приняты во внимание редкие описки, в том числе в именах и фамилиях, что может быть понято как воспринятое на слух. В таком случае лекцию поэт мог слышать в Париже, где обучался в университете и ходил в Коллеж де Франс (1907/1908), или в Гейдельберге, где получал образование в 1909/1910. Исправления и отдельные фактические неточности в тексте интерпретируются нами в пользу источника на иностранном языке. При этом есть аргумент в пользу того, что этим языком был немецкий: «соборная идея» в названии конспекта соответствует в немецком одному слову — Konzilsidee[12].

Комментировать по конспекту весь исторический период «Соборного движения», породивший необъятную историческую и богословскую литературу, представляется неоправданным. Ограничиваем свою задачу перечислением собственных имен с краткими справками, исключение составляет позиция *Базельский собор*, особо выделенная в конспекте.

[11] На обороте этого листа имеется запись на французском языке: *La Vie de Sainte Therese ecrite par elle même, deux volumes* («Жизнь Святой Терезы, написанная ею самой, 2 тома»).

[12] В рамках настоящей работы Р.Н. Кривко было проведено выборочное обследование литературы и справочных изданий на немецком яз. (до 1907 г.) в поисках предполагаемого источника конспекта, однако не принесшее результата.

За оказанную помощь приносим благодарность Г.А. Левинтону и свящ. Михаилу Желтову.

<1>

Марсил[ь] — Марсилий Падуанский (1275/80 — до 1343), врач, средневековый богослов и политический философ, один из предшественников «Соборного движения». С 1312 ректор Парижского университета.

Герсон — Жан Жерсон (Герсон, *фр*. Gerson, *лат*. Gersonius; 1363–1429), видный богослов, один из деятелей «Соборного движения», принимавший активное участие в преодолении Великой схизмы во время Констанцского собора (1414–1418), на котором был принят ряд декретов, ограничивающих власть папской курии.

<2>

Базельский собор (1431–1449) — второй церковный собор Римской церкви эпохи «Соборного движения», продолжатель идей *Констанцского* собора, подтвердил его решения. Собор должен был устранить последствия Великой схизмы и провести масштабную реформу церковной организации и вообще всей церковной жизни. Целью сторонников «Соборного движения» (преимущественно богословов, юристов, представителей университетов и городов) было ограничение папской власти и расширение полномочий соборов как верховных органов Церкви. С 1431 по 1447 гг. собор проходил в Базеле, однако после очередного конфликта с папой *Евгением IV* (на престоле 1431–1447) (который, как сказано в конспекте, был «*сильным противником*» «Соборного движения») и по его инициативе заседания были перенесены в Феррару. Оставшиеся в Базеле участники собора низложили Евгения IV и в ответ были отлучены от церкви, когда избрали антипапу Феликса V (на престоле 1439–1449; см. в конспекте: «*Собор погубил себя, сделав шаг к новой схизме*»). «*Плодами*» этого собора в конспекте названы *Прагматическая санкция во Франции 1438 г.* — акт французского короля Карла VII, принятый 7 июля 1438 г. на ассамблее французского духовенства и знати в г. Бурж, согласно которому были признаны решения Констанцского и Базельского соборов о приоритете церковных соборов над властью папы римского, и *Майнц[с]кий церковный закон 1439 [г.]* — соглашение между королем Альбрехтом II (1397–1439) и представителями папы Евгения IV. Этим документом был подтвержден нейтралитет Альбрехта по отношению к папской курии, провозглашенный в соответствии с решениями Базельского собора, однако без признания верховенства собора по отношению к папе. Соглашение не имело законодательной силы, оставшись «декларацией о намерениях», фактически оно было отменено условиями *Венского*

конкордата 1448 (соглашение между папой римским Николаем V и императором Священной Римской империи Фридрихом III, частично отменившее решения Базельского собора).

<3>

Эне[й] Сильвио — Энеа Сильвио Пикколомини, позднее папа *Пий II* (на престоле 1458–1464), гуманист, писатель, поэт, историк и церковный деятель. Первоначально — сторонник идей «Соборного движения» на Базельском соборе и даже секретарь избранного на нем антипапы Феликса V (см. выше). Затем находился на службе у Фридриха III, политического союзника папы Евгения IV. Затем — в статусе епископа Триеста сторонник папы Николая V в борьбе с решениями Базельского собора, оказавший через Фридриха III значительное влияние на содержание *Венского конкордата*.

Никола[й] Кузанск[ий] (1401–1464). В конспекте имеется в виду та часть взглядов этого германского мыслителя и кардинала Римской католической церкви, которая связана с изменением его позиции по отношению к «соборной идее» и «Соборному движению» — от его поддержки к борьбе с ним и союзу с папой Евгением IV.

Андре[й], епископ в Крайне — Андрей Замометич (Андреас Ямометич; ок. 1420–1484), доминиканец, архиепископ Краинский (зд. Краина — территория современной южной Черногории и северной Албании). Вероятно, Эпир назван в тексте потому, что до занятия архиепископской кафедры Андрей был главой доминиканского ордена в орденской провинции Греция. В 1482, заручившись поддержкой императора Фридриха III, прибыл в Базель и пытался созвать собор. Был арестован и заключен в тюрьму, погиб.

Максимилиан [I] — император Священной Римской империи (на престоле 1508–1519).

Людовик XII — французский король (1462–1515). В конспекте упоминание *Лиона* в связи с собором неясно: в 1511 по инициативе Франции был созван антипапский совет (*синод*) в Пизе. В конспекте синтаксис источника несомненно нарушен: словосочетание *поддержанный Максимилианом* может согласовываться только с подлежащим *французский синод*. Это, однако, невозможно с точки зрения исторического контекста: в военно-политическом противостоянии папской курии и Франции император Максимилиан I поддерживал папу *Юлия II* (в миру — Giuliano della Rovere, в конспекте — *Ровер*, на престоле 1503–1513) и даже вступил в созданную папой антифранцузскую Священную Лигу.

<4>

Фердинанд и Изабелла — Фердинанд II Арагонский (1452–1516) и Изабелла I Кастильская (1451–1504), испанские монархи-супруги,

«католические короли», благодаря браку которых королевства Арагона и Кастилии-и-Леона образовали родственный союз.

Кардинал Мендоза — Педро Гонсалес де Мендоза (1428–1495), кардинал (el gran cardenal de España ‘великий кардинал Испании’).

Фернандо де Талавера — Hernando или Fernando de Talavera (ок. 1428–1507), испанский богослов, архиепископ Гранады, духовник (*исповедник*) Изабеллы I Кастильской.

Франциско Хименец — Франсиско Хименес де Сиснерос (1436–1517), глава испанской церкви, великий инквизитор, советник Фердинанда II Арагонского. По его инициативе в 1514–1517 была создана Комплютенская Полиглотта (*лат*. Biblia Polyglotta Complutense), библейская полиглотта, изданная в г. Алькала-де-Энарес (*лат.* Complutum). Издание включает в себя текст Библии на четырёх языках: древнееврейском (Ветхий Завет, или Танах), арамейском (таргум Пятикнижия), латинском и греческом (Новый Завет только на этих двух языках). Это обстоятельство в конспекте подразумевается во фразе: *Перевод библии на «все» языки*.

Аристотель (384–322 до н.э.) — наиболее влиятельный из философов древности; основоположник формальной логики. Метафизическое учение Аристотеля было воспринято в том числе Фомой Аквинским и развито схоластическим методом.

Фома Аквинский (ок. 1225–1274) — итальянский философ и теолог. Был «воскресителем» аристотелизма. Тесно связал католическую философию с философией Аристотеля. Канонизирован католической церковью как святой.

Франциско Витториа — Франсиско де Витория (ок. 1486–1546), испанский богослов и правовед.

Томас де Виллануева (1488–1555) — испанский монах-августинец, святой католической церкви.

Вивес — Хуан Луис Вивес (1493–1540), испанский гуманист, философ, учёный.

Бергар[а]. Вероятно, один из братьев — испанских гуманистов: Хуан де Вергара (1492–1557), один из издателей Комплютенской Полиглотты, или Франсиско де Вергара (?–1545), филолог-классик.

Вальдес — Альфонсо де Вальдес (ок. 1490–1532), писатель, гуманист, или же его брат Хуан де Вальдес (ок. 1509–1541), религиозный философ, гуманист.

Гонсальво де Кордова — Гонсало Фернандес де Кордова (1453–1515), испанский полководец и государственный деятель эпохи Фердинанда II и Изабеллы I. Неясно, почему он назван «послом в Риме» (на дипломатической службе он не состоял). Испания выступала постоянным военным и политическим союзником папской курии в том числе во времена папы *Александра VI* (на престоле 1492–1503), который сам был испанского происхождения.

Табл. 1. Разночтения автографа с основным текстом.
Используется нумерация строф, которую поэт нанес в автографе.

Номер строфы	Номера строк	Текст
2	1–3 7–8	*Когда земля гудит от грома* *И речка бурная ревет* *Сильней грозы и бурелома* *И ветер полы развевает* *На старомодном сюртуке*[13]
5	5–8	*Тебя предчувствуя в темнице* *Шенье достойно встретил*[14] *рок* *Когда на черной колеснице* *Он просиял, как полубог*
6	6–8	*Не различая* ничего *Ты понял(?), что*[15] чертоге тронном *Лишь* белой славы торжество
3	5–6, Первоначально[16]	*Кто погружается душою* *Страданья в чистую купель*
4	1 5–8, первоначально[17]	*Учитель музыки*, наивный *В прорыве тучи воспаленном* *Не различая ничего*[18] *И твой удел* в чертоге тронном *Петь* белой славы торжество
4	7–8, первоначально	*Когда с торжественным признаньем* *Ступал к любимой на порог*

[13] В основном тексте поэт удалил эти пять строк, заменив их отточиями.

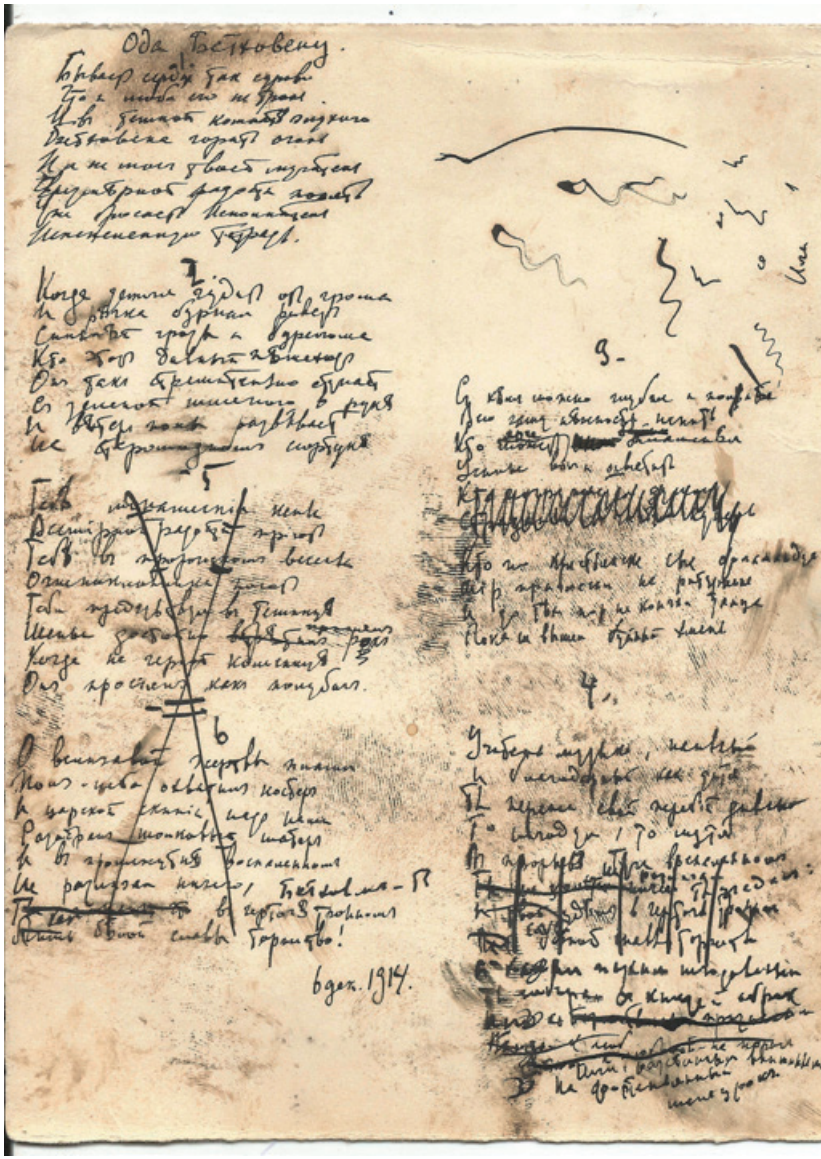
[14] После исправления: *принял.*

[15] Первые три слова зачеркнуты жирной линией, что препятствует чтению. Эти слова и первое слово следующей строки зачеркнуты, замены им не дано. Тождественный материал использован в пробах для строфы 4.

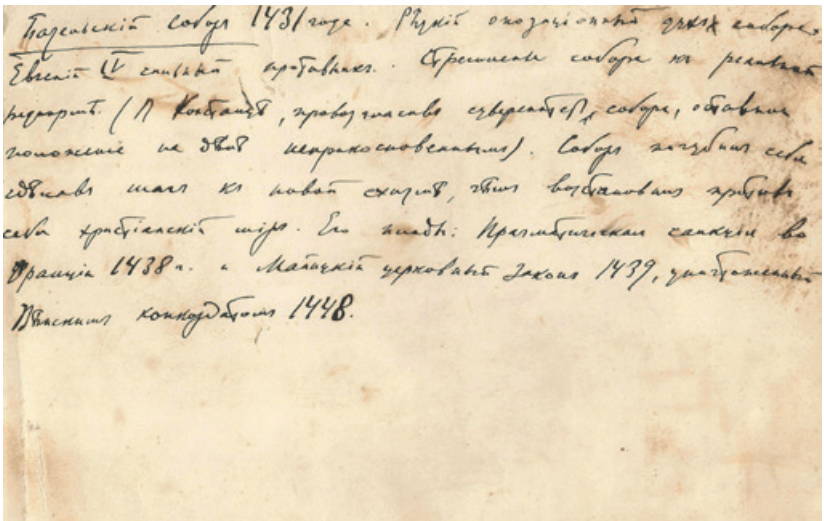
[16] Обе строки зачеркнуты, ниже записаны 4 строки, соответствующие основному тексту.

[17] Это четверостишие зачеркнуто.

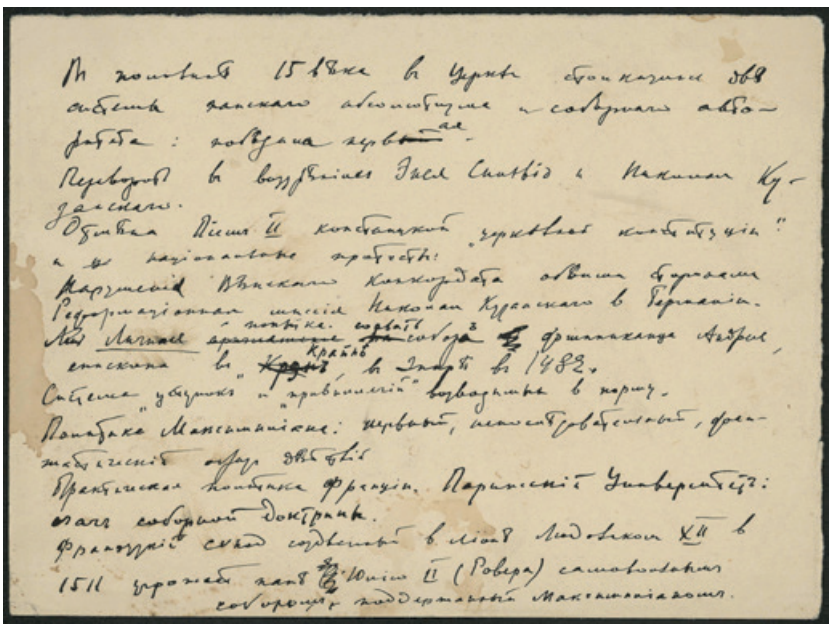
[18] Ранее: *Ты не заметил ничего.*



Илл. 1. Оборотная сторона листа



Илл. 2. Лицевая сторона листа.



Илл. 3. Принстонский архив. CO 539. Box 1. Folder 7. Лист <3>.

Литература

Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Изд. подгот. А.Г. Мец. Изд. 3-е, доп. СПб.: Интернет-издание, 2020.

Мец А.Г. Тенишевское училище и другие работы об Осипе Мандельштаме и его времени. СПб.: Гиперион, 2020. 356 с.

Харджиев Н.И. Примечания // Мандельштам О.Э. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1978. С. 251–316. (Библиотека поэта. Большая серия).

References

Khardzhiev N.I. Primechaniia [Notes]. Mandel'shtam O.E. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 251–316. (In Russ.)

Mandel'shtam O. Polnoe sobranie sochinenii I pisem: V 3 t. [Complete works and letters, in 3 vols.], ed. A.G. Mets. St. Petersburg, Internet Publ., 2020. (In Russ.)

Mets A.G. *Tenishevskoe uchilishche i drugie raboty ob Osipe Mandel'shtame i ego vremeni* [Tenishev School and other works on Osip Mandelstam and his time]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2020. 356 p. (In Russ.)

"Ode to Beethoven": Osip Mandelstam's newly discovered manuscript and abstract on the history of the Western Church

© 2020, Alexander Mets, Roman Krivko

Abstract: The article introduces the newly discovered manuscript of Osip Mandelstam's poem "Ode to Beethoven", which was preserved in the family archive of Semen Lipkin. The autograph was taken into account in Nikolay Khardzhiev's notes to the "Poems" in the Big Series of "Poet's Library" (1973), but later it had been inaccessible to researchers for many years. The authors describe and comment in detail on the draft manuscript of the poem — the poet's first appeal to the ode genre with the development of a stanza inherent in the genre. The text on the back of the sheet is identified by the authors as a fragment of an abstract on the history of the Western Church, which directly correlates with the manuscript "Justification of the Conciliarity" from the poet's archive in Princeton. Saying that it is impossible to establish exactly whether the fragment is an abstract of a book or a lecture, the authors attempt to date it on the basis of biographical information and a number of textual

features. The publication is concluded with a brief commentary on the abstract, as well as photocopies of the manuscript (on both sides of the sheet), which should greatly facilitate researchers' access to this important source.

Keywords: Osip Mandelstam, manuscript, “Ode to Beethoven”, “Justification of the Conciliarity”.

Information about the authors: Alexander Mets, independent researcher, Gatchina, Russia. E-mail: agmets@mail.ru

Roman Krivko, Dr Hab in philology, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Austria. E-mail: roman.krivko@univie.ac.at

Citation: Mets Alexander, Krivko Roman. “Ode to Beethoven”: Osip Mandelstam’s newly discovered manuscript and abstract on the history of the Western Church. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 296–309. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-296-309

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-310-341
УДК 821.161.1

Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине

© 2020, Л.Ф. Кацис

Аннотация: Работа посвящена анализу статей О.Э. Мандельштама «Потоки халтуры» и «О переводах» в широком литературно-политическом контексте 1920–1930-х гг. Автор сопоставляет эти статьи с работой и публикациями руководителя советской политической цензуры М.Б. Вольфсона (1880–1932), члена правления и главного редактора Госиздата РСФСР, имя которого не раз встречается в письмах Мандельштама. Анализ официальных контактов Мандельштама с руководством советских идеологических органов позволяет пролить новый свет на происхождение и смысл антисталинской «эпиграммы» «Мы живем, под собою не чуя страны…» В частности, в статье выявляется прямая отсылка к статье Мандельштама «Потоки халтуры» в книге М.Б. Вольфсона 1929 г. «Пути советской книги», где автор, с одной стороны, подводит итоги нэповского периода истории советского книгоиздания, а с другой — ставит задачу новой тотальной централизации книгоиздания как важнейшего участка идеологического фронта. Проведенное исследование позволяет вписать посвященные, на первый взгляд, исключительно проблеме перевода статьи поэта «Потоки халтуры» и «О переводах» в политический контекст второй половины 1920 — начала 1930-х гг. Сделанные на основе анализа наблюдения и выводы дают возможность существенно скорректировать сведения об этом периоде в биографии Мандельштама, которые содержатся в воспоминаниях его вдовы Н.Я. Мандельштам.

Ключевые слова: О.Э. Мандельштам, Н.Я. Мандельштам, М.Б. Вольфсон, Д.И. Заславский, В. Нарбут, политцензура, переводы

Информация об авторе: Леонид Фридович Кацис, д.ф.н., Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Кацис Л.Ф.* Проблема выявления политической реальности в документах О.Э. и Н.Я. Мандельштамов о М.Б. Вольфсоне, В.И. Нарбуте, Н.И. Бухарине // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 310–341. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-310-341

> Вопрос о разделении источников сведений о Пушкине на достоверные и недостоверные — давняя забота пушкинистов. Если в отдельных случаях погоня за сенсациями и приводит к использованию непроверенных и недостоверных источников, то усилия подлинной науки в этой области, как правило, направлены на выявление апокрифических и псевдодокументальных данных и на изгнание их из корпуса пушкинианы. Признавая критику источников краеугольным камнем всякого исследования, мы хотели бы лишь обратить внимание на то, что само понятие «достоверности» обладает известной относительностью. И безусловное доверие к «достоверным» источникам и столь же категорический отказ от использования «недостоверных» могут привести к нецелесообразным решениям.
>
> *Лотман Ю.М. К проблеме работы с недостоверными источниками*[1]

Среди личных и автобиографических материалов, связанных с жизнью и творчеством Осипа Мандельштама, практически неизученным остается, пожалуй, самый многочисленный и многостраничный из сохранившихся — переписка поэта с женой 1925–1930 гг. Впрочем, эти материалы так или иначе использованы в позднейшей мемуаристике Н.Я. Мандельштам.

Большую часть этого времени Н.Я. Мандельштам лечилась в Крыму и Киеве, а О.Э. Мандельштам активно работал в Ленинграде, занимаясь переводами, театральной критикой и т.д. Поэтому и переписка, помимо обязательных вопросов о здоровье, финансовых проблемах, семейной жизни Мандельштамов и Хазиных, содержит массу деловой и политической информации, без которой невозможно понять ни так называемое «Дело Уленшпигеля», ни тем более «Четвертую прозу», не говоря уже об обстоятельствах и причинах написания «Мы живем, под собою не чуя страны…».

В этой переписке на недолгое время конца зимы — начала весны 1926 г. появляется имя М.Б. Вольфсона. Приведем все эти упоминания в письмах поэта:

---

[1] *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 324.

1. 12.02.1926. В Ленгизе мне идут навстречу. Между прочим, для контроля над редсектором здесь назначен из Москвы Вольфсон, старый «дядя-одессит», с которым у нас приязнь. Это важная шишка. Я затащил его к Горлину, и кое-что он мне устроил.

2. 14.02.1926. Эти дни я усердно стенографирую и диктую. Осталось 17 страниц: бр! бр! Завтра конец. Потом всей энергией на Горлина и Вольфсона, чтоб поскорей пустили меня к тебе…

3. 17.02.1926. Хочешь знать, что у меня намечается: Горлин проводит для меня одну забракованную книгу с поддержкой Вольфсона.

4. 18.02.1926. Сегодня, Надик, у меня в Гизе хороший поворот. Приехал Вольфсон. Сначала положил резолюцию на договор, минуя Москву. Потом с Горлиным решили всё-таки оформить в Москве (это займет 10 дней)…

5. 05.03.1926. Подробности дел: в Гизе ломают голову, как дать мне работу. Вольфсон (политредактор из Москвы) на будущей неделе предлагает съездить с ним в Москву, извиняясь, что едет в жестком вагоне: «Мы для Вас что-нибудь придумаем».

6. 09.03.1926. Пока еще нет новой работы. Но Горлин как родной: он пришлет ее, а затем, возможно, — Москва мне даст или даже здесь Ангерт[2] с Вольфсоном.

7. 12.03.1926. Горлин советует мне съездить с Вольфсоном в Москву протолкнуть одну из книг. […] Завтра утром я иду к Горлину инструктироваться для Москвы и условиться с моим спутником[3].

Все эти письма охватывают ровно один месяц жизни и переписки Осипа Мандельштама, поэтому и комментарий к имени М.Б. Вольфсона, несмотря на слова поэта, что он «важная шишка», ограничивается самыми простыми сведениями: Вольфсон Мирон Борисович (1880–1932), член правления и главный редактор Госиздата РСФСР[4]. Более того, в Летописи жизни и творчества О. Мандельштама составитель цитированного трехтомника имя Вольфсона умудрился обойти[5].

---

[2] Похоже, речь идет о сотруднике Ленотгиза, что важно для нас и чисто хронологически, как станет ясно позже, поэтому даем справку о нем более полную, чем в Полном собрании сочинений: «**Ангерт Давид Николаевич.** Родился в 1891 г., Елизаветград Херсонская г.; б/п; Ленотгиз, зав. ФЭО. Проживал: Ленинград, Лиговка 58-8. Арестован 18 января 1931 г. Приговорен: КОГПУ 23 августа 1931 г., обв.: 58-7. Приговор: 10 лет лишения свободы. Реабилитирован 30 марта 1989 г. Прокуратура Ленинграда» (Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). URL: http://lists.memo.ru/d1/f497.htm; дата обращения: 7.07.2019).

[3] Все цитаты по: *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. 2-е изд., испр. и доп., СПб., 2017. Т. 3. С. 346–365.

[4] Там же. С. 773.

[5] См.: *Кацис Л.* «Летопись жизни и творчества» О. Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 148–149.

Между тем Мирон Вольфсон был действительно большой, если не очень большой шишкой. Энциклопедия «Книга» сообщает: «ВОЛЬФСОН Мирон Борисович (апр. 1880, Гомель — 22.5.1932, Москва), рос. издат. работник, книговед, засл. деят. науки. В 1905 сотрудничал с изд-вом “Просвещение”. С 1921 работал в Госиздате РСФСР, чл. правления изд-ва. В 1923–24 В. совм. с О.Ю. Шмидтом разработал план издат. объединения, фактически осуществившийся при образовании ОГИЗ РСФСР. Автор работ, посвященных проблемам становления и развития сов. издат. дела. Соч.: Новое культурное достижение пролетарской диктатуры. М., 1928; Путь сов. книги. М. 1929»[6]. А словарь деятелей революционного движения в России[7] сообщает, что Вольфсон действительно был видным меньшевиком, социал-демократом и т.д., однако только «в 1898 г. жил в Одессе, где участвовал в марксистских кружках и также выполнял партийные поручения. В конце 1898 г. вернулся в Гомель. Вступил в местную партийную орг-цию и в течение 1899–1901 гг. состоял членом Гомельск. ком-та РСДРП». Поэтому происхождение домашнего прозвища «дядя-одессит» из писем О.Э.и Н.Я. Мандельштам мы прояснить пока не можем. Между тем сведения куда более интересные и близкие к передвижениям и активности Мандельштама уже в самые первые послереволюционные годы сообщают авторы статьи о Вольфсоне в том же справочнике: «После Октября вышел из меньшевистской партии из-за разногласий по вопросу об отношении к советской власти, но в партию большевиков сразу не вступил. В 1918 г. отправился на Украину, где принимал боевое участие в революции (на Полтавщине). Работал впервые в среде крестьянства. При Деникине сидел в Харькове в тюрьме на Холодной горе (арестантские роты) ок. 4 месяцев. Освободился из тюрьмы во время развала и бегства деникинских войск. *Прожил некоторое время в Харькове,* затем уехал на Полтавщину (курсив наш. — *Л.К.*). Вступил в 1920 г. в Коммунистическую партию. Участвовал в борьбе с махновщиной (7 столкновений), в формировании сил для борьбы с Врангелем, Петлюрой, поляками. Вел агитпропработу, редактировал газету “Вісти”. Летом 1921 г. вызван ЦК РКП(б) в Москву для работы в Госиздате. Член правления и главный редактор ГИЗ’а, в последующее время член правления ОГИЗ’а. Зам. главн. редактора Малой Советской

[6] *Динерштейн Е.* Вольфсон М.Б. // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 144.

[7] Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. М., 1933. Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904. Вып. II: В–Гм.

Энциклопедии, помощник главного редактора Большой Советской Энциклопедии».

Напомним, что в апреле-мае 1919 г. О.Э. Мандельштам был некоторое время харьковским комиссаром Тео Наркомпроса в Киеве, где готовил первомайские празднества. Не исключено, что тогда могли иметь место контакты поэта и издателя-комиссара. Однако никаких сведений о дальнейших контактах «большой шишки» Госиздата и Мандельштама ни до, ни после 1926 г. мы не знаем. Хотя сам характер писем поэта к жене говорит о том, что и ему, и ей этот человек очень даже знаком. К тому же в Собрании сочинений Мандельштама К.М. Азадовский публикует рецензию поэта, выполненную «на бланке-таблице политического отзыва редсектора Госиздата, под типографски набранным заголовком раздела: “Точное указание мест политически недопустимых или сомнительных”. […] В другом разделе таблицы (“Автор и название произведения”) рукой М. проставлено: “Karl Hans Strobl. Gespenster im Sumf. Leipzig. L. Stackmann. 1920”. В раздел “Краткое заключение рецензии о целесообразности издания с точки зрения политической” М. внес: “Очень большое сокращение по всей книге — поможет вылущить интересное и здоровое ядро”. Выполнена для издательства “Время”. Датируется октябрем-ноябрем 1924 г. Обстоятельства возникновения этой рецензии и происхождение бланка, на котором она написана, не выяснены. Принимая во внимание наличие предшествующей рецензии, можно с уверенностью судить лишь о том, что настоящая выступает действительно в функции “политического» отзыва”»[8].

Этот до настоящего времени единственный в наследии Мандельштама «политический отзыв» недаром озадачил публикатора. С момента публикации приведенного отзыва до сих пор никаких других сведений о сотрудничестве Мандельштама с органами советской политической цензуры, видным руководителем которой и был Вольфсон, мы не знаем. Однако сочетание имени М.Б. Вольфсона — заведомого политредактора, подписи Мандельштама на бланке соответствующего учреждения, сведения из писем О.Э. Мандельштама к Н.Я. Мандельштам о поездке в Москву с Вольфсоном для пробивания отклоненной книги заставляют начать поиск связей между поэтом и цензором-революционером, с одной стороны, и предположить подобные контакты, по меньшей мере, и в более ранний период, с другой.

[8] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 98–99.

Причем в хорошо известной статье «Потоки халтуры» Мандельштам, похоже, упомянул именно деятельность политредактора, говоря о способах отбора зарубежных книг, трудностях их оценки, внутреннего рецензирования, чем он занимался и сам. Поэт писал: «На 40–50 проработанных таким образом книг намечались 3–4 вещи — кандидатки к переводу. И только тогда уже, *по соглашению с идеологическим руководством*, одна или две книги сдавались в работу»[9] (курсив наш. — *Л.К.*). Это означает, что Мандельштам прекрасно знал об этом этапе работы над переводной книгой. Наличие отзыва на бланке политредактора показывает, что поэт и лично принимал участие в работе, которой ведал М. Вольфсон, причем, судя по публикации К.М. Азадовского, не менее чем за два года до писем к Н.Я. Мандельштам, с которых мы начали эту работу.

Важнейшим источником для исследования этой ситуации оказывается книга самого М.Б. Вольфсона 1929 г. «Пути советской книги». Это очень своеобразное издание. В нем автор, с одной стороны, подводит итоги нэповского периода истории советского книгоиздания, а с другой — ставит задачи на будущее, которое связано со свертыванием нэпа и новой тотальной централизацией книгоиздания как важнейшего участка идеологического фронта на новом этапе социалистического строительства. Вольфсон указывает: «Для нас ясно, что достигнуть единства идеологии можно только при едином руководстве печатью, а последнее осуществимо только при том условии, если оно организовано, если оно имеет общий руководящий центр. Этим руководящим центром в области идеологии является в пролетарском государстве, руководимом партией пролетариата, ЦК нашей партии». И чуть ниже: «Мы не мыслим себе идеологического единства в издательском деле как нечто висящее в воздухе, мы не мыслим этого единства вне единого организационного центра, мы считаем, что этим единым центром должен быть оперативный советский издательский центр, действующий по прямым директивам органов ЦК, ведающих печатью»[10].

Решению задачи централизации всей издательской отрасли и посвящена деятельность Вольфсона. Однако его книга — не просто очередная монография по истории советской книги. Это первая важная установочная работа на эту тему, и по сей день включаемая в хрестоматии по книговедению. Дело в том, что она подводит итоги не всему году или какому-то иному сроку, а именно первому кварталу 1929 г., т.е. успехам и проблемам первого посленэповского квартала

[9] Там же. С. 215.
[10] *Вольфсон М.* Пути советской книги. [М.], 1929. С. 22, 29.

в важнейшей идеологической отрасли. На протяжении всей книги автор постоянно ссылается на статистические итоги первого квартала 1929 г. Следовательно, книга пишется не ранее середины — конца апреля, когда подобные сведения и появляются. Эта хронологическая точка будет важна для нас в контексте именно биографии Осипа Мандельштама и его возможных контактов с Вольфсоном за пределами 1926 г., отложившихся в эпистолярии поэта. Вообще говоря, книга М.Б. Вольфсона напоминает официальный квартальный отчет, подаваемый наверх и чуть причесанный для книжного издания.

Деятельность Вольфсона есть смысл сопоставить с тем, что писал О.Э. Мандельштам в связи со своей узкой темой — проблемой повышения качества переводов с иностранных языков. Этому посвящена известная статья поэта «Потоки халтуры», в которой речь идет, насколько мы можем понять, о том же, о чем во всей книге Вольфсона: Мандельштам предлагает централизовать переводческое дело, подчинив его некоему специальному органу. Понятно, что его статья не содержит сведений об истории советского книгоиздания незадолго до и после Гражданской войны, не связана она и с проблемой посленэповской централизации издательского дела, однако невозможно и не учитывать этот контекст, особенно если иметь в виду, что статья публикуется в газете «Известия». Помня о дальнейшей роли Бухарина в судьбе Мандельштама, нельзя не отметить, что «Потоки халтуры» публикуются буквально в дни окончательного разгрома бухаринской оппозиции сталинскому курсу на усиленную коллективизацию, который имел место на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) (16–23 апреля) и на последовавшей за ним XVI партконференции.

Мандельштам пишет о необходимости созыва всесоюзного совещания по проблемам перевода, которое «укажет, как создать здоровую трудовую атмосферу, как использовать и выявить научные силы и таланты, как рационально поставить производство переводной литературы. Совещание оформит назревшую идею создания института иностранной литературы с постоянным факультетом по теории и практике перевода, с рядом семинариев по переводу с европейских и восточных языков, а также с украинского и других языков Союза. Институт должен руководится деловым и идеологически выдержанным правлением. […] Институт должен принять непосредственное участие в работе издательств».

Здесь пока еще, кажется, речь идет о некоем контрольном профессионально-учебном органе. Однако следующий абзац заставляет думать, что речь идет не просто о предложении создать новое учебно-научное заведение, а об объединении всех переводческих

сил под его эгидой: «Это авторитетное учреждение должно будет неуклонно работать над поднятием культурного уровня иностранной переводной книги и обеспечить нас кадрами нужных работников. В создании института должны принять прямое и органическое участие: Федерация писателей, Комакадемия, ГАХН, а также ГИЗ, ЗИФ, “Молодая гвардия” и Институт журналистики»[11].

Эта статья вышла в свет 7 апреля 1929 г. Книга Вольфсона, напомним, анализировала итоги 1 квартала этого же года. Тем интереснее то, что мы находим в работе советского идеолога книжного дела в части проблем перестройки издания переводной литературы. Обсудив проблему параллелизма и халтуры в потоке «ленинской» литературы, автор переходит к интересующему нас вопросу: «Всякий вопрос, встречаемый оживленным рыночным спросом, вызывает поток книг. Замечательно, что при этом, 1) конкуренция между издательствами ведет не к идеологическому улучшению издательской продукции, а к ее ухудшению. Если бы одно издательство выпускало, скажем, перевод какой-нибудь выдающейся иностранной книги, оно могло бы его выпустить большим тиражом и, 2) следовательно, заплатить хорошо за перевод, подыскать хорошего “предисловщика”, дать комментарии, примечания и т. д. Но бессмысленная конкуренция между совпартийными издательствами вызывает спешку, стремление поскорей, раньше соперника, выбросить на рынок книжку — поэтому лучшие книги выбрасываются в *халтурном* и неряшливом виде (далее следует примечание о плохом издании “Капитала” и работе ГИЗа по устранению недостатков. — *Л.К.*). 3) Конкуренция принимает у нас часто форму не борьбы цен, борьбы скоростей. Если капиталистическая борьба цен дает положительные результаты (удешевляет для потребителя продукт), то борьба скоростей приносит только вред, благодаря ей рынок и человеческие мозги наводняются мутными *потоками халтуры*»[12] (курсив наш. — *Л.К.*).

Нетрудно видеть, что переводческий пассаж Вольфсона заканчивается словами «потоки халтуры», т. е. просто названием статьи О. Мандельштама из «Известий». Комментаторы собрания сочинений указывают, что, по словам Н.Я. Мандельштам, название «известинской» статьи было дано редакцией. Если даже это и так, то слова «потоки халтуры» находятся в первом же абзаце «известинской» статьи, т.е. заведомо принадлежат поэту, а выбор таких ударных слов для названия газетной статьи — обычное дело.

---

[11] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 216–217.
[12] *Вольфсон М.* Пути советской книги. С. 34–35.

Для того чтобы понять, существует ли предполагаемая нами связь между статьей «Потоки халтуры» О. Мандельштама и абзацем из книги Вольфсона, где использовано заглавие статьи поэта, проследим по сохранившимся документам «творческую историю» этого текста в месяцы, предшествующие публикации в «Известиях».

В письме к И.И. Ионову от 16 февраля 1929 г. Мандельштам писал: «Перевод заранее и заведомо считается халтурой. Издательства делают всё от них зависящее, чтобы снизить качество продукции. Вместо того чтобы озаботиться подбором кадра квалифицированных переводчиков, использовать их по специальности и создать для их труда минимально благоприятную атмосферу, издательства — и в первую очередь ЗиФ — набирают переводчиков с бору по сосенке, превращая огромную отрасль производства не то в “собес”, не то в хаотическое кустарничество на потребу рынку». Затем, после рассуждений о безобразной оплате труда переводчиков и обработчиков перевода, читаем то, что мы видели в тексте Вольфсона, т.е. разговор о скоростях: «Халтура “Прибоя” в иностранной литературе была беспримерна. […] Объявлялись конкурсы на скаковой рекорд по переводу пятнадцатилистных книг в десять дней, гонорар цинично задерживался… […] в издательство, наконец, хлынула целая масса псевдопереводчиков, никому не ведомых безграмотных дилетантов, готовых на все условия»[13]. И далее Мандельштам рассказывает адресату о «механизированной» работе по выпуску собраний классиков. Отметим, что разговора о «скоростных» и «скаковых» переводах, обсуждаемых в письме Ионову, в «Потоках халтуры» нет.

В письме к Э. Мандельштаму в середине февраля 1929 г. О. Мандельштам прямо сообщает, что затевает серьезную борьбу, «требует реорганизации всего дела» и говорит: «…но я — обвинитель. Скажу только, что я глубоко спокоен, уверен в себе, как никогда. Мне обеспечена поддержка лучшей части советской литературы и печати. Я это знаю. Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле — вопрос громадной общественной важности — и поверь, я хорошо вооружен»[14].

В черновиках «Потоков халтуры» сохранился и куда более резкий абзац о начале кампании за очищение дела переводов от кустарщины и базара. Эти же выражения находим и в опубликованных текстах.

---

[13] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 394.

[14] Там же. С. 398. О некоторых сопутствующих обстоятельствах этой ситуации в Киеве, далеко не полностью оправдывающих оптимизм поэта подробно см.: *Кацис Л.* Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 309–367.

Однако они четко и ясно указывают на терминологию, связанную со свертыванием нэпа. Поэтому текст Мандельштама вполне укладывается в более широкий контекст окончания нэпа вообще и книги М. Вольфсона в частности.

Наконец, есть еще одна возможность проверить наличие связей между Мандельштамом и Вольфсоном. Если книга последнего писалась или завершалась в середине — конце апреля 1929 г., то выйти она могла самое раннее в конце мая — начале июня, но в любом случае раньше сдачи в печать 13-го июльского номера журнала «На литературном посту», где была напечатана еще одна статья-интервью с О. Мандельштамом на интересующую нас тему «О переводах». В этом тексте, в существенной своей части восходившем к «Потокам халтуры», находим рассуждения о том, что к новой молодежной книге необходимо прикладывать словарь и комментарии, вырабатывать стремление читателя-комсомольца к изучению иностранных языков и т. п. Это вполне соответствует идеям Вольфсона, выраженным в пункте 2 его программы: хорошее предисловие, комментарий, примечания и т.д. При этом у Вольфсона речь не идет об издательствах академических, обсуждается именно массовая литература. А Мандельштам как раз и предлагает во второй своей статье изъять такого рода кадры у академического и эстетского издательства и передать их издательствам типа «Молодой гвардии»[15]. Похоже, что здесь мы видим и обратное влияние книги Вольфсона или просто его позиции, если она была известна Мандельштаму, на статью в журнале «На литературном посту», который вышел после выхода в свет книги об истории советской книги.

Все приведенные здесь размышления можно было бы отнести к сугубо литературно-бытовым, если бы все они не касались событий, которые привели через скандал вокруг перевода «Уленшпигеля» к написанию Мандельштамом «Четвертой прозы». И здесь нельзя пройти мимо того факта, что в истории с «Уленшпигелем» важную роль в поддержке Мандельштама сыграло тогда еще вполне бывшее в силе руководство РАППа, в частности Л. Авербах.

Еще интереснее, что вся описанная история с публикацией Мандельштама в «Известиях» и с выходом в свет книги Вольфсона с ее мандельштамовским «следом» сопровождалась буквально совпадающей по дням историей с обвинением Мандельштама в плагиате и «развязной переводческой халтуре» в статье Д. Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре» в номере «Литературной

[15] См.: *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 220–221.

газеты» от 7 мая 1929 г. Главным редактором «Литературной газеты» был С.И. Канатчиков, бывший, а ныне раскаявшийся участник «объединенной оппозиции». И это обстоятельство, равно как и имя Д. Заславского, называвшего себя «еврейским бело-чехом», но только с 1928 г. ставшего тем цепным псом сталинской, да и хрущевской пропаганды, каким он и вошел в историю, должны быть учтены в нашем литературно-политическом контексте.

Разумеется, и те задачи, которые формулировал Вольфсон (по-видимому, с участием Мандельштама), ни при каких условиях не могли решаться вне идеологических структур ВКП(б), а в условиях разгрома последовательно левого (Троцкий) и правого (Бухарин) уклонов речь могла идти только о просталинской идеологической позиции.

И всё же стоит вернуться к Бухарину. Его судьба, не стань он ей перечить, могла привести именно в 1929 г. к очень интересному повороту. В этом году не только Троцкий покинул пределы СССР, но и был снят с поста Комиссара просвещения А.В. Луначарский, назначенный Президиумом ЦИК СССР 12 сентября 1929 г. председателем Ученого комитета ЦИК СССР и освобожденный от поста наркома просвещения.

Важным и достоверным комментарием к этому событию является переписка К.Е. Ворошилова и С. Орджоникидзе. На апрельском Пленуме ЦК и ЦКК (1929) Сталин сказал о Бухарине: «...вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике». Пленум завершил «разгром группы Бухарина», а сам он был снят с занимаемых постов. Сталин предлагал назначить Бухарина на почетный, но крайне неблагодарный пост наркома просвещения, однако сам Бухарин попросил дать ему тихую должность начальника Научно-технического управления Высшего совета народного хозяйства. К.Е. Ворошилов писал 8 июня 1929 г. к Г.К. Орджоникидзе: «Бухарин умолил всех не назначать его на Наркомпрос и предложил, а затем настаивал на НТУ. Я поддержал его в этом, поддержало еще несколько человек и большинством в один голос (против Кобы) мы провели его»[16]. Л. Флейшман пишет об этом в связи с Пастернаком: «Осенью в западной прессе появились сообщения о том, что Бухарин вернул себе прежнее положение в партийном руководстве и был намечен на пост наркома просвещения взамен (в свою очередь сменившего

[16] *Хлевнюк О.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 30.

Луначарского в 1929 г.) А.С. Бубнова. […] Как известно, от этого поста Бухарин наотрез отказался»[17].

Этот факт заставляет считать, что и ожидания Вольфсона и Мандельштама весной 1929 г., и атака на Мандельштама Заславского и тех, кто за ним стоял, теснейшим образом связаны с конкретными политическими событиями весны 1929 г. Вся дискуссия о «халтуре» в переводах пришлась на описываемый нами период перестановок в ключевом для проблем перевода ведомстве. Политическая актуальность действий сторон, острота кажущейся ничтожной дискуссии об «Уленшпигеле» всё более и более становится похожей на точку приложения сил в борьбе различных властных структур между собой. Да и терминология статей Мандельштама, где оцениваются всего лишь разновидности переводов, тоже не безобидна. Так, в статье «О переводах» Мандельштам делит виды этой деятельности на «массовую», «середняцкую» и «модернистическую от символистов, через “Всемирную литературу” к “Академии” и к классикам ГИЗа»[18]. Нетрудно видеть, что последняя разновидность вполне синонимична «буржуазной» литературе. Стоит помнить, что к середине 1929 г. «буржуям» из ГАХНа или «Академии» было совсем не до шуток: ГАХН вскоре закрылся, а «Академия» стала на некоторое время «отстойником» перед посадкой в лагерь и авторов, и руководителей издательства. Да к тому же с 1928 г. «Академией» руководил давний недруг Мандельштама Ионов.

На этом фоне интересно отметить и еще один абзац из июльской статьи «О переводах»: «За создание ”Советского Майн-Рида”! Надо усадить наших лучших прозаиков, к их услугам должен быть создан целый научный аппарат (этнография, физическая география и т. п.). Ведь не скупятся на создание целого учреждения, целых штатов и аппаратов для обслуживания Большой и Малой энциклопедии. Неужели этой чести не удостоится серия романов для юношества по мироведению?»[19].

Эта утопическая конструкция могла бы не привлечь нашего внимания, но именно М.Б. Вольфсон и был, как мы говорили выше, заместителем Главного редактора Малой и помощником Главного редактора Большой советской энциклопедии. Вообще говоря, этот отрывок не имеет прямого отношения к проблеме переводов, и при другой ситуации он вполне мог бы стать предметом отдельной статьи.

---

[17] *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 145–146.

[18] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 218.

[19] Там же. С. 221.

Ведь именно редакция Советской энциклопедии располагала всеми кадровыми резервами подобного типа. Но дело никуда не пошло. Именно тогда и развернулось «Дело Уленшпигеля», в котором Мандельштама обвиняли в хищении дореволюционных переводов «Тиля Уленшпигеля» у А. Горнфельда и В. Карякина, хотя поэт к этому времени уже успел принести даже печатные извинения за свою и издательства небрежность. На книге не было указано, что это не перевод, а обработка текста де Костера, выполненная О. Мандельштамом.

Кампания по травле Мандельштама началась с упомянутого выше фельетона Д. Заславского, напечатанного в № 3 «Литературной газеты» от 7 мая 1929 г., в то время как письмо Мандельштама в редакцию «Вечерней Красной газеты» по поводу «Уленшпигеля» было напечатано в № 313 за предыдущий год, т.е. почти за год до всей газетной кампании 1929 г. Между тем сам Мандельштам прекрасно понимал, в чем здесь дело. И в черновике письма в редакцию «Литературной газеты», сохранившемся в архиве Мандельштама, но написанном от третьего лица (это мог быть и проект коллективного письма, и черновик передовицы или редакционной статьи), и в опубликованном тексте ясно, о чем идет речь:

«…статья Заславского […] имеет, очевидно, лишь одну “целевую установку”.

Недостойный фельетон направлен против статьи О. Мандельштама в “Известиях”, статьи, открывающей кампанию за оздоровление всего переводческого дела в нашем Союзе. Сознательно умаляя значение статьи, призывающей к революционизированию громадной отрасли книжного производства, статьи, из которой ГИЗом уже сделаны важнейшие организационные выводы, — Заславский рядом возмутительных приемов пытается набросить тень на доброе имя писателя»[20].

Из этого абзаца становится ясно, что «важнейшие организационные выводы» ГИЗ мог сделать из статьи Мандельштама только руками М.Б. Вольфсона или его ближайших товарищей по руководству. Обойти его было невозможно. И знаком того, что М.Б. Вольфсон читал статью Мандельштама «Потоки халтуры», и является анализируемый нами отрывок из его книги именно о переводах. В свою очередь, это означает, что Вольфсон использовал статью Мандельштама в сложной литературно-политической борьбе, которая существенно превосходила по своему характеру и напряженности политический уровень, доступный Мандельштаму. Это же можно

[20] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 688.

сказать и о фельетоне Заславского. Он был лишь частью противостояния какой-то политической группировки того времени группировке Н.И. Бухарина. Того самого Н.И. Бухарина, без которого не вышли бы три Мандельштамовских книги 1928 г. Кроме того, Бухарин был автором установочной «Азбуки коммунизма», написанной в соавторстве с Преображенским, а М.Б. Вольфсон на протяжении всей своей советской деятельности выпускал именно подобные книги в неимоверных количествах[21].

Так нам видятся на сегодня взаимоотношения Мандельштама с Вольфсоном в связи со всей сложнейшей историей переводческой деятельности Мандельштама. Однако имени Вольфсона нет в важнейшем источнике по интересующей нас проблеме — книгах Н.Я. Мандельштам. Именно поэтому нет его имени и в «Летописи» А. Меца, который пытался максимально приблизить ее не к истории жизни Мандельштама, а к книгам его жены. Это же касается и работ П.М. Нерлера. Но и здесь летопись оказалась святее папы Римского. Ее именной указатель еще короче даже именника книг вдовы поэта, которая достаточно подробно описывает и переписку с мужем, и многие немаловажные обстоятельства переводческой деятельности Мандельштама, и внутрииздательские взаимоотношения.

Вот этот отрывок из «Второй книги»: «Приходилось в день переводить чуть ли не половину печатного листа — за лист платили рублей тридцать. Гонорары были нищенские, как на Апраксином рынке, и, как мы узнали от Нарбута, никакой роли в калькуляции книги не играли. Переводилась абсолютная дрянь, отрава, хотя всякий принудительный перевод для поэта губителен. Я не случайно огорчалась и в каждом письме умоляла отпустить меня в Киев к родителям — Мандельштам так закабалил себя работой, что даже передохнуть не мог. Об этом лучше расскажут письма, где Мандельштам бесстыдно врет, как хорошо складываются дела и со всех сторон льются золотые ручьи. Он успокаивал меня, чтобы удержать в Ялте. Переводы уже тогда использовались как отличный и действенный способ уничтожения литературы»[22].

---

[21] После Октября Вольфсон опубликовал ряд работ: «Очерки обществоведения» (14 изд.), «Курс политэкономии» (4 изд.), «СССР и капиталистический мир» (3 изд.), «Курс политграмоты» (3 ч., 2 изд.), «Чему учит политэкономия», «Экономические формы СССР» (6 изд.), «Учебник исторического материализма», большое число статей в Большой, Малой, Технической энциклопедиях. В 1931 г. Совнарком РСФСР присвоил Вольфсону звание заслуженного деятеля науки, как указывает цитированный словарь о русских революционерах.

[22] *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 271.

Итак, Н.Я. Мандельштам как бы опровергает сведения, содержащиеся в письмах к ней самой. Однако речь идет или шла по большей части не столько о переводах, сколько о перелицовках или обработках.

Между тем необходимо обратить внимание на подзаголовок статьи самого Мандельштама «О переводах»: «За создание ”Советского Майн-Рида”!» Как и все тексты даже деловых писем Мандельштама, этот подзаголовок июньской (!), т.е. сданной в печать примерно в середине апреля, в разгар «уленшпигелевского» скандала, статьи имел прямое отношение ко всей нашей истории.

Вот отрывок из письма Мандельштама к И. Ионову от 16 февраля 1929 г.: «За каждый лист обработанного Вальтер-Скотта уплачивалось наличными по 36 рублей; я утверждаю, что за эти деньги можно получить, заказав “охотникам” новые переводы, лишь дрянь и галиматью, хуже сойкинской или сытинской, не поддающуюся даже правке. Издательство это знало и не могло не знать, но сознательно закрывало глаза и, спекулируя на литературном умении и опытности Мандельштама и Лившица, всё же получало, по меньшей мере, удовлетворительные тексты, переделанные из старинки.

Вы расторгли — точнее, выразили желание расторгнуть с нами договор на Майн-Рида, потому что мы якобы нарушили его, переводя с французского. Не мешало б вам еще до экспертизы, которая решит, является ли наш труд халтурным и не достойным Майн-Рида, заглянуть в самый договор, о котором идет речь, и сделать вывод, не ярчайшим ли образцом халтуры издательства является этот самый договор.

Издание Майн-Рида, автора с нулевым литературным значением, лишенным намека на самостоятельный стиль или форму, утопающего на каждом шагу в слащавости и банальной красивости, было задумано исключительно ради его жанровых, приключенческих достоинств, всё выявление которых падало на обработчиков. Оно оправдывалось лишь богатством естествоведческого и этнографического материала и волевым жизненным подъемом, которые нужны нашей молодежи, пока у нас нет своего Майн-Рида. За переделку Эдгара По можно казнить без суда, но относиться с пиететом к тексту Майн-Рида может только дореформенный учитель чистописания. Позволю себе заметить, что мои и вообще современные представления о прозе, даже для юношества, несколько расходятся с Майн-Ридом.

Неужели же блестящие по точности, авторизованные французские переводы в руках Мандельштама и Лившица могли дать худший результат, чем случайная стряпня с английского? Кто этому поверит?

Для опыта мною были заказаны переводы с английского переводчикам, рекомендованным Зифом. То, что они мне представили, и то, что мне пришлось потом обламывать с громадной потерей времени и труда, было убогим лепетом, полуграмотной канителью, кишащей нелепостями, и в результате правки было несомненно бледнее и беднее моего перевода с французского. Но это и есть то не вызывающее сомнений "сырье", из которого у нас изготовляются переводные книги: сначала полуголодный, пришибленный переводчик (точнее, деклассированный безработный интеллигент, ни в коем случае не литератор) полуграмотно перевирает подлинник, а потом "редактор" корпит над его стряпней и приводит ее в мало-мальски человеческий вид, уж, конечно, не заглядывая в подлинник, в лучшем случае сообразуясь с грамматикой и здравым смыслом. Я утверждаю, что так у нас выходят сотни книг, почти все; это называется "переводом с французского" или "переводом с английского" под редакцией "такого-то". Впрочем, имя редактора чаще всего опускается.

Возвращаюсь к нелепой структуре Майн-Ридовского договора. Издательство выплачивало пятьдесят пять рублей наличными с печатного листа. И этим обязательства его кончаются. Тираж издания неограниченный, астрономический. А вот список наших обязанностей: "редактора-обработчики", в понимании договора, низведенные до подрядчиков, обязуются, во-первых, заказать и оплатить…»[23]

Таким образом, упоминание именно Майн-Рида, а не какого-то другого из обработанных Мандельштамом классиков лишний раз подтверждает именно политически актуальный характер статьи Мандельштама, а не теоретико-переводческий ее смысл.

Далее Н.Я. Мандельштам рассказывает, что около 1927 или 1928 г. она «научилась кропать за него какие-то обработки для "ЗиФа", и он получил передышку»[24]. Более того, в 1930 г. она написала письмо В.М. Молотову как раз о переводах: «Более ядовитой профессии для писателя, особенно для стихотворца, нельзя себе представить. В течение десяти лет (т.е. с 1920 г.? — *Л.К.*) изо дня в день Мандельштаму приходилось переводить, т.е. подлаживаться под чужие стили, истощать мозг лжеизобретательством, холостым творчеством. Переводы исключали самую возможность личной работы. Сотни переведенных Мандельштамом листов — это каторжный труд, в течение многих лет разрушавший его нервную систему»[25].

---

[23] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 471–472.

[24] *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 271.

[25] *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 184–185.

Не будем повторять очевидное, не так уж трудно понять, что не 10, а максимум 5 лет Мандельштам имел саму возможность заниматься поденкой в таких масштабах. Оставим и снижение гонорарной ставки в два раза… Не будем также перечислять и написанное, и опубликованное Мандельштамом за эти 10 лет. Хотя, разумеется, в другой обстановке всего этого могло быть больше. Однако сам Мандельштам и никто иной выбрал линию своего политического поведения. И обсуждать здесь нечего.

Сюда же стоит включить и проблемы с подготовкой поездки Мандельштама в Армению: «В 1929 г. впервые была задумана поездка в Армению, о чем свидетельствует письмо от 14 июня 1929 г. Н.И. Бухарина, бывшего тогда председателем Коминтерна и главным редактором “Известий”, к председателю Совнаркома Арм. ССР С.М. Тер-Габриэляну (1886—1937): “Дорогой тов. Тер-Габриэлян! Один из наших крупных поэтов, О. Мандельштам, хотел бы в Армении получить работу культурного свойства (напр., по истории армянского искусства, литературы в частности, или что-либо в этом роде). Он очень образованный человек и мог бы принести вам большую пользу. Его нужно только оставить некоторое время в покое и дать ему поработать. Об Армении он написал бы работу. Готов учиться армянскому языку и т.д. Пожалуйста, ответьте телеграфом на ваше представительство. Ваш Бухарин». Ответ, подписанный А.А. Мравьяном, наркомом просвещения и зампредсовнаркома Армянской ССР, пришел спустя 11 дней телеграфом: «Москва, Закпредство. Просьба передать поэту Мандельштаму возможно предоставить в Университете лекции по истории русской литературы, также русскому языку в Ветеринарном институте. Наркомпрос Мравьян. 23 июня 1929 года»[26]. Однако после внезапной смерти А.А. Мравьяна 23 ноября 1929 г. поездка расстроилась.

Вторая попытка попасть в Армению была предпринята в начале 1930 г. Н.Я. Мандельштам, вызванная для этого из Киева, записала, что А.П. Короткова спросила, куда Мандельштам хочет ехать. «В Армению», — ответила Н.Я. Мандельштам, на что А.П. Короткова вздохнула: «Значит, это серьезно». Действительно, как писала Н.Я. Мандельштам, организованное Н.И. Бухариным через В.М. Молотова и С.И. Гусева (члена ВЦИК и президиума Коминтерна) путешествие в Армению — «не туристская прихоть, не случайность, а, может быть, одна из самых глубоких струй мандельштамовского

[26] *Кубатьян Г.* Место армянской темы в творчестве Мандельштама (Уроки Армении) // Вестник Ереванского гос. ун-та. Обществ. науки. 1989. № 6. С. 19–20.

историософского сознания»[27]. Заметим, что в этот момент В.М. Молотов был секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК (16 марта 1921 — 21 декабря 1930) и постоянным корреспондентом Сталина. А в 1931 г. он уже председатель СТО и СНК СССР. А кстати, и победитель в борьбе сталинского окружения с Бухариным.

С учетом того, что мы знаем теперь о положении Бухарина, главного организатора этой поездки, кончина армянского министра просвещения (!) была не так уж важна. А вот тот факт, что вторая попытка такой поездки удалась, необходимо связать с серьезной поддержкой, которую Мандельштам имел в советских верхах и без Бухарина или параллельно Бухарину. Собственно говоря, об этом свидетельствуют и стихотворение «Еще далеко мне до патриарха…», совпадающее по времени написания с письмом Л. Авербаха от 1 сентября 1931 г. к Л.М. Кагановичу и П.П. Постышеву о необходимости предоставления квартиры Мандельштаму[28], да и последующие вечера Мандельштама в 1932 г., приуроченные к процессу организации будущего Союза Советских писателей[29].

Список имен впечатляет: Молотов, Каганович, Постышев, Бухарин и т.д. В сущности, скандал с «Уленшпигелем» серьезно на карьеру Мандельштама не повлиял. На нее влияли совершенно другие обстоятельства вполне верхушечного свойства.

Нам представляется, что политическую составляющую биографии Мандельштама следует понимать без последующих историософских рассуждений вдовы поэта, уводящих историка от сути дела. Ведь ничего значимого, кроме слова *Армения*, сказано секретарше

---

[27] *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Примечания // Мандельштам О. Путешествие в Армению. URL: http://apsnyteka.org/1252-mandelshtam_o_puteshestvie_v_armeniju.html (дата обращения: 9.07.2019).

[28] «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 113–114. Дискуссию на эту тему см.: *Кацис Л.* «Летопись жизни и творчества» О. Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 126–160; То же. Доп. 1 // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 19–26; *Кацис Л.* Сизифу от «Камня»: несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 12–19. После нашей критики и без указания на источник сведений это письмо включено А.Г. Мецем во второе и третье электронное издание Летописи (с. 359; URL: https://imwerden.de/pdf/mandelshtam_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf; дата обращения: 9.07.2019).

[29] На наш взгляд, «патриархом» этого стихотворения является Д. Заславский, написавший «как старший товарищ, умный и чуткий» статью о фельетоне для молодых ЛАППовцев с искомым и многократно упомянутым словом «извиняюсь» в ленинградском «Резце», имеющем прямое отношение к библиографии Мандельштама. См.: *Кацис Л.* Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 353–356, специально: «Извиняюсь» Д. Заславского 1929 г. и Мандельштама 1931 г.

Бухарина не было. А ее реплику мы знаем только от Н.Я. Мандельштам. Остальное — позднейшие рассуждения. Кроме всего прочего, еще следует подумать о том, насколько важны были для находившегося в сложнейшем политическом положении Бухарина женские вздохи в предбаннике его кабинета.

Вернемся к воспоминаниям Н.Я. Мандельштам. Упоминание «ЗиФа» в абзаце, следующем за появлением имени Владимира Нарбута, говорит о том, что эта фигура, многократно, в отличие от Вольфсона, упомянутая Н.Я. Мандельштам, должна быть включена в описываемый контекст. Тем более что существует и еще одно важное для нас описание деятельности этого издателя-акмеиста. В самом начале «Второй книги» читаем: «По призванию он был издателем — зажимистым, лукавым, коммерческим. Ему доставляло удовольствие выторговывать гроши из авторского гонорара, составлявшего в двадцатые годы, когда он управлял издательством, совершенно ничтожный процент в калькуляции книги. […] Издательскую деятельность Нарбут представлял себе на манер американских издателей детективов: массовые тиражи любой дряни в зазывающих пестрых обложках… […] Свое издательство “ЗиФ” (“Земля и фабрика”) он взял нищим, а отдал процветающим, с большим капиталом в банке»[30]. Однако именно Нарбут давал работу Мандельштаму, а пришедший ему на смену Ионов, как известно, поклонником Мандельштама не был.

Однако кажется, что воспоминания Н.Я. Мандельштам и здесь верны не во всем. Для того чтобы это увидеть, надо обратиться к одной из публикаций Мандельштама, которая известна исследователям, указывается в библиографиях, однако специально она не исследовалась, не говоря уже о ее контексте. Речь идет об известной статье «Жак родился и умер», впервые напечатанной в 1926 г. в «Вечерней Красной газете», а затем в 1927 г. в журнале «Журналист» № 5. Однако обе публикации не остались одинокими. Так, в «Вечерней Красной газете» вскоре появилась статья в поддержку Мандельштама, написанная Инн. Оксеновым, — «Мертворожденный Жак», а за той же статьей уже в «Журналисте» были напечатаны две продолжавших ее публикации даже с образностью, близкой к будущим «потокам халтуры», хотя, разумеется, не в точности[31].

---

[30] *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 60.

[31] Подробнее см.: *Кацис Л.* Летопись жизни и творчества Осипа Мандельштама: от факта к вымыслу. Доп. 1 // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 19–26; *Кацис Л.* Роман Б. Лекаша «Радан Великолепный» в переводе О. Мандельштама и русско-немецко-французский контекст (к проблеме сравнительного описания русско-еврейской и франко-еврейской литератур) // Сравнительно о сравнительном

Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с Мандельштамом, начинающим дискуссию о проблемах качества переводов с иностранных языков. Однако похоже, что публикация блока материалов о качестве переводов в «Журналисте» последовала после «установочной» статьи В. Нарбута, посвященной итогам 1927 издательского года, т.е. ситуации за год до того, что описал М. Вольфсон.

Из статьи Нарбута для нас наиболее важен раздел о переводах: «Анализ цифр за 1925 и 26 гг. по *частным* издательствам позволяет сделать следующие выводы: 1) частник *снизил* выпуск художественной литературы (и по объему, и по ассортименту) на 25–30%; 2) доля участия частных издательств в *общем выпуске* художественной продукции тоже сильно пала: в 1925 г. — 27% по названиям и 38% по объему, а в 1926 г. (соответственно) — лишь 20% и 30%; 3) частным издателем был взят патент на *монополию* в области переводной литературы (в 1925 и 26 гг. *не менее* половины всей продукции), хотя в последнее время, по имеющимся данным, частные издательства усиливают выпуск оригинальной русской литературы […]; 4) частный издатель, как правило, *начинает свертываться, уходить с художественного рынка*, тем самым *сигнализируя* совпартиздательствам, что данное дело теряет коммерческую выгоду (ряд «беллетристических» частников перешел в текущем году на выпуск энциклопедий, технической и агрономической литературы)»[32].

Этот анализ Нарбута дает возможность представить себе многочисленные переходы Мандельштама из одного издательства в другое — из частных в государственные и наоборот. Кроме того, становится более ясно, что Мандельштам с 1926 по 1929 г. достаточно активно работал на огосударствление издательского и переводческого дела. А вопрос о переводах Нарбут рассматривал специально, причем в терминах, прямо противоположных тем, которые использовала по отношению к нему Н.Я. Мандельштам. При этом мы не исключаем того, что в своей издательско-редакционной практике В. Нарбут действовал именно так, как описывает ситуацию мемуаристка, однако следующая цитата интересует нас больше в контексте издательско-политической деятельности ее мужа.

литературоведении: транснациональная история компаративизма: Коллективная монография по материалам русско-французских коллоквиумов 6—7 октября 2009 года и 3—4 октября 2011 года. М., 2014. С. 452–463; *Кацис Л.* Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 316–319; специально: Вокруг предисловия Мандельштама к «Радану Великолепному».

[32] *Нарбут В.* Некоторые итоги литературно-художественного года // Журналист. 1927. № 4. С. 14.

В. Нарбут продолжал: «Заслуживающий особо пристального внимания вопрос о “наводнении и засорении” наших библиотек недоброкачественной переводной литературой — вопрос о своеобразном “колонизационном” периоде в выпуске художественной продукции — в настоящее время можно считать, по-видимому, разрешенным в положительном для СССР смысле: сейчас все книгоиздательства набросились (под влиянием, разумеется, спроса) на современную и *классическую* литературу. В исключительном почете *классик*. Он вытеснил даже ходкий бульварный иностранный роман! Плоскости переместились: если раньше, в 1925–1926 гг. переводная литература исчислялась (по отношению ко всей художественной продукции) 40–50%, а русская классическая — 2–7%, то в 1927 г. картина резко меняется; судя по предварительным сведениям, переводная беллетристика, в общем, должна снизиться до 25%, русские классики — вырасти до 15%»)»[33].

Однако проблема качества переводов возникает у Нарбута и еще в одном месте: «Зато нельзя дальше оставаться молчаливым свидетелем той неразберихи и путаницы, какая господствует у нас до сих пор в области выпуска переводной беллетристики. Не только частник, но и партийные (главным образом!) изд-ва считают своим священным долгом выгребать помойку западноевропейской и американской “литературы” и преподносить потребителю в кричащих обложках всякие “фабульные” отбросы… Ассортимент одних “Книжных новинок” чего только стоит; в известной мере эту же оценку можно отнести и к иностранной литературе “Круга”».

И наконец, вывод, который не мог не заинтересовать О. Мандельштама. У Нарбута среди выводов под номером, пусть и 14, читаем: «Нет журнала по иностранной (переводной) художественной литературе, который позволил бы осуществить определенной руководство в этой отрасли литературы (борьба с макулатурой, регулярное ознакомление читателей с действительными образцами западноевропейской и американской художественной литературы и т. п.)»[34].

Нетрудно видеть, что три текста Мандельштама — «Потоки халтуры», «Жак родился и умер» и «О переводах» — абсолютно точно соответствуют позиции и даже лексике статей и книг В. Нарбута и М. Вольфсона, не говоря уже о лексике «На литературном посту», или «Известий», или официальной страницы «Вечерней Красной газеты», где развивалась вся эта государственно-переводческая дискуссия. Наконец, сам тот факт, что все три публикации Мандельшта-

[33] Там же.
[34] Там же. С. 17.

ма по проблемам перевода так или иначе были включены в печатные дискуссии и практически всегда сопровождались (за исключением последующего скандала с «Уленшпигелем») положительными отзывами, заставляет счесть как бы проходные для поэта тексты серьезным этапом той общественно-политической деятельности, которая постепенно через «Четвертую прозу» привела к «Мы живем, под собою не чуя страны…».

Нет смысла говорить, что мемуары Н.Я. Мандельштам ни при каких условиях не могли отражать эту реальность. Слишком уж она не укладывалась в шестидесятнические представления о поэте-страдальце, который любил пирожные, но вынужден был есть черный хлеб. Да и не знаем мы, насколько хорошо она вообще была информирована обо всем этом. Из имеющихся писем это никак не следует.

Многочисленные политические связи и контакты Мандельштама заставляют думать о правоте тех, кто, как покойный Омри Ронен, были склонны придавать большое значение словам о «Мы живем, под собою не чуя страны…», которые из уст Мандельштама запомнила Эмма Герштейн:

> «— Это комсомольцы будут петь на улицах! — подхватил он сам себя ликующе.
>
> — В Большом театре... на съездах... со всех ярусов... — И он зашагал по комнате. Обдав меня своим прямым огненным взглядом, он остановился: — Смотрите — никому. Если дойдет, меня могут... РАССТРЕЛЯТЬ!»[35]
>
> Здесь присутствует явная и твердая надежда на то, что курс партии будет изменен. Откуда — в преддверии XVII съезда ВКП(б) — Мандельштам черпал мечту о грядущей победе самих коммунистов над Сталиным и о своем окончательном торжестве?
>
> Одним из условий славы поэта является, очевидно, равнодушие к «успеху» в обоих смыслах слова. Поэт может отказаться и от успеха — признания современников, и от успеха — победы своих убеждений, он может проиграть, его будут чтить за его слова, «готовые», как сказал Маяковский, «и к смерти и к бессмертной славе»[36], в отличие от политика, которого судят по выигрышу, по успеху его дел. Тут уместно вспомнить позднейший завет Пастернака: «Но пораженья

[35] *Герштейн Э.* Мемуары. СПб.. 1998. С. 51–52.

[36] Некоторые выражения в книге М.Б. Вольфсона ведут и к образу Победоносикова в «Бане». Обычно в качестве прототипов указывают очевидных Л. Троцкого и А. Луначарского. Мы же включили в этот ряд и корреспондента Мандельштама (*Кацис Л.* Опыт комментирования окказиональных «советизмов» Владимира Маяковского // Маяковский продолжается: Сб. научных статей и публикаций архивных материалов. Вып. 3. М., 2016. С. 151–155).

от победы / Ты сам не должен отличать». Поэтому слава венчает умерших в бесславии поэтов, но лишь очень редко — отверженных политиков. Поэт может отречься от сказанного им, как отрекся от своей инвективы Мандельштам в «Стансах» и в палинодии «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...», это не вредит ему. Отречение в поэзии — всего лишь риторический прием «двуголосости», «двуполости», о которой Мандельштам писал в очерке «Франсуа Виллон»: «Лирический поэт, по природе своей, — двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям ради внутреннего диалога». Ахматова, первоклассный литературовед, что бы ни говорили ее критики, не верившие в «тайны ремесла», оставила самое глубокое, честно полемическое и полезное наблюдение о том, как построена поэтика идей у Мандельштама. Его сохранил П.Н. Лукницкий в своем дневнике 8 июля 1926 г.: «Говорила о статье Мандельштама “Жак родился и умер”: “Прекрасная статья, дышит благородством”. АА говорила, что не может понять в Осипе одной характерной черты: статья по благородности превосходна, но в ней Мандельштам восстает прежде всего на самого же себя, на то, что он сам делал, и больше всех. То же с ним было, когда он восстал на себя же, защищая чистоту русского языка от всяких вторжений других слов, восстал на свою же теорию, идею об итальянских звуках и словах в русском языке (его стихотворение “Итальянские арфы”). Трудно будет его биографу разобраться во всём этом, если он не будет знать этого его свойства — с чистейшим благородством восстать на то, чем он сам занимался, или что было его идеей».

Так (разумеется, не только так, но в первую очередь так) объясняется истинный поэтический пыл, ощутимый во многих строках позднейших покаянных стихотворений Мандельштама»[37].

Сам Омри Ронен сопоставлял эту ситуацию с тем, что Мандельштам мог быть информирован об антисталинской «платформе Рютина». Не будем обсуждать это предположение. Достаточно того, как оно включается во все те события, которые мы здесь описали с чисто политической точки зрения. Нам представляется, что биография поэта должна быть документом истории, основанном на соответствующих источниковедческих приемах и методах, на максимальном объеме документов и т.д. И в этой ситуации даже замечательные сами по себе мемуары его вдовы являются лишь позднейшим источником, одним из многих, а в ряде случаев являются просто заведомо недостоверным источником (по Ю.М. Лотману). И эта «заведомость»

[37] *Ронен О.* Слава // Звезда. 2006. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html (дата обращения: 9.07.2019).

вытекает как раз из всепоглощающей любви Н.Я. Мандельштам к своему мужу.

Что же касается «платформы Рютина», то имя Бухарина здесь тоже всплывало. Вот строки из предсмертного письма Бухарина к Сталину от 10 декабря 1937 г., где он касается обстоятельств 1932 г.:

> Я не могу уйти из жизни, не написав тебе этих последних строк, ибо меня обуревают мучения, о которых ты должен знать.
>
> 1. Стоя на краю пропасти, из которой нет возврата, я даю тебе предсмертное честное слово, что я невиновен в тех преступлениях, которые я подтвердил на следствии.
>
> 2. Перебирая всё в уме, насколько я способен, я могу, в дополнение к тому, что я говорил на пленуме, лишь отметить:
>
> а) что когда-то я от кого-то слыхал о выкрике, кажется, Кузьмина, но никогда не придавал этому никакого серьезного значения — мне и в голову не приходило;
>
> в) что о конференции, о которой я ничего не знал (как и о рютинской платформе), мне бегло, на улице, post factum, сказал Айхенвальд («ребята собирались, делали доклад»), — или что-то в таком роде, и я тогда это скрыл, пожалев «ребят»;
>
> с) что в 1932 году я двурушничал и по отношению к «ученикам», искренне думая, что я их приведу целиком к партии, а иначе оттолкну. Вот и всё. Тем я очищаю свою совесть до мелочей. Всё остальное или не было, или, если было, то я об этом не имел никакого представления.
>
> Я на пленуме говорил, таким образом, сущую правду, только мне не верили. И тут я говорю абсолютную правду: все последние годы я честно и искренно проводил партийную линию и научился по-умному тебя ценить и любить.
>
> 3) Мне не было никакого «выхода», кроме как подтверждать обвинения и показания других и развивать их: либо иначе выходило бы, что я «не разоружаюсь»[38].

В примечании к этому документу указывается, что на очной ставке в ЦК ВКП(б) 13 января 1937 г. между В. Астровым и Н. Бухариным Сталин высказал предположение, что автором рютинской платформы был Бухарин. Не имеет значения, так это или не так, но в круг людей, обсуждавших подобные темы, Мандельштам входил. Недаром Пастернак назвал «Мы живем, под собою не чуя страны…» самоубийством, в котором он принимать участие отказывается.

[38] Предсмертное письмо Бухарина. URL: http://stalinism.ru/dokumentyi/predsmertnoe-pismo-buharina.html (дата обращения: 9.07.2019).

Вернемся к «Уленшпигелевскому» скандалу и Вольфсону. В любом случае, сама грандиозность обычного, в сущности, переводческого происшествия явно заставляет нас искать те пружины, которые связаны скорее с крупнейшими политическими деятелями конца 1920-х гг., чем со взаимоотношениями писателей между собой. Так или иначе, включение в этот контекст имени и сочинений М.Б. Вольфсона не только позволяет наметить пути дальнейших исследований «Дела Уленшпигеля» уже в ЦКК, но и существенно удлиняет и углубляет историю контактов Мандельштама с этим небезынтересным персонажем советской политической сцены первой трети XX в. Поэтому и его гибель в 1932 г. представляется нам важной для понимания того, как «чуял страну» Мандельштам к этому моменту и после него.

Так нам видятся на сегодня взаимоотношения Мандельштама с Вольфсоном в связи со всей сложнейшей историей переводческой деятельности Мандельштама. Однако имени Вольфсона нет в важнейшем источнике по интересующей нас проблеме — книгах Н.Я. Мандельштам.

Позволим себе одно жесткое предположение, которое нельзя сделать, если не учитывать ту конкретную политическую ситуацию, сложившуюся в стране и напрямую касавшуюся тех персонажей советской политической истории, которых мы здесь упоминали. Мы имеем в виду предельно конкретный исторический комментарий к первой строке стихотворения Осипа Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны…».

Судя по всему, к ноябрю 1933 г. создалась ситуация, когда Мандельштам перестал «чуять страну» своей. Действительно, Мирон Вольфсон погиб 22 мая 1932 г.; Владимир Нарбут с 1928–1929 гг. был уже не актуален в качестве руководителя издательского дела; Леопольд Авербах, Генеральный секретарь ВАПП в 1926–1932 гг., — к этому моменту еще, конечно, соредактор книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (1934) и редактор горьковской серии «История фабрик и заводов», но это уже совсем не то, когда еще в очень близком к 1 сентября 1931 г. после «Уленшпигелевского» скандала он просил Л. Кагановича и П. Постышева о выделении квартиры Мандельштаму. И это было чуть больше, чем за год до всех событий, определивших его дальнейшую жизнь. На наш взгляд, это был один из поводов написания стихов «Еще далеко мне до патриарха…». И сюда же включается арест Давида Ангерта 18 января 1931 г., которого мы упоминали в самом начале рядом с Вольфсоном как человека, который давал работу Мандельштаму.

А главный покровитель Мандельштама, который в 1934 г. напишет об аресте поэта Сталину, тоже шел в своей политической карьере по нисходящей: 17 ноября 1929 г. он был выведен из Политбюро ЦК. Вскоре поддерживавшие позицию Бухарина члены Коммунистического Интернационала, возглавляемые выходцами из американской компартии, были исключены из Коминтерна, образовав «Международную коммунистическую оппозицию». Но сам Бухарин уже через неделю признал свои ошибки и заявил, что будет вести «решительную борьбу против всех уклонов от генеральной линии партии и, прежде всего, против правого уклона». На XVII съезде ВКП(б) (1934) он заявил: «Обязанностью каждого члена партии является сплочение вокруг товарища Сталина как персонального воплощения ума и воли партии». В 1934 г. Бухарин переведен из членов в кандидаты в члены ЦК ВКП(б). В 1929–1932 гг. являлся членом Президиума ВСНХ СССР, заведующим научно-техническим управлением, с 1932 г. членом коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР. В 1931–1936 гг. он был издателем научно-популярного и общественного журнала «Социалистическая реконструкция и наука» («СоРеНа»), одним из редакторов и участником первого издания БСЭ. То есть был вполне рядом с М.Б. Вольфсоном.

К 1929–1932 гг. относится и еще один эпизод, который не принято обсуждать в рамках поэтической биографии Мандельштама, но который может иметь значение в так называемой номенклатурной (по не очень удачной стилистически, но в целом верной терминологии Л. Максименкова[39]): «Повторяем, что Мандельштам был номенклатурным поэтом. Его имя было включено в список-реестр, который был подан Сталину в момент создания оргкомитета ССП в апреле 1932 года и который вождь со вкусом главного кадровика огромной страны исчеркал характерными цифрами, стрелками и фамилиями кандидатов.

В части списка, заключительной по месту, но не по политическому значению, состоявшей из 58 “беспартийных писателей”, были имена Пастернака, Бабеля, Платонова, Эрдмана, Клюева и Мандельштама. Причем в скобках указывались крамольные произведения; по некоторым из них были приняты решения “директивных органов”. Фамилий Михаила Булгакова, Анны Ахматовой и Михаила Кузмина в этом списке не было. Список был охранной грамотой. В условиях византийского значения списков для России Осипа Эмильевича

[39] *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2003/maksim.html (дата обращения: 9.07.2019).

можно было считать реальным членом номенклатуры ССП образца 1932 года. Отныне нельзя было просто так арестовывать упомянутых в списке поэтов и писателей»[40].

Пастернак и Бабель попали на съезд и выступили там. Более того, Пастернак чуть ли не до истории с «Доктором Живаго» оставался и членом правлении Союза советских писателей, так как Второй съезд писателей состоялся только через двадцать лет в декабре хрущевского 1954 г. Но нас интересует сейчас другая проблема. Съезд, намеченный предварительно на 1933 г., когда у Мандельштама еще всё было относительно неплохо, был отложен из-за событий 1 мая 1933 г., которые тот же Максименков описывает так: «На литфронте до весны тридцать третьего наступило затишье. Но на первомайском приеме в Кремле произошел новый инцидент. Конферансье в присутствии Сталина прочитал несколько басен. Вождь был вынужден ответить. Отвечал он всегда иносказательно, медленными байками, с метафорами и аллегориями. Сегодня понять с полной однозначностью, что именно его ранило или задело, не так легко. Официально Сталин свое негодование сформулировал так:

“Сегодня конферансье говорил, что он за свои слова не отвечает и что в искусстве на сегодня мы догнали Запад и что уже некого догонять. Я не хочу говорить, что он издевался над великим лозунгом Ленина — “догнать и перегнать”, — но нельзя завоеванные кровью достижения партии и рабочего класса, советской власти обличать (так в документе. — *Л.М.*) в игру или говорить игриво, за это я в претензии”.

Конферансье (по легенде это был Качалов, который прочитал басни Эрдмана, Масса и Червинского) играл роль полубессознательного медиума, рупора и громкоговорителя, озвучивавшего содержание текста, который ему коварно подсовывали другие. Виновниками антисоветской выходки оказывались писатели. Текст, литература приводили к логичному политическому выводу о неблагоприятном положении в Союзе писателей, если, конечно, такие “писатели” считали этот союз своим. Немедленно последовал перенос даты съезда и кадровые перестановки в самом оргкомитете»[41].

Съезд состоится только в конце лета 1934 г., за несколько месяцев до убийства С.М. Кирова, сменившего весь политический пейзаж

[40] От опеки до опалы: Как Осип Мандельштам не стал советским писателем / Архивные разыскания Леонида Максименкова. URL: http://kommersant.ru/doc/2889449 (дата обращения: 9.07.2019).

[41] *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2003/maksim.html (дата обращения: 9.07.2019).

страны, и через три месяца после ареста Мандельштама 17 мая 1934 г. Здесь, возможно, важно, что Бухарин стал главным редактором «Известий» уже через три месяца после написания «Мы живем, под собою не чуя страны…». Это дает возможность сделать предположение, что в новой ситуации 1934 г. крамольного стихотворения могло бы и не быть. Ведь тогда наступала очень краткая «оттепель» 1933–1934 гг., как назвал этот период Л. Флейшман, посвятивший ей специальную главу в цитированной книге.

В заключение обратим внимание на один очень трудночитаемый документ, который, однако, получает некоторое новое освещение на фоне сказанного здесь. Это сообщение осведомителя ОГПУ лета 1933 г.: «На днях вернулся из Крыма Мандельштам. Настроение его резко окрашено в антисоветские тона. Он взвинчен, резок в характеристиках и оценках, явно нетерпим к чужим взглядам. Резко отгородился от соседей, даже окна держит закрытыми со спущенными занавесками». Далее сообщаются сведения, которые имеют прямое отношение к творчеству и биографии Мандельштама: «Его очень угнетают картины голода, виденные в Крыму…»[42]. Результатом этого явились стихи «Холодная весна, голодный старый Крым…», которые в итоге он записал на допросе после ареста 1934 г. вместе с «Мы живем, под собою не чуя страны…».

Там же осведомитель сообщает о неизвестной нам новой («вновь») идее писать т. Сталину. И связано это с тем, что «старые его огорчения (побои, травля в связи с «плагиатом») не нашли сочувствия ни в литературных кругах, ни в высоких сферах»[43]. Нетрудно видеть, что последние слова далеко не полностью соответствуют реальности и конкретным поступкам Мандельштама в 1929 — начале 1933 г., но к концу лета 1933 г. всё, связанное со старым «чуянием под собою страны», явно закончилось, и надо было едва ли не по примеру постоянного корреспондента Сталина М.А. Булгакова рассуждать о возможности невозможного побега за границу. «Высокие сферы» больше своими для Мандельштама не были. Да и «речи» стали «за десять шагов не слышны». Теперь «за древней каменной стеной» говорил один «человек-деянье», как назвал его Борис Пастернак в стихах 1936 г., написанных по просьбе Бухарина и в благодарность за спасение Мандельштама. Перемещение Мандельштама после письма Бухарина Сталину из Чердыни в Воронеж ненадолго

[42] *Berelowitch A.* Les Ecrivans vus par l'OGPU // Revue des Etudes Slaves. 2001. Vol. LXXIII. № 4: La literature sovietique aujourd'hui. P. 626–627.

[43] *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 184–185.

отсрочило развязку. И быть может, некоторым объяснением необъяснимого сталинского чуда была как раз цитированная записка осведомителя ОГПУ, где именно Сталин оставался единственным адресатом неизвестных нам писем. Именно здесь начиналась та «дорога к Сталину не сказка, / А только путь без укоризн», которая привела к мандельштамовской «Оде» Сталину.

Разумеется, политическая биография поэта не обязана в точности отражаться в его стихах. Однако в случае Мандельштама это оказалось именно так. И здесь уже дело читателя и исследователя выбрать: идти к пониманию жизни поэта от его стихов и воспоминаний его вдовы или, наоборот, попытаться понять время глазами поэта, оставив мемуарам место одного из далеко не самых достоверных источников.

Литература

Динерштейн Е. Вольфсон М.Б. // Книга: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. С. 144.

Кацис Л. «Летопись жизни и творчества» О. Мандельштама: от факта к вымыслу // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 126–160.

Кацис Л. «Летопись жизни и творчества» Осипа Мандельштама: от факта к вымыслу. Доп. 1 // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 19–26.

Кацис Л. Опыт комментирования окказиональных «советизмов» Владимира Маяковского // Маяковский продолжается: сборник научных статей и публикаций архивных материалов. Вып. 3. М.: Государственный музей Маяковского, 2016. С. 143–163.

Кацис Л. Осип Мандельштам в «Вечерней Красной газете» 1925–1929 гг.: от еврейского театра до анонимных аннотаций // Корни, побеги, плоды… Мандельштамовские дни в Варшаве. Ч. 1. М.: РГГУ, 2015. С. 174–210.

Кацис Л. Осип Мандельштам между «Вечерним Киевом» и ленинградским «Резцом» (1927–1929). О реальных источниках стихов и прозы поэта // Вопросы литературы. 2018. № 6. С. 309–367.

Кацис Л. Роман Б. Лекаша «Радан Великолепный» в переводе О. Мандельштама и русско-немецко-французский контекст (к проблеме сравнительного описания русско-еврейской и франко-еврейской литератур) // Сравнительно о сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма: коллективная монография по материалам русско-французских коллоквиумов 6–7 октября 2009 года и 3–4 октября 2011 года. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 452–463.

Кацис Л. Сизифу от «Камня»: несколько слов в ответ на письмо о моей рецензии // Вопросы литературы. 2015. № 1 (спец. вып.). С. 12–19.

Кубатьян Г. Место армянской темы в творчестве Мандельштама (Уроки Армении) // Вестник Ереванского государственного университета. Общественные науки. 1989. № 6. С. 19–20.

Мец А. Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. 3-е изд., испр. и доп. Интернет-издание 2019. URL: https://imwerden.de/pdf/mandelshtam_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf (дата обращения: 9.07.2019).

Михайлов А.Д., Нерлер П.М. Примечания // Мандельштам О. Путешествие в Армению. URL: http://apsnyteka.org/1252-mandelshtam_o_puteshestvie_v_armeniju.html (дата обращения: 9.07.2019).

От опеки до опалы: как Осип Мандельштам не стал советским писателем / Архивные разыскания Леонида Максименкова. URL: http://kommersant.ru/doc/2889449 (дата обращения: 9.07.2019).

Ронен О. Слава // Звезда. 2006. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html (дата обращения: 9.07.2019).

«Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг.: документы / сост. Д.Л. Бабиченко. М.: РОССПЭН, 1997. 319 с.

Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб.: Академический проект, 2005. 655 с.

Хлевнюк О. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.

Berelowitch A. Les Ecrivains vus par l'OGPU // Revue des Etudes Slaves. 2001. Vol. LXXIII. № 4: La literature sovietique aujourd'hui. P. 619–636.

References

Berelowitch A. Les Ecrivains vus par l'OGPU. *Revue des Etudes Slaves*, 2001, vol. 73, no. 4, La literature sovietique aujourd'hui, pp. 619–636. (In French.)

Dinershtein E. Vol'fson M.B. *Kniga: entsiklopediia* [Book: Encyclopedia]. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ., 1999, p. 144. (In Russ.)

Fleishman L. *Boris Pasternak i literaturnoie dvizheniie 1930-kh godov* [Boris Pasternak and the literary movement of the 1930s]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 655 p. (In Russ.)

Gershtein E. *Memuary* [Memoirs]. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1998. 537 p. (In Russ.)

Katsis L. "Letopis' zhizni i tvorchestva" O. Mandel'shtama: ot fakta k vymyslu ["Chronicle of O. Mandelstam's life and work": from fact to fiction]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 1, pp. 126–160. (In Russ.)

Katsis L. "Letopis' zhizni i tvorchestva" Osipa Mandel'shtama: ot fakta k vymyslu. Dop. 1 ["Chronicle of O. Mandelstam's life and work": from fact to fiction. App. 1]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 1, special iss., pp. 19–26. (In Russ.)

Katsis L. Opyt kommentirovaniia okkazional'nykh "sovetizmov" Vladimira Maiakovskogo [Attempt of commenting on Vladimir Mayakovsky's occasional

"Sovietisms"]. *Mayakovskii prodolzhaetsia: sbornik nauchnykh statei i publikatsii arkhivnykh materialov.* [Mayakovsky continues: Collection of scientific articles and publications of archival materials]. Issue 3. Moscow, State Mayakovsky Museum Publ., 2016, pp. 143–163. (In Russ.)

Katsis L. Osip Mandel'shtam mezhdu "Vechernim Kievom" i leningradskim "Reztsom" (1927–1929). O real'nykh istochnikakh stikhov i prozy poeta [Osip Mandelstam between "Vecherny Kiev" and the Leningrad magazine "Rezets" (1927–1929). On real sources of poet's lyrics and prose]. *Voprosy literatury*, 2018, no. 6, pp. 174–210. (In Russ.)

Katsis L. Osip Mandel'shtam v "Vechernei Krasnoi gazete" 1925–1929 gg.: ot evreiskogo teatra do anonimnykh annotatsii [Osip Mandelstam in 1925–1929 "Vechernyaya Krasnaya gazeta": from Jewish theater to anonymous annotations]. *Korni, pobegi, plody... Mandel'shtamovskie dni v Varshave* [Roots, shoots, fruits... Mandelstam days in Warsaw]. Part 1. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2015, pp. 174–210. (In Russ.)

Katsis L. Roman B. Lekasha "Radan Velikolepnyi" v perevode O. Mandel'shtama i russko-nemetsko-frantsuzskii kontekst (k probleme sravnitel'nogo opisaniia russko-evreiskoi i franko-evreiskoi literatur) [The Novel "Radan the Magnificent" by B. Lekash translated by O. Mandelstam and the Russian-German-French context (on the problem of a comparative description of Russian-Jewish and French-Jewish literature)]. *Sravnitel'no o sravnitel'nom literaturovedenii: transnatsional'naia istoriia komparativizma: kollektivnaia monografiia po materialam russko-frantsuzskikh kollokviumov 6–7 oktyabrya 2009 goda i 3–4 oktyabrya 2011 goda* [In comparative way on comparative literary studies: A Transnational history of Comparativism: A Collective monograph based on materials from the Russian-French colloquiums on October 6–7, 2009 and October 3–4, 2011]. M.: IWL RAS Publ., 2014, pp. 452–463. (In Russ.)

Katsis L. Sizifu ot "Kamnya": neskol'ko slov v otvet na pis'mo o moei retsenzii [To Sisyphus from "Stone": a few words in response to a letter about my review]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 1 special iss., pp. 12–19. (In Russ.)

Khlevnyuk O. *Khozyain: Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [The Master: Stalin and the approval of the Stalinist dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 478 p. (In Russ.)

Kubat'ian G. Mesto armianskoi temy v tvorchestve Mandel'shtama (Uroki Armenii) [The place of the Armenian theme in Mandelstam's works (Armenia's lessons)]. *Vestnik Yerevanskogo gosudarstvennogo universitetata. Obshchestvennye nauki*, 1989, no. 6, pp. 19–20. *(In Russ.)*

Mets A. *Letopis' zhizni i tvorchestva O.E. Mandel'shtama* [Chronicle of O.E. Mandelstam's life and work], 3rd ed. corr. and add. St. Peterburg, Internet-izdaniye Publ., 2019. Available at: https://imwerden.de/pdf/mandelshtam_letopis_zhizni_i_tvorchestva_3_izd_2019.pdf (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

Mikhailov A.D., Nerler P.M. Primechaniia [Notes]. Mandel'shtam O. *Puteshestvie v Armeniiu* [Travel to Armenia]. Available at:: http://apsnyteka.org/1252-mandelshtam_o_puteshestvie_v_armeniju.html (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

Ot opeki do opaly: Kak Osip Mandel'shtam ne stal sovetskim pisatelem. Arkhivnyye razyskaniia Leonida Maksimenkova [From custody to disgrace: How Osip Mandelstam did not become a Soviet writer. Leonid Maksimenkov's archival research]. Available at: http://kommersant.ru/doc/2889449 (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

Ronen O. Slava [Glory]. *Zvezda*, 2006, no. 7. Available at: http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/7/ro16.html (accessed 9.07.2019). (In Russ.)

"Schast'ye literatury". Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg.: dokumenty ["The happiness of literature". State and writers. 1925–1938: Documents], comp. D.L. Babichenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 319 p. (In Russ.)

The problem of revealing political reality in Osip and Nadezhda Mandelshtam's documents concerning M. Volfson, V. Narbut, N. Bukharin

© 2019, Leonid Katsis

Abstract: The work is devoted to the analysis of Osip Mandelstam's articles "Streams of hackwork (*khaltura*)" and "On translations" in the broad literary and political context of the 1920–1930s. The author suggests comparing these articles with the work and publications of the head of the conscientious political censorship Miron Volfson (1880–1932), a member of the board and editor-in-chief of the Gosizdat (State Publishing House), whose name appears several times in Mandelstam's letters. Analysis of official contacts that Mandelstam had with the leadership of conscientious ideological bodies and highest Soviet ideological authorities, allows us to shed a new light on the origin and meaning of the Mandelstam's anti-Stalinist "epigram" "We live without feeling the country..." In particular, the author reveals a direct reference to Mandelstam's article "Streams of hackwork" in Wolfson's 1929 book "The Ways of the Soviet Book", where the author, on one hand, sums up the NEP period of the Soviet book publishing history, and on the other, sets the task of a new total centralization of book publishing as an important section of the ideological front. The study allows to put the poet's articles "Streams of hackwork" and "On translations", which at first glance are devoted exclusively to the problem of translation, in political context of the second half of the 1920s and early 1930s. The observations and conclusions based of the analysis give the opportunity to substantially correct the information about this period of Mandelstam's biography, which is contained in the memoirs of his widow N.Ya. Mandelstam.

Keywords: Osip Mandelstam, Nadezhda Mandelstam, Miron Volfson, David Zaslavsky, Vladimir Narbut, political censorship, translations

Information about the author: Leonid Katsis, Doctor Hab. in Literature, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Katsis Leonid. The problem of revealing political reality in Osip and Nadezhda Mandelshtam's documents concerning M. Volfson, V. Narbut, N. Bukharin. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 310–341. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-310-341

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-342-351
УДК 821.161.1

Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера»

© 2020, Е.А. Закрыжевская

Аннотация: Главным источником информации о жизни В.Ф. Ходасевича служат его воспоминания, которые он публиковал в виде отдельных очерков на страницах эмигрантских изданий. В данной статье рассматривается несколько случаев, когда сведения биографического характера появляются и в хронике советской литературы, которую критик вел совместно с Н.Н. Берберовой в газете «Возрождение» (1927–1939) под общим псевдонимом Гулливер. Помимо документальных подтверждений работы над хроникой, а также наличия идейной общности псевдонимных заметок и авторизованных публикаций, установить авторство Ходасевича удается, когда в заметки вплетаются биографические подробности жизни хроникера. До сих пор такие случаи рассматривались как вспомогательный материал для атрибуции тех или иных выпусков хроники. В данной статье выделяются заметки, представляющие самостоятельную ценность как для изучения творчества Ходасевича, так и его биографии, что позволяет существенно скорректировать традиционный подход к подобному материалу. Для исследования привлекаются наиболее интересные и пространные примеры из всего корпуса «Литературной летописи». Тематический разброс довольно велик: от рецепции планов 1935 г. по перепланировке московских улиц до отсылок к неопубликованному поэтическому наследию Ходасевича.

Ключевые слова: первая волна эмиграции, В.Ф. Ходасевич, «Возрождение», псевдонимы, «Литературная летопись», хроника советской литературы

Информация об авторе: Елена Андреевна Закрыжевская, аспирантка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: elenazakryzhevskaya@gmail.com

Цитирование: *Закрыжевская Е.А.* Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера» // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 342–351. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-342-350

Хроника советской литературы, которую В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова совместно вели в газете «Возрождение» с 1927 по 1939 гг., значительно дополняет образ Ходасевича-критика, когда можно определенно сказать, что именно он являлся автором того или иного выпуска, выходившего под общим псевдонимом «Гулливер».

Кроме случаев документально подтвержденной работы над хроникой, а также наличия идейной общности псевдонимных заметок и авторизованных публикаций, установить авторство удается, когда в заметки вплетаются биографические подробности жизни хроникера. В данной статье мы отметим наиболее, на наш взгляд, любопытные и пространные примеры из всего корпуса «Литературной летописи»[1].

Первая из рассматриваемых хроник появилась в газете 10 октября 1935 г. и была озаглавлена «Москва в 1945 году»[2]. В летописи Гулливера речь идет о плане реконструкции Москвы. Отправной точкой рассуждений хроникера стала публикация, появившаяся в сентябрьском номере «Красной нови»[3]. Ее автор, А. Михайлов, довольно подробно останавливается на истории застройки города, дает обзор проектов реконструкции Москвы и, наконец, переходит к плану, утвержденному 10 июля 1935 г., описывая те изменения, которые появятся в облике столицы через десять лет.

Приступая к собственной заметке, Гулливер создает оригинальную вводную часть, чтобы обозначить, насколько насущным был вопрос о перепланировке московских улиц: «Еще в довоенную эпоху структура города и внешний вид улиц перестали отвечать значению Москвы. Городское самоуправление время от времени делало попытки внести некий порядок в планировку улиц и оказать давление на архитектуру вновь строящихся зданий. Однако эти попытки, робкие и лишенные единой внутренней идеи, наталкивались на непреодолимые препятствия, создаваемые индивидуальной волей людей, которым принадлежали земли и здания в городе. Для иллюстрации довольно напомнить трагикомическую историю так называемой “хомяковской рощи” на углу Петровки и Кузнецкого переулка. Еще в конце девяностых годов городская управа заставила домовладельца при возведении нового здания отодвинуть его в глубину земельного участка, чтобы расширить въезд в Кузнецкий переулок. Домовладелец Хомяков выстроил дом по плану управы, но освободившийся

[1] Так хроника называлась с конца 1927 г.

[2] В большинстве случаев хроника включала несколько заметок, однако во второй половине 1930-х гг. всё чаще попадаются выпуски, состоящие из одного фельетона.

[3] *Михайлов А.* От Москвы феодальной к Москве социалистической // Красная новь. 1935. № 9. С. 150–169.

треугольник земли ей не уступил, а обнес его железной решеткой, за которой насадил ряд елок. Таким образом, движение в этом оживленнейшем пункте города не было облегчено, а безобразная и нелепая "роща" появилась и мозолила глаза москвичам более двух десятилетий»[4].

Не приходится сомневаться, что автором данной хроники является Ходасевич, который, в отличие от Берберовой, провел в Москве большую часть жизни, а в 1890-х гг. к тому же жил неподалеку от упомянутой «хомяковской рощи». Что же в этом тексте Ходасевича могло бы дополнить его портрет критика или просто заинтересовать?

В процитированном отрывке обращает на себя внимание то, что сотрудник крайне правой газеты «Возрождение» констатирует безуспешность попыток урегулировать строительство в Москве в условиях частной собственности на землю. Далее он еще раз прямо говорит о том же: «С уничтожением частной собственности исчезло главное препятствие к перепланировке города»[5].

Далее, упомянув некоторые из предложенных советскому правительству проектов переустройства города, которые в основном относятся к категории «урбанистических» или «дезурбанистических», он пишет: «По соображениям марксистской идеологии, на сей раз сослужившей хорошую службу, советское правительство решило отказаться и от тех, и от других крайностей. Принятый им новый план может казаться в значительной степени утопическим, можно усомниться в возможностях, которыми располагают для его осуществления, но нельзя не признать, что будущая Москва, как она рисуется воображению реформаторов, имеет в себе много соблазнительного»[6].

Кажется неожиданным, что москвич Ходасевич, к тому же считавшийся в эмиграции литературным консерватором, приветствует создание магистралей, прорезывающих город в нескольких направлениях (за счет исчезновения многих узких и запутанных московских улиц), снос зданий торговых рядов (ГУМа), Исторического музея, здания городской думы, радикальное увеличение этажности домов в городе и т. д. Однако именно об этом говорится в цитатах, которые Ходасевич выбирает из статьи в «Красной нови», чтобы представить читателям «Возрождения» образ Москвы ближайшего будущего.

Вероятно, жизнь в Петербурге в начале 1920-х гг. оказала влияние на архитектурные воззрения Ходасевича. В статье «Окно на Невский» очевидно, как он любуется перспективами улиц, строгими

[4] *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1935. № 3781, 10 окт. С. 4.
[5] Там же.
[6] Там же.

линиями города: «Из окна моего виден Невский проспект. Виден не поперек, а вдоль, вплоть до угла Садовой. Под самым окном течет Мойка. Невский пересекает ее, изогнувшись горбом моста, и плавным, прямым, широким разбегом уходит вдаль». Еще больше Ходасевич любуется Петербургом 1920-х гг. в очерке «Диск», опубликованном в «Возрождении» 14 апреля 1939 г., за месяц с небольшим до смерти автора. Между прочим, он подробно разбирает, почему город, в молодости не привлекавший его, был исполнен очарования в первые пореволюционные годы: «Вместе с вывесками с него [Петербурга — *Е.З.*] словно сползла вся лишняя пестрота. Дома, даже самые обыкновенные, получили ту стройность и строгость, которой ранее обладали одни дворцы. Петербург обезлюдел (к тому времени в нем насчитывалось лишь около семисот тысяч жителей), по улицам перестали ходить трамваи, лишь изредка цокали копыта либо гудел автомобиль, и оказалось, что неподвижность более пристала ему, чем движение. Конечно, к нему ничто не прибавилось, он не приобрел ничего нового, — но он утратил всё то, что было ему не к лицу»[7]. Именно эту интенцию — убрать лишнее, расширить пространство города, по-видимому, приветствует Ходасевич в заметке 1935 г., говоря, что замыслам советского правительства «нельзя отказать ни в смелости, ни в красоте», и тут же подчеркивая, что пока речь идет только о замыслах, а не их реализации.

Итак, симпатии, которые высказывает Ходасевич, с одной стороны, основаны на том, что ему, по-видимому, действительно нравится картина, которую рисует в своей статье советский журналист: гранитные набережные, поднимающиеся ярусами дома со спуском к реке, величественное 25-этажное здание на месте мелких домишек Зарядья... С другой стороны, Ходасевичу категорически не нравятся авангардные проекты Ле Корбюзье и Гильберсаймера, упомянутые в «Красной нови»; так, утвержденный план реконструкции Москвы призван посрамить строителей «зданий коробочного типа из стекла и железа»[8]. И, наконец, в-третьих, и об этом говорилось в самом начале, — кажется очевидным желание Ходасевича подчеркнуть: советское правительство, какими бы методами и принципами оно ни

[7] *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма / Сост. и подгот. текста И.П. Андреевой, С.Г. Бочарова; коммент. И.П. Андреевой, Н.А. Богомолова М., 1996. С. 273.

[8] Цитата относится к архитектурным новшествам Ле Корбюзье. Здания, построенные знаменитым швейцарцем, стали появляться на парижских улицах начиная с 1920-х гг. Между прочим, одни из первых домов, построенных Ле Корбюзье в Париже, находились в районе Отёй, неподалеку от Булонь-Биянкур — пригорода, где селились русские эмигранты.

руководствовалось, выдвигая марксистский или какой-то иной подход, решает проблемы, корни которых уходят в дореволюционную пору и которые не были и не могли быть решены в «России Рябушинских и Гучковых»[9] (т.е. крупных промышленников, сосредоточивших в своих руках значительные ресурсы и распоряжавшихся ими по своему усмотрению). NB: речь здесь идет вовсе не о «соглашательстве» с большевиками, а скорее о давнем расхождении Ходасевича с редакцией «Возрождения» и монархической линией русской эмиграции. Конфликт этот, существовавший с самого прихода Ходасевича в газету, с годами как будто смягчился, однако не вовсе исчерпал себя, чему служит примером и рассматриваемая нами заметка.

Подводя итог и переходя к разговору о других выпусках летописи, отметим, что рассмотренная нами хроника — конечно, проходной текст. Не следует слишком пристально вчитываться в него в поисках смыслов, которые автор не намеревался вложить в заметку, бывшую для него частью литературной поденщины. И всё же она довольно любопытна и добавляет нечто к нашему представлению о Ходасевиче-хроникере.

***

Следующая заметка, озаглавленная «Минский пленум»[10], появилась на страницах «Возрождения» весной 1936 г. Примечательная во многих отношениях, в данном случае она интересна тем, что в ней Гулливер упоминает произведение «одного петербургского стихотворца», созданное «лет 15 тому назад» под названием «Мечта»:

Кабы маленький домочек,
Да вокруг него садочек,
Да в погожий бы денечек
Попивать в саду чаек,
Да с супругой Акулиной,
Да с дочуркой Октябриной
У курятника стоять,
Своих курочек считать,
Да у каждой бы на лапке
Лоскуток из красной тряпки, –
Вот бы форменно настал
Пролетарский идеал![11]

[9] Цитата из письма Б.А. Садовскому от 15 декабря 1917 г. (Письма В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому. Ann Arbor, 1983. С. 37).
[10] *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1936. № 3928, 5 марта. С. 4.
[11] Там же.

Нетрудно заметить, что это несколько видоизмененное стихотворение Ходасевича «НЭП», не опубликованное при жизни автора:

Если б маленький домишко,
Да вокруг него садишко,
Да в погожий бы денек
Попивать бы там чаек —

Да с супругой Акулиной,
Да с дочуркой Октябриной,
Д'на крылечке бы стоять —
Своих курочек считать,

Да у каждой бы на лапке
Лоскуток из красной тряпки,
Вот он, братцы, я б сказал, —
«Нацьональный идеал»![12]

Черновой автограф не датирован, однако поскольку он находится среди стихов 1923 г. в так называемой «черной тетради», принято считать, что он также относится к 1923 г.[13]

В газете стихотворение набрано без деления на строфы. В первом четверостишии изменены рифмы: домишко — домочек, садишко — садочек, денек — денечек. Вместо парной рифмовки варианта 1923 г. появляется холостая рифма[14]. Строка «Д'на крылечке бы стоять», придававшая стихотворению частушечное, простонародное звучание, заменена Ходасевичем на более нейтральную. Исчезла прямая речь, также стилистически окрашенная[15]. Место «нацьонального» идеала начала 1920-х гг. занимает «пролетарский» идеал 1936 г., содержание

[12] *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. С. 347.

[13] Любопытно, что, если принять приблизительную датировку хроникера («лет пятнадцать тому назад») как точную и посчитать временем создания 1921 г., это совпадет с годом написания стихотворения Ходасевича «Искушение», тематически схожего, хотя и проникнутого совершенно иным пафосом. Однако совпадение может быть вполне случайным. Сразу после отъезда за границу «вещи общественные» занимали Ходасевича-поэта не менее, а возможно, и более, чем в то время, когда он был окружен российской пореволюционной действительностью. См., например, стихотворения «Помню куртки из пахучей кожи...», «Сквозь облака фабричной гари...». Также об этом см. в письме А.И. Ходасевич от 12 октября 1922 г. (*Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. С. 451).

[14] Не исключено, что это ошибка набора (к сожалению, довольно частое явление в данной газете), и следует «денек — чаек».

[15] Судя по черновому автографу, первоначально прямая речь вводилась с помощью двоеточия, однако затем Ходасевич отказался от такого оформления,

которого за почти полтора десятилетия осталось, по мнению хроникера, неизменным и не имеющим ничего общего с официальными лозунгами правительства.

***

Если в летописи от 5 марта 1936 г. Ходасевич-поэт выступает под маской «петербургского стихотворца»[16], то с заметкой «Нервный старик», помещенной в хронике 29 апреля 1938 г., дело обстоит иначе. В ней Ходасевич вновь приписывает Гулливеру одно из своих произведений, на этот раз детских, рассказывая случай из собственной жизни, уже известный читателю «Возрождения» по отрывкам из автобиографии, опубликованным осенью 1933 г. под заголовком «Младенчество»[17].

В заметке Гулливера одноименная комедия представлена несколько иначе, чем в автобиографическом очерке. В воспоминаниях Ходасевич обращает внимание на то, каким образом он подошел к написаю пьесы, и мало сообщает о ее содержании, вскользь замечая, что она была подражательна: «Тогда же [выше Ходасевич вспоминает: «Мне было лет шесть, когда сочинил я первое двустишие...»[18] — *Е.З.*] я попробовал силы в драматургии. Симметрия, должно быть, казалась мне основным архитектоническим законом драмы. Поэтому в толстой клеенчатой тетради сосчитал я страницы, разделил ее на четыре равные части и в соответствующих местах надписал: “Действие первое”, “Действие второе”, “Действие третье”, “Действие четвертое”. Затем тетрадь была заполнена текстом, представлявшим собою комедию “Нервный старик” — подражание какой-то комедии Мясницкого[19], которую в то время мои братья репетировали для

поставив тире — знак, который три раза появляется в черновике 1923 г. и только один — в публикации 1936 г.

[16] В текст очерка «Диск» схожим образом вводится отрывок из другого стихотворения Ходасевича: «Чиновный, торговый, фабричный люд отчасти разъехался, отчасти просто стал менее виден, слышен. Зато жизнь научная, литературная, театральная, художественная проступила наружу с небывалой отчетливостью. Большевики уже пытались овладеть ею, но еще не умели этого сделать, и она доживала последние дни свободы в подлинном творческом подъеме. Голод и холод не снижали этого подъема, — может быть, даже его поддерживали. Прав был поэт, писавший в те дни: И мне от голода легко // И весело от вдохновенья» (*Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. С. 274).

[17] *Ходасевич В.* Младенчество (отрывки из автобиографии) // Возрождение. 1933. № 3054, 12 окт. С. 3–4; № 3056, 15 окт. С. 3; № 3061, 19 окт. С. 3–4.

[18] *Ходасевич В.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. С. 206.

[19] Мясницкий Иван Ильич (наст. фамилия Барышев, 1854–1911) — писатель-юморист, драматург. Его комедии предназначались в основном для театра Корша и пользовались успехом у публики в 1880–1890-х гг.

любительского спектакля». В «Литературной летописи» хроникер, напротив, останавливается на содержании комедии: «Имея лет восемь отроду, Гулливер написал драму “Выстрел” и комедию “Нервный старик”. Драма осталась лежать неоконченной, комедия же была благополучно дописана и прочитана вслух подневольным слушателям — няне и бабушке. Героем ее был почтенный профессор, обуреваемый благородством, который по нервности своей не успевал толком вникать в окружающие события, но реагировал на них сильно — и непрестанно попадал в нелепое положение. Так вот, с каждым годом Гулливеру всё более кажется, что его профессор воплотился в Ромене Роллане»[20]. Очевидно, целью Ходасевича в этом небольшом отрывке было выразить отношение к писателю-современнику, а не дать зарисовку мемуарного характера. Поэтому делать выводы о том, какой именно пьесе И.И. Мясницкого подражал Ходасевич ребенком, исходя из данного описания затруднительно. Тем не менее кажется наиболее вероятным, что образ нервного профессора навеян комедией «Ни минуты покоя» (1890), где выводится «отставной чиновник, антикварий, человек лет 55, рассеянный, взбалмошный и упрямый»[21]. Он уединяется с семьей на даче, чтобы писать исследование о «первом московском кирпиче» и проводить археологические «экскурсии» поблизости. Экстравагантная страсть Кирпичева (такой говорящей фамилией наделил своего героя Мясницкий) вкупе с поспешностью, с которой он реагирует на каждую представляющуюся возможность заполучить мнимые антики, является двигателем незамысловатой интриги комедии. Пьеса опубликована в журнале «Театральная библиотека» в 1893 г. (№ 88, кн. 22), а затем вошла в 1-й том «Драматических сочинений» Мясницкого, выпущенных тем же журналом в 1895 г. Отсюда можно предположить, что в «Литературной летописи» Ходасевич более точен в своих воспоминаниях и его первый драматический опыт пришелся на 1893–1895 гг., когда ему было от 7 до 9 лет[22].

Это отнюдь не бесспорное замечание мы оставляем в скобках, тем более что задача данной статьи — лишь показать самые очевидные случаи проявления биографических черт в хронике Гулливера.

[20] *Гулливер*. Литературная летопись // Возрождение. 1938. № 4129, 29 апр. С. 9.

[21] *Мясницкий И.И*. Драматические сочинения. Т. 1. М., 1895. С. 222.

[22] Эту стройную теорию несколько портит тот факт, что пьеса Мясницкого трехактная (как и подавляющее большинство его комедий; четырехактные по содержанию и вовсе не подходят). Во-вторых, кроме публикации в журнале и в сочинениях есть еще книжечка, отпечатанная в неустановленном году, в выходных данных которой значится только: «Литография комиссионера Общества русских драматических писателей С.Ф. Рассохина». Но, судя по всему, таких экземпляров выходило совсем немного — около 100.

Метаморфозы авторского присутствия в текстах летописи ранее уже отмечались исследователями[23]. Однако до сих пор такие случаи рассматривались как вспомогательный материал для атрибуции тех или иных выпусков хроники. В данной же статье мы попробовали выделить заметки, представляющие самостоятельную ценность для изучения как творчества Ходасевича, так и его биографии.

Литература

Малмстад Дж. Единство противоположностей: история взаимоотношений Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51–59.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906–1922 / сост. и подгот. текста: И.П. Андреева, С.Г. Бочаров; коммент.: И.П. Андреева, Н.А. Богомолов. М.: Согласие, 1996. 592 с.

Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма / сост. и подгот. текста: И.П. Андреева, С.Г. Бочаров; коммент.: И.П. Андреева, Н.А. Богомолов. М.: Согласие, 1997. 744 с.

References

Khodasevich V.F. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vols. Vol. 1: Stikhotvoreniia. Literaturnaia kritika 1906–1922 [Poems. Literary criticism 1906–1922], eds. I.P. Andreeva, S.G. Bocharov, comments I.P. Andreeva, N.A. Bogomolov. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 592 p. (In Russ.)

Khodasevich V.F. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 4 vols. Vol. 4: Nekropol'. Vospominaniia. Pis'ma [Necropolis. Memoirs. Letters], eds. I.P. Andreeva, S.G. Bocharov, comments I.P. Andreeva, N.A. Bogomolov. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 744 p. (In Russ.)

Malmstad J. Edinstvo protivopolozhnostei: istoriia vzaimootnoshenii Khodasevicha i Pasternaka [Unity of opposites. The relationship between Khodasevich and Pasternak]. *Literaturnoe obozrenie*, 1990, no. 2, pp. 51–59. (In Russ.)

[23] В комментариях к статье «Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака» Дж. Малмстад обращает внимание на то, как после 1930 г. в хронике происходит переход в третье лицо. Это, вероятно, означает, что «к этому времени Берберова действительно стала вести рубрику вместо Ходасевича, который отныне подключался к ней лишь спорадически», — предположение, которое подтверждается анализом содержания заметок начала 1930-х г. (*Малмстад Дж*. Единство противоположностей: История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 58).

Biographical features of Vladislav Khodasevich in Gulliver's chronicle

© 2020, Elena Zakryzhevskaya

Abstract: The main source of information about Vladislav Khodasevich's life is his memoirs, which he published as separate essays on the pages of émigré outlets. The article discusses several cases when biographical information appears in the chronicle of Soviet literature, which the critic published together with Nina Berberova in the newspaper "Vozrozhdenie" (1927–1939) under the common pseudonym Gulliver. In addition to documentary evidence of work on the chronicle, as well as the existence of an ideological community of pseudonymous notes and authorized publications, Khodasevich's authorship can be established when biographical details of the chronicler's life are interwoven in the notes. Until now, such cases have been considered as supporting material for the attribution of certain chronicle issues. The article highlights notes that are of independent value for studying both Khodasevich's work and his biography, which allows us to significantly correct the traditional approach to such a material. The most interesting and voluminous examples from the entire corps of "Literary Chronicle" are used for research. The thematic scatter is quite large: from the reception of plans for 1935 on the redevelopment of Moscow streets to references to Khodasevich's unpublished poetic legacy.

Keywords: first wave of emigration, Vladislav Khodasevich, "Vozrozhdenie" newspaper, pseudonims, "Literary Chronicle", chronicle of Soviet literature

Information about the author: Elena Zakryzhevskaia, PhD student, Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: elenazakryzhevskaya@gmail.com

Citation: Zakryzhevskaia Elena. Biographical features of Vladislav Khodasevich in Gulliver's chronicle. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 342–351. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-342-351

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-352-365
УДК 821.161.1

Русский литературный наследник Блейка: По материалам неопубликованных поэм Бориса Анрепа

© 2020, В.В. Сердечная

Аннотация: В статье рассматриваются неопубликованные поэмы русского поэта и художника Бориса Анрепа, исследуемые в контексте развития традиций английской романтической лироэпики. Предлагается исследование данных поэм как свидетельства творческого диалога Анрепа с пророческой поэзией Уильяма Блейка. Материалы исследования — поэмы «Владимир», «Создание мира» и «Сотворение человека», написанные Анрепом в 1900-х годах, до эмиграции из России, и хранящиеся в архиве Н. Недоброво (Личный фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук). Используются методы сравнительного литературоведения, а также методы анализа, синтеза и обобщения. Обосновывается идея о том, что Анреп уже в раннем своем поэтическом творчестве во многом наследует поэтике и тематике пророческих поэм Уильяма Блейка, с которыми познакомился в детстве. Выявлена общность в образной системе поэм Анрепа и Блейка: действующими лицами становятся стихии, гиганты, обобщенные природные явления. Выявлено тяготение Анрепа к сочетанию физиологичности и философствования, синтезу авторского иносказания и миметических описаний, что также свидетельствует о влиянии романтической лироэпики. Сделан вывод о том, что ранние поэмы Бориса Анрепа, как и более поздние его произведения («Человек», «Физа», «Foreword To The Book Of Anrep»), являются во многом попыткой воплотить на русском языке принципы английской романтической поэмы, в первую очередь пророчеств Уильяма Блейка. Исследованы примеры рецепции поэм Анрепа в творчестве художника Дмитрия Стеллецкого. Доказано, что подобный пример рецепции английского романтизма вообще характерен для культуры Серебряного века, которая заново открывала для себя европейский ранний романтизм (По, Новалис, Гельдерлин) и ощущала его как современное себе искусство.

Ключевые слова: русская литература Серебряного века, Борис Анреп, Уильям Блейк, английский романтизм, рецепция романтизма, лироэпическая поэма.

Информация об авторе: Вера Владимировна Сердечная, к.ф.н., научный редактор, издательский дом «Аналитика Родис», Краснодар, Россия. E-mail: rintra@yandex.ru

Цитирование: *Сердечная В.В.* Русский литературный наследник Блейка: По материалам неопубликованных поэм Бориса Анрепа // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 352–365. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-352-365

Поскольку первый этап рецепции западного романтизма в России в начале XIX в. сравнительно быстро сменился интересом к реализму, многие авторы-романтики были вновь или даже впервые открыты в России в эпоху Серебряного века. Русская культура, в частности, познакомилась с ранним романтизмом. Отчасти такое положение вещей следовало логике развития рецепции романтизма в Европе (открытие Блейка, По, Гёльдерлина в конце XIX — начале XX вв.), отчасти имело собственные характерные черты.

В частности, открытие английского романтика Уильяма Блейка происходило в России начала XX в. не только в статьях Венгеровой[1] и переводах Бальмонта[2]. Особое место Блейк занимал в жизни и творчестве художника-мозаичиста и самобытного поэта Бориса Анрепа, который известен в России в основном как адресат лирики Ахматовой. Единственная биография Анрепа написана его невесткой, журналисткой Аннабел Фарджен, и издана только на русском языке[3].

Борис Анреп обнаружил интерес к литературе рано. Особое место в его литературных увлечениях занимала английская литература: он вспоминал, что читал «Прометея освобожденного» Шелли еще в гимназии — под партой, во время урока греческой истории[4]. Будучи еще школьником, Борис сдружился с Николаем Недоброво. Как писал сам Анреп: «Разговор перешел на литературные темы. За всё время нашей дружбы это был главный предмет разговоров»[5].

В 1902–1905 гг. Анреп и Недоброво учились в Петербургском университете[6]. В 1910-х гг. Недоброво стал уж известным литературным критиком, теоретиком стиха и поэтом. Он же познакомил Анрепа с Ахматовой. Именно в архиве Недоброво сохранились до сих пор не опубликованные литературные произведения Бориса Анрепа.

С 1908 г., отказавшись от карьеры юриста и оставив университет, Анреп жил в Париже, а затем — в Великобритании, обучаясь живописи. Его первая персональная выставка состоялась в Лондоне в 1913 г. в галерее Ченил. Но пока он отнюдь не эмигрант: в 1914–1916 гг.

---

[1] *Венгерова З.А.* Родоначальник английского символизма // Северный вестник. 1896. № 9. С. 81–99.

[2] *Блэк У.* Радость-дитя. Маленький мальчик потерявшийся. Маленький мальчик найденный. Колыбельная песня. Ночь. Тайна любви. Тигр. Книга Тэль / Пер. К. Бальмонта // Бальмонт К.Д. Из чужеземных поэтов. СПб., 1908. С. 4–22 и др.

[3] *Фарджен А.* Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. СПб., 2003. С. 20.

[4] Там же. С. 21.

[5] Там же.

[6] *Rosslyn* W. Boris Anrep and the Poems of Anna Akhmatova // The Modern Language Review. 1979. Vol. 74, № 4. P. 885.

Анреп воевал в составе русской армии в Галиции, получал награды. Только в 1917 г. он уехал из России навсегда.

Влияние английской романтической поэмы как жанра ощутимо в литературных опытах Анрепа; А. Фарджен упоминает, что особенно он ценил творчество Блейка и Шелли. Стиль Анрепа-художника критики также связывали с влиянием Блейка. Так, влиятельный художественный критик Роджер Фрай, в 1913 г. написавший предисловие к каталогу персональной выставки Анрепа в Челси, указывал: «Большинство современных художников черпают вдохновение из созерцания внешних явлений. Фон Анреп, как мне кажется, — из движений своей внутренней жизни. Среди английских художников мы можем заметить нечто подобное у Блейка, и посетитель выставки наверняка вспомнит этого художника, но не столько из-за формального сходства, сколько благодаря несомненно схожим методам»[7].

Подобно Блейку-граверу, Анреп также в определенном смысле был ремесленником; его увлечением, а затем и профессией стала мозаика. В 1923 г. мозаичист оформил пол восьмиугольного зала в галерее Тейт для экспозиции акварельных иллюстраций Блейка к «Божественной комедии» Данте. Темой восьми многоугольных панно стали «Пословицы Ада» из поэмы романтика «Бракосочетание Рая и Ада». Эта сложная, интересная мозаика стала важнейшей репликой в творческом диалоге русского художника и английского романтика.

Анреп не просто увлекался Блейком: он, по всей видимости, познавал английский язык в основном через стихи романтика и английскую Библию. По крайней мере, в стихах Анрепа в 1909 г., когда его английский был еще беден, «ощущалось влияние Библии и Блейка»[8].

Литературное наследие Анрепа во многом опирается на опыт прочтения пророческих книг Блейка. Наследие это не так просто обозреть, поскольку сам Анреп, ушедший в мозаичное искусство, не был озабочен сохранением своих произведений. По свидетельству Г. Струве, в 1961 г., то есть почти полвека спустя, он уже не помнил о некоторых своих поэмах, в частности спутал поэму «Ода <о большой поэме>» (ок. 1910) с поэмой «Человек» (опубл. 1916)[9]. В минуту депрессии, как Анреп признавался тому же Струве, он уничтожил

[7] Цит. по: *Фарджен А*. Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. С. 74.

[8] Там же. С. 48.

[9] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // L. Fleishman, O. Ronen, Segal D. (eds) Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies Of The Hebrew University. Vol. V–VI. Jerusalem, 1981. С. 431.

все свои произведения, кроме «Физы»[10]. Таким образом, можно с большой долей уверенности говорить о том, что неопубликованные произведения Анрепа-поэта сохранились только в архиве Недоброво, с которым Борис делился своим творчеством. Это касается, в частности, поэм «Владимир», «Сотворение человека», «Создание мира».

Перечислим наиболее значимые литературные произведения Бориса Анрепа, известные на данный момент; бóльшая часть неопубликованных произведений хранится в фонде Николая Недоброво в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее РО ИРЛИ):

— поэма «Владимир», 1901;

— драма «Торжество», 1904;

— поэма «Создание мира», 1900-е;

— поэма «Сотворение человека», 1905;

— поэма «Ода <о большой поэме>», ~1910, возможно, утрачена;

— поэма “Foreword to the Book of Anrep” (очевидно, автоперевод на английский язык поэмы «Ода <о большой поэме>»), опубликована в 1913 г. в альманахе “Poetry and Drama”, Лондон;

— поэма «Человек», опубликована в журнале «Альманах муз», 1916;

— поэма «Физа», 1910-е; опубликована в 2003 г. в приложении к биографии А. Фарджен.

Ко многим произведениям Анрепа можно отнести слова, написанные Недоброво о поэме «Ода»: «я пленялся верной простотой и исключительной, почти ювелирной точностью тяжеловесных ударов. Ты ведь знаешь, что кустари делают тончайшие под час игрушки тем же топором, каким рубят дерево в лесу. Вот это и у тебя есть. В разных местах <…> получаешь сильнейшие эмоциональные толчки, прямо физически ощущаемые»[11]. Попытки совместить мифологию и научную точку зрения, аллегоризм, яркость и физиологичность образов — всё это придает своеобразие творчеству Анрепа-поэта и в то же время роднит его с Блейком.

Мы писали об уже опубликованных, хотя и малоизвестных поэмах Анрепа[12]. Важной задачей представляется введение в научный оборот поэм «Владимир», «Создание мира» и «Сотворение

[10] Там же. С. 462.

[11] К истории русской литературы 1910-х годов: письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу. С. 430.

[12] *Сердечная В.В.* «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 225–242; *Сердечная В.В.* Поэмы Бориса Анрепа “Foreword To The Book Of Anrep” и «Человек» // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Вып. 9. М., 2018. С. 150–161.

человека», сохранившихся только в архивах. До сих пор в научной литературе они не только не охарактеризованы, но даже точно не атрибутированы. Часто встречается путаница в названиях; сам Недоброво в письме к Анрепу от 21.10.1910, кажется, путает две поэмы: «Эти тучи напомнили мне тучи из “Создания мира”»[13], — хотя гораздо более яркий портрет тяжелых туч создан в «Сотворении человека». Далее, ранние поэмы Анрепа иногда путают с опубликованной поэмой «Человек», порой даже приписывают другим авторам. Так, О. Казнина указывает, что «Предисловие к Книге Анрепа» перекликается по жанру с поэмами Блейка «Создание человека», «Создание мира»[14], — очевидно, что неточные названия поэм Анрепа приписываются здесь Блейку, у которого таких произведений нет.

Подобно Блейку, Анреп строит авторскую мифологию, пишет аллегорично и архаично. Анреп-поэт нисколько не символист, уходящий в туманную перспективу смыслов; его образы требуют четкого и однозначного, хотя и не реалистичного истолкования.

Одно из первых произведений Анрепа — поэма «Владимир» (рукопись датирована 1901 г.). В сопроводительном письме к Недоброво Анреп пишет: «Чем больше я перечитываю свою поэму, тем сильнее прихожу к тому убеждению, что <…> только и будет хорошего в ней заглавие, так много переделывать необходимо, что руки опускаются»[15]. Несмотря на славянское имя главного героя, «Владимир», как и другие поэмы Анрепа, имеет следы влияния английской романтической поэзии, и прежде всего — Блейка. Поэма написана четырехстопным ямбом, белым стихом и отражает начальный этап творческого пути поэта. В сравнении с более поздними «Физой» или «Человеком», «Владимир» гораздо менее самобытен. Однако и эта поэма имеет право стать полноправной частью литературного процесса, представляя не только путь эволюции Анрепа-поэта, но и литературный контекст рубежа веков.

В частности, в поэме можно увидеть воссоздание образного мира аллегорий Блейка (контрасты, образы орла и червя, образ птицы-вдохновения и пр.):

… Поймет ли червь орла
Высокое паренье? Скажет:

[13] Там же. С. 434.
[14] *Казнина* О.А. Русские в Англии. М., 1997. С. 228.
[15] Здесь и далее поэма «Владимир» цитируется по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 201 (Недоброво Н.В.). № 46.

«Безумный упадет с небес,
Что могут немощные крылья
На поднебесной высоте?
Спокоен я — земля лежит
Твердыней верной подо мной,
И, ей доверившись, могу
Спокойно спать в земной коре,
Свернувшись маленьким клубочком».
Но не слабеют крылья; гордо
Орел несется выше, выше,
Нет места здесь — несется дальше,
Пока заход, восход зари —
Всё в одной точке не сольется.

Здесь очевидны аллюзии к образу червя в «Тэль» и лирике Блейка, а также отсылки к ряду ярких афоризмов «Бракосочетания рая и ада». Финал поэмы говорит о родстве взглядов Блейка и Анрепа на сущность божественного и концепцию боговоплощения: для русского поэта, как и для английского романтика, воплощение Бога — в человеке.

…Мысль моя,
Как птица, брошенная в небо,
Неслась всё выше. С высоты,
Лишь достижимой для мечты,
Окинул взором всё; я видел
Пространства все земные; все
Лет позабытых времена;
Туман веков в уме моем
Рассеялся; я видел свет.
Я понял мир и человека.
Ты скажешь мне: искал я Бога,
Да, да, нашел Его я — он
Во всем величии своем
Явился предо мной, кто он?
Не человек ли? Он себя
Среди веков бесчисленных
Искал; он наконец нашел
Себя; неизмеримо он
Велик в сиянии расцвета!

Поэма «Создание мира» существует в нескольких вариантах; мы цитируем один из ранних, ориентировочно датируемый 1904 г.

(дата указана не вполне разборчиво). Поэма также написана четырехстопным ямбом, белым стихом и обнаруживает влияние традиции английского романтизма, в частности произведений Блейка и Шелли.

В поэме «Создание мира» молодой поэт впервые обращается к мифологической лироэпике, создает драматический мир говорящих стихий и природных начал. Вначале это диалог Воды и Земли; затем полилог Ветра, Воздуха, Огня и Пыли; затем среди стихий возникает Дух; главное событие поэмы — когда Земля должна пожертвовать Цветком ради спасения, восстановления мира.

Как и Блейк, Анреп стремится творчески переосмыслить момент создания мира, пишет альтернативную версию творения. Огненный Дух, вылетающий из земли, близок титанам Блейка, в частности Уризену, по стремлению к власти:

Я создан; наконец! Блаженство!
Над этим миром власть свою
уже я чувствую в себе.
Пожар предсветный догорает.
Кругом всё стихло, всё застыло.
Хочу безжизненность забыть, —
хочу царить![16]

Описанная Духом история омрачения мира живых существ весьма напоминает те ложные творения, которые Блейк воссоздает в поэмах «Мильтон» и «Иерусалим»:

Есть край далекий, вам незримый,
за пеленой тяжелой мглы:
не мрачный, но не ясный сумрак
там наполняет дни туманом;
там существа полуживые
уж с давних пор влекут свой век,
и утро, вечер провожая,
не замечают, что прошло.
Когда великий светлый гений
свой праздник сам торжествовал,
они, непрошеные гости,
вступили на спокойный пир
и в храме, солнцем озаренном,
они, уверенные в силе,

[16] Здесь и далее поэма «Создание мира» цитируется по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 201 (Недоброво Н.В.). № 50.

туманом солнце облекли.
И светозарное чело
поникло от немой печали…
С тех пор бесплотною толпой,
уже усталые теперь,
они в безмолвии кружатся,
своей настойчивой заботой
на солнце саван оправляя.

Восстание тварных существ против «гения» и облечение солнца в саван — интересная аллюзия к тканым мирам Блейка (сотканным на ткацких станках Энитармон) и к солнцу-оку, закрытому черепом от безмерного мира. В художественном мире поэмы Анрепа воссоздается главное космологическое противопоставление, характерное для Блейка: открытость, разомкнутость (опыту, миру, времени) и закрытость, от которой проистекает всякое зло.

Поэма «Сотворение человека» в архиве Недоброво существует в одном варианте, причем датировки стоят в начале и конце текста. Поэма, написанная белым стихом и посвященная единству природы и человека, также обнаруживает влияние лироэпической поэмы английского романтизма.

Содержанием поэмы становится происхождение человека из богатой, наполненной красками и силой природы. В ней, как и в «Мильтоне» Блейка, причудливо объединяются лирические пейзажные зарисовки и физиологизм:

И рябью смялась охотно вода,
а ветер во влажных грядках резвился,
о прибрежные камни плеснул
и вкатился — снова на высь к облакам.
А там рыхлые сочные тела перемешивались,
терлись — то выдувались, то всасывались —
и жались, чтобы только не брызнуть.
А уж солнечный свет в них вонзался глубоко издали,
ярко шел в теплых парах
и, где дыры сквозили, бросался о землю
и грел. И яркий луч
согрелся под приливами лучей,
поднялся, затрепетал[17].

[17] Поэма «Сотворение человека» здесь и далее цитируется по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 201 (Недоброво Н.В.). № 53.

Финал поэмы рассказывает о не вполне понятной муке человека, который, кажется, не столько наблюдает закат и лес, сколько, как у Блейка, «становится тем, что видит» (he became what he beheld).

Но уже пред нами томился вдали
безмолвный чернеющий лес,
росли коренасто (?) стволы,
и ветки накрест лежали на ветках,
а в отверстиях узловатых сплетений
виднелась краснота заката.
Вечер разбросал цвета по небу,
его вверху озеленив.
И это — легло на взоры человека
и опустилось в глубину его глаз.
Сплетенные руки за голову опрокинув,
плачьте, плачьте надо мною!
Как это было? — не могу рассказать я,
но глядите — раны едва отвердели,
уж треснули струпья,
и, мучительно боль выдыхая,
кровь, густою (?), выползла на тело.
Нельзя рассказать: вернутся тени,
начнут убивать меня снова;
о, плачьте обо мне, плачьте,
на мою кожу роняя слезы,
чтоб я измерил их теплоту.

Очевидно, источником как жизни, так и боли человека становится его непреодолимое родство с природной, растительной жизнью: здесь вспоминается важный для Блейка концепт «растительной жизни», *Vegetative Life*, как низшей, неоформленной и неосознанной формы человеческого существования.

Несмотря на то, что эти поэмы Анрепа не были опубликованы, они читались, по крайней мере в узком кругу. Известно, что друг Анрепа, художник Дмитрий Стеллецкий (1875–1947), написал несколько работ по мотивам этих произведений.

Первая картина хранится в частной коллекции. Надпись на обороте гласит: «Стеллецкий по стихам Бориса Анрепа Сотворение мира 1906–7 г.». Эта картина размерами 38 х 24 см выполнена в смешанной технике, на холсте, который позднее наклеен на картон. На ней изображен обнаженный полулежащий юноша в короне, зубцы которой подобны солнечным лучам. Он лежит на некоем невысоком

ложе; рядом с ним нависает складчатая одежда, фон — стилизованные здания в русском силе; над всем этим распростерлась огромная луна. Стиль изображения, яркий и плоскостной, напоминает лубок.

Вторая картина, «Сотворение человека», нарисована на бумаге: акварель, гуашь, бронзовая краска, графитный карандаш. На обороте бумажной обложки тушью надпись: «Борисъ Анрепъ» и карандашом — «Б. Анреп». Внизу тушью пером подпись: «Дмитрій Стеллецкій». Картина выполнена в 1900-е — начало 1910-х гг. и происходит из собрания московского коллекционера И.В. Качурина (рис. 1).

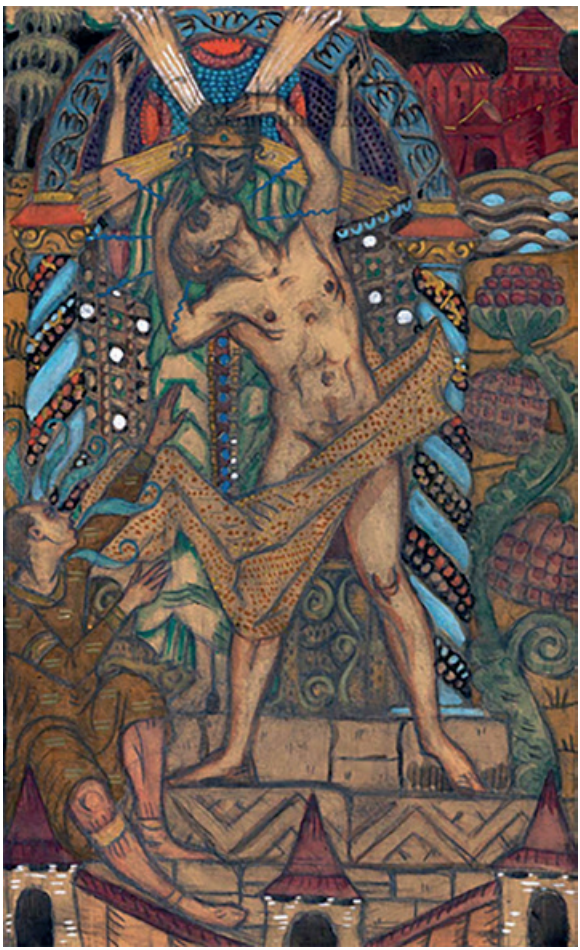


Рисунок 1. *Дмитрий Стеллецкий. Сотворение человека. Композиция по мотивам поэзии Бориса Анрепа.*

Третье известное нам изображение, напротив, выполнено в жанре иллюстрации, то есть занимает лишь часть листа, а внизу подписаны строки из поэмы Анрепа (монолог Ветра, обращенный к Воздуху). На нем изображены обнаженные фигуры темного гиганта-мужчины и розовокожей женщины с алыми волосами, из которых как будто поднимается заря (рис. 2).

Рисунок 2. *Дмитрий Стеллецкий. Иллюстрация к поэме Б.В. Анрепа «Создание мира».*

К сожалению, больше о судьбе подобных иллюстраций к ранним поэмам Анрепа ничего не известно. Однако в таком живописном олицетворении стихии-герои поэм Анрепа, подобно нарисованным титанам Блейка, обретают новое измерение и придают тексту дополнительный смысл. Вполне вероятно, что позднее подобное «блейковское» иллюстрирование отвлеченных идей через обнаженные тела стало источником для создания Анрепом рукописной иллюстрированной версии “Foreword To The Book Of Anrep”. Эта самодельная книга с красной кожаной обложкой на английском языке, очевидно, стала творческим воплощением принципов создания рукотворных книг Блейка. Она была снабжена акварельными иллюстрациями «с причудливыми узорами и картинками»[18].

Введение поэм Анрепа в научный оборот, воссоздание поля его литературного творчества небезынтересно в нескольких аспектах. Во-первых, представление рукописных текстов способствует воссозданию контекста литературно-художественного облика Серебряного века как целостного явления. Во-вторых, поэмы Анрепа, явно испытавшие влияние английской традиции романтизма, и в особенности Блейка (философичность, аллегоричность, белый стих, образные переклички), интересны как — может быть, несколько запоздавшая — реплика диалога между русской и английской литературой.

Пожалуй, в истории русской литературы Анреп — единственный, кто в своем творчестве открыто и последовательно пользовался приемами Блейка и считал себя его духовным наследником. Литературная карьера Анрепа затем уступила место художественному творчеству, однако его поэмы весьма любопытны и заслуживают подробного изучения.

Поэзия Анрепа отвечала общему положению дел в отношении рецепции романтизма в Серебряном веке. Именно на рубеже XIX и XX вв. впервые в русской литературе было вполне осознано значение литературного романтизма, его философской наполненности и открытий в области формы. Европейский романтизм значительно повлиял на развитие русской поэзии Серебряного века, и это влияние еще недостаточно исследовано.

[18] *Фарджен* А. Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. С. 69.

Литература

К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н.В. Недоброво к Б.В. Анрепу / Публ. Г.П. Струве // L. Fleishman, O. Ronen, Segal D. (eds) Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies Of The Hebrew University. Vol. V–VI. Jerusalem: The Magnes Press, The Hebrew University, 1981. С. 425–466.

Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. 416 с.

Сердечная В.В. Поэмы Бориса Анрепа “Foreword To The Book Of Anrep” и «Человек» // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Вып. 9. М., 2018. С. 150–161.

Сердечная В.В. «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 225–242.

Фарджен А. Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. СПб.: Звезда, 2003. 304 с.

Rosslyn W. Boris Anrep and the Poems of Anna Akhmatova // The Modern Language Review. 1979. Vol. 74, no. 4. P. 884–896.

References

Farjeon A. *Prikliucheniia russkogo khudozhnika: Biografiia Borisa Anrepa* [Adventures of Russian artist: Biography of Boris Anrep]. St. Petersburg, Zvezda Publ., 2003. 304 p. (In Russ.)

K istorii russkoi literatury 1910-kh godov: Pis'ma N.V. Nedobrovo k B.V. Anrepu [On the history of Russian literature of the 1910s: N.V. Nedobrovo’s letters to B.V. Anrep], publ. G.P. Struve *Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies Of The Hebrew University*, vol. V–VI. Jerusalem, The Magnes Press, The Hebrew University, 1981, pp. 425–466. (In Russ.)

Kaznina O.A. *Russkie v Anglii: Russkaia emigratsiia v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh sviazei v pervoi polovine XX v.* [Russians in England: Russian emigration in the context of Russian-English literary relations in the first half of the 20th century], Moscow, Nasledie Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)

Rosslyn W. Boris Anrep and the Poems of Anna Akhmatova. *The Modern Language Review*, 1979, vol. 74, no. 4, pp. 884–896. (In English)

Serdechnaia V.V. Poemy Borisa Anrepa “Foreword To The Book Of Anrep” i “Chelovek” [Boris Anrep's poems “Foreword To The Book Of Anrep” and “The Man”]. *Khudozhestvennyi perevod i sravnitel'noe literaturovedenie* [Literary translation and comparative literary studies], vol. 9. Moscow, 2018, pp. 150–161. (In Russ.)

Serdechnaia V.V. “Russkii Bleik” i Boris Anrep [“Russian Blake” and Boris Anrep]. *Voprosy literatury*, 2015, no. 5, pp. 225–242. (In Russ.)

Blake's Russian literary heir: Based on unpublished poems by Boris Anrep

© 2020, Vera Serdechnaia

Abstract: The article deals with unpublished poems by Russian poet and artist Boris Anrep, which are studied in the context of developing the traditions of English romantic epical poems. The research of these poems as evidence of creative dialogue between Anrep and the prophetic poetry of William Blake is proposed. The research considers the epics "Vladimir", "Creation of the world" and "Creation of man" written by Anrep in the 1900s, before he emigrated from Russia, and are kept in the archive of N. Nedobrovo (Personal collection of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences). The methods of comparative literature studies and those of analysis, synthesis and generalization are used. The idea is substantiated that Anrep, already in his early poetic work, inherits in many respects the poetics and themes of William Blake's prophetic books, which he knew in childhood. The author identifies the commonality in the figurative system of poems Anrep and Blake: the characters are elements, giants, generalized natural phenomena. The gravitation of Anrep to a combination of physiology and philosophy, synthesis of author's inference and mimetic descriptions also testifies to influence of romantic lyre-epics. It is concluded that the early poems of Boris Anrep, as well as his later works ("The Man", "Fiza", "Foreword To The Book Of Anrep"), are in many ways an attempt to embody in Russian the principles of English romantic poetry, primarily the prophecies of William Blake. The reception of these poems in the work of the artist Dmitry Stelletsky has been studied. It has been proved that such an example of the reception of English romanticism in general is typical for the culture of the Silver Age, which rediscovered European early romanticism (Poe, Novalis, Hölderlin) and felt it as modern art.

Keywords: Russian literature of the Silver Age, Boris Anrep, William Blake, English Romanticism, reception of Romanticism, lyrical-epic poetry.

Information about the author: Vera Serdechnaia, PhD, scientific editor, publishing house "Analitika Rodis", Krasnodar, Russia. E-mail: rintra@yandex.ru

Citation: Serdechnaia Vera. Blake's Russian literary heir: Based on unpublished poems by Boris Anrep. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 352–365. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-352-365

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-366-383
УДК 821.161.1

Дилогия об Остапе Бендере: О чем умолчали авторы

© 2020, А.В. Маринин

Аннотация: Статья посвящена уточнению сюжетного источника романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Автор статьи выдвигает и аргументирует гипотезу, согласно которой к источникам можно отнести не только традиционно упоминаемые исследователями произведения А. Конан-Дойла, Л. Лунца, А. Эрлиха, но и судебный отчет за подписью «А. Троль», опубликованный в газете «Гудок» в феврале 1927 г. Псевдонимом «А. Троль» пользовался поэт, переводчик, критик и стиховед Георгий Шенгели, сотрудничавший в «Гудке» в 1925–1928 гг. В статье также ставится под сомнение правдивость знаменитой истории о том, что сюжет романа был подсказан Ильфу и Петрову В. Катаевым. Сюжет главы «Конец “Вороньей слободки”» из романа «Золотой теленок», по мнению автора статьи, полностью заимствован из судебного репортажа «А. Троля», напечатанного в «Гудке» в октябре 1926 г. Первым печатным откликом на роман «Двенадцать стульев» предлагается считать рецензию, написанную впоследствии репрессированным Б. Флитом и опубликованную в том же «Гудке» в августе 1928 г. В предпоследнем разделе статьи уточняется возможный источник фамилии главного героя дилогии: предположительно фамилией Остапа стал псевдоним одного из рабкоров «Гудка». Таким образом, наблюдения и выводы, изложенные в статье, вносят значительные коррективы в исследование творческой истории дилогии Ильфа и Петрова.

Ключевые слова: «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», газета «Гудок», И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев, Г. Шенгели, Б. Флит, источники сюжета.

Информация об авторе: Антон Владимирович Маринин, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: vanvillers@gmail.com

Цитирование: *Маринин А.В.* Дилогия об Остапе Бендере: О чем умолчали авторы // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 366–383. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-366-383

Погоня за креслами

Если собрать воедино все материалы (диссертации, исследования, статьи, комментарии, предисловия, послесловия и т.д., и т.п.), посвященные «Двенадцати стульям» (далее — ДС), они вряд ли уместятся в один увесистый том: по объему условная «Энциклопедия романа», вероятно, сможет посостязаться с «Малым энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона», первое издание которого, как известно, состояло из 3 томов.

В воображаемой энциклопедии будет, разумеется, и раздел «источники сюжета». Много места он не займет: перечень наиболее вероятных источников не такой уж длинный. Так полагает большинство историков литературы. Изредка некоторые исследователи с ними не соглашаются и, пытаясь расширить список, выдвигают свои версии, нередко весьма абсурдные. Например, Виктор Зацепин считает, что сюжет романа мог быть взят из кинокомедии «Военная софа» (Германия, 1914), и, перечисляя совпадения между фильмом и фабулой романа, всерьез рассуждает о том, когда и при каких обстоятельствах Валентин Катаев мог увидеть этот фильм, чтобы спустя годы подарить его сюжет Ильфу и Петрову[1].

Напомним: «Старик Сабакин», решительно не знавший, куда девать скопившиеся у него идеи, в один прекрасный день явился в комнату «четвертой полосы» и, предложив Ильфу и Петрову стать литературными неграми, посоветовал им сочинить авантюрный роман, согласно воспоминаниям Петрова — о поисках денег, спрятанных в стуле. «Старик Сабакин» (так!) — один из псевдонимов Валентина Катаева во времена его работы в газете «Гудок». «Четвертая полоса» — та самая страница, на которой в 1920-е гг. публиковались сатирические материалы Михаила Булгакова, Юрия Олеши, Евгения Петрова, Ильи Ильфа и, естественно, Валентина Катаева. Искренне удивляет тот факт, что ни один исследователь не удосужился заглянуть в подшивки «Гудка», иначе заметили бы, что Катаев подписывал свои фельетоны не «Старик Собакин» или «Старик Саббакин», а именно так, как указано выше.

Воспоминания Евгения Петрова наряду с воспоминаниями его брата Валентина Катаева — главные источники, раскрывающие историю возникновения сюжета ДС. К ним для начала и обратимся, опуская не интересующие нас пассажи о литературных наемниках.

[1] *Зацепин В.* К вопросу об источниках сюжета романа «Двенадцать стульев» // Apparatus. Film, Media and Digital Cultures in Eastern Europe. № 4 (2017). URL: http://dx.doi.org/10.17892/app.2017.0004.23 (дата обращения: 11.02.2020).

Евгений Петров, описывая разговор, состоявшийся то ли в августе, то ли в сентябре 1927 г., приводит следующие слова своего старшего брата: «Есть отличная тема, — сказал Катаев, — стулья. Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти. Чем не авантюрный роман?»[2]. Повествуя о развитии событий, Петров сообщал, что в тот же день был разработан план романа: «Сколько должно быть стульев? Очевидно, полный комплект — двенадцать штук. Название нам понравилось. “Двенадцать стульев”. Мы стали импровизировать. Мы быстро сошлись на том, что сюжет со стульями не должен быть основой романа, а только поводом к тому, чтобы показать жизнь»[3]. Заметим: о бриллиантах ни слова. А вот что написал Катаев в беллетризованных мемуарах «Алмазный мой венец»: «Благо в это время мое воображение кипело, и я решительно не знал, куда девать сюжеты, ежеминутно приходившие мне в голову. Среди них появился сюжет о бриллиантах, спрятанных во время революции в одном из двенадцати стульев гостиного гарнитура»[4].

Приведенные выше цитаты содержат ряд противоречий. Несмотря на то, что «Старик Сабакин» лишь в 1970-х решил вспомнить о событиях 1920-х, мог ли он забыть, какой именно сюжет сложился у него в голове? Допустим. Мог ли что-то перепутать Петров, обладавший, по отзывам современников, отменной памятью? Сомнительно, потому как с его воспоминаниями дело обстоит иначе — впервые они изданы в 1939 г. в качестве предисловия к «Записным книжкам» Ильфа. В подобных случаях принято говорить: по горячим следам.

Литературные источники ДС вполне очевидны — так полагал литературовед и лингвист Ю.К. Щеглов[5]. Как же, по его мнению, выглядит их список? «Шесть Наполеонов» Артура Конан-Дойла — в этой новелле черная жемчужина спрятана в один из шести гипсовых бюстов. «Голубой карбункул» того же автора — в этом рассказе голубой алмаз спрятан в зобе одного из двух гусей. Повесть Льва Лунца «Двенадцать щеток»[6] — в этом произведении бриллианты спрятаны в платяной щетке. Пьеса Арона Эрлиха (заглавие неизвестно!) — в ней мешочек с бриллиантами спрятан в потайном месте особняка. Весьма забавным выглядит тот факт, что произведение Эрлиха попало в разряд источников сюжета ДС стараниями самого

---

[2] *Ильф И., Петров Е.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 510.

[3] Там же. С. 511.

[4] *Катаев В.П.* Собрание сочинений: В 10 т. М., 1984. Т. 7. С. 160.

[5] *Щеглов Ю.К.* Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб., 2009. С. 88–89.

[6] *Яновская Л.М.* Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М., 1969. С. 34.

Эрлиха, сделавшего в своей книге воспоминаний соответствующее заявление. Придя как-то в гости к Катаеву, он прочел вслух свою пьесу. Присутствовавшие подвергли ее резкой критике. Хозяин квартиры говоря о сюжете, заметил, что клад нужно было прятать в предмете мягкого гарнитура. Эта реплика стала единственным обоснованием заявления Эрлиха[7].

Перечень «очевидных» литературных источников возник у Ю.К. Щеглова не сам по себе — к таковому его, если можно так выразиться, мягко подтолкнул Валентин Катаев: «Сюжет не бог весть какой, так как в литературе уже имелось “Шесть Наполеонов” Конан-Дойля, а также уморительно смешная повесть молодого, рано умершего советского писателя-петроградца Льва Лунца… Ну и кое-что еще в этом роде я слышал в ту пору»[8]. Что там еще похожее у Конан-Дойла? «Голубой карбункул»! Что еще «в этом роде» мог слышать Катаев? Пьесу Эрлиха!

Пытаясь обнаружить источник того или иного сюжета, литературовед, несомненно, в первую очередь присматривается к литературным аналогам. Альтернативные источники, таким образом, отходят на второй план или вовсе игнорируются. Но что если сюжетная завязка романа взята из судебного отчета? По «удивительному» совпадению этот отчет опубликован в феврале 1927 г. (т.е. за каких-нибудь полгода до начала работы над романом) в газете «Гудок», где на тот момент трудились Ильф, Петров и Катаев. И опубликован, что немаловажно, на четвертой полосе.

Клад в кресле
(Моск. губсуд, 4–5 февр.)

Перед судом — довольно необычная компания: двое дюжих и энергичных мужчин русско-американской складки и тоненькая, хрупкая семнадцатилетняя блондиночка; первые двое — инспектор уголовного розыска Можаровский и его агент Русаков, а девушка — просто девушка, некая Жандарова. Она изящно одета и, по-видимому, недоумевает: как это я сюда попала. А соединило их троих довольно необычное преступление.

Отец Жандаровой служил в Москве на протезном заводе. В январе прошлого года он был арестован и увезен в Ленинград. Семья, распродав обстановку квартиры, последовала за ним. В Ленинграде

[7] *Эрлих А.* Нас учила жизнь. М., 1960. С. 57–59.
[8] *Катаев В.П.* Указ. соч. С. 160.

Жандаров получил свидание с женой и осведомился у нее о судьбе квартиры и мебели. Узнав, что последняя продана вся, что проданы и кресла из кабинета, Жандаров пришел в ужас:

— Да ведь в кресле было две тысячи зашито.

В Москву немедленно была командирована семнадцатилетняя дочка с наказом разыскать мебель и добыть клад.

Однако найти проданные кресла было нелегко: первый покупщик успел их перепродать, второй покупщик — тоже, и проследить до конца целый ряд перепродаж было невозможно.

Жандарова обратилась за содействием к своему знакомому Можаровскому, который бывал у них в семье. Можаровский, вдохновленный кладом, решил использовать подчиненный ему разыскной аппарат. Он приказал своему помощнику Русакову завести фиктивное дело «о незаконной продаже гр. Жандаровым казенных кресел, произвести дознание и пр. Один за другим несчастные покупщики вызывались к Русакову, давали показания, подписки и т.д., и т.д., — пока, наконец, драгоценные кресла не были обнаружены, изъяты у владельца и привезены к Можаровскому.

Вскрытие кресел он произвел самолично, без свидетелей. Что было найдено в кресле, — известно только одному Можаровскому, но Жандарова получила от него толстую пачку… керенок.

Разочарование было полное, но оно еще усилилось, когда розыскные махинации Можаровского и Русакова стали известны и когда всех троих предали суду: мужчин — по обвинению в превышении власти и использовании служебного положения, а Жандарову — по обвинению в пособничестве.

На предварительном следствии все трое сознались, но на суде взяли сознание назад, объяснив, что дали показания в надежде на освобождение из предварительного заключения.

Можаровский защищался чрезвычайно энергично. «Дело» было начато до приезда Жандаровой из Ленинграда на основании негласных сведений о продаже ее отцом казенной мебели. А когда выяснилось, что мебель не была казенной, приехала Жандарова и просила о розыске денег. Найдя керенки, не имеющие никакой ценности, Можаровский счел себя в праве передать их Жандаровой.

Суд, однако, не счел убедительной эту защиту (прежде чем заводить «дело», следовало просто узнать на протезном заводе: была ли у Жандарова казенная мебель) и признал виновность доказанной, отметив в приговоре, что «тайна кресла» известна только Можаровскому.

Можаровский, занимавший ответственный пост, приговорен к трем годам заключения. Русаков — к полутора годам, а Жан-

дарова — к шести месяцам. Все — с зачетом предварительного заключения[9].

Под отчетом подпись: «А. Троль». Документ, хранящийся в архиве автора, позволяет утверждать, что «А. Троль» — это один из псевдонимов поэта, переводчика и теоретика стиха Георгия Аркадьевича Шенгели (1894–1956)[10]. Проработав в «Гудке» с сентября 1925 по апрель 1928 г. как штатным, так и внештатным сотрудником, Шенгели, по моим подсчетам, опубликовал в разделе «Суд» более 150 репортажей. Но судебной хроникой его вклад в издание не ограничивается: в период работы в штате «Гудка» в его обязанности входило написание как минимум четырех фельетонов в месяц[11]. В свете сказанного обратимся вновь к воспоминаниям Евгения Петрова, вернее к ключевой фразе его брата: «Представьте себе, в одном из стульев запрятаны деньги. Их надо найти». Резонно задать вопрос: не являются ли слова «Старика Сабакина» коротким, чуть вольным (не кресла, а стулья) изложением сути дела, слушавшегося в Московском губернском суде? Здесь, кстати, уместно вспомнить, что гамбсовский гарнитур в романе Ильфа и Петрова на самом деле состоял не из стульев, а из полукресел.

Теперь вспомним фразу того же Катаева, очевидно, неверно интерпретированную Ю.К. Щегловым: «Ну и кое-что еще в этом роде я слышал в ту пору». Что же еще мог услышать Валентин Катаев? Есть очевидный ответ, подтвержденный статьей «гудковца» Н.Б. Рудермана: судебный отчет А. Троля, зачитанный кем-то вслух в комнате «четвертой полосы». В небольшой статье, опубликованной в 1969 г., Рудерман сообщает интересное устное свидетельство И.С. Овчинникова — журналиста, который в 1920-х заведовал «четвертой полосой»: он помнил, что при чтении кто-то — возможно, Валентин Катаев — воскликнул: «Какой сюжет для романа!»[12] Текст отчета Рудерман приводит полностью.

Предположим, что в момент чтения Катаев не находился в комнате, более того — вообще по какой-то причине отсутствовал в редакции. Это ровным счетом ничего не доказывает, потому что Катаев был более чем хорошо знаком с очерками А. Троля: взяв за

[9] Гудок. 1927. № 32 (2017), 9 февр. С. 4.

[10] Георгий Шенгели. Автобиография / Предисл. и публ. А. Маринина; коммент. А. Маринина, В. Резвого // Библиофилы России: Альм. Т. XIV. М., 2018. С. 563–572. То же в кн.: *Шенгели Г.* Черный погон / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Маринина и В.А. Резвого; послесл. В.Э. Молодякова. М., 2019. С. 415–425.

[11] *Молодяков В.Э.* Георгий Шенгели. Биография. М., 2016. С. 253.

[12] *Рудерман Н.* Кресла и 12 стульев // Дружба народов. 1969. № 2. С. 285–286.

основу тему громкого дела, в подробностях описанного Шенгели в серии репортажей (о том, как в родильном приюте крысы насмерть загрызли младенца)[13], Катаев вполне удачно развил ее в собственном фельетоне[14].

Не прошло и двух недель со дня публикации отчета «Клад в кресле», как на той же четвертой полосе «Гудка» появился репортаж А. Троля «Бриллианты в печи»[15], еще одна история, в центре которой — клад, спрятанный во времена революции. Ю.К. Щеглов искренне считал, что фабула романа «ДС» в 1920-х гг. буквально «носилась в воздухе»[16]. Нет, она «носилась в воздухе» редакции газеты «Гудок» в 1927 г. Так же, кстати, как и чуть ранее тема растратчиков: почти ни один номер за 1925 и 1926 гг. не обходился без материала о присвоении казенных денег. Порочное явление того времени мгновенно отразилось в повести «Растратчики», завершенной Катаевым в августе 1926 г.

«Старик Сабакин» не выдумал сюжет романа, — таков категорический вывод, сделанный Н. Рудерманом. «Гудковца» трудно заподозрить в желании прославиться: в 1969 г. он был известным журналистом, считался «первым пером» газеты. Не мог он и сводить какие-то личные счеты с Катаевым (причина?), да и кто бы в те времена отважился на публичный выпад против писателя, признанного классиком еще в конце 1930-х? Автору не удалось обнаружить ссылки на статью Рудермана ни в одной работе, посвященной роману: статья была проигнорирована советскими литературоведами.

В главе «Могучая ручка. Золотоискатели» трое халтурщиков сочиняют оперу про изобретателя луча смерти: ученый спрятал чертежи в стул и помер, а ничего не знающая жена распродает стулья, за которыми начинают охоту фашисты и комсомольцы. Исследователи М. Одесский и Д. Фельдман признают этот сюжет пародийным. Опуская разговор о конкретных объектах пародирования, хотелось бы обратить внимание на созвучный отчету Шенгели поворот сюжета: не ведая о поступке мужа, разлученная с ним жена продает стулья. Напрашивается предположение, что Ильф и Петров тоже были знакомы с отчетом «А. Троля» или что Катаев, убеждая коллег поработать над «придуманной» им темой, рассказал о ней чуть больше, чем принято считать, иными словами — предоставил соавторам сюжетную завязку романа: революция; человек прячет деньги в од-

[13] Общество покровительства крысам // Гудок. 1926. № 224 (1906), 29 сент. С. 4; № 226 (1908), 1 окт. С. 4; № 227 (1909), 2 окт. С. 4.
[14] Кот на прокат // Гудок. 1926. № 231 (1913), 7 окт. С. 3.
[15] Бриллианты в печи // Гудок. 1927. № 42 (2027), 20 февр. С. 4.
[16] *Щеглов Ю.К.* Указ. соч. С. 89.

ном из принадлежащих ему стульев, как вариант — зашивает в нем бриллианты; принужденный обстоятельствами, сообщает об этом родственнику, который отправляется на поиски клада и уже на начальном этапе обретает помощника, склонного к аферам; начинается охота за стульями, неоднократно сменившими своих владельцев…

Вскоре после разговора с соавторами «Старик Сабакин» отправился на Зеленый мыс. Вернувшись в столицу, он констатировал: «Мои рабы выполнили все заданные им бесхитростные сюжетные ходы…»[17] Это ли не признание того, что Ильфу и Петрову была подарена отнюдь не сырая идея?

Нет надобности говорить, что сюжет ДС до некоторой степени схож с сюжетом рассказа Конан-Дойла, однако это сходство выглядит весьма отдаленным в сравнении с историей, вскрывшейся благодаря судебному разбирательству. Аллюзии на «Шесть Наполеонов», содержащиеся в романе («ваявший гипсовые бюсты скульптор»[18], «выставленный на продажу бюстик Наполеона», «соперник, устраненный путем перерезания горла»), — не что иное как свидетельство того, что авторы в процессе работы не единожды вспомнили рассказ британского писателя. Да и аллюзиями выглядят лишь первые два примера, третий же, широко тиражируемый, не может считаться аллюзией сразу по двум причинам: во-первых, устранение конкурента в авантюрном романе — штамп; во-вторых, согласно воспоминаниям Надежды Рогинской, свояченицы Ильфа, авторы долго спорили о том, как лучше умертвить Бендера — зарезать бритвой или же задушить[19].

«ДС — это же “Шесть Наполеонов”» — живучий миф, созданный не без помощи критиков, литературоведов (как советских, так и российских) и мемуаристов. Главенствующее положение в ряду последних занимает Катаев. «Сюжет он взял недалеко. У Конан Дойля есть рассказ “Шесть Наполеонов”»[20], — так еще в 1933 г. писал о нем критик В.Б. Шкловский. Спустя почти полвека уже сам Катаев, пускай и коряво (будто перефразируя Шкловского: «Сюжет не бог весть какой, так как в литературе уже имелось “Шесть Наполеонов” Конан-Дойля…»), но явно осознанно, миф этот укрепил.

---

[17] *Катаев В.П.* Указ. соч. С. 164.

[18] *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев / Послесл. и коммент. М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана. М., 2017. С. 285.

[19] *Петров Е.* Мой друг Ильф / Вступ. заметка, сост. и публ. А. Ильф // Вопросы литературы. 2001. № 1. С. 199.

[20] *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990. С. 473.

Первая рецензия

Роман ДС опубликован в первых семи номерах ежемесячника «Тридцать дней» за 1928 г. В июле, одновременно с завершением журнальной публикации, увидело свет отдельное издание в издательстве «Земля и фабрика» (ЗиФ).

Исследователи М. Одесский и Д. Фельдман поместили в статье, посвященной критическим суждениям о ДС[21], тексты двух рецензий, появившихся в сентябре 1928 г. в газете «Вечерняя Москва» и журнале «Книга и профсоюзы». Фраза Петрова «Первая рецензия в Вечерке» (почерпнута из черновика воспоминаний об Ильфе)[22] дала исследователям возможность предположить, что сентябрьский отзыв в «Вечерке» и вправду мог быть первым. Петров ошибся: первая рецензия на роман появилась в августе 1928 г. Совсем не удивительным выглядит тот факт, что появилась она не где-нибудь, а в газете «Гудок». Причина, по которой Петров о ней «забыл», кроется в биографии ее автора.

Илья Ильф и Евг. Петров. — «Двенадцать стульев». — Роман. Изд. «ЗИФ». М-Л. 1928. Стр. 422. Ц. 2 р. 50 к.

Сатирический роман — жанр трудный и ответственный. «Двенадцать стульев» одна из немногочисленных попыток отразить в сатирической форме те черты нашего сегодняшнего дня, которые достойны осмеяния. Сюжет романа чрезвычайно прост, но вместе с тем он дает возможность авторам захватить наиболее широко бытовые явления нашей жизни, нарисовать громадное полотно провинциального и столичного быта.

Погоня за двенадцатью стульями, в одном из которых спрятаны драгоценности умершей старухи, перебрасывает главных героев романа в разные стороны СССР, ведет читателя то в глубокие дебри провинции, то в редакцию столичной газеты, то на волжский пароход, на котором производится тираж выигрыша, в студенческое общежитие, знакомит читателя с самыми разнообразными явлениями, типами, характерами, создает совершенно причудливые положения, из которых многие завязаны с большим мастерством.

[21] *Одесский М., Фельдман Д.* Литературная стратегия и политическая интрига: «Двенадцать стульев» в советской критике рубежа 1920–1930-х годов // Дружба народов. 2000. № 12. С. 179–195.

[22] Источник авторами не конкретизирован.

Конечно, клада авантюристы не находят. Сокровища мадам Петуховой, все «сто пятьдесят тысяч руб. ноль ноль коп.» попадают на постройку прекрасного нового железнодорожного клуба.

Написанный в иронических, местами в чрезвычайно близких к Дикенсу тонах, роман читается с большой легкостью и во многих местах вызывает подлинный веселый смех.

Конечно, в таком большом произведении не обошлось и без длиннот, некоторых повторений, ненужных вводных эпизодов, как, например, рассказ о гусаре-схимнике, не совсем естественное приключение с «междупланетным Шахматным конгрессом» и др.[23]

Подпись «Д. Мал.» [Маллори] не оставляет сомнений, что автором этого короткого отзыва был расстрелянный в 1937 г. Борис Флит[24].

Пожар в «Вороньей слободке»

В романе «Золотой теленок» (далее — ЗТ) Ильф и Петров рассказывают о происшествии в одном из жилищ старой Москвы — деревянном доме, превращенном после революции в коммунальную квартиру. Из-за постоянных ссор жильцов квартиру прозвали «Вороньей слободкой». Проживавшая в ней ничья бабушка из-за недоверия к электричеству пользовалась керосиновой лампой. Обитавший там же бывший камергер Митрич, смекнув, что привычка бабушки может привести к пожару, застраховал всё свое движимое имущество. Квартирант Гигиенишвили, узнав о поступке Митрича и подозревая, что тот замышляет поджог ради получения выплаты, незамедлительно сам оформил страховой полис. Вскоре застраховалась вся квартира за исключением Васисуалия Лоханкина и ничьей бабушки. В сложившейся ситуации пожар был неминуем, и он произошел.

Другие персонажи, несколько иных деталей — вот и всё, что отличает эту историю от той, что описал Ильф в рассказе 1928 г. «Дом с кренделями», написанном до того, как Ильф и Петров приступили к работе над ЗТ.

Набросок лихо закрученного сюжета обнаруживается в многократно изданных «Записных книжках» И. Ильфа: «N. встречается с приятелем детства (ныне агент по страхованию от огня)

[23] Гудок. 1928. № 187 (2471), 14 авг. С. 4.

[24] *Киянская О.И., Яворская А.Л.* Одесский сатирический журнал «Бомба»: Из материалов уголовного дела журналиста Бориса Флита // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 1. С. 23–30. URL: https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-1-23-30 (дата обращения: 11.02.2020).

Басис-Спилером и приглашает его к себе в гости. Спилер зачаровывает N. и убеждает его застраховать от огня движимую свою обстановку. Соседи приходят в ужас, думая, что N. сейчас же подожжет мебель, чтобы получить страховую премию. В этом страхе они и сами застраховываются, чтобы хоть что-нибудь получить. Эпидемия страхований постепенно охватывает весь дом. Бельэтажи, подвалы и чердаки, вузовцы, дворники, дамочки, все, подозревая друг друга и ожидая "неминучего пожара" страхуются. Появляется идеальный дом, где всё до нитки застраховано. В то же время томление в ожидании пожара. Спилер работает, не покладая рук. Он толстеет и попадает в Госстрахе на хороший счет. Конец этой истории»[25].

Записью хорошо иллюстрируется художественное переосмысление… главного источника сюжета. Прежде чем к нему перейти, поясню свою мысль. Кто в ЗТ был «первым звеном в цепочке событий», приведших к пожару? Ничья бабушка. Кто являлся таковым в рассказе «Дом с кренделями»? Страховой агент, сумевший очаровать квартиранта Лохвицкого. К тому же Ильф не пишет о пожаре как о состоявшемся бедствии — он как бы предвидится.

История, превратившаяся в сюжет рассказа и целой главы ЗТ под названием «Конец "Вороньей слободки"», не придумана Ильфом. Вне всяких сомнений, она заимствована из судебного репортажа А. Троля, опубликованного в «Гудке» в октябре 1926 г.

Дым без огня
(Моск. губсуд, 12 окт.)

Перед судом две рабочих: Усанов и Спирин. Оба молодые, оба хорошие работники по-настоящему грамотные, много читавшие. Оба обвиняются в поджоге.

Обстоятельства точно скопированы с целого ряда других дел о поджогах в городе.

5 августа рано утром жильцы дома № 7, по Филаретовскому переулку, увидали дым, пробивающийся из окон одной квартиры. Квартира оказалась запертой. Сбили замок, — внутри клокочет огонь. Пока приехали пожарные, – деревянный дом успел сгореть.

В квартире где возник пожар проживали Спирин и Усанов. Выяснилось, что первый из них в феврале застраховал свое имущество в две тысячи рублей, а на следующий же день то же сделал и Усанов,

[25] *Ильф И.* Записные книжки, 1925–1937: Полное издание художественных записей / Сост., предисл., коммент. А.И. Ильф. М., 2008. С. 73.

оценив свой скарб в ту же сумму. Действительная же стоимость была много ниже.

Затем, незадолго до пожара они передали наиболее ценные вещи на хранение своим знакомым. Наконец, в утро пожара квартиру они оставили последними, когда все их соседи по квартире уже ушли на работу.

По этим основаниям оба были преданы суду по обвинению в поджоге.

Виновными себя не признали, хотя на суде Спирин заявил, что подозревает Усанова. Благодаря этому заседание пришлось прервать и назначить второго защитника (первоначально обоих защищал один).

Тем не менее, в ходе судебного следствия все улики, выдвинутые против Усанова и Спирина, нашли объяснение.

Оказалось, что приблизительно в одно время с ними застраховали свое имущество многие жильцы того же дома, при чем некоторые – также оценив имущество гораздо выше действительной стоимости.

Выяснилось, что Спирин и Усанов почти всегда позже всех уходили на работу, ибо их завод находился всего в нескольких минутах ходьбы.

Наконец, самая важная улика: вынос вещей незадолго до пожара — оказалась беспочвенной. И Спирин, и Усанов не порывают связи с деревней, имеют там небольшие наделы, которые обрабатываются их женами. Жены собрались ехать, для жатвы, а так как квартира находилась в первом этаже, и без жен должна была целый день пустовать, — то во избежание кражи Спирин и Усанов унесли свое добро к знакомым, — так же, как и в прошлом году.

К этим объяснениям, подтвержденным свидетелями, присоединились положительные оценки обвиняемых со стороны завкома и ячейки.

И суд недолго посовещавшись, признал обвинение недоказанным и оправдал Усанова и Спирина[26].

Думается, что не будет лишним наглядно продемонстрировать совпадения между сюжетом интересующей нас главы ЗТ и репортажем Шенгели. Цитату из романа[27] будем дополнять выдержкой из репортажа. Каждый блок, по мере необходимости, снабдим комментарием. Отправная точка — преобразованный в коммуналку деревянный дом, находящийся в одном из московских переулков. Адрес

[26] Гудок. 1926. № 240 (1922), 17 окт. С. 4.

[27] Цит. по: *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. Первый полный вариант романа / Подгот. текста и вступ. ст. М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 2000.

дома в ЗТ: Лимонный переулок, № 8; в репортаже: Филаретовский переулок, № 7.

> ЗТ, с. 258: «“Воронья слободка” загорелась в двенадцать часов вечера…»
>
> «Дым без огня»: «5 августа рано утром жильцы дома № 7, по Филаретовскому переулку, увидали дым, пробивающийся из окон одной квартиры».

Общие детали: поджог ночью/ранним утром во избежание привлечения внимания; расчет на то, что дом сгорит до приезда пожарных.

> ЗТ, с. 258: «…Ей что, а у меня один рояль, может быть, две тысячи стоит. Придя к такому заключению, Митрич застраховал от огня всё свое движимое имущество». Узнав о поступке Митрича, бывший князь Гигиенишвили «в тот же день сам застраховался на большую сумму».
>
> «Дым без огня»: «В квартире, где возник пожар, проживали Спирин и Усанов. Выяснилось, что первый из них в феврале застраховал свое имущество в две тысячи рублей, а на следующий же день то же сделал и Усанов, оценив свой скарб в ту же сумму. Действительная же стоимость была много ниже».

Общие детали: жилец страхует своем имущество и его действия тут же копируются соседом; завышается стоимость имущества (в цитате из ЗТ содержится намек на то, что оба квартиранта завысили стоимость принадлежавших им вещей).

> ЗТ, с. 259: «На другой день застраховалась вся квартира, за исключением Лоханкина и ничьей бабушки».
>
> «Дым без огня»: «Оказалось, что приблизительно в одно время с ними застраховали свое имущество многие жильцы того же дома…»

Комментарии излишни.

> ЗТ, с. 259: «Днем все следили друг за другом и по частям выносили имущество из дому».
>
> «Дым без огня»: «Затем, незадолго до пожара они передали наиболее ценные вещи на хранение своим знакомым».

Общая деталь: вынос имущества.

ЗТ, с. 260–261: «С неожиданным проворством Пряхин ухватился за оконный слив и мигом исчез, втянутый внутрь воздушным насосом. Последние слова его были: «Как пожелаем, так и сделаем». В переулке наступила тишина, прерванная колоколом и трубными сигналами пожарного обоза. Во двор вбежали топорники в негнущихся брезентовых костюмах с широкими синими поясами. Через минуту после того, как Никита Пряхин совершил единственный за всю свою жизнь героический поступок, от дома отделилось и грянуло оземь горящее бревно. Крыша, треща, разошлась и упала внутрь дома. К небу поднялся сияющий столб, словно бы из дома выпустили ядро на луну».

«Дым без огня»: «Пока приехали пожарные, — деревянный дом успел сгореть».

Комментарии излишни.

Воспользовавшись отчетом Шенгели, Ильф, а вместе с ним и Петров, «тонко» поиздевались над своим бывшим коллегой в главе «Потный вал вдохновения». Пытаясь найти миллионера Корейко, Остап Бендер отправился в путешествие по «Восточной магистрали». В поезде он познакомился с журналистом Ухудшанским. Заметив, что тот терзался муками творчествами, Бендер продал ему за 25 рублей наспех сочиненный справочник под названием «Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей». Авторы не только обыграли название популярной в 1920-е гг. брошюры Шенгели «Как писать статьи, стихи и рассказы», но и явно намекнули, что работа Шенгели — чистой воды халтура. Знали ли они историю создания этой брошюры, были ли в курсе, что Шенгели написал ее не по собственному желанию, а по просьбе родной сестры Ленина М.И. Ульяновой[28]?

Рабкор Бендер

Работая в «Гудке», Ильф и Петров, помимо написания фельетонов, обрабатывали письма рабочих корреспондентов (рабкоров), коих к январю 1927 г. у газеты было 19 000[29]. Псевдонимы, которыми они подписывали свои сообщения, в большинстве своем не отличались оригинальностью. Многие корреспонденты вообще не

[28] *Молодяков В.Э.* Указ соч. С. 273–274.
[29] Масса творит «Гудок» // Гудок. 1927. № 278 (2263), 6 дек. С. 3.

имели псевдонимов — им было достаточно присвоенного редакцией номера. Вот, например, какие псевдонимы можно встретить в номере за 17 февраля 1927 г.: «Рабкор 1789», «Кондуктор», «Рабкор 864», «Прохожий», «Свой», «Витька», «Комсомолец», «Рабкор 1011». Просматривая любой выпуск «Гудка» за 1926–1927 гг., мы обнаружим много других подписей такого же рода. Конечно, есть среди них и более или менее нешаблонные, но запомним лишь одну, уж больно она выделяется: «Бендер». Теперь представим Ильфа и Петрова в роли ежедневных редакторов писем условных «Федек» и рабкоров «№№ 123–456». Могли ли они не обратить внимание на необычный псевдоним одного из корреспондентов? Не могли.

Существует ли вероятность, что Бендер — настоящая фамилия рабкора? В «Гудке» изредка, но всё же встречаются письма корреспондентов, предпочитавших подписываться своими реальными фамилиями. Ответ на вопрос становится очевидным, когда приходит понимание специфики работы нашего героя. Судя по сообщениям «Бендера», он был одним из служащих, обеспечивавших организацию движения поездов. В системе регулирования движения вплоть до 1930-х гг. использовался фонарь Бендера. Сигнал, названный в честь своего изобретателя, указывал положение стрелки. Тексты заметок «Бендера» позволяют установить точное место его работы: Пермская железная дорога, станция Поклевская.

Итак, имеются ли на данный момент основания предположить, что Ильф и Петров присвоили «великому комбинатору» фамилию, являвшуюся, скорее всего, псевдонимом одного из рабкоров «Гудка»? Они недостаточны, поэтому двигаемся дальше.

Для начала вспомним эпизод ДС, в котором Бендер и Воробьянинов приезжают в Москву. На вокзале они находят извозчика и, по настоянию Остапа, отправляются в общежитие имени монаха Бертольда Шварца. Во время поездки Ипполит Матвеевич обращает внимание на одно из зданий и выдает историческую справку: «Запасный дворец». Бендер немедленно реагирует: «Работал я и в этом дворце». Далее поясняет: «Он кстати, не дворец, а НКПС [Народный комиссариат путей сообщения]»[30]. Признание Остапа в том, что он когда-то был железнодорожником, выглядит прямым намеком авторов на «провенанс» его фамилии.

А.И. Ильф, комментируя дневниковую запись отца «Изнеженная натура Безенчука», писала: «Фамилия гробовщика из романа “Двенадцать стульев” имеет явный географический оттенок. Безен-

[30] *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. С. 168.

чук — железнодорожная станция на подъезде к Самаре. Ее название запомнилось Ильфу еще в июле 1924 г., когда редакция "Гудка" командировала его в Самару вместе с Юрием Олешей»[31]. Если уж топоним стал фамилией персонажа, почему тот же путь не мог проделать и псевдоним рабкора? Возражение вроде «авторы не могли проделать такой фокус с фамилией главного героя дилогии» не принимается: согласно воспоминаниям Петрова, Бендер «был задуман как второстепенная фигура, почти что эпизодическое лицо»[32].

Постскриптум

Как бы странно это ни звучало, но настоящая статья — побочный продукт работы, заключавшейся главным образом в выявлении всех публикаций Георгия Шенгели в газете «Гудок». Автор выражает искреннюю благодарность дирекции ИД «Гудок» за предоставление возможности дистанционно изучить оцифрованные подшивки газеты.

Подведем итоги. Судебный отчет Георгия Шенгели «Клад в кресле» должен отныне рассматриваться как основной источник сюжетной завязки ДС. Рецензия Бориса Флита на текущий момент является самым ранним отзывом на ДС; вероятность того, что со временем ее статус может измениться, мала. Сюжет главы «Конец "Вороньей слободки"» полностью заимствован Ильфом, и доказать обратное невозможно. Версия, объясняющая возникновение фамилии главного героя дилогии, подлежит дискуссии.

Литература

Ильф И. Записные книжки, 1925–1937: Полное издание художественных записей / Сост., предисл., коммент. А.И. Ильф. М.: Текст, 2008. 394 с.

Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев / Послесл. и коммент. М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана. М.: АСТ, 2017. 720 с.

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. Первый полный вариант романа / Подгот. текста и вступ. статья М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 2000. 461 с.

Киянская О.И., Яворская А.Л. Одесский сатирический журнал «Бомба»: Из материалов уголовного дела журналиста Бориса Флита // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 1. С. 23–30. URL: https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-1-23-30 (дата обращения: 11.02.2020).

[31] *Ильф И.* Указ. соч. С. 51.

[32] *Петров Е.* Из воспоминаний об Ильфе // Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове // Сост. Г. Мунблит, А. Раскин. М., 1963. URL: http://lib.ru/ILFPETROV/vospominaniya.txt (дата обращения: 14.01.2020).

Молодяков В.Э. Георгий Шенгели. Биография. М.: Водолей, 2016. 616 с.

Одесский М., Фельдман Д. Литературная стратегия и политическая интрига: «Двенадцать стульев» в советской критике рубежа 1920–1930-х годов // Дружба народов. 2000. № 12. С. 179–195.

Петров Е. Мой друг Ильф / Вступ. заметка, сост. и публ. А. Ильф // Вопросы литературы. 2001. № 1. С. 195–226.

Рудерман Н. Кресла и 12 стульев // Дружба народов. 1969. № 2. С. 285–286.

Шенгели Г. Автобиография / Предисл. и публ. А. Маринина, коммент. А. Маринина, В. Резвого // Библиофилы России: Альманах. Т. XIV. М.: Любимая Россия, 2018. С. 563–572.

Шенгели Г. Черный погон / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Маринина и В.А. Резвого; послесл. В.Э. Молодякова. М.: Антоним, 2019. 460 с.

Щеглов Ю.К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

References

Il'f I. *Zapisnye knizhki, 1925–1937: Polnoe izdanie khudozhestvennykh zapisei* [Notebooks, 1925–1937: Complete literary records], comp., intro., comment. A.I. Il'f. Moscow, Tekst Publ., 2008. 394 p. (In Russ.)

Il'f I., Petrov E. *Dvenadtsat' stul'ev* [The Twelve Chairs], afterword and comment. M.P. Odesskii and D.M. Fel'dman. Moscow, AST Publ., 2017. 720 p. (In Russ.)

Il'f I., Petrov E. *Zolotoi telenok. Pervyi polnyi variant romana* [The Little Golden Calf. First complete variant of the novel], ed., intro. M. Odesskii and D. Fel'dman. Moscow, Vagrius Publ., 2000. 461 p. (In Russ.)

Molodiakov V.E. *Georgii Shengeli. Biografiia* [Georgy Shengeli. Biography]. Moscow, Vodolei Publ., 2016. 616 p. (In Russ.)

Odesskii M., Fel'dman D. Literaturnaia strategiia i politicheskaia intriga: "Dvenadtsat' stul'ev" v sovetskoi kritike rubezha 1920–1930-kh godov [Literary strategy and political intrigue: "The Twelve Chairs" in Soviet criticism at the turn of the 1930s]. *Druzhba narodov*, 2000, no. 12, pp. 179–195. (In Russ.)

Petrov E. Moi drug Il'f [My friend Il'f], intro., comp. and publ. A. Il'f. *Voprosy literatury*, 2001, no. 1, pp. 195–226. (In Russ.)

Ruderman N. Kresla i 12 stul'ev [Armchairs and 12 chairs]. *Druzhba narodov*, 1969, no. 2, pp. 285–286. (In Russ.)

Shengeli G. Avtobiografiia [Autobiography], intro. and publ. A. Marinin, comment. A. Marinin, V. Rezvyi. *Bibliofily Rossii: Al'manakh* [Russian bibliophiles: Almanac], vol. 14. Moscow, Liubimaia Rossiia Publ., 2018, pp 563–572. (In Russ.)

Shcheglov Iu.K. *Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelia* [Novels by Il'f and Petrov. Reader's companion]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2009. 656 p. (In Russ.)

Shengeli G. *Chernyi pogon* [The black shoulder mark], comp., ed. and comment. A.V. Marinin and V.A. Rezvyi, afterword V.E. Molodiakov. Moscow, Antonim Publ., 2018. 460 p. (In Russ.)

The Ostap Bender dilogy: What the authors omitted to mention

© 2020, Anton Marinin

Abstract: The article refines the plot source of the novel "The Twelve Chairs" by Ilya Ilf and Evgeny Petrov. The author puts forward a reasoned hypothesis according to which the list of sources traditionally mentioned by researchers consists not only of works by Arthur Conan Doyle, Lev Lunts and Aron Erlikh, but may as well include the court report signed "A. Trol" and published in the "Gudok" newspaper in February 1927. The pseudonym "A. Trol" was used by the poet, translator, critic and poetry scholar Georgy Shengeli during his 1925–1928 period of work in "Gudok". The article questions the believability of a well-known story stating that the basic storyline of the novel was granted to Ilf and Petrov by Valentin Kataev. The plot of the chapter "The End of the Crow's Nest" from the novel "The Little Golden Calf", according to the author, is entirely borrowed from the court report by "A. Trol", published in "Gudok" in October 1926. Boris Flit's critical essay published in "Gudok" in August 1928 is proposed to be considered the first review of "The Twelve Chairs"; Flit was eventually imprisoned and executed. In the penultimate section of the article a possible origin of the protagonist's surname is specified: supposedly, Ostap gained his surname from a pseudonym of a "Gudok" worker correspondent. Thus, observations and conclusions presented in the article make significant adjustments to the study of the creative history of Ilf and Petrov's dilogy.

Keywords: "The Twelve Chairs", "The Little Golden Calf", "Gudok" newspaper, Ilya Ilf, Evgeny Petrov, Valentin Kataev, Georgy Shengeli, Boris Flit, plot sources.

Information about the author: Anton Marinin, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: vanvillers@gmail.com

Citation: Marinin Anton. The Ostap Bender dilogy: What the authors omitted to mention. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 366–383. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-366-383

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА И ОБЪЕДИНЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-384-457
УДК 821.161.1

Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике

© 2020, А.Л. Соболев

Аннотация: История московского «Общества свободной эстетики» (1906–1917), основанная на недостаточно полно и неравномерно изученных источниках, остается на периферии исследовательского интереса. Основной целью публикации является восполнение этой лакуны. Во вступительной статье к публикуемой хронике «Общества свободной эстетики» кратко представлены характер его деятельности и состав, в который входили И.И. Трояновский, В.Я. Брюсов, Б.Н. Бугаев (Андрей Белый), Н.Р. Кочетов, В.В. Переплетчиков, В.И. Гиршман, А.П. Боткина и др. Производится классификация использованных источников: собственные отчеты общества (рукописные и печатные), в том числе финансовые; повестки и протоколы заседаний Комитета и общих собраний; тетрадь посещений заседаний гостями в 1910–1912 гг., сохранившаяся в отделе рукописей РГБ; переписка участников; издававшиеся с 1913 г. «Известия литературно-художественного кружка», а также газетные отчеты. Публикуемая Хроника учитывает все датированные официальные мероприятия «Общества свободной эстетики»: прежде всего — литературные и музыкальные вечера, но также и организационные собрания самого Общества и его Комитета, за исключением партикулярных встреч членов Общества. Для выявленных заседаний приводятся дата, статус (общее, закрытое и т.д.), место проведения, тема, время начала, условие присутствия гостей, прочие сведения, включая число участников и финансовые результаты. Далее следует очерк основных источников: повестка (если она разыскана), отчет и т.д. После этого перечисляются документы, относящиеся к подготовке мероприятия, его проведению и последствиям. Таким образом, Хроника описывает основные стороны деятельности «Общества свободной эстетики», а в научный оборот вводятся разнообразные источники, многие из которых ранее не публиковались.

Ключевые слова: «Общество свободной эстетики», хроника, архивные источники, газетные отчеты.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Соболев А.Л.* Общество свободной эстетики (1906–1917). Материалы к хронике // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 384–457. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-384-457

Славная одиннадцатилетняя история московского «Общества свободной эстетики» (1906–1917) остается на периферии исследовательского интереса, вследствие чего описана она довольно скупо. Весьма существенная библиография воспоминаний о нем приведена в словарной статье образцового справочника М. Шрубы[1]; известны также две обзорные работы, в общих чертах представляющие круг посетителей и организаторов Общества[2]. Несколько заседаний, ознаменованных скандальным участием московских кубофутуристов, описаны с богатым привлечением хроникальных материалов в превосходной монографии А.В. Крусанова[3]. Отдельные упоминания деятельности Общества встречаются в биографических очерках некоторых из его действующих лиц, например В.А. Серова или В.Я. Брюсова, а также в примечаниях к соответствующим фрагментам разных воспоминаний.

С одним из казусов подобного рода связано и появление настоящей статьи. Комментируя периферийный эпизод мемуаров В.И. Мозалевского, мы столкнулись с необходимостью датировать упомянутое им выступление в «Свободной эстетике», что потребовало масштабных, хотя и занимательных архивных разысканий[4]. Богатство и неупорядоченность открывшегося материала подсказали план небольшой монографии, которая включала бы полную хронику документированных мероприятий общества, публикацию сохранившихся протоколов его заседаний и краткий биографический словарь лиц, причастных к его деятельности, т.е. формально состоявших действительными членами, членами-посетителями, а также посещавших заседания в качестве гостей либо выступавших на его сцене.

Наиболее уязвим среди этих разделов первый — летопись. Несмотря на обилие разножанровых свидетельств о деятельности Общества и отдельных его заседаниях, распределены они крайне неравномерно: естественным образом больше всего расходилась информация о самых многолюдных и скандальных вечерах, тогда как скромные собрания, особенно начальной поры, обычно остава-

[1] *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь. М., 2004. С. 161–162.

[2] *Илюхина Е., Шуманова И.* Коллекционеры общества «Свободная эстетика» // Наше наследие. 2009. № 89. С. 44–55; *Свиридовская Н.Д.* «Живые силы искусства…» Из истории Общества свободной эстетики // Научный вестник Московской консерватории. 2014. № 4. С. 92–117.

[3] *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Кн. 1. М., 2010. С. 190– 192, 326, 332–337, 533–535, 626–627; Т. 1. Кн. 2. М., 2010. С. 76–77, 142–146.

[4] *Мозалевский В.И.* Тропинки, пути, встречи (окончание) / Подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 73.

лись вообще вне поля зрения стихийных историографов. Начиная с определенного времени заседания предварялись выпуском повесток (источниковедческий очерк которых см. ниже), но, как и всякие летучие издания (в терминах библиографов прежних поколений), сохранялись они небрежно и до наших дней дошли не полностью.

Минорно гармонирует с этим обстоятельством и скудность газетных отзывов: до какого-то момента заседания «Свободной эстетики» оставались сугубо приватными, так что анонимный корреспондент (не исключено, что им был Л.Л. Сабанеев, сам вхожий в Общество) имел полное основание констатировать в 1910 г.: «Это, кажется, первый — за четыре года существования о-ва свободной эстетики — публичный вечер»[5]. Даже и после, когда ценз для посторонних визитеров был ослаблен, сведения о состоявшихся заседаниях не слишком часто попадали в газеты — и розыск этих упоминаний, несмотря на предпринятые нами обширные сквозные просмотры периодики, до сих пор не окончен. В результате не слишком значительное статистически, но прагматически болезненное число позиций хроники до сих пор остается незаполненным[6].

Именно эта вынужденная неполнота побуждает нас, в надежде и расчете на дополнения коллег, напечатать материалы к летописи в нынешнем, заведомо несовершенном виде: все поступившие дополнения будут с благодарностью учтены в книжном издании.

* * *

История «Общества свободной эстетики» началась задолго до первого зарегистрированного заседания. Согласно собственному ее летописцу (очевидно, этот очерк предназначался для несостоявшегося юбилейного издания), «[в]есною 1906 года среди нескольких лиц, поклонников искусства, возникла мысль основать Общество, кот<орое> соединяло бы в себе служителей всех родов искусства — художников, музыкантов, поэтов, драматических и балетных артистов с целью сближения их между собою. Литературно-художественный Кружок (Дмитровка, дом Вострякова) любезно предложил для собраний часть своего помещения. На одном из первых собраний

[5] *Б.п.* Вечер свободной эстетики // Голос Москвы. 1910. № 10, 14 янв. С. 4.

[6] В частности, неизвестна точная дата многократно описанного собрания осени 1908 г., на котором А.Н. Толстой читал стихи и имел успех (см., напр., письмо М.А. Волошина к В.Я. Брюсову от 11/24 декабря 1908 г.: *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 9 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского, Н.Ю. Грякаловой, П.Р. Заборова, В.П. Купченко, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. М., 2010. С. 407).

произошел спор по поводу названия и задач нового Общества. Часть членов основала свой кружок под названием “Общество Леонардо да Винчи”, остальные же лица отделились и впервые собрались по приглашению Переплетчикова, Кочетова и Трояновского в среду 8 ноября 1906 г.»[7].

Большая часть сообщенных здесь сведений скудно, но верифицируется другими источниками: действительно, с начала 1906 г. в переписке современников появляются единичные упоминания о новом обществе (в частности, на заседании в конце марта там встречались Эллис и Н.К. Метнер, о чем брат последнего сообщал Андрею Белому[8]). Основу этого покамест безымянного кружка составляли лица, далеко стоящие друг от друга в обыденной жизни: живописец Василий Васильевич Переплетчиков, хирург, орхидеист и коллекционер Иван Иванович Трояновский, композитор Николай Разумникович Кочетов, иголочный фабрикант Владимир Иосифович Гиршман с женой, знаменитой московской красавицей Генриеттой Леопольдовной, и Валерий Яковлевич Брюсов, чьей организующей силе общество во многом обязано своим воплощением.

Первые твердо датированные собрания кружка происходили в ноябре-декабре 1906 г.; подводя им итог, хроникер замечал: «Число посетителей колебалось между 20 и 40. В течение декабря учредители несколько раз собирались в квартире г. Гиршман для выработки устава. Название, предложенное г. Переплетчиковым — “Общество Свободной Эстетики” — было всеми одобрено и принято»[9]. Вероятно, тогда еще учредители не были полностью уверены в жизнеспособности своего детища: так, Брюсов 16 ноября (т.е. уже после второго заседания) жаловался Белому: «В Москве ничего нового. Москва всё более и более становится городом провинциальным. Вся жизнь отлила в Петербург. Устраиваем “среды” и “вторники”, есть Общество “Леонардо да Винчи” и другое — “Единение”, но всё это как-то вяло и безнадежно. Усилие, создавшее “Скорпион” и всех нас, временно истощило силы Москвы. Чувствую себя в самой

[7] РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. Л. 1. «Общество имени Леонардо да Винчи», организовавшее в Москве несколько незаурядных художественных выставок, заслуживало бы отдельного исследования.

[8] См. письмо Э.К. Метнера к А. Белому от 29 марта 1906 г.: Андрей Белый. Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915 / Публ. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. М., 2017. Т. 1. С. 549.

[9] РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. Л. 1об. В действительности название заимствовано у брюссельского художественного общества “la Libre Esthétique”, организованного в 1893 г.

подлинной пустыне»[10]. Впрочем, уже месяц спустя он писал Зинаиде Гиппиус в чуть более оптимистическом тоне: «“Общество свободной эстетики” — нечто вроде Ивановских сред, собирается по средам же и очень полезно для писателей младшего возраста»[11].

В хронике начала следующего, 1907 г. фиксируется постепенное увеличение числа зрителей: «В январе число посетителей доходило до 50»[12], «В феврале посетителей бывало от 30–50»[13]. Эта летопись доведена до начала апреля и предпоследней строкой в ней значится: «В марте состоялось утверждение устава Общества»[14]. Действительно, 20 марта проект устава был рассмотрен на заседании Московского особого городского по делам об обществах присутствия и 10 апреля утвержден московским градоначальником генералом Рейнботом[15]. Устав изобличал в составителях весьма значительные амбиции: целью общества назначалось «способствовать успеху и развитию в России искусств и литературы и содействовать общению деятелей их между собой». В планах было устройство выставок художественных произведений, организация концертов (литературных и музыкальных), танцевальных и семейных вечеров, балов, маскарадов, спектаклей, лекций, публичных чтений, издание книг, альбомов и журналов, открытие классов и магазинов, помощь нуждающимся работникам искусств (вплоть до организации общежитий), созывы съездов, составление своей библиотеки, приобретение недвижимого имущества — и мы добрались только до конца первой страницы.

Общее собрание членов-учредителей состоялось через пять дней после утверждения устава[16]. На нем присутствовало тридцать три человека, причем, судя по первым же речам, в список членов свежеорганизованного общества внесено было уже сто тридцать лиц. Председателем избран И.И. Трояновский, секретарем — В.В. Пашуканис. Далее избирались члены комитета и кандидаты к ним (эта сложная система управления была зафиксирована в Уставе). Выборы выглядели так: каждый писал на клочке бумаги несколько фамилий, после чего сдавал их секретарю. Эти клочки удивительным образом

[10] Переписка с Андреем Белым. 1902–1912 / Вступ. ст. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 400.

[11] Письмо от 27 декабря 1906 г.: Письма к петербургским и московским литераторам / Публ. Э.С. Литвин, А.Н. Дубовикова, М.В. Рыбина, К.Н. Суворовой, Н.А. Трифонова // Там же. С. 689.

[12] РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. Л. 2.

[13] Там же.

[14] Там же. Л. 2об.

[15] Приведено в надзаголовке печатного издания: Устав «Общества свободной эстетики». <М.>, Б.г. С. [1].

[16] Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 1–2.

сохранились до наших дней: поскольку голосование было тайным, то определить список фаворитов отдельных учредителей мы можем лишь приблизительно, по почерку[17]. После окончания голосования были подведены итоги: членами комитета стали В.Я. Брюсов, И.И. Трояновский, В.В. Переплетчиков, В.И. Гиршман, Н.Р. Кочетов и В.А. Серов, а кандидатами С.И. Щукин, Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) и А.П. Боткина. Поскольку С.И. Щукин по занятости отказался, его должен был заменить следующий по числу набранных голосов, но таковых оказалось два — К.Н. Игумнов и А.Н. Корещенко. Пришлось переголосовать, в результате чего победил Игумнов. После этого таким же методом избрали ревизионную комиссию: П.Д. Эттингер, А.Н. Корещенко, Л.Л. Кобылинский (Эллис), С.И. Щукин (на этот раз согласившийся), М.А. Эртель и Н.Д. Милиоти. На этом мероприятия текущего сезона закончились, все главные преобразования были отложены на сентябрь.

Еще накануне первого осеннего заседания Комитета в газете «Вечерняя заря» появилось краткое информационное сообщение: «Организовавшееся в прошлом году “Общество свободной эстетики”, устраивавшее по средам свои вечера в литературно-художественном кружке на Дмитровке, в настоящем сезоне значительно расширяет свою деятельность. Во главе общества стоят теперь: писатели В.Я. Брюсов и Андрей Белый, художник В.В. Переплетчиков, музыкант Н.Р. Кочетов и известный художественный коллекционер доктор И.И. Трояновский»[18].

Заседание состоялось 4 сентября. Помимо обсуждения технической и финансовой стороны существования общества (о чем см. далее), на нем было принято решение образовать отдельные комиссии, каждой из которых надлежало ведать организацией вечеров, посвященных своей отрасли искусства: литературную (которую возглавил Брюсов), живописную (Переплетчиков и Серов) и музыкальную (Кочетов); позже к ним прибавилась театральная, предводительствуемая теми же Брюсовым и Переплетчиковым[19].

По этой программе Общество просуществовало всего несколько месяцев, до начала 1908 г., когда в его деятельности произошли новые перемены. Оказалось, что предложенная схема — с широкой автономией комиссий — практически нежизнеспособна. Брюсов, взявший слово на заседании 3 января 1908 г., с горечью констатировал: «То, что совершается теперь в Обществе, упадок его, упадок

[17] РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 1.
[18] *Б.п.* В литературном мирке // Вечерняя заря. 1907. № 306, 28 авг. С. 3.
[19] Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 4–5.

его активной деятельности, его внутреннего содержания, говорил он, является следствием причин внутренних и внешних.

Его внутренняя деятельность, деятельность комиссий развивалась незакономерно, некоторые исполнительные вечера устроены были без ведома членов Комиссии. Комиссия художественная бездействовала совершенно: члены ее не получили ни одного приглашения.

(Секретарь просит разрешения внести фактическую поправку).

Члены музыкальной Комиссии получили приглашение только на одно заседание, вечер Грига был устроен без оповещения всех членов ее. Что касается литературной Комиссии, то ее прерогативы были нарушены самым существенным образом: были устроены два вечера, где под прикрытием театральной Комиссии исполнялись литературные произведения»[20].

Далее сюжет его речи получил явно запланированный поворот: он с чрезвычайной суровостью обличил артистку Н.А. Меркурьеву, состоявшую членом общества и его театральной комиссии, порицая ее за участие в так называемом «Вечере мерцаний» — случайном литературно-театральном проекте[21]. Этот шумно раздутый скандал, последствия которого ощущались еще долгие месяцы, а то и годы, имел для «Общества свободной эстетики» важный узкопрактический смысл: в нем не только существенно вырос аппаратный вес Брюсова и возглавляемой им группы, но и само направление развития Общества (как минимум в литературной части, но не только) сместилось в сторону эстетической повестки «Весов». Вероятно, этот мягкий переворот отчасти был спрогнозирован заранее — еще в конце лета Белый писал З.Н. Гиппиус: «С осени начинает функционировать наш “*Кружок свободной эстетики*”, который еще будучи нелегальным (собирались в помещении “*Худ<ожественного> Кружка*”), успел заинтересовать культурную часть Москвы. (Это — собрание поэтов, художников, музыкантов, меценатов и т.д.). Ввиду того, что ближайшее участие в литературной секции принимают там Брюсов, Эллис, я, мы надеемся организовать из кружка клуб “*Весов*”, привлечь газетчиков, сочувствующих “*Весам*”, и развить наступательные действия (некоторые газеты подхватят) против Петербурга, что в связи с лекциями Брюсова, моими, Эллиса (нас публика начинает серьезно слушать, особенно Брюсова) создаст из Москвы действительную оппозицию Петербургу»[22]; история же с Меркурьевой

[20] Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 16–16об.

[21] Подробнее об этом см.: *Соболев А.Л.* «Вечер мерцаний» // Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6. P. 126–159.

[22] Недатированное (между 7 и 11 августа 1907) письмо: Неизвестное письмо Андрея Белого / Публ. В. Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Т. 5. М., 1991. С. 211–212.

оказалась случайным, но удобным поводом. В результате возможности автономии существенно снизились; театральные мероприятия более не проводились, а основу дальнейших занятий Общества составили литературные и музыкальные вечера. В этом практически неизменном формате общество просуществовало все следующие годы.

Помимо организационных заседаний, случавшихся довольно часто, основой деятельности Общества свободной эстетики были вечера, на которых читались стихи или лекции (с последующим обсуждением) либо исполнялась музыка. Они бывали закрытые (только для членов общества), полуоткрытые, куда можно было ограниченно приглашать сторонних лиц, и открытые, куда допускались без препон (но всё равно по приглашению действительных членов). Появление гостей регламентировалось весьма строго: каждый член общества получал книжку из ста билетов, одним из которых он мог наделить знакомого — тогда тот проходил на вечер, дополнительно уплатив определенную мзду (сперва она составляла стабильные 50 коп., но позже выросла, доходя на отдельные, особенно лакомые мероприятия до 1 р. 50 коп.). Существовала для гостя и возможность приобрести пятнадцатирублевый абонемент на все открытые вечера сезона (в этом случае требовались дополнительные рекомендации), но, кажется, популярностью она не пользовалась. Особыми правами обладали члены комитета — они могли пригласить на каждое собрание любое число гостей, но предварительно испросив разрешения у товарищей по комитету. Естественный смысл этих трудностей был, конечно, в недопущении профанов. С небольшими изменениями такая система просуществовала вплоть до 1917 г. Число посетителей весьма разнилось в зависимости от статуса заседания (открытое или закрытое) и занимательности темы; за 1910–1912 гг., для которых сохранилась подробная статистика, минимум был около 20 человек (например, 5 мая 1911 г. на чтении новых стихов Брюсова), а максимум — 160 зрителей (3 ноября 1911, «Вечер поэтов»). Вряд ли за всё время существования число собравшихся когда-либо достигало трехсот человек.

Первоначально доля закрытых заседаний была достаточно велика, но со временем открытые явно начали преобладать. Вероятно, причина лежала в экономической области: выручка от продажи входных билетов приглашенным гостям составляла изрядную часть прибылей общества. Второй по значению доходной статьей были членские взносы — номинально 5 рублей в год, но в конторской книге время от времени возникали и бóльшие суммы. Так, в ноябре 1910 г. были получены взносы от 27 лиц, причем Н.В. Сапожнико-

ва, Б.Л. Яворский, С.М. Соловьев, Л.И. Мещерина, Е.Е. Лансере, С.В. Лурье, Ф.И. Рерберг, Л.М. Браиловский, М.А. Дейша-Сионицкая, А.М. Кожебаткин, И.В. Юрьева, Н.С. Позняков, Г.В. Шапошников, А.П. Трояновская, А.И. Трояновская, И.И. Трояновский, Ю.Л. Ракитин, О.Ф. Гнесина, С.В. Новаковский, В.У. Дейша, В.В. Вульф, Н.В. Угримова, М.А. Эртель, М.А. Волошин, И.М. Брюсова заплатили по 5 руб., А.И. Вайнштейн — 25 руб., К.Е. Коротков — 15 руб., а В.П. Рябушинский — 30[23]. Возможно, разница объяснялась несопоставимым материальным положением участников, так что наиболее обеспеченные по собственной инициативе или благодаря подсказке организаторов округляли свои взносы. Доходы от продажи билетов, естественно, серьезно колебались в зависимости от заполнения зала, но за тот же отчетный период 1910–1911 гг. составляли то 7, то 12 с половиной, а то и 38 рублей (13 октября 1911 г., «Вечер итальянской музыки»).

Значительно многообразнее были расходы, которые несло общество. К регулярным относилось жалование секретаря — 20 или 25 руб. в месяц, оплата услуг типографии за печатание отчетов и повесток (о чем см. ниже) и почтовые марки на их рассылку. Существенных трат требовало само устройство вечеров: прислуга (2 руб.), настройка рояля (3–6 руб.), иногда — ужин или чай с пирожными для выступающих артистов (1–2 руб.), порой — цветы (10–12 руб.) или аренда автомобиля (8–10 руб.). В первые годы гонорар выступающим, вероятно, не платился, но позже, приглашая именитых лекторов или популярных музыкантов, Общество сулило им весьма существенное вознаграждение вплоть до ста рублей за вечер (впрочем, таких случаев мы знаем совсем немного[24]). Мелкие суммы иногда списывались на канцелярские товары. Порой в расходной книге появлялась странная запись, например: «Выдано А. Трояновской 15 руб.» Имеются в виду Анна Ивановна или Анна Петровна Трояновские, жена или дочь одного из членов комитета, — и эта трата явно связана с функционированием общества, но как — неизвестно. Единоразово общество выдало сторублевый займ Эллису и долгое время небезосновательно переживало за его (займа) судьбу. Суще-

[23] Финансовый отчет: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 44.

[24] Ср. в письме домоправительницы Вяч. Иванова М.М. Замятниной к своей подруге Е.П. Иолшиной: «Теперь пишет Вячеслав мало, поэзии почти писать не может, но с весны все-таки стал писать. <…> [В] Москве его каждый год приглашают за 100 р. в Свободной эстетике читать» (черновик несохранившегося письма от конца января 1909 г. РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 55. Л. 3об.). Любопытно, что финансовыми отчетами общества такой гонорар именно Иванову не подтверждается.

ственный, хотя и нерегулярный расход составляла аренда помещения для вечеров.

По праву рождения «Общество свободной эстетики» было тесно аффилировано с процветающим Московским Литературно-художественным кружком: почти все члены-учредители не только были его участниками, но и близко стояли к его дирекции (которую вскоре возглавил Брюсов). Это позволило не только запросить у МЛХК в самом начале пути тысячерублевую ссуду на развитие, но и активно пользоваться его помещениями. В результате бóльшая часть мероприятий «Свободной эстетики» проходила в залах Кружка (Большая Дмитровка, дом Востряковых), но не только: за одиннадцать лет были использованы помещения «Общества любителей художеств» (Малая Дмитровка, дом графини Васильевой-Шиловской), Синодального училища (Большая Никитская), картинной галереи К. Лемерсье (Салтыковский, д. 8), Юридического собрания (Малая Никитская, д. 25) и даже ресторана «Альпийская роза» (Софийка, д. 4/6). Встречи Комитета обычно проходили на квартире кого-нибудь из учредителей, чаще — Гиршманов или Трояновских. Аренда зала для собраний, по крайней мере в первые годы существования, обходилась обычно в 20 руб. за вечер, но достаточно часто зал Литературно-художественного кружка доставался Обществу бесплатно[25]; в иных случаях почти всегда требовалось оплачивать помещение отдельно (вплоть до 50 руб. за «Альпийскую розу»).

При этом, благодаря умелому хозяйствованию, общество постоянно имело устойчивое положительное сальдо, несмотря на финансовую неудачу отдельных собраний (в целом музыкальные оказывались существенно выгоднее литературных). Излишки денежных средств вкладывались в облигации государственного внутреннего займа, проценты по которым составляли особую статью дохода.

Несмотря на обилие документации, у нас нет точных данных о технических сотрудниках общества. Протоколы первых собраний вел издатель и акцизный чиновник Викентий Викентьевич Пашуканис, но после скандала с Меркурьевой он в знак протеста вышел из состава общества. В конце 1909 г. И.И. Трояновский советовал Брюсову Сергея Васильевича Кривошеина, сообщая: «Дорогой Валерий Яковлевич, вот Вам мой кандидат в секретари О-ва “С.Э.”. Если он и Вам подойдет, то возьмем его — без

[25] Между прочим, в ноябре 1913 г. «Общество свободной эстетики» попало в список организаций, которым МЛХК считает возможным предоставлять помещение безвозмездно (Известия Московского литературно-художественного кружка. Ноябрь 1913 года. С. 26).

рассуждений. Рекомендация — надежная! Решите сами, когда его служба начнется: теперь же или с 1 января 1909 <так!> г.»[26]. В 1910 г. И.М. Брюсова просила Б.А. Садовского: «Будьте добры, пришлите ко мне для переговоров того молодого человека, который соглашался быть секретарем у нас в Эстетике»[27]. О ком здесь шла речь, неизвестно, но в какой-то момент эту должность принял на себя Сергей Павлович Бобров[28], прослуживший там до конца 1914 г.: 29 ноября он жаловался той же Брюсовой: «Очень жаль, что Эстетика собирается обойтись без меня, — скажу даже, что это и не очень хорошо — в такое для всех тяжелое время отказывать без всякой причины от места»[29]. В разное время на должность секретаря претендовали будущий историк искусства Николай Георгиевич Машковцев и неизвестный (или неизвестная) нам Е. Лунц[30]; вряд ли сестра писателя. Первый из них некоторое время в этой должности прослужил: известно его единственное, причем недатированное, письмо к И.М. Брюсовой, касающееся текущих занятий[31]. Среди сохранившихся финансовых документов общества попадаются два лица, расписывавшихся за получение секретарского жалования: Г.Д. Дрожжин (в начале ноябре 1915 г.) и Иван Александрович Зыков (в конце ноября и декабре того же года)[32]. При этом жалобы на нерадивость невидного нам секретаря регулярно встречаются в переписке вокруг «Эстетики»: «Общество очень извиняется, что, по недоразумению, секретарь (новый человек, просто наемный, не стоящий в курсе дела) разо-

[26] Письмо от 12 декабря 1909 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 12.

[27] Письмо от 20 ноября 1910 г. // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 64. Л. 1.

[28] В протоколе заседания Комитета «Свободной эстетики» от 7 декабря 1912 г. зафиксировано: «Решено пригласить временно С.П. Боброва исполнять обязанности секретаря» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 73). О круге его обязанностей свидетельствует, например, записка И.М. Брюсовой к В.О. Гиршману от 6 июня 1914 г.: «Многоуважаемый Владимир Осипович, прошу Вас выдать С.П. Боброву за напечатание отчета и списка членов 20 р. Гонорар обещан в 25 р., мною выдано из моих денег 5 р., которые я получу в будущем» (РГБ. Ф. 386. Карт. 73. Ед. хр. 59. Л. 1).

[29] Письмо от 29 ноября 1914 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 77. Ед. хр. 47. Л. 1.

[30] Это следует из карточки дела в описи фонда Брюсова (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 2), однако фактически под этим шифром находится другая единица — сборник документов о постройке нового здания Литературно-художественного кружка. Возможно, Лунц состоял (или состояла) в родственной связи с певицей М.С. Неменовой-Лунц, принимавшей большое участие в делах общества.

[31] «Глубокоуважаемая Иоанна Матвеевна. Деньги и повестки получил. Разошлю сегодня же. Очень благодарен, что прислали мне домой, избавив от необходимости ехать к Вам на Мясницкую.

Список членов и отчет я разослал, но штук 30 у меня не хватило. Если позволите, я зайду к Вам завтра днем, чтобы выплатить этот долг до конца.

Готовый к услугам Н. Машковцев» (РГБ. Ф. 386. Карт. 151. Ед. хр. 25. Л. 1).

[32] РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7. Л. 24, 27.

слал некоторым членам отпечатанные условия конкурса <…>»[33]; «Наш секретарь запьянствовал и не разослал повесток»[34] etc. За все годы существования «Эстетики» большая часть текущих забот, как можно видеть далее, падала на плечи Иоанны Матвеевны Брюсовой, которая, по сути, исполняла львиную долю административных и технических обязанностей.

* * *

Источники для истории «Общества свободной эстетики» делятся на несколько разножанровых групп. Первый из них — собственные отчеты общества, рукописные и печатные. Поскольку в традиции отечественных библиотек входит небрежение эфемерными изданиями, сохранились они в крайне ограниченном числе экземпляров:

Отчет за 1906–1907 годы (с 8 ноября 1906 по 4 апреля 1907). Рукописный. Указаны даты и темы собраний, приведены краткие дополнительные характеристики. Хранится: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. (Далее: *Отчет 06/07*).

Общество свободной эстетики. Отчет о деятельности Общества в 1908–1909 году. <М.: Тип. общества распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов, 1909>. 4 н.с. Печатный. Указаны темы 19 собраний («из которых 4 закрытых, посвященных общей беседе, и 15 открытых и полуоткрытых, посвященных докладам по вопросам литературы и искусства, чтению стихотворений, исполнению музыкальных произведений и выставке художественных произведений»), но не указаны их даты. Здесь же «Отчет о движении сумм Общества». (Далее: *Отчет 08/09*).

Общество свободной эстетики. Отчет о деятельности Общества <в> 1909–1910 году. <М.: Тип. общества распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов, 1910>. 4 н.с. Печатный. Указаны даты и темы 13 собраний (одно закрытое и 12 открытых и полуоткрытых). Здесь же сведения об избрании новых членов и о движении сумм общества. Сохранилась наборная машинопись, с которой печатался отчет: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. (Далее: *Отчет 09/10*).

---

[33] Письмо В.Я. Брюсова к М.О. Гершензону от 15 апреля 1916 г. // Гершензон М.О. Узнать и полюбить. Из переписки 1893–1925 годов / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Ю. Литвин. М.; СПб., 2016. С. 24.

[34] Письмо И.М. Брюсовой к Н.Я. Брюсовой от 14 октября 1911 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 41.

Общество свободной эстетики. Отчет о деятельности Общества в 1910–1911 году. <М.: Тип. В.И. Воронова, 1911>. 4 н.с. Печатный. Указаны темы (но не даты!) 17 собраний, из которых 14 полуоткрытых и 3 открытых. Приведены также сведения о заседаниях комитета и изменениях в персональном составе общества и его руководящих органов. Последнюю страницу занимает краткий финансовый отчет. Есть корректурный экземпляр: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36. (Далее: *Отчет 10/11*).

Общество свободной эстетики. Отчет о деятельности Общества в 1911–1912 году. <М.: Тип. В.И. Воронова, 1912>. 8 н.с. Печатный. Указаны темы и даты 16 собраний, причем с упоминанием числа зрителей. Приведены сведения по переменам персонального состава. Приложен более подробный, чем раньше, финансовый отчет. Сохранилась часть наборной рукописи: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36; отколовшийся фрагмент: РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 5. (Далее: *Отчет 11/12*).

Общество свободной эстетики. Отчет о деятельности Общества в 1912–1913 году. <М.: Тип. В.И. Воронова, 1913>. 4 н.с. Печатный. Указаны даты и темы 22 собраний (3 закрытых, 17 открытых и 2 экстренных). Приведены сведения по переменам персонального состава. (Далее: *Отчет 12/13*).

Общество свободной эстетики. Отчет о деятельности Общества в 1913–1914 году. <М.: Тип. В.И. Воронова, 1913>. 8 н.с. Печатный. Указаны даты и темы 16 собраний (2 закрытых, 1 экстренное и 13 открытых). Приведены сведения по переменам персонального состава. Приложен более подробный, чем раньше, финансовый отчет. (Далее: *Отчет 13/14*).

Очевидно, что этот комплекс отнюдь не полностью покрывает задачи нашей хроники: для двух сезонов (1908–1909 и 1910–1911) в нем сообщаются темы, но опускаются даты собраний; еще для четырех сезонов (1907–1908, 1914–1915, 1915–1916 и 1916–1917) отчетов не существует вовсе (теоретически можно предположить, что они будут разысканы впредь, но шансы на это нам представляются исчезающе малыми). Поэтому для построения летописи приходится привлекать другие группы источников.

Один из самых любопытных и неожиданных — тетрадь посещений, сохранившаяся среди единичных поступлений Отдела рукописей РГБ. Она представляет собой конторскую книгу, куда поименно записывались гости каждого вечера «Свободной эстетики». Почти наверняка подобные тетради велись за всё время существования общества, но до нас дошла единственная, обнимающая

заседания с 4 ноября 1910 г. до 26 апреля 1912 г. При этом в ней не указано никаких иных сведений — ни темы заседания, ни места, ни времени, ни статуса: только дата и список лиц, причем, как правило, весьма неразборчивым почерком. Хранится: РГБ. Ф. 178. Ед. хр. 5295. (Далее: *Журнал посещений*).

Для того чтобы распознавать в ней фамилии, мы использовали следующую группу печатных изданий общества — персональные списки:

Общество свободной эстетики. Список членов к 1 мая 1910 года. <М., 1910>. 8 н.с. Перечислено 120 действительных членов.

Общество свободной эстетики. Список членов. 1910–1911 г. <М., 1911>. 8 н.с. Перечислено 147 действительных членов и 15 членов-посетителей.

Общество свободной эстетики. Список членов. 1911–1912 г. <М., 1912>. 8 н.с. Перечислено 152 действительных члена и 25 членов-посетителей.

Общество свободной эстетики. Список членов. 1913–1914 г. <М., 1914>. 8 н.с.

Перечислено 165 действительных членов и 31 член-посетитель.

К этим изданиям примыкает обширный рукописный комплекс, объединяющий рукописные списки, корректуры печатных списков, ходатайства о приеме и прочие документы, связанные с персональным составом общества: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 42.

Для описания материальной стороны истории Общества замечательный материал предоставляют финансовые отчеты — книги детальных записей расходов и доходов, выверенные ревизионной комиссией. Хотя общие итоги и печатались в типографских отчетах, датированный поденный перечень позволяет не только следить за денежной стороной вопроса, но и помогает вести учет посещений: в отчетах, например, зафиксированы поименно плательщики членских взносов (с указанием дат встречи с казначеем). Кроме того, они позволяют выявить те единичные собрания, о которых не осталось никакой другой информации. Финансовые отчеты сохранились не полностью, а лишь за сезоны 1910/1911 и 1911/1912 гг. (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 44), 1913/1914 гг. (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 6), 1914/1915 и 1915/1916 гг. (РГБ. Ф. 386. Карт. 115. Ед. хр. 7). (Далее: *Финотчет*).

Выдающимся по значению источником служат повестки Общества. В обиход они вошли не сразу, хотя еще в конце 1906 г. Г.Л. Гиршман, возвращая Брюсову образцы повесток нескольких сторонних художественных обществ, мечтательно присовокупляла: «они мне

очень нравятся, хорошо было бы и у нас такие же завести»[35]. Первая известная нам повестка использована при подготовке собрания 31 октября 1907 г. (отправлена Андрею Белому). Внешне повестки представляли собой обычные почтовые карточки-открытки, на одной стороне которых писался адрес получателя, а на другой типографски было нанесено: «Общество свободной эстетики. На очередном исполнительном вечере Общества _____ 190__ года» — и оставлено пустое место. Оно заполнялось при помощи буквенных штампов, заново набираемых перед каждым заседанием: с их помощью оттискивалось место встречи и тема доклада. Один-единственный раз (к 10 апреля 1909 г.) повестка была просто отпечатана на машинке. В какой-то момент (кажется, с первых заседаний 1910 г.) общество перешло на печатные повестки, дизайн которых впоследствии уже не менялся: под рисованной эмблемой общества печатались в установленном порядке номер заседания, дата, время, место, тема и некоторые пояснения. Повестка складывалась втрое, заклеивалась, на незаполненной спинке писался адрес и приклеивалась марка (либо она вкладывалась в конверт). Обычно рассылались они за два дня до заседания: адресованное из Москвы в Москву письмо, опущенное в почтовый ящик утром, к вечеру находило адресата. В экстренных случаях (при отмене заседаний) прибегали к услугам курьерских компаний, преимущественно «Гонец».

Полного (и даже приближающегося к полноте) собрания повесток нет ни в одном из известных нам архивов. Значительное их число отложилось в бумагах В.Я. Брюсова (естественно), Вяч. Иванова, Б.А. Садовского, А. Белого, И.С. Остроухова, но понадобилось учитывать и отдельные экземпляры, рассеянные по разным фондам архивохранилищ. Несмотря на усердные разыскания, ряд несомненно существовавших повесток до сих пор не обнаружен.

Помимо повесток, отчетов и списков членов, Общество издавало немалое число отдельных печатных документов, не все из которых сохранились. Еще в первые месяцы его существования художнику Е. Лансере (тоже члену «Свободной эстетики») была заказана марка (как сказали бы сейчас, «логотип»), по замыслу изображающая Пегаса, отчасти схожего с Медным всадником. Позже марку собирались переменить, обратившись к К. Сомову, но до этого дело так и не дошло. В архиве Брюсова сохранилось несколько образцов документов, украшенных этой маркой: блокнотный лист с перфорацией, пригласительный билет и т.п. В типографии (как правило, друже-

[35] Письмо от 20 декабря 1906 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 83. Ед. хр. 4. Л. 20–20об.

ственной — В. Воронова[36]) печатались также условия конкурсов, экстренные извещения, программы концертов и многое другое, в том числе фирменная писчая бумага и обложки папок. Все печатные эфемериды подобного рода мы старались непременно учитывать.

Довольно значительным подспорьем к начертанию истории «Свободной эстетики» служат сохранившиеся протоколы заседаний Комитета и общих собраний, охватывающие, впрочем, лишь начальную пору. Среди них (и в смежных архивных папках) находится некоторое количество хаотично перемешанных фрагментов и клочков, относящихся к тому же жанру, — схема реплик, последовательность выступающих и т.д. Часть подробностей восстанавливается по переписке участников общества (в основном аккумулированной в брюсовском архиве) и причастных к его деятельности лиц. Некоторые особенно занимательные собрания оказались запечатлены и в мемуарах современников.

С 1913 г. издавались печатные «Известия литературно-художественного кружка». По уставу они обязаны были публиковать списки мероприятий, для которых МЛХК предоставлял помещения. Благодаря этому бюрократическому нюансу удалось выявить даты, темы и обстоятельства нескольких заседаний «Свободной эстетики», не отобразившихся в других источниках (в хронике мы помечаем «Известия» как *ИЛХК*).

Отдельный первостепенный по значению источник — газетные отчеты. Благодаря изначально подразумеваемой приватности, мероприятия Общества не слишком часто становились объектом газетного внимания. Из десятков московских газет несильный, но хотя бы регулярный интерес проявлял к ним лишь «Голос Москвы». Исключением были заседания, подразумевавшие информационный повод —приезд именитых гостей или возможность скандала, как правило, обеспечиваемого вмешательством московских кубофутуристов. Вероятно, новые сквозные просмотры, затрагивающие дальние области московской газетной ойкумены, помогут обнаружить неучтенные по сей день материалы к истории общества.

* * *

В настоящей хронике, жанровым образцом для которой послужили легендарные обзоры «Бродячей собаки» и «Привала комедиан-

[36] В последние годы статус присяжного типографа «Свободной эстетики» перешел к Михаилу Григорьевичу Родионову.

тов»[37], мы учитываем все датированные официальные мероприятия «Общества свободной эстетики»: прежде всего — литературные и музыкальные вечера, но также и организационные собрания самого Общества и его Комитета. За ее пределами остаются партикулярные встречи членов общества, хотя бы и имеющие целью обсуждение связанных с обществом вопросов (как свидание, назначаемое Ниной Меркурьевой Андрею Белому: «Вы обещали, Борис Николаевич, зайти сегодня — понедельник, ко мне и принести свои рукописи. Напоминаю Вам. У меня собираются несколько членов театральной комиссии для обсуждения дальнейших постановок. Ваше присутствие очень, очень необходимо и желательно. Буду Вас ждать вечером к 8»[38]).

Для выявленных заседаний мы приводим: дату, статус (общее, закрытое и т.д.), место проведения, тему, время начала, условие присутствия гостей, прочие сведения, включая число участников и финансовые результаты (полные списки присутствовавших на отдельных собраниях будут напечатаны в книжном издании). Далее следует очерк основных источников: повестка (если она разыскана), отчет и т.д. После этого перечисляются документы, относящиеся к подготовке мероприятия, его проведению и последствиям. Документы неопубликованные или труднодоступные мы стараемся приводить полностью, в остальных случаях ограничиваясь, как правило, библиографической ссылкой.

Указания на место собраний даются сокращенно: в «Обществе любителей Художеств» на Малой Дмитровке — ОЛХ; в помещении Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковых) — ЛХК.

1906

8 ноября 1906 (среда).
«Поэт Эллис (Кобылинский) читал о Бодлере». — *Отчет 06/07.*

15 ноября 1906 (среда).
«Историк Эртель читал переводы песней из индийской поэмы Багавадгита. Г-жа Полозова пела романсы». — *Отчет 06/07.*

[37] *Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л., 1985. С. 160–257; *Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д.* Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М., 1989. С. 96–154.

[38] Письмо от 29 октября 1907 г. (по почтовому штемпелю) // РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 10. Л. 1.

22 ноября 1906 (среда).

«Беседа об умершем художнике Мусатове (Станюкович) привлекла много публики. Г-жа Брюсова играла на рояли». — *Отчет 06/07.*

29 ноября 1906 (среда).

«Чтение стихов (Эллис, Рубанович) и беседа о реализме в искусстве (Ларионов, Переплетчиков, Кузнецов, Брюсов)». — *Отчет 06/07.*

6 декабря 1906 (среда).

«Г. Корещенко играл на рояли. Общая беседа о теме в искусстве». — *Отчет 06/07.*

13 декабря 1906 (среда).

«Г. Лукин играл на арфе». — *Отчет 06/07.*

19 декабря 1906 (вторник).

«По предложению Брюсова были устроены petits jeux (рисунки и стихи)». — *Отчет 06/07.*

27 декабря 1906 (среда).

«Г. Корещенко играл на рояли. Гр. Бобринский и С.И. Щукин рассказывали о путешествии по Индии и Греции». — *Отчет 06/07.*

1907

3 января 1907 (среда).

«Г. Корещенко играл на рояли. Беседа о передвижной выставке». — *Отчет 06/07.*

10 января 1907 (среда).

«Беседа о школе в искусстве. Г. Рубанович читал стихи. Г-жа Полозова пела романсы». — *Отчет 06/07.*

17 января 1907 (среда).

«Г-жа Пастернак играла на рояли. Г-жа Философова пела романсы, аккомпанировал Г. Померанцев. Гр. Бобринский демонстрировал рисунки солнечного спектра в соответствии с хроматической гаммой». — *Отчет 06/07.*

24 января 1907 (среда).

«Петербургский поэт Кузмин исполнял декламацию под фортепьяно своего сочинения и вызвал оживленные споры». — *Отчет 06/07.*

М.А. Кузмин записал в дневнике под этой датой: «Проехались на резвом до клуба. Там была масса народа. Кузнецов говорил, что я необыкновенно красив, хотя он представлял себе меня блондином. Познакомился с кучей людей. Играл “Куранты” и несколько “Александр<ийских> п<есен>” и “Детские”. Мнения так резко разделились, что чуть не дошло до рукопашной; ругались Бог знает как. Мои главные защитники была безусая молодежь: Кузнецов, Ларионов, Ликиардопуло, Феофилак<тов>, Бромирский и потом Брюсов и Балтрушайтис; противники сафоновцы: Корещенко, Померанцев, Мостридиев, поэт Эллис и др. Переплетчиков, Гиршман и еще кто-то меня защищали. Говорят, никогда такой битвы не было. Я стоял в другой пустой зале с приверженными дамами: женой и сестрой Брюсова, Коровайковой — и еще кем-то, а оттуда то один, то другой прилетали молодые люди с докладами. Ларионов чуть не побил кого-то; “идиоты, бездарности, ослы, мерзавцы” прямо в глаза были еще наиболее мягкими словами. Нужно сказать, что противники выражались скромнее. “Художники и ‘скорпионовцы’ расходились”, — говорили в публике. “Вон бы всю шваль, что сюда набралась”, — кричал на всю залу Ликиардопуло. Наконец, перед ужином, Брюсов, Коров<айкова>, Ликиардопуло, Феофил<актов>, Кузнецов, Ларионов, Бромирский и еще какие-то три совсем молодых человека, окружив и сопутствуя меня, ушли достаточно демонстративно. Меня обрадовало, что я принят молодыми. Шли вчетвером, Феоф<илактов>, Кузнецов, Ларион<ов> и я» (*Кузмин М.* Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2000. С. 312–313).

Двумя днями позже, 26 января, В. Брюсов писал К.И. Чуковскому: «В Москве все петербургские гости. Вы начали. Далее были: Аничков, В. Иванов, Блок, Добужинский, Чулков, Городецкий, Верховский, арх<имандрит> Михаил, Кузмин. Сей последний только вчера уехал. Участвовал он в буйном пьянстве “скорпионов”, в тупом собрании “Свободной эстетики” и на томительном четверге “Золотого Руна”, т.е. видал “всю Москву”. “Свободная эстетика”, как и подобало учреждению свободному, встретила его за все новаторства насмешками и чуть не свистками (он пел свои “Александрийские песни”, “Куранты” и т.п.). Нет, право же, Ваш Петербург куда культурнее нашей Москвы с ее “Провалами”» (Переписка В.Я. Брюсова и К.И. Чуковского / Вступ.

заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст: Историко-литературные и теоретические исследования. М., 2009. С. 322).

4 февраля Кузмин сообщал Чичерину: «Я недавно вернулся из Москвы, где пробыл дней 10, знакомясь с тамошними кружками, был очень любезно принимаем, играл “Куранты” на “вечерах свободной эстетики”, причем был некоторый скандал между стареющими музыкантами и молодыми, чуть не до рукопашной» (*Богомолов Н.А.* Из переписки М.А. Кузмина и Г.В. Чичерина // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник. 2003 / Под ред. М.А. Колерова. М., 2004. С. 420).

Выступление Кузмина будут припоминать Обществу в полемике и год спустя: «Не слишком ли субъективно то мерило эстетического уровня, которое отвергает чтение Фета, Тютчева и Блока, и принимает такие “действа”, как музыкальные иллюстрации г. Кузмина к его же “голому молодому человеку в шляпе”, — иллюстрации, от которой музыкальные люди пришли в полное отчаяние?» (*Яблоновский С.* Эстетика и… этика // Театр и искусство. 1908. № 8. С. 153–154; о контексте этих упреков см.: *Соболев А.Л.* «Вечер мерцаний» // Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6. P. 126–159).

31 января 1907 (среда).

«Гг. Корещенко, Игумнов, Померанцев играли на рояли. Г-жа Полозова пела романсы. Г. Гиляровский написал несколько экспромтов по поводу “сред”». — *Отчет 06/07.*

7 февраля 1907 (среда).

«Г. Игумнов играл на ф.п. много вещей Скрябина. Г. Корещенко — свои сочинения. Г-жа Философова пела романсы, аккомпанировал г. Померанцев». — *Отчет 06/07.*

Накануне И.И. Трояновский писал Брюсову: «На эту среду я поставил приличный рояль; будет играть К.Н. Игумнов, между прочим соч. Скрябина; петь будет Смирнов <или Смирнова>. Прошу Вас сообщить это Вашим глубокоуважаемым дамам.

Искренне уважающий Вас Ив. Трояновский.

P.S. Будет С.П. Дягилев» (письмо от 6 февраля 1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 1). *Дамы* — И.М. и Н.Я. Брюсовы.

14 февраля 1907 (среда).

«Поэты Эллис, Гофман, Рубанович читали свои произведения». — *Отчет 06/07.*

Возможно, к этому вечеру относится недатированная записка В.В. Гофмана на визитной карточке с просьбой пропускать Л.В. Гофман на заседания общества (РГБ. Ф. 560. Карт. 1. Ед. хр. 11. Л. 1).

21 февраля 1907 (среда).

«Киевский поэт Мезько читал свои сочинения, кот. вызвали споры об элленизме <sic> и христианстве в искусстве». — *Отчет 06/07.*

28 февраля 1907 (среда).

«Реферат В.В. Переплетчикова о живописи в связи с наукой. Беседа по этому поводу (Брюсов, Вайнштейн, Трояновский). Андрей Белый прочел несколько своих стихотворений». — *Отчет 06/07.*

7 марта 1907 (среда).

«Вечер старинной музыки. Парижанка Ванда Ландовска играла на клавесине и рояли. Было больше 100 человек. Исполнительница имела большой успех». — *Отчет 06/07.*

К этому вечеру относится рисунок Л.О. Пастернака: «Концерт Ванды Ландовской. Вечер старинной музыки в “Обществе Свободной эстетики”» (1907. Пастель). Ср. в воспоминаниях одной из изображенных: «Ванда Ландовская дала целый концерт на клавесине — этот вечер увековечен пастелью Л.О. Пастернаком. Художник изобразил Ландовскую играющей на клавесине и кругом нее, слушающими ее игру, Дягилева, Щукина, Серова, Милиоти, Остроухова, Трояновского, Переплетчикова, Эртеля и др. В центре художник изобразил меня сидящей в белом платье, и второй раз спиной, с Дягилевым и Владимиром Осиповичем <Гиршманом>, стоящим сбоку» (*Гиршман Г.Л.* Мои воспоминания о Серове // Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Т. 2. Л., 1971. С. 331).

14 марта 1907 (среда).

«Беседа об “искусстве будущего” (Андрей Белый, Эллис, Вайнштейн)». — *Отчет 06/07.*

Возможно, к этому вечеру относится одна из двух записей Белого в автобиографических заметках под 1907 г.: «Март-апрель-май (не помню точно). “Принцип формы”. Общество свободной эстетики. Москва»; «Март-апрель-май (не помню точно). Прения в Обществе свободной эстетики. Москва» (Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов /

Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; науч. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад. М., 2016. С. 701).

21 марта 1907 (среда).

«Обыкновенное собрание». — *Отчет 06/07.*

28 марта 1907 (среда).

«Доклад-вопрос А. Белого “против музыки”. Возражали В. Брюсов, Шкляр, Померанцев». — *Отчет 06/07.*

Ср. в автографических сводах Белого под 1907 г.: «Март-апрель-май (не помню точно). “Против музыки” в Обществе свободной эстетики. Москва» (Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. С. 701).

Текст доклада: *Бугаев Б.* На перевале. VI. Против музыки // Весы. 1907. № 3. С. 57–60.

4 апреля 1907 (среда).

«Г. Мейчик играла на рояли». — *Отчет 06/07.*

15 апреля 1907 (воскресенье).

Общее собрание членов-учредителей.

Выбор председателя и секретаря. Выбор членов комитета.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 1–2.

4 сентября 1907 (вторник).

Первое заседание комитета общества. Выборы казначея (В.О. Гиршман). Выборы заведующих отделами живописи (В.В. Переплетчиков и В.А. Серов), музыки (Н.Р. Кочетов) и литературы (В.Я. Брюсов). Хозяйственно-административную часть берут на себя И.И. Трояновский и В.В. Пашуканис. Заказ у Е.Е. Лансере дизайна печати и фирменных бланков общества. Выработка регламента посещения общества. Решение просить субсидию у Литературно-художественного кружка. Мысль об организации театра марионеток.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 4–4об.

Последняя новость вскоре попала в хронику киевского журнала: «При обществе свободной эстетики имеется в виду устроить “Театр марионеток”. Предположено привлечь несколько интересных художников — Судейкина, Переплетчикова и др.» (В мире искусств. 1907. № 16. С. 22). В следующем номере новость уточняется: «“Обществом свободной эстетики” в Москве предположено, между

прочим, устройство “театра марионеток”. Фигуры и декорации для этого театра исполнит г. Судейкин, а текст будет написан А. Белым» (В мире искусств. 1907. № 17/18. С. 32).

Заседание предполагалось провести еще поздней весной; так, 5 мая 1907 г. И.И. Трояновский писал Брюсову: «Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич, я сейчас уезжаю на 2 мес. заграницу, а гг. Гиршманы еще не вернутся до воскресенья; Серов только что уехал в Грецию. Если Вы найдете возможным и нужным собрать комитет о-ва, Вы имеете 4-х членов: г. Переплетчиков (здесь или в “Дугине”), г. Кочетов и г. Гиршман, — этого и довольно по Уставу. Секретарь г. Пашуканис (Знаменка, с<обственный> д<ом>). Думается, хорошо было бы пообсудить программу действий о-ва и приготовиться к делу, тоже хорошо бы наметить и состав комиссий.

Впрочем, Вы сами лучше знаете, что нужно, — а посему крепко жму Вашу руку и желаю всего самого лучшего! Мой почтительный поклон Иоанне Матвеевне.

Рад до смерти, что вырываюсь на отдых.

Искренне уважающий Вас и преданный Ив. Трояновский» (РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 2–2об.). Судя по всему, Брюсов счел это нецелесообразным.

Вероятно, в продолжение бесед на организационные темы два дня спустя после сентябрьского собрания В.В. Переплетчиков писал В.Я. Брюсову: «Если дирекция литературно-худ<ожественного> Кружка согласится отдать общ<еству> “Свободной Эстетики” помещение, то нельзя ли добавить еще одну подробность, о которой мы с Вами говорили, т.е. нельзя ли получить комнату в помещ<ении> кружка днем, где бы можно было производить пробы, считки; я думаю, что остальные члены комитета не будут претендовать на меня за некоторое своеволие; ответственность за это я беру всецело на себя» (РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 48. Л. 1).

3 октября 1907 (среда).

Первое организационное собрание Общества. Вопрос о подчиненности комиссий Комитету. План устройства ближайших сред; в частности, представитель театральной комиссии В.В. Переплетчиков предложил посвятить ближайшую среду 17 октября декламации и мелодекламации, соединенной с пластикой. Н.Р. Кочетов от имени музыкальной комиссии предложил посвятить вечер 24-го памяти Грига. Обсуждение планов выставки рисунков.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 6.

Принятое в этот день ходатайство художественной комиссии Общества, обращенное к дирекции Литературно-художественного кружка, см.: Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 2. Л., 1989. С. 112–113.

Накануне В.В. Пашуканис писал А. Белому в недатированном письме: «Борис Николаевич, в среду (8 ½, Лит<ературно->Худ<ожественный> Кр<ужок>) состоится первое организационное заседание Общества “Свободная Эстетика” для обсуждения литературно-художественных “выступлений” Общества. Комитет ожидает Вашего появления с нетерпением» (РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 20. Л. 7).

17 октября 1907 (среда).

Исполнительный вечер.

Недочеты этого вечера разбирались в заседании комитета общества *23 октября 1907* (см.).

Об этом вечере была помещена информационная заметка: «В среду, 17 октября, “общество свободной эстетики” устроило свое первое исполнительное собрание. Неумелые чтецы и чтицы исказили своей декламацией, мелодекламацией и “пластодекламацией” стихи А. Блока, Вяч. Иванова, К. Бальмонта, Вал. Брюсова. Исключение составлял лишь В.И. Качалов, который с большим чувством прочел одно стихотворение А. Блока и два — Валерия Брюсова» (*Б.п*. Об-во свободной эстетики // Столичное утро. 1907. № 118, 19 окт. С. 5).

Почти наверняка именно к нему относится недатированное письмо В.В. Пашуканиса к А. Белому: «Боюсь, многоуважаемый Борис Николаевич, что к Вам уже пристают с просьбами провести на первый исполнительный вечер Свободной Эстетики, и спешу, поэтому, доставить Вам квитанцию в приеме членского взноса (Вы сделаете его хоть в среду) и книжку входных билетов. Вы пишете фамилию посвящаемого и Вашу как поручителя, и этого вполне достаточно. Плата (50 к.) будет взиматься при входе.

Было ужасно жаль, что Вы не могли присутствовать на последнем заседании комитета.

Преданный В. Пашуканис.

NB На вечере 17-го предполагается декламация, сопровождаемая музыкой и мимо-пластикой. Начало в 9 ч.» (РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 20. Л. 4).

23 октября 1907 (вторник).

На квартире И.И. Трояновского (?).

Третье (так!) заседание Комитета общества, посвященное обсуждению вопросов, возникших после первого исполнительного вечера Общества (среда 17 октября). Обсуждение вопроса о сторонних зрителях. Проект литературных сред, представленный Эллисом. Прием новых членов общества.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 8.

Вероятно, к этому заседанию относится недатированное письмо В.В. Пашуканиса к А. Белому: «Надеюсь, многоуважаемый Борис Николаевич, что Ваше нездоровье (я так спешил на Вашу лекцию в Женском Клубе) уже прошло и мы увидим Вас на заседании Комитета (у Ив. Ив. Трояновского, д. Шиловой, Филипповский п. Арбат, 8 часов, вторник 23-го)» (РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 20. Л. 5).

24 октября 1907 (среда) (?).

В этот день предполагалось провести вечер памяти Грига (см.: *3 октября 1907*). При этом точно известно, что такой вечер действительно состоялся (см.: *3 января 1908*), но дата его доподлинно неизвестна.

31 октября 1907 (среда).

Закрытое собрание.

«Балтрушайтис, Брюсов, Белый, Гофман, Рубанович и Эллис прочтут неизданные стихотвор<ения>.

На этот вечер гости не допускаются».

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 8 (А. Белому).

Сохранилась стеклографированная программа (или другой вариант повестки):

«Общество Свободной Эстетики. 31 октября 1907.

Вечер лирики.

Ю. Балтрушайтис. 5 неизданных стихотворений из сборника “Жатва полудня”.

В. Брюсов. 4 неизданных стихотворения из цикла “Обреченный”.

А. Белый. 6 неизданных стихотворений из сборника “Закатные прахи”.

В. Гофман. Неизданная поэма “Баллада о поздних встречах” и 2 неизд. стих.

С. Рубанович. 3 неизданных перевода из “Монахов” Э. Верхарна.

Эллис. 5 неизданных стихотворений и 3 неизданных перевода из “Цветов Зла” Ш. Бодлера» (РГБ. Ф. 386. Карт. 122. Ед. хр. 17. Л. 59).

28 ноября 1907 (среда).

Закрытое собрание.

«Предполагается чтение художественной прозы (Балтрушайтис, Гофман и Эллис)».

Начало в 9 ½ часов.

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 7 (А. Белому).

12 декабря 1907 (среда).

Исполнение музыкальных и драматических отрывков.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 4 (И.С. Остроухову).

Возможно, к этому заседанию относится обмолвка в обширном «Календаре писателя» газеты «Свободные мысли»: «В московском “обществе свободной эстетики” появилась новинка: декламация с пластикой стих<отворен>ий В. Иванова, Блока и Городецкого» (*Б.п.* Календарь писателя // Свободные мысли. 1907. № 31, 17 дек. С. 4). Не исключено, впрочем, что речь шла о вечере *17 октября 1907* (см.).

16 декабря 1907 (воскресенье).

Четвертое заседание Комитета Общества. Исчерпание программы сред. Назначение соединенного заседания членов Комиссий на 3 января 1908 г. Выбор новых членов-соревнователей.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 12.

19 декабря 1907 (среда).

«Эллис прочтет “Святая девушка”, перевод из Розетти».

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 35 (И.С. Остроухову).

1908

2 января 1908 (среда).

Исполнительский вечер.

Концерт Ванды Ландовской.

Гости платят за вход рубль. — Начало в 9 ½ часов.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 1 (И.С. Остроухову).

Накануне В.В. Пашуканис писал А. Белому в недатированном письме: «Дорогой Борис Николаевич, я, кажется, забыл сказать Вам, что на среду (Ванда Ландовска) гости допускаться будут, плата один

рубль, начало около 9 ½ часов. Заседание комитета будет в четверг, в 2 часа дня» (РГБ. Ф. 25. Карт. 27. Ед. хр. 20. Л. 6).

3 января 1908 (четверг).

Соединенное заседание Комиссий Общества. Двадцать два члена. Доклад Брюсова о кризисе в деятельности общества. Неудачный вечер Грига. Два вечера, устроенные театральной комиссией, на которых исполнялись литературные произведения. Центральный вопрос — об участии члена общества Н.А. Меркурьевой в «Вечере мерцаний». Осуждение ее, намерение исключить. Выступления Эллиса, Переплетчикова, Трояновского, Кочетова, Дриттенпрейса. Возражения Меркурьевой.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 16–19.

В тот же день:

Пятое заседание комитета Общества. Продолжение дискуссии о последствиях «Вечера мерцаний». Предложение признать неудобным дальнейшее посещение заседаний А.И. Гурьевым. Особое мнение В.В. Переплетчикова. Прием в общество новых членов.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 14.

Подробнее о «Вечере мерцаний» и вызванном им кризисе в «Обществе свободной эстетики» см.: *Соболев А.Л.* «Вечер мерцаний». P. 126–159; к приведенной в статье библиографии следует добавить упущенный нами мемуарный очерк: *Яблоновский С.* Переоценка ценностей // Русские записки. 1939. № 15. С. 94–96.

О заседании комитета В.В. Пашуканис предупреждал А. Белого накануне в недатированном письме (см. *2 января 1908*).

9 января 1908 (среда).

Закрытое собрание.

«Предполагается обычная общая беседа. Впредь повестки будут рассылаемы только об открытых для гостей заседаниях».

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 10 (А. Белому).

6 февраля 1908 (среда).

Седьмое заседание комитета Общества. Обсуждение правил допуска посетителей на собрание. Прием новых членов. Продолжение обсуждения «Вечера мерцаний» и его последствий.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 24. К протоколу приложен литографированный текст циркуляра, помеченный «февраль 1908» и содержащий новые правила допуска посетителей.

17 февраля 1908 (воскресенье).

Восьмое заседание комитета Общества. Продолжение обсуждения «Вечера мерцаний» и его последствий. Чтение письма Н.А. Меркурьевой. Выход В.В. Переплетчикова из состава Комитета. Выбор новых членов.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 27.

12 марта 1908 (среда).

«Беседа: Ф. Сологуб. Вступление сделает А. Белый».

Открытое. 80 коп. — Начало в 9 ½ час.

Повестка: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 34 (И.С. Остроухову).

Ср. в автобиографических сводах А. Белого: «Январь. <sic!> “О Федоре Сологубе”, реферат в Свободной эстетике. Москва» (Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. С. 703).

16 марта 1908 (воскресенье).

Объединенное заседание комитета и редакционной Комиссии. Назначение годичного Общего собрания на 29 марта. Программа собрания. Сообщение В.О. Гиршмана о бедственном положении художника Врубеля. Предложение организовать лотерею в его пользу. Вопрос о марке Общества: решено заказать ее К. Сомову с тем, чтобы ее изготовление оплатил И.И. Трояновский, впоследствии забрав оригинал рисунка. Выбор новых членов.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 29–30.

26 марта 1908 (среда).

«Примет участие Н.К. Метнер.

Открытое. Плата 1 руб. Нач. 8 ½ веч».

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 5 (И.С. Остроухову).

В тот же день:

Девятое заседание Комитета Общества. Экстренное собрание, созванное для обсуждения заявления С.Н. Кругликова по поводу статьи С. Потресова, посвященной последствиям «Вечера мерцаний».

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 31.

29 марта 1908 (суббота).

Общее собрание. Прибыли 45 действительных членов, составляющих более 1/5 всего состава. Выборы председателя собрания (Г.А. Рачинский) и секретаря (А.С. Петровский). Брюсов прочел заявление С.Н. Кругликова, поданное в комитет по поводу статьи С. Потресова, касающейся «Вечера мерцаний» (см.: *3 января 1908*). Дискуссия по этому поводу. Постановка на голосование; решено и заявление, и статью ныне и впредь игнорировать. Заявление В.В. Переплетчикова о сложении звания члена Общества. Отчет И.И. Трояновского о деятельности общества и движении сумм. В истекшем году (вероятно, сезоне) общество провело 22 очередных вечеровых собраний, из которых только одно было посвящено общей беседе, все же прочие — различным художественным исполнениям. Наибольшую деятельность проявили комиссии литературная (11 собраний) и музыкальная (6 собраний). Художественная комиссия планирует устроить выставку произведений мастеров последней четверти XIX в. из частных коллекций. Отчет казначея. Обсуждение планов найма собственного помещения. Выборы членов Комитета и ревизионной комиссии.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 35–37.

Эллис, судя по его письму к М. Сизовой, ожидал в этот день заседания, «на к<ото>ром будут выборы новых членов Комитета и обструкция Брюсову со стороны “мерцателей”» (Эллис в «Весах» / Предисл., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 318). В действительности эти прогнозы не оправдались, так что все голосования были в пользу партии, предводительствуемой Брюсовым (см.: *Соболев А.Л.* «Вечер мерцаний». Р. 126–159).

8 октября 1908 (среда) (ОТМЕНЕНО).

На этот день был назначен доклад Белого, прочитанный неделей позже (см.: *15 октября 1908*). О.А. Флоренская, пришедшая на доклад вместе с В. Эрном, его женой Е.Д. Эрн и своей сестрой Е.А. Флоренской, сообщала на следующий день С. Троицкому: «Вчера вечером, когда мы выходили из подъезда, швейцар дал твое письмо. Я взяла его в собрание “Эстетика”. Мы с Лилей дорогой смеялись, что мы не одни, и Сережа идет с нами на Белого... Но лекции не было — забыли совершить какую-то формальность относительно разрешения собрания, и оно перенесено на следующую среду. Зато мы видели интересный народ, дам в богатых костюмах <...>. Был там Серов с дочкой и с альбомом под мышками,

маленький, толстенький, седоватый, с лысиной через всю голову. Видела Свенцицкого, только не разглядела хорошо, п<отому> ч<то> боялась, что он заметит обращенное на него внимание. Андрей Белый бегал, точно весь на пружинах, взволнованный казусом, извинялся неистово, скакал к телефону, в участок... Послезавтра, вероятно, увижу его у Эрн <sic!>. Вчера, постояв и поглядев с полчаса, мы с Лилей и с Эрнами вышли. Потом пошли к ним и остались до утра <...>» (Нашедшие град. История христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С.В. Чертков. М., 2017. С. 423 (усеченный вариант); с другими купюрами: *Шутова Т.А.* Белые образы серебряного века (о портрете Андрея Белого работы Ольги Флоренской) // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 772. Оба публикатора весьма вольно обошлись с оригиналом: например, в первом случае во второй фразе есть слово «Эстетика», а во втором — нет, из-за чего мы с прискорбием вынуждены ненаучно компилировать их копии).

15 октября 1908 (среда).

«Андрей Белый. Доклад: “Символизм и современная русская литература”» *(Отчет 08/09)*.

Текст опубликован под заглавием «Символизм и современное русское искусство. Реферат, прочитанный на заседании “О-ва Свободной Эстетики” в Москве, 15-го октября 1908» (Весы. 1908. № 10. С. 38–48)[39].

5 ноября 1908 (среда).

«Ю. Балтрушайтис, Валерий Брюсов, Андрей Белый, С. Соловьев, Эллис. Чтение новых стихотворений» *(Отчет 08/09)*.

В этот день Н.К. Метнер писал Э.К. Метнеру: «Сегодня первый вечер за всё это время, что мы сидим спокойно и уединенно дома, и то только благодаря тому, что не пошли в “Эстетику” где сегодня читают свои новые стихотворения Брюсов, Соловьев, Бугаев и Эллис» (*Метнер Н.К.* Письма. М., 1973. С. 118).

[39] В отчете 1908–1909 гг., которому мы следуем далее до конца сезона, мероприятия указаны в основном в хронологической последовательности, хотя и не без сбоев. Даты мы восстанавливаем самостоятельно на основании других источников. Там же подчеркнуто, что в отчет включены только 15 открытых и полуоткрытых собраний, а 4 закрытых, «посвященных общей беседе», в документе не фигурируют. Туманна судьба трех собраний, отраженных в отчете, но неизвестных по другим источникам — с выступлениями Ликиардопуло, Филянского и Игумнова (см.).

14 ноября 1908 (пятница).

Закрытое собрание. — ОЛХ.

Чтение драмы О. Уайльда «Женщина увешанная драгоценностями».

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 11 (А. Белому).

19 декабря 1908 (пятница).

Вечер французской музыки. — ОЛХ.

В отчете значилось: «Исполнительница г-жа В.В. Вульф» *(Отчет 08/09)*.

Полуоткрытое. — Начало в 9 ч.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 26 (Б.А. Садовскому).

1909

2 января 1909 (пятница).

Исполнительный вечер. — ОЛХ.

«Валерий Брюсов. Доклад о вновь обнародованной книге Фр. Ницше “Ecce Homo” и чтение нескольких переводов из французских поэтов» *(Отчет 08/09)*.

Полуоткрытое. — Начало в 9 ½ ч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 27 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 12 (А. Белому).

2 января Брюсов писал Н.И. Петровской: «Сегодня вечером я читаю о новой книге Ницше в “Эстетике”. Конечно, пишу это “чтение” сейчас, в последние часы, и потому не могу сказать Тебе всё, что хотел бы» (Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова М., 2004. С. 401).

Вероятно, к этому вечеру относится встреча Брюсова с французским писателем Морисом Дени, о которой он сообщал Верхарну в письме от 22 января 1909 г.: «С г-ном Морисом Дени я действительно встретился в Москве, и у меня даже был с ним очень интересный разговор о его путешествии, а также о русском и французском искусстве. Мы виделись с ним в одном литературно-художественном кружке (который заимствовал у своего бельгийского собрата название “Свободной эстетики”). В тот же вечер я делал в этом кружке доклад о французской поэзии XIX века и цитировал некоторые свои переводы из французских поэтов, в том числе, разумеется, и из ваших стихотворений» (Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 584; публ. Т.Г. Динесман; оригинал по-франц.). Программа вечера проясняется благодаря дневниковой записи Дени:

«Вечер в “Обществе свободной эстетики”. Валерий Брюсов и его друзья. Лекция о “Ecce Homo” Ницше и чтение французских поэтов от “Юной тарантинки” до одного из молодых поэтов “Аббатства” (“Аббатство” очень известно в России)» (*Denis M.* Journal. T. 2 (1905–1920). Paris, 1957. P. 102; оригинал по-франц.; цит. по: Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915. СПб., 2005. С. 296, коммент. Р. Дубровкина).

9 января 1909 (пятница).

Исполнительный вечер. — ОЛХ.

«К.Д. Бальмонт. Доклад о Шарле ван-Лерберге и новые переводы его произведений. (Прочтено Н.Я. Брюсовой)» *(Отчет 08/09)*.

Начало в 9 ½ ч. — Открытое.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 3 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 28 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 13 (А. Белому).

16 января 1909 (пятница).

Исполнительный вечер. — ОЛХ.

«“Элегическое в творчестве Листа”. Доклад Н.Я. Брюсовой и исполнение избранных произведений Листа. (Исполнители: А.М. Ян-Рубан, М. Бекман-Щербина, Н.Я. Брюсова, Е.Я. Калюжная, Б.Л. Яворский)» *(Отчет 08/09)*.

Начало в 9 ½ ч. — Открытое.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 2 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 29 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 14 (А. Белому).

23 января 1909 (пятница).

Исполнительный вечер. — ОЛХ.

Закрытое заседание. — Начало в 9 ½ ч.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 30 (Б.А. Садовскому).

29 января 1909 (четверг).

Выставка ковров работы С.Ю. Судейкина. — ОЛХ.

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 7 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 27 (Б.А. Садовскому).

Первоначально ковры Судейкина должны были соседствовать с орнаментами В.П. Дриттенпрейса, но последний за пять дней до выставки предупреждал Брюсова:

«Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Сокращение залы Об<щества>ва Люб<ителей> худ<ожеств> стойками настолько уменьшает площадь развески ковров, что об орнаментах моих, занимающих довольно много места, говорить не приходится. Я обращаюсь к Вам с просьбой вычеркнуть мое участие на афише. Я с большой охотой развешу ковры, устрою всё, заполню оставшиеся места орнаментами, но я не хочу быть анонсированным, раз я не могу вполне выразить идею своего убранства. Я надеюсь, что я еще не опоздал, что афиша еще не напечатана и Вы успеете вычеркнуть фразу "орнаменты к коврам работы архит<ектора> Дриттенпрейса". Вы премного обяжете меня, если позвоните мне по телефону 55.06. Я с 12-ти часов буду дома, а сейчас уеду в помещение Об<щества>ва Люб<ителей> худ<ожеств>, чтобы разметить подготовительные работы. Сергей Юрьевич <Судейкин> просил меня передать его просьбу заменить слова "на аллегорические темы" словами "декоративными". Извиняюсь за беспокойство и больше всего сожалею, что об уменьшении зала стойками узнал так поздно и размеры уменьшения уже тогда когда <sic> не мог просить Вас вычеркнуть мое участие. Ивану Ивановичу <Трояновскому> я говорил уже вчера ночью о всем вышеописанном» (письмо от 24 января 1909 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед. хр. 30. Л. 5–5об.).

30 января 1909 (пятница).

В верхнем зале ЛХК. — Доклад В.Я. Брюсова о «Медном всаднике» Пушкина.

В отчете этот вечер слит с предыдущим (от четверга 29 января) и описание его имеет следующий вид: «Валерий Брюсов. Доклад о "Медном всаднике" Пушкина. С.М. Соловьев и Вячеслав Иванов. Чтение новых стихотворений. Выставка декоративных ковров С.Ю. Судейкина» *(Отчет 08/09)*.

29 января 1909 г. Брюсов писал Вяч. Иванову: «Надеюсь хоть мельком увидеть тебя на вечере "Свободной эстетики". Он состоится в пятницу, в 9 ½ — 10 часов вечера, в верхнем зале Литературно-художественного кружка. Очень прошу тебя заявить при входе, что ты мой "гость" (меня, как лектора) и не платить поэтому той пени, которая взимается с "черни непросвещенной". О том же прошу и Веру Константиновну <Шварсалон>» (Переписка с Вячеславом Ивановым / Предисл. и публ. С. Гречишкина, Н. Котрелева и А. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 519–520).

В день доклада Брюсов писал Н.И. Петровской: «Сегодня вечером должен читать в “Эстетике” отрывок из моей статьи о “Медном Всаднике”. Не хочется мне этого очень. Настроение — совсем не для публичных выступлений. Да и статьи-то, строго говоря, еще нет: одни подготовительные наброски. Но как откажешься, когда билеты проданы и сколько-то людей ждет выступления Валерия Брюсова, как некоторого зрелища. Покорствую» (Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. С. 443).

Вероятно, к этому вечеру относится эпизод, описанный В.К. Шварсалон в недатированном письме к брату, С.К. Шварсалону: «Все первые дни я простудилась и была больна, даже не попала в кружок. Зато я была в “Свободн<ой> Эстетике”, где читали Брюсов, С. Соловьев и по просьбе устроителей exprompt’ом Вячеслав прочел 4 стихот<ворения>, которые имели успех. После этого мы ужинали довольно интересно там же с Балтрушайтис<ом>, с одним художником, с С. Соловьевым, актером и знаменитым пианистом Игуменовым <sic!>» (*Кобринский А.* Несколько штрихов к пребыванию Вяч. Иванова в Москве в январе-феврале 1909 года // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2010. С. 159).

Впечатление от выступления Иванова в тот же вечер описывала А.Р. Минцлова:

«Пишу Вам сейчас, потому что, вернувшись со “свободной эстетики”, я вдруг сейчас почувствовала большой страх и волнение. Быть может, это напрасное, нелепое волнение — — я очень считаюсь с тем, что я сейчас сильно надорвана и изранена астрально, и с аптекарской точностью теперь учитываю <?> всё, что куда следует, в моем астральном видении.

Сначала я очень обрадовалась, что Эллис вдруг замер, умолк совсем, когда раздался Ваш голос, — Вячеслав, Вы были прекрасны, как бог, сегодня — — — —

Эллис, который весь вечер болтал без умолку, очень резко критиковал Брюсова, к моему изумлению?! Вдруг умолк, онемел — — когда Вы начали читать — — —

В первый момент мне это понравилось. А сейчас, вдруг, меня охватил ужас — — — Я не знаю, чего-то страшного, безобразного — У меня чувство какого-то гигантского безобразия, происшедшего где-то в кружке, где-то вблизи Вас, Вячеслав — — и я упрекаю себя, что я не осталась еще, что я ушла — — —» (*Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 249–250; см. там же далее описание происшествия, случившегося с Эллисом между чтением и ужином).

18 февраля 1909 (среда).

«А.Н. Скрябин. Исполнение ряда собственных произведений» *(Отчет 08/09)*.

Камерный вечер. А.Н. Скрябин исполнил 3-ю сонату и ряд фортепианных пьес (см.: Летопись жизни и творчества А.Н. Скрябина / Сост. М.П. Пряшникова и О.М. Томпакова. М., 1985. С. 168).

27 февраля 1909 (пятница).

Доклад г-на Эллиса: к теории истории современного символизма. В отчете значилось: «Эллис. Доклад: "К истории и теории символизма"» — ОЛХ. *(Отчет 08/09)*.

Начало в 9 ½ ч. — К печатному «открытое» дописано «полу».

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 6 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 32 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 16 (А. Белому).

Текст доклада опубликован под заглавием «Итоги символизма» с подзаголовком «Доклад, прочитанный на заседании "О<бщест>ва Свободной Эстетики" в Москве 25 <!> февраля 1909» (Весы. 1909. № 7. С. 55–74).

6 марта 1909 (пятница).

Будут исполнены сочинения современных французских композиторов Витковского, Д. Северака и Равеля. — ОЛХ.

В отчете значится: «Второй вечер французской музыки. Исполнители: г-жа В.В. Вульф, г-жа Нилова, гг. К.Н. Игумнов, Ю.Н. Померанцев» *(Отчет 08/09)*.

Открытое. — Начало в 9 ½ ч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 33 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 15 (А. Белому).

13 марта 1909 (пятница).

Г-н Б.А. Садовской прочтет свои новые произведения. — ОЛХ.

Открытое. — Начало в 9 ½ ч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 34 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 17 (А. Белому). В отчете заседание не зафиксировано.

20 марта 1909 (пятница).

С.М. Соловьев сделает доклад «А.А. Венкстерн. Характеристика. Его переводы из А. Мюссе <в повестке: Нюссэ>». В отчете: «С.М. Соловьев. Доклад о В.В. <так!> Венкстерне» — ОЛХ. *(Отчет 08/09)*.

Открытое. — Начало в 9 ½ ч.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 35 (Б.А. Садовскому).

23 марта 1909 (понедельник).

Заседание комитета. — На квартире В.И. и Г.Л. Гиршманов.

Единственный источник сведений — письмо В.И. Гиршмана к В.Я. Брюсову от этого числа: «Вчера виделся с Ив. Ив. Трояновским и решили сегодня собрать последний комитет. Прошу, не найдете ли возможным на часок приехать к нам домой. Я должен был написать Вам утром, но совершенно забыл» (РГБ. Ф. 386. Карт. 83. Ед. хр. 2. Л. 5–6).

10 апреля 1909 (пятница).

«В помещении Общества любителей Художеств (М. Дмитровка, д. гр. Васильевой-Шиловской) имеет быть очередное открытое собрание, посвященное памяти Н.В. Гоголя.

Доклады прочтут гг. Андрей Белый, С.М. Соловьев и Эллис.

Начало в 9 ½ часов.

По окончании собрания имеет быть годичное общее собрание гг. членов Общества.

Предмет общего собрания: заслушание отчета о годичной деятельности общества и выборы членов Комитета и Ревизионной комиссии на 1909–10 год».

Доклад А. Белого не состоялся: он отсутствовал по причине болезни (см.: Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. С. 571).

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 21 (А. Белому).

В отчете не зарегистрировано. Возможно, собрание подготавливалось экстренно: повестка (единственный случай) напечатана на машинке.

17 апреля 1909 (пятница).

Годичное общее собрание гг. членов Общества. — ОЛХ.

Открытое. — Начало в 9 ½ ч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 36 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 18 (А. Белому).

В отчете не зарегистрировано.

11 ноября 1909 (среда).

Первое собрание сезона 1909–1910 гг. — В зале Синодального училища (Б. Никитская).

Доклад Н.Я. Брюсовой «Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние».

Начало в 9 ч. веч. — Члены общества получают при входе билет на номерованное место бесплатно. Гости входят по рекомендации членов с платою в 1 р.

Повестки: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 4 (В.Я. Брюсову); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 23 (А. Белому; здесь же хранится корректура с правкой рукой Брюсова — л. 24); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 3 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

К докладу была выпущена отдельная программа (цензурное разрешение 6 ноября 1909 г.; тип. о-ва распространения полезных книг, преемник В.И. Воронов); экземпляр: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 2–3.

Текст доклада опубликован под заглавием «Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние. Доклад, прочитанный в Обществе Свободной Эстетики, 11 ноября 1909 года» (Весы. 1909. № 10/11. С. 183–211). В архиве Брюсова сохранился краткий машинописный отчет о вечере: «Действительным членом Общества Н.Я. Брюсовой прочитан доклад на тему “Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние”. Присутствовало: действительных членов — 21; гостей — 14 гостей; лиц, приглашенных докладчиком — около 150» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 41). В другом варианте сообщается: «Сбор с гостей, по условию, поступил в распоряжение Н.Я. Брюсовой, принявшей на себя расходы по устройству собрания» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 1).

18 ноября 1909 (среда).

Второе собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) прочтет доклад на тему “Магия слов”. По окончании доклада предполагается общая беседа на ту же тему».

Начало в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 50 к.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 5 (В.Я. Брюсову); РГБ. Ф. 386. Карт. 143. Ед. хр. 11. Л. 4 (Б.М. Рунт; строка о гостях вычеркнута); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 7 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

Первоначально план собрания был другим: за два дня до него, 16 ноября, И.И. Трояновский писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, нам удивительно не везет: Лукин заболел, и Ходнева одна петь не может и не будет, — и что делать в среду я не знаю!.. Придумайте, что возможно… Еще хуже, что и Грабарь зауродствовался и вывел меня из терпения и т.д.» (РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 8). Брюсов записал на обороте этого письма «Магия слов», вероятно, переговорив с будущим докладчиком (телефона еще не было ни у одного из них).

В машинописном отчете сообщалось: «По окончании доклада состоялась общая беседа на ту же тему; в беседе приняли участие Б.Н. Бугаев, В.Я. Брюсов и Л.Л. Кобылинский.

Присутствовало на собрании гг. действительных членов, членов-посетителей и гостей — 31 человек» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 6).

2 декабря 1909 (среда).

Третье собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании предполагаются следующие исполнения:

I. В.А. Лукин. Фантазия для арфы К. Сен-Сенса (op. 95).

II. В.В. Ходнева. Новые романсы Н.Р. Кочетова: 1) Гвоздика; 2) Мой друг; 3) В грешном уголке; 4) Ночь; 5) Солнце греет землю; 6) Песнь Зюлейки.

III. В.А. Лукин. Фантазия на оперу “Садко” Н.А. Римского-Корсакова.

Начало исполнения в 9 ½ час. веч.». — Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 50 к.

Повестки: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 1 (В.Я. Брюсову); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 19 (А. Белому); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 10 (экз. Общества; слово «грешном» переправлено на «уютном»).

«В.А. Лукиным было исполнено на арфе ряд фантазий К. Сен-Санса. Г-жей В.В. Ходневой были исполнены “Новые романсы” Н. Кочетова» (*Отчет 09/10)*.

В машинописном отчете сообщалось: «Присутствовало на собрании гг. действительных членов, членов-посетителей и гостей 26 чел.» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 9; приложены машинописная программа вечера, вероятно, вручавшаяся непосредственно на нем, и список присутствовавших лиц — л. 11, 12).

Еще за десять дней до собрания И.И. Трояновский писал Брюсову: «Дорогой Валерий Яковлевич, Оба концертанта будут в среду

2 декабря участвовать в вечере С.Э. по данной уже ими программе. Ни в Кружке, ни чрез брата Вашего сообщить сего не мог — и пишу!» (письмо от 12 декабря 1909 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 105. Ед. хр. 19. Л. 10).

16 декабря 1909 (среда).

Четвертое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании Ф.А. Степун прочтет доклад “Трагедия творчества” (о Фридрихе Шлегеле). По окончании доклада предполагается общая беседа на ту же тему.

Начало чтения в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 50 коп.».

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 15 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

Машинописный отчет сообщает: «Прений доклад не вызвал. — Присутствовало на собрании: действительных членов 14, гостей 10 чел.» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 13; приложен поименный список).

21 декабря 1909

Собрание Комитета общества. — На квартире В.Я. Брюсова (Цветной бульвар, 24).

Начало в 9 ч. веч.

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 27 (А. Белому).

1910

13 января 1910 (среда).

Пятое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании И.Э. Грабарь прочтет доклад “Введение в историю русского искусства” (часть I). Чтение будет иллюстрировано с помощью волшебного фонаря».

Начало чтения в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 50 к.

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 8 (В.Я. Брюсову); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 19 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

Машинописный отчет сообщает: «Присутствовало на собрании действительных членов 47, гостей — 104 и лиц приглашенных докладчиком около 150» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 18).

Приложен список посетителей, среди которых выделяются Ф. Сологуб, Ан. Чеботаревская и Т. Чеботаревская, объединенные званием «почетные гости». Здесь же — наброски финансового отчета: «2-м электротехникам 10 руб.», «зал 50 руб.», «всего сто восемьдесят два рубля и 20 коп.» (сумма проданных билетов и собранных на заседании членских взносов).

В газетном отчете писалось: «Это, кажется, первый — за четыре года существования о-ва свободной эстетики — публичный вечер.

Общество, основанное знаменитым художником Серовым и его единомышленниками, старательно избегает “вульгаризации” своей идеи. И этим объясняется его малая популярность.

На вчерашний вечер, однако, двери приоткрылись пошире — зал лит<ературно>-худ<ожественного> Кружка был переполнен частью самой изысканной публикой, частью учащимися в школе искусств.

Известный художник и критик г. Игорь Грабарь прочел введение к истории русского искусства — грандиозного издания, предпринятого им при участии почти всех лучших современных русских знатоков» (*Б.п.* Вечер свободной эстетики // Голос Москвы. 1910. № 10, 14 янв. С. 4).

24 января К.А. Сомов писал А.А. Михайловой: «Было бы всё хорошо, если бы не страдания, за эти дни я еще был на лекции Грабаря в “Свободной эстетике”. Читал он введение в свою будущую книгу о русской живописи, довольно любительски и так пространно, что я не досидел до конца» (Константин Андреевич Сомов. М., 1979. С. 106).

20 января 1910 (среда).

Шестое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании И.Э. Грабарь прочтет доклад “Введение в историю русского искусства” (часть II). Чтение будет иллюстрировано с помощью волшебного фонаря».

Начало в 9 ½ час. вечера.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 37 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 26 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

В машинописном отчете говорилось: «Присутствовало на собрании действительных членов около 30 ч., гостей 106 и лиц приглашенных докладчиком около 150» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 25; приложен список присутствовавших).

27 января 1910 (среда).

Седьмое собрание сезона1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании Валерий Брюсов прочтет: 1) доклад о “Египетских ночах” Пушкина; 2) несколько своих новых стихотворений».

Начало в 9 ½ час. вечера.

«Собрание имеет быть закрытым. Правом входа пользуются действительные члены О-ва и члены-посетители. Гости, с платою по 50 коп., входят исключительно по запискам гг. членов Комитета и кандидатов к ним».

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 19 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 38 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 1 (А.А. Шестеркиной). — *Отчет 09/10.*

Среди посетителей вечера были Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Днем позже А.Р. Минцлова писала Вяч. Иванову: «Вчера было собрание “Свободной Эстетики” — я не была там, но мне рассказывали несколько людей о том, что там вчера — был Соллогуб. За ним исступленно ухаживает Брюсов — бегает за ним, подходит ко всем, прося аплодировать Соллогубу — на первом месте сидит Соллогуб; и рядом с ним (это — я говорю со слов очевидца и притом не декадентов — нимало) — очень молодая женщина, — по виду, почти дочь ему — которая всё время на глазах всей “Свободной Эстетики” — ласкает Соллогуба, гладит его грудь, прижимается к нему (Соллогуб же всё время слегка отстраняет ее) — атмосфера безумия царила в этот вечер — (я не была “там”; предупреждаю Вас еще раз дорогой мой и любимый, чтобы эта гнилая, гнилая струя не проникла дальше)» (письмо от 28 января 1910 г. // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. Л. 36–36об.).

В газетном отчете, среди прочего, говорилось: «Вчера в собрании общества свободной эстетики В.Я. Брюсовым был прочитан доклад об Египетских ночах Пушкина. В числе гостей был Ф. Сологуб, радушно всеми встреченный» (*Б.п.* Доклад В.Я. Брюсова // Утро России. 1910. № 9259, 28 янв. С. 5).

3 февраля 1910 (среда).

Восьмое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«В собрании примет участие г-жа Ванда Ландовска.

Программа собрания:

I отделение: клавесинная музыка времен Шекспира.

II и III отделения: вольты и вальсы от XVII века и до Шопена (включительно)».

Начало в 9 ½ час. вечера.

Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 1 р. 50 к.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 39 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 33 (экз. Общества).

Согласно отчету, выступление было предварено вступительным словом Н. Кочетова «Музыка времен Шекспира». — *Отчет 09/10.*

В машинописном отчете сообщалось: «Присутствовало на собрании действительных членов 46 человек и 120 ч. гостей» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 32; приложен список присутствовавших).

10 февраля 1910 (среда).

Девятое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании В.И. Ребиков исполнит ряд своих музыкальных сочинений».

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 40 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 20 (А. Белому); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 38 (экз. Общества); ГЦММК. Ф. 68. Ед. хр. 728 (В.И. Ребикову; с пометой «для трех лиц»). — *Отчет 09/10.*

В машинописном отчете сообщалось, что на вечере было 22 действительных члена и 47 человек гостей (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 37; приложен список присутствовавших).

Двумя днями позже В.Я. Брюсов писал Ребикову:

«Дорогой Владимир Иванович!

Вчера, в четверг, мне неожиданно пришлось устраивать банкет в честь французских депутатов и чествовать их. Хлопоты по устройству вечера и самый приезд гостей отняли у меня весь день и всю ночь… А сегодня утром пришлось еще ехать провожать французов на вокзал, и подносить им подарки от “Кружка”. В конце концов я так устал, что едва держусь на ногах. Вот почему я не мог быть у Вас, чтобы еще раз благодарить Вас от имени “Эстетики” и чтобы осведомиться о Вашем здоровье. Но я очень беспокоюсь и очень прошу Вас сообщить мне, как Вы себя чувствуете. Если Вы нездоровы, и я и И.М., мы поспешим навестить Вас и готовы всячески помочь Вам проводить скучные часы болезни.

Сердечно Ваш Валерий Брюсов» (ГЦММК. Ф. 68. Ед. хр. 212. Л. 1).

17 февраля 1910 (среда).

Десятое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании Федор Сологуб прочтет свой новый рассказ “Путь в Дамаск” и ряд своих новых стихотворений».

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 18 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 41 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 43 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

Согласно машинописному отчету, присутствовало 34 действительных члена общества и 61 гость (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 42; приложен список).

8 февраля 1910 г. Брюсов писал Сологубу: «Мы здесь все очень помним, что Вы обещались подарить “Свободной Эстетике” вечер при своем ближайшем приезде в Москву. Если не ошибаюсь, “Победа смерти” идет в первый раз 15-го февраля. К этому дню Вы, вероятно, будете в Москве. Не может ли поэтому “Эстетика” рассчитывать на Вас на среду, 17-го? Что бы Вы ни захотели нам предложить — стихи, рассказ, рассуждение, — Вы всем нас, и наших гостей, обрадуете» (*Брюсов В.Я.* Письма к Ф. Сологубу / Публ. В.Н. Орлова и И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 г. Л., 1976. С. 117). Сологуб отвечал 15 февраля: «Я в Москве, остановился в Национальной Гостинице и, если не встретится неожиданных препятствий, готов читать у Вас, в Свободной Эстетике, в среду, рассказ Путь в Дамаск и стихи. Но т.к. голос у меня для больших собраний не годится, да я же еще немного простужен, то, конечно, смогу я читать только в малой зале, как та, где я имел удовольствие слушать Ваше чтение» (*Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 2. М., 2013. С. 354).

В газетном отчете говорилось: «Федор Соллогуб, приезжавший в Москву, чтобы присутствовать на первом представлении своей пьесы “Победа смерти” в театре Незлобина, выступил с чтением рассказа и стихов на вечере в обществе свободной эстетики.

Писатель приехал поздно, был в черном строгом сюртуке, с палевой гвоздикой в петлице, читал однообразно, слово за слово и как бы чопорно.

Слушала литературная Москва: Вал. Брюсов, Мария Павловна и Иван Павлович Чеховы, Лев Шестов, Е.А. Бальмонт, пианист Игумнов и др. <…>

После этого были прочитаны Федором Соллогубом несколько стихотворений, одно из которых также называлось “Путь в Дамаск”. Стихи имели больший успех, нежели рассказ. Присутствовавшие

проводили писателя весьма дружелюбными аплодисментами» (*Б.п.* Чтение Соллогуба // Новая Русь. 1910. № 53, 23 февр. С. 5).

17 марта 1910 (среда).

Одиннадцатое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании Вячеслав Иванов 1) сделает сообщение "О новых литературных группировках", 2) прочтет ряд своих новых стихотворений.

Начало чтения в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 50 к.».

Повестка: РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 48 (экз. Общества).

«Доклад Вяч. Иванова "О новых литературных группировках". Доклад вызвал возражения со стороны В. Брюсова, А. Белого, Г. Рачинского и Эллиса. Вяч. Ивановым был прочитан ряд новых стихотворений» (*Отчет 09/10)*.

В машинописном отчете сообщалось: «На собрании присутствовало действительных членов 32 ч., гостей 53 ч.» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 47; приложен список гостей и набросок финансового отчета: «зал 20 руб.», «лектору 50 руб.», «приход 22 р. 05 к.»).

Брюсов резюмировал обсуждение ивановского выступления в ретроспективной записи: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в "Эстетике" доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ив. холодно» (*Брюсов В.* Дневники. М., 1927. С. 142; ср.: *Брюсов В.Я.* Письма к П.П. Перцову. 1903–1910 / Публ. и пред. Г. Лелевича // Печать и революция. 1926. № 7. С. 40; письмо от 23.III.1910). Иванов писал Брюсову спустя несколько месяцев: «Как бы мы ни спорили, уверен, что "вражда", тобой объявленная еще за ужином после моего реферата в "Эстетике", не есть вражда личная» (письмо от 13 ноября 1910 г. // Переписка с Вячеславом Ивановым. С. 530).

Текст доклада Иванова был положен в основу статьи «Заветы символизма» (Аполлон. 1910. № 8, май-июнь. 1-я паг. С. 5–20).

Присутствовавший на заседании Л.О. Пастернак сделал несколько набросков выступавших и присутствовавших (*Вадимов А.* Жизнь Бердяева. Россия. Oakland, Calif., 1993. С. 176).

24 марта 1910 (среда).

Двенадцатое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании 1) Андрей Белый прочтет доклад “К вопросу о ритмах Пушкина”, 2) будут выставлены новые работы художницы Н. Гончаровой».

Начало в 9 ½ час. вечера. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 коп.

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 17 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 54 (экз. Общества). — *Отчет 09/10.*

Согласно отчету, план вечера переменился: был прочитан доклад Эллиса «О “Симфониях” Андрей Белого». Были выставлены новые 18 картин Гончаровой.

В машинописном отчете сообщается: «Присутствовало на собрании 27 ч. действительных членов и 58 ч. гостей» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 52; приложен список фамилий и набросок финансового отчета: «наем зала 20 руб.», «расходы по привозу картин г-жи Н.С. Гончаровой и за подрамники 5 руб.» и т.д.).

К выставке была выпущена машинописная программа с перечнем картин Гончаровой (Там же. Л. 53).

Выставке сопутствовал значительный скандал: на следующий день в «Голосе Москвы» появилась анонимная заметка (принадлежавшая перу В.А. Гиляровского), где, в частности, говорилось: «Выставлено более 20 картин какой-то эстетички А.К. <sic!> Гончаровой. И в заседании, говорят, было объяснение этих картин. Сплошного декадентского пошиба и настолько неприличных, что секретные анатомические отделения музея Гаснера пасуют перед этим возмутительным развратом. И возмутительнее всего, что автором является женщина, под влиянием полубольных типов пошлого декадентства осмелившаяся перейти грань приличия. Между мерзостью “картин выставки 24 марта”, картина № 6 — “Бог” и № 13 — “Тоже”, превосходят всякую порнографию секретных карточек. И главный ужас еще в том, что в числе публики были очень юные…» (*Б.п.* «Братцы-эстеты» // Голос Москвы. 1910. № 69, 25 марта. С. 4).

27 марта «Утро России» сообщало: «В четверг, 25-го марта, в литературно-художественный кружок явилась полиция и наложила арест на две картины художницы А. <sic> Гончаровой, опечатав их. Картины эти (“Бог” и “Тоже”) накануне были выставлены в закрытом собрании общества “Свободной эстетики”. Ввиду того, что это собрание было устроено для членов общества, вход на него был закрыт для не принадлежащих к составу кружка, и во избежание недоразумений двери в комнату, по распоряжению председателя, были

заперты на ключ. Несмотря на это, сотруднику “Голоса Москвы” удалось, при содействии лакея, как предполагают присутствовавшие на собрании, — пробраться в комнату. В результате появился “отчет” об этом, по правилам этики не подлежащем отчету, собрании. В своем отчете автор возмущался, как начальство допускает выставку такой “мерзости”, как картины “Бог” и “Тоже”. Результатом этого отчета явился полицейский обыск, приведший к опечатанию картин» (*Б.п.* Арест картин по доносу «Голоса Москвы» // Утро России. 1910. № 107, 27 марта. С. 4).

Последнее обвинение «Голос Москвы» отвергал: «В “Утре России” вчера было напечатано, что один из сотрудников проник при содействии лакея в запертый председателем общества “Свободной эстетики” зал литературно-художественного кружка, где была устроена выставка картин Гончаровой. Это совершенная неправда. Когда окончилось заседание “эстетов”, происходившее при закрытых дверях, зал остался открытым и почти вся публика, бывшая в столовых залах кружка, группами входила в зал и громко возмущалась неслыханным неприличием картин. Две из этих картин арестованы полицией» (*Б.п.* Еще «эстеты» // Голос Москвы. 1910. № 71, 28 марта. С. 5). В результате в судебном заседании Гончарова (как и устроители) была оправдана и картины были ей возвращены (см.: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Кн. 1. М., 2010. С. 190–192).

7 апреля 1910 (среда).

Тринадцатое собрание сезона 1909–1910 гг. — ЛХК.

«На собрании 1) В.Я. Брюсов сделает характеристику поэзии П. Верлена и прочитает свои переводы его стихотворений; 2) Е.В. Копосова исполнит ряд стихотворений П. Верлена в музыкальной интерпретации современных французских композиторов».

Начало в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. действительных членов с платою по 50 к.

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 25 (А. Белому). — *Отчет 09/10.*

В машинописном отчете сообщалось: «Присутствовало на собрании 26 ч. действ. членов и 44 ч. гостей» (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 58).

7 апреля (вероятно, всё же 8-го) К.А. Сомов писал А.А. Михайловой: «Вчера на “Эстетике” было очень уютно и даже весело, после Верленовского вечера большой компанией ужинали, я чуть-чуть напился и у меня язык был развязан. Были все мои знакомые из тех,

которые мне приятны, в Москве. Брюсов читал сначала реферат о Верлене, потом его стихи в своем переводе, и, наконец, певица Копосова спела вещей 6 Дебюсси на верленовские стихи» (Константин Андреевич Сомов. М., 1979. С. 112)

7 мая 1910 (пятница).

Заседание комитета Общества. — ЛХК.

Начало в 7 ½ ч.веч.

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 26 (А. Белому).

В тот же день.

Там же. — Годичное общее собрание.

Начало в 9 ч. веч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 42 (Б.А. Садовскому).

За неделю, 1 мая 1910 г. В.И. Гиршман писал В.Я. Брюсову: «Согласен, если Вам удобно назначить на Пятницу 7-го Мая общее собрание, 8-го мы думаем уехать в деревню» (РГБ. Ф. 386. Карт. 83. Ед. хр. 3. Л. 1–2).

21 октября 1910 (четверг).

Общее собрание членов общества. — ЛХК.

«Предметы занятий:

1) Выборы членов Комитета и кандидатов к ним, членов Ревизионной Комиссии и кандидатов к ним.

2) Обсуждение проекта деятельности Общества в наступившем сезоне 1910–1911 года.

Настоящее собрание, согласно Уставу О-ва, будет считаться состоявшимся независимо от числа прибывших на него членов».

Начало в 3 ч. дня.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 43 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 6 (В.Я. Брюсову).

Среди машинописных отчетов хранится довольно неразборчивый черновик протокола общего собрания, датированного 19 (sic!) октября 1910 г.: возможно, оно действительно было проведено отдельно за два дня до этого, либо это просто описка стенографиста. На собрании было постановлено выбрать постоянным днем собраний четверг и дискутировался вопрос о регламенте прохода гостей на закрытые собрания (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 3. Л. 59–60).

4 ноября 1910 (четверг).

Первое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«В.Я. Брюсов, М.А. Волошин, Б.А. Садовской, С.М. Соловьев. Чтение новых стихотворений.

И.И. Шюзевиль. Чтение французских переводов из новых русских поэтов» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестки (без программы собрания): РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 33 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 46 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 22 (А. Белому).

В архиве Брюсова сохранился краткий рукописный отчет о вечере:

«В.Я. Брюсов, М.А. Волошин, С.Я. Рубанович, Б.А. Садовской, С.М. Соловьев прочитали каждый ряд своих новых стихотворений.

И.И. Шюзевиль прочитал свои французские переводы из стихотворений Бальмонта, Брюсова и Кузмина» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 44).

Присутствовало 35 человек (*Журнал посещений.* Л. 3–3об.).

11 ноября 1910 (четверг).

Второе (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«В.Я. Брюсов. Доклад о похоронах Толстого.

М.А. Волошин. “О Толстом”» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестки (без программы собрания): РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 48 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 620. Карт. 61. Ед. хр. 68. Л. 33 (К.И. Чуковскому).

Сохранился рукописный отчет, примерно соответствующий печатному (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 45).

Волошин был приглашен к участию письмом И.М. Брюсовой от 7 ноября 1910 г. (см.: Переписка с М.А. Волошиным / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 270).

В письме, датированным этим числом, М.А. Волошин сообщал А.В. Гольштейн: «Простите, что пишу так мало и торопливо: сегодня должен еще успеть подготовить речь о Толстом для Свободной Эстетики» (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 9 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского, Н.Ю. Грякаловой, П.Р. Заборова, В.П. Купченко, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. М., 2010. С. 566).

18 ноября 1910 (четверг).

Третье (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«К.Н. Игумнов и Н.К. Авьерино. Исполнение концерта Юона.

М.А. Кузмин. Исполнение своих песен. Выставка японских гравюр из коллекции Н.Ф. Горелина» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестка (без программы собрания): РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 48 (Б.А. Садовскому).

Присутствовало 68 человек (*Журнал посещений.* Л. 5–5об.). Сохранился рукописный отчет, примерно соответствующий печатному (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 45).

Об этом вечере оставил лаконичную дневниковую запись М. Кузмин (*Кузмин М.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб., 2005. С. 245).

25 ноября 1910 (четверг).

Четвертое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«А.И. Булдеев, М.А. Волошин, С.Я. Рубанович, Б.А. Садовской, С.М. Соловьев. Чтение новых стихотворений.

В.Я. Брюсов, К.Е. Коротков, Б.А. Садовской, С.М. Соловьев. Чтение экспромтов» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестка (без программы собрания): РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 50 (Б.А. Садовскому).

Присутствовало 43 человека (*Журнал посещений.* Л. 6–6об.). Программа уточняется по рукописному отчету: «В течение вечера был прочитан ряд стихотворений М.Ал. Волошиным (3 стихотворения), С.М. Соловьевым (Литва, Рождение Венеры, Парис), С.Як. Рубановичем (2 стихотворения), Б.Ал. Садовским (Заклинание стихий), Ал.Ив. Булдеевым, Ив.Ив. Шюзевиль.

Кроме того В.Як. Брюсовым, С.М. Соловьевым, Б.Ал. Садовским и К.Е. Коротковым сказаны были экспромты на заданную тему» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 48).

Вероятно, к этому вечеру относится триолет С.М. Соловьева «Твое боа из горностая…». С.Н. Дурылин, приводя его, сообщает: «Триолет этот — экспромт. Однажды в Лит<ературно>-Худ<ожественном> Кружке, в О<бщест>ве Свободной Эстетики Брюсов предложил поэтам написать экспромтом стихи на тему “боа”. Макс Волошин написал что-то мистико-экзотическое о боа-змее;

С<ергей> М<ихайлович> написал этот изящный триолет, который тут же многие запомнили наизусть» (*Гоголин М.Ю., Резниченко А.И.* «Антология» издательства «Мусагет» в комментариях С.Н. Дурылина // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. М., 2014. С. 394).

2 декабря 1910 (четверг).

Пятое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«В.Я. Брюсов. Чтение новых стихотворений Бальмонта.

Выставка репродукций рисунков мастеров эпохи раннего и позднего ренессанса из собрания А.Б. Вайнштейна» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестка (без программы собрания): РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 49 (Б.А. Садовскому).

Присутствовало 42 человека (*Журнал посещений.* Л. 7–7об.). Ср. в рукописном отчете: «В зале собрания выставлены были рисунки старых мастеров эпохи раннего и позднего Ренессанса: Перуджино, Сандро Боттичели, Микель Анджело Буонаротти, Леонардо да Винчи, Дюрер и др. Из собрания Аб. Бор. Вайнштейна.

В.Як. Брюсов прочел 11 стихотворений Бальмонта из новой его книги “Заря <sic> Зорь”» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 50).

9 декабря 1910 (четверг)

Шестое собрание сезона 1910–1911 гг.

«А.М. Кожебаткин. Чтение статьи Андрея Белого “Лев Толстой”.

И.И. Шюзевиль. Чтение стихотворений А. де Мюссе.

В.Я. Брюсов. Краткий доклад о поэзии А. де Мюссе и чтение переводов из его стихотворений» (*Отчет 10/11*).

Присутствовал 41 человек (*Журнал посещений.* Л. 8–8об.).

Ср. в рукописном отчете: «По предложению Вал. Яковл. Брюсова, Ал. Мелетьевич Кожебаткин открыл вечер чтением статьи Андрея Белого “Лев Толстой”.

В память Альфреда Мюссе (10 дек. 1910 г.) m-sieur Jean Chuseville прочел ряд его стихотворений на французском языке.

В русском переводе 2 стихотворения поэта: Венеция, пер. П.Ив. Вейнберга и “Не ждете ль вы, что назову я”, пер. Ив. Серг. Тургенева — прочел Вал. Яковл. Брюсов, предпослав своему чтению краткую биографическую заметку о поводе возникновения стихотворения “Souvenir” (Встреча Мюссе с Жорж Занд в театре после многих лет разлуки)» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 51).

На этот день М.А. Волошин приглашал С.К. Маковского в письме от 4 декабря 1910 г.: «Раз Вы приезжаете в четверг: не прочтете ли Вы что-нибудь (уже написанное) в тот же вечер в “Свободной Эстетике”?» (*Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 9. С. 570).

15 декабря 1910 (среда).

Собрание членов Комитета Общества. Вопрос об исключении членов, не уплативших годовой взнос. Вопрос об устройстве вечеровых собраний. Согласие М.А. Дейши-Сионицкой устроить в середине января музыкальный вечер. Проекты художественных выставок: а) лубочные картинки и произведения П. Кузнецова (отбор материала — В.П. Дриттенпрейс); б) французские ситцы и обои XVII и начала XVIII в. (отбор — В.П. Дриттенпрейс и И.И. Трояновский). Обсуждение вопроса о возвращении Эллисом взятой у общества ссуды. Вопрос о помощи нуждающимся художникам. Вопрос о покупке мольбертов. Вопрос о благодарности С.А. Полякову и книгоиздательству «Мусагет» за пожертвованные ими книги издания «Скорпиона» и «Мусагета». Выборы новых членов. Решение прекратить собрания общества с 17 декабря до 13 января 1911 г.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 54–55.

16 декабря 1910 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1910–1911 гг.

«Вечер, посвященный сочинениям Н.К. Метнера. Исполнители: О.Ф. Гедике, Л.Э. Конюс.

Выставка художественных вышивок, исполненных кустарницами <sic> по рисункам А.Н. Пашкевич» (*Отчет 10/11*).

Присутствовало 96 человек (*Журнал посещений.* Л. 9–10). В рукописном отчете зафиксировано: «Устроен был концерт: музыка г. Метнера, исполнение (романсы — слова Гёте) г. Гедике. Аккомпанемент г. Конюса» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 52).

Выручено от продажи входных билетов 27 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 10/11).

1911

13 января 1911 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1910–1911 гг.

«Гр. А. Толстой, Эллис. Чтение стихотворений.

Гр. А. Толстой, А. Ремизов. Чтение рассказов» (*Отчет 10/11*).

На это собрание Брюсов приглашал А.М. Ремизова в письме от 9 января: «Позвольте Вам напомнить, что 13-го числа, в четверг, в помещении того же Кружка, собирается Общество Свободной Эстетики, которое было бы счастливо, если бы Вы его посетили. Начало собрания в 9 1/2 час. веч. Приезжайте, очень просим, и я буду иметь случай провести с Вами вечер» (Переписка с А.М. Ремизовым / Вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова; публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова и И.П. Якир // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. С. 212).

Присутствовало 59 человек (*Журнал посещений.* Л. 10об.–11). Программа уточняется по рукописному отчету: «Были прочитаны стихи гр. Алексеем Николаевичем Толстым и Львом Львовичем Эллисом (из книги “Стигматы”), кроме этого Ал.Н. Толстой прочел рассказ “Сентиментальный роман таинственного дворника” и Ал.М. Ремизов — “Отреченную повесть о Рождестве” и сказку-идиллию» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 53). Выручено от продажи входных билетов 5 руб. (*Финотчет*. 10/11).

20 января 1911 (четверг).

Девятое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«М.Е. Букиник. Доклад о Борисове-Мусатове» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. вечера. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены-соревнователи.

Повестка (без программы собрания): РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 45 (Б.А. Садовскому).

Присутствовало 58 человек (*Журнал посещений*. Л. 11об.–12). Выручено от продажи входных билетов 7 руб. (*Финотчет*. 10/11).

27 января 1911 (четверг).

Десятое собрание сезона 1910–1911 гг.

«Вечер русской современной музыки. Принимали участие: М.А. Дейша-Сионицкая, Добровейн, Мец, Ренчицкий.

Выставка репродукций рисунков французских художников XVIII века из собрания А.Б. Вайнштейна» (*Отчет 10/11*).

Присутствовало 85 человек (*Журнал посещений*. Л. 12об.–13). Выручено от продажи входных билетов 12 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 10/11).

3 февраля 1911 (четверг).

Одиннадцатое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«М.А. Волошин. Чтение перевода драмы “Аксель” Вилье де Лиль-Адана.

Б.А. Садовской. Чтение рассказа» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. вечера. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены-соревнователи.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 16 (И.С. Остроухову); РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 44 (Б. А. Садовскому).

Присутствовало 36 человек (*Журнал посещений*. Л. 13–14об.). Программа уточняется по рукописному отчету: «В течение вечера было прочитано: М.Ал. Волошиным переводы из Вилье де Лиль Адана “Аксель” и Б.Ал. Садовским рассказ “В 25 году”» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 58). За пользование залой было уплачено 20 руб. Выручено от продажи входных билетов 4 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 10/11).

17 февраля 1911 (четверг).

Двенадцатое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«Вечер новой французской музыки. Исполнители: гг-жи В. Вульф, Ильинская, Философова, гг. Корецкий, Крейнин, Порубиновский» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестки: РГАЛИ.Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 32 (И.С. Остроухову); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 80 (В.Я. Брюсову).

Присутствовало 70 человек (*Журнал посещений*. Л. 15–16об.). Выручено от продажи входных билетов 14 руб. (*Финотчет*. 10/11; данную выручку, учитывая закрытый статус собрания, объяснить затрудняемся).

24 февраля 1911 (четверг).

Тринадцатое собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«1) Выставка репродукций рисунков из собрания А.Б. Вайнштейна.

2) Доклад В.Я. Брюсова о жизни и творчестве Децима Магна Авсония (310–394 г. по Р. Х.) и чтение ряда переводов из произведений Авсония».

Начало в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 575. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1 (Эллису); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 6 (А.А. Шестеркиной); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 66 (В. Брюсову).

Присутствовало 95 человек (*Журнал посещений*. Л. 16об.–17). *Отчет 10/11*. Выручено от продажи входных билетов 17 руб. (*Финотчет*. 10/11).

10 марта 1911 (четверг).

Четырнадцатое собрание сезона 1910–1911 гг.

«А.И. Булдеев, С.Я. Рубанович, П.С. Уткин. Чтение стихотворений.

М.А. Волошин. Чтение стихотворений М. Цветаевой и Б. Гульшина» (*Отчет 10/11*).

Присутствовало 49 человек (*Журнал посещений*. Л. 18–18об.). Рукописный отчет уточняет: «В течение вечера прочли ряд стихотворений: гг. Ив.Ив. Шюзевиль, Ал.Ив. Булдеев, Сем. Я. Рубанович, П.С. Уткин и М.Ал. Волошин (стихотворения Марины Цветаевой и Б. Гульшина)» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 65). Выручено от продажи входных билетов 8 руб. (*Финотчет*. 10/11).

17 марта 1911 (четверг).

Пятнадцатое (закрытое) собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

«В.Я. Брюсов. Чтение новой драмы “Протесилай умерший”» (*Отчет 10/11*).

Начало в 9 ½ час. веч. — Вход имеют только гг. действительные члены и члены соревнователи.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 31 (И.С. Остроухову).

Присутствовало 44 человека (*Журнал посещений*. Л. 19–19об.). В рукописном отчете говорится: «Валерием Яковлевичем Брюсовым прочитана была драма “Лаодамия”» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 67). Выручено от продажи входных билетов 9 руб. (*Финотчет*. 10/11).

31 марта 1911 (четверг).

Шестнадцатое собрание сезона 1910–1911 гг. — ЛХК.

Вечер современных русских композиторов. Произведения М.Ф. Гнесина, А.А. Крейна, Н.О. Риземана и Л.Л. Сабанеева исполнят г-жи В.К. Гончарова, Петрих, Щербина-Бекман и гг. Гвоздков, Могилевский, Павловский, Риземан, Сабанеев.

(В отчете состав выступающих изменен: В.К. Гончарова, Щербина-Бекман, Гвоздков, Крейн, Могилевский, Л.Л. Сабанеев) (*Отчет 10/11*).

Начало собраний в 9 час веч., начало музыкальных исполнений ровно в 9 ½ час. веч. — Гости входят по рекомендации гг. членов с платой по 50 коп.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 1146. Л. 30 (И.С. Остроухову).

Согласно рукописному отчету, на вечере присутствовало 40 членов Общества и 50 гостей (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 68). Выручено от продажи входных билетов 23 руб. (*Финотчет*. 10/11).

21 апреля 1911 (четверг).

Собрание членов Комитета. Назначение общего собрания на осень 1911 г. Вопрос об уплате членских взносов. Выбор новых членов.

Протокол: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 69.

5 мая 1911 (четверг).

Семнадцатое собрание сезона 1910–1911 гг.

«В.Я. Брюсов. Чтение новых стихов» (*Отчет 10/11*).

Присутствовало 22 человека (*Журнал посещений*. Л. 21об.)

7 сентября 1911 (среда).

Собрание комитета. — На квартире В.Я. и И.М. Брюсовых.

Единственный источник сведений — письмо И.М. Брюсовой к Н.Я. Брюсовой от 8 сентября 1911 г.: «Вчера было собрание комитета Св. Эстетики. На прием, скорее на приготовление к приему у меня ушел весь день. Нужно было убрать квартиру, многое еще с лета не было сделано, много растрепалось, в Охотный надо было съездить и т.д.» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 28).

17 сентября 1911 (суббота) (?).

Собрание комитета.

15 сентября И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Сию минуту я очень сердита. Вчера звонила ко мне Лунц-Неменова: “Мне нужно с вами поговорить на счет Эстетики, только беседа будет длинная, есть у вас время” — Нет. Звонит сегодня: “Вот знаете ли, Иоан. М., вот, вот”. Слов наговорила! Надо собрать в это воскресенье Комитет, она пригласит Купера, артистов Больш. Театра и будет обсуждаться, назначатся <sic> вечера. Я сказала хорошо и всё оставила в покое тем более, что очень некогда.

Звонит сейчас Ив.Ив. Трояновский. Непременно, Иоанна Матвеевна, надо собраться, я нарочно приеду из деревни. Как это люди не

умеют отличать человека от пустомели. Если она нам даже устроит какой-нибудь жидовский (ах простите, с “сердцов”) концерт, чем он будет отличаться от 1000 других, которых можно услышать всюду. Пыталась я в телеф. убедить Ив. Ив., он ужасно обиделся» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 30–30об.).

На следующий после собрания день И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Были вчера на собрании Эстетики, что устроила Н. Лунц. Вернулись с Валей поздно, я уж и не пыталась Вам писать. На вечер были приглашены по желанию Лунц разные артисты Больш. Театра и Купер, их дирижер. Пришел Купер один, из комитета были Гиршманы, Трояновский и Игумнов. Купер мне показался дельным человеком, но дела всё же никакого не сделали. Решили сделать 4 концерта: из молодых немцев, французов, петербуржцев (Стравинский, Штейндер) и из старых русск. Может, это всё хорошие идеи, но еще до концертов далеко. Музыканты говорили, говорили, говорили. Говорили, что будут в этом году исполнять Листа очень много, какой-то юбилей его. Вспомнил Игумнов и Ваш концерт “Элегическое у Листа”. Игумнов был очень склонен иронизировать, но я так взъерепенилась, что они сократились и стали говорить, что это нарочно так было подобрано, но это было скучно. Мне все концерты одинаково скучны, но им должно быть скучно, что они этих вещей не слыхали еще» (Там же. Л. 31об.–32; не исключено, что Иоанна Матвеевна, сочинявшая для золовки письма-дневники, ошиблась с датой и собрание было все-таки в воскресенье 18-го).

29 сентября 1911 (четверг).

Тема неизвестна.— В счет вечеров не входит; следующий за ним помечен как первый.

Присутствовало 20 человек (*Журнал посещений*. Л. 23об.)

6 октября 1911 (четверг).

Первый вечер сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

«Предполагается вечер, посвященный памяти В.В. Гофмана»

Начало в 9 ½ часов вечера. — Гости входят по запискам гг. действительных членов с платой по 50 коп.

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 29 (А. Белому).

Вечер памяти В.В. Гофмана. Г-жа В.В. Барановская исполнила мелодекламацию на слова Гофмана; С.Я. Рубанович и М.Я. Шик прочли свои воспоминания о нем. Присутствовало 45 (*Отчет 11/12)* или 46 (*Журнал посещений*. Л. 24об.–25) человек. Выручено от продажи входных билетов 2 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12).

На следующий день, 7 октября, И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Первый вечер свободной эстетики был посвящен памяти Виктора Гофмана. Был принесен его портрет, который дала мать покойного, присутствовали между прочим его родственники. Читал Шик, Рубанович, исполнила его стихи Барановская (исполн<ила> потому, что одно его стихотв<орение> “Был летний вечер, вечер бала” положено на музыку). Читал стихи его — Валя, читала рассказ даже Броня. Мать Гофмана рассказала следующее про его смерть: у него начинался тиф, и ночью, в припадке лихорадки он застрелился» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 37об. *Валя* — В.Я. Брюсов, *Броня* — Б.М. Погорелова).

Позже Брюсов вспоминал в предисловии к собранию сочинений Гофмана: «По смерти Гофмана, “Общество Свободной Эстетики” устроило вечер его памяти. Собралось довольно много членов Общества и посетителей; всех объединяли воспоминания о юноше-поэте, которого каждый из присутствовавших знал лично. Мною был прочитан краткий доклад о поэзии Виктора Гофмана. Артистка Московского Художественного театра, г-жа Барановская, давняя почитательница творчества Гофмана, великолепно продекламировала ряд его стихотворений, в том числе “Летний бал”. Несколько других стихотворений было прочтено и другими лицами. Но чувствовалось, что на этот раз не важны те или другие достоинства декламации или доклада. Образ трагически погибшего поэта присутствовал среди нас, в той обстановке, в том кругу лиц, где не раз бывал и сам В. Гофман. Его поминали на одном из тех собраний, в которых он и сам принимал живое участие. И еще долго после того, как закончилась программа вечера, за чайным столом продолжалась беседа, ни на миг не покидая единой, всеми владевшей темы о поэте “Искуса”, о его жизни и творчестве, об унесенных им в могилу прекрасных надеждах» (*Брюсов В.* Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М., 1990. С. 519–520).

На вечере, среди прочего, были прочитаны воспоминания Б.А. Садовского о Гофмане. Он выслал их Брюсову при письме от 30 сентября 1911 г.; 10 октября Брюсов отвечал: «Благодарю за статью о Гофмане, которая была прочитана на вечере Эстетики» (*Щербаков Р.Л.* Переписка В.Я. Брюсова с Б.А. Садовским // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 112).

13 октября 1911 (четверг).

Второй вечер сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

«Вечер итальянской музыки XVII и XVIII веков.

Исполнителями выступят: Ф.Л. Халевская, М.С. Неменова-Лунц, А.Я. Могилевский.

Подробная программа будет раздаваться особо. — Гости входят по записи гг. членов с платой 50 к.». — Начало ровно в 9 ч. веч.

Повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 30 (А. Белому).

Отчет квалифицирует прошедшее собрание как «вечер старинной итальянской и французской музыки». Е.В. Богословский прочел вступительное слово о камерной музыке в Италии в конце XVII и начале XVIII в.; в музыкальном отделении участвовали: М.С. Неменова-Лунц, Ф.А. Халевская и А.Я. Могилевский. Присутствовало 105 человек (*Отчет 11/12*; *Журнал посещений*. Л. 35об.–27). Выручено от продажи входных билетов 38 руб. 15 коп.; отдельной строкой указан «гонорар артистам» (75 руб.), «прокат рояли» (16 руб.), «ужин артистов» (3 руб.) и «на чай» (5 руб.), а также «уплата за помещение» (25 руб.) (*Финотчет*. 11/12).

В газетном отчете сообщалось:

«В Москве существует “общество свободной эстетики”.

Основалось оно уже давно, когда наше декадентство переживало “прекрасные дни Аранжуэца”, когда оно казалось чем-то значительным и важным и когда в купеческих кругах Андрея Белого и Макса Волошина считали чуть ли не пророками из “белой Арапии”.

Общество свободной эстетики весьма типичное для нашего модернизма, — в нем в самых причудливых формах смешались и писатели, художники, и наши таганско-солянские модернисты, которые в глубине души считают первых за тех “блаженных и странных” людей, которых так любили их мамаши и бабушки.

“Общество свободной эстетики” теперь приютилось в Лит.-Худ. Кружке и устраивает там свои заседания. Если вы увидите в кружке собрание людей самого странного, не эстетического, уныло-рассеянного вида, знайте, что это московские эстеты.

Общество теперь находится в стадии — увы! — настоящего декаданса.

Изредка оно проявляет себя скандалом; в прошлом году полиция арестовала картины Гончаровой, выставленные у эстетов и побившие рекорд неприличия.

Но теперь и скандалов нет.

Теперь заседания общества всё более превращаются в обыкновенные концерты и лекции.

Вчера у эстетов был концерт, посвященный старой итальянской лирике.

Концерт — как концерт, очень милый; хорошо пела г-жа Холевская, играл на скрипке Могилевский.

Была очень приятная музыка и главное — никаких откровений.

В общей серой массе “эстетов” выделились фигуры в Москве популярные — Валерий Брюсов, один из вдохновителей общества, В.А. Серов, пианист Игумнов, проф. Гольдштейн.

Было против обыкновения даже несколько очень красивых дамских головок, из которых пальму первенства надо отдать недавно получившей первый приз за красоту В.А. Бирюковой.

Были и московские “дэнди” из мелких банковских служащих, мучительно старающиеся придать себе разочарованный вид.

После концерта состоялся “эстетический ужин”» (*Москвич*. У «эстетов» // Вечерняя газета. 1911. № 51, 14 окт. С. 2).

За день до собрания И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Целый день хлопотала по поводу Эстетики. Наш секретарь запьянствовал и не разослал повесток. Вечер завтра будет музыкальный, устраивает его М.С. Лунц. Я сама ездила к нему, к этому несчастному секретарю, достала повестки и разослала сегодня. Завтра сколько будет людей на Эстетике, все будут спрашивать, отчего так поздно поданы повестки! Печально, что я ему, секретарю, дала 30 р. вперед, — 10 р. на посылку повесток и 20 жал<ования> за будущий месяц. Ввиду опоздания В. посоветовал сделать объявление в Р<усские> Вед<омости>, которое вы увидите и за которое мы тоже заплатили 13 р. 37 к., грустно!» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 41). На следующий после вечера день она же сообщала: «Эстетика прошла хорошо, только Богословский читал очень скучно. Я не ожидала, что Мария Соломоновна в самом деле устроит так успешно этот вечер. Собрались в большом зале. Очень было много для Эстетики народу. Из наших общих знакомых был Яворский с мамой своей, Инна Вас. <Юрьева> и др. Только Юрьев про Вас спрашивал упорно» (Там же. Л. 41об.).

27 октября 1911 (четверг).

Третье <на типографской повестке зачеркнуто: первое> собрание сезона 1910–1911 гг. <sic! Надо 1911–1912>. — ЛХК.

Ф.А. Степун прочтет доклад «О философии пейзажа». По окончании доклада предполагаются прения.

Гости входят по записи гг. членов с платою 50 коп. — Начало в 9 ½ час. веч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2б. Л. 43 (Б.А. Садовскому; его помета карандашом: «На этом собрании был Матис. <Нрзб>

говорил с ним Белый»); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 2 (А.А. Шестеркиной). Для отправки в типографию был использован старый бланк повестки с рукописными вставками, причем поправки были сделаны небрежно, ср. открытку И.М. Брюсовой, отложившуюся в архиве Б.В. Шапошникова: «Борис Валентинович, в повестке "Эстетики" вкралась ошибка — доклад Степуна состоится завтра, 27 октября. Среди гостей будет Матисс. И. Брюсова. 26 окт. 11 г.» (*Кочнева Е.В.* Б.В. Шапошников: материалы к биографии // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 235). Об этом И.М. Брюсова рассказывала Н.Я. Брюсовой 22 октября 1911 г.: «Спешу приготовить для типографии повестку. Прощайте. Приписка при переписывании: факт поглупения налицо. Повестку вы уже получили — видели ряд опечаток. Я, должно быть, забыла зачеркнуть слова: "Первое закрытое" и "4 ноября". Повестки я разослала, получился скандал. Пришлось вчера еще раз рассылать исправленные» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 45об.–46). Два дня спустя она напоминала тому же адресату: «Буду рассылать повестки, а позднее опять в кружок. (Теперь глупо кажется, как это я писала адреса и не заметила ошибок)» (Там же. Л. 46; та же фолиация, поскольку оригинал представляет собой письмо-дневник за несколько дней).

Согласно отчету общества, докладчику возражали В.Я. Брюсов, Андрей Белый и С.В. Лурье. Собрание посетил Анри Матисс, которого В.Я. Брюсов приветствовал от лица Общества. Несколько вопросов, предложенных А. Матиссу А. Белым, вызвали обсуждение современных задач живописи. В беседе приняли участие Н.В. Баснин, А. Белый, А.Б. Вайнштейн и А. Матисс. Доклад Ф.А. Степуна был иллюстрирован воспроизведениями с картин старых мастеров из коллекции А.Б. Вайнштейна. Присутствовало 85 человек (*Отчет 11/12; Журнал посещений*. Л. 27об.–28об.). Сохранился рукописный листок с планом отчета о вечере: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 76. Выручено от продажи входных билетов 20 руб. 55 коп. (*Финотчет*. 11/12); среди расходов указан «ужин Матисса» — 16 руб.

В газетном отчете писалось:

«Вечером группа литераторов и молодых художников принимали г. Матиса в кружке вольных эстетов. Присутствовал маститый П. Боборыкин.

Вошедшего в зал Матиса собравшиеся приветствовали аплодисментами.

Для начала художник-новатор должен был прослушать, не понимая ничего по-русски, вычурный доклад г. Степуна "Философия

пейзажа”. Доклад был недолог, и центром внимания собравшихся стал Матис.

В. Брюсов обратился к нему с приветственной речью. Категорически отклонив обращенный к нему титул “le maître”, Матис согласился поделиться с присутствующими своими взглядами на искусство.

А. Белый предложил Матиссу высказаться по вопросу о соотношении рисунка и цвета в живописи, что поставило Матисса в некоторое затруднение ввиду слишком широких размеров предложенного вопроса.

Б. Шуйский поставил, в свою очередь, вопрос о границах преобладания цвета над рисунком и о главных причинах колорита.

Матисс высказался горячо за неизбежность “рисунка” в живописи. Передавать, вернее, записывать исключительно цвет можно в этюдах. Но без рисунка художественное произведение неполно, несовершенно.

В смысле колорита главное достижение — гармоничность тонов.

Эта декларация в устах художника, идущего по пути упрощения форм, показалась особенно интересной» (*Б.п.* Матис в Москве // Утро России. 1911. № 248, 28 окт. С. 4).

На следующий день И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Сегодня я встала с несвежей головой. Эстетика была шумная, был среди гостей Матис <sic>. Его мы приветствовали, ужином кормили. Я понемногу делаюсь светской женщиной, конечно в моем роде, салонных речей не веду, но выслушиваю всякие якобы искренние признания душевных ощущений. Только не подумайте, что это какие-нибудь любовные признания. Нет, я просто люблю с людьми быть милой, и люди непременно начинают откровенничать про себя» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 47об.–48).

Б.А. Садовской позже вспоминал: «27 октября в Обществе свободной эстетики Ф.А. Степун читал доклад “О философии пейзажа”. На вечере хотел быть французский живописец Матисс. Перед началом чтения вбежал взволнованный, сияющий Брюсов с тетрадью для почетных посетителей; за ним с пером и чернильницей семенил секретарь. Показался Матисс, здоровый рыжий детина с развратной, чисто французской физиономией. Его усадили на видном месте. Матисс выслушал доклад, не понимая ни слова. Кто-то прочел стихи. Матисс задумчиво отбивал пальцами такт, делая вид, что считает стопы» (*Садовской Б.* Записки (1881–1916) / Публ. С.В. Шумихина // Российский архив. Т. 1. М., 1991. С. 167–168).

Ср. в воспоминаниях А. Белого:

«Приводили сюда и Матиса; его считали “московским” художником; жил он в доме Щукина, развешивая здесь полотна свои. Золотобородый, поджарый, румяный, высокий, в пенсне, с перелизанным, четким пробором, — прикидывался “камарадом”, а выглядел “мэтром”; вваливалась толпа расфранченных купчих и балдела, тараща глаза на Матиса; Матис удивлялся пестрятине тряпок, величине бледных “токов”, вставáвших с причесок, размерам жемчужин и голизне: Венеция, Греция, остров Гонолулу! Не хватало колец, продернутых в носики; не оказалось русских “французов”; художники не владели французским; я был ими вытолкнут: говорить; я начал с “cher maitre”; Матис, вскочив, бросил руку вперед; другую — ладонью в грудные крахмалы; и перебил с ложным пафосом:

— “Seulement camarade!”

— “Cher camarade!”

Щурясь, как кот, он внимал, выгнув шею и выставив длинную золотоватую бороду.

Он — не понравился» (*Белый А.* Между двух революций / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М., 1990. С. 197–198).

См. также: *Русаков Ю.А.* Матисс в России осенью 1911 года // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л., 1973. С. 178–179; *Костеневич А., Семенова Н.* Матисс в России. М., 1993. С. 24–33; *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Кн. 1. С. 326.

3 ноября 1911 (четверг).

Четвертое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

В. Брюсов, А. Булдеев, Андрей Белый, Н. Львова, С. Рубанович, Б. Садовской, С. Соловьев, М. Цветаева, М. Шик, И. Шюзевиль и др. прочтут свои новые стихи.

Гости входят по записи гг. членов с платою 50 коп. — Начало в 9 ½ час. веч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 61 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 4 (В.Я. Брюсову).

Согласно отчету, состав выступающих на «вечере поэтов», как он официально именовался, был изменен. Выступали А. <так! вероятно, П.> Алякринский, Ю.П. Анисимов, В.Я. Брюсов, А.И. Булдеев, С.Н. Головачевский, М.П. Гальперин, К.А. Липскеров, Н.Г. Львова, С. Раевский (С.Н. Дурылин), С.Я. Рубанович, Б.А. Садовской, А.А. Сидоров, В.О. Станевич, В.Ф. Ходасевич, В.Г. Шершеневич, М.Я. Шик, И.И. Шюзевиль. В конце вечера В.Я. Брюсов объявил о первом

поэтическом конкурсе, устраиваемом Обществом. Присутствовало 160 человек (*Отчет 11/12);* (*Журнал посещений*. Л. 29об. — 31об.). Выручено от продажи входных билетов 47 руб. (*Финотчет*. 11/12).

Выпадение из списка С.М. Соловьева имеет свое объяснение: он писал в недатированном письме И.М. Брюсовой: «Простите, что не читал в Эстетике в прошлый четверг. Но я так занят экзаменами, что не существую для литературы до будущего года» (РГБ. Ф. 386. Карт. 155. Ед. хр. 16. Л. 1). Сохранился рукописный листок с планом отчета об этом вечере: РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 38. Л. 76.

В этот день Цветаева писала М. Волошину: «Сегодня мы с Асей в Эстетике читаем стихи. Будут: Пра, Лиля, Сережа, Ася и Борис. Я говорила по телефону с Брюсовым (он случайно подошел вместо Жанны Матвеевны, просившей меня сообщить ей по телефону ответ), и между прочим такая фраза: "Одна маленькая оговорка, можно?" — "Пожалуйста, пожалуйста!" Я, *робким голосом*: — "Можно мне привести с собой мою сестру? Я никогда не читаю без нее стихов". — "Конечно, конечно, будем очень счастливы". Посмотрим, как они будут счастливы!» (*Цветаева М.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М., 1995. С. 57–58).

В газетном репортаже говорилось:

«Запасная столовая Литературно-Художественного кружка переполнена. Около 200 слушателей собралось на очередное заседание "Общества свободной эстетики", посвященное "поэтам". Посреди зала маленький столик, за которым поэты читают свои произведения. Кругом, в углах, проходах сидят и стоят слушатели. В публике много популярных москвичей. Вот грузная фигура В.А. Серова, мелькает профиль Валерия Брюсова, "на минуточку" появляется, прислушиваясь к стихам, Влад. Ив. Немирович-Данченко. Много хорошеньких женских головок, изящных туалетов. Своей элегантностью выделяются: Е.П. Носова, Н.Г. Высоцкая, С.Р. Полякова, Е.Я. Каялова, И.К. Альбрехт.

Один за другим проходят перед слушателями около 20 поэтов. Особенное внимание привлекает Валерий Брюсов, читающий ряд не появлявшихся еще в печати стихов. Долгие, неумолкающие аплодисменты провожают его. Интересные стихи читают: Борис Садовской, В. Ходасевич, С. Рубанович, Н. Львова. "Дуэтом" читают в унисон сестры Цветаевы стихи старшей из них — Марины Цветаевой.

По-немецки прочел несколько своих переводов из Валерия Брюсова и собственных стихов Максимилиан Шик, по-французски — переводы из современных русских поэтов Жан Шюзевиль»

(*Б.п.* У эстетов // Раннее утро. 1911. № 255. 5 ноября. С. 4); ср.: «Вчера состоялось очередное заседание "общества свободной эстетики". Публики было очень много. Читали стихи Вал. Брюсов, Бор. Садовской, Рубанович, Гальперин и др. Марина Цветаева читала в два голоса стихи — с сестрой. Французские стихи читал Иловизель <sic! — вероятно, Шюзевиль>, немецкие — М. Шик. Среди присутствовавших — В.А. Серов, Носовы, Сапожниковы. Люди из "золотых домов" ужасно любят все декадентское» (*Б.п.* У эстетов // Вечерняя газета. 1911. № 72. 4 ноября. С. 3). Вероятно, к этому вечеру относится мемуарный очерк Цветаевой «Семья поэтов» (*Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. М., 1994. С. 26–27). О чтении М. Шика (заслоненном в глазах позднейших мемуаристов цветаевским дуэтом) вспоминал С.Г. Кара-Мурза: «В Обществе свободной эстетики Шик читал переводы на немецкий язык стихотворений Брюсова: "Прощальный взгляд", "La belle dame sans merci" и др. и собственное оригинальное стихотворение "Sonett fur ein junges Madchen"» (*Кара-Мурза С.Г.* Русское общество друзей книги. М., 2011. С. 75–76).

О чтении на вечере подробно вспоминала А.И. Цветаева:

«Однажды, когда ее <МЦ> пригласили выступить с чтением стихов в обществе "Свободная эстетика" в Литературно-художественном кружке в доме Вострякова, на Малой Дмитровке, она позвала меня ехать с собой:

— Вместе скажем стихи, ты их все знаешь.

— А удобно?

— Какое мне дело! Прочтем вместе — ведь получается же унисон? Мы же одинаково читаем…

Мы поехали. В большой комнате за эстрадой собрались за столом все поэты, которые должны были читать стихи. Председательствовал Валерий Яковлевич Брюсов. Худой, в черном сюртуке, с черным бобриком надо лбом и черной бородкой, с острым взглядом темных глаз, отрывистая, чуть лающая интонация — он витал над сборищем поэтов, как некий средневековый маг. Персонаж из его нашумевшего в литературных кругах романа о средних веках "Огненный Ангел" (Марина, конечно, читала его, я прочла много позже). Увидев меня рядом с Мариной, Брюсов внезапно оскалил белые зубы.

— Нас как-то больше, чем предполагалось, — поэтов за этим столом… — сказал он, учтивостью быстрого широкого жеста затушевывая дерзость.

Сказала ли, парировала ли Марина: "Я читаю вдвоем с сестрой!"? Промолчала ли надменно, успокоительно моргнув мне? Не помню. <…>

Когда мы вышли на сцену (может быть, в форменных гимназических платьях?), публика приветственно заволновалась. Но "по высокому тону" этого литературного собрания аплодировать было запрещено. В два — одинаковых — голоса, слившиеся в один в каждом понижении и повышении интонаций, мы, стоя рядом, — Марина, еще не остригшая волос, в скромной, открывшей лоб прическе, я — ниже и худее Марины, волосы до плеч, — читали стихи по голосовой волне, без актерской, ненавистной смысловой патетики. Внятно и просто. Певуче? Пусть скажет, кто помнит. Ритмично.

Мы прочли несколько стихотворений. Из них помню "В пятнадцать лет" и "Декабрьская сказка". <…>

Был один миг тишины после нашего последнего слова — и раздались неистовые рукоплескания. Запрещенные в этом доме!» (*Цветаева А.* Воспоминания / изд. подг. Ст.А. Айдиняном. М., 2008. Т. 1. С. 697–698).

Ср.: «Запомнились мне некоторые отдельные впечатления на вечерах "эстетики". Однажды, я помню, вышли на эстраду две очень молоденькие, совсем одинаковые девочки с одинаковыми стрижеными головками, похожие на средневековых французских пажей, и стали вдвоем читать стихи — вероятно эти стихи принадлежали больше одной из них. Это были Марина и Анастасия Цветаевы. И выступление на "эстетике" было чуть ли не их дебютом» (*Шервинский С.В.* Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 100).

День спустя, 5 ноября, И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Не дал мне В. описать эстетический вечер поэтов. Ах, как жаль, и сейчас вернулся и торопит в театр одеваться» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 57об.).

17 ноября 1911 (четверг).

Пятое собрание сезона 1911–1912 гг.

Камерный вечер, посвященный произведениям современных композиторов: Е.Д. Катуара, Н.К. Метнера и Ю.Н. Померанцева. Исполнители: А.Б. Гольденвейзер, Н.Н. Грюнберг, Б.О. Сибор. Присутствовало 142 человека (*Отчет 11/12; Журнал посещений*. Л. 32об. — 34об.). Выручено от продажи входных билетов 45 руб. 10 коп. (*Финотчет*. 11/12). Среди расходов — «прокат рояли» (15 руб.), «артисту Гринбергу» (sic!) (25 руб.), «автомобиль» (8 руб. 50 коп.), «ужин артистов» (3 руб.).

18 ноября И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой: «Вчера на Эстет<ике> так много людей! ужас!» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 53).

24 ноября 1911 (четверг). (ОТМЕНЕНО)

Андрей Белый прочтет отрывок из своего нового романа «Тени». — ЛХК.

Гости входят по записи гг. членов с платою 50 коп. — Начало в 9 ½ час. веч.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 62 (Б.А. Садовскому).

За четыре дня до этого Брюсов специально посещал Белого, чтобы его ангажировать. И.М. Брюсова писала Н.Я. Брюсовой 20 ноября: «Валя должен был пойти к Белому уговорить его прочесть обещанную лекцию (не лекцию, отрывок из романа, — в Эстетике). Вернулся Валя в шесть часов. Белый уговорился. Эстетика состоится» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 52об.).

Собрание отменено из-за кончины В.А. Серова. Печатные извещения об этом рассылались непосредственно 24 ноября. *Известие об отмене*: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 63 (Б.А. Садовскому).

1 декабря 1911 (четверг).

Шестое (закрытое) собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

Вход имеют только гг. действительные члены и члены-посетители.

Начало в 9 ½ час. веч.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 61 (Б.А. Садовскому).

Согласно отчету, собрание было посвящено памяти Серова. «Собрание открыл И.И. Трояновский, пригласивши почтить память покойного вставанием. В.Я. Брюсов прочел свою статью. <…> Несколько музыкальных произведений исполнили М.С. Неменова-Лунц и К.Н. Игумнов» (*Отчет 11/12)*.

Присутствовало 42 человека (*Журнал посещений*. Л. 35об. — 36). Выручено от продажи входных билетов 2 руб. 30 коп. (*Финотчет*. 11/12).

8 декабря 1911 (четверг).

Седьмое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

Выставка произведений М.Ф. Ларионова (1898–1911). Будут прочитаны доклады, посвященные творчеству М.Ф. Ларионова. После докладов предположены прения.

Гости входят по записи гг. членов с платою 50 коп. — Начало в 9 ½ час. веч.

Повестка: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 62 (Б.А. Садовскому).

14 октября 1911 г. И.М. Брюсова сообщала Н.Я. Брюсовой: «Был Ларионов по делам Эстетики. Художники хотят устроить ряд выста-

вок обыденок» (РГБ. Ф. 386. Карт. 145. Ед. хр. 35. Л. 42). Очевидно, тогда же было достигнуто соглашение об этой выставке.

Несмотря на то, что Общество уже имело опыт (не всегда удачный) устройства художественных выставок, осенью 1911 г. оно напечатало и, очевидно, разослало новое печатное воззвание:

«Ноябрь 1911 г.

В Комитете Общества "Свободной Эстетики" возникла мысль устроить ряд однодневных (утром для приглашенных лиц, — вечером для членов Общества) художественных выставок. Каждая выставка, по возможности, будет посвящена произведениям одного художника. Комитет обращается к Вам, М.Г., с покорнейшей просьбой сообщить согласны ли Вы предложить Ваши произведения для одной из этих выставок.

Члены комитета: В.Я. Брюсов, И.М. Брюсова, В.О. Гиршман, Г.Л. Гиршман, В.П. Дриттенпрейс, И.И. Трояновский.

Ответ просят направлять члену Комитета В.П. Дриттенпрейсу (Москва, Зубовская, 13)» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 43. Л. 10). Сохранился черновик этого воззвания, на котором был отдельно начертан список адресатов: двадцать два художника-члена общества (Арапов, Браиловский, Виноградов, Гончарова, Грабарь, Кончаловский, Крылов, Кузнецов, Лансере, Ларионов, Мещерин, Милиоти, Пастернак, Сапунов, Сарьян, Сомов, Средин, Судейкин, Серов, Юон, Феофилактов, Якулов), двое (Добужинский и Машков) не членов, после чего еще восемь фамилий карандашом (Бохань, В. Вульф, Дриттенпрейс, Желтовский, Гербер, Ржевская, Ульянов, Уткин) (РГБ. Ф. 386. Карт. 135. Ед. хр. 4. Л. 1).

К выставке был выпущен отдельный пригласительный билет: «Комитет О-ва Свободной Эстетики приглашает Вас на однодневную выставку произведений члена О-ва М.Ф. Ларионова в четверг 8 декабря от 12 до 3 часов дня в помещении Литературно-художественного кружка (Б. Дмитровка, дом Востряковых)» (РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 63 (Б.А. Садовскому); РГАЛИ. Ф.2554. Оп. 2. Ед. хр. 657. Л. 1 (С.П. Боброву)). Отдельно был издан каталог: Общество свободной эстетики. Однодневная выставка произведений М.Ф. Ларионова. 8 декабря 1911 года. М., 1911.

Согласно отчету, на выставке демонстрировались 124 полотна. «Выставка была открыта весь день 8 декабря. Вечером были прочитаны доклады С.П. Боброва и А.К. Топоркова, посвященные творчеству М.Ф. Ларионова» (*Отчет 11/12)*. Перепись посетителей не велась. Выручено от продажи входных билетов 37 руб. 55 коп. Выручка от продажи каталогов 10 руб. 40 коп. (*Финотчет*. 11/12).

Среди расходов — «выдано на расходы по устройству и перевозке» (14 руб.), «М. Ларионову» (15 руб.).

В газетном анонсе были названы те же имена предполагаемых докладчиков — А.К. Топорков и С.П. Бобров (*Б.п.* Выставка М.Ф. Ларионова // Раннее утро. 1911. № 279. 4 декабря. С. 5; № 282. 8 декабря. С. 5). В газетных отчетах назван в качестве оратора лишь таинственный Секурис (этим псевдонимом подписан рассказ «Дочь земли» в журнале «Женская жизнь» (1915. № 14. С. 14–15), что, кажется, не приближает нас к его разгадке). См. также: *Крусанов А.В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Кн. 1. М. 2010. С. 332–337.

15 декабря 1911 (четверг).

Восьмое собрание сезона 1911–1912 гг. — ЛХК.

С.В. Лурье прочтет доклад «Два Гамлета». После доклада предположены прения.

Гости входят по записи гг. членов с платою 50 коп. — Начало в 9 ½ час. веч.

Повестки: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 2 б. Л. 64 (Б.А. Садовскому); РГБ. Ф. 218. Карт. 129. Ед. хр. 21. Л. 7 (А.А. Шестеркиной).

Согласно отчету, «докладчику возражали В.Я. Брюсов и Ф.А. Степун. Присутствовало 88 человек» (*Отчет 11/12)*. Согласно переписи, посетителей было 98 (*Журнал посещений*. Л. 36об. — 37). Выручено от продажи входных билетов 28 руб. 50 коп. (*Финотчет*. 11/12).

(Окончание следует.)

Литература

Андрей Белый. Эмилий Метнер. Переписка. 1902–1915 / Публ. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 744 с.

Белый А. Между двух революций / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. 576 с.

Богомолов Н.А. Из переписки М.А. Кузмина и Г.В. Чичерина // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2003 / Под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2004. С. 281–450.

Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 560 с.

Брюсов В.Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В.Н. Орлова и И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1973 г. Л.: Наука, 1976. С. 104–125.

Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. М.: Советский писатель, 1990. 718 с.

Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия. Oakland, Calif.: Berkley Slavic Specialities, 1993. 287 с.

Валентин Серов в переписке, документах и интервью. Т. 2 / Сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. Л.: Художник РСФСР, 1989. 432 с.

Валерий Брюсов. Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 771 с.

Волошин М. Собрание сочинений. Т. 9 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста и коммент. К.М. Азадовского, Н.Ю. Грякаловой, П.Р. Заборова, В.П. Купченко, А.В. Лаврова, Г.В. Петровой. М.: Эллис Лак, 2010. 782 с.

Гершензон М.О. Узнать и полюбить. Из переписки 1893–1925 годов / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Ю. Литвин. М.: Центр гуманитарных инициатив; СПб.: Б.и., 2016. 511 с.

Гоголин М.Ю., Резниченко А.И. «Антология» издательства «Мусагет» в комментариях С.Н. Дурылина // Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты / Сост. А.И. Резниченко. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. С. 328–346.

Илюхина Е., Шуманова И. Коллекционеры общества «Свободная эстетика» // Наше наследие. 2009. № 89. С. 44–55.

Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги. М.: Инскрипт, 2011. 200 с.

Кобринский А. Несколько штрихов к пребыванию Вяч. Иванова в Москве в январе-феврале 1909 года // От Кибирова до Пушкина. Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 155–163.

Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988. М.: Наука, 1989. С. 96–154.

Крусанов А.В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Т. 1. Кн. 1. 784 с.; Т. 1. Кн. 2. 1104 с.

Кузмин М.А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 606 с.

Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; науч. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада; подгот. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак; ред. В.В. Нехотин, М.А. Фролов. М.: Наука, 2016. 1120 с.

Мозалевский В.И. Тропинки, пути, встречи (окончание) / Подгот. текста и коммент. А.Л. Соболева // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 71–108.

Нашедшие град. История Христианского братства борьбы в письмах и документах / Сост. С.В. Чертков. М.: Кучково поле, 2017. 472 с.

Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л.: Наука, 1985. С. 160–257.

Переписка В.Я. Брюсова и К.И. Чуковского / Вступ. заметка, публ. и коммент. А.В. Лаврова // Контекст. Историко-литературные и теоретические исследования. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 275–405.

Переписка с А.М. Ремизовым / Вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова; публ. С.С. Гречишкина, А.В. Лаврова и И.П. Якир // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 137–222.

Переписка с Андреем Белым. 1902–1912 / Вступ. ст. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 326–427.

Переписка с Вячеславом Ивановым / Предисл. и публ. С. Гречишкина, Н. Котрелева и А. Лаврова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 428–545.

Переписка с М.А. Волошиным / Вступ. ст., публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 251–399.

Письма к петербургским и московским литераторам / Публ. Э.С. Литвин, А.Н. Дубовикова, М.В. Рыбина, К.Н. Суворовой, Н.А. Трифонова // Литературное наследство. Т. 85: Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 662–710.

Рене Гиль — Валерий Брюсов. Переписка. 1904–1915 / Коммент. Р. Дубровкина. СПб.: Академический проект, 2005. 512 с.

Садовской Б. Записки (1881–1916) / Публ. С.В. Шумихина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 1. М.: Студия «ТРИТЭ»: Рос. Архив, 1991. С. 106–183.

Свиридовская Н.Д. «Живые силы искусства…» Из истории Общества свободной эстетики // Научный вестник Московской консерватории. 2014. № 4. С. 92–117.

Соболев А.Л. «Вечер мерцаний» // Slavica Revalensia. 2019. Vol. 6. P. 126–159. doi: 10.22601/sr.2019.06.05

Соболев А.Л. Летейская библиотека: В 2 т. Т. 2. М.: Трутень, 2013. 456 с.

Цветаева А. Воспоминания. Т. 1 / Изд. подгот. Ст.А. Айдиняном. М.: Бослен, 2008. 816 с.

Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания / Сост. Е.С. Дружинина. Томск: Водолей, 1997. 320 с.

Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 440 с.

Шутова Т.А. Белые образы серебряного века (о портрете Андрея Белого работы Ольги Флоренской) // Миры Андрея Белого / Ред. А. Вранеш; сост. М. Спивак, К. Ичин, И. Делекторская, Е. Наседкина. Белград; М.: Изд-во филологического факультета в Белграде, 2011. С. 766–777.

Щербаков Р.Л. Переписка В.Я. Брюсова с Б.А. Садовским // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 101–122.

Эллис в «Весах» / Предисл., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 287–327.

References

Andrei Belyi. Emilii Metner. Perepiska. 1902–1915 [Andrei Bely. Emilii Metner. Correspondence. 1902–1915], publ., comment. A.V. Lavrov, J. Malmstad, eds. A.V. Lavrov, J. Malmstad, T.V. Pavlova. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 744 p. (In Russ.)

Belyi A. *Mezhdu dvukh revoliutsii* [Between two revolutions], intro., ed., comment. A.V. Lavrov. Moscow, Khudozhestvennaia Literatura Publ., 1990. 576 p. (In Russ.)

Bogomolov N.A. Iz perepiski M.A. Kuzmina i G.V. Chicherina [From the correspondence between M.A. Kuzmin and G.V. Chicherin]. *Issledovaniia po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik 2003* [Studies on the history of Russian thought. Annual 2003], ed. M.A. Kolerov. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2004, pp. 281–450. (In Russ.)

Bogomolov N.A. *Russkaia literatura nachala 20 veka i okkul'tizm. Issledovaniia i materialy* [Russian literature of the early 20th century and occultism. Studies and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 560 p. (In Russ.)

Briusov V. *Sredi stikhov. 1894–1924. Manifesty. Stat'i. Retsenzii* [Among verse. 1894–1924. Manifests. Essays. Reviews], comp. N.A. Bogomolov, N.V. Kotrelev. Moscow Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 718 p. (In Russ.)

Briusov V.Ia. Pis'ma k F. Sologubu [Letters to F. Sologub], publ. V.N. Orlov, I.G. Yampolsky. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1973 g.* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1973]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 104–125. (In Russ.)

Ellis v "Vesakh" [Ellis in the journal "Vesy"], intro., publ., comment. A.V. Lavrov. *Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy* [Writers of the Symbolist circle. New materials]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 287–327. (In Russ.)

Gershenzon M.O. *Uznat' i poliubit'. Iz perepiski 1893–1925 godov* [To get to know and get to like. From the correspondence of 1893–1925], comp., ed., comment. E.Iu. Litvin. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2016. 511 p. (In Russ.)

Gogolin M.Iu., Reznichenko A.I. "Antologiia" izdatel'stva "Musaget" v kommentariiakh S.N. Durylina ["Anthology" of the Musaget publishing house commented by S.N. Durylin]. *Knigoizdatel'stvo "Musaget". Istoriia. Mify. Rezul'taty* [Musaget publishing house. History. Myths. Reality], comp. A.I. Reznichenko. Moscow, Russian State University for Humanities Publ., 2014, pp. 328–346. (In Russ.)

Iliukhina E., Shumanova I. Kollektsionery obshchestva "Svobodnaia estetika" [Collectors of the "Svobodnaya estetika" society]. *Nashe nasledie*, 2009, no. 89, pp. 44–55. (In Russ.)

Kara-Murza S.G. *Russkoe obshchestvo druzei knigi* [Russian society of the book friends]. Moscow, Inskript Publ., 2011. 200 p. (In Russ.)

Kobrinskii A. Neskol'ko shtrikhov k prebyvaniiu Viach. Ivanova v Moskve v ianvare-fevrale 1909 goda [A few details of Vyacheslav Ivanov's visit to Moscow in January–February 1909]. *Ot Kibirova do Pushkina. Sbornik v chest' 60-letiia N.A. Bogomolova* [From Kibirov to Pushkin. A collection in honor of N.A. Bogomolov's 60th anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 155–163. (In Russ.)

Konechnyi A.M., Morderer V.Ia., Parnis A.E., Timenchik R.D. Artisticheskoe kabare "Prival komediantov" [The artistic cabaret "Prival komediantov"]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1988* [Cultural monuments. New discoveries. Annual 1988]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 96–154. (In Russ.)

Krusanov A.V. *Russkii avangard. 1907–1932. Istoricheskii obzor* [Russian avant-garde: 1907–1932. Historical review], in 3 vols. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. Vol. 1. Book 1. 784 p.; Vol. 1. Book 2. 1104 p. (In Russ.)

Kuzmin M.A. *Dnevnik 1905–1907* [Diary 1905–1907], intro., ed., comment. N.A. Bogomolov, S.V. Shumikhin. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2000. 606 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 105: Andrei Belyi. Avtobiograficheskie svody. Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov [Literary heritage. Vol. 105: Andrei Bely. Autobiographical codes. Biography material. An aspect for the diary. Registration records. 1930s diaries], eds. A.Iu. Galushkin, O.A. Korostelev, M.L. Spivak, A.V. Lavrov, J. Malmstad, T.V. Pavlova, V.V. Nekhotin, M.A. Frolov, comp. A.V. Lavrov, J. Malmstad, M.L. Spivak, intro., comment. A.V. Lavrov, J. Malmstad, M.L. Spivak. Moscow, Nauka Publ., 2016. 1120 p. (In Russ.)

Mozalevskii V.I. *Tropinki, puti, vstrechi (okonchanie)* [Paths, ways, encounters (conclusion)], ed., comment. A.L. Sobolev. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 3 (13), pp. 71–108. (In Russ.)

Nashedshie grad. Istoriia Khristianskogo bratstva bor'by v pis'makh i dokumentakh [Those who found the promised city. History of the Christian fraternity of struggle in letters and documents], comp. S.V. Chertkov. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017. 472 p. (In Russ.)

Parnis A.E., Timenchik R.D. Programmy "Brodiachei sobaki" [Programs of the cabaret "Brodyachaya sobaka"]. *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Ezhegodnik 1983* [Cultural monuments. New discoveries. Annual 1983]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 160–257. (In Russ.)

Perepiska s A.M. Remizovym [Correspondence with A.M. Remizov], intro., comment. A.V. Lavrov, publ. S.S. Grechishkin, A.V. Lavrov, I.P. Yakir. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty. Kn. 2* [Literary heritage. Vol. 98: Valery Bryusov and his correspondents. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 137–222. (In Russ.)

Perepiska s Andreem Belym. 1902–1912 [Correspondence with Andrei Bely. 1902–1912], intro., publ. S.S. Grechishkin, A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 326–427. (In Russ.)

Perepiska s M.A. Voloshinym [Correspondence with M.A. Voloshin], intro., publ., comment. K.M. Azadovskii, A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 98: Valerii Briusov i ego korrespondenty. Kn. 2* [Literary heritage. Vol. 98: Valery Bryusov and his correspondents. Book 2]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 251–399. (In Russ.)

Perepiska s Viacheslavom Ivanovym [Correspondence with Vyacheslav Ivanov], intro., publ. S. Grechishkin, N. Kotrelev, A. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85: Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 428–545. (In Russ.)

Perepiska V.Ia. Briusova i K.I. Chukovskogo [Correspondence between V.Ya. Bryusov and K.I. Chukovsky], intro., publ., comment. A.V. Lavrov. *Kontekst. Istoriko-literaturnye i teoreticheskie issledovaniia* [Context. Historical, literary and theoretical studies]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009, pp. 275–405. (In Russ.)

Pis'ma k peterburgskim i moskovskim literatoram [Letters to Petersburg and Moscow writers], publ. E.S. Litvin, A.N. Dubovikov, M.V. Rybin, K.N. Suvorova, N.A. Trifonov. *Literaturnoe nasledstvo. T. 85. Valerii Briusov* [Literary heritage. Vol. 85: Valery Bryusov]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 662–710. (In Russ.)

Rene Gil' — Valerii Briusov. Perepiska. 1904–1915 [René Ghil — Valery Bryusov. Correspondence. 1904–1915], comment. R. Dubrovkin. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)

Sadovskoi B. Zapiski (1881–1916) [Notes (1881–1916], publ. S.V. Shumikhin. *Rossiiskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian archive: National history in evidence and documents of the 18–20th centuries], vol. 1. Moscow, Studiia "TRITE" Publ., Ros. Arkhiv Publ., 1991, pp. 106–183. (In Russ.)

Shcherbakov R.L. Perepiska V.Ia. Briusova s B.A. Sadovskim [Correspondence between V.Ya. Bryusov and B.A. Sadovskoy]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1993, no. 4, pp. 101–122. (In Russ.)

Shervinskii S.V. *Stikhotvoreniia. Vospominaniia* [Poems. Memoirs], comp. E.S. Druzhinina. Tomsk, Vodolei Publ., 1997. 320 p. (In Russ.)

Shruba M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvy i Peterburga 1890–1917 godov: Slovar'* [Literary associations of Moscow and St. Petersburg 1890–1917: Dictionary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)

Shutova T.A. Belye obrazy serebrianogo veka (o portrete Andreia Belogo raboty Ol'gi Florenskoi) [White images of the Silver Age (on the portrait of Andrei Bely by Olga Florenskaya)]. *Miry Andreia Belogo* [Worlds of Andrei Bely], ed. A. Vranesh, comp. M. Spivak, K. Ichin, I. Delektorskaia, E. Nasedkina. Belgrad, Moscow, University of Belgrade, Faculty of Philology Publ., 2011, pp. 766–777. (In Russ.)

Sobolev A.L. *Leteiskaia biblioteka* [The Lethean library], in 2 vols., vol. 2. Moscow, Truten' Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)

Sobolev A.L. "Vecher mertsanii" ["The night of glimmers"]. *Slavica Revalensia*, 2019, vol. 6, pp. 126–159, doi: 10.22601/sr.2019.06.05 (In Russ.)

Sviridovskaia N.D. "Zhivye sily iskusstva…" Iz istorii Obshchestva svobodnoi estetiki ["The living forces of art..." From the history of the Free Aesthetics Society]. *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii*, 2014, no. 4, pp. 92–117. (In Russ.)

Tsvetaeva A. *Vospominaniia* [Memoirs], vol. 1, ed. St.A. Aidinian. Moscow, Boslen Publ., 2008. 816 p. (In Russ.)

Vadimov A. *Zhizn' Berdiaeva. Rossiia* [The life of Berdyaev. Russia]. Oakland, Calif., Berkley Slavic Specialities, 1993. 287 p. (In Russ.)

Valentin Serov v perepiske, dokumentakh i interv'iu [Valentin Serov in correspondence, documents and interviews], vol. 2, comp. I.S. Zil'bershtein, V.A. Samkov. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1989. 432 p. (In Russ.)

Valerii Briusov. Nina Petrovskaia. Perepiska. 1904–1913 [Varely Bryusov. Nina Petrovskaya. Correspondence. 1904–1913], intro., ed., comment. N.A. Bogomolov, A.V. Lavrov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 771 p. (In Russ.)

Voloshin M. *Sobranie sochinenii* [Collected works], vol. 9, comp. A.V. Lavrov, eds., comment. K.M. Azadovskii, N.Iu. Griakalova, P.R. Zaborov, V.P. Kupchenko, A.V. Lavrov, G.V. Petrova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2010. 782 p. (In Russ.)

Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials

© 2020, Alexander Sobolev

Abstract: The history of the Moscow Free Aesthetics Society (1906–1917), based on insufficiently and unevenly studied sources, remains on the periphery of research interest. The main purpose of the present publication is to fill this gap. The introduction to the chronicle of the Free Aesthetics Society briefly presents the nature of its activities and its members, including I.I. Troyanovsky, V.Ya. Bryusov, B.N. Bugaev (Andrei Bely), N.R. Kochetov, V.V. Perepletchikov, V.I. Girschan, A.P. Botkin et al. The classification of used sources is made: the society's own reports (handwritten and printed), including financial; agendas and minutes of the Committee proceedings and general meetings; a register of guests at meetings in 1910–1912, preserved in the Manuscript department of the RSL; correspondence of participants; "Literary and Artistic Circle Proceedings", published since 1913, as well as newspaper reports. The chronicle takes into account all dated official events of the Free Aesthetics Society: first of all, literary and musical evenings, but also the organizational meetings of the Society and its Committee, excluding particular meetings of society members. For the identified meetings, the date, status (general, closed, etc.), venue, topic, start time, conditions of guests admission, other information, including the number of participants and financial results, are given. These are followed with an outline of the main sources: the agenda (if known), a report, etc. After that, documents related to the preparation of the event, its implementation and consequences are listed. Thus, the chronicle describes the main aspects of the Free Aesthetics Society activities, and various sources, many of which have not been published before, are introduced into scientific circulation.

Keywords: Free Aesthetics Society, chronicle, archival sources, newspaper reports.

Information about the author: Alexander Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander. Free Aesthetics Society (1906–1917). Chronicle materials. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 384–457. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-384-457

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СПРАВОЧНИКИ И СЛОВАРИ

DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-458-476
УДК 821.161.1

«Пушкинский словарь» Г.А. Шенгели: Неизданная статья автора конкорданса к стихам А.С. Пушкина

© 2020, Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

Аннотация. В публикации вводится в научный оборот статья Г.А. Шенгели (1894–1956), посвященная подготовленному им во второй половине 1930-х гг. «Пушкинскому словарю», задуманному как конкорданс к поэзии классика, но так и не изданному (рукопись, скорее всего, была утрачена). Статья, датируемая авторами 1955 г. и написанная Шенгели для оповещения писательской и научной общественности о целях, структуре и информационных возможностях «пушкинского словаря», не потеряла актуальности до сих пор, являясь одним из немногих конкретных свидетельств о замысле ученого в плане изучения языка и лингвистической поэтики Пушкина. Текст публикуется по машинописи с авторской правкой, хранящейся в фонде журнала «Октябрь» в РГАЛИ. В статье Шенгели отмечается, что сама идея составления словаря к произведениям Пушкина как создателя русского литературного языка возникла достаточно давно, однако осуществлению замысла препятствовало отсутствие научно достоверных пушкинских текстов. Коллектив составителей «Пушкинского словаря» принял за основу тексты шеститомника 1936 г., выпущенного Гослитиздатом, где эта проблема, по мнению ученого, была в целом преодолена. Выделяя толковый словарь и словарь-конкорданцию как два основных типа трудов, описывающих языковые особенности того или иного автора, Шенгели аргументирует выбор конкорданса, представленного в виде комплекта частных словарей (Жан Рово — хронологических подвыборок), объединенных общим словоуказателем, для составления полного корпуса пушкинского поэтического языка.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Г.А. Шенгели, поэтический язык, словарь Пушкина, конкорданс.

Информация об авторах: Николай Леонидович Васильев, д. филол. н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Дмитрий Николаевич Жаткин, д. филол. н., профессор, Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия. E-mail: ivb40@yandex.ru

Цитирование: *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* «Пушкинский словарь» Г.А. Шенгели: Неизданная статья автора конкорданса к стихам А.С. Пушкина // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 458–476. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-458-476

Нам уже приходилось писать о словаре поэзии А.С. Пушкина, подготовленном в конце 1930-х гг. под руководством Георгия Шенгели (1894–1956), но так и оставшемся в рукописи, несмотря на многочисленные попытки ученого привлечь внимание издателей, ученых, чиновников к необходимости публикации уникального и трудоемкого исследования[1], — что существенно сказалось на темпах развития писательской лексикографии в СССР и, прежде всего, приоритете создания конкордансов, пришедших в отечественную филологию, в частности пушкинистику, как «импортный» продукт[2]. Рукопись словаря, вероятно, не сохранилась.

В данном случае мы ставим задачу, дополняя сказанное ранее, ввести в научный оборот одну из двух «архивных» статей Г.А. Шенгели об этом словаре, написанную предположительно в 1955 г. для оповещения писательской и научной общественности о целях, структуре и информационных возможностях «пушкинского словаря». Статья предназначалась для литературно-художественного журнала «Октябрь», но так и осталась в портфеле редакции[3]. Она конкретизирует замысел исследователя и, по нашему убеждению, до сих пор актуальна в плане осмысления лингвопоэтики Пушкина и возможных путей развития современной авторской лексикографии[4].

---

[1] *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Конкорданс к поэзии А.С. Пушкина, подготовленный в 1930-х гг. Г.А. Шенгели // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. №. 3. С. 39–51.

[2] См.: *Шоу Дж.-Т.* Конкорданс к стихам А.С. Пушкина [1984]: В 2 т. / Пер. с англ. М., 2000.

[3] См.: РГАЛИ. Ф. 619 (Журнал «Октябрь»). Оп. 1. Ед. хр. 1845; машинопись с правкой автора.

[4] См. также, напр.: *Васильев Н.Л.* «Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя… // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013. С. 23–29; *Он же*. Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 1. С. 150–153; *Шестакова Л.Л.* Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

Г.А. Шенгели

ПУШКИНСКИЙ СЛОВАРЬ

1

Изучение поэтического языка, постоянно прокламируемое в речах литературных ораторов и в статьях литературных критиков, не говоря уже о программах педвузовских литературных факультетов, натыкается у нас на существеннейшее препятствие: отсутствие словарей к произведениям русских писателей.

В то время как Европа располагает превосходными словарями к произведениям Шекспира[5], Гёте, Данте, Мольера, Вергилия[6], у нас есть лишь словарик к Фонвизину[7], выпущенный свыше полувека назад и затерявшийся даже в тех редких библиотеках, где он имелся.

Между тем, без словарей изучение поэтического языка великих авторов малоплодотворно, ибо даже внимательнейший исследователь не в состоянии проследить за эволюцией лексических групп на протяжении многих десятков тысяч стихов или сотен листов прозы и вынужден довольствоваться лишь перелистыванием текста и набрасыванием только контуров языка. При этом обычно удается констатировать лишь наличие архаизмов, неологизмов, вульгаризмов и проч., привести несколько десятков или сотен «примеров» на выдержку, проанализировать подробно несколько отрывков, — но не более. Подсчет же встречаемости как определенных лексических типов, так и отдельных слов, просто невозможен, — а лишь подсчет дает возможность с убедительностью характеризовать эволюцию языка во времени, вариации языка в рамках жанров и т.д., без чего характеристика стиля приобретает расплывчатый и монотонный характер. Утверждения, что у данного автора встречается «много архаизмов, например…» и «нередки вульгаризмы, например…», обычно, как резиновый пояс, подходят почти к любому автору-клас-

[5] См., в частности: *Карпова О.М.* Словари языка Шекспира: Опыт историко-типологического исследования. XVIII–XX вв. Иваново, 1994.

[6] Краткий обзор писательской лексикографии за рубежом см., например: *Гельгардт Р.Р.* Словарь языка писателя: К истории становления жанра // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология. М., 2003. С. 23–34.

[7] *Петров К.* Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина. СПб., 1904. См. также: *Чернышев В.И.* [Рец. <1906>:] // Чернышев В.И. Избранные труды: В 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 313–322; Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология. М., 2003. С. 38–39, 422–423; *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011. С. 156–159.

сику[8]. А изучение других сторон стиля, например эпитета, метафорического словоупотребления, насыщенности языка вещественными или отвлеченными понятиями, динамическими или статическими глаголами и пр., — вплоть до рассмотрения ритмических тяготений слов данного лексического или слогоударного типа, — без словаря становится вообще невозможным.

Идея составления словаря к произведениям Пушкина как создателя русского литературного языка напрашивается сама собою и возникла достаточно давно. О таком словаре многие десятилетия мечтала дореволюционная Академия наук. Профессор Венгеров принимался за его составление, но дела до конца не довел[9]. Одним из существенных препятствий было отсутствие научно достоверных пушкинских текстов. Теперь это препятствие отпало, и, хотя неизбежны в дальнейшем некоторые дополнения и уточнения текста, основная текстологическая работа закончена и фиксируется в академическом издании Пушкина[10].

И ПУШКИНСКИЙ СЛОВАРЬ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ — СОЗДАН. Коллектив работников, организованный Союзом советских писателей (по моей инициативе и под моим руководством), закончил работу по составлению словаря к стихотворениям Пушкина.

2

В основу работы были положены тексты гослитиздатовского шеститомника изд. 1936 г.[11] с учетом того, что редакция их проведена в основном теми же лицами, которым поручена редактура академического издания, и что, следовательно, основной массив текстологически безупречен. Необходимые доработки, весьма, очевидно, незначительные, предполагалось сделать по окончательной отделке академического текста.

---

[8] См. отчасти сходные рассуждения о необходимости строгой филологической методологии: *Головин Б.Н.* Язык и статистика. М., 1971. С. 5–18.

[9] См., в частности: Пушкинский семинарий при Санкт-Петербургском университете / Под рук. С.А. Венгерова. Вып. I. Программа составления словаря поэтического языка Пушкина. СПб., 1911; *Венгеров С.* Программа составления словаря поэтического языка Пушкина // Пушкинист: Ист.-лит. сб. СПб, 1914. С. 223–232; *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель пушкинского семинария // Пушкинский сборник. Памяти проф. С.А. Венгерова / Пушкинист IV. М.; Пг.:, 1922. С. XXII–XXIV.

[10] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1949.

[11] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. / Под общ. ред. С.М. Бонди, Б.В. Томашевского и М.А. Цявловского. М.; Л., 1936.

Стремясь к тому, чтобы пушкинский словарь (в дальнейшем ПС) мог быть пособием для всякого будущего исследователя, коллектив тщательно продумал тип словаря.

Первый трудный вопрос — о его материале: полный словарь, охватывающий всё, что написано Пушкиным, — стихи, художественную прозу, прозу журнальную, письма и пр. — или словарь к стихам как основной и важнейшей продукции великого поэта? Коллектив счел методологически неправильным смешивать в едином словаре язык стихов и язык прозы, ибо их художественные особенности глубоко различны. Слово в стихах выполняет иную функцию и несет несравненно бóльшую смысловую и эмоциональную нагрузку, чем слово в прозе. Объем «Онегина» в переводе на прозу — три с половиной печатных листа, т.е. объем небольшой повести, а ведь «Онегин» — «энциклопедия русской жизни» по выражению великого критика, и огромная его идейная и эмоциональная концентрированность находится в неразрывной связи со стиховым ритмом, подчеркивающим ударения и паузы, напрягающим интонацию и этим — слово с его значением и взволнованностью. Здесь мы не можем подробно рассматривать природу этой связи и отсылаем читателя к блестящей работе Ю. Тынянова «Проблема стихотворного языка»[12]. Учтя этот существеннейший момент, коллектив остановился на словаре к стихам (чем, конечно, не снижается необходимость составления отдельного словаря к пушкинской прозе).

Второй важнейший вопрос — о типе словаря. Существуют два основных типа: толковый словарь и словарь-конкорданция. В толковом словаре приводятся все слова, примененные данным автором или в данном произведении (если словарь — частичный), указывается значение, в котором применено данное слово (или значения), и приводятся одна-две подтверждающих цитаты. Конкорданция также дает сводку всех слов, но снабжает каждое слово, в каком бы значении оно ни применялось, полной цитацией, т.е. приводит все строки, где данное слово встречается. Нетрудно видеть, что конкорданция, хотя и является гораздо более громоздкой, представляет ряд преимуществ по сравнению с толковым словарем. Прежде всего (хотя это и второстепенный момент) она является прекрасным справочником по тексту: достаточно помнить одно слово из строчки, чтобы сразу найти все строчки, где оно встречается, и отыскать всю строку и само произведение; толковый словарь такой возможности не дает. Затем:

[12] *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

толковый словарь, сколь бы тонкими лингвистами он ни составлялся, не гарантирован от пробелов и промахов в толковании. Возьмем две онегинские строчки: «горит в алмазах голова»[13] и «горел досадой взор его»[14]; в обоих случаях значения слова «гореть» — переносные: речь идет не о воспламенении, а о блеске; однако тождественны ли эти значения? Поэт отчетливо ощутит, что во втором случае к признаку блеска присоединяется признак накала, жгучести, — что перед нами два значения[15]. А ощутит ли это лингвист? В «Толковом словаре русского языка» даны такие примеры к слову «гореть» в значении «сверкать» (рубрика 7): «ярко вычищенный самовар так и горел»; «а глаза-то так и горят», — т.е. оба значения уравнены, что, по крайней мере, спорно[16]. В том же словаре союз «и» истолкован в 10 оттенках значения[17], а В.Виноградов в работе «Язык Пушкина», анализируя употребление этого союза в «Пророке», устанавливает несколько новых оттенков его значения, упущенных «Толковым словарем»[18]. Конкорданция же, давая все случаи применения данного слова, открывает возможность самых подробных толкований всякому будущему исследователю (а также возможность оспаривать иные толкования). Допустим, однако, что толковый словарь[19] будет непогрешим; все-таки судить о стиле писателя по такому словарю нелегко; представим себе, что слово «бог» применяется данным

[13] См.: «Другие редакции и варианты» романа (гл. 8, строфа XXVIa): «[Смотрите] в залу Нина входит / Остановилась у дверей / И взгляд рассеянный обводит — / Кругом внимательных гостей — / В волненье перси — плечи блещут, / **Горит в алмазах голова** / Вкруг стана [вьются] и трепещат <sic!> / Прозрачной сетью кружева…» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 6. С. 515). Заметим, что существующие ныне конкордансы к поэзии Пушкина не фиксируют строки, относящиеся к «Другим редакциям и вариантам». См.: *Шоу Дж.-Т.* Конкорданс к стихам А.С. Пушкина. М., 2000; Опыт конкорданса к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с приложением текста романа / Сост. Д.А. Гайдуков. М., 2003.

[14] См.: «Другие редакции и варианты» романа (гл. 7, строфа IX): «Она на воина взглянула, / **Горел досадой взор его**, / И побледнела <и> вздохнула / Но не сказала ничего — / И молча Ленского невеста / От сиротеющего места / С ним удалились — и с тех пор / Уж не являлась из-за гор…» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 6. С. 420).

[15] См. также: Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М., 1956–1961. Т. 1. С. 516.

[16] См.: Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935. Стб. 599–600.

[17] Там же. Стб. 1123–1125.

[18] *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 124–126. Виноградов, впрочем, рассуждает не столько о значениях («присоединительно-повествовательное», «усилительно-эмоциональное» и др.), сколько об эстетических функциях («эпическая величавость», «торжественная напряженность» и др.) союза «и» в поэзии пушкинской эпохи под влиянием «библейского сказания» и «восточной лирики».

[19] Имеется в виду словарь языка писателя «толкового» типа, а не конкорданс.

писателем только в двух значениях: в значении прямого называния «высшей силы» и в значении разговорной внесмысловой «заставки» вроде «слава богу», «бог с ним»; толковый словарь отметит оба случая и приведет по одному примеру; однако представим далее, что из 500 случаев применения этого слова нашим гипотетическим писателем только 10 дают прямое обращение к «богу» (да и то в речах персонажей), а остальные 490 суть лишь «заставки»; спрашивается, существенен ли этот момент для характеристики стиля, для характеристики идейного профиля? Бесспорно, да; но «толковый словарь» подобные моменты просто затушевывает, конкорданция же дает возможность их без труда вскрывать. Наконец: в поэтическом языке, как мы увидим ниже, обнаруживается тяготение некоторых слов к определенному месту в строке (о природе этого тяготения здесь мы говорить не можем[20]), что не лишено значения для исследователя; этот момент, однако, вскрывается лишь в конкорданции, где можно окинуть взглядом все соответствующие строки, и гаснет в толковом словаре.

В силу этих соображений коллектив остановился на типе конкорданции.

Третий существенный вопрос — о структуре словаря. Можно дать единый словарь; можно дать комплект словарей, объединенных общим словоуказателем. Так как язык писателя эволюционирует во времени, — и эта сторона подлежит научному рассмотрению; так как характер языка связан с литературным жанром (ясно, что словарь иронической повести вроде «<Графа> Нулина» не похож на словарь «Сказки о золотом петушке»), то коллективу представлялось несомненным, что комплект словарей имеет бóльшую научную ценность, чем единый словарь, ибо дает возможность изучать язык каждой вещи в отдельности и сопоставлять результаты такого изучения. Для справок же и общих наблюдений достаточен единый словоуказатель, дающий перечень всех слов, и данные о том, в каких вещах и в каком количестве случаев данное слово встречается. Таким образом, наш ПС представляет собою 23 отдельных словаря: к «<Евгению> Онегину», «Полтаве», «Цыганам», «<Борису> Годунову» и т.д., к «Маленьким трагедиям», к «Песням зап<адных> славян», к лирике — в трех хронологических разделах: до ссылки, до отъезда из села Михайловского, до конца жизни, плюс словоуказатель.

[20] Шенгели подразумевает специфическую стиховедческую и лингвопоэтическую проблематику, неуместную в литературно-художественном журнале.

3

Разрезы, в которых можно и до́лжно изучать ПС, бесконечно многообразны. Здесь мы, не претендуя ни в малой степени на полноту и обстоятельность, поделимся с читателем лишь несколькими наблюдениями над нашею работой (между прочим, читателю будет небезынтересно узнать, что коллектив, составляя словарь, переработал около четверти миллиона карточек и, проработав два года в составе 20 человек, затратил 40 трудолет, т.е. полностью человеческую жизнь).

Первый вопрос, встающий в связи с языком писателя — о количестве применяемых им слов, ибо это количество свидетельствует о широте поэтического кругозора, об идейном размахе. Как известно из практики изучения иностранных языков, обладание запасом слов в 3.000 дает возможность легко объясняться по всем житейским вопросам, читать газеты и беллетристику, разбираться в научно-популярных работах.

Сколько же слов у Пушкина? СВЫШЕ 13.000[21], не считая внутренних значений каждого слова (так, напр., слово «бежать» употребляется Пушкиным в 5 или 6 значениях)[22]. Шекспир дает около 18 тыс. слов при вчетверо более объемистом тексте; Гёте, при гораздо более обширном тексте, чем у Пушкина, дает меньше слов (сейчас мы не можем привести точную цифру)[23]. Таким образом, наш

[21] В «Словаре языка Пушкина», по данным составителей, 21 290 слов, хотя не все из них являются собственно лексемами. Согласно современным представлениям, общий объем поэтического и прозаического языка Пушкина — около 24 тысяч лексем, не считая имен собственных. См., в частности: *Васильев Н.Л.* О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск, 2013. С. 88–104; *Он же.* Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М., 2015. С. 128–143. Однако поэтический словарь классика, по нашим данным, меньше: около 13 тысяч лексем и онимов. См. об этом, например: *Васильев Н.Л.* Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001. С. 7; *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и П.А. Вяземского // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 4. С. 27–30; *Они же.* Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Там же. 2017. № 1. С. 21–24.

[22] Ср.: Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 74–75 (здесь отмечены 4 значения лексемы).

[23] Ошибочное утверждение, основанное, по-видимому, на данных словаря цитат и афоризмов Гёте (*Schmidt H.* Goethe Lexicon**.** Leipzig**,** 1912), не являющегося в буквальном смысле *словарем*. Согласно продолжающемуся многотомному лексикографическому проекту “Goethe Wörterbuch” (Stuttgart, 1978–), лексикон немецкого классика составляет приблизительно 90 тысяч слов. См., в частности: *Кокурина И.В.* Словарь языка Гёте // Современная лексикография: Глобальные проблемы и национальные решения. Иваново, 2007. С. 47–49; *Шестакова Л.Л.*

великий поэт по богатству словаря не уступает величайшим гениям Запада!

Отдельные вещи дают, конечно, различные цифры в зависимости от объема произведения, но при этом обнаруживается любопытный закон: закон «убывания словесной массы». Вот несколько цифр:

	Число строк:	Число слов:
Нулин	370	815
Медн. всадник	481	1033
Бахч. фонтан	568	1060
Цыганы	571	970
Годунов	2110[24]	2489
Онегин	7153	6109

Если разделить количество слов на количество строк, то мы получим для перечисленных произведений такие «коэффициенты»:

Нулин	2,21
Медн. всадник	2,14
Бахч. фонтан	1,83
Цыганы	1,70
Годунов	1,18
Онегин	0,86

Этот убывающий ряд знаменует, что чем больше объем произведения, тем чаще в нем повторяются одни и те же слова[25]. Отсюда, для исследователя стиля важно выделить эти повторяющиеся слова и установить, какие из них являются «общим материалом», т.е. дают необходимые и неизбежные означения места, времени, жестов и т.п.,

---

Русская авторская лексикография… С. 190; ср. иные выходные данные о “Goethe Wörterbuch”: Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. М., 1973. С. 16.

[24] «В “Годунове” 1682 строки пятистопного ямба, что в приведении к четырехстопному ямбу (размер других поэм нашего перечня) дает материал на 2110 строк, как указано». (*Примеч. Г.А. Шенгели*.)

[25] Данное утверждение, основанное и на «здравом смысле», справедливо по отношению к текстам только одного автора. В масштабе же выборок, касающихся творчества разных авторов, проявляются и иные закономерности, а также их аномалии, когда сравнительно небольшие по объему произведения содержат высокую долю лексических новаций; при этом доля малочастотных лексем у большинства писателей весьма значительна, составляя приблизительно половину их словаря, и именно подобной лексикой в первую очередь определяется словарное богатство и своеобразие поэта, прозаика и т.д. См., в частности: *Фрумкина Р.М.* Статистические методы изучения лексики. М., 1964; *Васильев Н.Л.* Алфавитно-частотные словари языка русских писателей как важный лингвостатистический инструмент современной филологии // Русский язык в славянском мире: История и современность. Н. Новгород, 2018. С. 74–85.

и какие являются «тематической доминантой», выражают специфику данного произведения[26]. Так, например, «Медный всадник», имея 1033 слова, насчитывает в том числе 187, встречающихся и в «Цыганах», и в «Бахчисарайском фонтане»; сверх этого — 102, встречающихся только в «Цыганах» и ровно столько же (забавное совпадение), встречающихся лишь в «Фонтане». Иначе, 491 слово, почти половина, являются в «Медном всаднике» «общими»; число их, несомненно, возрастет при сопоставлении с другими поэмами, что поможет «вылущить» тематически-ведущие словесные группы. Вот, например, тематическая доминанта «Бахч. фонтана»: из всех слов (помимо служебных, типа предлогов, союзов, наречий[27] и т.п.) чаще других встречаются:

измена	5 раз,
война	6
краса	7
нега	7
любовь	8
жена	8
дева	9
гарем	19 раз,

иначе говоря, «излюбленными» словами «Фонтана», этой любовно-гаремной драмы, являются как раз те, где запечатлен соответственный смысловой и эмоциональный колорит: Пушкин всё время инъецирует читателя словами и ассоциативными рядами одной категории.

Но любопытно, что доминирующий «гаремный» колорит сказывается также и в служебных словах. Взять, например, предлог «в»; он может употребляться с винительным падежом («я вошел в комнату») и с предложным («я сижу в комнате»); нетрудно усмотреть, что «в» с предложным падежом более статично, менее подвижно,

[26] См. об этом альтернативные методологические рассуждения: *Guiraud P.* Les caractères statistiques du vocabulaire. Paris, 1954; *Гиро П.* Проблемы и методы статистической лингвистики // Общее языкознание: Хрестоматия. Минск, 1976. С 43–63; *Kjetsaa G.* A Norm of the Use of Poetical language in the Age of the Pushkin: A Comparative Analysis. Oslo, 1983; *Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Г.А.* Тематические парадигмы русской лирики XIX–XX веков // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2000. № 6. С. 19–30; *Баевский В.С.* Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001. С. 193, 194, 196, 197, 204, 205, 207; *Шайкевич А.Я.* Лексические маркеры поэзии Баратынского // Боратынский Е.А. Авторская книга лирики. М., 2003. Кн. 4: Справочный том. С. 65–77.

[27] Наречия, конечно же, не относятся к «служебным словам». Вероятно, автором имелись в виду частицы.

чем с винительным. И вот, в «Бахч. фонтане» предлог «в» встречается 81 раз, причем с динамичным винительным падежом — 15 раз, а с малоподвижным предложным — 66 раз: в неподвижной, ленивой, полной «неги», жизни гарема, очевидно, чаще встречаются ситуации, изображаемые статическими глаголами и соответственными предлогами. Тот же предлог в «Медн. всаднике» встречается 32 раза с винительным и 30 раз с предложным падежом, — картина совершенно иная.

На интересные соображения наводит, например, употребление Пушкиным союза «и». Так, в «Онегине», в основном тексте, этот союз встречается 963 раза[28]; в отброшенных строфах, в черновых вариантах он же встречается 253 раза; однако, эти варианты по объему в 7 раз менее основного текста, а «и» дает для них лишь вчетверо меньшее количество случаев, т.е. относительно встречается почти вдвое чаще; напрашивается мысль, что союз «и» в известной части применяется для заполнения строки, служит «ритмической затычкой», и поэтому понятно, что в менее удавшихся, отброшенных строфах его встречаемость относительно возрастает[29].

Весьма любопытны колебания в употреблении частей речи: в «Онегине» громадное количество существительных; в «Полтаве» — глаголов; в «Маленьких трагедиях» весьма большое количество противительных союзов.

Еще более интересны и поучительны внутренние вариации значения употребляемых слов. Так, в «Онегине» слово «гореть» применяется все <sic!> в разных значениях: «ты вся горишь» — о лихорадочном жаре; «страсть горит»; «то вся горит, то вся бледнеет» — о приливах и отливах румянца; «горел взор»; «они (звуки) текут, они горят»; «горит в алмазах голова». Слово «горький» встречается

[28] По данным Д.А. Гайдукова, 1076 раз. См.: Опыт обратного конкорданса к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»… С. 95–103.

[29] Заметим также, что союз «и» является абсолютным лидером по частотности использования среди всех лексем у писателей. См. выявленные нами персональные частотные рейтинги: *Васильев Н.Л.* Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск, 2001; *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь языка А.А. Дельвига. М., 2009; *Васильев Н.Л.* Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. Саранск, 2013; *Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н.* Словарь Н.М. Языкова. М., 2013; *Они же*. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М., 2015; *Они же*. Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М., 2016; *Они же*. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского. М., 2016; *Они же*. Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина. М., 2016; *Они же*. Словарь поэтического языка Д.В. Веневитинова. М., 2017; *Они же*. Словарь поэтического языка К.Ф. Рылеева. Пенза, 2017; *Они же*. Словарь поэтического языка И.И. Дмитриева. М., 2017; *Они же.* Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова. М., 2018.

неуклонно в переносном значении: «горькая кручина», «горькая вдовица», «горькая утрата», «минута горькая разлуки», «горькое презренье», очевидно восходя к слову «горе».

Для стихотворца будет крайне любопытно впервые нами констатируемое тяготение известных слов к определенным местам стихового ряда, строки. Так, слово «когда», легко помещаемое в любой части ямбической строки, дающее легкую рифму (беда, вода, господа и пр.), весьма интересно распределяется в пределах строки: в «Онегине» это слово встречается 64 раза; ни разу не стоит на рифме, т.е. не заканчивает строку, 5 раз стоит на предпоследней стопе, 3 раза на второй и 59 раз начинает строку![30] В «Годунове» картина та же, с той разницей, что это слово сравнительно часто встречается после цезуры, в начале второго полустишия. Иначе говоря, Пушкин ощущал слово «когда», начинающее собою новое предложение, своеобразным рубежом и приноравливал его к сечениям стиха: к междустрочной и цезурной паузам[31]. Если взять слово «еще», имеющее ту же структуру, то окажется, что оно распределяется в строке иначе. В «Онегине» оно встречается 54 раза и один раз стоит на рифме (еще — плаще)[32], 14 раз на третьей стопе, 10 раз на второй и 28 на первой, в начале строки; таким образом, «рубежность» этого слова Пушкиным ощущалась как более слабая.

Здесь стоит упомянуть еще о слове «который», вызывающем обычно немало споров при оценке стихов. В «Онегине» это слово применяется 35 раз[33], т.е. в полупроценте строк. В «Капитанской дочке» в тексте того же объема, что «Онегин», — 49 раз; у Достоевского

[30] См. также интересные наблюдения на этот счет (на материале пушкинского романа): *Скулачева Т.В.* Распределение частей речи в неполноударных строках русского четырехстопного ямба // Авторская лексикография и история слов. С. 132–141.

[31] Тем не менее во всей поэзии Пушкина встречаются 6 случаев замыкания строк указанным союзом (*Услышит ваш приветный шум, когда; Так судят в небесах, но на земле когда?; Затейлива? Слыхал ли ты когда; Мне поприще откроется, когда; На перекрестке ночью. Но когда; Прервите пир чудовищный, когда*), что составляет 1,3 % от общего числа его употреблений (всего 450). См.: *Шоу Дж.-Т.* Указ. соч. С. 428–431.

[32] По поводу подобных орфоэпически архаичных рифм см.: *Васильев Н.Л.* Из наблюдений над рифмами в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения: 2012. Б. Болдино, 2012. С. 110–112.

[33] В основном тексте — 25 раз; причем нередко в запоминающихся, знаковых поэтических формулах, например: *«Скажи, которая Татьяна?»; — Да та, которая грустна; Недуг, которого причину; Та девочка, которой он; А та, с которой образован; В котором автор знает боле; Которую воспел Назон; Но та, которую не смею; Но те, которым в дружной встрече; Которых не было и нет; В которых отразился век*. См.: Опыт обратного конкорданса к роману в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин»… С. 118.

в начале «Карамазовых» (в том же «онегинском» объеме) — 52 раза; у Толстого в начале III тома «Войны и мира» — 98 раз[34]. Отсюда, по-видимому, можно сделать вывод, что Пушкин избегал это слово, даже в «прозаизированном»[35] «Онегине»: так, в «Годунове» оно встречается лишь 3 раза.

Не претендуя в приведенных заметках и «первых наблюдениях» ни на какую полноту и систематичность, мы показали все-таки некоторые возможности и перспективы использования нашего ПС литературоведом, лингвистом и поэтом. Возможности эти нельзя не признать значительными.

Литература

Баевский В.С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М.: Языки славянской культуры, 2001. 336 с.

Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Г.А. Тематические парадигмы русской лирики XIX–XX веков // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2000. № 6. С. 19–30.

Васильев Н.Л. Алфавитно-частотные словари языка русских писателей как важный лингвостатистический инструмент современной филологии // Русский язык в славянском мире: История и современность. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 74–85.

Васильев Н.Л. Из наблюдений над рифмами в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Болдинские чтения: 2012. Б. Болдино: Б.и., 2012. С. 107–120.

Васильев Н.Л. Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 1. С. 150–153.

Васильев Н.Л. О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2013. 388 с.

Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2013. 124 с.

Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2001. 88 с.

[34] Местоимение *который* в целом тяготеет к разговорной и прозаической речи, формируя сложноподчиненные предложения, и поэтому активно используется в соответствующем дискурсе.

[35] Неточное или неудачное определение поэтики романа, ставшего квинтэссенцией пушкинского лиризма.

Васильев Н.Л. «Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя… // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Азбуковник, 2013. С. 23–29.

Васильев Н.Л. Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М.: Ленанд, 2015. 368 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Конкорданс к поэзии А.С. Пушкина, подготовленный в 1930-х гг. Г.А. Шенгели // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. № 3. С. 39–51.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и П.А. Вяземского // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. № 4. С. 27–30.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 1. С. 21–24.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь Н.М. Языкова. М.: Флинта; Наука, 2013. 120 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Д.В. Веневитинова. М.: Флинта; Наука, 2017. 108 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М.: Флинта; Наука, 2016. 100 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского. М.: Флинта; Наука, 2016. 156 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка И.И. Дмитриева. М.: Флинта; Наука, 2017. 128 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова. М.: Флинта; Наука, 2018. 97 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка К.Ф. Рылеева. Пенза: Пензенский государственный технологический университет, 2017. 100 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина. М.: Флинта; Наука, 2016. 80 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и непубликовавшихся его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.

Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. М.: Флинта; Наука, 2009. 148 с.

Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935. 489 с.

Гельгардт Р.Р. Словарь языка писателя: К истории становления жанра // Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология. М.: Азбуковник, 2003. С. 23–34.

Гиро П. Проблемы и методы статистической лингвистики // Общее языкознание: Хрестоматия / Сост. Б.И. Косовский; под ред. А.Е. Супруна. Минск: Вышайшая школа, 1976. С 43–63.

Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1971. 190 с.

Карпова О.М. Словари языка Шекспира: Опыт историко-типологического исследования. XVIII–XX вв. Иваново: Изд-во Ивановского университета, 1994. 171 с.

Кокурина И.В. Словарь языка Гёте // Современная лексикография: Глобальные проблемы и национальные решения. Иваново: Изд-во Ивановского университета, 2007. С. 47–49.

Опыт конкорданса к роману в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» с приложением текста романа / Сост. Д.А. Гайдуков. М.: ЛексЭст, 2003. 592 с.

Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1973. 456 с.

Русская авторская лексикография XIX–XX веков: антология / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003. 512 с.

Скулачева Т.В. Распределение частей речи в неполноударных строках русского четырехстопного ямба // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Азбуковник, 2013. С. 132–141.

Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956–1961.

Фрумкина Р.М. Статистические методы изучения лексики. М.: Наука, 1964. 116 с.

Чернышев В.И. Избранные труды: В 2 т. М.: Просвещение, 1970. Т. 1. 655 с. Т. 2. 718 с.

Шайкевич А.Я. Лексические маркеры поэзии Баратынского // Боратынский Е.А. Авторская книга лирики: [В 4 кн.] [Кн. 4:] Справочный том. М.: Пашков дом, 2003. С. 65–77.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

Шестакова Л.Л. Современное состояние русской авторской лексикографии // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 126–150.

Шоу Дж.-Т. Конкорданс к стихам А.С. Пушкина [1984]: В 2 т. / Пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 1. 661 с. Т. 2. С. 665–1300.

Guiraud P. Les Caractères Statistiques du Vocabulaire. Essai de méthodologie. Paris: Presses Universitaires de France, 1954. 116 p.

Kjetsaa G. A Norm of the Use of Poetical language in the Age of the Puskin: A Comparative Analysis. Oslo: Slavisk-baltisk institutt, 1983. 54 p.

References

Baevskii V.S. *Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i kompiuternye modeli v istorii i teorii literatury* [Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. 336 p. (In Russ.)

Baevskii V.S., Romanova I.V., Samoilova G.A. Tematicheskie paradigmy russkoi liriki XIX–XX vekov [Thematic paradigms of Russian lyricism of the 19–20th centuries]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 2000, no. 6, pp. 19–30. (In Russ.)

Chernyshev V.I. *Izbrannye trudy: V 2 t.* [Selected works. In 2 vols]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. Vol. 1. 655 p. Vol. 2. 718 p. (In Russ.)

Frumkina R.M. *Statisticheskie metody izucheniia leksiki* [Statistical methods for the study of vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 116 p.

Gel'gardt R.R. Slovar' iazyka pisatelia: K istorii stanovleniia zhanra [Dictionary of the writer's language: About the history of the formation of the genre]. *Russkaia avtorskaia leksikografiia XIX–XX vekov: Antologiia* [Russian author's lexicography of the 19–20th centuries: Anthology]. Moscow, Azbukovnik, 2003, pp. 23–34. (In Russ.)

Golovin B.N. *Iazyk i statistika* [Language and statistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 190 p. (In Russ.)

Guiraud P. *Les Caractères Statistiques du Vocabulaire. Essai de méthodologie*. Paris, Presses Universitaires de France, 1954. 116 p. (In French)

Guiraud P. Problemy i metody statisticheskoi lingvistiki [Problems and methods of statistical linguistics]. *Obshchee iazykoznanie: Khrestomatiia* [General linguistics: Reader], comp. B.I. Kosovskii, ed. A.E. Suprun. Minsk, Vyshaishaia shkola Publ., 1976, pp. 43–63. (In Russ.)

Karpova O.M. *Slovari iazyka Shekspira: Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovaniia. XVIII–XX vv.* [Dictionaries of the Shakespeare's language: The experience of historical and typological research. 18–20th centuries]. Ivanovo, Ivanovo University Publ., 1994. 171 p. (In Russ.)

Kjetsaa G. A *Norm of the Use of Poetical language in the Age of the Puskin: A Comparative Analysis*. Oslo, Slavisk-baltisk institutt, 1983. 54 p. (In English)

Kokurina I.V. Slovar' iazyka Gete [Goethe's dictionary]. *Sovremennaia leksikografiia: Global'nye problemy i natsional'nye resheniia* [Modern lexicography: Global problems and national solutions]. Ivanovo, Ivanovo University Publ., 2007, pp. 47–49. (In Russ.)

Opyt konkordansa k romanu v stikhakh A.S. Pushkina "Evgenii Onegin" s prilozheniem teksta romana [Experience of concordance to the novel in verses written by A.S. Pushkin "Eugene Onegin" with the appendix of the text of the novel], comp. by D.A. Gaidukov. Moscow, LeksEst Publ., 2003. 592 p. (In Russ.)

Poet i slovo: Opyt slovaria [Poet and word: Dictionary experience], ed. V.P. Grigor'ev. Moscow, Nauka Publ., 1973. 456 p. (In Russ.)

Russkaia avtorskaia leksikografiia XIX–XX vekov: antologiia [Russian author's lexicography of the 19–20 centuries], ed. Iu.N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 512 p. (In Russ.)

Shaikevich A.Ia. Leksicheskie markery poezii Baratynskogo [Lexical markers of Baratynsky's poetry]. Boratynskii E.A. *Avtorskaia kniga liriki: V 4 kn. Kn. 4. Spravochnyi tom* [Author's collection of lyrics, in 4 books. Book 4, Reference volume]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2003, pp. 65–77. (In Russ.)

Shaw J.-T. *Konkordans k stikham A.S. Pushkina, 1984* [Concordance to verses of A.S. Pushkin, 1984], in 2 vols. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. Vol. 1. 661 p. Vol. 2, pp. 665–1300. (Transl. from English)

Shestakova L.L. *Russkaia avtorskaia leksikografiia: Teoriia, istoriia, sovremennost'* [Russian author's lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2011. 464 p. (In Russ.)

Shestakova L.L. Sovremennoe sostoianie russkoi avtorskoi leksikografii [The current state of Russian author's lexicography]. *Voprosy iazykoznaniia*, 2019, no. 2, pp. 126–150. (In Russ.)

Skulacheva T.V. Raspredelenie chastei rechi v nepolnoudarnykh strokakh russkogo che-tyrekhstopnogo iamba [Distribution of parts of speech in incomplete lines of Russian four-step iambic poem structure]. *Avtorskaia leksikografiia i istoriia slov: K 50-letiiu vykhoda v svet "Slovaria iazyka Pushkina"* [Author's lexicography and history of words: To the 50th anniversary of the publication of "Pushkin's dictionary of language"]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 132–141. (In Russ.)

Slovar' iazyka Pushkina: V 4 t. [Dictionary of the language of Pushkin: In 4 vols.], ed. V.V. Vinogradov. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1956–1961. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. Alfavitno-chastotnye slovari iazyka russkikh pisatelei kak vazhnyi lingvostatisticheskii instrument sovremennoi filologii [Alphabet-frequency dictionaries of the language of Russian writers as an important linguistic and statistical tool of modern philology]. *Russkii iazyk v slavianskom mire: Istoriia i sovremennost'* [Russian language in the Slavic world: History and modernity]. Nizhnii Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod — National Research University Publ., 2018, pp. 74–85. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. Iz nabliudenii nad rifmami v romane A.S. Pushkina "Evgenii Onegin" [From observations of rhymes in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. *Boldinskie chteniia: 2012* [Boldino proceedings 2012]. B. Boldino, 2012, pp. 107–120. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. Novye gorizonty v pisatel'skoi leksikografii i v izuchenii istoricheskoi lingvopoetiki russkoi literatury [New horizons in author's lexicography and in the study of the historical linguistic poetics of Russian literature]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia*, 2016, no. 1, pp. 150–153. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. *O Pushkine: Iazyk klassika, poetika romana "Evgenii Onegin", pisatel' i ego sovremenniki* [About Pushkin: The language of the classical poet, the poetics of the novel "Eugene Onegin", the writer and his contemporaries]. Saransk, Krasnyi Oktiabr' Publ., 2013. 388 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. *Slovar' iazyka A.I. Polezhaeva* [Dictionary of the language of A.I. Polezhaev]. Saransk, Mordovia University Publ., 2001. 88 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. "Slovar' iazyka Pushkina': 50 let spustia… ["Dictionary of Pushkin's language": 50 years later ...]. *Avtorskaia leksikografiia i istoriia slov: K 50-letiiu vykhoda v svet "Slovaria iazyka Pushkina"* [Author's lexicography and history of words: To the 50th anniversary of the publication of "Pushkin's Dictionary of language"]. Moscow, Azbukovnik, 2013, pp. 23–29. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. *Slovar' poeticheskogo iazyka N.P. Ogareva* [Dictionary of poetic language of N.P. Ogarev]. Saransk, Mordovia University Publ., 2013. 124 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L. *Teoriia iazyka. Rusistika. Istoriia sovetskoi lingvistiki* [Theory of language. Russian studies. History of Soviet Linguistics]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 368 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Konkordans k poezii A.S. Pushkina, podgotovlennyi v 1930-kh gg. G.A. Shengeli [Concordance to the poetry of A.S. Pushkin, prepared in the 1930s by G.A. Shengeli]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 2019, no. 3, pp. 39–51. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Opyt sravneniia poeticheskikh leksikonov A.S. Pushkina i P.A. Viazemskogo [The experience of comparing poetic lexicons of A.S. Pushkin and P.A. Vyazemsky]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 27–30. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. Opyt sravneniia poeticheskikh leksikonov A.S. Pushkina i M.Iu. Lermontova [The experience of comparison analysis of poetic lexicons of A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2017, no. 1, pp. 21–24. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' iazyka A.A. Del'viga* [Dictionary of the language of A.A. Delvig]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009. 148 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' N.M. Iazykova* [Dictionary of N.M. Yazykov]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2013. 120 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka D.V. Davydova* [Dictionary of poetic language of D.V. Davydov]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016. 100 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka D.V. Venevitinova* [Dictionary of poetic language of D.V. Venevitinov]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017. 108 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka E.A. Baratynskogo* [Dictionary of poetic language of E.A. Baratynsky]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016. 156 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka I.I. Dmitrieva* [Dictionary of poetic language of I.I. Dmitriev]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2017. 128 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka K.F. Ryleeva* [Dictionary of poetic language of K.F. Ryleev]. Penza, Penza State Technological University Publ., 2017. 100 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka K.N. Batiushkova* [Dictionary of poetic language of K.N. Batyushkov]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2018. 97 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka N.M. Karamzina* [Dictionary of poetic language of N.M. Karamzin]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2016. 80 p. (In Russ.)

Vasil'ev N.L., Zhatkin D.N. *Slovar' poeticheskogo iazyka P.A. Viazemskogo (s prilozheniem maloizvestnykh i nepublikovavshikhsia ego stikhotvorenii)* [Dictionary of P.A. Vyazemsky's poetic language (accompanied by his little-known and unpublished poems)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015. 424 p. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Iazyk Pushkina. Pushkin i istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [Pushkin's language. Pushkin and the history of the Russian literary language]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 489 p. (In Russ.)

“Pushkin Dictionary” by G.A. Shengeli: The unpublished article by the author of the concordance of A.S. Pushkin’s poems

© 2020, Nikolay Vasilyev, Dmitry Zhatkin

Abstract: The publication introduces into scientific circulation an article by G.A. Shengeli (1894–1956), dedicated to “Pushkin's Dictionary” prepared by him in the second half of the 1930s, which was conceived as a concordance of the classic’s poetry, but remained unpublished (the manuscript was most likely lost). Dated 1955 by the authors and written by Shengeli to notify writers and scholars about the goals, structure and informational possibilities of the “Pushkin Dictionary”, the article is still relevant, being one of the few concrete testimonies of the scientist’s intention to study Pushkin’s language and linguistic poetics. The text is published according to the typescript with the author’s corrections, preserved in the fund of the journal "Oktiabr’" in the Russian State Archives of Literature and Arts. In Shengeli’s article it is noted that the very idea of compiling a dictionary to the works by Pushkin as the creator of the Russian literary language arose long ago, but the lack of scientifically reliable Pushkin editions hindered the implementation of the plan. The compilers of the Pushkin Dictionary took as a basis the texts of the 1936 six-volume Collected Works, issued by the Goslitizdat, where, according to the scientist, this problem was generally overcome. Highlighting the explanatory dictionary and the concordance dictionary as two main types of works describing the linguistic features of one or another author, Shengeli argues the choice of concordance, presented in the form of a set of dictionaries, united by a common word index, for composing the corpus of Pushkin's poetic language.

Keywords: A.S. Pushkin, G.A. Shengeli, poetic language, Pushkin's dictionary, concordance.

Information about the authors: Nikolay Vasilyev, Doctor Hab. in Philology, Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia. E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Dmitry Zhatkin, Doctor Hab. in Philology, Professor, Penza State Technological University, Penza, Russia. E-mail: ivb40@yandex.ru

Citation: Vasilyev Nikolay, Zhatkin Dmitry. “Pushkin dictionary” by G.A. Shengeli: The unpublished article by the author of the concordance of A.S. Pushkin’s poems. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 1 (15), pp. 458–476. DOI 10.22455/2541-8297-2020-15-458-476

IN MEMORIAM

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ КОРОСТЕЛЕВ
(11 января 1959, Прокопьевск — 20 марта 2020, Москва)

20 марта 2020 г. ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев, главный редактор нашего журнала, заместитель директора ИМЛИ РАН по научной работе, руководитель «Литературного наследства».

Вряд ли читатель «Литературного факта» нуждается в растолковании, кем был этот исследователь-публикатор и что значил его труд для источниковедения отечественной словесности XX века, документирования истории русского зарубежья, деятельного воскрешения культурной памяти минувшего столетия, гуманитарного книгоиздания в России. Сделанное им впечатляет. Замысленное — восхищает. Сам факт его ухода — столь рано, на пике, в фазе творческого «акмэ» — не вмещается в сознание. Когда после кончины ученого невозможно смириться со списком не изданных, не написанных им книг, это красноречивое свидетельство пробы его профессионализма. Личностная широта О.А. Коростелева позволяла сочленять «манию

собирательства», родовое свойство мастеров «архивной филологии», с не столь частой для представителей этого цеха щедростью. Собрав гигантский материал, достойный незаурядного государственного хранилища, он с готовностью им делился. И щедрое оставил свое «литературное наследство»...

Ниже собраны свидетельства об О.А. Коростелеве как ученом и человеке — в избранных откликах на его кончину и кратких мемуарных очерках друзей и коллег. Примечательно, что в них мастер своего дела и человек неотделимы друг от друга. А человек — для кого-то порой «застегнутый», закрытый — предстает улыбчивым и свойским, в игре граней «живой жизни». Не звучат здесь только протокольные, формальные слова. Был бы диссонанс. Не их контекст. Не та «стилистическая валентность» личности.

Совсем не та.

В. Полонский

Венок от Бунинской группы

Ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев.

Эта ужасающая весть всех нас, знавших его, ошарашила, застала врасплох. В голове не укладывается: его — жизнерадостного, энергичного, полного замыслов и проектов – больше нет с нами.

Как выразить то, что мы испытываем? Ведь эта утрата действительно невосполнимая. Мы в известном смысле — осиротели.

Вся жизнь Олега Анатольевича, масштаб его личности, круг его научных интересов опровергают расхожее мнение, что «незаменимых нет». Еще как есть — и в случае Олега Анатольевича это особенно ясно.

Поразительно, сколько всего знал и чем только не интересовался Олег Анатольевич. Литература, история, политика, кинематограф, издательское дело, культура русского зарубежья… Недаром сборник статей в честь его 60-летнего юбилея был озаглавлен «Emigrantica et cetera». Очень правильное заглавие.

Это был пытливый исследователь, ученый широчайшего профиля: литературовед, архивист, библиограф, источниковед, текстолог, историк литературы… Количество архивных материалов российского и зарубежного происхождения, которые он нашел, опубликовал, прокомментировал, не поддается счету. При этом он успевал заниматься преподавательской деятельностью, руководить целыми отделами – и в Доме русского зарубежья, и в Институте мировой литературы…

Оставленное им наследство — бесценно: это научно-источниковедческие сайты (www.emigrantika.ru, www.ivbunin.ru и др.), которыми охотно

пользуются российские и зарубежные исследователи, научный журнал, научные серии… Все это непременно надо сохранить. Все это должно жить и после Олега Анатольевича, в том числе как память о нем…

Можно долго перечислять научные проекты, инициатором и/или участником которых он был. Один из таких проектов — «Академический Бунин». De jure он возник сравнительно недавно — 3–4 года назад, но de facto существует уже более 15 лет. Он вобрал в себя целый ряд научных исследований, осуществлявшихся поначалу независимо друг от друга, но со временем слившихся в единый буниноведческий процесс.

Мы не преувеличим, если скажем, что прорыв в современном буниноведении стал возможен именно благодаря Олегу Анатольевичу.

Он был ответственным редактором альманаха «Диаспора. Новые материалы», в первых трех выпусках которого была опубликована полностью переписка И.А. Бунина с Н.А. Тэффи и многие другие ценные архивные материалы русского зарубежья.

Он (совместно с Р. Дэвисом) был редактором-составителем и издателем научной серии «И.А. Бунин. Новые материалы».

Под его редакцией вышел четырехтомный труд «“Современные записки”, Париж, 1920–1940. Из архива редакции», где Бунину уделено немало внимания.

При его содействии велась работа над продолжением «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» эмигрантского периода.

Он возглавил исследовательскую группу, приступившую к подготовке 110-го тома (в 4-х книгах) серии «Литературное наследство» — «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования» (1-я книга этого тома увидела свет в 2019 г., работа над 2-й близка к завершению — Олег Анатольевич успел ее прочитать и отредактировать).

Он же предложил составить еще один том «Литературного наследства» (тоже в 4-х книгах) — под названием «Вокруг Бунина», что и было сделано (материал вчерне уже распределен по будущим книгам).

Он выступил одним из инициаторов создания Бунинской группы, целью которой является подготовка первого научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина.

При его, как говорили в старину, «ближайшем участии» в рамках проекта по гранту РНФ «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология» был создан научно-источниковедческий сайт «Академический Бунин», начала выходить новая научная серия книг «Академический Бунин» (при жизни Олега Анатольевича вышло два выпуска).

Это далеко не полный перечень того, что Олег Анатольевич успел сделать. И сколько бы сделал еще, если бы не внезапная кончина… Теперь то, что он не успел, предстоит сделать нам.

Работы будет много: Олег Анатольевич оставил нам целое море материалов, тем, сюжетов, идей, замыслов…

Трудно себе представить — как мы будем теперь жить, работать без Олега Анатольевича, без его помощи и советов. Да, мы осиротели.

Светлая память нашему дорогому другу и коллеге Олегу Анатольевичу Коростелеву.

В.В. Полонский, директор ИМЛИ РАН,
руководитель проекта РНФ «Академический Бунин».

А.Ф. Кофман, заместитель директора ИМЛИ РАН.

Члены Бунинской группы: *А.В. Бакунцев, Т.М. Двинятина, З.С. Закружная, Е.В. Кузнецова, С.Н. Морозов, Е.Р. Пономарев, А.В. Протопопова, М.А. Фролов. Р. Дэвис, заведующий Русским архивом в Лидсе*

Бунинская группа; сидят: Е.А. Каганова, З.С. Закружная, Т.М. Двинятина, М.С. Щавлинский, Е.Р. Пономарев; стоят: А.В. Бакунцев, О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. ИМЛИ, ноябрь 2018. Фото К.В. Анисимова.

Реквием

20 марта российское гуманитарное сообщество понесло невосполнимую утрату — ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев, филолог, архивист, один из крупнейших исследователей истории литературы русского зарубежья. Масштаб его деятельности иной раз был сравним с достижениями отдельных филологических коллективов. Он успешно справлялся с организаторскими задачами, его скрупулезная редакторская работа была нацелена на достижение полноты и точности историко-литературного знания, а кредо его короткой, но насыщенной смелыми начинаниями и плодотворными итогами жизни состояло в неутомимом восполнении «пустот» в истории литературы зарубежья.

Олег неустанно трудился ради высокой гуманитарной идеи вернуть в российское культурное пространство множество вытесненных из него имен, но, в силу присущей ему сдержанности и скептического отношения к тому, что считал неуместным пафосом, не поощрял высокопарных разговоров и хвалебных слов по своему адресу. На первый взгляд, особенно людям посторонним, он мог показаться человеком достаточно закрытым, однако ему легко удавалось собирать вокруг себя единомышленников, разделявших его интересы и любовь к отечественной культуре. Совместная работа с Олегом всегда приносила радость открытий, он с готовностью откликался на любые просьбы о помощи в архивных разысканиях и с радостью поддерживал научную инициативу. И еще были общие научные пристрастия, любимые герои, реализованные и нереализованные планы, «встречи» в архивных листах использования и под одной обложкой и на многочисленных конференциях – российских, европейских, американских, запомнившиеся лаконичными и содержательными его выступлениями, а в свободные часы – неспешными прогулками и нескончаемыми разговорами.

Перечисление книг, подготовленных Олегом к изданию, заняло бы не одну страницу; в ряду наиболее известных — собрания сочинений Г. Адамовича и Д. Мережковского, мемуары Р. Гуля и В. Яновского, собрания стихов многих эмигрантских поэтов; четырехтомник литературной критики русской эмиграции; восемь из девяти томов альманаха «Диаспора: Новые материалы», в буквальном смысле слова унаследованного Олегом от основателя — Владимира Аллоя; знаменитый «Цветник», воплотивший историю творческого противостояния Г. Адамовича и М. Цветаевой; множество корпусов переписки эмигрантских литераторов. Его имя не только

неразрывно связано с такими значительными коллективными трудами, как «Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына», серии «И. А. Бунин: Новые материалы» и «Академический Бунин» и мн. др., но и служило гарантом качества этих изданий.

Исключительно велики заслуги О. А. Коростелева как организатора научно-исследовательского процесса. В значительной степени благодаря его координационным усилиям осуществлено такое фундаментальное издание, как публикация переписки редакторов и авторов «Современных записок» – главного периодического органа русского зарубежья – в четырех томах; издание, играющее огромную стимулирующую роль для изучения русского литературного процесса в эмиграции. В последние годы жизни Олег Анатольевич руководил подготовкой новых томов «Литературного наследства», частично уже вышедших в свет, и явился инициатором издания приложений к «Литературному наследству» (серия «Библиотека "Литературного наследства"»); он же стал главным редактором нового историко-литературного журнала «Литературный факт», уделяющего основное внимание источниковедческим изысканиям и публикации архивных материалов, — именно в этих сферах исследователь проявлял наивысшую творческую активность.

Огромна роль нашего коллеги в создании информационных электронных ресурсов («Эмигрантика» и «Русское зарубежье: Сводный каталог периодики русского зарубежья») и источниковедческих изданий по периодике эмиграции. Можно с уверенностью утверждать, что научное наследие нашего коллеги уже при его жизни прочно вошло в золотой фонд российского и мирового эмигрантоведения и, несомненно, послужит не одному поколению исследователей.

О научном подвижническом служении Олега можно сказать словами его любимого писателя Георгия Адамовича: «Вот, значит, в чем был “подвиг”... В желании помянуть добрым словом все то, что сделано было русской литературой в эмиграции».

Олег Коростелев ушел из жизни трагически рано, на 62-м году, в самом расцвете творческих сил, не успев осуществить многое из задуманного, порадоваться новым книгам и новым людям.

Нам, знавшим его и работавшим с ним, будет очень его недоставать. Большое ему спасибо за встречи, разговоры, сотрудничество, за научную и человеческую щедрость, и светлая память!

Петербургские филологи — *К.М. Азадовский, В.Е. Багно, А.М. Грачева, О.Р. Демидова, А.В. Лавров, Е.Р. Обатнина, М.М. Павлова*

ВСПОМИНАЮТ КОЛЛЕГИ

Каминный зал ИМЛИ, ноябрь 2019. Фото Манфреда Шрубы

Андрей Бабиков

О. К.

Когда многие годы знаешь, что твой друг способен путешествовать во времени, перестаешь удивляться тому, что он, случается, надолго исчезает, отправляясь с какой-нибудь изыскательной целью в свои отдаленные области, к примеру, в Западную Европу 20-х годов, — разумеется, с соблюдением всех правил безопасности и созданием полной иллюзии своего физического пребывания в настоящем. Технически удобная точка Настоящего, в которую он возвращался, как в базовый лагерь, со всеми терабайтами постоянно пополняемых в странствиях данных, географически простиралась от Ногинска до Чикаго, однако где бы он ни находился, порядок его занятий мало отличался от тех, за которыми его можно было застать в его московском служебном кабинете, с неинтересным видом из окна и электрическим чайником на подоконнике. Как первопроходцу или археологу, вернувшемуся из экспедиции, ему было что рассказать и показать. Имена Бунина, Ходасевича, Варшавского, Ладинского или Адамовича звучали так, как если бы он оставил их в соседней комнате, да, впрочем, так и было. Извлеченную им из прошлого Диковинку сведущие люди рассматривали и передавали друг другу. У каждого его предмета была своя история и даже легенда. Затем он принимался свою Диковинку

описывать, и вскоре появлялась новая небывалая Книга — громадный свод корреспонденции, или том из большого собрания сочинений, или выпуск новых материалов. Казалось, ну теперь-то уж он поживет здесь, в настоящем, после такой-то махины в семьдесят печатных листов. Но незаметно и буднично уже шли приготовления к следующей экспедиции, подбиралось снаряжение, подыскивались проводники, на карту наносились очередные слабо изученные пункты, еще пахнущая типографией Новинка убиралась с письменного стола, и он вновь исчезал.

Из труднодоступных мест доходили вездесущие электронные письма; его подпись сообщала им невольный оптимизм, сколь бы неутешительным порой ни было их содержание, — он заканчивал их неизменным

«Всего наилучшего,
ОК»

— и на это ОК хотелось ответить машинальным «Окэй», как если бы используемая им формула вежливости была не абстрактным пожеланием, а настоятельным призывом.

Неутешительными бывали сообщаемые им промежуточные результаты его отчаянного единоборства со временем. Он часто одерживал победу и в общем зачете поднялся выше всех, кого я знаю, но замыслов, забот, задач становилось все больше, а дней в году не прибавлялось.

Письмо могло быть таким (от 27 марта 2014 года):

Дорогой Андрей!

Адамович был прежде всего критиком, поэтому основной объем в его наследии занимают критические статьи (с дюжину томов нормального формата). Это и самое интересное. Помимо этого том эссеистики, томик стихов, три тома писем. Воспоминаний как таковых Адамович не оставил, но написал ряд некрологически-мемуарных текстов и часто вставлял в свои критические статьи интересные фрагменты мемуарного характера. В принципе, эти фрагменты можно собрать в том и назвать это мемуарами.

В настоящий момент проблема заключается скорее во времени. По завершении проекта по «Современным запискам» мы с Манфредом [Шрубой] затеяли следующий, «Псевдонимы русского зарубежья», которым активно и занимаемся. Кроме того, параллельно у меня идут еще несколько проектов, в том числе грантовые: бунинский том «Литературного наследства», «Сводный каталог периодики русского зарубежья», тома Д. Мирского и Б. Шлёцера, том масонских докладов русского Парижа, томик эпистолярия из архива Ринальдо Кюфферле и ряд более мелких публикаций. Но самое главное, в новоиспеченный Российский научный фонд подано пять заявок, и если он поддержит хотя бы одну-две, больше времени ни на что не останется в ближайшие три года.

Мой питерский издатель уже предлагал мне подготовить эпистолярий Адамовича, и это, конечно, надо сделать, но когда, не знаю. Обычно хорошо подталкивают гранты (там четкие сроки) или соавторство (тогда неудобно долго откладывать). Если бы появился фонд, способный заинтересоваться Адамовичем, дело бы пошло быстрее.

На днях А.И. Рейтблат еще уговаривал подготовить что-нибудь для его мемуарной серии «НЛО», и у меня есть ряд планов на этот счет (Терапиано, Хирьяков, Кондратьев, Татьяна Высоцкая [сестра Г.В. Адамовича], да можно и Адамовича сюда же), но я ему уже ответил примерно в том же духе, что охотно займусь чем угодно в компании или под грант, но в одиночку быстро обещать не могу (может, получится через пятилетку, а может, через две).

Всего наилучшего,
ОК

«И ряд более мелких публикаций…» Прибавить к этому создание всего два года спустя толстого научного журнала «Литературный факт»? Двух новых научных серий — «Библиотеки Литературного наследства» и «Академического Бунина»? Выступления на конференциях, работу в зарубежных архивах, чтение лекций и доцентуру в Институте международных отношений? Составление комментированного собрания сочинений Г. Адамовича в восемнадцати томах? Наконец, службу в Институте мировой литературы? Как такое возможно? И кто он? Химик-биолог, окончивший естественно-географический факультет Новосибирского университета и выросший в шахтерском Прокопьевске? «То есть гуманитарии могут не знать не только, как устроено электричество или гены у человека, а какие-то совершенно банальные вещи: они не понимают, что такое белок, как устроена жизнь человеческая» (из интервью Ивану Толстому 9 июня 2013 года).

При всем своем трезвом научном взгляде на вещи он не мог не понимать, что в его жизнь проникло какое-то волшебство, сила которого вынесла его сначала в Новосибирск, потом в Москву, потом на стажировку в Лос-Анджелес, потом во все главные научные центры планеты — значительно, о, значительно дальше любых вероятий и чаяний, эвристически говоря. Случись в Антарктиде какой-нибудь архив или склад ветхой эмигрантской периодики, он бы и туда отправился в своем «походном» светлом костюме с записной книжечкой в кармане.

В своей неравной схватке со временем внешне неторопливый степенный Олег применял все мыслимые приемы — ничего не делал так, чтобы убить время, для восстановления концентрации переключался на другое задание, строго размечал свои планы не на год-два, а на пятилетку-другую, дав фору времени в шесть-семь ночных часов, принимался за работу ни свет ни заря, стремительно наверстывая отставание. Его труды и дни наглядно утверждали ницшевское «Когда имеешь многое вложить, у дня находятся сотни карманов», и, видя его по утрам сидящим у письменного стола, задолго до

завтрака, в номере нью-йоркской гостиницы, который мы делили летом 2018 года, отправившись в поездку по нескольким американским архивам, я всякий раз отмечал его способность мгновенно уйти с головой в прерванную (пусть на другом континенте и полгода тому назад) работу — в составление комментариев, для завершения которых требовалось вставить только вчера отысканную, наконец, деталь, без которой весь механизм крутиться не будет, в заполнение библиографических лакун, уточнение хронологии, в правку корректур… А потом за простым завтраком в манхэттенском кафе он мог рассказывать какую-нибудь забавную историю из времен «дикого капитализма», когда он был владельцем книжного магазина и редактором нескольких глянцевых журналов, или живо интересоваться сюжетом новой картины, которую не успел посмотреть и название которой быстро записывал среди прочей занятной varia в свою книжечку для будущего (вероятного, маловероятного) просмотра.

Одно такое утро почему-то запомнилось лучше других. Быть может, потому, что в тот день случайно прозвучала та трагическая нота, которая теперь, после оглушительной смерти Олега, наполнилась для меня особым отзвуком. Мы направлялись из гостиницы в Бахметевский архив Колумбийского университета, решив пройти до него от Верхнего Вест-Сайда по Центральному парку пешком, чтобы загодя нагулять аппетит перед целым днем архивной работы.

Накрапывало, полаивали собаки, посвистывали хозяева, спустившие их с поводков, в верхней части Парка, примыкающей к Гарлему, становилось заметно пустынно и неуютно. Говорили «о разном», сравнивали здешнее городское устройство с московским, было душно и далеко, Парк все не кончался, и в возникшей паузе Олег задумчиво и удрученно, как бы суммируя исчерпавший себя обмен мнениями и еще что-то, не упомянутое, но подразумеваемое в разговоре, процитировал Ходасевича: «Все высвистано, пособачено…»

Не знаю почему, хотя так нередко случается в жизни, но эта строчка и особенно эта интонация как-то по-новому, будто совсем впервые, поразили меня. Поразил не собственно смысл, даже не употребленная поэтом глагольная редкость и не сквозняк из эмигрантского прошлого, который и без того всегда ощущаешь в силу профессиональной аберрации восприятия любого западного ландшафта, не напоминание о горькой концовке стихотворения — «Пока не вздрогнет сердце, схвачено / Внезапным треском жалюзи», — не мысль, что «Мир снова оказался наг и убог, человек — мал и слаб» (как О.К. писал в своей статье о Ходасевиче в незапамятном 1992 году).

Они поразили меня потому, что открыли в давно знакомом человеке другое измерение, о существовании которого не догадывался не только я.

А.В. Бакунцев

ЕГО ПОХВАЛА ДОРОГОГО СТОИЛА

О смерти Олега Анатольевича мне сообщил в тот же день, 20 марта, Сергей Николаевич Морозов. Я читал его письмо в электронной почте и не верил глазам. Как, по словам Сергея Николаевича, поначалу не мог поверить этому известию и он, увидев некролог на сайте ИМЛИ.

Впервые я увидел Олега Анатольевича 11 лет назад, в феврале 2009 года, на кафедре литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ. В тот раз я впервые участвовал в большой научной конференции, проводимой на журфаке регулярно («Журналистика в таком-то году»). Секция, на которой я собирался выступить (со своим первым в жизни сообщением о Бунине), была посвящена литературе и журналистике русского зарубежья. До ее начала заведующий кафедрой — профессор Николай Алексеевич Богомолов — разговаривал с каким-то человеком — высоким, худощавым очкариком, державшимся очень (даже как будто нарочито) прямо, отстранённо, замкнуто, казавшимся чопорным и надменным. Таким же он оставался и во время заседания секции. Тогда-то я и услышал впервые его имя: Олег Анатольевич Коростелев.

Затем, по воле судьбы, мы в течение шести лет были «сослуживцами»: в 2011 году меня приняли на работу по совместительству в Дом русского зарубежья (ДРЗ), где Олег Анатольевич заведовал отделом литературы и печатного дела. Может быть, оттого, что я числился в другом отделе — в отделе культуры российского зарубежья, — мы с Олегом Анатольевичем «сталкивались» и «пересекались» в ДРЗ крайне редко. Тем не менее его влияние на мою научную карьеру было гораздо более значительным, чем мне тогда представлялось. Ведь благодаря и его голосу («за» — на заседаниях редколлегии «Ежегодника ДРЗ») увидели свет мои самые крупные (покуда) статьи и публикации — о Бунине и не только.

В первые годы нашего — в сущности, шапочного — знакомства мне казалось, что Олег Анатольевич весьма скептически относится ко мне как исследователю. При наших редких встречах он был немногословен, держался, как всегда, замкнуто и прохладно. Но вот, в 2012 году, я подготовил для очередного выпуска «Ежегодника ДРЗ» подборку хранящихся в Архиве ДРЗ писем таллинского литератора Ю.Д. Шумакова к Л.Ф. Зурову. На заседании редколлегии, посвященном этому выпуску, среди прочего, обсуждалась и подготовленная мною эпистолярная подборка. Моя тогдашняя начальница — завотделом культуры ДРЗ Татьяна Вячеславовна Марченко рассказывала потом, что Коростелев отозвался

о моем материале так: «Письма неинтересные, но комментарий сделан профессионально». Надо ли говорить, как меня — в ту пору еще совсем малоопытного публикатора — удивили и в то же время обрадовали, окрылили эти слова? Ведь они дорогого стоили. В моих глазах (да, наверное, и не только в моих) Олег Анатольевич был настоящим «зубром» в области публикаторства.

Но еще больше он меня удивил и обрадовал, когда пригласил печататься в «Литературном факте». Он уже был замдиректора ИМЛИ, заведующим отделом «Литературного наследства». (Его уход из ДРЗ озадачил и огорчил многих наших общих знакомых и коллег. Но новый пост, несомненно, в большей степени соответствовал масштабу его личности.)

С переходом Олега Анатольевича в ИМЛИ начался новый этап в нашем личном и деловом общении. Взаимоотношения стали более теплыми и доверительными, сотрудничество — более тесным. В 2017–2019 годах я опубликовал в «Литературном факте» четыре статьи, подготовил довольно крупную публикацию для нового бунинского тома «Литнаследства». В 2018 году Олег Анатольевич вошел в состав возглавляемой мною группы для реализации проекта по гранту РФФИ «Подготовка книги “И.А. Бунин. О литературе и революции. Статьи, заметки, рецензии, речи, ответы на вопросы анкет (1911–1953)”».

Во время нечастых встреч мы с ним говорили о вероятности/желательности моего участия и в других проектах, уже не связанных с Буниным; а еще Олег Анатольевич предлагал выпустить в издательстве «Литфакт» какую-нибудь, небольшую по объему книгу. Польщенный этими предложениями, я обещал подумать, но, увы, при жизни Олега Анатольевича воспользоваться ими не успел.

Внешне, особенно, как я уже говорил, при первом впечатлении, он казался очень замкнутым и надменным. Но на самом деле он был очень тонким, трогательным, ранимым, очень чистым и сердечным человеком — пожалуй, одним из лучших среди тех, с кем меня сводила жизнь.

Улыбался он, на моей памяти, нечасто, но очень светло. А если начинал смеяться, то смеялся искренно, заразительно. Не смеялся, а хохотал…

Помню: на научной конференции в Таллине в 2018 году посреди чьего-то доклада вдруг раздались начальные звуки мелодии, которую не спутать ни с какой другой — увертюра к сериалу «Ликвидация»… Обычно в таких случаях на нарушителя академической благовоспитанности если не шикают, то неодобрительно оглядываются. Я тоже обернулся на эти звуки, от которых у меня всегда перехватывает дыхание. Оказалось, что это зазвонил мобильник Олега Анатольевича. И в эту минуту в моем отношении к нему опять произошел некий «сдвиг» — он стал для меня по-человечески как-то ещё ближе и трогательнее: ведь он тоже, как и я,

Москва, Дом русского зарубежья, октябрь 2014.
С Манфредом Шрубой и Марией Васильевой. Фото Ф. Шульмана

любил «Ликвидацию»! И даже, может быть, сильнее, раз поставил себе на телефон музыку из нее…

В последний раз мы с ним виделись в ноябре прошлого года, на конференции в ИМЛИ, посвященной П.М. Бицилли. Я смог прийти только к вечеру, к окончанию докладов. Очевидно, Олег Анатольевич целый день, с самого утра, провел в институте, присутствовал на заседаниях, но, несмотря на это, был бодр и совсем не выглядел усталым. Он попросил меня подыскать рецензента для свежего, только что вышедшего сборника «Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте», и я прямо там же, на конференции, такого человека нашел…

А 4 марта мы с ним списывались в мессенджере — как оказалось, тоже в последний раз. Обсуждали наш грант, план работы группы в нынешнем году, Олег Анатольевич дал мне кое-какие советы и «наводки» насчет того, в каком из «высокорейтинговых» журналов можно было бы напечатать нашу совместную с ним и Сергеем Николаевичем Морозовым статью… Как говорится, ничто не предвещало беды: тон его сообщений был, как обычно, бодр и одновременно спокоен… Не было ни малейших сомнений, что все задуманное осуществится. Но вышло иначе…

А нам еще столько всего предстояло сделать вместе…

Мария Васильева

Короткое лето 2017-го

Впервые с Олегом Коростелевым нас свел литературный факт. Это было еще в 1996 году, во время подготовки тематического номера «Литературного обозрения» об эмигрантском журнале «Числа», где Олег опубликовал статью «Комментарии к “Комментариям”» — конечно, о Георгии Адамовиче. Была потом и совместная работа над архивом Владимира Варшавского, и подготовка комментированного «Незамеченного поколения» (М., 2010), и соавторство в статьях. Был научно-популярный семинар «Русское зарубежье: Неизвестные страницы», который мы вели вместе с Олегом в Доме русского зарубежья с 2013 года. Несколько лет мы вместе работали над проектом «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия» (М., 2019).

Но память настойчиво переводит литературный факт на второй план и прочно помещает самого героя — на первый. Что ни говори, а сам *факт* общения с Олегом Коростелевым был событием, и трудно теперь отделить литературу от контекста, в котором плотно переплетены разные события, темы и сюжеты.

Наше настоящее общение началось далеко не с «Чисел». Как-то мы ехали вместе в аэропорт Шереметьево, чтобы принять участие в женевской конференции «Русские писатели в Париже» (2005). Слово за слово речь зашла о кино. Олег тогда, если не изменяет память, говорил о Тарковском. Потом перешли к современным фильмам, и я упомянула «Унесенные призраками» Хаяо Миядзаки. «Аниме, значит, любите?» — осведомился Олег с деликатной усмешкой. «Шедевр!» — настаивала я. Лицо Коростелева стало непроницаемым, дальше он тему развивать не пожелал, однако достал из кармана блокнотик и сделал помету. Через некоторое время по возвращении из Женевы мы снова пересеклись. «Я посмотрел всего Миядзаки», — с торжествующим видом заявил Олег и победоносно поднял указательный палец. Это было, видимо, «иду на *ты*». Кинематограф Олег, действительно, любил и блестяще знал. Думаю, он решил, что я тоже неплохо разбираюсь в кино и что наши вкусы отчасти совпадают. Во всяком случае, мы одинаково восхищались «Дорогой» Феллини и «Похитителями велосипедов» Де Сика и честно признавались друг другу, что так и не одолели до конца «Матрицу». Благодаря Олегу Коростелеву я открыла целый мир кинематографа девяностых. Эта эпоха мне казалась непоправимо гиблой, я была уверена, что в «переломные годы» одномоментно обрушилось

и захирело всё, что было создано в отечественной культуре, в том числе и в кинематографе. Олег в ответ надиктовал список фильмов и первым делом посоветовал посмотреть «Облако-рай» Николая Досталя. Потом за чашкой чая мы наперебой цитировали оттуда реплики: «Если б ты зонтик купил, мы бы уже давно знали», «Не во времени дело, а в пространстве», «Ты погуляй, обомни сарафан-то», «И вот на всем этом белом свете сидит наш Коля»… Меня всегда поражал талант Олега точно передавать интонации актеров. Дар перевоплощения, тонкий юмор, способность мгновенно растаять от живой беседы и располагающей обстановки мне казались неким парадоксом Олега Коростелева, обратной стороной его «фирменной» непроницаемости. «Предчувствие возможности содружества и братства», — так писал о Георгии Адамовиче Владимир Варшавский. Что-то похожее было и в беседах с Олегом. Это спонтанное «иду на *ты*» я ценю в общении с Коростелевым не меньше, чем нашу деловую переписку и дискуссии вокруг издания Владимира Варшавского, соавторство в журналах и совместное участие в международных научных проектах.

Пожалуй, самым большим парадоксом стал для меня кратковременный парижский сюжет 2017-го. Мне довелось бывать не раз в рабочих поездках с Олегом: около двух недель мы провели в Италии, где участвовали в конференции, посвященной эмигрантской периодике (2013), а заодно смогли побродить по Флоренции, Пизе и Риму; вместе довелось быть в Петербурге, Таллинне, Женеве и Монтрё — сильные впечатления, которые прочно осели в памяти основательным фундаментом. На их фоне спонтанная трехдневная поездка в Париж представляется мне чем-то «из ряда вон». Я до сих пор не могу понять, как Олег Анатольевич, график которого был расписан на много лет вперед, мог пойти на такую авантюру. Между тем решение ехать в Париж было принято молниеносно: мы безотлагательно купили посильные по цене билеты с пересадкой в Кишиневе и забронировали недорогую, но идеальную для навигации по городу гостиницу. Всё это происходило слаженно, словно «по щелчку». Наверное, почитатели Адамовича и приверженцы Парижской ноты назвали бы происходящее сговором «о самом главном». Идея пройтись по легендарным монпарнасским местам, сверить их «де визу» с архивными документами и мемуарами, свести адресные точки воедино в одну логическую картину и запечатлеть на фотокамеру была поддержана Олегом безоговорочно. Теперь я понимаю, какой это был подарок судьбы. Утром 23 августа в Париж направилась мобильная команда из трех человек — Олег, я и наша коллега, фотограф Светлана Урбан. А вечером 26-го мы были уже в Москве. Потом из этого трехдневного опыта была создана интерактивная карта «Русский Монпарнас» для одноименной выставки, а со временем стал прорастать фундаментальный проект, который мы обсуждали с Олегом в феврале 2020-го и собирались претворить в жизнь.

Удивительная вещь — краткие поездки. Они напоминают чем-то комету, которая пролетает в мгновение ока, но оставляет за собой яркий след. Вот

и этот трехдневный вояж продолжает тянуть за собой длинный, ошеломительный шлейф воспоминаний. И сравнить даже не с чем. Мы со Светланой сразу поняли, что без Олега не справились бы априори. Просто потерялись бы в большом городе, наводненном тогда толпами мигрантов. Нестыковки у меня начались сразу по прибытии в Париж. Мы долго бродили вокруг стадиона в поисках остановки нужного автобуса, который я выискала в Интернете. Остановки не было. Я хлопала крыльями, размахивала расписанием автобусных рейсов («я же всё просчитала»), донимала прохожих. Олег терпеливо наблюдал за мной где-то с полчаса. Потом решительно остановил такси, погрузил нас со Светой в машину, и через 20 минут наша троица была в отеле. В тот же день после обеда в «Ротонде» мы штурмовали Монпарнас.

Утром следующего дня Олег ждал нас на рецепции. «Я просчитал все траектории», — сказал он, победоносно подняв палец. После моего провала мы доверились этим траекториям беспрекословно. Я называла адрес, Олег выстраивал маршрут, и мы неслись по улицам Парижа, за нами, щелкая затвором, летела Света. Я до сих пор не понимаю, как мы смогли столько успеть — так просто и не «на износ». Квадрат за квадратом мы осваивали русскую топографию бульваров Монпарнас, Распай и Пор-Рояль и прилегающих к ним улиц и переулков, провели немало времени на Кладбище Монпарнас, потом оказались в Латинском квартале и «пробили» кучу адресов вокруг площади Сен-Мишель. Освоили часть Правого берега. На следующий день поехали на метро, чтобы зафиксировать Ля Руш, здание Введенской церкви на Рю Оливье де Серр и дом, где находилась редакция журнала «Числа». Всего около сорока адресов. Легко. При этом мы нередко плутали в поисках какого-нибудь дома, то и дело оседали в легендарных монпарнасских кафе, жадно впитывая их атмосферу, вдоволь болтали, в том числе и о нашем любимом кино, травили анекдоты, валяли дурака. В Париже в те дни часто шли короткие ливни, и тогда мы снова оседали в кафе за чашкой кофе. И потом снова штурмовали город. «Мы были за Олегом Анатольевичем как за каменной стеной», — напишет мне после поездки Света Урбан. Точно. И еще мы чувствовали себя рядом с Олегом Коростелевым первооткрывателями, которые способны перевернуть мир, потому что рядом — точка опоры.

По возвращении в Москву я вскоре получила от Светы Урбан по электронной почте увесистые папки с фотографиями. Я и сейчас рассматриваю их с восхищением. Париж на этих фотоснимках предстает через «двойную» оптику, когда взгляд блестящего исследователя подхватывает и продолжает талантливый фотограф. Невероятный симбиоз. Кроме многочисленных видов улиц и домов там, кончено, есть и мы с Олегом. Я думаю, это лучшие фотографии Олега Коростелева. Почти в каждом из парижских снимков пролетает отсвет нашего общего настроя, радости, сговора «о самом главном».

Вот Олег победоносно поднимает руку на фоне адреса *280, bd Raspail* — в этом здании в 1920-м обосновался Парижский комитет помощи русским писателям и ученым, именно сюда по прибытии в Париж в апреле 1924 года направились в поисках жилья Берберова и Ходасевич, а вечером того же дня при поддержке Комитета сняли комнату неподалеку по адресу *207, bd Raspail*.

Вот Олег позирует во дворе адреса *21, avenue du Maine*, где мы оказались сразу после очередного ливня. Удивительное место: ни души, мокрая листва сияет на солнце. Над нами нависает Башня Монпарнас, старый парижский дворик окружает агрессивный хайтек Авеню дю Мэн. А здесь время словно остановилось — художественные мастерские, стеклянные террасы, все увито виноградом, круглый деревянный стол стоит прямо под деревом в окружении венских стульев… В начале 1912-го художница Мария Васильева основала здесь «Свободную академию». Здесь же прошла первая парижская персональная выставка Марка Шагала, сюда часто приходили Жорж Брак, Анри Матисс, Фернан Леже, Пабло Пикассо, Амедео Модильяни, Хаим Сутин…

Вот Олег в кафе Клозери де Лила (*171, bd du Montparnasse*) — собранный, подтянутый, очень похож на

Георгия Адамовича. Замечательный фотоснимок. Столик, за которым сидит Олег, — весьма примечательный, с медными табличками «Аполлинер» и «Троцкий». В конце 1920-х в этом кафе стала собираться только что созданная литературная группа «Перекресток».

На одной из фотографий Олег на бульваре Распай, напротив гостиницы «Лютеция». Здесь в межвоенные годы проходили легендарные благотворительные балы прессы. Эти пышные собрания весьма остроумно описала потом Нина Берберова в «Курсиве…». Олег сечас в образе — разводит руки, словно хочет сказать: «Гляньте, какая вокруг красота!» Красоты, прямо скажем, немного — «Лютеция» в 2017-м была закрыта на реконструкцию и целиком обросла строительными лесами и кранами. А вот Олег Коростелев смотрится на фоне сквера Бусико очень даже неплохо…

А на этом фото Олег в парадной Зала Научных обществ (*8, rue Danton*). Русские эмигранты облюбовали дом еще задолго до революции, а в межвоенные годы здесь выступали Иван Бунин, Дмитрий Мережковский, Константин Бальмонт, проходили вечера «Перекрестка» и «Чисел», «Современных записок» и «Зеленой лампы». Олег стоит напротив двух зеркал, которые, «взаимно искажая отраженья», создают тот самый магический коридор («игра ума, игра воображенья») — он словно уходит в бесконечность.

16 марта этого года мы довольно долго общались по телефону. Идея продолжить наши топографические разыскания нас вдохновляла. Судя по всему, Олег решил, что тогда, в Париже, мы прекрасно сработались и у нас всё получится и впредь. Это очень укрепляло мою веру в замысел интерактивной карты. Олег с радостью поддерживал проекты, в успех которых твердо верил. Это был закон «обратной силы». Проекты, в которых участвовал Олег, были обречены на успех.

Мы тогда говорили о разном — было еще немало вопросов, которые требовали каких-то активных совместных действий. Подготовка сборника по материалам конференции к 140-летию П.М. Бицилли — из их числа. В середине разговора Олег стал отвечать односложно. Видимо, он раздумывал, соизмерял свои силы. Сказал, что ложится в больницу и будет отсутствовать где-то месяц, а пока попросил меня разослать участникам конференции новое циркулярное письмо. 20-го марта Олега Коростелева не стало. Этот факт трудно осмыслить и принять. Мне до сих пор кажется, что мы не договорили о чем-то «самом главном».

Фото Светланы Урбан. (Париж, август 2017)

Татьяна Двинятина

* * *

Олега Коростелева я впервые увидела году в 2002-м, летом, на крыльце Рукописного отдела Пушкинского Дома. Они с Татьяной Борисовной Притыкиной, оба редакторы «Диаспоры», пришли уточнить какие-то сведения по архивным материалам, о них мы и говорили. Но Олег в тот раз больше молчал — у него вообще была эта удивительная особенность: долго молчать и потом моментально включаться, как только речь заходила о конкретных проектах, публикациях, комментарии… Всерьез наша общая работа началась в 2013 году, когда для бунинского тома «Литературного наследства» готовилась семейная переписка И. А. и В. Н. Буниных (769 писем за 1906–1947 годы). В самый глухой, тяжкий момент, когда работа казалась неподъемной, Олег сам, без просьб со стороны взял на себя комментирование наиболее сложных ее фрагментов. Подготовленный им тогда материал стал надежной базой для дальнейшего труда, и он был завершен, и вышел, — вклад Олега в него огромный.

В первый день утраты образ человека собирается, может быть, так ясно, как никогда прежде. В день его ухода прежде всего стала отчетливо видна рыцарственность Олега. Несгибаемая и невозмутимая, деловая и веселая одновременно, она превращала сотрудничество с ним в радость и внушала уверенность. Рядом с ним было нестрашно, и самые сумасшедшие, кропотливые, тяжеловесные проекты казались возможными и посильными. Он был опорой и стержнем, и пропуская работу через его руки, можно было быть спокойным, что она состоялась настолько полно, насколько это мыслимо сегодня. Завтра у нас такого критерия не будет.

Мы виделись на конференциях и «круглых столах» — и в Москве, и в Вене, и — что, конечно, наиболее памятно, — в Лидсе, летом 2016 года. Тогда благодаря любезному приглашению хранителя Русского архива и Бунинской коллекции Ричарда Дэвиса мы оказались в Лидсе вчетвером: О.А. Коростелев, С. Н. Морозов, Е. Р. Пономарев и я. За месяц была проделана без преувеличения колоссальная работа, которая заложила основу всем нашим будущим бунинским публикациям и продолжилась подготовкой бунинских книг «Литературного наследства», проектом «Академический Бунин», текстологическими штудиями и масштабными планами на будущее... Но живя в Лидсе бок о бок, мы говорили, конечно, не только об архивных материалах. Отвлекаясь от них, Олег чаще всего (так, по крайней мере, помнится) говорил о кино. Мгновенно вспыхивал, когда речь заходила о том или ином фильме. По его настоянию тогда же мы смотрели «Новый кинотеатр “Парадизо”» Джузеппе Торнаторе, непременно полную, режиссерскую версию — она здорово отличается от укороченной, конкурсной…

Так хотелось бы, чтобы и жизнь была полной, режиссерской версией, чтобы не было в ней таких сокращений и обрывов, которые настигли всех, знавших Олега, утром 20 марта 2020 года…В конкурсной программе он, несомненно, победил, но в режиссерской версии был иной, более глубокий и светлый смысл…

Михаил Ефимов

Помощной зверь

Умер Олег. И незачем еще раз — про безвременность и про «как-же-так».

«Как же так?» Да *вот так*.

Разве что добавить: *так*, собственно, только и происходит. С Галушкиным — *так*. С Коростелевым — *так*.

«Вот тебе и “Литературное наследство”…» «Перекидной календарь некрологов».

И, пожалуй, не нужно *со слезой*: «покойник этого не любил».

Года два назад Олег написал мне: «У меня планов, кажется, слишком много, чтобы успеть воплотить хотя бы малую часть, но все остальное и вовсе не имеет никакого значения».

Это, конечно, не о трудолюбии Олега, воистину легендарном. Это о том, что только *дело* имеет значение.

Только — дело.

И не *желание сделать* дело, а — сделанное. В этом Олег разительно отличался от большинства окружающих, у которых всегда есть время верить в какое-то будущее, в котором они *успеют*.

Теперь, когда Олег умер, трудно не понять, отчего он так торопился.

Это, кажется, из Торо: «Мало что вы трудолюбивы! Над чем вы трудитесь?»

Олегу было над чем.

Он был не просто собирателем минувшего. Он был его сохранителем. Он это сохраненное передавал тем, кто идет вслед за ним.

В этом *уже бывшем* он — во многом — был первооткрывателем. Потому в нем был азарт и охотника, и добытчика, и завоевателя. Добыча того стоила. И добычи было с избытком. И постоянный мотив Олега — вариации на тему «жатвы много, а делателей мало».

Олег, при соблюдении всех академических конвенций, не был академическим ученым. И дело тут не в темпераменте (он-то, в известном смысле, как раз подходил).

Олег занимался тем и теми, кто в эту «академическую» и «ученую» рубрики просто не помещались и, по правде сказать, в ней и не нуждались.

Георгий Адамович — это что? это чем, какими инструментами, уловлять? Как только Адамовича начинаешь формализовывать, он сразу превращается в кучку пепла. А что там горело? «Академически» этого не видать (как ни жаль, для кого-то).

И это ведь не с одним Адамовичем так. Олега и вообще тянуло к не-академистам, смешивающим жанры и нарушающим условности — тому же Мирскому, тому же Маркову.

Быть может, именно поэтому Олег исходил из принципа: «*Они* сами по себе — важнее всего того, что мы напишем о них».

И в этом было признание, мужественное и редкое, всей коренной разницы между *ними* — и нами.

Они — важнее нас и нашего. Потому лучшее, что мы можем сделать, помочь им — жить в читателях.

И Олег был, стал для них — и для тех, давно умерших эмигрантов, и для их читателей — помощным зверем.

Олег однажды написал об этом — в предисловии к своей единственной книге: о смирении, необходимом публикатору и комментатору. Он, публикующий, всегда лишь «технический второй». Да, без него и его труда не было бы и вот этой книги «первого», но смысл все же — именно в «первом».

Олег вернул русским читателям и многих «первых» эмигрантов, и тех, кого — по малой осведомленности — до сих пор зовут «вторым рядом».

Они теперь живы. Опять живы. Их — будем надеяться — не забудут опять, и не понадобится еще раз открывать эти русские Парижи, и те русские Америки.

Когда в нашем довольно долгом общении наступила та фаза, когда в свои права вступили — у каждого свои — медицинские новости, Олег мне написал: «… а ничего, кроме работы, и не предложить».

Ни ему, ни мне, ни нам.

Олегу досталась смерть внезапная. Олег, думаю, всегда помнил, как закончил свою жизнь В. Аллой, передавший эстафету именно Олегу.

Олег отдавал себе отчет в хрупкости этого «предполагаем жить».

Лучшее, что мы можем сделать для имени и памяти Олега, это продолжать *его, наше* дело, пока для этого есть силы и вера, которая была у Олега: вера в то, что это необходимо.

С.Н. Морозов

Хороший незаменимый человек

Как-то странно писать воспоминания о человеке, которого совсем недавно видел, жал руку, беседовал о делах и планах… И вдруг его уже нет с нами… Когда я узнал эту страшную новость, я не мог поверить, перечитывая много раз скорбное сообщение на сайте ИМЛИ РАН, как будто я читал о ком-то другом. И сейчас мне трудно поверить в случившееся. Для меня Олег Анатольевич остался живым.

Впервые мы встретились довольно давно, в Институте мировой литературы РАН на одном из заседаний Сектора литературы русского зарубежья, возглавляемого О.Н. Михайловым. Олег Анатольевич был приглашен на это заседание для обсуждения его статьи о Г.В. Адамовиче, заказанной ему для коллективного труда «Литература русского зарубежья». Это было, кажется, в 1994-м или 1995 г. В то время он преподавал в Литературном институте им. А.М. Горького. Статья, конечно, была принята. Уже тогда Г.В. Адамович был одним из главных героев в жизни Олега Анатольевича среди многих других писателей и критиков русского зарубежья, творчеством которых он занимался.

Дальнейшие наши встречи были редки и случайны: на конференциях, круглых столах, презентациях. В начале 2000-х Олег Анатольевич пришел на работу в ИМЛИ РАН, с 2015 г. он стал заведующим отделом «Литературное наследство». Именно с этого времени наше научное сотрудничество становится наиболее тесным и насыщенным. Незадолго до этого уже обсуждались планы подготовки нового Бунинского тома «Литнаследства». Эта идея затрагивалась в разговорах со мной еще А.Ю. Галушкиным, после безвременной кончины которого Олег Анатольевич буквально подхватил не только этот проект, но и весь огромный массив планов этого легендарного отдела ИМЛИ РАН, активизировал работу над очередными томами, в результате чего стали регулярно выходить новые книги серии.

Мы с Олегом Анатольевичем начали обсуждать структуру будущего Бунинского тома «Литературного наследства», состав материалов, которые следует в нем опубликовать в первую очередь, тип научного комментария и многое другое. В этом обсуждении нам очень помогал заведующий Русским архивом в Лидсе (Великобритания) Ричард Дэвис, с которым мы состояли в постоянной переписке. В итоге был составлен план нового Бунинского тома в четырех книгах. Даже по этому плану было видно, сколько еще неизвестных материалов И.А. Бунина ждут исследования и научной публикации. Однако для этого необходимо было прежде всего исследовать «парижский архив» Буниных.

Благодаря отзывчивости и любезности Р. Дэвиса, который организовал коллективную рабочую поездку в Лидс, нам удалось познакомиться с эмигрантским архивом И.А. Бунина. Эта поездка состоялась летом 2016 г. В Русском архиве в Лидсе наша группа (О.А. Коростелев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев и автор этих строк) работала почти месяц. Бунинский архив очень большой и разнообразный, но нам удалось, опять-таки с постоянной и всесторонней помощью Р. Дэвиса, познакомиться с необходимыми материалами этого уникального собрания для дальнейшей работы над новым Бунинским томом «Литературного наследства», для продолжения моей работы над «Летописью жизни и творчества И.А. Бунина» эмигрантского периода и собрать материал для научного комментария к публикуемым документам.

На огромных столах читального зала постепенно появлялись архивные материалы И.А. и В.Н. Буниных. Мы распределили различные виды работы между собой и полностью погрузились в исследование этого огромного массива рукописей, писем, фотографий, газетных вырезок, бунинских помет на книгах и других материалов. Иногда подходили друг к другу, чтобы о чем-то посоветоваться или показать особенно удивившую деталь в документе. Иногда собирали консилиум, чтобы прочесть зачеркнутое слово в автографе или посоветоваться о том, кто запечатлен на фотографии.

Помню, как-то вечером, уже заканчивая работу в читальном зале, Олег Анатольевич, занимавшийся изучением фотографий в архиве Буниных, откинулся на спинку стула и с сияющей улыбкой сказал мне:

– Здесь изобразительного материала хватит на все книги Бунинских томов «Литературного наследства»!

Мы были очень рады, что собрались все вместе и имеем возможность работать с уникальными документами эмигрантского архива Буниных. Эти материалы открывали нам многочисленные и очень важные сведения, детали, какие-то мелочи. Всё это было чрезвычайно важно для понимания личности И.А. Бунина, его творчества, его жизни, его окружения.

В Лидсе мы жили в одном доме в квартирах, предназначенных для приезжающих педагогов Лидсского университета. Мы с Олегом Анатольевичем жили в одной двухэтажной квартире. По вечерам за ужином все часто собирались у нас на первом этаже в гостиной. На этих вечерних «заседаниях» обсуждались научные планы, идеи, появлялись сюжеты для новых исследований и публикаций; было место и непринужденным разговорам на самые разные темы: история, культура, кино. Были и шутки, и анекдоты, которых Олег Анатольевич знал много. Его заразительный смех и шутки помогали в нашей напряженной работе. Засиживались иногда допоздна. Во время таких вечерних «собраний» появлялись идеи новых проектов для подачи заявок на грант в научные фонды, тут же ночью писались тексты этих заявок.

В выходные дни, когда архив был закрыт, мы всей группой путешествовали — Лондон, Линкольн, Йорк, Ливерпуль… С большим интересом осматривали и исторические музеи, и картинные галереи.

Многие отмечают некоторую закрытость и даже надменность Олега Анатольевича. Однако это было обманчивое впечатление. Хочется сказать очень коротко: Олег Анатольевич был хорошим и отзывчивым человеком. На моей памяти немало случаев, подтверждающих это. Он всегда приходил на помощь, умел успокоить, поддержать, объяснить, научить.

Как-то надо было срочно вносить правку в верстку выходящей книги, но не на бумаге, как я привык, а в компьютере, прямо в PDF. Обсуждая этот вопрос в кабинете у Олега Анатольевича, я откровенно признался, что не умею этого делать. Олег Анатольевич совершенно спокойно повернулся к своему рабочему компьютеру и быстро научил меня и наглядно показал, как пользоваться этой очень удобной программой. В другой раз мне надо было заказать такси, чтобы увезти из института авторские экземпляры книги, а известный мне телефон такси не отвечал. Олег Анатольевич вынул свой смартфон, вызвал мне такси, и добавил: «Платить не надо, проезд уже оплачен через мою карту». Конечно, позднее стоимость проезда я вернул Олегу Анатольевичу. Хочется подчеркнуть, что всё это делалось им непринужденно, спокойно, как само собой разумеющееся.

При всей своей кажущейся замкнутости, это был жизнелюбивый, активный, пытливый, интересующийся очень многим, открытый человек. Помню, на одной из презентаций в Доме русского зарубежья Олег Анатольевич прямо со сцены объявил, что он готов предоставить все собранные им материалы очередных томов нового Собрания сочинений Г. Адамовича, чтобы совместно их закончить для издания, т.к. у него не хватает времени. Но… отклика из зала не последовало. Олег Анатольевич мне не раз сокрушенно говорил:

— Материалов много, очень много, рук не хватает. Ведь мы всех знаем, кто мог бы это сделать, но нас очень мало и все заняты. Если Вы знаете кого-то стоящего, скажите мне обязательно.

И тут же начинал говорить о новых планах, идеях, сюжетах.

Один из последних проектов Олега Анатольевича — новая научная серия книг «Академический Бунин». Совместно был разработан план-проспект серии, два первых выпуска которой вышли недавно в свет при участии Олега Анатольевича.

Меня всегда поражала его работоспособность. Олег Анатольевич не только рассуждал о всевозможных проектах, он давал идеи этих проектов и очень часто сам их реализовывал. Хочу подчеркнуть, что реализовывал он их прекрасно.

У Олега Анатольевича были и замечательные организаторские способности. Он умел подбирать людей, создавать небольшие коллективы, чтобы реализовывать те или иные научные проекты. Да, нам сейчас очень горько

думать, сколько Олег Анатольевич не успел сделать. Но когда просматриваешь его библиографию, то поражаешься, сколько он все-таки успел — и всего за последние 20 лет — наиболее активный и насыщенный период его научно-исследовательской деятельности. Он был профессиональным комментатором архивных документов, историком литературы русского зарубежья, библиографом, но также он был и замечательным редактором. Масштабам его эрудиции мне всегда приходилось только удивляться. Совершенно справедливо говорили коллеги, что О.А. Коростелев — это человек-институт, в прямом смысле — незаменимый человек.

Еще хотелось бы сказать о том, что Олег Анатольевич был книжником, он очень любил книгу, собрал не одну библиотеку, трепетно относился к подготовке каждой книги, ее редактуре, корректуре, ее оформлению (внутреннему и внешнему). Полный редакционно-издательский процесс мы прошли с ним вместе при подготовке к печати 1-й книги 110-го тома «Литнаследства» «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования». И мне пришлось еще раз убедиться, с каким высоким профессионализмом, тщательностью и скрупулезностью всё делал Олег Анатольевич, вникая в каждую мелочь, многократно обсуждая важные детали и нюансы книги. Хочется отметить тактичность Олега Анатольевича. Он всегда умел вести обсуждение в спокойном русле, даже если мы о чем-то спорили. Когда надо было решить какой-то вопрос, он не указывал, а мы советовались друг с другом и в итоге приходили к согласованному решению.

Последний раз мы мельком увиделись в институте 12 марта, кратко поговорили о насущных делах. Последнее письмо от него я получил 14 марта, это был сжатый и точный ответ на мой вопрос об одном псевдониме.

Не хочется говорить никаких громких слов, как это никогда не делал и Олег Анатольевич, а надо теперь нам всем спокойно, сосредоточенно, методично и целенаправленно продолжать работать. Надо закончить начатое и продолжить осуществлять задуманное. Для фундаментальной науки и в память настоящего ученого и хорошего человека — Олега Анатольевича Коростелева.

Е.Р. Пономарев

Олег Анатольевич Коростелев

Он пришел в академическую историю литературы, имея за плечами немалый журналистский опыт, учебу и работу в Литинституте. Известно, что думают в академических кругах о такого рода кадрах — «легкость в мыслях необыкновенная». И чаще всего не ошибаются. Но в случае Олега Коростелева это было в корне неверно. И академические круги быстро признали его своим.

От журналистики он унаследовал стремление к точности факта (и название «Литературный факт» появилось не от любви к Тынянову и русскому формализму — все это он как раз не любил, — а от журналистского уважения к факту как таковому), невероятную работоспособность (умение писать когда надо и сколько надо) и профессиональную меткость глаза (просматривая архивные материалы, он уже видел новые публикации, мысленно распределяя документы по группам и рубрикам).

Олег Коростелев стал идеальным типом классического публикатора. Желание опубликовать все то, что есть неопубликованного в архивах, иногда вызывает иронию, но приходится признать: именно оно движет вперед филологическую науку. К примеру, это утопическое стремление неожиданно дает ответы на историко-литературные вопросы, которые ранее казались неразрешимыми. Олег Анатольевич за свою не слишком долгую публикаторскую карьеру — чуть более 25 лет (формально библиография его литературоведческих работ начинается с 1991 года, первая републикация статьи из эмигрантской периодики датируется 1993-м, этим же годом датируется первая публикация неизданных текстов — четырех писем Бунина) — издал множество писем и документов, чуть менее художественных произведений и разного рода литературных памятников. В середине декабря 2019 года мы вдвоем работали в архиве Иллинойского университета; по пути из архива в гостиницу обсуждали замыслы публикаций, которые только что родились в уме и по Бунинскому проекту, и по его проекту, связанному с творчеством Мережковского и Гиппиус. Он просто сыпал идеями. Прожектов у него всегда было много больше, чем осуществленных замыслов, но и количество осуществленных за четверть века проектов поражает. От небольших публикаций в составе сборников он перешел к отдельным книгам, от книг — к изданиям в нескольких томах. В последнее десятилетие он мыслил уже книжными сериями. Так работает не исследователь, а научный институт.

Его мастерство комментатора оттачивалось годами. Если в начале 2000-х он еще мог позволить себе опубликовать мемуары Романа Гуля с минимальными примечаниями, дав вместо комментария персоналий развернутый указатель имен с большими лакунами (это решение, думаю, продиктовала его страсть публикатора — стремление напечатать в России этот важный текст, не тратя времени на требующийся огромный комментарий), то в последние десять лет (годы интенсивной работы Бунинской группы) его комментарии поражали лаконичной полнотой. Никто другой не мог поправить чужой комментарий так, как он, — исчерпывающе точно. Расскажу лишь один случай. Готовя к печати шуточное стихотворение Бунина (И.А. Бунин. Новые материалы. Выпуск 2 / Сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. М., 2010), я запнулся на фразе «Даже “наш Вышинский”, Сирин, / Колчаковское дитя». Почему Владимир Набоков (Сирин) — «наш Вышинский» и «Колчаковское дитя», я никак понять не мог. Олег Анатольевич разрешил мое сомнение в первой же редактуре: «Это другой Сирин, фамилия настоящая, — написал он мне. — Только служил он не у Колчака, а у Деникина». И все стало на свои места. Его знание русской эмиграции (не только литературной) — имен, биографий, взаимоотношений, включая самые мелкие подробности — по-настоящему удивляло.

Обычно публикаторы от Бога скептически смотрят на исследования в области поэтики. Олег Анатольевич тоже поэтикой не баловался: это была сфера для него темная. Слишком субъективная, без «сухого остатка». Однако в отличие от нескольких других известных мне «архивных юношей» разного возраста, рассуждения о поэтике слушал внимательно и доклады о поэтике (как доклады «ни о чем») не осуждал. Мою монографию о поэтике Бунина Коростелев без тени сомнения включил в план серии «Академический Бунин». А в Иллинойсе за ланчем я вдруг услышал от него серьезные рассуждения о поэтике Зинаиды Гиппиус, основанные на статистическом анализе лексики. Статистика была не его, а выводы по поэтике — похоже, его собственными.

И вообще — не был он сух и замкнут, как положено публикаторам. Первые наши встречи, еще в 2000-е, обычно случались на метро «Сокол». Он выходил из редакции журнала XXL на бизнес-ланч, мы пили пиво и обедали в каком-то кабачке, обсуждая не только бунинские публикации, но и захватывающие сюжеты из истории эмиграции, на основе которых можно было писать авантюрные романы. По-настоящему сдружились мы с ним лишь в последние годы во время архивных командировок (в Париже в 2017 году почти не расставались две недели: жили в отеле «Истриа» в соседних номерах, разговаривали вечера напролет, либо гуляя по Монпарнасу, либо сидя у него или у меня; в 2018 году целый месяц провели вдвоем в Америке — первые полторы недели в приятной компании Андрея Бабикова; в декабре

прошлого года в последний раз — десять дней жили рядышком в Чикаго и Урбана-Шампейн, не расставаясь с завтрака до ужина). Пожалуй, первой поездкой такого рода, когда Олег Анатольевич стал раскрываться не только в профессиональном плане, был месяц в Англии в 2016 году, организованный Ричардом Дэвисом для четверых буниноведов. Мы жили в соседних квартирах на кампусе Лидского университета — Коростелев, С.Н. Морозов, Т.М. Двинятина и автор этих строк. Вечерами вместе ужинали, обсуждали кино, литературу, музыку и все на свете. Тогда же составили первый большой грантовый проект по Бунину. Олег Анатольевич был душой компании. Он цитировал песни Высоцкого и советские фильмы, показывал неизвестные нам выпуски «Фитиля», обсуждал современное кино (особенно любил сериалы), а в Национальной галерее Лондона оказалось, что живопись Возрождения ему тоже хорошо знакома. Только в театр я никогда не мог его затащить. В Парижскую оперу и на Чикагский филармонический оркестр ходил один, он оставался дома. Последний раз сказал: если бы исполняли Мусоргского, я бы пошел. Так и не узнаю теперь: это отговорка или какая-то особая любовь к автору «Хованщины». Он и в кино, и в живописи по-настоящему ценил очень немногие вещи.

Коростелев был очень веселый человек — остроумец, любивший не только свои, но и чужие шутки и помнивший столько анекдотов и прибауток, что рассказывать ему новый анекдот надо было с осторожностью: в половине случаев он его уже знал. Он замечательно вкусно сквернословил — напоминая в этом плане Бунина. А как он ярко и зло ругался в Шереметьево, обнаружив, что на чемодане сломан замок (нам объяснили, что причина — бдительность нью-йоркских спецслужб)! Он много рассказывал о сибирской юности — и каждый раз очень смешно. Его приятели по Новосибирску, которых я никогда не видел, надежно вошли в наш круг общения. В Париже больше всего любил рестораны, а в Америке повторял, что время обеда — святое. Он действительно знал толк в еде — лишь в самое последнее время ему вдруг все стало нельзя. Хотя еще в декабре он делал исключения: в Чикаго мы нашли место, где изумительно готовили мясо. А о выпивке в последние годы повторял: «Я ушел из большого спорта». Я недавно пошутил, что Коростелев сначала бросил пить, а теперь бросил есть. Ему, кажется, понравилось. Кто ж знал, что все так быстро и глупо закончится! Никто, наверное, включая его самого.

Он очень любил жизнь и умел жить. Таким мы его и запомним — никогда не унывающим человеком, знатоком эмиграции, ярким лектором и докладчиком, неустанным сочинителем научных проектов, блестящим собеседником, в доску своим парнем.

С.Р. Федякин

ПАМЯТИ ОЛЕГА КОРОСТЕЛЕВА

В первый раз я его увидел в 1989-м, на кафедре в Литинституте. Высокий, худощавый, в сером костюме. Соломенные волосы (тогда — длинные). Оба мы были «начинающие преподаватели». Вместе вели семинары по литературе русского зарубежья (лекции по этому курсу читал он), «пересекались» и на семинарах по современке. Помню его фразу (мы были едва-едва знакомы) в коридоре верхнего этажа основного корпуса:

— Взять кого-нибудь из них, — имелись в виду пока ещё мало известные, но интересные авторы русского зарубежья, — и заняться по-настоящему!

Он занимался Георгием Адамовичем во всех его ипостасях, я «выкапывал» из периодики Николая Бахтина и Константина Мочульского.

Общение наше началось и шло под знаком «просветительства». Когда-то восхитили нас писатели русского Парижа, русского Берлина, их издания. Хотелось познакомить с ними всех. Особенно заметна была наша общая привязанность к парижскому «Звену». Оттуда извлекали мы не только Адамовича, Бахтина, Мочульского, но и Бицилли, «раннего» Вейдле, Святополка-Мирского... и даже менее заметные имена, вроде Григория Лозинского (брата знаменитого переводчика), читали с особым «звеновским» интересом. У Олега было множество папок с газетными ксероксами, у меня компьютер. Когда компьютер появился и у него, я уже обзавелся сканером. Отдельные страницы из его ксероксов (частью и моих, но их было меньше) потом будут превращаться в републикации — в «Независимой газете», в «Дружбе народов», в «Литературоведческом журнале», в «Лепте», в «Русской речи»: избранные страницы полемики Ходасевича с Адамовичем, Адамович о Набокове (Сирине), Адамович о Георгии Иванове, Мочульский о Ремизове, эссе Николая Бахтина… Работали мы — то каждый со своими авторами, то вместе. Олег был «аккуратист», папки с материалами (а после — файлы на компьютере) всегда держал в образцовом порядке, библиографию вел исправно. Если её пролистать — такого рода перепечаток наберется немало.

В начале 1990-х он обитал в общежитии. Как-то раз показывал свои «драгоценности»: книги лежали штабелями. Вот двухтомник Бойда о Набокове на английском (одно время он очень увлекся столь важным противником Адамовича), вот — Святополк-Мирский, и на русском, и на английском. Интерес к Мирскому явно нарастал: Вейдле, Мочульский, даже Бахтин — они как-то «коррелировали» с Адамовичем. Мирский в эмигрантские годы был не только блестящим стилистом, он был — в глубинных своих интуициях — другой. И всё же Георгий Викторович был пока для него в центре:

— Адамович чем хорош? Изучая его — узнаешь всё русское зарубежье. Да и советскую литературу 1920–1930-х.

О современной литературе говорили тоже. Тут мы совпадали редко. Его восхищал своей бойкостью и нахальством Лимонов, изобретательностью (тогда она была заметна) — Пелевин, своим «стилизмом» Владимир Сорокин. Их упоминая, Олег произносил свои спичи так, будто со многими из них был на короткой ноге. Не верил в политические пристрастия Лимонова: «Лимон? Да ему наплевать!» Слегка морщился от «просто Марии» в пелевинском «Чапаеве», но тут же восхищался беседой бомжей: нечто философское языком «дна». Сорокин был для него наглядным доказательством, что литература себя окончательно исчерпала. Восклицание «сволочь» было у него выражением высшей похвалы. Читал реплику пелевинского Чапаева — и: «Как сделал, сволочь!» Убеждал, что Сорокин — совсем не то, что я о нем думаю, — и: «Он пишет любым стилем. Показал, что писать как Тургенев, как писали в 19 веке, — уже нельзя, что писать, как в 20-е или 30-е, — уже нельзя. Вот сволочь!» Однажды вдруг высказал соображение: «А давай сделаем диалоги о современной литературе. Писать — неинтересно, а потрепаться…»

Октябрь 1993-го принес комендантский час. Отмечали чей-то день рождения на кафедре. В тот год много пели, с ностальгическим — явно не выказываемым — надрывом. Помню Олегов тенорок, «Три танкиста». В общем хоре особенно он нажимал на строки: «И летели наземь самураи, под напором стали и огня». Потом оказалось, что Всеволод Алексеевич Сурганов не может нормально двигаться — что-то случилось с ногами. И мы с Олегом довезли его до дому, а когда вышли из подъезда — время оказалось позднее. Кое-как успели на метро. Общежитие, кажется, уже закрылось. И от Бибирево (метро «Алтуфьевская» ещё не существовало) мы пешком топали минут сорок до моего дома. И вьюга, заносившая темный асфальт, и затишье в мире (так и чувствовалось, как люди «сидят по домам»), рождали чувства невеселые. На Олега, кажется, картина эта так не действовала. Он выбрал свое дело: история литературы. А прочее было лишь тем, что «наблюдают».

Сотрудничал тогда он в глянце, чтобы заработать. Время было довольно шаткое. Но что-то он, действительно, заработал: покинул общежитие и поселился в съемной квартире. Время от времени возникало: нужно обсудить кое-какую идею. Я заявлялся к нему с дискетой или флешкой, сбрасывал материалы, он мне закачивал то, что насобирал сам. Потом — маленькое застолье. Его матушка — очень приветливая — кормила двух литераторов. Олег доставал бутылку красного, в котором, кажется, кое-что понимал.

Появлялись и третьи собеседники. То изящная издательница из Новосибирска, выпускавшая чудесные научно-популярные книги, вдруг проявила интерес к Бицилли. То Евгений Кольчужкин и «Водолей» в его же лице объяснял, почему так важно было собрать книгу Эллиса: «Пусть он слабый поэт. Но если в нем есть хоть капля настоящей поэзии, даже просто — тоска по ней, его обязательно нужно издать».

Коростелеву тоже были интересны все: и большие писатели, и малые, интересно и само их переплетение. Именно переплетение — прежде всего. И даже не только в далеком прошлом.

Помню его устный рассказ «в защиту Стругацких». Как одно их малодоступное в советское время произведение его знакомый взялся надиктовывать на магнитофон (размножить иначе — не успевал). Возникала картина: его приятель, включив магнитофон, читает вслух. Он заика. К тому же не может удержаться, смеётся. И на дальнем фоне в этой записи — слышен визг маленького ребёнка, его сына, которого купают в ванне. Позже, в одной из коростелевских публикаций, я увидел этот эпизод. Читался он интересней многих современных рассказов, хотя находился внутри какой-то статьи. Олег любил такие «мгновенные снимки» эпохи, со всеми их нелепостями, странностями, неожиданными поворотами. Любил вообще исторические подробности. Помню, как он высчитывал: сколько мог получать в русском Париже 1930-х сотрудник известной газеты. И сколько франков стоило ему сходить один раз в кафе. И сколько — съездить летом на юг Франции. В сущности, работа не историка литературы (узкая специальность), но историка.

Когда снимать квартиру стало делом невозможным, он перебрался в Ногинск. Разговоры случались уже реже, уже в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье». Стало меньше планов-импровизаций. Больше работ по проектам: то оцифровка «Современных записок», то оцифровка литературных журналов русского Парижа, то провалившийся проект «Русское зарубежье о русском формализме», то поддержанный «Русские в Италии». А он занимался и Ладинским, и Кленовским, и «закулисьем» «Современных записок», и Буниным, — всё архивные наработки.

В последние годы, когда он стал заместителем директора в ИМЛИ, мы виделись редко, только по «общим делам». О самочувствии он никогда ничего не говорил. Но вдруг стал избегать застолий. Вдруг выяснилось, что совсем «не пьет». В одном из «бэфээрзешных» чаепитий (Олег, Маша Васильева, я), — речь, кажется, шла о возможном гранте, — у него в пылу разговора вылетело, что он «должен успеть»... В сущности, последние его годы — и «Литнаследство», и «Литературный факт», и «полный Адамович» (и сколько ещё дел, которые ускользают от внимания?) — были продиктованы этим «успеть».

Непоправимое всегда приходит внезапно. И сколько осталось завершенного, но неопубликованного? — И роспись «Звена». И подготовленные переписки. И недовышедший «полный Адамович».

Помнится одна его реплика, ещё из девяностых:

> — Ты думаешь, что ими занимается много людей? — он имел в виду не только эмигрантских критиков, но и Георгия Иванова, и газетную эссеистику Павла Муратова, и даже эмигрантского Мережковского. — Таких единицы: я, ты, ещё два-три человека…

Заниматься — значило не «толковать» уже известное, а «раскапывать» и «добывать» неведомое. Сейчас он вряд ли мог бы повторить то же самое. И сделано до невероятного много. И что-то стоит на очереди. И все равно, человека, взвалившего на себя столько, как он, найти уже вряд ли возможно.

А.А. Холиков

«Сугубо личное развлечение и чистый альтруизм из любви к науке»: О.А. Коростелев и «наш Мережковский»

Слова Олега Анатольевича, вынесенные в заголовок, — самое точное определение того, что плотно связывало нас последние годы. Благодаря его альтруизму наше заочное знакомство, ограничивавшееся до этого телефонным общением и перепиской по разным делам, постепенно переросло в «развлечение», которым Коростелев иронично называл подготовку нового двадцатитомного собрания сочинений Д.С. Мережковского. О том, как затевалась эта работа, — дальнейшие строки. В их основе — лишь малая часть оборвавшейся переписки (остальное — предмет отдельного мемуарного очерка). Выбранные из нее места послужат *реальным комментарием*, которому, по законам этого почтенного жанра (и Олег Анатольевич владел им виртуозно), надлежит быть конкретным, компактным, безэмоциональным. Последнее — исключено. Слишком свежа утрата…

6 декабря 2014-го, по следам разговора с издателем Дмитрием Сечиным, Олег Анатольевич «в задумчивости» предложил мне подготовить том предреволюционных статей Мережковского, не включавшихся в авторские книги. С расчетом — на продолжение (а отчасти — возобновление) собрания сочинений писателя. Черновик проспекта у него уже был набросан (впоследствии мы его существенно развернули). И хотя к предыдущему изданию (в «Республике») он тоже имел некоторое отношение, было понятно, что новое собрание должно отличаться от «научпопа». Подошло время не «перетискивать» известные тексты Мережковского из-под одной обложки в другую (тиражируя типографские ошибки, опечатки и сохраняя цензорские изъятия царских времен), а проводить полную сверку хотя бы с первопубликациями (а в идеале — с доступными рукописями и авторизованными машинописями), восстанавливать купюры, готовить новые примечания и расширять старые. В условиях «катастрофического недостатка времени», отсутствия ресурсов («издательство частное, по сути хобби, все делает один человек после основной работы, причем работа эта совсем по другому профилю»), в том числе финансовых («Даже если найдется человек, который согласится выступить в роли руководителя заявки в РГНФ и собрать команду, суммы там таковы, что на собрание никак не хватит»). Обменяв-

шись друг с другом реалистическими опасениями, стали прикидывать, чем мы располагаем, договорились на первых порах собирать рассыпанные по периодике (при отсутствии полной библиографии Мережковского) статьи и решать проблему с добыванием текстов. Поручил мне «произвести разведку боем», бескорыстно заверив: «…расходы на копирование отдельных статей могу возместить сразу (просто перевести с банковской карты или как угодно еще)» — и подтолкнул задуматься над тем, «к кому бы можно было в данном случае обратиться с сакраментальным вопросом: “Третьим будешь?”». Со-участники находились с трудом («узок круг» мережковсковедов). И Олег Анатольевич разом включился в хлопоты по другим, более-менее собранным томам.

В июне 2015-го, за счет у себя же украденного летнего времени, сидел, «пытаясь добить примечания к “Тайнам” («Тайна Трех: Египет и Вавилон». — *А.Х.*), мучительно дополняя присланное <…> и уже начиная тихо ненавидеть Мережковского за его манеру цитирования и комментирования собственных текстов». «Там, — сообщал, — немало цитат, которые он брал бог знает откуда, и найти первоисточник крайне затруднительно (передирал отовсюду, часто путая, контаминируя, давая неверные ссылки, мог привести цитату по старому переводу, который с современным не имеет ничего общего и сейчас совсем не в ходу, либо сам перевести из разных заковыристых изданий и не сослаться, или сослаться так, что не найдешь). Египтолог и вообще лишний глаз здесь бы очень не помешал». Откровенно говорил, что «откомментировать это на 100 процентов в принципе невозможно, но хотелось бы все же сделать по максимуму и побыстрее, так что, если бы нашелся человек, умеющий обращаться с разными вариантами “Текстов пирамид”, изданиями Масперо, Лепсиуса и пр., дело бы существенно ускорилось». Комментарий ко второму трактату, составившему 14-й том Собрания, «Тайна Запада: Атлантида — Европа» «добил» (по его же словам) к началу осени и признался: «…это был, кажется, самый сложный комментарий в моей жизни. Вообще не понравилось мне комментировать трактаты, особенно позднего Мережковского, то ли дело статьи — все ясно и привычно».

Над статьями сидели одновременно, успев разыскать, сверить (внеся более сотни исправлений!), прокомментировать самые ранние и не включенные в «Вечные спутники» (вышли в 9-м томе), а также — разрозненную публицистику 1917–1918 годов (планируется в 12-й, но уже опубликована в качестве препринта). Олег Анатольевич писал, что «подумывает о создании в сети сайта рабочей группы по подготовке собрания сочинений Мережковского, такого же, как есть у группы по подготовке собрания Вяч. Иванова и др.».

Собрание, к слову, никогда не рассматривалось нами как академическое и даже «полуакадемическое» (состав томов был задуман в том формате, который представлялся «оптимальным» на сегодняшний день, главное — издать максимально полно выверенные тексты произведений с приемлемым научно-справочным аппаратом). Редколлегия (в которую Олег Анатольевич уговорил войти Е.А. Андрущенко, К.А. Кумпан, А.В. Лаврова, В.В. Полонского) постановила, что это будет «малое научное собрание сочинений». И когда теперь, после появления первых трех книг, некоторые судят о них с высоты академических «ПСС», остается недоумевать. Одно очевидно: Собрание (если ему суждено-таки завершиться) будет хоть и не совершенным, но самым корректным (в текстологическом отношении) по сравнению с предыдущими.

От аннотированного указателя Олег Анатольевич отказался сознательно: «Это штука громоздкая, геморройная и совершенно бессмысленная в данном случае — в половине аннотаций будут издевательские для квалифицированного читателя записи типа “Гиппиус З.Н. — русский поэт”, а треть позиций останется без аннотаций, потому что о многих персоналиях ничего не известно. Для этого тома совершенно достаточно будет типового слепого указателя, которым можно будет прекрасно пользоваться без всяких аннотаций (время которых, на мой взгляд, давно прошло — была когда-то мода, которой все мы отдали дань, но уже к 2010-м годам они стали восприниматься как ненужное “архитектурное излишество”)».

Другим ненужным «излишеством» считал то, что вслед за У.Р. Фохтом в пору назвать «интер*трен*ацией». Бытует мнение (небезосновательное), что ученому-филологу надлежит быть также «писателем» (С.Г. Бочаров), «смысловиком» (В.Е. Хализев). И Олег Анатольевич вряд ли бы это оспорил. Но в его литературоведении главенствовал «позитивистский» подход: факты теснили интуицию, а научное творчество укладывалось в рамки полезного ремесла. При этом погруженность в решение подсобных проблем (библиографической эвристики, эдиционной практики и т.д.) не исключала «величия замысла».

За каждым формальным (на первый взгляд) решением — выношенная мысль. От утверждения суперобложки («…для тома “О причинах упадка” хорошо бы придумать какой-то сюжет. Художник воткнул туда две иллюстрации, но сам признается, что это он с горя, и впрямь они могли бы быть уместнее. Давайте подумаем…») до выбора названий томов. В них тоже должен прослеживаться «отчетливый публицистический сюжет, по которому этапы Мережковского обычно и воспринимаются: “Грядущий хам” как предвидение, “Больная Россия” как констатация, “Царство Антихриста” как свершившийся факт». «Своеобразная эволюция, — добавлял, — хорошо ощутима, а что в Мережковском-публицисте 1900-х годов видели прежде

всего автора “Грядущего хама”, так оно, может, и не зря. Название “В тихом омуте” характеризует этот его период гораздо меньше. То же и с названием “Было и будет” — для предреволюционных и революционных лет оно не самое показательное».

От Мережковского — рукой подать до Философова. В октябре 2017-го соблазняемся на примере его статей подготовить материал для тематического номера одного уважаемого заграничного журнала о культурной политике газеты «Речь». Со временем, как всегда, «страшная запарка», но отказываться от предложения очень не хочется. Пробуем набросать что-то хотя бы вчерне («в любом случае не пропадет, а может, и успеем»). «В общем-то, — по-соавторски будит мысль Олег Анатольевич, — *сюжет* тут вырисовывается». И поясняет: «…“Речь”, на мой взгляд, была одним из наиболее культурных печатных органов из политических газет того времени, и Философов со стоящими у него за спиной Мережковскими тут как раз к месту. А поскольку мы возьмем только один короткий период существования газеты, последние два года, это позволит нам не замахиваться на полноту, а постараться уложиться в разумный объем, подходящий для сборника. Может быть, даже вообще ограничиться только статьей с вкраплениями цитат, если окажется, что публикация полных текстов превысит лимит. Предыстория участия Философова в “Речи” тоже интересна, у меня есть библиография его публикаций в газете с самого начала в 1908 г. и до конца, и большинство текстов скопировано, так что можно поговорить и об эволюции (как самого Философова, так и Мережковских, и “Речи”). Один из наиболее важных для Мережковских аспектов темы — религиозный, “Речь” ведь активнейшим образом освещала деятельность Религиозно-философского общества Мережковских, в котором Философов одно время был председателем. У меня как раз давно складывалось ощущение, что превращение Философова из эстета в активисты началось не в эмиграции, а задолго до нее, именно в период работы в “Речи” (в первые годы о литературе и культуре он писал чаще, а с 1914–1917 все больше на общественно-политические темы)». «В общем, — резюмирует, — на статью мыслей, тем и сюжетов набирается. Вот только я во вторник уезжаю в Париж до конца октября, и будет ли у меня там время, чтобы плотно заниматься Философовым, бог весть». В конце концов справились…

Щедрость, с которой Олег Анатольевич делился своими заготовками (отложенными до поры за неимением свободного времени), распространялась на многих. Вот редактируем мы сборник статей по следам «мережковской» конференции, и у него на ходу зарождаются идеи. Кому-то — срочно передаются карточки библиотеки Конгресса США («Если быстро наберет, можно будет дать в сборнике еще одну небольшую библиографию, типа: “Книжные издания Д.С. Мережковского: Материалы для библиографии по

собранию Библиотеки Конгресса”. Но можно и дополнить, добавив издания последних лет по сводному каталогу РГБ и т.д., тогда подзаголовок можно без упоминания о БК. Не думаю, что тут можно добиться полноты, но все основные издания мы учтем (а книги на малайском и японском все равно экзотика)»); другим — тут же подкидывается мысль: «Слушайте, а может, нам в сборнике во втором разделе рядом с библиографиями и пр. тиснуть <…> повесть “Самозванец” со вступиловкой текстологического характера? Сборник получится солиднее и по объему, и по содержанию. <…> ну и потом в собрание пойдет…». Сама эта мысль пришла к Олегу Анатольевичу стихийно: «Я сейчас комментирую переписку Амфитеатрова с Буниным, который страшно ругается, что Мережковский перепер “Князя Серебряного” совокупно с Мордовцевым и Всеволодом Соловьевым, наткнулся на этот текст, начал разбираться, и интересно стало». Экспромт увенчался публикацией.

Для рядовой, казалось бы, презентации того самого сборника тоже находится «сюжет»: «…хотелось бы <…> что-нибудь вроде круглого стола или собеседования в духе “Зеленой лампы”, к примеру, на тему “Философия и литература Серебряного века: тексты и жанры”. Вступительное слово для затравки я готов произнести, а собравшимся заранее предложим подумать и порассуждать над непростой проблемой жанров в Серебряном веке: Шестов, Розанов, Белый и т.д., а Мережковский как раз и был в этом деле одним из заводил. А поводом будет сборник…».

Не успели отдышаться, точнее — отчитаться по трехлетнему гранту «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д.С. Мережковского (1865–1941 гг.)”», неутомимый Олег Анатольевич подстегивает: «Пора думать о новых грантах». И даже в больнице, куда его «угораздило попасть», наперекор временной недееспособности («даже вай-фая нет») продолжал обдумывать будущие проекты. А после, добравшись до компьютера и почты, молниеносно включался в присланные ему наброски: «Я посмотрел заявку, по-моему, очень хорошо придумано, пусть будет “дискурс революции”, причем не конкретно 1917 года, а революции вообще, так что можно будет говорить и о революционных идеях в отношении к религии, и обо всем прочем. Т.е. хоть прежде всего речь о русских революциях начала века, но не только». И далее — подробные комментарии, коррективы, вопросы по каждому пункту. «А вообще, — подытоживал он, — все здорово». Увы… Много, много дел осталось. Вспоминать о них — мало. Надо бы продолжать. Мое последнее письмо к Олегу Анатольевичу — с благодарностью за присланную из архива Иллинойского университета копию «Тайны Тютчева» – кончается обещанием: «Буду трудиться...». Время — выполнять…

Париж, август 2017. Фото Светланы Урбан

Презентация журнала «Литературный факт». ИМЛИ, 2017.
Фото А. Протопоповой

Манфред Шруба

Памяти Олега Коростелева

Любой западноевропейский славист, которому пришлось в последние лет двадцать заниматься культурой русского зарубежья, не только непременно сталкивался с многочисленными печатными работами и архивными публикациями Олега Коростелева в этой области, но раньше или позже неизбежно знакомился с ним лично, нередко затевая, проводя и осуществляя совместные проекты по эмигрантике, а бывало, и становясь его другом. Так это произошло и со мной.

В конце уже прошлого века хранитель богатейшего Русского архива в Лидсе Ричард Дэвис разбирал огромный фонд парижской общественной организации межвоенных лет Земгор, и среди его материалов нашлась часть редакционной переписки знаменитого парижского журнала «Современные записки»: девять больших скоросшивателей, содержащих несколько тысяч писем и других документов. Это была переписка Вадима Руднева, одного из редакторов, с авторами журнала, с соредакторами, а также с читателями, общественными деятелями, друзьями и знакомыми. Среди этих документов — совершенно поразительные по своей ценности материалы: письма крупнейших русских писателей — Бунина, Ходасевича, Зинаиды Гиппиус, Ремизова, Шмелева, Осоргина, Набокова, Газданова…

Составлением описи рукописного фонда «Современных записок» занялся, вместе с Ричардом Дэвисом, молодой швейцарский аспирант-буниновед Даниэль Риникер. Он вместе со своим соотечественником Ульрихом Шмидом, занимавшим кафедру славистики в Бохумском университете, где я тогда числился приват-доцентом, затеял международный проект по исследованию и публикации основной части обнаруженных в Лидсе материалов. В заявке на грант я предусматривался как главный исполнитель проекта. Немецкий Фонд фундаментальных исследований (ДФГ) обеспечил финансирование работ на два года, включая гонорары для восточноевропейских участников, средства на командировки, научную конференцию, публикацию ее материалов и основных результатов проекта.

В числе «восточноевропейских участников» оказался вполне естественным образом и Олег Коростелев как крупнейший специалист по русской эмиграции. Я познакомился с ним лично именно весной 2007 года в начальной фазе проекта, когда он приехал впервые в Бохум на рабочую встречу по разработке концепции и по обсуждению вопросов оформления публикуемых материалов и прочих подробностей.

Основной задачей группы бохумских сотрудников была расшифровка и транскрипция подлежащих публикации писем. Собранные по всему миру участники проекта, более двадцати человек, взяли на себя труд комментированной публикации эпистолярных комплексов — кто Зинаиду Гиппиус с Мережковским (Н. Богомолов), кто Ходасевича с Берберовой (Дж. Мальмстад), кто Маклакова с Бурцевым и Сватиковым (О. Будницкий) и так далее. Тексты писем предоставлялись сотрудникам в расшифрованном виде.

Роль Олега Коростелева в рамках проекта заключалась не столько в комментаторской работе (за ним числилась первоначально всего лишь публикация переписки Адамовича), сколько в, так сказать, концептуальной поддержке всего начинания, а также в координации работ, которые необходимо было провести в России. В задачи Олега входило, в частности, формирование электронной базы данных, оцифровка и размещение в интернете полного комплекта «Современных записок». С задачей он справился быстро и блестяще. Именно в ходе работ над проектом возник в 2009 году замечательный сайт emigrantika.ru — безо всякого преувеличения, один из лучших интернет-ресурсов не только по культуре русского зарубежья, но и вообще по русской словесности.

Олег стал появляться в Германии чаще. Он присутствовал и на объединившей многих участников проекта большой конференции, проведенной, как говорится, «по предварительным итогам» в сентябре 2008 года в Бохуме. Итоги были к этому времени еще очень предварительными. Объем материалов, которые мы собирались публиковать, разросся неимоверно. К «рудневской» части редакционного архива добавилась «вишняковская» часть, то есть переписка, которую вел с сотрудниками журнала другой редактор (одна часть архива Марка Вишняка отложилась в библиотеке Блумингтонского университета, другая часть в Институте Гувера в Стэнфорде).

Объем работ расширился также в связи с приобщением встречных переписок к имеющимся в редакционном архиве письмам, то есть за счет писем самих редакторов журнала к авторам, разысканных в архивных фондах, разбросанных по всему миру. Так, например, скромный десяток писем Альфреда Бема, отложившийся в архиве Руднева, в конечном итоге (вместе с письмами редакторов журнала к Бему, хранящимися в пражском Литературном архиве) превратился во внушительный корпус из 70 писем, которые и вошли в окончательную публикацию объемом в сто страниц большого формата.

Финансирование проекта немецким грантодателем закончилось весной 2009 года. Примерно в то же время из проекта выбыли оба швейцарских зачинателя. Ульрих Шмид получил профессуру в университете Санкт-Галлена и вернулся в родную Швейцарию; вслед за ним из Бохума уехал в Санкт-Галлен и Даниэль Риникер. Я же не стал подавать от собственного имени заявку в немецкий фонд о продолжении финансирования, потому что как раз к весне 2009 года получил временную профессуру в Кельнском университете.

Итак, я остался с недоделанным проектом один и без средств, за исключением денег, предназначенных для оплаты издательских расходов по публикации результатов проекта. Наступило как раз время составления и подготовки к печати сборника статей-материалов бохумской конференции 2008 года. В данной ситуации я обратился к Олегу с вопросом, не хочет ли он принять на себя дополнительный труд и стать соредактором сборника статей, равно как соредактором издания архивных материалов в целом; я предупредил его, что не в состоянии вознаградить его сверх давно уже заработанного им гонорара. Олег назвал меня змеем-искусителем и сразу же согласился, несмотря на то, что нас с ним ожидала многолетняя, никем не оплачиваемая работа. Он согласился, потому что это ему было попросту интересно.

Началось время нашей продолжительной совместной работы. Сначала мы выпустили в 2010 году «нулевой» том: сборник статей-материалов бохумской конференции («Вокруг редакционного архива “Современных записок”»), обогатив его составленными нами библиографическими сводами, занявшими чуть ли не половину сборника. С 2011 по 2014 годы мы подготовили к печати и выпустили в московском издательстве «Новое литературное обозрение», по одному в год, четыре толстых тома с эпистолярием редакторов и сотрудников журнала, в общей сложности 4.500 страниц большого формата. Так возник наш «пентатеух», как мы шутили без лишней скромности.

Мы редактировали совместно присылаемые сотрудниками проекта рукописи, а впоследствии параллельно вычитывали верстку каждого из томов; сводную корректуру готовил затем я и отправлял в издательство. Кроме редактирования, нам пришлось вместе с Олегом заняться также «сверхурочной работой»: несколько крупных корпусов писем, представляющих в рамках проекта значительный интерес, оставались без научной обработки. Письма были предварительно заказаны сотрудниками проекта, поэтому и прошли стадию расшифровки, но затем были по разным причинам ими «брошены». Пришлось осуществить эти публикации нам вместе с Олегом; так, мы обработали и снабдили совместными примечаниями внушительные эпистолярии, связанные с именами Ивана Бунина, Сергея Гессена и Владимира Зензинова; работой над вступительными статьями поделились: про Бунина написал он, про Зензинова я, а в случае Гессена первую половину статьи сочинил я, а вторую Олег.

Мое заместительство кафедры кельнской славистики прекратилось уже в 2010 году. Пришлось вновь влачить жалкое бездоходное существование бохумского приват-доцента. Я решил подать заявку на новый грант — разумеется, по эмиграции и, разумеется, при ближайшем участии Олега, с которым мне так великолепно работалось. Обсуждая вместе с ним возможные предметы для проекта, из предлагаемых Олегом тем я выбрал наиболее меня тогда интересующую идею составления словаря псевдонимов русского зарубежья.

Чудо грантовоздаяния произошло, впрочем, не без трудностей (экспертам, оценивающим заявки в немецкий Фонд фундаментальных исследований, нравятся, как правило, «концептуальные» проекты, «новые подходы», а не фактографические, типа справочников), и в конце 2012 года я получил сообщение о трехлетнем финансировании задуманного нами проекта, с наставлением, чтобы я не вздумал просить продления.

Мы подобрали международную команду участников нового проекта, готовых за скромную мзду просматривать периодику своих местных центров русской диаспоры и делиться с нами псевдонимными догадками и находками. Большинство участников проекта съехалось в сентябре 2014 года в Бохуме на международную конференцию, посвященную псевдонимам русской эмиграции. В сборник материалов конференции «Псевдонимы русского зарубежья», опубликованный в 2016 году под нашей с Олегом редакцией, вошел и ряд библиографических трудов, в частности, составленный нами совместно обширный «Список доступных в интернете периодических изданий русского зарубежья 1917–1945 гг.».

«Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» вышел в свет весной 2018 года в издательстве «Новое литературное обозрение». В предисловии я отмечал: «Идее создания справочника по псевдонимам русской эмиграции составитель словаря обязан Олегу Коростелеву. Мы разработали вместе концепцию словаря, определили методологические приемы атрибуции псевдонимов и детали оформления словарных записей». Разработкой концепции и методологии словаря пришлось заниматься, в основном, на расстоянии, обмениваясь мэйлами, хотя Олег не раз бывал в гостях у меня в Мюнстере или в Риме, а я у него в Москве. Вот начало его длиннейшего письма от 17 января 2013 года:

> Дорогой Манфред,
>
> число случаев, по которым мы находим устраивающее нас обоих оптимальное решение, все увеличивается, что радует.
>
> Неплохо было бы, если бы ты уже сейчас завел файл, в который заносил наши решения, чтобы потом не забыть и упомянуть их все в той части предисловия, где будут разъясняться правила отбора, подачи материала и пр.
>
> Название предлагаю дать «Словарь псевдонимов русского зарубежья» (эмиграция гораздо более узкое определение, зарубежье нам подойдет больше, поскольку позволит включать и русские меньшинства в лимитрофах, и людей, которые себя к эмигрантам не причисляли, хотя и жили за границей, и т.д.). Криптонимы, действительно, можно рассматривать как часть псевдонимов и на этом основании в заглавие не выносить. Насчет «первой волны» надо подумать, дать ли так или проставить крайние годы 1917–1940 («первая волна» звучит более расплывчато и позволяет включать псевдонимы, употребляемые

этими авторами и в войну, и позже, что нам очень подходит, но сам термин шибко уж не академический).

Псевдонимы непишущих людей, конечно, можно включить и в общий список, но они ведь будут отличаться от остальных — ни источника публикаций не указать, ни крайних дат употребления псевдонима. На данном этапе, полагаю, в любом случае надо собирать все псевдонимы (и участников проекта просить об этом), а если в результате нам начнет казаться, что какие-то группы необходимо выделить в отдельный раздел или исключить вовсе, позже над этим подумаем, а пока надо брать все, что найдем. (Включение церковных имен непишущих иереев в общий список меня интуитивно смущает по ряду причин: во-первых, они не сами выбирали себе новое имя, им оно давалось при пострижении и совсем с другой целью; во-вторых, если начать учитывать их всех, то надо искать не в периодике, а в монастырских записях, но ведь их будет огромное количество, несколько тысяч человек по меньшей мере, едва ли многим меньше, чем журналистов, а писали из монахов лишь единицы, так что в общей массе монахов, актеров, партайгеноссе и др. пишущая братия рискует раствориться; возможно даже придется придумывать новые формы заполнения карточек, чтобы унифицировать все эти разные типы). Но пока можно собирать всех. […]

Я ответил ему 21 января по пунктам столь же длинным мэйлом. Приведу и тут лишь начало письма:

Дорогой Олег,

спасибо за сегодняшний файл с дополнениями. Я еще не успел ответить на твое предыдущее письмо от 17.1. Действительно, надо завести «концептуальный» файл и собрать письма с соображениями воедино, чтобы потом было проще написать предисловие.

1. Название «Словарь псевдонимов русского зарубежья» мне нравится. Наверное, лучше (более научно) добавить крайние даты, чем «первой волны». В предисловии можно оговорить случаи, если эти временные рамки будут нарушаться.

2. Во включении псевдонимов для непищущих людей я не вижу никакой проблемы. Зачем ограничиваться писателями, зачем выделять художников и артистов в отдельные списки? Псевдоним есть псевдоним. Я вижу, конечно, что могут возникнуть проблемы с тем, как узнать, пользовались ли они своими псевдонимами и в эмиграции. Кое-что можно будет найти в хрониках — выступления в представлениях и бенефисах, участие в худож. выставках и т.д., и тогда можно это отметить и проставить дату. Для неписателей я бы предложил использовать в качестве записи перед «Ист.:» какие-то стандартные

формулы: «Сценический псевдоним»; «Художественный? псевдоним», «Политический? псевдоним» или что-то вроде, тогда сразу все ясно. Насчет церковных имен я не настаиваю, но я и не имел в виду всех монахов поголовно, а одних сановников, например, по словарю Нивье. Тогда, м.б., ограничимся одними пишущими? И добавим в список псевдонимов Шаховского и позицию «Иоанн» и т.д.? […]

Еще до завершения работы над словарем псевдонимов мы затеяли новый совместный проект по русской эмиграции. Раздобыть очередной грант от ДФГ, увы, так и не удалось. Впрочем, мы оба в промежутке профессионально «поправились»: я получил в 2017 году профессуру в Миланском университете, а Олег стал в 2015-м завотделом «Литературного наследства» при ИМЛИ. Это было, надо думать, идеальное место для применения его знаний, его трудолюбия и публикаторского темперамента. «Литературное наследство» же приобрело в лице Олега Коростелева идеального заведующего.

Именно в ИМЛИ, на конференции «К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» в ноябре прошлого года, мы встретились в последний раз, а в завершение конференции поужинали в шикарном ресторане «Никита» вблизи института. Еще за два дня до роковой операции, от которой Олег больше не проснулся, мы обменялись мэйлами.

Трудно привыкнуть к мысли, что Олега больше нет.

Москва, ноябрь 2019. Фото Микелы Вендитти

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ
Научный журнал

2020 № 1 (15)

Основан в 2016 г.
Выходит 4 номера в год

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 — 67296 от 30 сентября 2016 г.
Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 80039
ISSN 2541-8297

Адрес редакции: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
Телефон: +7 (495) 690-50-30
Сайт: www.litfact.ru

Дизайн обложки А.В. Белоусова
Компьютерная верстка Н.Э. Чайковская

Подписано в печать 30.03.2020

Формат 60×90 1/16
Усл.-печ. л. 32,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №